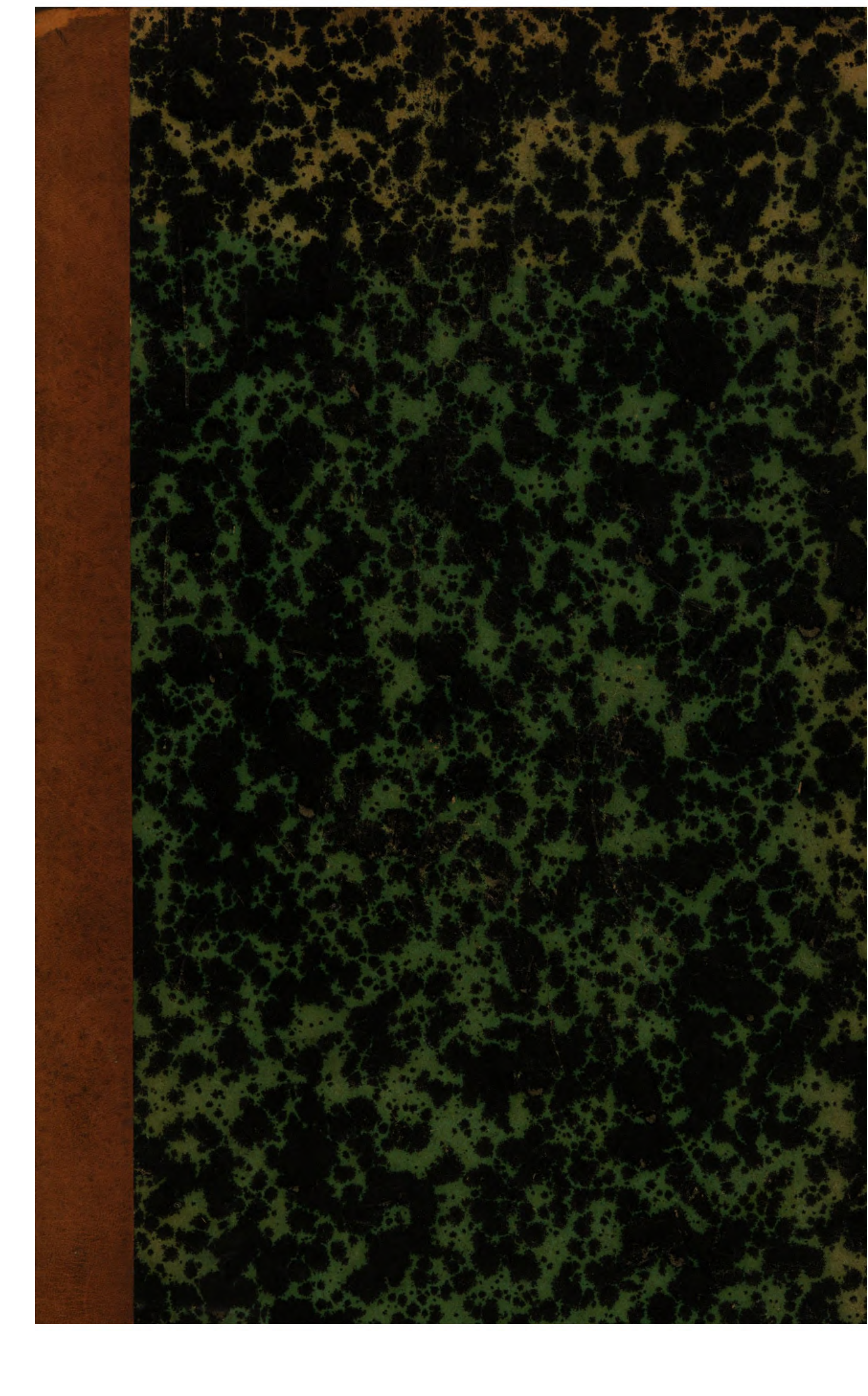

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

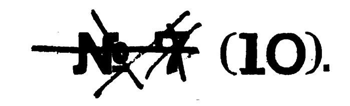

ОКТЯБРЬ. 1899.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 октября 1899 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Разсказъ.

(*Продолженіе*).

XXIV.

Наступила осень... Установился чуть не обычай бранить петербургскую осень, но Бургардтъ особенно любилъ именно это время, потому что только осенью Петербургъ дѣлался Петербургомъ, втягивая въ себя живую силу со всѣхъ сторонъ. Конечно, и дождь, и слякоть, и холодъ, но со всѣмъ этимъ можно было примириться во имя той кипучей, неизмѣримо-громадной работы, которая вершилась подъ этимъ сѣренькимъ слезливымъ небомъ, подъ шумъ непогоды и при рѣдко появлявшемся солнечномъ свѣтѣ, напоминавшемъ ту рѣдкую улыбку, которая освѣщаетъ серьезное лицо труженика. Да, хорошее, бодрое время, когда хочется работать и когда каждый чувствуетъ, что онъ не можетъ не работать. Это начало настоящей петербургской страды.

Бургардтъ время отъ времени нарочно ходилъ на вокзалы, чтобы посмотрѣть на оживившійся приливъ публики, точно къ Петербургу, какъ къ центру, приливала молодая кровь, напоенная молодой нетронутой силой, освѣженная лѣтнимъ отдыхомъ и полная такой красивой энергіи. Бургардтъ особенно любовался учащейся молодежью, тянувшей въ Петербургъ со всѣхъ концовъ необъятной Россіи. Какія все славныя молодыя лица, какая у всѣхъ хорошая тревога въ глазахъ, какая преждевременная серьезность въ выраженіи этихъ молодыхъ лицъ. Какъ ему хотѣлось подойти къ нимъ и чѣмъ нибудь выразить свое сочувствіе, но такія нѣжности не приняты, и онъ любовался издали, какъ посторонній наблюдатель. Да, это была молодая Россія, полная силы, надеждъ, энергіи и счастливыхъ радужныхъ сновъ юности.

Нынѣшняя петербургская осень походила на всѣ другія. Разъ Бургардтъ встрѣтилъ на вокзалѣ Саханова.

— Вы откуда нибудь пріѣхали?—спросилъ Сахановъ.

— Нѣтъ.

— Куда нибудь ѣдете?

— Нѣтъ. Такъ просто пришелъ...

Они сѣли къ столику, и Бургардтъ имѣлъ неосторожность разсказать Саханову, какое онъ испытываетъ настроеніе.

— Да, да...—согласился Сахановъ, прищуривая глаза.—Я позволю сдѣлать маленькій комментарій. Гмъ... да... На какой-то выставкѣ—не помню, гдѣ, но только не у насъ, конечно, а въ Европѣ—демонстрировали сложную машину, какъ послѣднее слово техники. Дѣло въ томъ, что въ нее впускали живую свинью, а чрезъ полчаса она выходила изъ машины въ формѣ колбасъ, сосисекъ, окороковъ. Конечно, это плодъ газетнаго воображенія, но я имъ воспользуюсь для даннаго случая, именно, мнѣ кажется, что Петербургъ самая сложная и мудреная машина, въ которую входитъ нетронутый, чистый, хорошій, провинціальный бѣдный молодой человѣкъ и въ короткое время выходитъ изъ нея совсѣмъ порядочной свиньей...

Цинизмъ Саханова всегда возмущалъ Бургардта, а сейчасъ возмутилъ въ особенности. Ему хотѣлось сказать, что по себѣ нельзя судить о всѣхъ другихъ, но онъ проговорилъ совсѣмъ другое:

— Мнѣ очень жаль, что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ...

Слѣдовало по просту обрѣзать Саханова, а онъ поступилъ, какъ истинный русскій мямля. Бургардту сдѣлалось какъ-то совѣстно за самого себя, за ту непростительную деликатность, къ какой такъ склоненъ русскій человѣкъ. Онъ невольно поставилъ на свое мѣсто новую миссъ Гудъ—вотъ она, навѣрно, лучше-бы съумѣла отвѣтить Саханову, чѣмъ онъ. Вообще, дрянь, какая-то сладкая тряпка и каша-размазня...

Приливъ молодой силы, конечно, чувствовался и въ академіи художествъ, куда въ это время Бургардтъ любилъ заходить, чтобы полюбоваться молоденькими академистами. Съ академіей, кромѣ выставокъ, у него не было отношеній. Бургардтъ держался совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ злобъ академическаго дня. Онъ дорожилъ больше всего собственной независимостью, и ему казалось, что его успѣхи создали ему много маленькихъ тайныхъ враговъ, сильныхъ именно въ массѣ. У него не было никакихъ личныхъ недоразумѣній, но это не мѣшало ему чувствовать какую-то отчужденность. Можетъ быть, это была самая обыкновенная мнительность, присущая всѣмъ людямъ свободныхъ профессій, и онъ это сознавалъ, сознавалъ и все-таки сторонился собратьевъ - профессіоналовъ. Вѣдь никакой вспѣхъ не прощается именно собратьями по профессіи,—это уъ природѣ вещей.

Это рабочее бодрое настроеніе охватило Бургардта осенью съ особенной силой. Да, онъ хотѣлъ работать и взялся за дѣло съ какой-то особенной жадностью, точно человѣкъ, дни котораго сочтены. Сомнѣнія, волновавшія его раньше, отступили на задній планъ. Да, нужно было работать усиленно, особенно теперь, когда дѣло шло не о немъ одномъ. Человѣкъ Андрей чувствовалъ охватившее барина настроеніе и принялъ строго-дѣловой видъ. Всѣ работы были открыты, кромѣ барельефа Марины Мнишекъ.

— Оставь...—строго сказалъ Бургардтъ, когда Андрей хотѣлъ снять съ барельефа драпировку.

Человѣкъ Андрей только пожалъ плечами. Онъ сильно разсчитывалъ на «Маринку», потому что ее одобрилъ самъ Красавинъ, а каждое слово Красавина все равно, что наличныя деньги.

Гаврюши еще не было. Онъ не считалъ нужнымъ увѣдомить, куда уѣхалъ, и человѣкъ Андрей не безъ ядовитости доложилъ барину:

— Нашъ Гаврило Гаврилычъ на господскомъ положеніи, поѣхали дышать свѣжимъ воздухомъ...

— А тебѣ обидно?

— Обиды никакой, а такъ вообще... Не наше дѣло. Вонъ и нашъ докторъ тоже сколько время глазъ не кажетъ... Тоже, надо полагать, на воздухѣ прохлаждается.

Бургардтъ какъ-то совсѣмъ позабылъ о миломъ старикѣ, и ему сдѣлалось даже совѣстно. И Анита тоже ничего не знала о старикашкѣ и съ дѣтскимъ эгоизмомъ не интересовалась его участью. Дѣвочка продолжала относиться къ отцу съ сдержаннымъ недовѣріемъ, и Бургардтъ постоянно чувствовалъ на себѣ ея пристальный, наблюдающій взглядъ. Ему иногда хотѣлось ее приласкать, но онъ не могъ этого сдѣлать. Между отцомъ и дочерью точно росла какая-то глухая стѣна. Бургардтъ часто думалъ про себя, что еслибы Анита была постарше лѣтъ на пять, онъ разсказалъ-бы ей все, а сейчасъ не могъ объяснить даже нелѣпости ея подозрѣній относительно Бачульской. Анита уже умѣла быть несправедливой какъ-то по женски, внѣ предѣловъ логики.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ осени начался и съѣздъ художниковъ. Особенно пріятное впечатлѣніе производили пейзажисты, возвращавшіеся съ лѣтнихъ экскурсій. Какую массу этюдовъ привозилъ каждый. Начинался настоящій сѣнокосъ. Оживали въ эту пору даже давно конченные старики, отъ которыхъ публика уже не ждала ничего новаго. Въ своей артистической средѣ у Бургардта какъ-то не было особенно близкихъ знакомыхъ, хотя онъ всѣхъ зналъ и со многими былъ «на ты». Его особенно радовали молодые художники, вносившіе въ искусство такую бодрую струю. Да, это были уже совсѣмъ новые

люди, освободившіеся отъ многихъ недостатковъ своихъ предшественниковъ по искусству. Народъ былъ все трезвый, разсчетливый, серьезный, работающій. У Бургардта являлось по отношенію къ нимъ что-то вродѣ отцовскаго чувства. Право, все такой милый народъ... Были и крупныя дарованія, обѣщавшія много, были середнячки, не гонявшіеся за большимъ, и были просто хорошіе работники. Все это было въ общемъ такъ мило, хорошо и какъ-то свѣтло.

Въ мастерскую Бургардта частенько приходили начинающіе академисты, смотрѣвшіе на него чуть не съ благоговѣніемъ, какъ на учителя. Они слѣдили за его работой, затаивъ дыханіе. Публика тоже заглядывала въ мастерскую и, конечно, одной изъ первыхъ явилась «благотворительная щука» съ дочерью, чтобы напомнить Бургардту данное имъ обѣщаніе принять участіе въ ея базарѣ. Между прочимъ, завернулъ Васяткинъ, одѣтый въ какой-то необыкновенный смокингъ необыкновеннаго табачнаго цвѣта.

— Какая новость... вы, конечно, знаете?—говорилъ онъ, задыхаясь отъ волненія:—Красавинъ...

— Нельзя-ли меня избавить отъ этого господина...—сухо перебилъ его Бургардтъ.

— Нѣтъ, позвольте... Егоръ Захарычъ, голубчикъ, вѣдь весь Петербургъ сейчасъ кричитъ о немъ. Да... Я былъ у него недѣли двѣ назадъ, и онъ такъ съострилъ... Да. «Она себя неприлично ведетъ»... Ха-ха!.. Помните эту нѣмую англичанку? Она того... да... И теперь опять царитъ Шура, потому что у нея нѣтъ наклонности къ продолженію красавинскаго рода.

Бургардтъ, блѣдный, какъ полотно, крикнулъ:

— Ради Бога, замолчите!..

Васяткинъ отступилъ отъ него и, пятясь къ двери, проговорилъ:

— Не могу, Егоръ Захарычъ... Убейте меня на мѣстѣ, а я не могу. Весь Петербургъ... у Кюба... да... Однимъ словомъ, Красавинъ сошелъ съ ума.

Взбѣшенный до послѣдней степени, Бургардтъ только что хотѣлъ выгнать Васяткина вонъ, но послѣднее извѣстіе его точно ошеломило. Онъ стоялъ посреди мастерской съ раскрытымъ ртомъ и не могъ произнести ни одного слова.

— Да, сошелъ съ ума...—продолжалъ Васяткинъ.—Я самъ видѣлъ... И на чемъ помѣшался—удивительно. Сначала онъ все скупалъ бревна и завалилъ ими всю дачу. Потомъ началъ собирать веревочки отъ покупокъ, рваную бумагу, коробки изъ подъ спичекъ... Ѣстъ только студень изъ бычачьихъ ногъ, который варитъ самъ, потому что боится отравы. Вообще, очень оригинальное помѣшательство... Я, конечно, сейчасъ же поѣхалъ къ нему. Около него какія-то темныя личности, т. е. кафтан-

ники... да. Меня не пускаютъ и т. д. А я всетаки видѣлъ его. По наружному виду рѣшительно ничего нельзя сказать... И говоритъ обо всемъ совсѣмъ здраво, пока дѣло не касается веревокъ. Спрашивалъ о васъ, т. е. почемъ вы покупаете глину. А знаете послѣднюю остроту Саханова... Я записываю его выраженія. Онъ сказалъ про миссъ Мортонъ, что она еще красавинскихъ башмаковъ не износила, какъ должна была за неприличное поведеніе уступить мѣсто Шурѣ. И еще Сахановъ сказалъ...

Бургардтъ схватилъ комъ свѣжей глины и запустилъ имъ въ Васяткина. Послѣдній едва успѣлъ уклониться, и комъ влѣпился въ стѣну.

— Уходите, несчастный!!.. — кричалъ въ бѣшенствѣ Бургардтъ, отыскивая глазами, чѣмъ бы еще бросить въ гостя.— Я... я васъ убью... Понимаете?!...

Бургардтъ сейчасъ же опомнился, какъ только Васяткинъ исчезъ въ дверяхъ. Господи, что же это такое? До чего онъ дошелъ... У него въ ушахъ еще стояла послѣдняя острота Саханова, и онъ стоналъ, какъ раненый звѣрь.

Раньше онъ какъ-то совсѣмъ не думалъ о Красавинѣ, который въ его глазахъ являлся какимъ-то собирательнымъ лицомъ. Зло было такъ велико, что не поддавалось измѣренію и обыкновенной логикѣ. А сейчасъ оно точно вспыхнуло, какъ пробившійся сквозь золу огонь.

— Вѣдь я долженъ былъ убить этого негодяя, — стоналъ Бургардтъ, хватаясь за голову.

А сейчасъ не оставалось мѣста даже для мести. Сумасшедшій человѣкъ внѣ закона.

XXV.

Что такое ненависть? Въ какихъ неизвѣданныхъ глубинахъ зарождается это чудовище? Какъ оно растетъ, питается и множится, пока не захватитъ всего человѣка? Въ самомъ дѣлѣ, не странно-ли, что для двухъ человѣкъ вдругъ дѣлается тѣсно на свѣтѣ, другіе люди перестаютъ для нихъ существовать, и всякая мысль, всякое чувство, всякое движеніе роковымъ образомъ привязываются къ врагу, котораго не обойдешь и не объѣдешь. Въ сущности, Бургардтъ даже не былъ вполнѣ увѣренъ въ виновности по отношеніи миссъ Мортонъ именно Красавина, вѣрнѣе сказать — старался не думать объ этомъ, потому что слишкомъ былъ поглощенъ налетѣвшимъ на него шкваломъ. Вѣдь это только въ романахъ пишутъ, что тонущій человѣкъ въ одно мгновеніе переживаетъ всю свою прошлую жизнь,—ничего этого нѣтъ и не можетъ быть, потому что всѣ

мысли и всѣ чувства сосредоточиваются на разстояніи нѣсколькихъ роковыхъ аршинъ и въ этихъ географическихъ предѣлахъ разыгрывается вся драма. Да, одно настоящее, одинъ моментъ — и человѣка не стало, вмѣстѣ съ его животнымъ страхомъ за свое драгоцѣнное существованіе. Муха, попавшая въ молоко, раздавленный червякъ, вытащенная изъ воды рыба—развѣ это не трагедія? Когда человѣкъ ненавидитъ другого человѣка—развѣ это не трагедія? Именно ненависть съуживаетъ душевный горизонтъ до послѣдней степени, и человѣкъ гибнетъ подъ напоромъ своего собственнаго душевнаго настроенія. А тутъ, у Бургардта вся ненависть поднялась заднимъ числомъ, когда объектъ этой ненависти очутился въ состояніи невмѣняемости.

— Зачѣмъ я его не убилъ? — повторялъ Бургардтъ въ отчаяніи, вспоминая Красавина, какимъ онъ былъ здоровымъ.

Трагедія и комедія, какъ извѣстно, родныя сестры. На другой день послѣ инцидента съ Васяткинымъ къ Бургардту явился Сахановъ. Онъ имѣлъ какой-то необычный для него дѣловой видъ и озабоченно вертѣлъ въ рукахъ мягкій портфель. Взглянувъ на черный, наглухо застегнутый сюртукъ, Бургардтъ невольно проговорилъ:

— Ужъ вы, Павелъ Васильичъ, не поступили ли куда нибудь на службу?

— Я? Нѣтъ... А къ вамъ, я, Егоръ Захаровичъ, по очень серьезному дѣлу, именно, по порученію моего друга Алексѣя Иваныча Васяткина.

— Вызовъ на дуэль?—предупредилъ его Бургардтъ и засмѣялся.—Ужасно жалко, что вчера не проломилъ табуреткой пустую голову этого негодяя...

— Вы забываете, Егоръ Захаровичъ, что я къ вамъ явился съ требованіемъ удовлетворенія и что въ моемъ присутствіи вамъ придется воздержаться отъ рѣзкихъ выраженій.

Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ. Бургардтъ прошелся изъ угла въ уголъ, взъерошилъ волосы и съ кривой улыбкой отвѣтилъ:

— Дѣло принимаетъ настолько серьезный оборотъ, что мнѣ придется прибѣгнуть тоже къ посредничеству какого-нибудь друга... Лично мнѣ трудно говорить о г. Васяткинѣ спокойно, и я даже лишенъ всякой возможности объяснить истинную причину своего вчерашняго поступка, потому что не имѣю нравственнаго права называть третьихъ лицъ.

— Я съ своей стороны не вижу ни малѣйшаго основанія скрывать имена третьихъ лицъ,—проговорилъ Сахановъ сухимъ дѣловымъ тономъ.—Впрочемъ, если хотите, я могу и не называть имени миссъ Мортонъ...

Бургардтъ побѣлѣлъ отъ бѣшенства и, подступивъ къ Саханову, задыхающимся голосомъ отвѣтилъ:

— Если вы еще разъ позволите назвать имя этой дѣвушки, я не ручаюсь, что не выброшу васъ въ окно..

— Это очень любезно съ вашей стороны, т. е. предупредить меня относительно нѣкоторыхъ, не совсѣмъ пріятныхъ для меня послѣдствій, но...

— Я васъ попрошу замолчать...

— И убираться вонъ?

— И убираться вонъ... Я пришлю къ вамъ своего секунданта.

— Не забудьте: нужны двое. Я пріѣхалъ только для предварительныхъ переговоровъ.

— Хорошо, хорошо... Я васъ не задерживаю.

Сахановъ сдѣлалъ дѣловой поклонъ и вышелъ изъ кабинета съ достоинствомъ человѣка, исполнившаго нѣкоторый священный долгъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ гостиной, онъ остановился и только пожалъ плечами, — изъ кабинета слышался хохотъ Бургардта.

— Для начала недурно, какъ сказалъ турокъ, посаженный на колъ,—подумалъ онъ, шагая въ переднюю. — Это какой-то сумасшедшій.

А Бургардтъ ходилъ по кабинету и хохоталъ.

— Ахъ, негодяй!.. — повторилъ онъ. — Дуэль съ Васяткинымъ... Какъ это мило!.. Ха-ха...

Потомъ у него явилась счастливая мысль проломить голову господину Саханову, съ чѣмъ онъ и выскочилъ въ переднюю, но на его счастье Сахановъ уже ушелъ.

— Они ушли...—объяснилъ человѣкъ Андрей.

— Ну, и чортъ съ нимъ!..

На первомъ планѣ сейчасъ стоялъ вопросъ о секундантахъ. Бургардтъ долго перебиралъ имена своихъ знакомыхъ и остановился на Бахтеревѣ. Онъ теперь подумалъ о модели своего Гамлета даже съ нѣкоторой нѣжностью. Конечно, Бахтеревъ былъ человѣкъ недалекій и, какъ артистъ, даже совсѣмъ «никакой», но на него было можно положиться вполнѣ. Именно такіе простые и недалекіе люди удобнѣе всего при такихъ нелѣпыхъ обстоятельствахъ. А кто же другой? Бургардтъ перебралъ еще разъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и никого не нашелъ. Нѣтъ другого подходящаго человѣка—и конецъ. Можно было бы попросить старика Локотникова, но онъ уже охваченъ старческой трусливостью. Если бы былъ въ Петербургѣ Шипидинъ—нѣтъ, онъ принципіальный человѣкъ и въ секунданты не пойдетъ. Бургардтъ даже вскрикнулъ отъ радости, когда вспомнилъ про милѣйшаго доктора Гаузера. Да, для полнаго комплекта комедіи не доставало только его. Въ юности по обычаю нѣмецкихъ буршей онъ, конечно, бывалъ и секундантомъ, и самъ дрался на студенческихъ дуэляхъ.

— Милый старикашка...—вслухъ думалъ Бургардтъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Бургардтъ сейчасъ же отправился къ Пяти Угламъ. Осенній день былъ и дождливый, и вѣтренный. По тротуарамъ сновали съежившіеся пѣшеходы, извозчики закрылись непромокаемыми накидками, дома казались какъ-то особенно непривѣтливыми и смотрѣли на улицу точно заплаканными окнами. Погода, вообще, располагала къ мрачнымъ мыслямъ, и у Бургардта явилась мысль, ужъ не умеръ ли милый докторъ у своихъ Пяти-Угловъ, умеръ безвѣстно, какъ умираютъ старые холостяки. Эта мысль перешла почти въ увѣренность, когда Бургардтъ подъѣзжалъ къ квартирѣ доктора. Конечно, умеръ, а то иначе онъ далъ бы о себѣ знать. Бургардтъ торопливо вбѣжалъ на третій этажъ, и ему отворилъ самъ докторъ. Онъ посмотрѣлъ на гостя черезъ очки, нерѣшительно протянулъ руку и довольно сухо проговорилъ:

— Очень радъ... Да, радъ...

— Докторъ, вы были больны?

— Я? Нисколько...

— Вы куда-нибудь уѣзжали?

— Опять нисколько...

— Значитъ, вы забыли о нашемъ существованіи?

Докторъ вмѣсто отвѣта только пожевалъ губами. Бургардтъ понялъ, что старичокъ чѣмъ-то обиженъ.

— Да, давненько я васъ лишенъ былъ видѣть,—говорилъ докторъ, стараясь быть любезнымъ.—И все собирался... каждый день...

— Вотъ этого и не слѣдовало дѣлать, т. е. собираться, а просто выйти на улицу и взять извозчика, который васъ и довезъ бы на Васильевскій островъ.

— У васъ кто-нибудь боленъ?—сухо спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, слава Богу, всѣ здоровы... Право, я пріѣхалъ къ вамъ, не какъ къ доктору, а какъ къ хорошему старому другу, въ совѣтѣ котораго сейчасъ очень нуждаюсь.

Поднятыя брови доктора Гаузера выразили полную готовность оказать дружескую услугу. Но Бургардтъ постѣснился высказать прямую цѣль своего визита и началъ издалека, причемъ путался, подбиралъ слова и держалъ себя, какъ виноватый человѣкъ. Гаузеръ слушалъ его съ истиннымъ нѣмецкимъ терпѣніемъ и только спросилъ:

— Васяткинъ... это такой сѣрый?

— Да, совершенно сѣрый...

— Вы учились фехтовать?

— Не много...

— А... Русскіе не умѣютъ фехтовать вообще, хотя и не трусы.

Старикъ принесъ изъ передней двѣ палки и показалъ Бур-

гардту, какъ нужно фехтовать, но изъ этого ничего не вышло.

— У васъ нѣтъ способностей къ фехтованію, — учительскимъ тономъ рѣшилъ Гаузеръ.—Вы торопитесь, а тутъ самое главное—выдержка характера. А стрѣляете хорошо?

— Такъ себѣ...

У доктора на лбу всплыли морщины. Потомъ онъ посмотрѣлъ на Бургардта поверхъ очковъ и проговорилъ:

— Тогда г. Васяткинъ застрѣлитъ васъ, какъ куропатку...

— Очень можетъ быть, докторъ, но я не могу отказаться отъ дуэли...

— Совершенно не можете... Дуэль сама по себѣ, конечно, нелѣпость, но бываютъ случаи, когда ничего другого не остается... Я въ молодости тоже дрался... да... Одному молодому барону я отрубилъ полъ уха, и онъ гордился этимъ всю жизнь.

Воспоминанія молодости настолько взволновали стараго доктора, что онъ еще сбѣгалъ въ переднюю за палкою и показалъ наглядно, какъ отрубилъ ухо молодому нѣмецкому барону. Потомъ онъ прочелъ цѣлую лекцію о разныхъ типахъ ранъ и сопровождающихъ ихъ послѣдствіяхъ. Въ заключеніе старикъ поднялъ брови и строго спросилъ:

— А кто ваши секунданты?

— Пока еще никого нѣтъ...

— О, это весьма важный вопросъ. Нужны люди опытные и хладнокровные... Если вы ничего не будете имѣть, я согласенъ буду быть вашимъ секундантомъ, потому что весьма понимаю это дѣло.

— Я буду очень радъ, если только это не стѣснитъ васъ, докторъ...

— А кто другой секундантъ?

— Я думаю пригласить Бахтерева. Вы его встрѣчали у меня.

— Да, да, помню... Такая внушительная наружность. Да, хорошо...

Старикъ сразу размякъ и даже улыбнулся. О, онъ отлично понимаетъ, что такое дуэль, и съ удовольствіемъ отрубилъ бы нѣмецкому барону и другое ухо. Воспользовавшись хорошимъ настроеніемъ старика, Бургардтъ откровенно его спросилъ, почему онъ такъ долго не былъ у нихъ и чѣмъ обиженъ.

— Я? Обиженъ?—повторилъ докторъ вопросъ.—Нѣтъ, меня никто не обидѣлъ, но мнѣ было больно...

Сразу онъ всетаки не сказалъ, въ чемъ дѣло, и только потомъ объяснилъ, что «больно» получилось отъ Аниты, которая передала его стихи Саханову.

— Я не сержусь на нее, потому что она еще ребенокъ,— объяснялъ онъ торопливо,—и всетаки больно...

Бургардтъ не оправдывалъ Аниту, а только старался успокоить огорченнаго старика.

— О, я все понимаю,—соглашался Гаузеръ. — И всетаки больно...

— Не обращайте вниманія на глупую дѣвчонку—и только,—совѣтовалъ Бургардтъ.—Развѣ она что нибудь понимаетъ?

— Извините, г. художникъ, все понимаетъ, и даже весьма...

Только дорогой отъ Гаузера Бургардтъ понялъ, въ чемъ дѣло, именно, что старикъ былъ влюбленъ въ миссъ Гудъ, и Анита съ дѣтскимъ безсердечіемъ задѣла его больное мѣсто.

Предполагаемый второй секундантъ Бахтеревъ жилъ на Гороховой. Когда Бургардтъ объяснилъ цѣль своего пріѣзда, Бахтеревъ обнялъ его и разцѣловалъ.

— Вы—благородный человѣкъ,—повторилъ онъ нѣсколько разъ трагическимъ тономъ, принимая театральную позу.

— Ну, кажется, благородства тутъ не много, а одна вопіющая глупость... Принципіально я, конечно, противъ дуэли и меньше всего желаю проливать кровь г. Васяткина.

XXVI.

Когда Бургардтъ пріѣхалъ въ Озерки, гдѣ Бачульская оставалась до начала зимняго сезона—тамъ уже все было извѣстно. Миссъ Мортонъ пожала ему руку особенно горячо, а Бачульская, видимо, волновалась.

— Ахъ, все это глупости,—говорилъ Бургардтъ.—Я убѣжденъ, что Васяткинъ въ рѣшительную минуту просто сбѣжитъ. Помните тогда въ Павловскѣ, какъ онъ струсилъ?

— Да, но есть храбрость отчаянія...

Бургардтъ разсказалъ ей подробно весь инцидентъ. Конечно, съ его стороны было гадко бросать въ этого негодяя мокрой глиной, но онъ вывелъ его изъ терпѣнія своей нахальной болтовней...

— Вѣдь онъ и забѣжалъ ко мнѣ съ цѣлью оскорбить меня,—увѣрялъ Бургардтъ. — Сумасшествіе Красавина служило только предлогомъ... Я и Саханова прогналъ.

— Ахъ, Егорушка, Егорушка... У васъ все такъ: вѣчный порывъ и раскаяніе заднимъ числомъ. Ни малѣйшей выдержки характера... И обидно, и больно за васъ. Вѣдь всѣхъ негодяевъ на свѣтѣ не перестрѣляешь...

— Однимъ меньше—и то прибыль.

— Это вы такъ говорите сейчасъ. Гдѣ вамъ стрѣлять въ живого человѣка... Боюсь, чтобы Бахтеревъ не испортилъ дѣла, потому что очень ужъ горячо взялся за него. Я его случайно

встрѣтила въ Петербургѣ... Такъ гоголемъ и ходитъ. А Васяткинъ только и повторяетъ одно слово: «къ барьеру!»

— Вотъ видите, Марина, какъ все вышло глупо, а отказаться нельзя.

Этотъ визитъ въ Озерки подѣйствовалъ на Бургардта самымъ успокоительнымъ образомъ. Миссъ Мортонъ, кажется, еще никогда не была такъ мила, и Бургардтъ чувствовалъ, какъ безгранично ее любитъ и какъ все остальное не имѣетъ никакого значенія, даже если бы Васяткинъ убилъ его. Что значитъ смерть одного человѣка? А тутъ смерть за свою любовь... Кто-то и гдѣ-то сказалъ, что только тотъ достоинъ жизни и свободы, кто не боится смерти. Но тутъ же рядомъ лѣзли въ голову самыя нелѣпыя мысли. Бургардтъ припомнилъ прочитанныя въ романахъ описанія дуэлей, гдѣ главный герой всегда является храбрымъ, благороднымъ и великодушнымъ, а его противникъ низкимъ и трусливымъ негодяемъ. Такая схема всегда коробила Бургардта, потому что такихъ людей, строго говоря, не существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Примѣняя эту схему къ данному случаю, Бургардтъ по совѣсти не могъ принять на себя роль праведника. Конечно, предстоявшая дуэль—колоссальная глупость, но она только логическій результатъ нелѣпой жизни. Кто заставлялъ его знаться съ гг. Васяткиными, Сахановыми и тому подобными темными личностями? Сейчасъ приходилось только расплачиваться за это удовольствіе.

Дома Бургардтъ, конечно, ничего не говорилъ ни Анитѣ, ни миссъ Гудъ, но онѣ, какъ оказалось, все уже тоже знали, благодаря неожиданно появившемуся Гаврюшѣ. Болтливость этого молодого человѣка взбѣсила Бургардта, и онъ сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, но Гаврюша и бровью не повелъ, а только проговорилъ:

— *Тогда* вы обвиняли меня, Егоръ Захарычъ, что я ударилъ Васяткина, а сами бросили въ него глиной...

— Это ужъ мое дѣло, и оно васъ не касается.

Бургардтъ испугался, что извѣстіе о дуэли встревожитъ Аниту, но послѣдняго не было. Дѣвочка отнеслась къ нему почти равнодушно, потому что не могла повѣрить, чтобы папа могъ кого нибудь убить, а тѣмъ болѣе Васяткина. Она даже пошутила:

— Папа, развѣ можно быть такимъ кровожаднымъ?

Миссъ Гудъ молчала. Она тоже не вѣрила въ возможность дуэли и была убѣждена, что все происходитъ изъ за какой нибудь безнравственной женщины.

Поведеніе Гаврюши за послѣднее время окончательно не нравилось Бургардту. Онъ дѣлался дерзкимъ, и въ его глазахъ часто появлялся злобный огонекъ. Между прочимъ, онъ

бросилъ своего Гамлета и началъ самостоятельную работу, именно, лѣпилъ бюстъ человѣка Андрея. Бургардтъ наблюдалъ за этой работой и еще разъ убѣждался, что изъ Гаврюши вышла полная пустышка. Съ своей стороны Гаврюша время отъ времени, слѣдя за работой Бургардта, дѣлалъ свои замѣчанія тономъ спеціалиста. А разъ онъ забылся до того, что хотѣлъ самъ поправить что-то въ работѣ учителя.

— Гаврюша, да вы, кажется, съ ума сошли?!..—удивлялся Бургардтъ.

— Пока еще нѣтъ, Егоръ Захарычъ.

Бургардту больше всего не нравилось то, что Гаврюша, очевидно, дѣйствовалъ по внушенію со стороны и повторялъ только чужія слова. Какъ оказалось, онъ бывалъ у Саханова и тамъ пропитывался художественными истинами и, главное, тономъ. У Бургардта нѣсколько разъ являлось желаніе прогнать Гаврюшу, но на такой подвигъ у него не хватало рѣшимости. Онъ такъ привыкъ къ нему, съ одной стороны, а съ другой—чувствовалъ передъ нимъ что-то вродѣ отвѣтственности.

Переговоры о дуэли велись цѣлую недѣлю. Докторъ Гаузеръ и Бахтеревъ пріѣзжали по нѣскольку разъ въ день, порознь и вмѣстѣ. Васяткинъ проявилъ большую кровожадность, съ одной стороны, а съ другой—предусматривалъ впередъ всякую мелочь. Дуэль въ проектѣ предполагалась на разстояніи двадцати шаговъ и непремѣнно «до первой крови».

— Какъ хотите, мнѣ все равно,—говорилъ Бургардтъ.—Только ради Бога, нужно покончить эту глупость поскорѣе, такъ или иначе... Мнѣ надоѣло быть героемъ.

Васяткина почему-то больше всего интересовало самое мѣсто дуэли, и онъ съ своими секундантами объѣхалъ всѣ окрестности, пока не остановился на Шуваловскомъ паркѣ, гдѣ-то за Каболовкой или Заманиловкой. Назначенъ былъ даже и день, а наканунѣ Васяткинъ устроилъ у Кюба легкій прощальный ужинъ en trois. Вторымъ секундантомъ у него былъ какой-то штабсъ - ротмистръ. Бургардтъ относился ко всему какъ-то безучастно. Ему надоѣла эта дурацкая комедія. О томъ, какъ все кончится—онъ даже не думалъ. Духовное завѣщаніе было составлено раньше, и по нему Анита была совершенно обезпечена. Наканунѣ дуэли принято писать чувствительныя письма, но Бургардту некому было писать. Въ сущности, у него былъ единственный близкій человѣкъ—это Шипидинъ, но и ему писать, послѣ размолвки, было неудобно. Всетаки наканунѣ дуэли Бургардтъ чувствовалъ себя въ надлежащую мѣру скверно и глупо.

Къ вечернему чаю явились оба секунданта, бывшіе на верху своего положенія. Докторъ Гаузеръ, бывая у Бургардта, замѣтно сторонился Аниты и если говорилъ, то какъ говорятъ

съ человѣкомъ, до котораго нѣтъ никакого дѣла. Это очень огорчало Бургардта, и онъ напрасно старался ихъ помирить. Анита упрямилась и не хотѣла идти на примиреніе первой. Но наканунѣ дуэли старый Гаузеръ точно размякъ и проявилъ къ Анитѣ свои прежнія добрыя чувства. Бургардту какъ-то непріятно было видѣть такую перемѣну именно сейчасъ, потому что ея истинной подкладкой являлась мысль о возможномъ сиротствѣ Аниты.

Въ окна смотрѣлъ глухой осенній вечеръ. Всѣ старались говорить о разныхъ посторонних предметахъ, а Бахтеревъ шагалъ по гостиной, по наполеоновски сложивъ руки на груди. Получалось такое впечатлѣніе, какъ наканунѣ отъѣзда дорогого человѣка куда-то далеко, когда всѣ говорятъ совсѣмъ не о томъ, что нужно. Бургардтъ сдерживалъ зѣвоту, выдерживая эту пытку. Да, это были истинные друзья, которыхъ, въ сущности, онъ недостаточно цѣнилъ и любилъ. Не доставало еще Бачульской и у Бургардта являлось какое-то нехорошее чувство къ дочери, упорно не желавшей быть справедливой. Развлекалъ всѣхъ старикъ Гаузеръ, съ трогательной наивностью развивавшій планы своего будущаго. Анита кусала губы, сдерживая смѣхъ и переглядываясь съ миссъ Гудъ, дѣлавшей строгое лицо.

— Да, я поѣду въ Германію, на родину,—говорилъ Гаузеръ.—Хочется посмотрѣть мѣста, гдѣ прошла молодость... Меня ничто не держитъ въ Петербургѣ, но вотъ пятнадцать лѣтъ я собираюсь и все не могу собраться. О, родина—это все... Въ зрѣлыхъ годахъ какъ-то забываешь о ней, а подъ старость не можешь не думать. Анита, вы не думайте, что я уже такой глубокій старикъ... У меня еще-есть свои желанія. Да... Самое лучшее въ жизни человѣка—это невѣдѣніе. Я дѣлаю маленькій мысленный скачекъ, потому что есть связь между мыслью о родинѣ и мыслью о смерти. Я часто думалъ о ней... И представьте себѣ, если бы наука когда нибудь достигла такого совершенства, что могла бы опредѣлить вполнѣ точно годъ, мѣсяцъ, недѣлю, день и часъ вашей смерти,—вѣдь это было-бы ужасно!

Старикъ говорилъ совсѣмъ не то, о чемъ хотѣлъ говорить, а слово: смерть—вырвалось какъ-то само собой. Спохватившись, докторъ неловко замолчалъ. Бургардтъ разсматривалъ сборную обстановку своей гостиной и думалъ о томъ, какъ все это глупо нагромождено, а между тѣмъ каждая вещь пріобрѣталась съ любовью и несла на себѣ отпечатокъ вкуса хозяина.

— Надо все продать... думалъ Бургардтъ.—Къ чему? Точно мало глупостей и безъ того...

Общее молчаніе было нарушено появившимся въ дверяхъ гостиной человѣкомъ Андреемъ, который съ смущеннымъ видомъ держалъ въ рукахъ визитную карточку.

— Сегодня я никого не принимаю, заявилъ Бургардтъ, отмахиваясь рукой.—Меня нѣтъ дома... Скажи, что ты не видѣлъ, какъ я вышелъ.

— Никакъ невозможно, баринъ... бормоталъ вѣрный слуга, подавая карточку.—Они въ передней и непремѣнно желаютъ васъ видѣть.

Бургардтъ взялъ карточку и передалъ доктору.

— Сахановъ?!.. возмутился тотъ.—Еще что такое? И почему онъ непремѣнно желаетъ видѣть именно васъ? Кажется, всѣ наши переговоры кончены...

— Проси,—коротко сказалъ Бургардтъ.

Сахановъ вошелъ въ гостиную, наклонившись немного впередъ и держа шляпу на отлетъ, какъ входятъ на сцену отвергнутые друзья дома. Бахтеревъ всталъ въ углу, принявъ окончательно наполеоновскій видъ.

— Господа, я знаю, что вы меньше всего ожидали моего появленія именно сегодня, — заговорилъ Сахановъ, повторяя сложенную дорогой фразу. — Скажу больше: вамъ просто непріятно меня видѣть. Но я не могъ не придти... Дѣло въ томъ, что мой другъ Васяткинъ скрылся сегодня самымъ позорнымъ образомъ.

Всѣ молчали. Бургардтъ поднялся и, идя на встрѣчу гостю и протягивая руку, отвѣтилъ:

— Я очень радъ, что эта глупая исторія кончилась, Павелъ Васильевичъ...Самое лучшее, если мы сейчасъ-же забудемъ о ней.

— Нѣтъ, г. Бургардтъ, я не согласенъ, — перебилъ его докторъ.—Такъ порядочные люди не поступаютъ...

— Я съ вами совершенно согласенъ, докторъ,—подтвердилъ Бахтеревъ глухимъ трагическимъ голосомъ.—Нельзя-же заставлять порядочныхъ людей играть дурацкую и смѣшную роль...

Анита поняла, что мужчинамъ нужно остаться однимъ, и увела миссъ Гудъ въ столовую. Сахановъ оставался посреди комнаты, не выпуская руки Бургардта.

— Вы меня оскорбили, Егоръ Захаровичъ,—говорилъ онъ.—Но я знаю, что вы совсѣмъ не желали этого сдѣлать, а такъ вышло... На вашемъ мѣстѣ, вѣроятно, и я поступилъ бы такъ-же, если не хуже. Мнѣ не слѣдовало брать роль посредника и вмѣшиваться въ чужія дѣла...

Произошла довольно нелѣпая сцена, причемъ Бургардту пришлось чуть не умолять секундантовъ позабыть все. Старикъ Гаузеръ даже впалъ въ неистовство и наговорилъ дерзостей.

XXVII.

По окончаніи глупаго инцидента съ Васяткинымъ у Бургардта явилось то бодрое рабочее настроеніе, которое обыкновенно охватывало его осенью. Онъ проводилъ теперь цѣлые дни въ своей мастерской, чтобы закончить къ весенней выставкѣ начатыя работы. Прежде всего ему хотѣлось закончить бюстъ Ольги Спиридоновны. Послѣдняя почему-то дулась на него и не хотѣла заглядывать къ нему въ мастерскую. Бургардту пришлось ѣхать къ ней самому. Ольга Спиридоновна неизмѣнно жила на Офицерской и встрѣтила его довольно неласково.

— Слышала, слышала, какъ вы хотѣли вымазать Васяткина глиной, — говорила она, пожимая руку Бургардту.—Думаю, пріѣдешь къ нему, а онъ и меня обмажетъ глиной. Нечего сказать, хорошъ...

— Хочется вамъ повторять чужія глупости, Ольга Спиридоновна?

— Слухомъ земля полнится, отецъ...

Ольга Спиридоновна за лѣто какъ-то обрюзгла и пріобрѣла привычку говорить: отецъ. Послѣднее у нея выходило какъ-то особенно мило, потому что она говорила всегда такимъ тономъ, точно сердилась. Ласковыя слова имѣютъ особенную цѣну у сердитыхъ людей. Замѣтивъ на себѣ наблюдающій взглядъ Бургардта, Ольга Спиридоновна съ грубоватой откровенностью отвѣтила:

— Постарѣла, да? Состарилась?.. Ничего не подѣлаешь, отецъ. Нынче кончаю дрыгать ногами... На подножный кормъ поступаю и за генерала замужъ выйду. Будетъ болтаться-то зря... Всѣ другія-то вонъ какъ пристроились, а одна я осталась неприкаянная душа. На что ваша Шурка глупа, а и та собственный домъ отъ Красавина получила. Вмѣстѣ кофе-то пили, а домъ получила она...

Бургардтъ только теперь припомнилъ разсказъ Бачульской, какъ Ольга Спиридоновна бунтовала по поводу этого дома, и невольно разсмѣялся.

— Кажется, Ольга Спиридоновна, вы и меня подозрѣваете въ этой исторіи?

— Охъ, отецъ, все мнѣ равно!.. Говорю: состарилась. Не бойсь, опять хотите меня мучить своими сеансами въ мастерской?

— Да, имѣлъ такое намѣреніе.

— Не понимаю, къ чему я вамъ нужна... Не стало развѣ молодыхъ, ну, съ нихъ и лѣпите, а старуха кому нужна. Да еще на выставку потащите такую старую кожу...

— Мнѣ очень немного осталось докончить...

— Знаю, знаю... Насидѣлась я, кажется, достаточно въ вашей мастерской.

Небольшая квартира Ольги Спиридоновны походила на бомбоньерку. Въ свое время она пользовалась большимъ успѣхомъ, и всѣ стѣны были декорированы разными подношеніями тароватыхъ «поклонничковъ», какъ называла Ольга Спиридоновна завзятыхъ балетомановъ. Въ сущности, она терпѣть не могла всѣхъ этихъ вѣнковъ, лиръ и разныхъ букетовъ и предпочитала подарки по хозяйственной части. То-ли дѣло серебряный сервизъ, а эти вѣники только пыль разводятъ. Сама по себѣ Ольга Спиридоновна была самая «простецкая баба», какъ она называла себя, и относилась къ своей профессіи иронически, какъ къ дѣлу самому пустому, ненужному и грѣшному. Тоже въ другой разъ и стыдно голой-то передъ биноклями прыгать. Положимъ, не совсѣмъ голая, а въ томъ родѣ, если не хуже. Бургардтъ именно любилъ ее за то, что она была простая женщина, въ которой ничего балетнаго не было. Просто хорошій человѣкъ, попавшій въ балетъ по игрѣ глупаго случая.

Прежде Бургардтъ бывалъ у Ольги Спиридоновны довольно часто и одно время даже немного ухаживалъ за ней. Но она его предупредила съ своей грубоватой откровенностью:

— Оставьте это дѣло, Егоръ Захарычъ...

— Почему?

— А такъ, неподходящее... Не тотъ коленкоръ. Миндальности разныя я не умѣю разводить, а сварливой бабой быть не хочу, да и вамъ не сладко бы пришлось. Ужъ лучше такъ, останемтесь пріятелями... Мнѣ и свои-то поклоннички до смерти надоѣли...

Ольга Спиридооовна принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя не любятъ мужчинъ. Театральные сплетники разсказывали про нее, что въ свое время и у нея были какіе-то романы, но Бургардтъ этому не вѣрилъ.

— Мнѣ бы самое настоящее быть попадьей, — шутила Ольга Спиридоновна надъ самой собой.—Страсть люблю огурцы солить, а на дачѣ цыплятъ развожу.

Сидя сейчасъ въ ея гостиной, Бургардтъ припоминалъ сравнительно недавнее прошлое и неожиданно спросилъ:

— А Сахановъ бываетъ у васъ, Ольга Спиридоновна?

— Охъ, отецъ, надоѣлъ... Смертынька!.. Придетъ и сидитъ, какъ идолъ. Я ему прямо говорю: «Дѣла, что-ли, у васъ нѣтъ, коли торчите у меня?» Онъ такой, прилипчивый... Бываютъ такіе мужчинки. Не отвяжешься... И что ему надо — ума не приложу. За генерала выйду замужъ и прогоню.

Бургардту показалось что-то неискреннее въ словахъ

Ольги Спиридоновны, и что она притворно старалась говорить грубѣе обыкновеннаго. Они уговорились относительно сеанса, и когда Бургардтъ началъ прощаться, Ольга Спиридоновна проговорила:

— Ну, а какъ у васъ тамъ, въ Озеркахъ?

Этотъ простой вопросъ немного смутилъ Бургардта, и Ольга Спиридоновна, не дожидаясь отвѣта, прибавила:

— Знаете, отецъ, я давно бы завернула къ вамъ, да только боюсь новой англичанки... Говорятъ, строгая.

— Перестаньте ребячиться, Ольга Спиридоновна. Пріѣдете и увидите ее.

— И то, видно, пріѣду...

Черезъ два дня Ольга Спиридоновна пріѣхала въ назначенный часъ. Она отличалась вообще аккуратностью.

— Нашей сестрѣ, казенной бабѣ, иначе нельзя, — объясняла она. — А то сейчасъ: штрафъ.

Анита очень ей обрадовалась и не проявила ни малѣйшей тѣни хитрости, что съ ней случалось. Миссъ Гудъ старалась быть любезной и привѣтливой, и въ то же время наблюдала гостью какъ-то смѣшно округлившимися глазами, точно Ольга Спиридоновна вотъ-вотъ выскочитъ изъ своего платья и примется танцовать. Англійская строгая миссъ видѣла такъ близко настоящую балерину въ первый разъ. Разговоръ происходилъ при помощи Аниты, потому что Ольга Спиридоновна не знала хорошенько даже русскаго языка.

Сеансъ въ мастерской продолжался часа два. Нужно было поправить шею, зародыши будущихъ мѣшковъ на нижней челюсти, зажирѣвшія линіи овала лица, едва замѣтно собиравшіяся морщинки у наружныхъ угловъ глазъ—такъ называемыя «гусиныя лапки», но ничего не выходило, какъ Бургардтъ ни старался поймать переходный моментъ въ жизни красиваго женскаго лица. Ольга Спиридоновна въ теченіе одного лѣта постарѣла годовъ на пять, и Бургардтъ чувствовалъ, какъ его охватывало молчаливое отчаяніе, знакомое всѣмъ истиннымъ художникамъ, когда лучшая работа валится изъ рукъ. А тутъ еще Гаврюша, который молча и со злобой слѣдилъ за каждымъ неудачнымъ штрихомъ. Ольга Спиридоновна чувствовала, что дѣло не клеится, и сдерживала зѣвоту.

— Долго вы меня будете мучить?, взмолилась она наконецъ, когда Бургардтъ уничтожалъ сдѣланныя поправки.

— Сегодня я васъ освобождаю,—отвѣтилъ онъ съ грустью. — Ничего не выходитъ...

Ольга Спиридоновна долго разсматривала свой бюстъ и только покачала головой. Какъ будто она и какъ будто совсѣмъ даже не она. Бургардтъ замѣтилъ, какъ Гаврюша смотрѣлъ на нее улыбавшимися глазами. Ему вдругъ сдѣлалось

точно холодно, и въ головѣ застучала забытая мысль о своей конченности.

— Да, конченъ, конченъ... Больше ничего не будетъ.

— Ничего я не понимаю, — проговорила Ольга Спиридоновна, пожимая плечами. — И кому все это нужно? Вы ужъ меня извините, Егоръ Захарычъ, что говорю прямо... По моему, это одно баловство, т. е. разныя картины и статуи.

— Вы забываете одно, Ольга Спиридоновна, что бываютъ очень хорошія картины и статуи,—замѣтилъ съ улыбкой Бургардтъ.

— А по моему, всѣ картины и статуи одинаковы, отецъ... Такъ, для богатыхъ людей.

— Вы повторяете слова Саханова?..

— А что же, Павелъ Васильичъ умный человѣкъ. Статей-то я его, положимъ, не читаю, а изъ разговоровъ больше... Охъ, ужъ и разговоръ у него: какъ гусь по водѣ плыветъ, такъ онъ на словахъ.

Когда Ольга Спиридоновна собралась уходить, Анита шепнула ей:

— Зайдите ко мнѣ въ комнату... Мнѣ нужно съ вами переговорить очень-очень серьезно.

— Отлично, крошка, — согласилась Ольга Спиридоновна, удивляясь, что нынче у грудныхъ младенцевъ какіе-то серьезные разговоры.

Анюта увела ее въ свою комнату, прикрыла за собой дверь и, краснѣя, спросила:

— Я хотѣла узнать... вы меня извините... Вы давно видѣли Бачульскую?

— Не особенно давно... А что?

— Вы меня еще разъ извините за нескромный вопросъ... Въ какомъ она сейчасъ положеніи?

— Какъ въ какомъ положеніи? Въ самомъ обыкновенномъ... Будетъ зиму играть гдѣ-то въ клубѣ.

— Нѣтъ, не то... Я хотѣла сказать... да, хотѣла спросить совсѣмъ о другомъ, т. е. о положеніи, въ какомъ бываютъ замужнія женщины... Я слышала, что она... что у нея скоро будетъ ребенокъ.

Ольга Спиридоновна расхохоталась, что еще сильнѣе сконфузило Аниту.

— Голубчикъ, да какъ къ тебѣ это могло придти въ голову?!.. продолжала смѣяться Ольга Спиридоновна. — Бачульская—и вдругъ въ интересномъ положеніе... Ха-ха!.. Охъ, крошка, уморила на смерть!..

Анита поблѣднѣла и проговорила серьезно:

— У меня есть основаніе *такъ* говорить, Ольга Спиридоновна... И вы напрасно смѣетесь.

Она достала изъ кармана скомканную бумажку и подала ее Ольгѣ Спиридоновнѣ.

— Вотъ прочитайте...

По печатному Ольга Спиридоновна еще читала съ грѣхомъ пополамъ, а писанное разбирала съ трудомъ. Но поданная Анитой записка была написана настолько четко, что она ее разобрала. Анонимный авторъ писалъ:

«Милая Анита, скоро я буду имѣть удовольствіе поздравить васъ съ новорожденнымъ».

Подъ этой запиской никакой подписи не было. Ольга Спиридоновна прочитала ее нѣсколько разъ, пожала плечами и проговорила всего одно слово:

— Негодяй!..

Анита подавленно молчала, кусая губы, чтобы не расплакаться.

— Откуда у тебя, крошка, эта дурацкая записка?

— Я получила по почтѣ. Письмо было адресовано на гимназію...

— Ахъ, негодяй. Ну, я тебѣ не могу объяснить всего, но только это скверная ложь, и больше ничего. Марина Игнатьевна тутъ рѣшительно не причемъ, какъ и твой отецъ. Даю тебѣ честное и благородное слово, что это такъ... Не волнуйся и забудь все. Дрянные люди всегда найдутся на свѣтѣ. Отцу до поры до времени ничего не говори... У него достаточно и друзей, и враговъ.

Анита расплакалась и, обнимая Ольгу Спиридоновну, шептала:

— Вѣдь я одна и совершенно одна... Вы не можете себѣ представить, какъ я тоскую о прежней мисссъ Гудъ.

Бургардтъ былъ очень доволенъ, что Ольга Спиридоновна все время ни однимъ словомъ не заикнулась о Красавинѣ.

XXVIII.

Въ Озеркахъ время тянулось ужасно медленно, и наступившая осень чувствовалась здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ городѣ. Бачульская каждый день заставляла миссъ Мортонъ гулять по нѣскольку часовъ, и сама ходила съ ней. Вѣчное молчаніе англичанки наводило теперь на нее какую-то особенную тоску, какъ и эти сѣрые осенніе дни, оголенныя деревья, почернѣвшая въ озерѣ вода.

Предполагавшаяся дуэль съ Васяткинымъ очень волновала Бачульскую, и она расплакалась, когда въ Озерки пріѣхалъ Бахтеревъ, чтобы излить свое негодованіе на трусость Васяткина.

— Вы должны радоваться, а не сердиться,—раздраженно замѣтила ему Бачульская. — Ахъ, какъ я боялась... Мало-ли какія могутъ быть случайности. Знаете, мнѣ просто хочется расцѣловать васъ, милѣйшій, дорогой, единственный Евстратъ Павловичъ. Мнѣ кажется, что вы самый добрый человѣкъ въ мірѣ...

— А все-таки Васяткинъ—трусъ,—упрямо повторялъ Бахтеревъ, дѣлая мрачное лицо.

Миссъ Мортонъ отнеслась какъ-то безучастно къ этому извѣстію, что огорчало Бачульскую до глубины души. Изъ за нея Бургардтъ хотѣлъ стрѣляться, рисковалъ жизнію, а ей рѣшительно все равно. Бачульская не хотѣла замѣчать, что у миссъ Мортонъ все чаще и чаще стали проявляться полосы какой-то мертвой апатіи. Дѣвушка могла цѣлые дни лежать гдѣ нибудь на диванѣ съ книгой въ рукахъ, и стоило большого труда расшевелить ее. Всего равнодушнѣе миссъ Мортонъ относилась къ самой себѣ и своему будущему.

Даже когда Бургардтъ пріѣхалъ самъ, миссъ Мортонъ не проявила особенной радости и если не много оживилась, то скорѣе по привычкѣ.

— Знаете, Марина Игнатьевна, я ѣду къ вамъ и вдругъ дорогой испугался,—разсказывалъ Бургардтъ съ веселой улыбкой. — Говорю совершенно серьезно... Вы подумайте: быть убитымъ какимъ-то дуракомъ?

— Да, но и вы были не правы, Егорушка...

— Ну, это, положимъ, не правда, но рѣшительно все равно... Вообще, не стоитъ говорить.

Сохраняя тотъ же веселый тонъ, Бургардтъ въ смѣшномъ видѣ разсказывалъ свой визитъ къ Ольгѣ Спиридоновнѣ и ея сеансъ у него, а въ заключеніе прибавилъ:

— Знаете, Анита спрашивала меня сегодня, почему вы перестали бывать у насъ?

Бачульская смутилась, покраснѣла и посмотрѣла на Бургардта полными ласковаго укора глазами.

— Я пріѣду какъ нибудь... нерѣшительно отвѣтила она.— Только для того, чтобы Анита убѣдилась, какъ она несправедливо относится ко мнѣ...

— Хочется вамъ обращать вниманіе на дѣвчонку, которая ничего не понимаетъ... Какъ нибудь пріѣзжайте. Знаете, когда я почти выгналъ Саханова, мнѣ сдѣлалось ужасно скучно. Вѣдь, въ сущности, въ нашемъ кружкѣ это самый интересный человѣкъ.

— И все-таки, лучше быть отъ него подальше. Такіе люди способны каждую минуту подарить самымъ непріятнымъ сюрпризомъ...

— Вы преувеличиваете, моя хорошая...

Бачульская была очень рада веселому настроенію Бургардта, хотя и замѣтила, что онъ все время точно наблюдаетъ ее и точно чего-то не договариваетъ. На прощаньѣ онъ тихо спросилъ ее, точно миссъ Мортонъ могла ихъ услыхать:

— А скоро *мы* получимъ новаго человѣка?

— Къ вашей весенней выставкѣ по моимъ разсчетамъ... отвѣтила Бачульская, дѣлая серьезное лицо.

Съ этой мыслью о «новомъ человѣкѣ» Бурчардъ вернулся домой. Онъ всю дорогу думалъ объ этомъ неизвѣстномъ пришельцѣ, который уже впередъ являлся обреченнымъ на разныя непріятности. Кто родится: мальчикъ или дѣвочка? Лучше-бы, конечно, дѣвочка. Ея незаконное происхожденіе покрылось-бы въ свое время замужествомъ, а мальчикъ долженъ нести наказаніе за грѣхи родителей всю жизнь. Мысль о будущемъ ребенкѣ все разросталась въ головѣ Бургардта, и онъ въ одно и тоже время любилъ его и не любилъ. Какой онъ будетъ? Что онъ принесетъ съ собой въ міръ? Что его ожидаетъ? А если вдругъ родится какой нибудь уродъ, рахитикъ, идіотъ, эпилептикъ? Вся обстановка способствовала именно какому-нибудь уклоненію отъ нормальнаго типа. Думая о ребенкѣ, Бургардтъ на время забывалъ о самомъ себѣ и точно дѣлался лучше. Вѣдь забота о дѣтяхъ умѣряетъ нашъ эгоизмъ, прежде всего, а тутъ эта работа окрашивалась совершенно исключительными условіями, и Бургардта впередъ охватывала такая хорошая мужская жалость, требовавшая приложенія здоровой мужской силы, покровительства и покрывающей мужской ласки.

Миссъ Мортонъ, какъ мать этого будущаго ребенка, рисовалась ему въ какомъ-то радужномъ свѣтѣ. Кому какое дѣло, что ребенокъ будетъ незаконный? А онъ еще волновался именно по поводу этого нелѣпаго по существу вопроса. Да, пусть будетъ незаконный, а я его буду любить и буду любить его мать можетъ быть лучше и чище, чѣмъ любятъ матерей законныхъ дѣтей.

Подъѣзжая къ Финляндскому вокзалу, Бургардтъ припомнилъ, какъ Бачульская разспрашивала его о работѣ и точно присматривалась къ нему, какъ присматриваются къ больному. Можетъ быть ничего подобнаго и не было, можетъ быть это только показалось, но... Веселое настроеніе Бургардта быстро измѣнилось, и онъ вернулся домой нахмуреннымъ. Конечно, Марина Игнатьевна безконечно добра и прямо ничего не покажетъ, но очевидно она уже кое что замѣтила.

Полосы бодраго настроенія у Бургардта нынче быстро смѣнялись полосами унынія и подозрительности. Онъ это зналъ и начиналъ мучительно слѣдить за самимъ собой. Напримѣръ, человѣкъ Андрей и тотъ проявлялъ что-то особенное, и Бургардту казалось, что онъ даже пальто подаетъ не такъ,

какъ подавалъ прежде. И Анита слѣдитъ за нимъ съ хитростью молодой обезьяны...

— Э, всѣ вы жестоко ошибаетесь! повторялъ Бургардтъ про себя съ какимъ-то озлобленіемъ.

Ему начинало казаться, что онъ даже не начиналъ еще работать, а только еще начинаетъ.

Мысль о ребенкѣ проникла въ домъ Бургардта, и онъ былъ страшно пораженъ, когда Анита спросила его въ упоръ:

— Папа, ты желалъ-бы имѣть ребенка?

— Т.-е. какъ ребенка?

— Маленькаго...

— Ты говоришь глупости, Анита... Какія могутъ быть у меня дѣти?

— А если взять чужого, т.-е. не совсѣмъ чужого, а какого-нибудь знакомаго ребенка...

— Ребенокъ не игрушка. Кто за нимъ будетъ у насъ ходить? Ты утромъ въ гимназіи, вечеромъ у тебя уроки... Вообще, нелѣпость.

— Совсѣмъ маленькаго ребеночка, папа...

— Отстань, пожалуйста...

Бургардтъ никакъ не могъ понять, откуда подобная мысль могла попасть въ голову Анитѣ. Можно было подумать, что она все знаетъ и предрѣшаетъ вопросъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что мысль о неизвѣстномъ ребенкѣ совершенно поглощала Аниту, и она думала о немъ день и ночь. Объясненія Ольги Спиридоновны совершенно ее удовлетворили, и дѣвочка съ нетерпѣніемъ ждала, когда пріѣдетъ Бачульская, предъ которой чувствовала себя виноватой. Анита рѣшила про себя, что спроситъ ее откровенно, гдѣ тотъ новорожденный, о которемъ ей писалъ неизвѣстный авторъ. Ольга Спиридоновна, очевидно, скрывала что-то. Папа тоже замѣтно смутился, когда она разговаривала о ребенкѣ, значитъ, онъ знаетъ и тоже скрываетъ. Между тѣмъ, Анита чувствовала своимъ дѣтскимъ сердцемъ, что этотъ неизвѣстный ребенокъ какъ-то ея касается, и что онъ не чужой ей.

Бачульская пріѣхала только черезъ недѣлю, съ какой-то репетиціи, усталая и немного взволнованная. Анита встрѣтила ее съ повышенной любезностью и горячо расцѣловала.

— Какая вы, Анита, выросли большая... удивлялась Бачульская.

— Говорите мнѣ ты, Марина Игнатьевна,—предупредила Анита, краснѣя.—Для васъ я всегда, вѣдь, буду маленькой...

Почему-то Анитѣ именно теперь Бачульская показалась красавицей. Да, настоящая красавица, какой должна быть каждая женщина. Какое чудное женское лицо, какой голосъ, глаза, улыбка, фигура — все такъ было хорошо. Миссъ Гудъ,

наоборотъ, отнеслась къ Бачульской сдержанно и даже холодно, и Анита, служившая переводчицей, должна была смягчить нѣкоторыя выраженія.

— Ахъ, какая вы милая... шепнула Анита гостьѣ.—А на миссъ Гудъ вы не обращайте вниманія. Я ее не люблю. Она вся какая-то безцвѣтная. Только и дѣлаетъ, что цѣлый день моется.

Даже человѣкъ Андрей и тотъ былъ радъ Бачульской, какъ старой знакомой, и изъ усердія оборвалъ даже вѣшалку у ея ротонды. Бургардтъ тоже былъ радъ, когда Бачульская въ сопровожденіи Аниты вошла въ его мастерскую.

— Мы такъ, не будемъ мѣшать вамъ, — предупреждала Бачульская.—Посмотримъ и уйдемъ.

Бюстъ Ольги Спиридоновны стоялъ прикрытый мокрыми тряпками. Бургардтъ работалъ надъ барельефомъ преподобнаго Сергія, гдѣ начинали выдѣляться лица Пересвѣта и Ослабя. Работа подвигалась впередъ съ необычной быстротой. Бачульская посмотрѣла на барельефъ непонимающими глазами и рѣшительно не знала, что ей сказать. Бургардтъ въ шутливомъ тонѣ разсказалъ ей, какъ Ольга Спиридоновна раскассировала все искусство, и Бачульская такъ мило разсмѣялась.

— Я прибавила-бы къ ея словамъ, что и я понимаю столько-же,—проговорила она.—Въ сущности, я очень люблю и живопись, и скульптуру, но это еще не значитъ понимать...

— Въ отдѣльности можно встрѣтить очень рѣдко такого понимающаго человѣка,—объяснялъ Бургардтъ.—А въ массѣ публика судитъ почти безошибочно. Это необъяснимое, по моему, проявленіе массовой мысли... Вѣдь публика создаетъ имена, репутаціи и то, что принято называть славой.

Анита уговорила Бачульскую остаться обѣдать и затащила ее къ себѣ въ комнату.

— Вы такъ давно не были у насъ, — повторяла она.—Я соскучилась по васъ... У насъ нынче почти никто не бываетъ. Папа какой-то странный... Мнѣ кажется, что онъ прежде былъ добрѣе.

— Ты ошибаешься, Анита, папа все такой-же добрый, какимъ былъ всегда.

Анитѣ показалось, что Бачульской у нихъ скучно и что она смотритъ на нее съ сожалѣніемъ. Но это было не такъ. Бачульская, дѣйствительно, испытывала жуткое чувство, которое она испытывала и раньше... О, вѣдь, ея сердце давно уже билось вотъ въ этихъ комнатахъ, и ей дѣлалось жаль самой себя, жаль того чувство, которое не нашло отвѣта,—вообще, она чувствовала себя вотъ въ этихъ стѣнахъ собственной тѣнью.

Анита какъ ни храбрилась раньше, никакъ не могла спросить Бачульскую о таинственномъ новорожденномъ. Слова за-

стывали у нея на языкѣ. Когда горничная пришла сказать, что обѣдъ готовъ, Анита еще задержала Бачульскую въ своей комнатѣ и все-таки ничего не могла сказать.

Когда онѣ вышли въ столовую, за обѣденнымъ столомъ «на своемъ мѣстѣ» уже сидѣлъ докторъ Гаузеръ, завѣшанный салфеткой. Старикъ очень некстати поднялъ разговоръ о несостоявшейся дуэли и въ пылу негодованія заявилъ, что самъ вызоветъ г. Васяткина и заставитъ драться.

— Если онъ честный и порядочный человѣкъ,—прибавилъ старикъ, поднимая брови.

Потомъ старикъ проговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— О, время доктора Гаузера прошло и теперь уже никому не нужно вызывать его и на дуэль, чтобы убивать. Всему свое время... да!..

XXIX.

Доктора Гаузера мучила старческая безсонница, особенно въ переходные періоды между временами года. Когда падалъ первый снѣгъ, старикъ ходилъ по своему кабинету до самаго утра и успокоивался только съ появленіемъ дневного свѣта. Именно въ такое утро въ началѣ октября, когда Гаузеръ только хотѣлъ ложиться спать, горничная подала ему визитную карточку Бачульской.

— Не принимать! рѣзко отвѣтилъ Гаузеръ.—Я не практикую...

— Онѣ непремѣнно желаютъ васъ видѣть, баринъ...

Старикъ затопалъ на горничную ногами, но надѣлъ тужурку и вышелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Бачульская.

— Я, сударыня, не практикую, — заговорилъ онъ, сухо здороваясь.—Вы это хорошо знаете... Потомъ, я не спалъ цѣлую ночь...

— Милый, дорогой докторъ, ради Бога,—умоляла Бачульская, не выпуская его руки. — Къ другимъ я не могу обратиться... Она умираетъ... Помните нѣмую дѣвушку англичанку? Докторъ, вѣдь, вы такой добрый...

— А что съ ней такое?

— Кажется, будетъ... какъ это вамъ объяснить... Она была въ такомъ положеніи, но до срока еще далеко...

— Ага...

— Понимаете: дѣвушка... Она такъ мучится и умоляетъ пріѣхать... Она стѣсняется другихъ врачей и довѣряетъ только вамъ... Ради Бога, докторъ, каждая минута дорога.

— Ага...

— Умоляю васъ, хорошій, милый докторъ. Мы поспѣемъ какъ разъ къ поѣзду...

Старикъ молча повернулся и пошелъ переодѣваться. Десять минутъ ожиданія показались Бачульской цѣлой вѣчностью. Развѣ можно такъ медлить, когда человѣкъ умираетъ. Она ломала руки, прислушиваясь къ докторскимъ шагамъ въ кабинетѣ. Наконецъ, онъ одѣлся и вышелъ.

— Куда вы меня повезете? спросилъ старикъ капризнымъ голосомъ.

— Въ Озерки, докторъ,..

— Въ Озерки?.. Не поѣду.

Онъ съ рѣшительнымъ видомъ сѣлъ и повторилъ, что не поѣдетъ.

— Я самъ боленъ... да... Есть другіе доктора, въ Петербургѣ десять тысячъ докторовъ... Я умру самъ до вашихъ Озерковъ.

Это упрямство старика заставило Бачульскую пустить въ ходъ спеціально театральный пріемъ. Она подошла къ нему, смѣло взяла за руку и проговорила рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, вы поѣдете... да. Вы не можете не ѣхать... Понимаете: не можете.

— Не могу?!.

Докторъ махнулъ рукой и покорно пошелъ за ней въ переднюю. Дальше ему не понравился дрянной извозчикъ, который ихъ ждалъ у подъѣзда, потомъ онъ капризничалъ на вокзалѣ, потомъ ворчалъ все время, пока поѣздъ шелъ до Озерковъ. Паровозъ тащился ужасно медленно, точно онъ сговорился съ докторомъ.

— Миленькій, хорошій... шептала Бачульская, хватая доктора за руку.—Хотите, я стану предъ вами на колѣни, буду цѣловать ваши руки... Милый, хорошій...

Докторъ заявилъ, что финляндская желѣзная дорога самая скверная въ цѣломъ мірѣ, что Озерки какой-то лягушатникъ, что лѣстница въ квартиру Бачульской одно безобразіе, что горничная не умѣетъ принять пальто и роняетъ палку, что онъ самъ долженъ послать за докторомъ для себя и т. д. Войдя въ гостиную, докторъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Бургардтомъ.

— Это вы?!..—удивился онъ и холодно прибавилъ:—А... понимаю...

Бургардтъ ничего ему не отвѣтилъ. Онъ былъ блѣденъ, но спокоенъ. Только глаза блестѣли лихорадочно. Бачульская вызвала его срочной телеграммой, и онъ пріѣхалъ съ первымъ поѣздомъ. Замѣчаніе доктора заставило его горько улыбнуться, и онъ только посмотрѣлъ на старика.

— Да, понимаю...—повторилъ Гаузеръ, не обращаясь ни къ кому.

Больная лежала въ своей комнатѣ съ закрытыми глазами.

Когда Бачульская вошла къ ней, акушерка въ бѣломъ балахонѣ молча показала ей глазами на корзинку изъ-подъ бѣлья, гдѣ лежалъ мертвый семимѣсячный ребенокъ. На нѣмой вопросъ Бачульской акушерка только покачала головой.

Когда докторъ ушелъ въ комнату больной, Бургардтъ началъ ходить по гостиной. Онъ уже зналъ о мертворожденномъ... Вотъ тебѣ и будущій ребенокъ, и заботы о немъ, и любовь къ нему. Ему по ассоціаціи идей пришелъ въ голову разговоръ Аниты. Онъ понялъ сейчасъ, о какомъ ребенкѣ она говорила. Да, этотъ ожидаемый невѣдомый гость точно самъ устранилъ себя изъ среды бытія. Онъ точно не хотѣлъ быть лишнимъ, не хотѣлъ никому мѣшать и ушелъ въ невѣдомый міръ загадкой.

Осмотрѣвъ больную, докторъ Гаузеръ вернулся въ гостиную. Онъ имѣлъ суровый видъ и старался не смотрѣть на Бургардта. За нимъ вышла Бачульская, и по ея заплаканному лицу Бургардтъ понялъ, что все кончено. Да, все.... Ему захотѣлось крикнуть, что они ошибаются, хотѣлось броситься въ комнату больной, схватить въ объятія безконечно дорогого человѣка и вырвать изъ рукъ смерти.

— Мнѣ здѣсь нечего дѣлать...—коротко и сухо проговорилъ Гаузеръ, не обращаясь ни къ кому.

Бургардтъ бросился къ нему, схватилъ за руки и задыхавшимся голосомъ заговорилъ:

— Докторъ, ради всего святого, не уѣзжайте... Можетъ быть во всякомъ дѣлѣ ошибка... Бываютъ случаи, когда являются невозможныя комбинаціи...

— Если вы хотите, то я могу остаться,—сухо отвѣтилъ Гаузеръ, отвертываясь къ окну.

Потомъ онъ заговорилъ сдержаннымъ, ровнымъ тономъ, чеканя слова:

— Мы знали раньше, что есть жертвы общественнаго темперамента, а теперь приходится имѣть дѣло съ жертвой артистическаго темперамента... да. О, я все понимаю...

— Нѣтъ, вы ошибаетесь!!..—горячо вступился Бургардтъ, бросаясь къ нему.—Вы... вы... вы...

Только вмѣшательство Бачульской предупредило серьезное столкновеніе. Бургардтъ былъ блѣденъ, какъ смерть, и повторялъ:

— Я ее люблю... понимаете? Да, люблю... Боже, если бы кто нибудь могъ меня понять?

Бачульская увела Бургардта въ свою комнату и, вернувшись, объяснила доктору, что во всей этой исторіи Бургардтъ рѣшительно не причемъ, кромѣ того, что принялъ участіе въ судьбѣ несчастной дѣвушки.

— Но онъ ее любитъ?—спрашивалъ Гаузеръ.

— Да, но любовью брата, не больше...

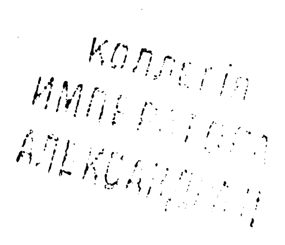
Старый Гаузеръ засмѣялся.

— Да, поменьше мужа, побольше брата, какъ говоритъ принцъ Гамлетъ.

Больная все время лежала съ закрытыми глазами и никого не узнавала. Бургардту показалось, что она одинъ разъ взглянула на него, но онъ не былъ увѣренъ и въ этомъ. Гаузеръ сидѣлъ въ гостиной и терпѣливо дождался, когда дѣйствительно все было кончено. Онъ пришелъ, посмотрѣлъ издали на мертвую и отвернулся. Бургардтъ стоялъ у нея въ изголовьяхъ и думалъ о томъ, что чего-то не сдѣлалъ, что долженъ былъ сдѣлать. А у покойной на лицѣ было такое выраженіе, точно она что-то спрашивала. Да, каждый человѣкъ уходитъ изъ этого міра съ такимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ, и кажется, что онъ чего-то не досказалъ и чего-то не сдѣлалъ, что долженъ былъ сказать и сдѣлать.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Осень.

Золотые лучи, золотые листы,
Отцвѣтающихъ розъ и азалій кусты,
Раннимъ утромъ слезинки холодной росы—
Сколько прелести въ нихъ и осенней красы!
Поблѣднѣла прозрачныхъ небесъ синева,
И страшась непогодъ, увядаетъ листва.
Только рдѣетъ въ травѣ ярко красный піонъ
И румянцемъ больнымъ зарумянился кленъ.
Величавая грусть въ тишинѣ разлита,
Но лѣсовъ и долинъ непрочна красота:
Обовьетъ ихъ, какъ саванъ, осенній туманъ,
Зашумитъ, загудитъ межъ вѣтвей ураганъ,
И внесетъ въ примиренную душу мою
Дуновенье его — ледяную струю.
Разлетится, какъ сонъ, благотворный покой,
Затоскуетъ душа неотступной тоской,
Подъ напѣвъ непогодъ, межъ тумановъ и тьмы,
Будутъ грезиться ей въ мертвомъ царствѣ зимы—
Эти ясные дни, этотъ блескъ красоты,
Золотые лучи, золотые листы!

О. Чюмина.

Земскія ходатайства.

X. По вопросамъ объ увеличеніи земскаго имущества.

Непосредственно за ходатайствами, касающимися земскаго обложенія, слѣдуетъ обозрѣть небольшую группу (54) такихъ, которыя имѣютъ цѣлью нѣкоторое увеличеніе земскихъ средствъ.

Прежде всего остановимся на трехъ ходатайствахъ объ уступкѣ земству, на разныхъ условіяхъ, казенныхъ оброчныхъ статей. Первой, по времени, поступила такая просьба александровскаго (Екатерин. губ.) собранія (1865 г.) о составленіи особой коммиссіи съ участіемъ представителей земства и министерства государственныхъ имуществъ для выработки основаній договора между казной и земствомъ объ отдачѣ послѣднему находящихся въ уѣздѣ оброчныхъ казенныхъ земель (около 27.000 дес.), вѣроятно, для раздачи ихъ въ аренду крестьянамъ. Ходатайство отклонено по фискальнымъ соображеніямъ („не выгодно для казны").—Вторымъ выступило въ томъ же направленіи новоузенское собраніе (1866), которое просило о продажѣ земству казенныхъ земель въ этомъ уѣздѣ и о разрѣшеніи выпустить для такой покупки акцій на 1 мил. руб. Это ходатайство вызвано было истощеніемъ крестьянскихъ надѣловъ и затруднительностью для крестьянъ брать въ аренду казенныя земли съ публичныхъ торговъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ не по силамъ являлась борьба съ спекулянтами-монополистами, передающими землю съемщикамъ по весьма возвышенной цѣнѣ. Земство желало организовать на болѣе выгодныхъ для крестьянъ началахъ пользованіе ими этой землей. Къ проекту новоузенскаго собранія министръ государственныхъ имуществъ отнесся вначалѣ весьма сочувственно и, по его представленію, состоялось 21 іюля 1865 г. высочайшее повелѣніе: „войти съ земствомъ въ предварительное по сему предмету соглашеніе". Однако, самарскій губернаторъ въ представленіи своемъ указывалъ на то, что 1) проектъ земства задуманъ въ интересахъ одного сословія, что не согласно съ кругомъ дѣйствій земскихъ собраній; 2) проектъ этотъ привлекаетъ къ пожертвованіямъ всѣ элементы земства, что не согласно съ справедливостью; 3) проектъ вводитъ въ земство элементъ чуждый — гласныхъ отъ акціонернаго общества; 4) проектъ „затрудняетъ въ будущемъ положеніе общинныхъ землевладѣльцевъ" (?); 5) „неизбѣжная неудача (?)

осуществленія проекта можетъ вызвать раздраженіе и волненіе въ населеніи“ (!). Не смотря на очевидную слабость и натяжки этой аргументаціи, она, къ сожалѣнію, не осталась безъ послѣдствій. По представленію того же министра государственныхъ имуществъ, состоялось вторичное (черезъ годъ послѣ перваго) по этому дѣлу высочайшее повелѣніе 14 августа 1866 г. о томъ, чтобы „предположенію о продажѣ новоузенскому земству казенныхъ земель сего уѣзда не давать дальнѣйшаго хода и начатые съ земствомъ о таковой продажѣ переговоры прекратить“. — Этотъ прецедентъ послужилъ поводомъ къ отклоненію и аналогичнаго ходатайства царицынскаго земства (1866).

Далѣе, имѣемъ ходатайства 11 собраній *) о предоставленіи въ пользу земства выморочныхъ уѣздныхъ и городскихъ имуществъ или только выморочныхъ имуществъ землевладѣльцевъ. Ссылаясь на то, что такимъ правомъ пользуются всесословныя же городскія общественныя управленія, земства указывали на выморочныя имущества, какъ на источникъ для учрежденія фонда на народное образованіе, больницы, благотворительныя земскія учрежденія и т. п. Почти одновременно съ этими стали поступать одно за другимъ и ходатайства дворянствъ разныхъ губерній о предоставленіи этому сословію правъ на выморочныя дворянскія имущества. Возбуждена была между вѣдомствами по поводу обѣихъ этихъ серій ходатайствъ переписка, причемъ министръ юстиціи высказался за ихъ удовлетвореніе, рѣшительнымъ же противникомъ ихъ заявилъ себя министръ государственныхъ имуществъ. Извѣстно, однако, что дворянство все-таки получило искомое право въ 1883 году. Земство было менѣе счастливо въ этомъ отношеніи и его не получило.

Опускаемъ ходатайства объ измѣненіи способовъ отчужденія частной собственности на общественныя надобности, имѣющія совершенно спеціальный характеръ, и ходатайства объ уступкѣ для земскихъ цѣлей разныхъ ненужныхъ казнѣ принадлежащихъ ей зданій; эти ходатайства почти всѣ удовлетворены. Упомянемъ, наконецъ, о просьбахъ 12 губернскихъ земствъ объ обмѣнѣ облигацій Главнаго общества россійск. ж. д. на болѣе выгодныя процентныя бумаги. Это не лишенное интереса дѣло заключалось въ томъ, что капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія, согласно высоч. утвержд. положенію комитета министровъ 1858 г., обращены были въ $4 1/2\%$ облигаціи Главнаго общества. Когда эти капиталы, со введеніемъ земскихъ учрежденій, были отдѣлены губернскимъ земствамъ, то были выданы послѣднимъ въ видѣ упомянутыхъ облигацій. Для обращенія ихъ въ другія процентныя бумаги, по

*) Тульскаго губ. (1886), нижегородскаго губ. (1866), елатомскаго (1872) тульскаго уѣзд. (1872), херсонскаго губ. (1874), чухломскаго (1874), маріупольскаго (1875), костромского губ. (1876), симферопольскаго уѣзд. (1874), таврическаго губ. (1877) и козелецкаго (1879).

закону, требовалось высочайшее разрѣшеніе. И вотъ съ 1867 г. по 1880 г. включительно, т. е. въ теченіе 14 лѣтъ, двѣнадцать земствъ представляли ходатайства (иныя изъ нихъ— и не одинъ разъ) о разрѣшеніи обмѣнять сказанныя $4^1/_2\%$ облигаціи на 5% бумаги, указывая на возможность значительнаго увеличенія средствъ земствъ для цѣлей общественнаго призрѣнія, которое произойдетъ отъ указаннаго обмѣна. По совершенно непонятнымъ причинамъ, такого разрѣшенія земства, однако, добиться не могли. Всѣ эти ходатайства систематически отклонялись; капиталы продолжали храниться въ сравнительно невыгодныхъ бумагахъ Главнаго общества и не могли быть обращены не только въ ипотечныя, но даже въ государственныя процентныя бумаги. Конечно, въ облигаціи Главнаго общества обращены были капиталы общественнаго призрѣнія на весьма крупную сумму, на 17 милл. руб., и скорый сбытъ этихъ облигацій въ такомъ количествѣ могъ отозваться невыгодно на дѣлахъ сказаннаго общества при наличности болѣе дорогихъ бумагъ на денежномъ рынкѣ. И только въ отзывѣ министерства финансовъ отъ 29 ноября 1880 года впервые выражено принципіальное согласіе на обмѣнъ упомянутыхъ облигацій на государственныя бумаги. Однако „обсужденіе“ этого вопроса затянулось настолько, что въ нашемъ матеріалѣ еще не упоминается о самомъ фактѣ обмѣна: „по неполученію до сихъ поръ, сказано тамъ, отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ постановленій по сему предмету подлежащихъ земскихъ собраній, дѣло не могло имѣть дальнѣйшаго хода“.

Такимъ образомъ, стремленіе земствъ увеличить, гдѣ можно, свои средства для успѣшнѣйшаго выполненія своихъ общественныхъ задачъ, встрѣчало также немало препятствій: больше половины приведенныхъ ходатайствъ ($55{,}5\%$) не получили въ свое время удовлетворенія. Изъ предшествующаго можно усмотрѣть, что почти одни только просьбы второстепеннаго значенія—объ уступкѣ для надобностей земства того или другого ненужнаго казнѣ дома—достигли цѣли. Иную судьбу терпѣли болѣе важныя ходатайства. Попытки нѣкоторыхъ земствъ вступить во владѣніе казенными землями съ цѣлью удовлетворить одну изъ насущныхъ потребностей крестьянскаго населенія были отклонены. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, въ случаѣ удачи приведенныхъ попытокъ, онѣ не остались-бы безъ подражанія со стороны другихъ земствъ и пользованіе оброчными землями было бы облегчено для крестьянъ гораздо раньше изданія соотвѣтственныхъ узаконеній въ 80-хъ годахъ.

Равнымъ образомъ, не удалось земствамъ и получить права на выморочныя имущества. Это право, которымъ пользуются другія общественныя группы (дворяне, городскія общества, сельскія общества, отчасти духовное вѣдомство, даже нѣкоторыя спеціальныя кассы—напр. морского вѣдомства, войсковыя ка-

зачьихъ войскъ и друг.), и которое могло-бы быть во многихъ случаяхъ столь важно для развитія различныхъ земскихъ функцій—это право земству дано не было, не смотря даже на поддержку министра юстиціи.

Наконецъ, земство въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не получало возможности совершить простѣйшую операцію обмѣна болѣе дешевыхъ бумагъ Главнаго общества росс. ж. д. на болѣе выгодныя государственныя. Вслѣдствіе этого оно теряло ежегодно $^1/_2\%$ дохода съ капиталовъ общественнаго призрѣнія. На всѣ 17 милл. за 14 лѣтъ (съ момента перваго ходатайства земства по этому предмету до выраженія министерствомъ принципіальнаго согласія на сказанный обмѣнъ) это составляетъ потерю въ суммѣ около одного милліона двухсотъ тысячъ рублей.

При такихъ условіяхъ, очевидно, не легко было земствамъ достигать какого нибудь увеличенія своего имущества и своихъ средствъ.

XI. Объ отнесеніи разныхъ земскихъ расходовъ на счетъ казны.

Въ этой группѣ мы имѣемъ небольшое число ходатайствъ (127); двѣ трети ихъ (65,2%) было отклонено. Не имѣя права возбуждать вопросовъ общегосударственнаго характера, будучи ограничено по закону въ своей компетенціи вопросами и интересами чисто мѣстнаго характера и охраняя матеріальное благосостояніе своего уѣзда или своей губерніи, земство, понятно, стремилось къ возможному сокращенію, въ соотвѣтствіи со сказаннымъ, такихъ возложенныхъ на него тратъ, которыя имѣютъ общегосударственныя цѣли и характеръ. Каждое ходатайство этого рода имѣло въ виду какую нибудь одну мѣру, вызывалось какимъ нибудь конкретнымъ фактомъ, но во всей группѣ ихъ можно взять за скобки указанное вполнѣ естественное стремленіе—оградить земскій бюджетъ отъ не земскихъ расходовъ и тѣмъ, быть можетъ, освободить земскія средства для расходовъ, подлежащихъ контролю и обсужденію земскаго собранія. Эта группа ходатайствъ, пожалуй немногочисленна, сравнительно съ важностью предмета для земскихъ плательщиковъ и учрежденій; она, пожалуй, не часто ставитъ вопросы принципіально,—но не забудемъ, что земству и въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, удавалось весьма немного въ смыслѣ удовлетворенія ходатайствъ въ то время, когда таковыя возбуждались, и что двѣ трети даже такихъ ходатайствъ было отклонено.

Начнемъ съ тѣхъ, которыя касались постоя и передвиженій войскъ. Нетрудно понять, что расходы мѣстныхъ жителей на этотъ предметъ представляютъ во многихъ мѣстностяхъ

весьма большую величину, и на эту сторону дѣла земства обращали немало вниманія. Такъ, с.-петербургское губ. собраніе еще въ 1866 году ходатайствовало о принятіи на счетъ государственнаго казначейства всѣхъ расходовъ по вознагражденію обывателей за убытки, произведенные черезъ порчу полей и луговъ во время лагерныхъ сборовъ въ губерніи; оставлено безъ движенія. Московское губ. собраніе (1873) желало того-же по отношенію къ расходамъ на вознагражденіе обывателей „за усиленное отбываніе воинской постойной повинности въ лѣтнее время подъ Москвой, ибо наибольшая часть сего расхода вызывается усиленнымъ сборомъ въ лагерное время, обусловливаемымъ общими соображеніями государственной необходимости",—о судьбѣ этого ходатайства въ матеріалѣ свѣдѣній не имѣется. Тамбовское губ. земство (1874) просило того-же о расходахъ по найму и устройству помѣщеній для ремонтныхъ депо. „Жители тѣхъ селеній, говоритъ земство, въ которыхъ помѣщаются такія депо, крайне стѣснены и не имѣютъ никакой возможности нести расходъ по содержанію депо и исполнять требованія ремонтера; обремененіе жителей этихъ селеній постоемъ ремонтныхъ депо составляетъ неравномѣрный и несправедливый налогъ и нѣтъ никакого основанія возлагать этотъ налогъ на земство Тамбовскаго уѣзда". Въ отвѣтѣ было заявлено, что, за преобразованіемъ въ 1874 г. воинской квартирной повинности, „означенное ходатайство не требуетъ разрѣшенія". Черниговское губ. собраніе (1867) представило просьбу болѣе общаго характера: „чтобы повинности этапная, подводная, квартирная, по отводу войскамъ мѣстъ подъ лагери и пастбищъ для военныхъ лошадей—отнесены были къ разряду повинностей государственныхъ съ назначеніемъ за оныя вознагражденія, подобно тому, какъ это соблюдается относительно одной изъ нихъ—поставки для войскъ подводъ". Отклонено на томъ, безспорно извѣстномъ земству и безъ этого, основаніи, что всѣ эти повинности отправляются „повсемѣстно натурою".— Цѣлый рядъ земствъ *) хлопоталъ о переложеніи натуральной постойной повинности въ денежную съ отнесеніемъ ея на государственный счетъ. Иныя изъ нихъ прибавляли желаніе о пересмотрѣ всѣхъ земскихъ повинностей въ законодательномъ порядкѣ „для точнаго опредѣленія, какія изъ нихъ должны быть признаны мѣстными и какія—государственными". Иныя—просили о переложеніи названной повинности въ денежную, хотя-бы въ тѣхъ болѣе скромныхъ цѣляхъ, чтобы уравнять ее между городами данной губерніи. Земства ярославское и псковское хотѣли,

*) Херсонское губ. (1867), смоленское губ. (1867), царицынское (1868), зѣньковское (1869), новгородское губ. (1870), боровичское (1870). тихвинское (1870), валдайское (1870), владимірское (1871), ярославское губ. (1868), дорогобужское (1871), ярославское губ. (1870), псковское губ. (1869); кромѣ того—ярославская город. дума (1869 и 1870).

между прочимъ, участія управы въ дѣйствіяхъ квартирныхъ коммиссій и даже полнаго упраздненія послѣднихъ съ передачей ихъ обязанностей земскимъ учрежденіямъ. Мотивомъ всегда служили: „крайняя неуравнительность въ отправленіи этой повинности и невозможность уравнять ее при дальнѣйшемъ исполненіи натурою“, „чрезмѣрное обремененіе города расходами на отбываніе квартирной повинности“ и т. п. Всѣ эти ходатайства въ теченіе 7 лѣтъ были отклонены. Однако, высоч. утв. 8 іюня 1874 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта было, между прочимъ, положено: расходы городовъ „на квартирныя потребности“ и расходы земствъ и городовъ „по найму зданій для воинскихъ помѣщеній“ принять на счетъ государственнаго казначейства. Еще рядъ ходатайствъ земствъ 1866—1882 гг. (которыхъ мы позволимъ себѣ не перечислять) имѣли въ виду нѣкоторыя измѣненія въ формѣ вознагражденія населенія за отбываніе подводной повинности при передвиженіяхъ войскъ (объ увеличеніи цѣнности контрмарокъ, выдаваемыхъ населенію войсками; о выдачѣ такихъ контрмарокъ на руки подводчикамъ для того, чтобы они могли представлять ихъ въ зачетъ слѣдующихъ съ нихъ податей, что лишило-бы сельское начальство возможности злоупотреблять при разсчетахъ съ крестьянами и при зачетѣ контрамарокъ за общество; объ удовлетвореніи крестьянъ вознагражденіемъ за простой подводъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ въ теченіе сутокъ на станціяхъ не дождутся воинскихъ командъ и нѣкот. друг.). Одни изъ этихъ ходатайствъ были переданы въ податную коммиссію при министерствѣ финансовъ и о дальнѣйшей ихъ судьбѣ въ нашемъ матеріалѣ свѣдѣній не имѣется; иныя были отклонены; цѣнность контрмарокъ была повышена въ 1874 г., но дальнѣйшія просьбы о томъ-же не встрѣчали удовлетворенія.—Далѣе, земства нижегородское губ. (1871) смоленское губ., (1871 и 1882), владимірское губ. (1872), ковровское (1872), вязниковское (1872), гороховецкое (1872), московское губ. (1874) и александровское (Влад. губ. 1874) ходатайствовали „о направленіи, по возможности, движенія войскъ въ мѣстностяхъ, состоящихъ въ районѣ желѣзныхъ дорогъ, по этимъ дорогамъ, а не по земскимъ или военнымъ трактамъ, въ видахъ облегченія населенія въ поставкѣ подводъ“; смоленскій губернскій предводитель дворянства, избранный мѣстнымъ земствомъ для содѣйствія коммиссіи, которой поручено было изслѣдованіе причинъ обѣднѣнія крестьянъ той губерніи, подкрѣплялъ такое ходатайство соображеніемъ, что „существующій порядокъ передвиженія войскъ разорителенъ для тѣхъ жителей губерніи, которые живутъ недалеко отъ пути слѣдованія войскъ“; этотъ порядокъ, по словамъ владимірскаго земства, „крайне обременителенъ для земства и мѣстныхъ жителей, вслѣдствіе требующагося значительнаго числа подводъ, отвода квартиръ, отпуска дровъ для хлѣбопековъ

и проч.“ Переписка по сказанному поводу между министерствами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ длилась болѣе 10 лѣтъ. Не излагая ея въ подробностяхъ, упомянемъ лишь, что послѣднее относилось къ приведеннымъ ходатайствамъ довольно благопріятно. Такъ, между прочимъ, въ отзывѣ отъ 9 іюля 1878 года оно находило, что перевозка тяжестей и незапряженнаго обоза по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто обывательскихъ и земскихъ лошадей, составляетъ мѣру „не только весьма желательную, но и необходимую, какъ въ видахъ облегченія мѣстныхъ обывателей въ тягости подводной повинности, такъ и въ виду установленія военно-конской повинности, для успѣшнаго исполненія коей требуется сколь возможно меньшее обремененіе крестьянскихъ лошадей подводной повинностью“. Но и на это „отзыва военнаго министра не послѣдовало“ и изъ нашего матеріала не видно, чтобы и въ дальнѣйшемъ (до 1884 г.) ходатайства земства были удовлетворены хотя-бы отчасти.—Вятское губ. собраніе (1875), въ силу „крайней обременительности для мѣстныхъ обывателей поставки подводъ для воинскихъ командъ въ весеннюю распутицу“, просило объ устраненіи этихъ затрудненій „посредствомъ задержанія командъ въ городахъ, лежащихъ по Волгѣ и Камѣ, до открытія навигаціи и отправленія ихъ затѣмъ на пароходахъ“. Въ отвѣтъ заявлено, что, въ силу измѣненія въ предшествующемъ году системы комплектованія, команды не будутъ въ предѣлахъ Вятской губ. передвигаться въ весеннее время, могутъ „слѣдо вать лишь нижніе чины, пересылаемые этапнымъ порядкомъ“; не видно, однако, чтобы было сдѣлано распоряженіе о перевозкѣ ихъ порядкомъ, о которомъ просило земство (на пароходахъ).— Удовлетворено лишь ходатайство петербургскаго губ. собранія (1869) объ отнесеніи на счетъ суммъ николаевской академіи генеральнаго штаба расходовъ на разъѣзды офицеровъ этой академіи, занимающихся практической съемкой въ лѣтніе мѣсяцы въ Петергофскомъ уѣздѣ; мотивировалось это ходатайство тѣмъ, что крестьяне этого уѣзда, „обремененные расходами по исполненію подводной повинности, должны платить еще 1932 р. 12 коп. въ годъ на разъѣзды офицеровъ академіи“.

Не мало хлопотало, далѣе, земство о сокращеніи своихъ расходовъ на полицію и другихъ государственныхъ чиновниковъ. Въ 1869 и 1875 гг. петергофское земство безуспѣшно просило о сложеніи съ него расхода на содержаніе въ г. Ораніенбаумѣ полиціи и объ отнесеніи послѣдняго на счетъ казны; въ основаніе приводилось, что названный городъ платитъ „земскаго сбора гораздо менѣе, нежели земство расходуетъ на содержаніе въономъ полиціи и проч. надобности“. Харьковское губ. (1867) и холмское (1872) собранія желали оплаты казною разъѣздовъ полицейскихъ чиновъ и судебныхъ слѣдователей. „Дѣла, по которымъ посылаются полицейскіе чиновники, главнымъ образомъ касаются

нуждъ государственныхъ", говоритъ первое изъ нихъ. Въ томъ-же смыслѣ просили также собранія княгининское (1866) и ѳеодосійское (1869). Херсонское губ. земство (1878) ходатайствовало о принятіи на государственный земскій сборъ расходовъ по найму помѣщеній для становыхъ приставовъ, судебныхъ слѣдователей и рекрутскихъ присутствій, на томъ основаніи, что „другіе чины судебнаго вѣдомства и администраціи въ губерніи, исполняющіе обязанности наравнѣ съ судебными слѣдователями и приставами, получаютъ квартирное довольствіе отъ казны; повинность-же рекрутская есть повинность государственная". Аналогичныя ходатайства представлены были собраніями екатеринославскимъ губ. (1875), пензенскимъ губ. (1877), череповецкимъ (1881) и новгородскимъ губ. (1882) *).

Ржевское собраніе (1876) хотѣло, чтобы съ него была сложена повинность по поставкѣ лошадей для разъѣздовъ „акцизныхъ должностныхъ лицъ по дѣламъ службы, въ виду обремененія земства этими разъѣздами, причемъ земскія лошади задерживаются по нѣскольку дней". Херсонское губ. земство (1866) просило о воспрещеніи требовать для тысячскихъ билетовъ на взиманіе обывательскихъ подводъ. Всѣ эти ходатайства были отклонены. Керенскому (1878) и днѣпровскому (1872) земствамъ было лишь дозволено выдавать квартирныя деньги становымъ приставамъ не по третямъ, а помѣсячно **).

Основываясь на ст. 37 временныхъ правилъ для зем. учр., земства установили за правило снабжать билетами на квартиры и подводы непосредственно тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ на то право, но не давать никому билетныхъ бланковъ, которые могли-бы быть раздаваемы помимо управъ. Этотъ порядокъ былъ найденъ неудобнымъ „не только при разъѣздахъ чиновъ полицейскаго управленія, становыхъ приставовъ и судебныхъ слѣдователей, а равно и чиновъ корпуса жандармовъ, но и при передвиженіяхъ войскъ". На такомъ основаніи, сенатъ разъяснилъ (28 іюня 1866 г.), что „земскія управы, по требованію начальниковъ губерній и прочихъ мѣстъ и лицъ, имѣющихъ право на полученіе бланковыхъ билетовъ на подводы, обязаны снабжать ихъ таковыми въ достаточномъ количествѣ". Этотъ указъ вызвалъ рядъ ходатайствъ

---

*) По просьбѣ кременчугскаго земства (1877), было разъяснено, что правомъ на безплатное пользованіе лошадьми обладаютъ и кандидаты на судебныя должности, исправляющіе обязанности слѣдователей. Въ приведенномъ уже ходатайствѣ холмскаго собранія (1872) выражено желаніе и объ отнесеніи на счетъ казны всего судебно-мирового института. Другого ходатайства въ этомъ-же смыслѣ мы не находимъ.

**) Единственное ходатайство объ *увеличеніи* числа лицъ, имѣющихъ право пользоваться безплатно земскими подводами, было, конечно, удовлетворено (мамадышское собраніе 1865 г. о духовныхъ лицахъ православнаго и магометанскаго исповѣданій).

„о возстановленіи въ своей силѣ ст. 37“. Тверское губ. (1866) земство находитъ, что „указъ этотъ опровергаетъ принятое повсемѣстно примѣненіе прямого и буквальнаго смысла ст. 37 и тѣмъ подрываетъ довѣріе къ самостоятельной дѣятельности земскихъ учрежденій“; новгородское губ. собраніе (1867) думаетъ, что приведенный указъ „совершенно отмѣняетъ ст. 37 и слѣд. врем. прав., что „за отмѣной сего существеннаго права (права контроля надъ пользованіемъ подводной повинностью) самая выдача билетовъ и открытыхъ листовъ не имѣетъ болѣе для земскихъ учрежденій никакого значенія и земство не можетъ и не должно болѣе нести отвѣтственность за злоупотребленія, къ прекращенію коихъ лишено всякой власти“; „земство не можетъ обременять управы пустою формальностью заготовленія и печатанія билетовъ и листовъ, превращающую ихъ въ пересылочную инстанцію между типографіею губернскаго правленія и полицейскими управленіями“. Орловское губ. собраніе (дважды въ 1867 г.) представляло такія-же ходатайства „въ видахъ охраненія народнаго интереса, такъ какъ указомъ сената измѣняется сущность ст. 37 и устанавляется порядокъ, могущій привести къ такимъ печальнымъ явленіямъ, которыя неизбѣжно возбудятъ въ народѣ ропотъ и недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ“. По словамъ херсонскаго губ. собранія (1867), указъ „отнимаетъ всякую возможность контролировать правильный отпускъ обывательскихъ лошадей и препятствовать отягощенію жителей по отбыванію сей повинности“. Московское губ. земство (1867) полагаетъ, что „если это разъясненіе сената останется въ силѣ, то не только подводная повинность сдѣлается одною изъ самыхъ тяжелыхъ для земства и земскія учрежденія никогда не будутъ въ состояніи достигнуть уравнительности отбыванія ея, но земство лишается того права, которое предоставлено ему закономъ—права общаго надзора за исполненіемъ натуральныхъ повинностей и завѣдыванія оными, такъ какъ ограниченіе права земскихъ учрежденій однимъ только вписываніемъ въ билеты мѣстностей низводитъ ихъ на степень мѣстъ храненія билетовъ, которыми распоряжаются другія мѣста и лица“. Аналогичныя ходатайства представили также и по тѣмъже мотивамъ губернскія собранія смоленское, ярославское, харьковское, екатеринославское и казанское (всѣ въ 1867 г.). Это единодушіе, проявленное въ данномъ случаѣ значительнымъ числомъ губернскихъ земствъ, не совсѣмъ осталось безъ послѣдствій. Дѣло восходило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, который высочайше утв. 11 марта 1868 г. мнѣніемъ положилъ: разъясненіе сената оставить въ силѣ, но дополнить ст. 37 нѣкоторыми правилами *), которыя давали бы возможность земству слѣдить

---

*) Получившій бланкъ оставляетъ на станціяхъ, черезъ которыя проѣзжаетъ, квитанцію, по которой контролируется его маршрутъ; самые

за употребленіемъ выданныхъ бланковъ и своевременно обжаловать злоупотребленія послѣдними. Быть можетъ, однако, полагая такой компромиссъ недостаточнымъ для возстановленія правъ земскихъ учрежденій въ данномъ случаѣ, государственный совѣтъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ истребовать объ этихъ временныхъ правилахъ заключенія земскихъ управъ и губернаторовъ и внести, если будетъ нужно, въ совѣтъ соображенія о ихъ дополненіяхъ, которыя были бы признаны необходимыми, „дабы“ прибавляетъ гос. совѣтъ, „открыть и земскимъ учрежденіямъ нужныя средства къ исполненію возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей по учету подводной повинности и облегченію тягостей ея для обывателей“. Не смотря, однако, на это косвенное признаніе того, что приведенное толкованіе сената ст. 37-й закрыло земскимъ учрежденіямъ нужныя средства къ исполненію возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей по облегченію тягости населенія и по учету подводной повинности, дѣло было „оставлено безъ дальнѣйшаго движенія“; по объясненію нашего матеріала, „отдѣльное разсмотрѣніе настоящаго дѣла было признано неудобнымъ, въ виду предположеннаго общаго пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ“.

Всѣ прочія ходатайства, относящіяся къ той-же подводной повинности, представляютъ менѣе единства предмета, хотя проникнуты все однимъ и тѣмъ же стремленіемъ — всячески, какъ возможно по мѣстнымъ условіямъ, облегчить тяжесть названной повинности для населенія и земскаго бюджета.

Такъ, мокшанское собраніе (1866) просило разрѣшить ему замѣнить предоставленіе подводъ натурою судебнымъ слѣдователямъ и полиціи, по соглашенію съ ними, деньгами; ходатайство удовлетворено.—Ялтинское собраніе (1867) желало получить разрѣшеніе закрыть обывательскія станціи, расположенныя по почтовому тракту, съ тѣмъ, чтобы полицейскіе чиновники ѣздили на почтовыхъ за прогоны, выдаваемые земствомъ. Разрѣшено съ тѣмъ, чтобы и увеличеніе комплекта почтовыхъ лошадей, еслибы таковой понадобился, было произведено на счетъ земства-же. Яранское земство (1869), усиливъ движеніе своей почты, ходатайствовало, чтобы мѣстная полиція уже не имѣла права посылать нарочныхъ (кромѣ какъ къ начальнику губерніи). Выражая этимъ мысли весьма многихъ земствъ, названное собраніе мотивировало свою просьбу „весьма значительнымъ разгономъ лошадей для нарочныхъ, посылаемыхъ полицейскими упра-

---

бланки, по минованіи въ нихъ надобности, возвращаются въ управу, которая можетъ провѣрить и право полученія бланка вписаннымъ въ него лицомъ, и его маршрутъ; земская управа можетъ обжаловать губернатору выясненное такой провѣркой незаконное пользованіе подводами и неправильную выдачу билетовъ.

вленіями и становыми приставами; такъ какъ земская управа не имѣетъ возможности провѣрить, была-ли дѣйствительная надобность въ посылкѣ нарочнаго, то земство предполагаетъ, для успѣшнаго сношенія полиціи съ мѣстными волостными правленіями и въ видахъ прекращенія посылки нарочныхъ, усилить правильное движеніе земской почты". Сенатъ разъяснилъ (1870), что перевозка экстренныхъ бумагъ въ сношеніяхъ между полицейскими управленіями и становыми приставами все-же можетъ быть производима спеціальными нарочными.—Псковское уѣздное собраніе (1870) просило разрѣшенія выдавать открытые листы одному лицу не болѣе, какъ на двѣ лошади, такъ какъ въ этомъ уѣздѣ выставлено отъ земства только на трехъ пунктахъ по 4 лошади, на остальныхъ-же 19-ти—по двѣ; отклонено по формальному мотиву.—Яранское земство (1871) желало дозволенія содержателямъ казенныхъ почтовыхъ станцій брать на себя содержаніе и земскихъ лошадей и содержать тѣ и другія станціи вмѣстѣ; земство разсчитывало на удешевленіе этимъ путемъ расходовъ на земскую почтовую гоньбу. Соединеніе въ одномъ лицѣ содержателей тѣхъ и другихъ станцій было разрѣшено, но соединенія станцій было отклонено. Не лишенъ интереса мотивъ послѣдняго: „лошадей и экипажей, которые могутъ быть терпимы на земскихъ станціяхъ, обязанныхъ перевозить однихъ только проѣзжающихъ по земскимъ дѣламъ, невозможно содержать на почтовыхъ станціяхъ, потому-что перевозка почтъ, эстафетъ, проѣзжающихъ, а также высочайшихъ особъ требуетъ содержанія на почтовыхъ станціяхъ лошадей крѣпкихъ, сильныхъ, годныхъ для закладки въ экипажи всякаго рода" и т. д. Казалось-бы, что и земская гоньба требуетъ лошадей не слабыхъ и не негодныхъ для закладки.—Любопытно въ принципіальномъ отношеніи и характерно съ бытовой стороны ходатайство кирсановскаго собранія (1872) о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ вопроса о томъ, кто обязанъ и на чей счетъ заготовлять лошадей при „экстренныхъ" проѣздахъ? Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе сдѣланнаго губернаторомъ распоряженія о томъ, чтобы обывательскія лошади были выставлены въ с. Хмѣльникѣ Кирсановскаго уѣзда для оренбургскаго генералъ-губернатора при проѣздѣ его въ февралѣ 1871 года черезъ Тамбовскую губернію изъ Петербурга въ Оренбургъ; при этомъ крестьянами заявлена была претензія о вознагражденіи за напрасный простой выставленныхъ ими лошадей. Министерство внутреннихъ дѣлъ, указывая на законъ, разрѣшающій вопросъ земства, не усматривало надобности входить о его разрѣшеніи законодательнымъ порядкомъ, о чемъ и сообщило губернатору, при чемъ, однако, обратило его вниманіе на то, что „по закону не дозволяется дѣлать нарядъ обывательскихъ лошадей при проѣздахъ черезъ губерніи какихъ либо лицъ, за исключеніемъ высо-

чайшихъ проѣздовъ, указанныхъ въ п. 3 ст. 186 уст. о зем. повин.“ (предложеніе 21 марта 1873 г.).—Нѣсколько сходенъ съ предыдущимъ и другой случай, послужившій поводомъ для нижегородскаго собранія (1875) ходатайствовать о вознагражденіи крестьянъ по настоящей цѣнѣ провоза за обывательскія подводы, выставленныя (въ количествѣ 480 шт.) въ самую рабочую пору для перевозки старой мѣдной монеты; за это были заплачены лишь прогонныя деньги, что было весьма обременительно и убыточно для населенія. Министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что въ законѣ не было указаній на право назначенія подводъ подъ провозъ мѣдной монеты (раньше для этого существовалъ подрядный способъ) и потому находилъ ходатайство нижегородскаго земства заслуживающимъ уваженія; но министръ финансовъ отозвался, ссылаясь на ст. 180 ч. I т. XII свод. зак. уст. почт., что выдачей прогонныхъ денегъ крестьяне удовлетворены достаточно, и потому ходатайство было отклонено. Но земство, не соглашаясь съ примѣненіемъ означенной статьи*) въ данномъ случаѣ, принесло жалобу въ сенатъ за отказъ; сенатъ, руководствуясь точнымъ смысломъ закона, разъяснилъ, что „не представляется никакого сомнѣнія въ томъ, что перевозка какихъ либо другихъ металловъ должна производиться не на обывательскихъ лошадяхъ за прогоны, а по вольному найму, и что удовлетвореніе крестьянъ, выставившихъ подводы подъ свозъ мѣдной монеты по дѣйствительной стоимости таковыхъ во время перевозки металла, оказывается вполнѣ справедливымъ“, и потому опредѣлилъ выдать кому слѣдуетъ (изъ крестьянъ) причитающіяся по разсчету деньги (указъ 30 января 1879). Такимъ образомъ, въ противность отзыву министра финансовъ, крестьяне были удовлетворены, хотя прошло болѣе 4-хъ лѣтъ со времени перевозки монеты до изданія приведеннаго указа сената.—Бѣльское (1872) и хотинское (1873) собранія желали увеличить прогонную плату до 3 коп. за версту и лошадь для лицъ, проѣзжающихъ по земскимъ открытымъ листамъ за прогоны и не получающихъ содержанія отъ земства; ходатайства отклонены, ибо по закону „проѣзжающіе на обывательскихъ лошадяхъ платятъ прогоны по тому-же разсчету, какъ и за почтовыхъ“.—С.-Петербургская уѣздная земская управа (1875) просила объ установленіи относительно пользованія обывательскими подводами тѣхъ же правилъ, какія существуютъ для лошадей почтовыхъ**); просьба вызвана была тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ

*) Въ этой статьѣ говорится о казенныхъ транспортахъ съ золотомъ, серебромъ, мягкой рухлядью и другими казенными вещами.

**) Проѣзжающій не долженъ задерживать болѣе одного часу присланныхъ къ нему на квартиру почтовыхъ лошадей; въ противномъ случаѣ лошади возвращаются, а уплаченныя прогонныя деньги не выдаются обратно.

лошади задерживались по нѣскольку часовъ; отклонено по формальному мотиву: ходатайство возбуждено не собраніемъ, а управой, хотя въ массѣ другихъ такихъ-же случаевъ такой ссылки дѣлаемо не было.

Такимъ образомъ, не смотря на все разнообразіе поводовъ и мотивовъ приведенныхъ ходатайствъ, стремленіе земствъ удешевить, облегчить для населенія подводную повинность встрѣчало почти всегда неодолимыя препятствія и получало удовлетвореніе лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Опуская до полутора десятка болѣе мелкихъ ходатайствъ (о разрѣшеніи устройства земской почты, объ отвѣтственности содержателей земскихъ станцій и нѣкот. друг.), переходимъ, наконецъ, къ тѣмъ, цѣлью которыхъ было принятіе на счетъ казны нѣкоторой части дорожной повинности.

Ялтинское (1868), бессарабское областное (1871) и аккерманское (1872) собранія просили о принятіи на счетъ государственнаго казначейства расхода по содержанію патрульныхъ дорогъ въ Ялтинскомъ и Аккерманскомъ уѣздахъ. Мотивомъ для этихъ ходатайствъ служило государственное значеніе такихъ дорогъ, необходимыхъ для пограничной стражи, дѣйствующей въ интересахъ не одного уѣзда, а цѣлаго государства. Любопытенъ мотивъ отказа, который получили земства по этому вопросу: министръ финансовъ отозвался (7 іюля 1873 г.), что „такъ какъ содержаніе упомянутыхъ дорогъ оставалось до того времени на обязанности мѣстнаго земства, то и не представляется достаточнаго основанія къ отнесенію потребныхъ на сей предметъ расходовъ на казну или государственный земскій сборъ". Министерство не ссылалось въ этомъ случаѣ на законность даннаго факта, а просто на существованіе послѣдняго; интересы фиска такимъ образомъ покрыли собой интересы права.—Когда объ этомъ отзывѣ сообщено было аккерманскому земству, то оно принесло въ сенатъ жалобу на отказъ министра финансовъ въ удовлетвореніи приведеннаго ходатайства. Министерство внутреннихъ дѣлъ въ своемъ заключеніи указало на то, что патрульныя дороги, пролегая по границамъ имперіи не для мѣстнаго сообщенія, а для государственной надобности, „едва ли могутъ быть причислены къ категоріи дорогъ, которыя по закону должны содержаться земствомъ"; къ тому же, расходы на ихъ содержаніе весьма обременительны не только для одного названнаго уѣзда, но и для всей Бессарабской губ. (болѣе 500 верстъ), почему ходатайство аккерманскаго земства и должно бы быть удовлетворено". Вмѣстѣ съ тѣмъ на на этотъ разъ и министерство финансовъ „донесло сенату, что за приведенными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ соображеніями, не бывшими въ виду министерства финансовъ, вопросъ этотъ вновь разсматривается въ семъ министерствѣ". Въ концѣ концовъ, сенатъ призналъ точку зрѣнія земства и министерства

внутреннихъ дѣлъ правильною и приведенное ходатайство заслуживающимъ уваженія. Вѣроятно, тѣмъ же кончилось бы и дѣло по ходатайству ялтинскаго собранія, еслибы послѣднее обнаружило больше настойчивости и перенесло свою вполнѣ законную просьбу въ сенатъ, не довольствуясь фискальнымъ отзывомъ министерства финансовъ. Въ этомъ едва ли можно бы было сомнѣваться.

Слѣдующія семь земскихъ собраній хлопотали, по разнымъ причинамъ, объ отнесеніи на счетъ казны содержанія или сооруженія тѣхъ или другихъ дорогъ, но ни одно изъ нихъ успѣха не имѣло. Характерно въ данномъ случаѣ то, что фискальный мотивъ этихъ отказовъ, который легко видѣть во всѣхъ отвѣтахъ на нижеприводимыя ходатайства, ни разу не былъ высказанъ прямо, но былъ замѣняемъ разными иными соображеніями. Серпуховское земство (1868) просило отнести на счетъ казны одну дорогу, соединяющую двѣ другія, содержимыя на государственный счетъ—желѣзную и шоссейную, и имѣющую лишь слабое мѣстное значеніе и значительное—болѣе общее; отказано потому, что эта дорога пролегаетъ по землѣ, не принадлежащей къ полосѣ, отчужденной подъ желѣзную дорогу, и потому что трактъ этотъ „удовлетворяетъ" только надобностямъ мѣстныхъ жителей", что именно и отрицало земство. Новгородское губ. собраніе (1870) ходатайствовало о принятіи на государственный земскій сборъ такого тракта, который переданъ былъ казной земству въ „болѣе чѣмъ неудовлетворительномъ положеніи", на который послѣднее затратило уже 140 тыс. руб., а еще предстоящія траты грозятъ земству совершенно непосильнымъ расходомъ; отвѣтъ получился не по существу — въ немъ было лишь указано, что названный сборъ „невозможно обременять пособіями земствамъ на такія потребностями, удовлетвореніе коихъ отнесено на обязанности мѣстнаго земства". Тульскому губ. собранію (1871) на его просьбу о шоссированіи одной дороги отъ уѣзднаго города до станціи желѣзной дороги, помимо указанія на мѣстный характеръ такого шоссе, было поставлено на видъ, что оно „не только дѣлаетъ мало для улучшенія путей сообщенія, но даже и то, что дѣлаетъ—дѣлаетъ дурно"; таковъ былъ отзывъ мѣстнаго губернатора и это вошло въ мотивировку отказа по приведенному ходатайству. Для доставленія населенію, пострадавшему отъ неурожая 1875 г., заработковъ, ельнинское собраніе постановило ходатайствовать о шоссированіи одной дороги; это ходатайство было представлено смоленскимъ губернаторомъ въ министерство только 26 іюня 1876 г.; 14 октября того же года послѣдовалъ отвѣтъ, въ которомъ признается, что „устройство сказанной дороги можетъ оказать благотворное вліяніе на экономическое состояніе названнаго уѣзда", но что неурожай 1875 г. уже минулъ, а урожай 1876 г. удовлетворите

ленъ, а потому „министерство не признало возможнымъ дать ходъ означенному ходатайству ельнинскаго земства". Таврическое губ. собраніе (1882) просило о продленіи казеннаго шоссе у г. Симферополя на 5 верстъ въ качествѣ *подъѣздного* пути; „не усмотрѣно въ этомъ случаѣ тѣхъ особыхъ уваженій, ради которыхъ можно было бы признать участіе казенныхъ средствъ въ настоящемъ чисто земскомъ дѣлѣ (по большому крымскому шоссе, Н. К). возможнымъ и необходимымъ". Отказано было на формальномъ основаніи и въ ходатайствѣ кирилловскаго собранія (1873) объ освобожденіи земства отъ обязанности исправлять торговыя дороги въ предѣлахъ земель г. Кириллова съ отнесеніемъ этого расхода на городскія средства. И только на одно ходатайство с.-петербургскаго губ. земства (1869) о шоссированіи въ предѣлахъ этой губерніи архангельскаго тракта, въ виду государственнаго значенія этого пути, послѣ переписки между вѣдомствами, былъ прямо данъ отрицательный отвѣтъ: министръ финансовъ встрѣчаетъ затрудненія къ выполненію этого расхода изъ суммъ государственнаго казначейства. Прибавимъ, что однимъ изъ мотивовъ возбужденія этого ходатайства въ сессіи 1868 года *), петербургскаго губ. земства была „необходимость открытія заработковъ по случаю неудовлетворительнаго урожая въ томъ году"; окончательный отвѣтъ въ приведенномъ смыслѣ былъ сообщенъ петербургскому губернатору лишь 16 іюля 1870 года.

Здѣсь-же умѣстно назвать еще два безуспѣшныхъ ходатайства о передачѣ нѣкоторыхъ мостовъ и гатей казнѣ на почтовыхъ и шоссейныхъ трактахъ въ гг. Орлѣ и Ельцѣ—орловской губ. зем. управы (1867) и городскому общественному управленію наплавного моста и весенней переправы черезъ р. Клязьму въ г. Владимірѣ на муромскомъ трактѣ владимірскаго уѣзд. собранія (1876). Обѣ просьбы отклонены по формальному мотиву. Счастливѣе было ходатайство тверской губ. управы (1867) о принятіи на госуд. земск. сборъ „возобновленія и ремонта мостовъ, трубъ и гатей, устроенныхъ на счетъ казны при учрежденіи верхневолжскаго водохранилища, въ виду того, что верхневолжскій бейшлотъ былъ устроенъ для образованія запаснаго резервуара, изъ котораго питалась-бы часть Волги, обыкновенно судоходная по спадѣ водъ, т. е. часть ея ниже Твери, а потому верхневолжскій бассейнъ служитъ для пользы только меньшей части Тверской губ. и всего низового судоходства, поднимающагося въ вышневолоцкую систему". Мы не можемъ слѣдить въ подробностяхъ за перепиской, возникшей по этому вопросу

*) Возбужденію этого ходатайства предшествовала въ 1868 г. переписка петербургской губ. управы съ минист. путей сообщенія по тому же предмету и съ тѣмъ же результатомъ.

между вѣдомствами. Между прочимъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало (отъ 3 января 1873 г.), что указанныя сооруженія „ничего не имѣютъ общаго съ обыкновенными сооруженіями на большихъ и проселочныхъ дорогахъ, почему мѣстные обыватели и земство не въ силахъ поддерживать ихъ на свой счетъ“. Не смотря, однако, на это, министръ путей сообщенія (26 декабря 1877 г.), настаивая на своемъ отрицательномъ отношеніи къ просьбѣ земства, вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ отклоненіи сказаннаго ходатайства; но названный комитетъ взглянулъ на дѣло иначе и состоялось высоч. повелѣніе о передачѣ тѣхъ сооруженій обратно въ казну (27 января 1878 г.—черезъ 11 лѣтъ со времени возбужденія настоящаго дѣла).—Отклонена была по формальному мотиву еще одна просьба, аналогичная предыдущимъ—просьба симбирскаго губ. земства (1868) объ отнесеніи на счетъ города ремонта устроенныхъ земствомъ дамбы и спусковъ въ чертѣ Симбирска, такъ какъ „статья перевоза черезъ р. Волгу, приносящая доходъ и состоящая въ тѣсной связи съ названными сооруженіями, передана городу“.

Наконецъ, херсонское губ. собраніе (1871) просило объ устройствѣ на казенный счетъ при пяти станціяхъ жел. дор. „удобныхъ помѣщеній для почтовыхъ лошадей и ямщиковъ, прибывающихъ за почтами, слѣдующими по жел. дор.“ Мотивомъ послужилъ земству тотъ фактъ, что вслѣдствіе запаздыванія поѣздовъ „по нѣсколько часовъ и даже сутокъ“ ямщики ожидаютъ ихъ прибытія, „не будучи ничѣмъ защищены отъ непогоды; часто бываетъ, что ямщики поэтому уѣзжаютъ обратно, не дождавшись почтъ, а нѣкоторые даже отказывались отъ службы на станціяхъ“. Не смотря на то, что рѣчь шла о казенной почтѣ и причиной возбужденія ходатайства были непорядки на *не* земской желѣзной дорогѣ, министръ финансовъ отозвался, что „сказанный расходъ на государственный счетъ отнесенъ быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что по другимъ губерніямъ подобныхъ издержекъ вовсе не требуется (?) Если же херсонское земство, въ содержаніи котораго находятся почтовыя станціи (?), признаетъ необходимымъ имѣть особыя для нихъ помѣщенія при жел. дор., то отъ него зависитъ распорядиться устройствомъ таковыхъ на общественныя средства“.

Къ сказанному объ этой группѣ ходатайствъ прибавлять едва-ли что-нибудь нужно. Дѣло съ ними обстояло весьма просто. Борьба земскаго интереса съ фискальнымъ велась съ неравными средствами и нетрудно было предсказать, на чьей сторонѣ окажется успѣхъ. Только въ немногихъ сравнительно случаяхъ, когда обязанность государства на производство тѣхъ или иныхъ расходовъ не только была вполнѣ очевидна, но и касалась отдѣльныхъ явленій, не

охватывая собой цѣлой серіи случаевъ, и встрѣчала иногда поддержку въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—почти только въ этихъ случаяхъ земскія ходатайства занимающей насъ теперь группы получали удовлетвореніе. Къ такимъ можно отнести расходы на разъѣзды офицеровъ генеральнаго штаба для съемокъ въ окрестностяхъ Петербурга, на удовлетвореніе крестьянъ за перевозку мѣдной монеты, на содержаніе патрульной дороги въ предѣлахъ Бессарабской области *), на поддержаніе верхневолжскаго водохранилища. Какъ мы видѣли, и эти безспорно законныя ходатайства земствъ нелегко достигли благопріятныхъ результатовъ: по двумъ изъ нихъ потребовалось высочайшее повелѣніе, по двумъ земство жаловалось въ сенатъ, второе и третье прошли въ противность мнѣнію министерства финансовъ, четвертое—при противодѣйствіи министерства путей сообщенія; разрѣшеніе второго длилось 4 года, четвертаго 11 лѣтъ. Изъ общихъ мѣръ, проектированныхъ земствами для облегченія своихъ повинностей, безспорно государственнаго характера, болѣе и менѣе удовлетворительно разрѣшена была одна постойная, о которой переписка длилась семь лѣтъ. Въ двухъ случаяхъ разрѣшена была замѣна натуральной подводной повинности денежной, не касавшаяся фискальнаго интереса, по соглашенію съ заинтересованными чиновниками. Изъ нашего матеріала не видно даже, чтобы получили денежное удовлетвореніе тѣ лица, которыя незаконно принуждены были поставлять лошадей при проѣздѣ оренбургскаго генералъ-губернатора; дѣло, повидимому, ограничилось замѣчаніемъ тамбовскому губернатору.

Въ иныхъ случаяхъ ходатайства земства получили лишь частичное удовлетвореніе. Такъ было съ возстановленіемъ точнаго смысла ст. 37 о раздачѣ бланковъ открытыхъ листовъ, съ вопросомъ о перевозкѣ полицейскихъ чиновъ казенной почтой въ Ялтинскомъ уѣздѣ; но въ обоихъ случаяхъ вовсе не былъ замѣшанъ фискальный интересъ. Послѣднимъ нѣсколько поступились при возвышеніи (1874) цѣнъ контрмарокъ за отбываніе подводной повинности для войскъ, но о дальнѣйшемъ ихъ возвышеніи, согласно просьбамъ земствъ, въ послѣдующее десятилѣтіе въ нашемъ матеріалѣ свѣдѣній не имѣется.

Всѣ прочія ходатайства въ первое двадцатилѣтіе земства были просто отклонены. Къ такимъ относятся и всѣ тѣ, которыя касались также расходовъ на безспорно государственныя надобности. Въ этомъ случаѣ приходится упомянуть прежде всего о ходатайствахъ по вопросамъ о тратахъ на размѣщеніе и передвиженіе войскъ. Таковы ходатайства: объ убыткахъ населенія при лагерныхъ сборахъ вокругъ столицъ, объ этапной, подводной и постойной

*) Изъ земскихъ губерній пограничными, кромѣ Бессарабской, являются только С.-Петербургская, Херсонская и Таврическая.

повинности при движеніи войскъ, о преимущественной перевозкѣ послѣднихъ, гдѣ можно, по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ (переписка длилась болѣе 10 лѣтъ), о помѣщеніи и содержаніи ремонтныхъ депо. Далѣе, не большимъ успѣхомъ сопровождались и ходатайства объ облегченіи подводной повинности для передвиженія разныхъ государственныхъ чиновниковъ (агентовъ полиціи, судебныхъ слѣдователей, акцизныхъ, рекрутскихъ присутствій и т. п.) и нарочныхъ полиціи. Было отказано и въ уменьшеніи числа командировокъ послѣднихъ, и въ ограниченіи числа выдаваемыхъ лошадей (двумя), и въ увеличеніи прогонной платы, и въ ограниченіи имъ права держать у дверей своей квартиры почтовыхъ лошадей извѣстнымъ временемъ, и въ соединеніи земскихъ почтовыхъ станцій съ казенными. Наконецъ, было отказано и во всѣхъ ходатайствахъ объ отнесеніи на государственный или городской счетъ сооруженія или содержанія дорожныхъ и т. п. сооруженій, которыя имѣютъ наименьшее значеніе для того земства, которое должно нести на нихъ расходы. Очевидно, земство, получавшее нерѣдко (и часто незаслуженно) упрекъ въ томъ, что оно затрогиваетъ обсужденіе вопросовъ общегосударственнаго характера и тѣмъ выходитъ изъ сферы своей законной компетенціи, должно было подчиниться той точкѣ зрѣнія, по которой значительная (и во всякомъ случаѣ — весьма для него обременительная) часть общегосударственныхъ расходовъ отнесена была на его бюджетъ и была съ него снимаема лишь въ весьма рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ. Старый юридическій афоризмъ—jus et obligatio sunt correlativa—очевидно, въ данномъ случаѣ примѣненія не имѣлъ. Юридическія основы этихъ отношеній должны бы найти себѣ квалификацію и оцѣнку въ спеціальномъ изслѣдованіи, не входящемъ въ нашу задачу.

XII. По дорожному дѣлу.

Подобно предшествующей группѣ и въ этой мы встрѣчаемъ, также небольшое количество ходатайствъ (104), изъ которыхъ отклонено также немало—почти столько-же сколько и тамъ—$^3/_5$ (59,%).

Изъ нихъ остановимся, преже всего, на тѣхъ, которыя касаются улучшенія содержанія дорогъ, дорожныхъ сооруженій и переправъ. Тверское губ. собраніе (1871) просило о разрѣшеніи возлагать наблюденіе и распоряженіе по исполненію губернскихъ повинностей на уѣздныя управы не только внутри уѣздовъ, но и въ смежныхъ съ ними; ходатайство вызвано затрудненіями, встрѣчающимися въ наблюденіи за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, пролегающихъ по границѣ уѣзда; отклонено, на основаніи закона, о расширеніи котораго и хлопотало земство, и еще потому,

что „подобныхъ же ходатайствъ со стороны земствъ другихъ губерній не возбуждалось“.

То же земство и въ томъ-же году ходатайствовало о разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ вопроса „о безусловной передачѣ земству отъ городовъ мостовъ и переправъ тамъ, гдѣ оно пожелаетъ принять ихъ въ свое вѣдѣніе“. Было признано нужнымъ передать эту просьбу на обсужденіе особой коммиссіи изъ представителей земствъ и городовъ. Но дѣло съ 1871 г. осталось безъ движенія; въ 1880 году ходатайство это было тверскимъ земствомъ возобновлено, вслѣдствіе того, что „предложено было тверскому губернатору сообщить, какія распоряженія были имъ сдѣланы во исполненіе предложенія министра отъ 10 марта 1871 года. Отзыва отъ губернатора еще (1884) не получено“. Въ 1876 г. аналогичное ходатайство поступило отъ кинешемскаго собранія о передачѣ въ вѣдѣніе земства мѣстнаго городского перевоза черезъ р. Волгу, или же о предоставленіи земству права перевоза съ лѣваго берега Волги на правый (въ г. Кинешму); поводомъ служили безпорядки на городскомъ перевозѣ по его содержанію и взиманію сборовъ; признанное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ нужнымъ соглашеніе города съ земствомъ по этому вопросу не состоялось и земство принесло жалобу въ сенатъ на министерство за неудовлетвореніе приведеннаго ходатайства; сенатъ призналъ въ этомъ дѣлѣ „пререканіе“ между городомъ и земствомъ, разрѣшеніе котораго принадлежитъ губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію. Затруднительно понять, почему была признана „пререканіемъ“ просьба земства объ уничтоженіи извѣстнаго права города во имя соблюденія общественныхъ интересовъ. Мы не знаемъ продолженія этого дѣла.—Сапожковское (1873) собраніе и ардатовская управа (1877) желали отдавать полотно большихъ дорогъ подъ распашку для его улучшенія; отклонено.

Обращено было земствами вниманіе и на проселочныя дороги. Собранія дмитровское (Орлов. губ. 1867), херсонское губ. (1869) и курское губ. (1881) желали передачи этихъ дорогъ „подъ надзоръ и наблюденіе земства съ тѣмъ, чтобы безъ вѣдома уѣзднаго земскаго собранія или уѣздной управы никто не имѣлъ права произвольно измѣнять направленія дорогъ“. Ходатайства эти переданы были на обсужденіе въ особую коммиссію тайнаго совѣтника Шумахера, результаты работы которой были затѣмъ переданы въ 1874 г. въ податную коммиссію; „дальнѣйшихъ свѣдѣній по сему предмету въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ не имѣется“, читаемъ мы; „извѣстно, однакожъ, что податная коммиссія впослѣдствіи была закрыта“.—Въ 1878 году вологодское губ. собраніе просило разрѣшенія производить на земскій счетъ исправленіе мостовъ, переправъ и т. п. на проселочныхъ дорогахъ, безъ перевода такихъ дорогъ въ разрядъ земскихъ для оказанія пособія сельскому

населенію, для котораго эти исправленія не рѣдко представляются затруднительными. „По сему ходатайству 13 сентября 1878 года сдѣлано было сношеніе съ министерствомъ финансовъ, отъ коего, не смотря на посланныя 26 апрѣля и 11 декабря 1881 г. повторенія, отвѣта не послѣдовало".

Даниловское (1866), смоленское губ. (1870), юрьевецкое (1871) земства желали разрѣдить по дорогамъ аллеи, препятствующія просушкѣ дорожнаго полотна и содѣйствующія снѣговымъ заносамъ. Первое ходатайство отклонено ссылкой на законъ, о дополненіи котораго земство и просило; а два другія оставлены безъ движенія.— Верхнеднѣпровское собраніе (1877), съ другой стороны, хлопотало (но также безуспѣшно) о сохраненіи рѣдкихъ деревъ и кустарниковъ, растущихъ по берегу Днѣпра въ мѣстности безлѣсной, не препятствующихъ, по его мнѣнію, судоходству, но подлежащихъ, по требованію мѣстнаго начальства путей сообщенія, уничтоженію для очистки бичевника; ходатайство отклонено, согласно мнѣнію губернатора.

Что касается до шоссейныхъ дорогъ, то ходатайства одиннадцати губернскихъ земствъ (1870—1882) о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе послѣднихъ либо были удовлетворены, либо отложены до разрѣшенія въ государственномъ совѣтѣ общаго вопроса объ условіяхъ передачи земствамъ всѣхъ казенныхъ шоссе, не имѣющихъ государственнаго значенія. Ходатайствовали нѣкоторыя земства о проведеніи новыхъ шоссейныхъ трактовъ и желѣзныхъ дорогъ; мы опускаемъ эти ходатайства, равно и нѣсколько другихъ, имѣющихъ лишь второстепенное, чисто формальное значеніе, и переходимъ къ такимъ, въ которыхъ выразилась тенденція къ возможной уравнительности въ дѣлѣ отбыванія дорожной повинности.

Вопросъ заключался для земства въ томъ, чтобы облегчить исполненіе ея для крестьянъ и, по возможности, привлечь къ этому дѣлу другіе элементы, пользующіеся путями сообщенія, но не несущіе или несущіе сравнительно меньшія затраты на ихъ сооруженіе и поддержаніе. Такъ, ахтырское собраніе (1867) ходатайствовало „о привлеченіи торговаго сословія къ отбыванію дорожной повинности". „Пути сообщенія,—говоритъ оно,—составляютъ потребность всѣхъ, въ большей же мѣрѣ пользуются ими купцы для передвиженія товаровъ, для коихъ, по преимуществу, и необходимы удобныя сообщенія; между тѣмъ законъ привлекаетъ къ натуральной дорожной повинности только лицъ податного сословія и землевладѣльцевъ, отпускающихъ матеріалы, торговое же сословіе не принимаетъ въ томъ никакого матеріальнаго участія". Ходатайство отклонено.—Псковское губ. собраніе (1881) хлопотало о привлеченіи Главнаго общества росс. жел. дор. къ участію въ расходахъ (что послѣднее и исполняло ранѣе) земства по содержанію одного грунтового пути между станціей

желѣзной дороги и шоссе; основанія этого также отклоненнаго ходатайства намъ неизвѣстны.—Яранское земство (1872) желало имѣть дозволеніе рубить безъ препятствій (со стороны казеннаго лѣсного управленія) лѣсъ на казенныхъ дачахъ, растущій на опредѣленной закономъ 30-ти саженной полосѣ земскихъ дорогъ, и просило разрѣшить вопросъ, кому принадлежитъ лѣсъ, растущій на полотнѣ этихъ дорогъ? Причиной возбужденія такого ходатайства, основаннаго на точномъ смыслѣ закона, служило воспрещеніе со стороны мѣстнаго управленія государственными имуществами расчищать полотно почтовыхъ и коммерческихъ дорогъ. Такой же вопросъ просили разъяснить и земства богородское (1876) и рузское (1876). Министерство государственныхъ имуществъ объяснило, что съ его стороны не можетъ быть препятствій къ вырубкѣ и очисткѣ лѣса, растущаго на такой полосѣ земскихъ дорогъ, съ тѣмъ, чтобы такія порубки дѣлались съ вѣдома мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, и что лѣсъ, могущій образоваться на полосахъ, безспорно принадлежитъ земству. Земство, однако, именно и указывало на тѣ препятствія, которыя чинили въ данномъ случаѣ агенты названнаго министерства, очевидно уже освѣдомленные о цѣли порубки земствомъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ.—Устюженское собраніе (1871) и новгородское уѣздное (1872) просили, чтобы владѣльцамъ, земли которыхъ расположены вблизи земскихъ трактовъ, вмѣнено было въ обязанность отпускать по таксѣ за деньги земству лѣсные матеріалы, песокъ и гравій для ремонта дорожныхъ сооруженій, такъ какъ земства иногда бываютъ поставлены въ весьма затруднительное положеніе вслѣдствіе отказа владѣльцевъ въ продажѣ названныхъ матеріаловъ. Въ отвѣтъ было заявлено, что такая обязанность возлагается закономъ на владѣльцевъ только до обращенія натуральной дорожной повинности въ денежную, что было непримѣнимо въ обоихъ данныхъ случаяхъ. Но земство и просило именно о расширеніи хорошо извѣстнаго ему закона.—Нижегородскому губ. земству (1872) пришлось даже бороться противъ захвата его дороги. Оно просило разрѣшить вопросъ „о принадлежности земству полотна грунтовыхъ дорогъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи“. Поводомъ послужило „ходатайство управляющаго конторою сормовскихъ заводовъ объ утвержденіи за владѣльцами тѣхъ заводовъ права пользованія участкомъ балахнинской почтовой дороги на протяженіи 3 верстъ 175 саж., занятыхъ желѣзною дорогою, проведенною отъ заводовъ до станціи московско-нижегородской ж. д.“. „Ходатайство оставлено безъ движенія“ — намъ не совсѣмъ ясно, чье ходатайство имѣется въ данномъ случаѣ въ виду; судя по контексту—земства.

Переходя къ проселочнымъ дорогамъ, находимъ, прежде всего, общее, но недостаточно ясно изложенное въ нашемъ матеріалѣ ходатайство ветлужскаго собранія (1881) о „предоставленіи зем-

ству права распредѣлять повинности по содержанію проселочныхъ дорогъ"; препровождено на заключеніе министерства финансовъ и о дальнѣйшей его судьбѣ свѣдѣній мы не имѣемъ. Опредѣленнѣе другія земскія ходатайства по тому-же предмету. Валдайское (1869) и бѣлозерское (1877) собранія желали, чтобы исправленіе проселочныхъ дорогъ и мостовъ на нихъ отнесено было на цѣлую волость, а не на отдѣльныя селенія; послѣднее изъ названныхъ земствъ указываетъ на „непримѣнимость существующихъ законовъ объ обывательской дорожной повинности, имѣющихъ въ основаніи своемъ крѣпостное право и потому совершенно устарѣвшихъ". Первое передано, вмѣстѣ съ многими другими, въ вышеупомянутую коммиссію тайнаго совѣтника Шумахера; второе — „принято къ свѣдѣнію" (?). Нѣсколько съ иной стороны подходило къ вопросу боровичское земство (1868 и 1880), просившее признать повинность по исправленію проселочныхъ дорогъ, соединяющихъ селенія съ приходской церковью, приходскою повинностью, съ тѣмъ, чтобы производство раскладки было возложено на приходскія попечительства и чтобы недовольнымъ этой раскладкою предоставлено было право приносить жалобу уѣздному земскому собранію. Мотивомъ служила „дѣйствительная обременительность для крестьянскихъ обществъ и землевладѣльцевъ обязанности производить расходъ на тѣ значительныя мостовыя сооруженія на проселочныхъ дорогахъ, которыя находятся вблизи церквей". Ходатайство препровождено въ ту же коммиссію тайн. сов. Шумахера. — Череповецкое собраніе (1868) желало, чтобы названная повинность была признана „обще-волостною съ привлеченіемъ къ участію въ оной какъ крестьянскихъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ, владѣнія которыхъ находятся въ предѣлахъ волости". Подобно этому, и рославльское земство (1870) хотѣло установленія „какой-либо общей побудительной мѣры для исправленія проселочныхъ дорогъ владѣльцами земель, по которымъ онѣ пролегаютъ"; мотивъ: „чрезвычайное разстройство проселочныхъ дорогъ". Оба ходатайства препровождены въ ту-же коммиссію.—Наконецъ, той-же участи подверглись и ходатайства (1868) земствъ семеновскаго, нижегородскаго губ. и дорогобужскаго о привлеченіи казны и удѣла къ содержанію проселочныхъ дорогъ, пролегающихъ по лѣснымъ дачамъ и землямъ, находящимся въ ихъ вѣдомствахъ.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и ходатайство казанскаго губ. собранія (1880) о совершенномъ упраздненіи бечевниковъ тамъ, гдѣ съ развитіемъ пароходства прекратилась бечевая тяга, а въ прочихъ мѣстахъ принять на счетъ казны обременительную для земства повинность по содержанію и исправленію естественныхъ бечевниковъ. Послѣднее признано неосуществимымъ, „при громадности протяженія водяныхъ путей" въ странѣ, „безъ изысканія особыхъ финансовыхъ средствъ", а первое незаконнымъ, такъ

какъ бечевникъ „предназначается, кромѣ тяги, еще и для другихъ надобностей". Этотъ отказъ принять исправленіе и содержаніе бечевниковъ на счетъ казны не былъ уже первымъ. На основаніи закона, предоставляющаго земству это право (п. VI ст. 64 полож. о зем. учр.), собранія разныхъ уѣздовъ *) еще ранѣе представили рядъ ходатайствъ объ избавленіи ихъ отъ названной повинности, подробно излагая тѣ мѣстныя условія, которыя дѣлаютъ ее для нихъ весьма обременительной. Въ иныхъ случаяхъ ходатайства эти были поддерживаемы мѣстными губернаторами и къ удовлетворенію ихъ склонялось и министерство внутреннихъ дѣлъ (напр., ходатайства трубчевскаго и брянскаго земствъ). Тѣмъ не менѣе, только въ одномъ случаѣ просьба земства была удовлетворена (петербургскаго), въ нѣсколькихъ — сдѣлана была уступка въ смыслѣ сокращенія ширины бечевника, — а въ прочихъ—послѣдовалъ отказъ.

Далѣе, по причинѣ увеличенія потребности въ землѣ для обработки и въ силу быстраго возрастанія ея цѣнъ цѣлый рядъ земствъ **) ходатайствовалъ о разрѣшеніи уменьшить ширину земскихъ, почтовыхъ и транспортныхъ дорогъ. Курское губ. земство замѣчаетъ, что „обязательныя требованія закона для ширины транспортныхъ и большихъ дорогъ крайне стѣснительны, особенно въ виду дороговизны земель въ Курской губ. и не соотвѣтствующаго размѣра указанной въ законѣ нормы для ширины дорогъ, что дѣлаетъ отчужденіе земель крайне невыгоднымъ"; новоторжское собраніе указываетъ на то, что при проложеніи новаго почтоваго тракта крестьяне, черезъ земли которыхъ она должна проходить, „согласны отпустить полосу земли не шире 5 саж." и т. п. Всѣ эти ходатайства были удовлетворены. Отклонена была лишь просьба мосальскаго собранія (1878) о возвращеніи придорожнымъ владѣльцамъ земли, освободившейся послѣ обращенія бывшихъ транспортныхъ дорогъ въ проселочныя; земли эти, по заявленію министерства, должны оставаться свободными „впредь до разрѣшенія вопроса о правѣ собственности на дорожныя земли".

Далѣе, имѣемъ нѣсколько ходатайствъ объ установленіи пош-

---

*) Золотоношское (1866), городницкое (1866), трубчевское (1867), брянское (1868), александровское (Екатер. губ. 1868), полтавское губ. (1868), с.-петербургское губ. (1869) и елатомское (1874).

**) Дмитріевское (1865), костромское губ. (1865), владимірское уѣз. (1865), херсонское губ. (1866), тверское губ. (1867), екатеринославское губ. (1873), новоторжское (1874), Екатеринославское уѣздн. (1875), льговское (1878), лукояновское (1878), нижегородское губ. (1878), курское губ. (1881).—Одно лишь земство, александровское (Екатер. губ. 1867), въ противоположность всѣмъ названнымъ, просило о нѣкоторомъ увеличеніи ширины проселочныхъ дорогъ, на что ему справедливо было замѣчено, что это не можетъ не служить къ обремененію обывателей при исполненіи натуральной дорожной повинности и отъ крестьянъ было бы нужно взять значительно большую полосу земли.

линъ за пользованіе дорожными сооруженіями. Ст. 68 и 70 пол. о зем. учрежд. предоставляютъ земствамъ право назначать сборы съ проходящихъ и проѣзжающихъ по земскимъ дорогамъ, мостамъ и переправамъ, при чемъ, однако, въ установленіи сбора они поставлены въ нѣкоторыя законныя ограниченія. Ходатайствъ этого рода мы встрѣчаемъ, впрочемъ, весьма мало и большинство ихъ носитъ нѣсколько исключительный характеръ. Такъ, клинское собраніе (1866) просило разрѣшенія облагать сборомъ провозимые по земскимъ дорогамъ для отправки по желѣзной дорогѣ лѣсные матеріалы, такъ какъ огромное количество подвозимыхъ къ николаевской ж. д. лѣсныхъ матеріаловъ портитъ дороги, а лѣсопромышленники никакого налога на ремонтъ земскихъ дорогъ не несутъ. Въ этомъ ходатайствѣ еще разъ выразилась не получившая осуществленія, по внѣшнимъ причинамъ, тенденція земства распространить земскую податную тяготу въ болѣе уравнительной степени на торгово-промышленные классы. Какъ и слѣдуетъ ожидать, судя по извѣстнымъ уже намъ прецедентамъ, ходатайство было отклонено. Козелецкое собраніе (1880) желало облагать грузы полукопѣечнымъ сборомъ (гдѣ? съ какой единицы?) на устройство новаго шоссе. Изъ этой неясной передачи приведеннаго ходатайства можно все таки заключить, что земство хотѣло прибѣгнуть къ установленію какого то сбора, не имѣя другихъ средствъ выстроить нужное шоссе. Оно, вѣроятно, могло бы установить такой сборъ на общихъ законныхъ основаніяхъ и собранныя такимъ путемъ деньги ассигновать на это шоссе. Однако, ходатайство отклонено по формальному мотиву: „предполагаемый сборъ, сказано въ отвѣтѣ, взимался бы не за существующія удобства въ сообщеніи, но лишь въ видахъ устраненія въ неопредѣленномъ будущемъ встрѣчаемыхъ нынѣ затрудненій при проѣздѣ, что было бы несправедливо по отношенію къ плательщикамъ означеннаго сбора". Земства мензелинское (1875) и воронежское уѣздн. (1882) хотѣли установить сборы за мосты черезъ рѣки своихъ уѣздовъ; отклонено за непредставленіемъ въ министерство выработанныхъ для этого таксъ. Воронежское собраніе просило при этомъ предоставить ему на будущее время право самому утверждать таксы сборовъ, помимо министерства; отклонено, „такъ какъ дѣло это касается земскихъ учрежденій всѣхъ губерній, а между тѣмъ ни отъ одного изъ нихъ не поступало заявленій о какихъ либо неудобствахъ существующаго порядка". Едва ли, однако, могло быть сомнѣніе въ томъ, что для всѣхъ земствъ было бы только желательно расширеніе его компетенціи въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ.

Необычную для земскихъ ходатайствъ странную тенденцію имѣетъ относящаяся къ этой-же серіи просьба порховского собранія (1867) о разрѣшеніи взимать сборъ съ проѣзжающихъ

по мостамъ, „какіе указаны будутъ земствомъ“. Въ мотивахъ объяснено слѣдующее: „ходатайство это возбуждено въ виду значительныхъ издержекъ, употребляемыхъ землевладѣльцами на устройство постоянныхъ мостовъ по проселочнымъ дорогамъ“. Земство забыло о своей всесословной роли, проявило себя въ этомъ случаѣ представителемъ спеціально землевладѣльческихъ интересовъ и получило за это такую отповѣдь: „законъ предоставляетъ земствамъ право устанавливать такіе сборы отнюдь не для доставленія доходовъ мѣстнымъ обывателямъ, а лишь съ цѣлью облегчить ихъ, по возможности, *въ отправленіи натуральной повинности*“. Поэтому ходатайство было отклонено и земству указано, что оно можетъ просить объ утвержденіи общихъ таксъ земскихъ сборовъ за мосты на общемъ основаніи. Тогда порховское собраніе на слѣдующій годъ (1868) отмѣнило это постановленіе *).

Съ другой стороны, три губернскихъ земства—вятское (1874), уфимское (1876 и 1878) и вологодское (1882)—желали увеличить выгоды, получаемыя сельскимъ населеніемъ придорожныхъ мѣстностей отъ проведенія и ремонта путей. Первое ходатайствовало „объ испрошеніи въ законодательномъ порядкѣ разрѣшенія на причисленіе крестьянскаго промысла исправленія почтовыхъ дорогъ и постройки и исправленія дорожныхъ сооруженій къ числу свободныхъ отъ платежа пошлинъ промышленныхъ дѣйствій“. Дѣло возникло вслѣдствіе просьбы вятской казенной палаты, обращенной къ уѣзднымъ земскимъ управамъ, требовать отъ лицъ, принявшихъ на себя такіе подряды, непремѣннаго взятія гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ. Губернское-же собраніе нашло необходимымъ освободить названный крестьянскій промыселъ отъ платежа пошлинъ (по примѣру обывательской гоньбы), такъ какъ этотъ промыселъ, составляя *личный трудъ*, не можетъ быть сравниваемъ съ подрядами, имѣющими значеніе торговыхъ предпріятій“. Второе и третье изъ названныхъ земствъ предлагали даже ограничить пятьюстами рублями размѣры такого подряда, который подлежалъ бы освобожденію отъ оплаты гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ. Уфимское объясняетъ, что рѣчь идетъ о „собственно придорожныхъ крестьянахъ, въ случаѣ отдачи имъ земскими учрежденіями мелкими участками исправленія полотна почтовыхъ

*) Нѣсколько неопредѣленное и странное впечатлѣніе производитъ и ходатайство александровскаго (Екатерин. губ. 1867) собранія „о воспрещеніи проѣзда съ тяжестями и прогона гуртовъ по хозяйственнымъ дорогамъ“; въ отвѣтъ заявлено, что если здѣсь рѣчь идетъ о полевыхъ дорогахъ, то законъ и безъ того достаточно ограждаетъ права собственника на ихъ охраненіе; если же ходатайство имѣетъ въ виду дороги проселочныя, то „проѣздъ по онымъ никому не долженъ быть воспрещаемъ“.

трактовъ". По почину министерства финансовъ, вопросъ былъ переданъ на обсужденіе земскихъ собраній въ земскихъ губерніяхъ и—въ особыя о земскихъ повинностяхъ присутствія въ не земскихъ; отзывы этихъ учрежденій поступили и были препровождены въ названное министерство; „въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, однако, дальнѣйшихъ свѣдѣній по сему предмету не имѣется" *).

Опуская имѣющія спеціальный характеръ ходатайства двухъ губернскихъ земствъ объ измѣненіи тарифовъ за проѣздъ по шоссейнымъ дорогамъ, остановимся на двухъ другихъ, которыя имѣютъ цѣлью нѣсколько оградить интересы мѣстныхъ жителей отъ неудобствъ, возникающихъ отъ неудачнаго устройства переѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ.—Орловское губ. собраніе (1867) хлопотало: „1) объ увеличеніи числа переѣздовъ на московско-курской ж. д. соотвѣтственно дѣйствительной потребности придорожныхъ жителей, не придерживаясь непремѣнной нормы по одному переѣзду на версту; 2) объ измѣненіи настоящихъ мѣстъ переѣздовъ, не вездѣ соотвѣтствующихъ удобствамъ придорожныхъ жителей, по предварительномъ съ ними соглашеніи, какъ объ этомъ измѣненіи, такъ и о числѣ переѣздовъ; 3) объ увеличеніи настоящей 3-хъ-саженной ширины переѣздовъ при большихъ дорогахъ, дабы обозы могли идти одновременно въ обѣ стороны". Ходатайство это было еще дважды возобновляемо (1868 и 1869); въ первый разъ на него послѣдовалъ категоричный отказъ, согласно отзыву министерства путей сообщенія, смыслъ котораго сводился къ утвержденію, что интересы мѣстныхъ жителей при устройствѣ переѣздовъ уже были приняты во вниманіе, а во второй и въ третій разъ отзыва отъ того-же министерства совсѣмъ не послѣдовало.

Нѣсколько позднѣе екатеринославское губернское земство (1873) представило аналогичное ходатайство о томъ, чтобы желѣзнодорожныя компаніи были обязаны „оставлять поперечные, пересѣкающіе желѣзную дорогу пути, шириною въ 6 саж., для удобнаго по нимъ проѣзда и прогона гуртовъ скота". Эта просьба была также отклонена вслѣдствіе того, что шестисаженные переѣзды опасны для движенія по желѣзной дорогѣ и „по техни-

*) Среди всѣхъ этихъ ходатайствъ о проселочныхъ дорогахъ слѣдуетъ въ заключеніе упомянуть о своеобразной просьбѣ харьковскаго губ. собранія (1875) объ изданіи закона, по которому лица, транспортирующія тяжести (машины, паровики и т. п.), отъ которыхъ мосты портятся и настилъ на нихъ проламывается, обязаны были бы класть на мосты свой подвижной прочный настилъ изъ толстыхъ досокъ, а на него вдоль моста подъ колеса толстыя брусья. Отклонено вслѣдствіе невыгодъ отъ проектируемой мѣры для владѣльцевъ такихъ тяжестей, вздорожанія для нихъ машинъ, котловъ и т. п. и вслѣдствіе неудобствъ для прочихъ проѣзжающихъ по мостамъ.

ческимъ условіямъ“ ихъ устройства. Такой отзывъ министерства путей сообщенія не остановилъ, однако, вторичнаго ходатайства того-же земства (1876) по этому предмету. Ссылаясь на заявленіе павлоградскаго уѣзднаго собранія, оно указывало, „что существующее число переѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ требованіямъ безостановочнаго сообщенія чрезъ рельсовые пути, и что жители мѣстностей, прилегающихъ къ желѣзнымъ дорогамъ, испытываютъ притѣсненія отъ желѣзнодорожнаго начальства за потравы посѣвовъ, производимыхъ желѣзнодорожными служителями на полосахъ, прилегающихъ къ желѣзнымъ дорогамъ“; поэтому собраніе настаивало на необходимости „расширенія переѣздовъ черезъ желѣзныя дороги и того, чтобы прилегающія къ нимъ земляныя полосы не были засѣваемы хлѣбомъ или овощами“. Приведенное ходатайство было сообщено на усмотрѣніе министерства путей сообщенія, отъ котораго отзыва на этотъ разъ совсѣмъ не послѣдовало.

Обозрѣвая всѣ приведенныя ходатайства по дорожному дѣлу, изслѣдователь останавливается въ недоумѣніи, прежде всего, передъ тѣмъ неожиданно крупнымъ числомъ отклоненій земскихъ просьбъ, которое было выше указано и которое можно было замѣтить на предшествующихъ страницахъ. Дорожное дѣло всегда считалось и считается относящимся къ вѣдѣнію земства по преимуществу—даже тѣми, которые желали-бы значительно ограничить размѣры земской компетенціи въ сферѣ другихъ вопросовъ. Казалось-бы, что именно въ данномъ кругѣ мѣропріятій земскія пожеланія и указанія на недостатки законодательства и тѣхъ или иныхъ административныхъ распоряженій могли-бы имѣть наибольшій удѣльный вѣсъ не только по своему происхожденію изъ требованій практики, но и по господствующему мнѣнію о наибольшей компетентности названныхъ учрежденій въ указанной области.

Однако, положительное удовлетвореніе, какъ намъ удалось выше убѣдиться, получила лишь небольшая группа (12) ходатайствъ объ уменьшеніи узаконенныхъ размѣровъ ширины разныхъ дорогъ. Къ нимъ, пожалуй, можно прибавить еще три другихъ о безпрепятственной рубкѣ лѣса въ казенныхъ дачахъ для приведенія дорогъ къ указаннымъ въ законѣ размѣрамъ, о рубкѣ, которой чинили препятствія нѣкоторые мѣстные чины министерства государственныхъ имуществъ. Сказаннымъ скромнымъ числомъ ограничивается вся сумма удовлетворенныхъ земскихъ ходатайствъ разсмотрѣнной выше группы (не считая тѣхъ, которыя имѣли цѣлью передачу въ вѣдѣніе земства шоссейныхъ дорогъ).

По всѣмъ остальнымъ—или обсужденіе дѣла затянулось и земства изслѣдуемаго періода отвѣтовъ по нимъ не получили, или полученъ былъ отказъ въ удовлетвореніи. Къ первымъ отно-

сятся ходатайства объ изъятіи изъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ городовъ переправъ, на которыхъ происходили безпорядки, всѣ ходатайства, касающіяся проселочныхъ дорогъ, подвергшіяся обсужденію въ коммиссіи т. с. Шумахера, работы которой переданы были въ закрытую затѣмъ податную коммиссію, и, наконецъ, нѣсколько ходатайствъ объ освобожденіи отъ выбора торговыхъ свидѣтельствъ крестьянъ, ремонтирующихъ земскія пути *). Ко второй, наиболѣе многочисленной серіи, относятся всѣ остальныя.

Это обстоятельство побуждаетъ вглядѣться, такъ сказать, въ земскую программу дорожнаго дѣла, поскольку она выразилась въ приведенныхъ ходатайствахъ, суммировать содержаніе послѣднихъ и ознакомиться, въ чемъ-же заключались въ общемъ и цѣломъ стремленія земствъ въ данной области и чѣмъ могло быть вызвано въ *этомъ* случаѣ такое массовое ихъ неудовлетвореніе. Предшествующее изложеніе позволяетъ свести эти итоги въ слѣдующемъ видѣ.

Во первыхъ, цѣлью земствъ было улучшеніе содержанія дорогъ, переправъ и проч. и упорядоченіе ихъ; объ этомъ приходилось ходатайствовать въ тѣхъ случаяхъ, когда собранія наталкивались на нѣкоторыя законодательныя ограниченія въ данномъ дѣлѣ. Къ такой серіи ходатайствъ можно причислить тѣ, которыя касались исправленія пограничныхъ дорогъ, изъятія переправъ изъ вѣдѣнія городовъ, распашки полотна грунтовыхъ дорогъ, усиленія надзора земства надъ состояніемъ проселочныхъ дорогъ, необходимости разрѣдить дорожныя аллеи. *Во вторыхъ*, земства обнаруживали стремленіе къ нѣкоторой бо́льшей уравнительности затратъ на дорожную повинность, и къ облегченію тѣмъ для населенія ея отбыванія, насколько то было въ его силахъ. Это стремленіе можно замѣтить въ ходатайствахъ, цѣлью которыхъ было привлечь къ дорожной повинности торговцевъ и (въ одномъ случаѣ) желѣзнодорожное общество; получить право распредѣленія повинности по содержанію проселочныхъ дорогъ; сдѣлать обязательнымъ участіе волостей, церковныхъ попечительствъ, частныхъ владѣльцевъ, казны и удѣла въ ремонтѣ такихъ дорогъ; разрѣшить самому земству производить въ помощь крестьянамъ расходы на тотъ-же предметъ; сдѣлать обязательною продажу земству владѣльцами разныхъ матеріаловъ для исправленія дорогъ; установить мостовую пошлину съ лѣсопромышленниковъ; ввести пошлину на постройку новаго шоссе. Мы отмѣтили выше только одно ходатайство, односторонне возбужденное въ интересахъ лишь одного класса—землевладѣльцевъ. Наконецъ,

*) Нѣкоторыя небольшія уступки были сдѣланы земствамъ лишь по ходатайствамъ объ облегченіи для нихъ повинности по содержанію бечевниковъ. Прибавимъ, что земства хотѣли существенно облегчить для населенія дорожную повинность принятіемъ на счетъ казны заботъ по содержанію бечевниковъ.

въ третьихъ, земство желало охранить въ разныхъ случаяхъ выгоды мѣстнаго населенія, поскольку онѣ соприкасались съ дорожнымъ дѣломъ: уменьшить ширину дорогъ и тѣмъ сократить площадь земли, отчуждаемой у придорожныхъ жителей для путей сообщенія; освободить отъ выборки торговыхъ свидѣтельствъ крестьянъ, являющихся на заработки при ремонтѣ дорогъ; урегулировать устройство желѣзнодорожныхъ переѣздовъ, часто не согласованное съ нуждами мѣстныхъ жителей и съ направленіемъ движенія по грунтовымъ дорогамъ.

Этими чертами характеризуется направленіе и содержаніе всѣхъ приведенныхъ ходатайствъ данной группы. Но если, такимъ образомъ, въ нихъ не заключалось ничего противнаго духу законодательства, стремленіямъ законодателя и интересамъ мѣстныхъ жителей, то тѣмъ любопытнѣе становится прослѣдить и подъитожить причины, по которымъ они были удовлетворены лишь въ столь слабой мѣрѣ.

Прежде всего, немалое ихъ число было отклонено по чисто формальному мотиву—по указанію того самаго закона, объ измѣненіи, расширеніи или дополненіи котораго земства именно и просили. Вопросы эти не были подняты въ законодательномъ порядкѣ. Иногда это случалось просто потому, что данное ходатайство поступило только отъ одного-двухъ земствъ. Нельзя, однако, не замѣтить, что большое число случаевъ отклоненій ходатайствъ не могло не оказать вліянія на сокращеніе числа случаевъ ихъ возбужденія. Къ серіи такихъ земскихъ просьбъ, отклоненныхъ по формальнымъ мотивамъ, слѣдуетъ отнести: о наблюденіи за пограничными дорогами, объ изъятіи переправъ изъ вѣдѣнія городовъ, объ уничтоженіи, гдѣ можно, бечевниковъ, о возвратѣ освободившейся земли придорожнымъ жителямъ, отъ которыхъ она была раньше отчуждена, о правѣ установлять таксы для пошлинъ, объ освожденіи отъ выбора торговыхъ свидѣтельствъ крестьянъ, подрядившихся ремонтировать дороги, и нѣкоторыя другія. Затѣмъ, въ другихъ случаяхъ причиной того, что земства не получили благопріятнаго отвѣта на свои ходатайства, служило продолжительное обсужденіе возбужденнаго ими вопроса въ коммиссіяхъ, не приводившее иной разъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Это обстоятельство оказало упомянутое вліяніе на всю серію ходатайствъ, касающихся проселочныхъ дорогъ. Далѣе, въ нѣкоторыхъ отказахъ сказалась тенденція покровительства интересамъ класса торгово-промышленнаго и отчасти частныхъ владѣльцевъ. Это можно замѣтить по результатамъ ходатайствъ о привлеченіи торговцевъ къ отбыванію дорожной повинности, лѣсопромышленниковъ—къ платежу особыхъ дорожныхъ пошлинъ, желѣзнодорожныхъ компаній—къ сообразованію переѣздовъ черезъ полотно желѣзныхъ дорогъ съ мѣстными нуждами, одного желѣзнодорожнаго общества—къ продолженію содержанія одной

дороги, частныхъ владѣльцевъ—къ обязательной продажѣ матеріаловъ для ремонта дорогъ, и по поводу захвата части грунтовой дороги одной заводской администраціей. Наконецъ, сказалась и въ этой группѣ знакомая уже намъ коллизія фискальнаго интереса съ земскимъ по вопросу о повинности по содержанію въ исправности бечевниковъ. И только въ очень небольшомъ числѣ случаевъ, и притомъ вполнѣ второстепеннаго значенія, земству было заявлено несогласіе съ проектированной мѣрой *по существу*; такъ было съ ходатайствами о распашкахъ полотна грунтовыхъ дорогъ, о разрѣшеніи разрѣдить дорожныя аллеи и о сохраненіи въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ деревьевъ и кустарниковъ, растущихъ на бечевникахъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что существующая процедура выработки и обсужденія мѣропріятій, съ одной стороны, и извѣстная уже намъ по предшествующимъ очеркамъ протекціонная тенденція, съ другой—оказали наибольшее вліяніе на слабое удовлетвореніе земскихъ ходатайствъ этой группы; въ одной серіи случаевъ къ нимъ присоединился еще и фискальный интересъ. Въ сравненіи съ вліяніемъ этихъ причинъ, вмѣстѣ взятыхъ, случаи, когда было земству прямо выражено несогласіе съ его ходатайствами подлежащихъ учрежденій по существу, какъ сейчасъ указано, представляются совершенно ничтожными и по количеству, и по своему удѣльному вѣсу.

Н. Карышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Проводивъ Чагина, Николай Ивановичъ валялся на диванѣ и хандрилъ цѣлый день. Вечеромъ, когда стемнѣло и взошла луна, онъ вышелъ изъ дому и пошелъ по направленію къ набережной. Чувство утраты, одиночества и пустоты не покидало его. Лунная ночь казалась ему холодной и печальной. Въ окнахъ домовъ свѣтились огни, кой-гдѣ слышались говоръ и смѣхъ, попадались гуляющія парочки, державшіяся въ тѣни, но вся жизнь города казалась ему теперь безсодержательной и ничтожной, и онъ удивлялся, какъ и зачѣмъ всѣ эти люди живутъ. Выйдя на набережную, онъ сѣлъ на пустую скамейку и сталъ смотрѣть, какъ двигалось на водѣ серебристое отраженіе мѣсяца, казавшееся разорваннымъ на нѣсколько крупныхъ частей и тонкихъ блестящихъ полосокъ. Черная вода съ серебристыми струйками заключала въ себѣ что-то холодно безстрастное, наводящее ужасъ, а отраженный блескъ мѣсяца представлялся олицетвореніемъ печали...

— Вотъ и осень,—думалъ онъ: желтѣютъ и падаютъ листья... Конецъ лѣту, конецъ жизни... впереди зима, то есть, смерть... Боже мой!—но, вѣдь, не только лѣто, а и молодость моя почти прошла... да, да, въ самомъ дѣлѣ... И какъ прошла? Такъ, какъ будто ея и не было вовсе... Какъ же такъ? вѣдь, это значитъ, что самое лучшее время уже миновало? неужели это правда? неужели все, что такъ заманчиво рисовалось мнѣ впереди, было обманомъ и ничего лучшаго уже не будетъ?.. Да, да, это правда, это вѣрно, но какъ это горько, обидно и страшно!.. И какъ я раньше не подумалъ объ этомъ?—почему не догадывался, что непремѣнно такъ это будетъ? Значитъ, я совсѣмъ не зналъ, что жизнь коротка... да, такъ коротка и такъ ничтожна...

Далеко, гдѣ-то въ концѣ набережной или за рѣкой, большимъ хоромъ запѣли что-то торжественное и трогательное.

Могучіе звуки мужскихъ и женскихъ голосовъ понеслись по рѣкѣ. Николай Ивановичъ всталъ и пошелъ имъ навстрѣчу. Пока онъ шелъ, пѣніе прекратилось. Изъ раскрытыхъ оконъ ярко освѣщеннаго дома Половодовыхъ несся веселый говоръ и смѣхъ. Николай Ивановичъ спрятался неподалеку, въ тѣни сторожевой будки и, глядя на освѣщенное окнами пространство, приготовился слушать.

— Ну, еще, еще... Господа!—прошу васъ,—говорилъ чей-то повелительный голосъ.—Дисканты, сразу, сильнѣе!.. Ну!..

Хоръ грянулъ:

«Былъ у Христа младенца садъ...»

Николай Ивановичъ вздрогнулъ и подался впередъ.

— Боже мой! Что же это?—думалъ онъ: неужели эти ничтожные люди могутъ такъ пѣть?.. Боже мой! вѣдь, это цѣлое откровеніе!... Вотъ онъ, смыслъ жизни... вотъ въ чемъ вся суть... Нѣтъ, они сами не понимаютъ того, что поютъ...

Онъ никогда раньше не слыхалъ этой легенды Чайковскаго и не совсѣмъ разбиралъ слова. Онъ понялъ только, что младенецъ Христосъ своими руками насадилъ садъ, и когда онъ выросъ и наполнился цвѣтущими розами, пришли еврейскія дѣти и опустошили его, а Христу сдѣлали вѣнокъ изъ шиповъ. И когда хоръ разросся до могучихъ диссонирующихъ аккордовъ, изъ которыхъ слагались слова:

И капли крови вмѣсто розъ

Чело украсили его—

у Николая Ивановича волосы поднялись на головѣ и морозъ побѣжалъ по всему тѣлу. Какъ только замолкли послѣдніе звуки, опять послышался смѣхъ и заговорили что-то пошлое и несоотвѣтствующее трагической и величавой торжественности пѣсни.

— Господа!—раздался строгій голосъ регента:—еще, еще... Басы, шире, свободнѣе...

И опять запѣли, и опять Николаю Ивановичу показалось, что небо и земля наполнились звуками, и душа его устремилась кверху.

— Отдать все... да, все отдать,—думалъ онъ,—все претерпѣть... принести себя въ жертву... вотъ гдѣ жизнь, вотъ гдѣ счастіе!.. вотъ гдѣ истинное торжество добра... и это есть высшее наслажденіе... Ничего нѣтъ выше и прекраснѣе, какъ отречься отъ самого себя... слиться со всѣмъ живущимъ, перелить душу въ эти звуки и умереть... да, да, и потомъ умереть.

Ему неудержимо захотѣлось присоединить свой голосъ къ голосамъ этого могучаго хора. Подъ вліяніемъ мгновеннаго побужденія онъ взошелъ на крыльцо и отворилъ двери. Въ прихожей на ларѣ кучей валялись мужскія и женскія шляпы; на

вѣшалкѣ висѣли разноцвѣтныя и разнокалиберныя пальто и накидки. Николай Ивановичъ прошелъ въ залу. Здѣсь, столпившись посрединѣ комнаты, мужчины и женщины съ разинутыми ртами, съ напряженными и сосредоточенными лицами стояли съ нотами въ рукахъ и пѣли. Надъ головами ихъ поднималась и опускалась рука дирижера, котораго за малымъ ростомъ не было видно въ толпѣ. Никѣмъ незамѣченный, Николай Ивановичъ тихо подошелъ, сталъ позади и тоже запѣлъ, отчего, какъ показалось ему, хоръ вдругъ выросъ, сталъ шире и полнѣе.

— Ахъ, Боже мой! Николай Ивановичъ!—какъ, когда вы пришли? вотъ сюрпризъ!—вскричала Лидочка Половодова, замѣтивъ его, когда перестали пѣть.—Ахъ, какъ хорошо, какъ мило, что вы пришли!—вы совсѣмъ, совсѣмъ насъ позабыли... А у насъ репетиція... знаете, къ этому концерту въ пользу... какъ его... какъ его... да, въ пользу дѣтскаго пріюта...

Пѣвцы и пѣвицы оказались все знакомые, и Николай Ивановичъ протягивалъ руки направо и налѣво.

— Ахъ, и вы пойте съ нами... пожалуйста! вы совсѣмъ оставили нашъ хоръ... Пожалуйста, пожалуйста,—щебетали барышни.— Тогда у насъ еще будетъ теноръ, это прелесть! у васъ такой чудный голосъ...

— Добро пожаловать, очень радъ, очень радъ,—съ привѣтливой улыбкой говорилъ самъ хозяинъ, кругленькій, сѣденькій и чрезвычайно подвижной старичокъ. Его черные глаза казались совсѣмъ молодыми и блестѣли радушіемъ и довольствомъ.—Вотъ и еще хористъ, чудесно, чудесно... А каково, батенька мой?

— Великолѣпно! удивительно хорошо!—съ восторгомъ восклицалъ Николай Ивановичъ.

— Да, батенька, вотъ вамъ и любители!—говорилъ Половодовъ.—И пьеса же, я вамъ скажу—восторгъ!.. А это, знаете: «чело-о укра-асили-и его»!—вдругъ запѣлъ онъ фальшиво и неестественно хриплымъ голосомъ:—великолѣпіе!.. какая сила, мощь! какая глубина!..

— Ну-съ, господа! не расходитесь!—скомандовалъ дирижеръ, который, повидимому, держалъ хоръ въ большомъ послушаніи, потому что вслѣдъ за его приглашеніемъ тотчасъ же прекратились разговоры и пѣвцы собрались въ кружокъ.

— Николай Иванычъ, угодно вамъ? пожалуйте къ тенорамъ,—обратился онъ къ Николаю Ивановичу, кивая головой направо.

— Я сначала послушаю,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Дисканты, сюда, вотъ такъ, чтобъ васъ видно было... Ну!—сказалъ дирижеръ и поднялъ руку.

Старичокъ Половодоръ торопливо разыскалъ стулъ, сѣлъ и

сложивъ руки, приготовился слушать. Поднятая рука дирижера, на которую устремлены были всѣ взоры, вдругъ энергически опустилась внизъ, и хоръ дружно и отчетливо взялъ первый аккордъ.

Николай Ивановичъ, прислонившись къ стѣнѣ, слушалъ и смотрѣлъ на пѣвцовъ. Сквозь его приподнятое настроенiе они казались ему совершенно особенными людьми, непохожими на самихъ себя. Басъ, худощавый, робкiй и безхарактерный человѣкъ изъ мелкихъ чиновниковъ, по фамилiи Семинъ, представлялся ему гигантомъ, исполненнымъ силы и могучей, спокойной энергiи, сообразно тому, какъ звучалъ его голосъ; дисканты казались чистыми, безстрастными созданiями, проникающими все глубокимъ пониманiемъ, и, слушая ихъ, ему вспоминались почему-то утреннiя звѣзды.

Половодовъ во время пѣнiя успѣлъ обмѣняться какими-то таинственными знаками съ выглянувшею изъ-за двери кухаркою и, когда кончили пѣть, торжественно возгласилъ:

— Господа! пожалуйте подкрѣпиться.

Хоръ со смѣхомъ и говоромъ разсыпался во всѣ стороны; пѣвцы, превратившись въ обыкновенныхъ людей, гурьбой направились въ столовую.

Лидочка на ходу подхватила Николая Ивановича подъ руку и, улыбаясь своею простодушною и милою улыбкой, заговорила:

— Я очень рада, что вы пришли. Я такъ давно не видала васъ, что соскучилась. Ей-богу, честное слово. Вѣдь, вы какъ красное солнышко... Видѣли Анюту Полякову? замѣтили, какъ она сiяетъ? Она замужъ выходитъ за этого... за Горюнова... Препротивный! но она рада: всетаки женихъ... Вотъ вы невѣсту прозѣвали... она хорошенькая, прелесть!.. Вы за ней ухаживали, помните? въ прошломъ году... Ахъ, еще мнѣ было тогда такъ завидно!..

— Чему?—разсѣянно спросилъ Николай Ивановичъ.

— Что вы за ней ухаживали... ха, ха, ха! ей—богу, честное слово! вѣдь, я завистливая... Мнѣ казалось, что вы должны были ухаживать за мной...

— Вы слышали, Чагинъ уѣхалъ,— сказалъ Николай Ивановичъ:—сегодня я проводилъ его.

— Какой Чагинъ?.. Ахъ, этотъ... Ну, такъ что-жъ? Господь съ нимъ!..

— Ахъ, вы не знали, какой это чудный человѣкъ!..

— Неужели?.. А говорятъ... впрочемъ, вѣдь, вы были друзья... Такъ вотъ отчего вы сегодня такой торжественный... Идите, выпейте чего-нибудь, васъ папа зоветъ.

Около стола съ просiявшими лицами толклись мужчины, чокались, пили, тыкали вилками въ закуски, жевали, громко говорили и смѣялись.

— Вы что же это? какъ же такъ?—говорилъ Половодовъ, увлекая Николая Ивановича къ столу.— Чего прикажете? водочки?

— Все равно,—отвѣтилъ Николай Ивановичь меланхолическимъ тономъ.

— Послѣ первой не дышутъ,—сказалъ Половодовъ, наливая по второй.

Николай Ивановичъ молча чокнулся съ хозяиномъ и съ какимъ-то еще бѣлокурымъ парнемъ, который протянулъ къ нему свою рюмку, и выпилъ.

— Теперь закусите хорошенько. Вотъ рекомендую. У насъ по просту, извините, нѣтъ этого, что называется, комильфо, хе, хе, хе!..

— Ну-ка, развѣ еще хватить по единой,—сказалъ регентъ, торопливо прожевывая кусокъ и протягивая руку къ бутылкѣ.

— Пожалуйте, конечно-съ... Господа! что же вы? Николай Иванычъ! вѣдь, между второй и третьей не говорятъ, а? Ну-ка!

— Нѣтъ, ужъ довольно, кажется.

— Ну, батенька мой, безъ троицы, говорятъ, домъ не строится, не такъ ли? Ну-ка!

У Николая Ивановича зашумѣло въ головѣ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Лидочкой и съ жаромъ говорилъ:

— Такъ жить, какъ мы живемъ, нельзя. Карты, танцы, вино—въ такой жизни нѣтъ смысла. Есть высшіе интересы и они заключаются въ самоотреченіи...

Лидочка имѣла угнетенный и скучающій видъ. Она перестала улыбаться, какъ-будто вдругъ подурнѣла и съ тоскою смотрѣла по сторонамъ.

— Жить для другихъ, принести себя въ жертву—нѣтъ ничего выше этого... Вы понимаете?

Николай Ивановичъ, наклонившись, заглянулъ ей въ глаза и взялъ ея руку.

— Да, да,—поспѣшно проговорила она, отнимая руку, и затѣмъ прибавила:—Пойдемте вонъ туда.

— Куда?

— Вотъ сюда. Пойдемте.

Она встала и вышла въ растворенную дверь на балконъ. Николай Ивановичъ послѣдовалъ за ней, сѣлъ рядомъ и продолжалъ:

— Вотъ вы пѣли... ахъ, чудную вещь вы пѣли!.. Въ этой пѣснѣ... знаете ли вы, о чемъ въ ней поется? О великой жертвѣ, о самоотреченіи... Любить людей, жить для ихъ счастія и въ то же время безропотно переносить неблагодарность, насмѣшки, обиды и оскорбленія... Ахъ, Боже мой!.. видите ли,

я не могу всего выразить... но вы понимаете? Вы милая, добрая дѣвушка, вы должны понимать...

— Да, да, я понимаю.

— Благодарю. Вы должны понимать, потому что вы прелесть. Жить въ одну утробу... ну, положимъ, не въ одну утробу, но все равно... жить только для себя, для своего удовольствія... это невозможно... въ этомъ нѣтъ смысла... и, наконецъ, самое удовольствіе исчезаетъ, наступаетъ скука, тоска, отупѣніе... Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, конечно...—но жить можно только для идеала... Вы понимаете?

Онъ опять протянулъ ей руку. Она крѣпко изо всѣхъ силъ сжала ее въ своихъ и выпустила.

— Жить для идеи, жить для добра, всѣми силами души ненавидѣть зло—вотъ что достойно человѣка... Ахъ, вы милая, милая Лидія Павловна, вы дитя и не знаете еще, какъ велико въ мірѣ зло... но у васъ чистая душа, и вы понимаете... вѣдь, вы понимаете?

— Да, да,— съ чувствомъ промолвила она, сжимая его руки, и, оглянувшись, вдругъ обхватила его шею руками, чмокнула въ губы и убѣжала.

«Милая дѣвушка... но, кажется, пора идти домой», думалъ Николай Ивановичъ, оставшись одинъ и глядя на полосы луннаго свѣта въ саду. Онъ медленно поднялся и вошелъ въ комнату. Навстрѣчу ему возбужденная, съ блестящими глазами, хохоча, какъ сумасшедшая, мчалась Лидочка Половодова, обнявшись съ одной изъ своихъ подругъ.

— Николай Иванычъ, я приглашаю васъ на кадриль, слышите?

— Я хотѣлъ домой, Лидія Павловна...

— Какъ домой? это что такое? почему домой? Ни за что!.. вотъ еще! танцуйте, я васъ приглашаю.

Спустя пять минутъ гремѣла рояль, и вся зала двигалась людьми, которые, взявшись за руки, мчались навстрѣчу другъ другу, раскланивались, повертывались на мѣстѣ и, быстро сѣменя ногами, бѣгали взадъ и впередъ съ выраженіемъ восторженнаго изступленія на лицахъ.

Николай Ивановичъ чувствовалъ себя въ какомъ-то сладкомъ туманѣ; ноги его сами собой выдѣлывали, что требовалось, передъ глазами мелькало оживленное, потное и милое лицо Лидочки, ея блестящіе черные глаза и полураскрытыя красныя губы, сложенныя въ улыбку. Во время короткихъ промежутковъ между фигурами, когда они садились на стулья, повернувшись другъ къ другу, Николай Ивановичъ восторженно говорилъ о великой любви къ человѣчеству, о подвигахъ самоотреченія, на что Лидочка отвѣчала ему вызывающимъ и притягивающимъ къ себѣ взглядомъ.

— Да, да, любовь это счастіе,—страстно шепнула она ему, взявъ его руку и поднимаясь, чтобы начать новую фигуру.

— Не правда ли? вы понимаете?—громко и радостно восклицалъ Николай Ивановичъ, выдѣлывая ногами въ тактъ музыки какіе-то вензеля.

Послѣ кадрили танцавали вальсъ, потомъ польку, потомъ опять кадриль. Въ антрактахъ кавалеры выпивали. Потомъ ужинали и тоже пили; послѣ ужина, кажется, еще танцовали. Когда расходились, старикъ Половодовъ уже спалъ, и гостей провожала Лидочка. Николай Ивановичъ, слегка пошатываясь, съ блаженной улыбкой разыскалъ шляпу, накинулъ на плечи пальто и вышелъ на крыльцо. Надъ рѣкой разстилался туманъ и дорога блестѣла отъ росы въ лунномъ сіяніи.

— На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,

запѣлъ кто-то изъ гостей.

— Рвалъ я съ жадностью безумной
Ароматные цвѣты,

подхватили дружно мужскіе и женскіе голоса. Остановившись, кто гдѣ былъ, пѣсню допѣли до конца и потомъ со смѣхомъ стали расходиться.

— Господи, какая ночь!.. Я пойду васъ провожать!—вскричала Лидочка и взяла Николая Ивановича подъ-руку. Слегка пошатываясь, онъ шелъ рядомъ съ ней, чувствуя сладкую теплоту ея молодого тѣла, размахивалъ свободною лѣвою рукой и о чемъ-то громко говорилъ. Онъ находился въ восторженно блаженномъ состояніи, и ему казалось, что онъ начинаетъ постигать, въ чемъ состоитъ существо міра—это было что-то роскошное, яркое, теплое; въ родѣ того чувства, какое возбуждало въ немъ прикосновеніе влюбленной въ него Лидочки, и постигнуть этотъ теплый міръ значило найти смыслъ человѣческой жизни...

— Ну, теперь провожайте меня,—сказала Лидочка.

Нѣсколько кавалеровъ, въ томъ числѣ и Николай Ивановичъ, который не выпускалъ ея руки, вернулись ее провожать. Николай Ивановичъ рѣшительно не могъ потомъ припомнить, какимъ образомъ онъ очутился на одно мгновеніе въ какомъ-то темномъ углу, должно быть, въ сѣняхъ, одинъ съ Лидочкой, гдѣ онъ ее обнялъ и поцѣловалъ. Онъ помнилъ только, что Лидочка послѣ того стояла на крыльцѣ и кричала имъ всѣмъ, когда они уходили:

— Прощайте! прощайте!

«Нѣтъ, жизнь прекрасна, жизнь хороша», говорилъ Николай

Ивановичъ, когда, распростившись съ товарищами на перекресткѣ, одинъ нетвердыми шагами шелъ по освѣщенной луною пустынной улицѣ, направляясь къ своей квартирѣ.

II.

Недѣли двѣ спустя Николай Ивановичъ, зайдя къ Березину, засталъ его въ какомъ-то странно возбужденномъ состояніи духа: онъ былъ необычно подвиженъ, суетливъ и разсѣянъ. Повидимому, онъ очень обрадовался Николаю Ивановичу, нѣсколько разъ пожалъ его руку и о чемъ-то быстро, съ необыкновенною живостью заговорилъ, но, не договоривъ фразы, замолкъ, сѣлъ на стулъ, сгорбился, ощупалъ свою голову, потомъ опять вскочилъ, оживился и заговорилъ также быстро и возбужденно. Онъ походилъ на пьянаго.

— Какъ поживаете? какъ ваше здоровье?—спросилъ его Николай Ивановичъ.

— О, весьма хорошо, весьма хорошо,—отвѣчалъ тотъ съ страннымъ смѣхомъ: — то-есть все такъ, какъ быть должно... Есть маленькія непріятности, но это не измѣняетъ общей картины... Дѣти здоровы и все благополучно... Вы извините меня, Николай Иванычъ, я всегда былъ взрослымъ ребенкомъ и всякія мелочи меня пугали и безпокоили... Конечно, это смѣшно, но я всегда впадалъ въ уныніе... Малодушіе это, такъ сказать, коренная черта моего характера... А оно конечно, если разсудить, пустяки и даже смѣшно...

И онъ, дѣйствительно опять засмѣялся. Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Я говорю это потому, что вы застали меня въ нѣсколько разстроенныхъ чувствахъ. Случилась одна маленькая непріятность, и я, можно сказать, немного упалъ духомъ, но это пройдетъ. Я очень радъ васъ видѣть, очень радъ...

— Но что случилось?

— Да такъ, вообще... получилъ я вчера отъ инспектора бумажку непріятную... Да вотъ, прочтите.

Николай Ивановичъ взялъ бумагу. Тамъ было написано, что учитель Березинъ, согласно своему прошенію, съ такого-то времени увольняется отъ занимаемой имъ должности. Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на Березина вопросительно.

— Я такого прошенія не подавалъ, — сказалъ Березинъ.

— Тогда что же это такое?

— Не знаю. Я ходилъ къ инспектору, но онъ меня не принялъ. Тогда я написалъ ему письмо, и вотъ какой получилъ отвѣтъ.

Березинъ взялъ со стола перегнутый пополамъ лоскутокъ сѣрой бумаги, на которомъ карандашемъ было нацарапано: «Дѣло о вашемъ увольненіи рѣшено безповоротно. Прошу избавить меня отъ всякихъ по этому поводу объясненій».

— Но въ чемъ же дѣло? что за мистификація?

— Рѣшительно не догадываюсь. Двадцать лѣтъ прослужилъ учителемъ, и вотъ каковъ конецъ.

— Но это положительно какое нибудь недоразумѣніе. Хотите, я увижусь и переговорю съ инспекторомъ?

— Буду вамъ весьма благодаренъ.

Четверть часа спустя Николай Ивановичъ позвонилъ у крыльца квартиры инспектора Малыгина. Двери отворила горничная и подозрительно осмотрѣла его съ головы до ногъ.

— Вамъ кого?—спросила она.

— Баринъ дома?

— Не знаю, право... я сейчасъ справлюсь...

Но Николай Ивановичъ, не дожидаясь справокъ, вошелъ вслѣдъ за ней въ прихожую, потомъ въ комнату направо, гдѣ увидѣлъ инспектора, который торопливо надѣвалъ на себя пиджакъ.

— А—а! милости просимъ, милости просимъ!—заговорилъ Малыгинъ, суетливо застегивая пуговицы жилета и приглаживая волосы на головѣ.—Извините, я по домашнему. Здравствуйте. Садитесь, очень радъ.

Николай Ивановичъ сѣлъ нѣсколько взволнованный, придумывая, какъ и съ чего начать разговоръ.

— Ну, что? какъ?—суетливо началъ инспекторъ,—какъ вы поживаете?

— Ничего, живу.

- Здоровье ваше? что новенькаго?

— Кажется, ничего.

— Ну-съ, а это... какъ его... Вы чаю не хотите-ли?

— Нѣтъ, не хочу. Я къ вамъ, Василій Васильичъ, по дѣлу.

— А, да, да... вотъ что!.. къ вашимъ услугамъ; чѣмъ могу служить?

Повидимому, Малыгинъ начиналъ догадываться о цѣли визита Николая Ивановича, потому что слегка поблѣднѣлъ и сталъ заботливо прибирать вещи на письменномъ столѣ.

— Вы уволили учителя Березина,—проговорилъ Николай Ивановичъ.

Малыгинъ всталъ и пошелъ въ другой конецъ комнаты, гдѣ принялся что-то розыскивать на этажеркѣ.

— Да, да, — сказалъ онъ глухо: — припоминаю, припоминаю.

Захвативъ съ полки коробку съ табакомъ, онъ вернулся

на мѣсто и сталъ старательно набивать папиросу. Руки его замѣтно дрожали.

— Березина?—переспросилъ онъ.—Да, да, припоминаю.

— Березинъ перенесъ большое несчастіе—потерялъ жену и самъ только-что оправился отъ тяжелой болѣзни,—продолжалъ Николай Ивановичъ.—У него дѣти и старуха-теща. Онъ двадцать лѣтъ тянулъ лямку учителя, теперь почти старикъ... безъ средствъ... Положеніе его прямо безвыходное...

— Знаю, знаю,—перебилъ его инспекторъ, голосомъ и выраженіемъ лица обнаруживая состраданіе: — знаю-съ, многоуважаемый Николай Иванычъ. У меня, можно сказать, за всѣхъ учителей сердце болитъ. Жалкое положеніе! каторжный трудъ, нищенское вознагражденіе, полная необезпеченность въ старости...

— Говорятъ, онъ очень хорошій учитель...

— Прекрасный, можно сказать рѣдкій. Совершенно вѣрно: рѣдкій учитель.

— Тогда почему же вы его уволили?—спросилъ Николай Ивановичъ съ изумленіемъ.

— По прошенію-съ... что дѣлать! по его собственному желанію.

— Но это неправда: онъ прошенія не подавалъ.

— Какъ не подавалъ?.. Ужъ, стало быть, подавалъ... не можетъ быть, чтобъ не подавалъ...

Лицо инспектора было блѣдно и непріятно искажено нервной судорогой, хотя онъ продолжалъ улыбаться и говорить ласковымъ и сладкимъ голосомъ. Николай Ивановичъ былъ также взволнованъ, и въ голосѣ его звучало раздраженіе, когда онъ сказалъ:

— Вы сами знаете, что это неправда.

Малыгинъ какъ-то противно захихикалъ.

— Странный у насъ разговоръ, Николай Ивановичъ,—сказалъ онъ, захлебываясь отъ бушевавшаго въ немъ волненія и всетаки улыбаясь, — въ высшей степени странный разговоръ-съ...

— Прошенія онъ не подавалъ!—нѣсколько возвысивъ голосъ, продолжалъ Николай Ивановичъ: — тутъ или подлогъ, или я не знаю что... Я вижу, что ничего больше не остается, какъ только жаловаться... Вообще, это чортъ знаетъ что такое!.. Ему терять уже больше нечего, конечно, онъ будетъ жаловаться.

Малыгинъ порывисто вскочилъ и заходилъ по комнатѣ. Глаза его бѣгали по сторонамъ, какъ мыши, лицо исказилось, поблѣднѣвшія губы нервно вздрагивали; однако онъ все продолжалъ улыбаться и потиралъ руки, тщетно пытаясь успокоиться и удержать мелкую дрожь. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Нечего терять?—наконецъ, заговорилъ онъ крикливымъ и срывающимся голосомъ.—Едва ли-съ... Сдѣлайте одолженіе, пусть жалуется, но на что онъ будетъ жаловаться? пусть, но что изъ этого выйдетъ?.. Онъ уволенъ по прошенію, такъ-съ?.. Хорошо, сдѣлайте одолженіе, мы уволимъ его безъ прошенія... пожалуйста, мы это можемъ... Но я не знаю, что лучше?... Я хотѣлъ потихоньку, безъ шума, я не хотѣлъ портить карьеры, пресѣкать ему путь... Жалѣючи его, снисходя къ его заслугамъ и семейному положенію... да-съ, именно, все это было принято во вниманіе... Пусть жалуется, я, дѣйствительно, виноватъ: пожалѣлъ человѣка... снизошелъ, такъ сказать, принялъ во вниманіе... Но извольте, очень хорошо-съ: мы уволимъ его безъ прошенія... извольте-съ...

— Но за что? за что?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— За что-съ? — переспросилъ Малыгинъ, останавливаясь и поднимая глаза на Николая Ивановича.—За многое-съ. Вы должны знать, за что-съ... кажется, должны бы-съ...

— Я васъ не понимаю.

— Не понимаете?.. въ самомъ дѣлѣ?.. Эхъ, Господи Боже мой!—взвизгнулъ Малыгинъ:—да вы чего? младенецъ вы что ли?.. Это удивительно, право!... у него тамъ жена, а у меня наложница что ли? у него дѣти, а у меня не дѣти? щенки что ли?... Я чужихъ дѣтей жалѣй, а своихъ не жалѣй? это что же такое? гдѣ же справедливость?.. Либеральничай тамъ, если угодно, да только не на моей шкурѣ!.. Другіе, чтобы чортъ ихъ побралъ, упражняются въ благородныхъ чувствахъ, а я отвѣчай!..

— Да вы о чемъ? Я васъ рѣшительно не понимаю.

— Да вы сегодня родились или вчера?—уже съ нескрываемой злобой вскричалъ Малыгинъ.—Это, ей-богу, удивительно! наивность какая!

— Я прошу васъ отвѣчать по человѣчески: въ чемъ дѣло?

— Въ чемъ дѣло? вы не знаете, въ чемъ дѣло?.. Хе, хе, хе!.. забавно, ей-богу!.. Ну, хорошо, я вамъ скажу-съ... Вы человѣкъ холостой, одинокій, вы агрономъ, вы можете либеральничать... да-съ, да-съ, показывать кукишъ въ карманѣ... Но нашъ братъ, педагогъ, наставникъ юношества, долженъ быть чистъ, какъ стекло, безусловно-съ, абсолютно-съ... Ни одного пятнышка, никакого соприкосновенія, никакого касательства!.. Это не я требую, нѣтъ, не я-съ...

— Что же, по вашему, Березинъ?.. Вы, кажется, помѣшались.

— Березинъ?.. ну, хорошо, Березинъ... А какія у него знакомства, позвольте спросить? Отъ всѣхъ прячется и заводитъ тѣснѣйшую дружбу... съ кѣмъ?.. Съ господиномъ Чагинымъ... Почемъ я знаю, можетъ быть, у нихъ все было сообща, все вмѣстѣ... почемъ я

знаю!.. Я видѣлъ это, но я терпѣлъ, я смотрѣлъ сквозь пальцы... Ну, а теперь, послѣ такого скандала—извините-съ!.. Я не могу... Что же, прикажете мнѣ самому въ петлю лѣзть? Покорнѣйше благодарю-съ. Нѣтъ-съ, не желаю-съ. Слышите? не желаю-съ!..

Голосъ Малыгина поднялся почти до крика. Онъ задыхался и брызгалъ слюной, выкрикивая слова, бѣгалъ по комнатѣ и натыкался на стулья, какъ помѣшанный.

— Пусть! пусть господинъ Березинъ жалуется!—кричалъ онъ: — что же, пусть!.. Я объясню все, и будьте спокойны, одобрятъ... вполнѣ, навѣрное-съ... Хе, хе, хе! ужъ будьте увѣрены!..

Николаю Ивановичу почти неудержимо захотѣлось плюнуть ему въ лицо или ударить такъ, чтобъ онъ завизжалъ отъ боли и оскорбленія. Однако онъ удержался и сказалъ:

— Кажется, намъ разговаривать больше нечего. Мое почтеніе.

И, не подавая руки, двинулся въ прихожую. Малыгинъ бросился за нимъ.

— Позвольте, да вы куда? Николай Иванычъ!—заговорилъ онъ съ испугомъ:—позвольте, что же это? Нѣтъ, я васъ не пущу. Въ кои-то вѣки зашли... Сейчасъ подадутъ закуску.

Николай Ивановичъ молча надѣвалъ пальто.

— Да вы, кажется, разсердились? Ей-богу, для васъ я готовъ все, что угодно, съ удовольствіемъ... но здѣсь такое дѣло... такая, можно сказать, струна... Вы прямо просите невозможнаго...

— Я ни о чемъ не прошу.

— Эхъ, ей-богу!.. да вы, кажется, серьезно разсердились?... Но, право же, вы несправедливы... Служба, батенька мой... Вы хорошо знаете мой либеральный образъ мыслей, я самъ сочувствую... но, назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ... хе, хе, хе!.. Нѣтъ, вы не сердитесь... Я, дѣйствительно, погорячился и прошу извиненія... Я понимаю, что вами руководятъ благородныя чувства, самыя благородныя, благороднѣйшія...

— До свиданія...

— Ну, до свиданія. Очень жаль, очень жаль...

Малыгинъ отворилъ ему двери и даже проводилъ его до крыльца. Николай Ивановичъ, не оглядываясь, торопливо вышелъ на улицу. «Какая низость, какая низость!» твердилъ онъ дорогою. «Но какъ же теперь Березинъ? Надо что-нибудь придумать, надо что-нибудь сдѣлать... частные уроки, что ли... Да вотъ хоть Яшку учить... Въ самомъ дѣлѣ, отличная мысль»...

Николай Ивановичъ свернулъ направо и пошелъ не къ Березину, а къ себѣ на квартиру. Узнавъ, что Захаръ Ивановичъ

дома, онъ пошелъ къ нему и сказалъ, что нашелъ для Яшки отличнѣйшаго учителя.

— Какого учителя? зачѣмъ?—удивился Захаръ Ивановичъ.

— Какъ зачѣмъ? да, вѣдь, его учить надо?

— Да, но, вѣдь, чортъ его знаетъ... Вы не пробовали съ нимъ заниматься?

— Нѣтъ, не пробовалъ: лѣто было, каникулы... а вотъ теперь наступаетъ учебное время... Я бы и самъ съ удовольствіемъ, но я не опытенъ, а это такой педагогъ, я вамъ скажу...

— Кто такой?

— Березинъ.

— Знаю. Развѣ онъ хорошій учитель?

— Превосходный. Посмотрите, онъ въ одинъ годъ приготовитъ Яшку въ гимназію.

— Да, если такъ, то конечно... Но какъ цѣна?

— Двадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Двадцать рублей? это дорого! двадцать рублей...

— Совсѣмъ не дорого. Обыкновенно берутъ по рублю за часъ, а это обойдется.. если по три часа въ день... что же?.. тридцать копеекъ...

— Но, вѣдь, двадцать рублей въ мѣсяцъ, помилуйте!..

— Позвольте, да вы дьякону сколько платили?

— Дьякону? кажется, десять.

— Вотъ то-то и есть. Полуграмотному дьякону десять рублей, а это спеціалистъ, педагогъ настоящій...

Захаръ Ивановичъ скоро согласился, и Николай Ивановичъ въ восторгѣ полетѣлъ къ Березину. Онъ вошелъ къ нему съ такимъ сіяющимъ лицемъ, что тотъ ошибочно заключилъ о благопріятномъ исходѣ переговоровъ съ инспекторомъ.

— Ну, что? были у инспектора? оказалось какое-нибудь недоразумѣніе?

— Вашъ инспекторъ такая скотина, что я не нахожу словъ... Нѣтъ, а я вамъ урокъ нашелъ. Бросайте службу къ чорту, занимайтесь частными уроками. Двадцать рублей въ мѣсяцъ...

— А что же инспекторъ?

Николай Ивановичъ разсказалъ содержаніе ихъ разговора.

— Да, да,—грустно проговорилъ Березинъ, качая головой:— все у меня такъ... Спасибо вамъ за хлопоты.

— Уроковъ еще найдемъ.

— Спасибо, спасибо.

Николай Ивановичъ весь остатокъ дня чувствовалъ себя имянинникомъ, вечеромъ сѣлъ писать письмо Чагину, просидѣлъ до глубокой ночи, исписалъ нѣсколько листовъ и, не докончивъ письма, легъ спать. Письмо пролежало въ ящикѣ

стола два мѣсяца, потомъ потерялось и не дошло по назначенію.

III.

Однажды утромъ, часовъ около двѣнадцати Николай Ивановичъ валялся на диванѣ съ книгою въ рукахъ, когда изъ сосѣдней комнаты послышался чей-то чрезвычайно знакомый голосъ:

— Дома? Ага! очень хорошо. Куда идти? сюда? Отлично. Ну-ка, гдѣ онъ? гдѣ онъ, милѣйшій Николай Ивановичъ?

Вслѣдъ затѣмъ, къ ужасу Николая Ивановича, солидно и сановито вошелъ въ комнату Петръ Петровичъ Смолинъ. Онъ не торопясь снялъ перчатки и бросилъ ихъ въ шляпу, которую затѣмъ осторожно поставилъ на край стула; потомъ, выпрямившись, устремилъ на Николая Ивановича веселый и доброжелательный взглядъ.

— Удивлены? не правда ли?—произнесъ онъ, улыбаясь и продолжая весело глядѣть:—а я къ вамъ съ повинной. Погорячились мы оба, но я, конечно, больше виноватъ и потому первый прихожу протянуть руку примиренія.

Растерявшійся Николай Ивановичъ вскочилъ съ дивана, пробормоталъ что-то совершенно невнятное и дружески потрясъ протянутую руку Петра Петровича, который черезъ минуту уже сидѣлъ, развалившись въ креслѣ, пріятельски улыбался и говорилъ:

— Признаться, мы очень по васъ соскучились, а пуще всего жена. Ужъ я нѣсколько разъ собирался къ вамъ, да все смѣлости не хватало: а вдругъ онъ, думаю себѣ, меня не захочетъ выслушать или не приметъ, что тогда?.. Такъ-то, милѣйшій Николай Иванычъ, забудемъ это печальное недоразумѣніе. По крайней мѣрѣ я отъ души... надѣюсь, что и вы тоже... Льщу себя надеждою, что вы по прежнему запросто, по пріятельски завернете къ намъ безъ всякихъ церемоній... Кстати, пятаго числа у меня влазины на хуторѣ въ новый домъ, соберется веселая компанія... Сначала, какъ водится, Господу Богу молебствіе, а тамъ пирожокъ... музыка будетъ и танцы... Вы не бывали въ Неволинкѣ?

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Чудныя, благодатныя мѣста! да вотъ увидите... Пріѣзжайте, Николай Иванычъ, ждемъ васъ непремѣнно.

— Благодарю... если позволитъ время, то, конечно, съ удовольствіемъ.

— Ну, ну! пожалуйста, безъ всякихъ отговорокъ! Если, чего избави Богъ, не пріѣдете, я буду думать, что вы все еще продолжаете питать ко мнѣ непріязненныя чувства..! Право,

право же такъ... и тогда вражда на вѣки!.. Ха, ха, ха!.. Нѣтъ, не шутя, мы ждемъ васъ непремѣнно.

Поболтавъ нѣсколько минутъ о разныхъ разностяхъ весьма непринужденно, несмотря на смущенный и растерянный видъ хозяина, Петръ Петровичъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ:

— Кромѣ удовольствія видѣть васъ и передать вамъ въ знакъ примиренія личное приглашеніе на семейный праздникъ, я отчасти къ вамъ и по дѣлу...

— Что такое? — съ испугомъ спросилъ Николай Ивановичъ.

— Явилась у меня эдакая идея... Видите ли, съ новаго года освобождается мѣсто секретаря... Курочкинъ уже старъ и выходитъ въ отставку... Такъ вотъ, не желаете ли вы занять эту должность?.. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я говорю не шутя... Мѣсто не Богъ знаетъ какое, но, вѣдь, это лишь первый шагъ... Нѣтъ, позвольте, не возражайте пока, не торопитесь. Выслушайте меня до конца. Я буду говорить откровенно: съ земствомъ вамъ необходимо покончить. Его пѣсенка спѣта. Правду сказать, было когда-то земство, а теперь что? одни развалины. Вы человѣкъ молодой и, стало быть, должны думать о будущей своей карьерѣ, а здѣсь какая же будущность? Здѣсь вы ничего не добьетесь. Центръ тяжести перемѣщается, жизненный пульсъ бьется въ другомъ мѣстѣ, наступаютъ новыя времена... Надо къ нимъ приспособляться... Во всякомъ случаѣ, вы подумайте объ этомъ. Скажите мнѣ только одно слово, и все это можно устроить въ одинъ моментъ. Ну-съ, не смѣю васъ больше безпокоить. Помните, мы васъ ждемъ.

— Постараюсь, постараюсь, — бормоталъ Николай Ивановичъ, выходя за гостемъ въ прихожую, потомъ на крыльцо, гдѣ стоялъ до тѣхъ поръ, пока Смолинъ не усѣлся въ пролетку, запряженную парой великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадей, и, любезно раскланявшись, не тронулся съ мѣста.

Вернувшись въ комнату, Николай Ивановичъ зачѣмъ-то сталъ перекладывать книги съ мѣста на мѣсто, сметать соръ со стола, заводить часы — имъ овладѣла странная суетливость.

«Вѣдь, надо бы съ лѣстницы спустить этого мерзавца», прошепталъ онъ, «между тѣмъ... какъ же такъ? какъ это могло случиться, что я принялъ его и даже любезно съ нимъ обошелся?» Онъ вспомнилъ свое бормотанье: «очень пріятно... весьма радъ», свой растерянный видъ, свою улыбку и застоналъ отъ стыда. Чтобъ успокоиться, онъ взялъ книгу и, лихорадочно перелистывая страницы, говорилъ вслухъ: «что жъ теперь дѣлать? что дѣлать? Надо все это измѣнить, надо поправить то, что произошло»... Черезъ полчаса онъ, впрочемъ, въ значительной степени успокоился.

«Ну, положимъ, я его принялъ», разсуждалъ онъ, — «но,

вѣдь, не могъ же я прогнать его въ шею? Не отплачу ему визита, не поѣду на его новоселье — вотъ и все. Въ сущности, я и принялъ-то его чрезвычайно сухо... Но зачѣмъ онъ пріѣзжалъ? Что ему отъ меня надо? Навѣрное, какой-нибудь подвохъ: вѣдь этотъ человѣкъ ничего спроста не дѣлаетъ... А впрочемъ, мнѣ-то что? не все ли равно?.. Чортъ съ нимъ!»...

На слѣдующій день, утромъ, часовъ въ одиннадцать пріѣхалъ исправникъ, заставшій Николая Ивановича неодѣтаго, только что поднявшагося съ постели; наговоривъ ему кучу пріятныхъ вещей, онъ увѣрялъ, что давно желалъ поближе съ нимъ познакомиться, звалъ къ себѣ, разсказалъ нѣсколько анекдотовъ, потомъ расшаркался и уѣхалъ, оставивъ Николая Ивановича въ совершенномъ недоумѣніи.

Черезъ полчаса пріѣхалъ предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Филатовъ, потомъ непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Поповъ; оба посидѣли нѣсколько минутъ, поболтали о томъ о семъ и уѣхали. «Однако, что это значитъ? что съ ними сдѣлалось?» — недоумѣвалъ Николай Ивановичъ. «Наслѣдство я получилъ, важнымъ лицомъ сдѣлался что ли?» Къ довершенію его изумленія, пріѣхалъ инспекторъ Малыгинъ въ мундирѣ, съ трехуголкой, въ перчаткахъ. Онъ былъ блѣденъ, видимо встревоженъ и началъ съ извиненія, что не исполнилъ просьбы Николая Ивановича въ отношеніи Березина. Теперь, по его словамъ, явилась возможность все это дѣло поправить, опредѣливъ его снова учителемъ городской школы, такъ какъ новый учитель не отвѣчаетъ своему назначенію и долженъ быть переведенъ на другое мѣсто. Николай Ивановичъ пригласилъ Малыгина садиться и молчалъ, не зная о чемъ говорить. Инспекторъ посидѣлъ-посидѣлъ, посмотрѣлъ книги, лежавшія на столѣ, и съ тѣмъ же растеряннымъ и безпокойнымъ видомъ расшаркался и, пятясь задомъ, удалился. Около обѣда появился еще новый посѣтитель, мировой судья Подшиповъ. Онъ страшно запыхался, поднимаясь по лѣстницѣ, потный и красный, съ широко улыбающимся лицомъ, утирая платкомъ лысину, ввалился въ комнату и заговорилъ своимъ невѣроятнымъ басомъ:

— Поздравляю, поздравляю, дружище... Весьма радъ, поздравляю...

— Съ чѣмъ? что такое? — съ изумленіемъ спросилъ Николай Ивановичъ.

— Какъ съ чѣмъ?.. Да, вѣдь, дядя родной, дружище... это вѣдь не дурно...

— Кто? какой дядя?

— Ого! какой дядя! да этотъ, новый-то губернаторъ... Дядя родной, шутка сказать!

— Кому?

— Да вамъ же, дружище... Господи Боже мой! что это? будто вы не знаете?

— Ничего не знаю.

— Будто? Ха, ха, ха!..

И судья такъ громко захохоталъ, что задребезжали окна.

— Какъ его фамилія?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Насѣдкинъ.

— Степанъ Васильичъ?

— Ну да, ну да, онъ самый, вашъ родной дядюшка. Ужъ онъ справлялся объ васъ у Смолина... Ну, чудакъ вы, ей-богу! какъ же вы не знали?

Николай Ивановичъ разсказалъ, что, дѣйствительно, у него былъ дядя, Степанъ Васильевичъ Насѣдкинъ, родной братъ его покойной матери, служившій въ Петербургѣ, съ которымъ онъ видѣлся на своемъ вѣку не болѣе трехъ-четырехъ разъ и котораго хорошо помнитъ по послѣднему съ нимъ свиданію въ Москвѣ назадъ тому около пяти лѣтъ.

— Ну такъ, ну такъ... такъ, такъ, дружище,—поддакивалъ судья, радостно улыбаясь.—Весьма радъ, весьма радъ... радъ, дружище...

— Чему же?

— Ого! чему! да вы чудакъ! вѣдь, родной дядя... можете далеко пойти... вы теперь важная птица, дружище.

— Такъ вотъ почему ко мнѣ чиновники стали ѣздить, точно на имянины!—догадался Николай Ивановичъ.

— Вотъ, вотъ... поэтому, поэтому, дружище... Вотъ и я пріѣхалъ... какже!.. дядюшка губернаторъ!.. Теперь, я полагаю, земство вамъ придется оставить...

— Почему?

— Да что земство? Агрономію теперь по боку!.. къ чему она?.. Ничего въ ней нѣтъ такого... Уфъ!.. ужъ вы позвольте мнѣ присѣсть... вотъ кресло... я въ кресло... вотъ такъ, хорошо... Теперь, дружище, вамъ надо на государственную... Эдакій случай!.. вы съ высшимъ образованіемъ, далеко пойдете...

«Дядя губернаторъ», размышлялъ Николай Ивановичъ по уходѣ судьи, «кажется, это, въ самомъ дѣлѣ не дурно... Вонъ какъ всѣ чиновники вдругъ забѣгали... Нѣтъ, это хорошо»...

Въ теченіе двухъ дней у Николая Ивановича перебывалъ почти весь городъ. Онъ вдругъ сталъ самымъ интереснымъ, самымъ значительнымъ въ городѣ человѣкомъ. Его засыпали приглашеніями, ему льстили, за нимъ ухаживали, его хвалили въ глаза и за глаза, въ немъ находили цѣлую уйму незамѣчаемыхъ раньше достоинствъ, удивлялись его простотѣ, мягкости и скромности его характера, его добротѣ, уму и способностямъ. Смолинъ еще разъ заѣзжалъ къ нему напомнить о своемъ семейномъ праздникѣ и взялъ съ него слово непремѣнно прі-

ѣхать. Николай Ивановичъ совсѣмъ растерялся, не могъ собра́ться съ мыслями, находясь все время въ какомъ-то блаженномъ туманѣ, и началъ почти вѣрить въ безкорыстное расположеніе къ себѣ людей, которое, впрочемъ, и на самомъ дѣлѣ на половину было безкорыстно. Тѣ самые люди, которыхъ онъ боялся, къ которымъ онъ питалъ чувство озлобленія, казались ему теперь такими милыми, добродушными, общительными и доброжелательными людьми, что представлялось совершенно невѣроятнымъ, чтобъ они когда-нибудь могли быть жестокими, несправедливыми, способными на неблагородные поступки. Позже всѣхъ пріѣхалъ Красногорскій.

— Васъ такъ теперь одолѣваютъ,—говорилъ онъ,—что мнѣ стыдно было показаться вамъ на глаза. Чортъ знаетъ! вотъ наша публика! ни въ чемъ мѣры не знаетъ... Ишь ты, губернаторскій племянникъ, такъ они головы готовы сломить!..

— Да, да, дѣйствительно,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ, блаженно улыбаясь.

— Просто, нельзя стало заѣхать къ вамъ порядочному человѣку. Думаю себѣ, нѣтъ, ужъ я подожду... А то, вѣдь, это что же? всѣ съ ума сошли!.. Ну, во всякомъ случаѣ поздравляю. Весьма радъ. По крайней мѣрѣ, черезъ васъ можно будетъ что-нибудь хорошее сдѣлать... обнаружить злоупотребленія...

И Красногорскій съ утомительными подробностями началъ жаловаться на аптекаря, на городского врача Баржина, на безпорядки въ больницѣ, на управу... По обыкновенію, онъ горячился, страшно преувеличивалъ, употребляя сильныя выраженія, и не жалѣлъ красокъ. Почти не слушая его, Николай Ивановичъ съ тоскою смотрѣлъ въ окно, вставляя для приличія слова: «да, да, совершенно вѣрно, конечно», и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда онъ уѣдетъ.

— Все это не мѣшаетъ вамъ знать,—заключилъ Красногорскій:—всю, такъ сказать, подноготную... на всякій случай... мало ли тамъ... эдакъ при случаѣ... Что-жъ, пользу можете принести.

Проводивъ его, Николай Ивановичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

IV.

Пятаго сентября Николай Ивановичъ не поѣхалъ къ Смолину въ Неволинку и не безъ зависти наблюдалъ, какъ мимо его окна мчались по улицѣ экипажи одинъ за другимъ по направленію къ почтовому тракту. Проскучавъ до вечера, онъ пошелъ къ Половодовымъ. Лидочка одна въ столовой разста-

вляла чайную посуду. На столѣ кипѣлъ самоваръ. Старикъ Половодовъ спалъ.

— Здравствуйте,—сказала Лидочка довольно сухо и прибавила:—какъ это вы надумали? какимъ вѣтромъ васъ занесло?

— Такъ, зашелъ... Развѣ вы недовольны?

— Нѣтъ, отчего же? но, вѣдь, вы теперь губернаторскій племянникъ, значительный человѣкъ, а мы люди маленькіе...

— Какія глупости вы говорите!.. А гдѣ Павелъ Петровичъ?

— Дома, спитъ, еще не проснулся... Папа! вставай!—закричала Лидочка:—самоваръ на столѣ. Николай Иванычъ къ тебѣ пришелъ.

— Я, можетъ быть, не къ нему, а къ вамъ пришелъ.

— Ну! гдѣ ужъ!.. Хотите чаю?

— Позвольте.

Вскорѣ явился заспанный старикъ Половодовъ и, протирая глаза, сказалъ:

— А!.. вонъ кто!.. Николай Иванычъ!.. Весьма радъ, весьма радъ... Ну-ка, Лидуша, налей мнѣ чепарушку. Эхъ, хорошо послѣ сна чайку выпить!..

Лидочка налила и подала ему огромную фарфоровую чашку въ видѣ бокала. Половодовъ помѣшалъ ложечкой, налилъ на блюдце, подулъ въ него и, сдѣлавъ большой глотокъ горячаго чая, продолжалъ:

— Такъ-то-съ... Слышали, батенька, слышали, какже... Вѣроятно, теперь вы скоро оставите нашъ богоспасаемый градъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ? Я думаю, въ губернію теперь...

— Я вовсе объ этомъ не думаю.

— Ну, можетъ быть, теперь не думаете... а всетаки въ концѣ концовъ... Конечно, нельзя сразу... Сначала надо дядюшку повидать, представиться, такъ сказать... Извѣстное дѣло, сами знаете... вы человѣкъ образованный, васъ не учить... Когда думаете представляться?

— Да я вовсе не думаю. Зачѣмъ мнѣ представляться? я не чиновникъ. Онъ самъ по себѣ, я самъ по себѣ.

Половодовъ посмотрѣлъ на него съ чрезвычайнымъ изумленіемъ.

— Не думаете представляться?—спросилъ онъ:—да что вы?.. какъ это можно?.. Что вы, батенька мой!.. Нѣтъ, это вы шутите, конечно... Ха, ха, ха!..

— Нисколько не шучу. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я къ нему полѣзу? Родственныхъ чувствъ между нами не существуетъ, въ покровительствѣ его я не нуждаюсь... въ чиновники не пойду... Что между нами можетъ быть общаго?..

— Что вы, что вы!.. Ай-ай-ай! какъ можно такъ говорить?.. Что вы, Николай Ивановичъ!.. Нѣтъ, это не годится, это не

ладно, это не того... Какъ можно!.. Ахъ, ты Господи!.. Лидуша, что это онъ?.. а?.. Нѣтъ, не ладно.

Половодовъ не шутя взволновался, покраснѣлъ и безпокойно задвигался на стулѣ.

— Конечно, очень глупо! — сердито сказала Лидочка.— Родственныхъ чувствъ нѣту, въ чиновники не хочу! почему бы это?.. Довольно странно! все это гордость одна... Конечно, это васъ Чагинъ испортилъ!.. я знаю... Что вы здѣсь станете киснуть, зачѣмъ?.. Какія глупости!.. Надо случаемъ пользоваться, вы можете карьеру сдѣлать... И все это вы только такъ говорите... даже досадно слушать!..

Слова Лидочки непріятно удивили Николая Ивановича, и онъ пристально на нее посмотрѣлъ. Положительно она была некрасива сегодня: и одѣта была черезчуръ небрежно, и волосы, лежавшіе сальными прядями на ея головѣ, казались черезчуръ жидкими и грязными, и голосъ былъ грубъ и рѣзокъ, и лицо имѣло недоброе выраженіе.

— Какъ вы можете такъ говорить, Лидія Павловна?—съ укоризной промолвилъ Николай Ивановичъ.

— А что-жъ! я правду говорю. Всегда надо пользоваться случаемъ, а это одни разговоры... И къ чему эти пустые разговоры?

— Такъ, такъ его, Лидушка!.. хорошенько!.. Ха, ха, ха!.. Она у меня молодецъ!.. Вы не смотрите, что она такая... она у меня практикъ... Ха, ха, ха!..

Послѣ чаю перешли въ залу и сѣли играть въ винтъ съ болваномъ. Лидочка продолжала быть скучной и придиралась то къ отцу, то къ Николаю Ивановичу.

— Ты не въ духѣ сегодня, Лидушка, нѣтъ, не въ духѣ,— говорилъ Половодовъ.

Кое-какъ дотянувъ до десяти часовъ, Николай Ивановичъ сталъ прощаться. Лидочка вышла на крыльцо его провожать.

— Нехорошая вы сегодня,—сказалъ Николай Ивановичъ, прощаясь.

— Какова есть!—сердито отвѣчала Лидочка.

— Но почему? Что съ вами?

— Ничего, такъ. Чему радоваться-то? Не больно радости много.

— Ну, прощайте.

— Прощайте... Постойте, погодите!—прибавила она, когда Николай Ивановичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.—Вотъ что,— проговорила она съ усиліемъ:—вы не сердитесь на меня?

— За что?

— Не сердитесь... У меня такой противный характеръ, и я не могу... Мнѣ обидно, что вы уѣзжаете, и я, можетъ быть, больше васъ не увижу... Кому счастье, а кому горе.

— Но съ чего вы взяли, что я уѣзжаю? куда? зачѣмъ?

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста! Конечно, вы должны ѣхать... Чего вамъ здѣсь? Здѣсь и должностей такихъ нѣту... а какія есть, тѣ заняты... Не безпокойтесь, я вамъ зла не желаю... я хочу, чтобы вамъ было хорошо... Только ужъ вы больше къ намъ не приходите...

— Почему это?

— Такъ надо, такъ надо!—вскричала Лидочка и скрылась въ дверяхъ. Николаю Ивановичу показалось, что она заплакала. Онъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, потомъ зашагалъ по улицѣ, осторожно ступая среди непрогляднаго мрака.

V.

На слѣдующій, день шестого сентября, Николай Ивановичъ проснулся рано, напился чаю и вышелъ на улицу. Погода была чудная. Безоблачное небо казалось бирюзовымъ, солнце ярко свѣтило, неподвижный, прохладный воздухъ былъ такъ прозраченъ, что отчетливость, съ какою вырѣзывалась даль, казалась невѣроятною. За воротами Николай Ивановичъ столкнулся съ Березинымъ, который шелъ къ Яшкѣ на урокъ.

— Ахъ, да! — поздоровавшись, сказалъ Николай Ивановичъ:—не хотите-ли вы снова занять мѣсто учителя? Инспекторъ говоритъ, что теперь это можно устроить.

Березинъ, по обыкновенію, испуганно посмотрѣлъ на него своими близорукими глазами, потомъ улыбнулся блѣдной улыбкой, которая странно гармонировала съ его грустнымъ и утомленнымъ видомъ.

— Нѣтъ,—проговорилъ онъ,—не хочу или, вѣрнѣе, не могу. Силъ нѣту, хвораю все, старость подходитъ, совсѣмъ сталъ инвалидомъ. Пожалуй, для школы я, дѣйствительно, ужъ непригоденъ. Такъ и передайте, что, молъ, расхлябался вовсе и признаетъ себя неспособнымъ...

— Ну, какъ хотите... А что Яшка? какъ онъ? учится?

Лицо Березина оживилось улыбкой.

— Какже, какже. Учится и преотлично. Способный мальчикъ. Я надѣюсь къ будущей осени приготовить его во второй классъ.

— Это очень хорошо.

— Да-съ, учимся мы не дурно. Ну-съ, до свиданія.

— До свиданія.

Простившись съ Березинымъ, Николай Ивановичъ пошелъ направо, въ ту сторону, гдѣ сверкала и тянула къ себѣ легкая, свѣтлая и отчетливо прозрачная даль. На одной изъ улицъ онъ замѣтилъ трехъ мужиковъ, медленно, словно въ раздумьи

выходившихъ изъ воротъ стараго деревяннаго дома. Онъ обратилъ на нихъ вниманіе потому, что въ этой медлительности, въ манерѣ ихъ, въ походкѣ показалось ему что-то чрезвычайно знакомое. Выйдя изъ воротъ, мужики остановились и стали о чемъ-то совѣщаться. Одинъ изъ нихъ, черный, какъ жукъ, говорилъ что-то двумъ остальнымъ: сѣдому старику и длинному бѣлокурому мужику съ голубыми мечтательными глазами.

— «Гдѣ я ихъ видѣлъ?»—припоминалъ Николай Ивановичъ и вдругъ вспомнилъ, что видѣлъ ихъ у Чагина и что это повѣренные неволинскихъ крестьянъ. Очевидно, они продолжали свои хлопоты и только-что вышли отъ какого-нибудь чиновника или ходатая по дѣламъ. Николай Ивановичъ хотѣлъ было заговорить съ ними, но они стояли къ нему спиной, не замѣчая его, и онъ раздумалъ. Впослѣдствіи онъ долго и мучительно раскаивался въ этомъ.

Часовъ около двѣнадцати того же дня по городу распространилась страшная вѣсть, взволновавшая всѣхъ, что Петръ Петровичъ Смолинъ на своемъ хуторѣ сегодня убитъ. Разсказывали, что, проснувшись, онъ только что вышелъ въ садъ и спустился съ террассы, какъ грянули два выстрѣла одинъ за другимъ, и сбѣжавшіеся гости, ночевавшіе въ усадьбѣ, и прислуга нашли его плавающимъ въ крови. На мѣсто происшествія немедленно поскакали исправникъ, докторъ, слѣдователь и товарищъ прокурора, гостившіе тамъ наканунѣ и только нѣсколько часовъ тому назадъ вернувшіеся въ городъ. Виновники преступленія не были обнаружены, но всѣ въ одинъ голосъ указывали на Неволинскихъ крестьянъ, предполагая, что они убили Смолина изъ мести. Къ вечеру стало извѣстно, что Смолинъ не убитъ, а только тяжело раненъ; потомъ выяснилось, что и рана совсѣмъ не опасна и что его перевезли въ городъ.

— Вотъ вы все—Чагинъ, Чагинъ!—говорилъ Захаръ Ивановичъ, съ укоризной обращаясь къ Николаю Ивановичу:— вотъ вамъ и Чагинъ! до чего довелъ мужиковъ!

— Да причемъ тутъ Чагинъ? — возражалъ Николай Ивановичъ.

— Какъ причемъ? это его вліяніе. Если бъ не онъ, они давно бы ужъ покорились; развѣ они посмѣли бы бунтовать и прочее, если бы не его потачка? Сдѣлайте одолженіе, онъ первый виновникъ!

— Смолинъ ихъ довелъ до того, а не Чагинъ, что вы толкуете!

— Скажите, пожалуйста! какъ-бы не такъ!.. Что Смолинъ? Онъ свои интересы отстаивалъ—только и всего, кто же своихъ интересовъ не отстаиваетъ?.. Вы образованный человѣкъ, но я вамъ скажу, что народу давать потачку нельзя, примите это къ свѣдѣнію.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы несете! безсмыслицу какую-то.

— Очень можетъ быть, а только все это справедливо. Имъ дай только поводъ, они сейчасъ... распусти только возжи, такъ они всѣмъ намъ башку оторвутъ.

Къ крайнему изумленію и негодованію Николая Ивановича, имя Чагина у всѣхъ было на языкѣ, и его въ одинъ голосъ признавали косвеннымъ виновникомъ происшедшаго.

— Вполнѣ естественно,—говорилъ Красногорскій:—всякому бросается въ глаза, что здѣсь сказалось постороннее вліяніе... Я не утверждаю, что оно, дѣйствительно, было, но оно вѣроятно, болѣе чѣмъ вѣроятно, оно, такъ сказать, очевидно... Во всякомъ случаѣ, счастливъ Чагинъ, что убрался во-время, а то бы ему не сдобровать!..

Николай Ивановичъ кипятился, выходилъ изъ себя, доказывая на право и на лѣво всю нелѣпость такихъ разсужденій, но вскорѣ изнемогъ и угрюмо засѣлъ у себя дома, никуда не показываясь. Кстати, мода на него уже прошла, и публика въ значительной степени къ нему охладѣла. Въ городѣ появилось между тѣмъ новое интересное лицо, съумѣвшее сразу завоевать себѣ всеобщія симпатіи. Лицо это было Трофимъ Викторовичъ Платошинъ, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, командированный въ Обуховскъ для производства слѣдствія по дѣлу о покушеніи на убійство Смолина. Платошинъ былъ уже не первой мододости, лѣтъ тридцати семи, но, благодаря неистощимой веселости, худобѣ, необычайной подвижности и какому-то мальчишески безшабашному ухарству, казался еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Въ два дня онъ перезнакомился со всѣмъ городомъ, заѣхалъ и къ Николаю Ивановичу.

— Вашъ дядюшка поклона вамъ не послалъ,—заговорилъ онъ, быстро сыпля слова, тотчасъ послѣ того, какъ состоялись обычныя церемоніи перваго знакомства,—но поручилъ навести о васъ справки. Удивляется, что вы не торопитесь къ нему на поклоненіе.

— Вы его видѣли передъ вашимъ отъѣздомъ?—пробормоталъ Николай Ивановичъ.

— Видѣлъ. Старый холостякъ, но преинтересный мужчина. Весьма былъ обезпокоенъ случившимся здѣсь происшествіемъ. Оно, дѣйствительно, того... есть тутъ кое-что не совсѣмъ удобоваримое... Разумѣется, я его успокоилъ: можно, говорю, вовсе не касаться этой стороны, какъ неотносящейся къ дѣлу. Обрадовался и даже благодарилъ.

— То-есть, это вы, собственно, о земельной неурядицѣ и вообще...

— Да, да, именно.

— Но, вѣдь, она-то и была причиной...

— О, да, конечно. Само собой. Хотя, съ другой сто-

роны, этимъ не можетъ быть оправдано преступленіе. Не правда-ли?

— Да, конечно.

— Ну, вотъ. Я въ этомъ смыслѣ. А такъ, конечно, само собой.

— Ну, что же ваше слѣдствіе?

— Идетъ, какъ по маслу.

— Обнаружены виновные?

— Еще бы! содержатся въ тюремномъ замкѣ.

— Кто такіе?

— Парфенъ Мухинъ сорока пяти лѣтъ, Лука Ухаревъ пятидесяти двухъ и Иванъ Пимокатовъ семидесяти, граждане Неволинскаго сельскаго общества. Картинные и, можно сказать, иконописные мужички. Одинъ, впрочемъ, смотритъ настоящимъ разбойникомъ. По обыкновенію, прикинулись дураками: знать не знаютъ. вѣдать не вѣдаютъ.

Затѣмъ Платошинъ заговорилъ о мѣстномъ обществѣ, о губернскомъ городѣ, о Петербургѣ, о настроеніи въ высшихъ сферахъ, небрежно упоминая имена и фамиліи извѣстныхъ дѣятелей и высокопоставленныхъ лицъ. Оказалось, что онъ обо всемъ освѣдомленъ, имѣетъ связи, знакомъ со многими литераторами и свѣтилами науки, кстати разсказалъ нѣсколько анекдотовъ, изъ которыхъ явствовало, что большинство изъ нихъ вовсе не великіе люди, а самые обыкновенные пошляки и мошенники, — и все это на протяженіи двадцати-тридцати минутъ. На Николая Ивановича онъ произвелъ чарующее впечатлѣніе, и къ концу визита онъ уже смотрѣлъ на него, какъ на нѣкое чудо природы.

Платошинъ бывалъ въ клубѣ, велъ большую игру, танцовалъ, ухаживалъ за дамами и обнаружилъ многіе таланты: пѣлъ, игралъ, на скрипкѣ, декламировалъ стихи, —мѣстная публика была отъ него въ восторгѣ. Особенно близко сошелся онъ съ исправникомъ, воинскимъ начальникомъ и Смолинымъ. У послѣдняго бывалъ чуть не ежедневно, открыто ухаживая за Марьей Ивановной. Ихъ видѣли не разъ гуляющими по вечерамъ при лунѣ по улицамъ города или разъѣзжающими въ экипажѣ и, разумѣется, сочиняли по этому поводу безчисленныя сплетни. Петръ Петровичъ все еще лежалъ въ постели, хотя чувствовалъ себя почти здоровымъ, и жадно слѣдилъ за результатами судебнаго слѣдствія. Впрочемъ, послѣднее не было тайною ни для кого, такъ какъ Платошинъ охотно сообщалъ всѣмъ и каждому о всякомъ вновь обнаруженномъ фактѣ.

— Сегодня допрашивалъ отставного землемѣра Сопѣлкина,—разсказывалъ онъ, между прочимъ:—вотъ ископаемый экземплярецъ! сморщенное, бритое, безобразное, пьяное существо!.. Разумѣется, перепугался на смерть и, кажется, готовъ отри-

цать собственное существованіе... но субъектъ подозрительный... кажется, что вмѣстѣ они обдѣлывали какія-то темныя дѣла...

Однажды на бульварѣ Николай Ивановичъ случайно встрѣтился съ Марьей Ивановной. У него сжалось сердце и задрожали руки, когда онъ, торопливо и неловко раскланиваясь, взялся за шляпу. Марья Ивановна сухо и холодно кивнула ему головой и, не останавливаясь, прошла мимо. Это показалось ему немного обиднымъ, однако, придя домой, онъ почувствовалъ, что съ души его свалился тяжелый камень.

V.

Николай Ивановичъ зналъ, что арестовано трое неволинскихъ крестьянъ по обвиненію въ покушеніи на убійство Смолина, ему называли даже ихъ фамиліи,—но не зналъ, что это тѣ самые мужики, которыхъ онъ видѣлъ у Чагина, а потомъ на улицѣ шестого сентября, въ день совершенія преступленія. Однажды вечеромъ въ клубѣ онъ стоялъ у буфетнаго стола и въ компаніи съ другими посѣтителями собирался пить водку. Бывшій тутъ же Платошинъ разсказывалъ, что слѣдствіе почти закончено, что, хотя прямыхъ уликъ нѣтъ и обвиняемые не сознались въ преступленіи, за то косвенныхъ такая подавляющая масса, что обвиненіе можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ. Перечисляя эти косвенныя улики, Платошинъ упомянулъ между прочимъ и о томъ, что обвиняемые были повѣренными отъ общества и, слѣдовательно, принадлежали къ разряду наиболѣе озлобленныхъ противъ Смолина крестьянъ.

— Позвольте, вы говорите повѣренные?—перебилъ его блѣдный, какъ полотно, Николай Ивановичъ.

— Ну, да.

— Позвольте... Одинъ старикъ, другой бѣлокурый высокій мужикъ, третій черный?

— Вотъ именно. Но что съ вами? Вы блѣдны, какъ смерть.

— Позвольте... послушайте... Боже мой!.. вѣдь, это все вздоръ...—пробормоталъ Николай Ивановичъ, блѣднѣя еще больше и подходя къ Платошину.—Вы ошибаетесь... это не то.. совсѣмъ не то...

— Какъ ошибаюсь? что такое?—насторожившись, произнесъ Платошинъ.

— Вы ошибаетесь... это не они... если повѣренные, то не они... Я ручаюсь вамъ головой... я могу фактами доказать...

— Въ такомъ случаѣ позвольте... мы пойдемъ вонъ туда,—торопливо вполголоса проговорилъ Платошинъ и громко прибавилъ, обращаясь ко всей компаніи:—виноватъ, господа, я сейчасъ...

— Ну, что? что такое? какіе факты? что вы знаете?—съ явной тревогой быстро заговорилъ онъ, когда они перешли въ библіотеку и очутились одни.

— Въ какое время дня произведено покушеніе?

— Около девяти часовъ утра.

— Такъ я вамъ скажу, что все ваше слѣдствіе никуда не годится. Почти въ этотъ самый часъ, шестого сентября я видѣлъ ихъ въ городѣ: они втроемъ выходили изъ воротъ какого-то дома... Этотъ домъ я могу найти и показать, если хотите... Они меня не замѣтили, но я ихъ узналъ. Я видѣлъ ихъ совершенно ясно.

— Вы увѣрены въ этомъ?—спросилъ Платошинъ, кусая губы.

— Совершенно увѣренъ.

— Это почти невѣроятно. Смотрите, хорошо ли вы разсмотрѣли? не ошибаетесь ли вы? можетъ быть, они стояли къ вамъ спиной?

Николай Ивановичъ на минуту задумался. Ему въ самомъ дѣлѣ казалось теперь, что онъ видѣлъ только спины мужиковъ и не успѣлъ разсмотрѣть ихъ въ лицо.

— Можетъ быть,—произнесъ онъ нерѣшительно,—но во всякомъ случаѣ я узналъ ихъ.

— Такъ-съ. Стало быть, вы раньше ихъ знали? Сядьте.

Николай Ивановичъ сѣлъ.

— Да, то есть, видалъ.

— Гдѣ, смѣю спросить?

— У Чагина.

— А-а!—многозначительно произнесъ Платошинъ и прибавилъ быстро:—часто?

— Кажется, одинъ разъ.

— Только одинъ разъ?—съ видомъ величайшаго изумленія переспросилъ Платошинъ и пристально посмотрѣлъ на Николая Ивановича.—Стало быть, въ день совершенія преступленія вы видѣли ихъ во второй разъ? не такъ ли?

— Да.

— Но не находите ли вы, что это нѣсколько неправдоподобно?—спросилъ онъ съ любезной улыбкой, отъ которой, однако, Николай Ивановичъ почувствовалъ себя почему-то нехорошо.

— Что именно?

— Да вотъ то самое, что вы разсказываете. Совершенно невѣроятно, чтобъ можно было такъ хорошо запомнить людей, которыхъ вы видѣли одинъ единственный разъ, невозможно допустить, чтобъ вы могли узнать ихъ потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ особенности, если они обращены были къ вамъ спиной.

— Но всетаки я узналъ ихъ.

— Всетаки узнали?.. гмъ!..—Платошинъ опять пристально посмотрѣлъ на Николая Ивановича, подумалъ съ минуту и прибавилъ рѣшительно:—я не имѣю основаній сомнѣваться въ правдивости вашего показанія, и однако вы ошиблись! Въ рукахъ у меня неопровержимыя доказательства.

— Не знаю, какъ я могъ ошибиться...

— Очень просто, вы видѣли другихъ мужиковъ. Но прежде выслушайте, что я вамъ скажу.

И Платошинъ со всѣми подробностями началъ излагать весь ходъ слѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, доказательства и улики представлялись настолько неопровержимыми, что Николай Ивановичъ сталъ колебаться.

— Вы видите,—продолжалъ Платошинъ:—цѣлый рядъ подавляющихъ фактовъ, цѣлый рядъ уликъ... Все это противорѣчитъ вашему показанію. Вы просто ошиблись, и это вполнѣ естественно и понятно. Вы шли, встрѣтили мужиковъ и, на основаніи кое-какихъ сходныхъ чертъ, рѣшили, что это тѣ самые, которыхъ вы видѣли у Чагина,—всѣ они на одинъ ладъ... Конечно, вы не были особенно заинтересованы вопросомъ, тѣ или не тѣ, поэтому пристально ихъ не разглядывали и прошли мимо. Если бъ вы остановились, присмотрѣлись, то немедленно убѣдились бы въ своей ошибкѣ.

— Возможно... возможно...—въ раздумьи говорилъ Николай Ивановичъ.

— Да, несомнѣнно, что это такъ и было.

— Можетъ быть, можетъ быть.

— Такимъ образомъ, я полагаю, что будетъ вполнѣ правильно не отбирать пока отъ васъ формальнаго показанія... И вы сдѣлаете хорошо, если до поры до времени не будете никому разсказывать объ этой фантастической встрѣчѣ... Согласны?

Николай Ивановичъ молчалъ, о чемъ-то тяжело размышляя.

— Я, съ своей стороны, даю вамъ честное слово,—продолжалъ Платошинъ,—немедленно привлечь васъ къ слѣдствію въ качествѣ свидѣтеля, какъ только возникнетъ у меня малѣйшее сомнѣніе... Даю вамъ честное слово. Согласны?

— Согласенъ, — медленно и глухо проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Значитъ, на этомъ и порѣшимъ. А теперь пора возвратиться къ обычному порядку дня,—сказалъ Платошинъ, переходя въ безпечный тонъ и шумно поднимаясь съ мѣста.

Николай Ивановичъ тоже всталъ и, мелькомъ взглянувъ на Платошина, замѣтилъ, что онъ очень блѣденъ, хотя весело улыбался; затѣмъ они вмѣстѣ вернулись въ столовую.

Послѣ этого разговора Николай Ивановичъ, однако, далеко не успокоился. Возвратившись домой поздно ночью, онъ долго

не могъ заснуть, ворочаясь съ боку на бокъ, и все думалъ о неволинскихъ мужикахъ. «Нѣтъ, это были они, это были они», шепталъ онъ съ тоскою, и ему съ поразительной ясностью представились ихъ неуклюжія фигуры, желтые армяки, озабоченныя лица, словно застывшее неподвижное изображеніе волшебнаго фонаря. Мысль о мужикахъ преслѣдовала его и на другой день, и на слѣдующій, какъ неотвязный кошмаръ. Наконецъ, онъ остановился на слѣдующемъ соображеніи: «чѣмъ полнѣе будетъ слѣдствіе, тѣмъ больше гарантій для выясненія истины и правосудія. Поэтому я не долженъ скрывать того, что я видѣлъ, или что мнѣ показалось, что видѣлъ»...

И онъ рѣшилъ идти къ Платошину и просить его учинить ему формальный допросъ. Это было утромъ, часовъ около десяти. Платошинъ только-что всталъ, сидѣлъ за самоваромъ и читалъ книгу. Онъ сдѣлалъ видъ, что очень обрадовался Николаю Ивановичу.

— Чаю? хотите чаю? — спросилъ онъ, въ то же время украдкой посматривая на гостя съ пристальнымъ вниманіемъ.

— Ну, что-жъ, давайте, — сказалъ Николай Ивановичъ, хотя чаю онъ, собственно, не хотѣлъ, а лишь разсчитывалъ отдалить моментъ объясненія.

Выпивъ стакана три, онъ долго мямлилъ, наконецъ, рѣшился.

— Я пришелъ просить васъ, Трофимъ Викторычъ, сдѣлать мнѣ формальный допросъ,—произнесъ онъ съ запинкою, чувствуя, что причиняетъ Платошину большую непріятность.

— Ахъ, Николай Ивановичъ! да, вѣдь, мы же покончили съ этимъ дѣломъ!—съ оттѣнкомъ явнаго раздраженія проговорилъ Платошинъ.

— Я думаю всетаки, что такъ будетъ лучше, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, я буду просить васъ: не дѣлайте этого. Вы спутаете у меня всю механику, а главное—это совершенно безполезно.

— Но всетаки, хотя бы для полноты слѣдствія...

— Ахъ, Боже мой! нѣтъ, какая тамъ полнота! Вы послушайте: если бы я не былъ глубоко убѣжденъ въ ихъ виновности, развѣ я сталъ бы настаивать?.. Повѣрьте, что мнѣ, такъ же какъ и вамъ, истина всего дороже... Да вотъ, нате вамъ, прочитайте дѣло, вы сами убѣдитесь.

И онъ подалъ Николаю Ивановичу въ папкѣ груду бумагъ.

— Они сами пытались установить свое alibi, но неудачно. Они указывали на землемѣра Сопѣлкина, у котораго будто были утромъ въ день преступленія, но тотъ категорически отрицаетъ это; затѣмъ они ссылались на мѣщанина Чубарова, на полицейскаго стражника, но ихъ заявленіе ничѣмъ не под-

твердилось. Между тѣмъ нѣсколько свидѣтелей удостовѣряютъ, что за нѣсколько минутъ до момента преступленія видѣли ихъ вблизи Смолинскаго хутора... А спрятанное въ огородѣ ружье! а покупка пороху и литье пуль!.. А показаніе кучера и, наконецъ, самого Смолина!.. Да вотъ, читайте, читайте...

Николай Ивановичъ принялся за дѣло и читалъ его часа полтора. Нѣкоторыя показанія онъ перечитывалъ по нѣскольку разъ.

— Ну, что же?—спросилъ его Платошинъ, когда онъ кончилъ послѣднюю страницу.

— Да, дѣйствительно, кажется, того... можетъ быть, дѣйствительно, я ошибся...

— Ну, вотъ видите. Вы сами пришли теперь къ этому заключенію.

Николай Ивановичъ вернулся въ значительной степени успокоенный, а вскорѣ и совсѣмъ пересталъ думать о мужикахъ. Но спокойствіе это продолжалось не долго. Недѣли черезъ двѣ онъ получилъ отъ Чагина письмо, въ коемъ тотъ между прочимъ писалъ: «Я не допускаю мысли, чтобъ неволинскіе ходоки Мухинъ, Ухаревъ и Пимокатовъ могли совершить это преступленіе. Если бы мнѣ представлены были самыя неопровержимыя доказательства, я бы, кажется, и тутъ не повѣрилъ, потому что этого не можетъ быть. Я не отрицаю возможности этого покушенія вообще со стороны неволинскихъ мужиковъ, напротивъ, я думаю, что именно это такъ и было, но ручаюсь головой, что уполномоченные тутъ не причемъ. Я полагаю, что это дѣло крайнихъ, наиболѣе озлобленныхъ и отчаявшихся неволинцевъ и что оно готовилось и было совершено въ глубочайшемъ секретѣ отъ ходоковъ, которые, вообще, сдерживали всѣми силами всякія проявленія самоуправства». Въ заключеніе Чагинъ заклиналъ Николая Ивановича принять всѣ возможныя мѣры для спасенія попавшихся въ бѣду ходоковъ.

Письмо это страшно взволновало Николая Ивановича, всколыхнуло въ немъ замолкшія было сомнѣнія и доставило ему много мученій. Слѣдствіе было уже закончено; онъ полагалъ, что теперь уже ничего нельзя поправить, и терзался угрызеніями совѣсти. Проклиная свою безхарактерность, онъ считалъ себя преступникомъ, по ночамъ ему мерещились неволинскіе ходоки, онъ не могъ безъ содроганія взглянуть на тюрьму, гдѣ они были заключены. «Что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ!» твердилъ онъ. Въ нѣсколько дней онъ похудѣлъ, осунулся, сталъ угрюмъ и ко всему равнодушенъ, сидѣлъ дома въ мрачномъ бездѣйствіи, не находя никакихъ средствъ освободиться отъ тяжести, которая камнемъ лежала у него на сердцѣ. Потерявъ къ себѣ всякое уваженіе, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка потеряннаго. Онъ отнесся совершенно

равнодушно къ тому, что на земскомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ о его дѣятельности, какъ агронома, и состоялось постановленіе объ упраздненіи этой должности. «Что-жъ, все это правда, все это правда, —говорилъ онъ себѣ.—Я безполезенъ, я ни на что непригоденъ, я даромъ получалъ земскія деньги... Такъ мнѣ и надо, такъ мнѣ и надо»...

Оправившись нѣсколько отъ овладѣвшаго имъ унынія и выйдя изъ состоянія апатіи и самоуничиженія, онъ обратился къ присяжнымъ повѣреннымъ мѣстнаго окружнаго суда съ циркулярнымъ посланіемъ, прося ихъ взять на себя защиту неволинскихъ ходоковъ, но отъ всѣхъ получилъ категорическіе отказы. Наконецъ, послѣ долгихъ стараній и хлопотъ удалось ему розыскать начинающаго молодого адвоката сосѣдняго судебнаго округа и войти съ нимъ въ соглашеніе.

VI.

Наступилъ день суда. Большая двусвѣтная зала уѣзднаго земскаго собранія, гдѣ происходили засѣданія временнаго отдѣленія окружнаго суда, съ утра была наполнена публикой. На хорахъ и внизу, за перегородкой было тѣсно, какъ въ церкви. Даже въ корридорахъ была давка и тѣснота. Николай Ивановичъ стоялъ, притиснутый къ колоннѣ, недалеко отъ входа и, благодаря своему высокому росту, могъ видѣть все, что происходило кругомъ. Онъ былъ страшно блѣденъ и часто хватался за голову. Когда ввели подсудимыхъ, онъ жадно устремилъ на нихъ свои взоры. Они, видимо, были испуганы и ошеломлены многолюдствомъ, пестротой разряженной толпы, новизной и торжественностью обстановки, блескомъ мундировъ и, не смѣя оглянуться и поднять глазъ, смотрѣли подъ ноги или на спины своихъ товарищей, инстинктивно стараясь ограничить кругъ своего зрѣнія. Они шли, спотыкаясь, какъ слѣпые, въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ, понуждаемые двумя солдатами, и долго не могли понять, что отъ нихъ хочетъ маленькій господинъ съ цѣпью на шеѣ; наконецъ, они поняли и, толкая другъ друга, пробрались на указанное имъ мѣсто. Имъ велѣли сѣсть, — они сѣли. За спинами ихъ, лязгнувъ ружьями, стали солдаты, а впереди, у столика помѣстился адвокатъ во фракѣ. Онъ, видимо, волновался, протиралъ очки и судорожно поправлялъ давившій ему шею воротничекъ рубашки. Ближе къ публикѣ сидѣлъ черный мужикъ Парфенъ Мухинъ. Его похудѣвшее и осунувшееся лицо, съ котораго сошелъ здоровый деревенскій загаръ и смѣнился землистою тюремной блѣдностью, стало какъ будто осмысленнѣе, вдумчивѣе и кротче, а прежняя суровость сердитыхъ черныхъ глазъ

смягчилась затаенною грустью и покорностью судьбѣ; спутанные волосы и широкая окладистая борода наполовину посѣдѣли. Остальные измѣнились гораздо меньше: бѣлокурый мужикъ такими же дѣтски-наивными и нѣсколько мечтательными глазами смотрѣлъ на судей и прокурора, былъ также худъ и прямъ, какъ палка, и, видимо, не смѣлъ пошевелиться и перемѣнить неловкой позы, которую принялъ подъ вліяніемъ окрика, заставившаго ихъ сѣсть. Старикъ имѣлъ усталый и равнодушный видъ и, сгорбившись, тяжело опирался руками въ колѣни; Николай Ивановичъ замѣтилъ, что голова его слегка дрожала. Всѣ трое сидѣли, потупивъ глаза, смотрѣли на предсѣдателя только тогда, когда онъ къ нимъ обращался, и ни разу не взглянули на публику; только, когда на обычные вопросы предсѣдателя для удостовѣренія личности подсудимыхъ черный мужикъ, не понявъ вопроса, переспросилъ: «чаво?» и въ публикѣ послышался гулъ сдержаннаго смѣха, онъ въ первый разъ оглянулся и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ въ толпу. Допросъ старика также сопровождался смѣхомъ. Должно быть, въ тюрьмѣ онъ еще больше оглохъ, потому что на каждый вопросъ предсѣдателя, громко повторяемый ему на ухо сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ чернымъ мужикомъ, онъ нѣсколько разъ говорилъ: «не чую», потомъ удивлялся: «какъ меня зовутъ? на вотъ! развѣ ты не знашь?.. Ну, Иваномъ».

«Господи! неужели ихъ обвинятъ?» думалъ Николай Ивановичъ. «Господи, не допусти! Господи, помоги имъ!» шепталъ онъ. Когда прочитанъ былъ обвинительный актъ, у Николая Ивановича упало сердце. «Обвинятъ, обвинятъ», твердилъ онъ съ отчаяніемъ.

Обвиняемые отнеслись къ чтенію обвинительнаго акта совершенно безучастно и на вопросъ о виновности всѣ трое отвѣчали отрицательно.

Начался допросъ потерпѣвшаго, свидѣтелей и экспертовъ.

Смолинъ, войдя въ залу съ достоинствомъ, спокойно и плавно, безъ лишнихъ словъ, сталъ давать показанія. Онъ разсказалъ, что наканунѣ у него въ усадьбѣ были гости, засидѣвшіеся далеко заполночь, изъ которыхъ незначительная часть осталась ночевать; въ день преступленія онъ проснулся позднѣе обыкновеннаго, въ девятомъ часу, и, такъ какъ всходило солнце и погода была прекрасная, то отворилъ окно и въ это время замѣтилъ, какъ шагахъ въ пятидесяти отъ дома изъ-за опушки лѣса вышелъ и остановился на полянкѣ какой-то мужикъ. Всмотрѣвшись, онъ призналъ въ немъ извѣстнаго ему крестьянина неволинскаго сельскаго общества, Парфена Мухина.

— Не можете ли вы указать, котораго изъ подсудимыхъ вы видѣли?—спросилъ предсѣдатель.

— Вотъ этого,—сказалъ Смолинъ, указавъ рукой на черного мужика, и, мелькомъ взглянувъ на него, тотчасъ же отвернулся.

Николай Ивановичъ замѣтилъ, что черный мужикъ покраснѣлъ и не спускалъ съ Смолина глазъ, и что въ лицѣ его появилось что-то суровое, твердое и напряженное.

— Вы вполнѣ увѣрены, что это былъ, именно, онъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Вполнѣ увѣренъ.

— Продолжайте.

— Я сталъ за нимъ наблюдать. Минуты двѣ или три онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ въ мою сторону, какъ будто приглядываясь къ чему-то, потомъ скрылся за деревьями.

— Вы ничего не замѣтили у него въ рукахъ?

Съ полминуты Смолинъ какъ будто колебался, затѣмъ отвѣтилъ твердымъ голосомъ:

— Нѣтъ, ничего не замѣтилъ или, вѣрнѣе, не обратилъ вниманія.

Затѣмъ онъ разсказалъ, что, пока онъ умылся и одѣлся, прошло съ полчаса, и въ началѣ десятаго онъ вышелъ въ садъ, чтобы сдѣлать прогулку передъ утреннимъ чаемъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ въ свободномъ передъ домомъ пространствѣ, между клумбами цвѣтовъ, пробираясь къ лѣсу, какъ раздался выстрѣлъ, и онъ увидѣлъ не вдалекѣ между деревьями дымъ. Онъ повернулся и побѣжалъ по направленію къ дому, въ это время раздался еще выстрѣлъ, и онъ упалъ.

Затѣмъ давали заключенія эксперты-доктора о томъ, слѣдуетъ ли отнести рану, причиненную выстрѣломъ, къ разряду опасныхъ. По словамъ одного изъ нихъ, рана эта оказалась въ одно и то же время и опасной, и неопасной.

— Хотя ее и нельзя отнести къ разряду безусловно опасныхъ ранъ,—говорилъ докторъ,—но при извѣстныхъ обстоятельствахъ она могла быть и опасной, и даже смертельной.

— Разъ вы допускаете возможность смертельнаго исхода, то вы признаете, слѣдовательно, рану безусловно опасной?

— Строго говоря, наука не знаетъ безопасныхъ ранъ: всякая рана, даже простая царапина, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть опасна.

— Итакъ, каково ваше окончательное заключеніе?

— Смотря по тому, при какихъ обстоятельствахъ...

— Ну, при данныхъ обстоятельствахъ?

— При данныхъ условіяхъ... такъ какъ субъектъ совершенно выздоровѣлъ и не осталось никакихъ послѣдствій...

— Но онъ могъ и не выздоровѣть?

— Безъ сомнѣнія, при извѣстныхъ условіяхъ...

— При какихъ, напримѣръ?

— Если бъ, напримѣръ, не была подана своевременно медицинская помощь... онъ могъ истечь кровью... могло произойти зараженіе...

Другой экспертъ, докторъ Красногорскій, категорически заявилъ, что рану нельзя считать опасной и надлежитъ отнести къ разряду легкихъ.

Потомъ начался цѣлый рядъ показаній гостей и прислуги Смолина, прибѣжавшихъ на выстрѣлы въ садъ. Всѣ они разсказывали одно и тоже, входя въ ненужныя и не относящіяся къ дѣлу подробности. Затѣмъ давалъ показаніе бывшій кучеръ Смолина, одинъ изъ главныхъ свидѣтелей обвиненія. Онъ разсказалъ, что рано утромъ, при восходѣ солнца видѣлъ подсудимыхъ идущими по дорогѣ; поравнявшись съ усадьбой, они остановились и о чемъ-то заспорили, потомъ свернули направо въ лѣсъ.

— Не можете ли вы сказать, куда ведетъ та дорога, на которую они свернули?—спросилъ защитникъ.

Кучеръ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, какъ-бы сомнѣваясь, слѣдуетъ ли ему отвѣчать, такъ какъ до сихъ поръ его спрашивалъ только предсѣдатель, потомъ отвѣтилъ, измѣнивъ тонъ на болѣе фамильярный:

— Чего! тутъ и дороги никакой нѣту, а просто тропа.

— А куда можно выйти по этой тропѣ?

— Мало-ли куда. Сначала по лѣсу идетъ тропа, потомъ перемѣнами. Въ деревню Аманеевку можно выйти.

— Я больше ничего не имѣю,—сказалъ защитникъ, нервно передернувшись и поклонившись предсѣдателю.

— А эта деревня Аманеевка, — началъ прокуроръ, — въ какую сторону она находится отъ усадьбы Смолина? то-есть, я хочу сказать, по направленію-ли къ городу или въ противоположную сторону?

— Она туда... къ городу... въ этой сторонѣ...

— Ничего не имѣю, — проговорилъ прокуроръ, кивнувъ предсѣдателю головой.

— А можно черезъ эту деревню Аманеевку попасть въ городъ?—спросилъ защитникъ.

— Можно... тутъ еще ближе черезъ Аманеевку. Зимой въ городъ черезъ Аманеевку ѣздятъ.

— Стало быть, по этой тропѣ, на которую свернули подсудимые, можно пройти въ городъ?

— Когда нельзя! можно... болотина тутъ, да ничего, можно... ходятъ тутъ въ сухую погоду...

— Ничего не имѣю,—сказалъ защитникъ, и свидѣтель былъ отпущенъ.

«Ахъ, это, кажется, хорошо!.. Молодецъ Цвѣтковъ!» восхищался Николай Ивановичъ защитникомъ.

Затѣмъ допрашивались свидѣтели, присутствовавшіе при обыскѣ у подсудимыхъ, разсказавшіе, какъ у Парфена Мухина въ банѣ, а у Луки Ухарева въ погребной ямѣ найдены были ружья и порохъ.

— Подсудимый Мухинъ! не пожелаете ли объяснить суду, для чего ружье и порохъ оказались у васъ спрятанными въ землю на потолкѣ бани?—обратился предсѣдатель къ чорному мужику.

— Боялись мы, ваше благородіе... Всѣ въ ту пору въ деревнѣ попрятали ружья, ну, какъ значитъ, и мы...

— Чего-жъ вы боялись?

— А въ случаѣ обыскъ али што... Какъ, стало быть, такое дѣло случилось, мы опасаться зачали.

— Значитъ, вы ждали обыска?—спросилъ прокуроръ.

— Такъ точно, въ ожиданіи были.

— Ничего не имѣю, — прибавилъ прокуроръ и откинулся головой на спинку мягкаго кресла.

— Подсудимый Ухаревъ!—обратился предсѣдатель къ бѣлокурому мужику:—вы чѣмъ объясняете то обстоятельство, что ваше ружье и фунтъ пороху оказались спрятанными въ погребной ямѣ въ огородѣ? для чего вы это сдѣлали?

— По бабьему совѣту, ваше благородіе... Какъ баба говоритъ: спрячь, говоритъ, лучше отъ грѣха, я и спряталъ.

— Отъ какого это грѣха?—спросилъ прокуроръ.

— А какъ грѣхъ этотъ случился, то отъ этого самаго грѣха...

— Слѣдовательно, вы ожидали, что на васъ падетъ подозрѣніе и что будетъ произведенъ обыскъ?

— Точно такъ, ожидали.

— Больше ничего не имѣю,—сказалъ прокуроръ и опять откинулся на спинку кресла.

Еще было допрошено нѣсколько человѣкъ свидѣтелей со стороны обвиненія, наконецъ вызваны были свидѣтели со стороны защиты. Ихъ было трое: полицейскій стражникъ Сапожниковъ, мѣщанинъ Чубаровъ и отставной чиновникъ Сопѣлкинъ.

Стражникъ показалъ, что знаетъ въ лицо подсудимыхъ, такъ какъ часто видалъ ихъ въ городѣ, что въ тотъ день, дѣйствительно, былъ дежурнымъ и находился на своемъ посту у будки, подлѣ моста черезъ рѣку, но подсудимыхъ не видѣлъ.

— А не припомните ли вы такого обстоятельства,—спросилъ защитникъ: — подсудимый Пимокатовъ по глухотѣ не посторонился передъ ѣхавшимъ мимо экипажемъ, и его чуть не замяли, а вы ударили его кулакомъ по головѣ, такъ что съ него слетѣла шапка?

— Никакъ нѣтъ, не припомню.

— Этого обстоятельства, вообще, не было или оно было, но въ другое время, не въ этотъ день?—спросилъ прокуроръ.

— Никакъ нѣтъ... Намъ драться не приказано, ваше высокородіе.

— Ничего не имѣю.

Затѣмъ допрашивали Чубарова. Онъ показалъ, что знаетъ подсудимыхъ, встрѣчался съ ними, но не помнитъ, видѣлъ-ли ихъ шестого сентября.

— Какъ часто вы съ ними встрѣчались?—спросилъ прокуроръ.

— Да когда господинъ Чагинъ жили у насъ во дворѣ, то, почитай, каждый день они у насъ околачивались.

— И вы съ ними разговаривали?

— Когда и разговаривали.

— Не жаловались-ли они при этомъ на Смолина?

— Жаловались, прошеніе писали.

— Нѣтъ, а въ разговорахъ съ вами не жаловались?

— Какъ не жаловались! обижались очень.

— Не произносили-ли при этомъ какихъ-либо угрозъ? не говорили-ли, напримѣръ, что его убить надо или что нибудь въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ, не говорили.

— Но, во всякомъ случаѣ, бранили его, отзывались о немъ не хорошо?

— Нѣтъ, это они не того... сказывали только, что землю отнялъ, а такъ ничего, не ругались.

Наконецъ, въ залу былъ введенъ послѣдній свидѣтель, отставной чиновникъ Сопѣлкинъ. Лысый, прилизанный, съ морщинистымъ бритымъ лицомъ пергаментнаго цвѣта, въ сильно поношенномъ вицъ-мундирѣ, на которомъ болтались двѣ какія-то медали, онъ мелкими шагами вышелъ на средину залы и отвѣсилъ предсѣдателю низкій поклопъ. Въ публикѣ засмѣялись.

— Разскажите, что вы знаете по этому дѣлу?

Сопѣлкинъ что-то пробормоталъ невнятнымъ голосомъ.

— Говорите громче.

— Я ничего не знаю... ничего не знаю, господинъ предсѣдатель.

— Подсудимые утверждаютъ, что утромъ шестого сентября они были у васъ въ домѣ. Можете вы это подтвердить?

Сопѣлкинъ опять что то невнятно пробормоталъ. Среди абсолютной тишины вся зала съ жаднымъ вниманіемъ вслушивалась въ это бормотанье, но никто ничего не могъ понять.

— Потрудитесь говорить громче.

— Слушаю-съ, сказалъ Сопѣлкинъ и, вынувъ изъ задняго кармана платокъ, сталъ утирать имъ лысину и лицо.

— Вы поняли мой вопросъ?

— Такъ точно, понялъ.

— Ну, такъ не угодно-ли отвѣчать.

— Слушаю-съ... Такъ точно, были-съ.

Въ залѣ произошло движеніе. Сидѣвшіе въ переднемъ ряду вскочили на ноги, придвинулись къ самой рѣшеткѣ, стоявшіе за ними вытянули шеи, произошелъ шумъ, потомъ наступила мертвая тишина. Дремавшіе по обѣ стороны предсѣдателя члены суда вдругъ проявили признаки жизни, поднявъ головы, и съ интересомъ уставились на свидѣтеля «Господи! неужели?.. Слава Богу, слава Богу!.. Неужели?» — задыхаясь отъ волненія, шепталъ Николай Ивановичъ, поднимаясь на цыпочки.

— Извините, я не достаточно хорошо разслышалъ... повторите еще разъ... Вы говорите, что подсудимые были у васъ шестого сентября?

— Такъ точно, были.

— Вотъ эти самые, что вы видите здѣсь?

— Точно такъ, эти самые... Они пришли ко мнѣ, насколько помню, утромъ въ половинѣ девятаго или около девяти, пробыли не болѣе получаса, стало быть ушли въ девять или въ началѣ десятаго...

— Позвольте,—перебилъ его прокуроръ, играя карандашемъ,—но вы на предварительномъ слѣдствіи дали совершенно другое показаніе!

— Такъ точно, другое-съ.

— Почему же?

— Страха ради іудейска.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— По слабости человѣческой... по робости... опасался... и притомъ этотъ случай или происшествіе... и сопряженныя съ нимъ дѣла... прямое обвиненіе и прочее... Опасался, хотя можетъ быть, и по глупости...

— Допустимъ, но почему же вы теперь рѣшили не опасаться?

— Я принялъ присягу и долженъ говорить по сущей совѣсти.

— Зачѣмъ и по какому дѣлу у васъ были подсудимые? — спросилъ защитникъ.

— Наиглавнѣйше, по межевымъ дѣламъ. Требовалось составить планъ, такъ собственно поэтому... Очень просили, склоняли всяческими увѣщаніями, но какъ дѣло не вполнѣ законное, то я уклонялся...

— Но въ этотъ день шестого сентября между вами состоялось, наконецъ, соглашеніе?

— Это не относится къ дѣлу, — строго замѣтилъ предсѣдатель.

— Но я всетаки попрошу разрѣшить мнѣ спросить объ этомъ свидѣтеля.

— Ну, хорошо.

Защитникъ повторилъ вопросъ. Сопѣлкинъ долго молчалъ, нѣсколько разъ утирался платкомъ, наконецъ, отвѣтилъ:

— Да, состоялось.

— И вы получили съ подсудимыхъ въ видѣ задатка половину причитающейся вамъ платы двѣсти рублей?

— Да, получилъ.

— Я больше ничего не имѣю,—сказалъ защитникъ.

«Ахъ, какъ это хорошо!.. какой славный этотъ Сопѣлкинъ!.. Теперь все ясно, какъ день... Оправдаютъ, оправдаютъ», радостно твердилъ Николай Ивановичъ, но рѣчь прокурора опять повергла его въ отчаяніе.

По мнѣнію прокурора, рѣшительно все говорило противъ подсудимыхъ: и показанія тридцати трехъ свидѣтелей, и спрятанные въ банѣ и въ огородѣ ружья, и найденный въ лѣсу поясъ подсудимаго Ухарева, и слѣды ногъ на пескѣ, и литье пуль и другія приготовленія за двѣ недѣли до преступленія, и усилія подсудимыхъ во что бы то ни стало доказать свое alibi, и явное озлобленіе неволинскихъ крестьянъ противъ Смолина, и то, что они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ непонятнымъ упорствомъ вели совершенно безнадежную тяжбу, и то, что въ этой тяжбѣ подсудимые играли главную роль...

— Единственный изъ тридцати четырехъ свидѣтелей далъ показаніе въ пользу подсудимыхъ,—говорилъ прокуроръ,—это отставной чиновникъ Сопѣлкинъ. Но вы видѣли, гг. присяжные засѣдатели, какой это свидѣтель: на предварительномъ слѣдствіи онъ говоритъ одно, на судѣ—другое, одно и то же обстоятельство онъ сначала отрицаетъ, потомъ утверждаетъ... Уже изъ одного того факта, что онъ обѣщалъ крестьянамъ составить планъ, который онъ самъ назвалъ незаконнымъ, яко-бы для возстатовленія утраченныхъ ими правъ на землю, взявъ за это двѣсти рублей, видно, что это за человѣкъ, на сколько заслуживаетъ онъ вашего довѣрія и какую цѣну надо давать его словамъ... Господа присяжные засѣдатели! неволинскіе крестьяне или, вѣрнѣе, ихъ уполномоченные, подсудимые, долгое время вели борьбу за свои права на почвѣ законности... Были, правда, и отступленія отъ этого прямого пути: вы слышали, что бывали драки, поджоги, возмущенія, сопротивленія властямъ, но мы объ этомъ говорить не будемъ... Весьма можетъ быть, что крестьяне, дѣйствительно, считали свое дѣло правымъ, весьма возможно, что и теперь еще они убѣждены въ своей правотѣ,— одно несомнѣнно, что это заблужденіе поддерживали въ нихъ эти фанатики, доведшіе свой фанатизмъ до скамьи подсудимыхъ... Добиться цѣли во что бы то ни стало, отмстить ненавистному Смолину — вотъ ихъ задача, которую они преслѣдовали съ упорствомъ, заслуживающимъ лучшей цѣли... Но когда стало

ясно, что право и законъ не на ихъ сторонѣ, когда оказалось, что дѣло ихъ проиграно окончательно, тогда они... они не покорились, нѣтъ! они перешли рубиконъ легальности и ступили на путь преступленія...

Въ заключеніе прокуроръ заявилъ, что у него нѣтъ и тѣни сомнѣнія, что гг. присяжные засѣдатели вынесутъ обвинительный приговоръ.

Рѣчь защитника была не блестяща. Онъ страшно волновался, путался, говорилъ срывающимся голосомъ, торопливо рылся въ замѣткахъ и, видимо, далеко не сказавъ всего, что намѣренъ былъ сказать, закончилъ выраженіенъ увѣренности, что присяжные вынесутъ оправдательный приговоръ. Резюме предсѣдателя было безцвѣтно и вяло.

Присяжные совѣщались не болѣе получаса, но это время показалось Николаю Ивановичу цѣлой вѣчностью. Ему представлялось, что рѣшается его собственная судьба, и онъ не могъ удержать мелкой дрожи, которою дрожало все его тѣло и даже внутренности.

— Судъ идетъ!—напряженнымъ и неестественно громкимъ голосомъ провозгласилъ маленькій человѣкъ съ цѣпью. Николай Ивановичъ вздрогнулъ и выпрямился. Въ залѣ произошло движеніе, потомъ все смокло.

Присяжные вышли одинъ за другимъ и столпились въ безпорядочную группу. Впереди съ листомъ въ рукахъ стоялъ старшина. Онъ передалъ листъ предсѣдателю, тотъ бѣгло просмотрѣлъ его, кивнулъ головой и возвратилъ старшинѣ. Старшина, притронувшись лѣвой рукой къ груди, откашлялся и, видимо волнуясь, началъ быстро и невнятно что то читать, потомъ, возвыся голосъ, произнесъ раздѣльно: «нѣтъ, невиновенъ!» Затѣмъ опять сталъ что-то читать также невнятно и опять: «нѣтъ, невиновенъ!» и въ третій разъ то же самое... По залѣ разнесся единодушный вздохъ облегченія, и тишина внезапно нарушилась тихимъ говоромъ. Старшина присяжныхъ, съ радостнымъ, напряженнымъ и потнымъ лицомъ, передалъ листъ предсѣдателю и сталъ краснымъ платкомъ утирать лицо. Видимо, всѣ испытывали одно и то же чувство удовлетворенія, облегченія и довольства. Одни только подсудимые, казалось, не понимали происходившаго и съ видомъ тупого недоумѣнія смотрѣли на присяжныхъ и на судей. Только когда предсѣдатель объявилъ имъ, что они по суду оправданы и свободны, только тогда они поняли, перекрестились широкимъ крестомъ, медленно вышли на середину залы и упали въ ноги передъ судомъ, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни повѣривъ въ человѣческое правосудіе.

У Николая Ивановича заволокло глаза, какъ туманомъ, спазмы сдавили его горло, и онъ, боясь разрыдаться на виду

всей публики, взволнованный и счастливый, съ глазами, полными слезъ, пробираясь сквозь толпу, торопливо устремился къ выходу. «Благодарю тебя, благодарю тебя, Господи!»—шепталъ онъ, войдя въ комнату архиваріуса, гдѣ были оставлены его галоши и шуба, и ничего не видя кругомъ отъ слезъ. «Слава Богу, слава Богу! Боже мой! правда восторжествовала—какая радость, какая радость! Вѣдь, здѣсь и мнѣ прощеніе... за мое малодушіе, за мое преступленіе, за мое тяжкое преступленіе... Благодарю тебя, благодарю тебя, Боже мой!..» И онъ, всхлипнувъ, упалъ на диванъ, гдѣ лежала его шуба, и зарыдалъ отъ счастія и восторженной благодарности, переполнявшей его грудь...

Овладѣвъ собой, утеревъ слезы и стараясь придать себѣ равнодушный видъ, онъ поспѣшно прошелъ черезъ корридоръ, куда хлынула теперь веселая, шумная и громко говорящая толпа, спустился по лѣстницѣ, также переполненной народомъ, и задыхаясь отъ радости и другихъ волновавшихъ его чувствъ, побѣжалъ на телеграфъ и послалъ Чагину телеграмму: «Всѣ трое оправданы. Да здравствуетъ человѣческая правда, да здравствуетъ человѣческое правосудіе!»

— Оправданы, оправданы!—вскричалъ онъ по возвращеніи домой, шумно входя въ столовую и обнимая Захара Ивановича.

— Въ самомъ дѣлѣ?—переспросилъ тотъ, также счастливо улыбаясь. — Ну, слава Богу, слава Богу!.. Значитъ теперь можно и водку пить. Садитесь. Ужъ больше часа васъ жду.

Черезъ недѣлю, въ отвѣтъ на телеграмму, Николай Ивановичъ получилъ отъ Чагина восторженное письмо, полное задушевныхъ изліяній, благодарности и похвалъ за энергическое стараніе защитить мужиковъ, увѣнчавшееся столь блестящимъ успѣхомъ.

«Да, да», говорилъ Николай Ивановичъ, читая письмо: «а если бъ онъ зналъ, если бъ онъ зналъ! Но пусть это мнѣ послужитъ урокомъ, а онъ никогда не узнаетъ»...

VII.

Былъ канунъ пасхи. Городъ тонулъ въ сумеркахъ потухающаго дня. Въ окнахъ домовъ зажигались огни. За темными силуэтами строеній и куполами церквей тихо угасала на небѣ свѣтло-оранжевая заря; надъ нею ярко блестѣлъ узкій золотой серпъ молодого мѣсяца. Мутныя лужи въ канавахъ и на почернѣвшей дорогѣ покрывались тонкой иглистой ледяной корой. Повсюду звонко шумѣла или рокотала мелодическимъ журчаньемъ вода. Николай Ивановичъ, осторожно пробираясь между лужами, подошелъ къ низкому деревянному дому въ

четыре окна и позвонилъ у крыльца. Ему отворила толстая женщина среднихъ лѣтъ и, ласково улыбаясь, спросила:

— Нагулялись?

— Нагулялся, Матрена Карповна.

Раздѣвшись въ передней и пройдя по мягкимъ половикамъ черезъ просторную залу, гдѣ пахло сыростью и перечной мятой и горѣла лампада передъ кіотомъ, разливая кругомъ мягкій, пріятный полусвѣтъ, Николай Ивановичъ вошелъ въ слѣдующую комнату и зажегъ лампу. Комната была большая, въ четыре окна, съ низкимъ потолкомъ. Здѣсь также пахло сыростью только-что вымытыхъ половъ и перечной мятой. Симметрично разставленная мебель, письменный приборъ и мѣдные подсвѣчники на письменномъ столѣ, новые обои, гардины на окнахъ, бѣлоснѣжная скатерть на другомъ столѣ, зеркало, картины—все было тщательно прибрано и блестѣло веселымъ праздничнымъ блескомъ. На угольномъ столикѣ въ переднемъ углу и на стульяхъ были разложены въ порядкѣ новый фракъ, жилетъ, брюки, рубашка, бѣлый галстухъ и свѣжія, только что купленныя перчатки. Николай Ивановичъ оглянулся кругомъ... «Пасха... завтра Пасха», подумалъ онъ, и его охватило чувство наивной дѣтской радости. Потомъ онъ вздохнулъ и осторожно, чтобъ не измять новой обивки, прилегъ на диванъ и задумался.

Уже больше году, какъ онъ служилъ секретаремъ одного изъ казенныхъ присутствій, и больше полугода, какъ переселился отъ Захара Ивановича къ вдовѣ чиновника Матренѣ Карповнѣ Нориной. Устроившись въ канцеляріи, онъ почувствовалъ себя точно у тихой пристани; хорошо и спокойно. Въ девять часовъ утра онъ шелъ на службу, въ три часа возвращался домой. Обязательный трудъ, утомленіе и жажда отдыха, голодъ, потомъ сытный обѣдъ и послѣобѣденный сонъ, чувство свободы по вечерамъ и по праздничнымъ днямъ, изрѣдка легкіе кутежи въ клубѣ,—эта вялая и однообразная жизнь дѣйствовала на него успокоительно, какъ колыбельная пѣсня. Очевидная возможность канцелярскимъ путемъ рѣшать судьбу человѣческихъ отношеній создавала для него иллюзію, что онъ дѣлаетъ маленькое, незамѣтное, но нужное и полезное дѣло, что онъ не лишній человѣкъ, и ему казалось, что онъ навсегда избавился отъ скуки, томительности безцѣльнаго существованія, сомнѣній, тревогъ и укоровъ совѣсти. Вначалѣ онъ переписывался съ Чагинымъ, потомъ сталъ запаздывать отвѣтами по мѣсяцу и по два, потомъ вовсе пересталъ отвѣчать, и переписка прекратилась. Онъ постепенно отвыкалъ отъ книгъ, читалъ только газеты, да и то не аккуратно, постепенно утрачивалъ интересъ ко всему, что выходило изъ предѣловъ его муравейника, и незамѣтно опускался на самое дно провинціальной тины.

«Однако надо сказать, чтобъ меня разбудили къ заутрени», подумалъ онъ, отрываясь отъ смутныхъ и неопредѣленныхъ грезъ, и пошелъ къ хозяйкѣ, которую засталъ за укладываніемъ раскрашеныхъ яицъ въ зеленое гнѣздо изъ проросшаго овса.

— Очень красиво!—сказалъ онъ, склонивъ голову на бокъ.

— Красное къ зеленому идетъ, — съ довольнымъ видомъ отвѣтила хозяйка.

— Матрена Карповна, я, можетъ быть, засну, такъ вы меня къ двѣнадцати часамъ разбудите.

— Да, вѣдь, не встанете, Николай Ивановичъ... Хоть буди, хоть не буди.

— Ну, какъ не встану!... Я, можетъ быть, и вовсе не засну... Ну, а если засну, непремѣнно разбудите.

— Только чуръ вставать.

— Непремѣнно, само собой.

— То-то. Уговоръ дороже денегъ, а то я и одѣяльце стащу.

— Согласенъ, согласенъ.

Возвратившись въ свою комнату, Николай Ивановичъ снялъ сапоги, пиджакъ и жилетку и легъ на кровать. Вскорѣ онъ задремалъ и сталъ о чемъ-то грезить; повременамъ ему чудился звонъ колоколовъ, шумъ и движеніе на улицахъ, онъ раскрывалъ глаза и тревожно оглядывалъ комнату; но кругомъ была мертвая тишина, онъ снова начиналъ дремать и грезить, наконецъ, погрузился въ крѣпкій и спокойный сонъ.

Ровно въ полночь раздался густой и протяжный ударъ соборнаго колокола, властно нарушивъ ночную тишину, и торжественно разнесся кругомъ, сотрясая воздухъ; ему отвѣтилъ другой ударъ съ кладбищенской церкви. Въ городѣ все ожило, въ домахъ замелькали огни, стуча по замерзшей землѣ, будя эхо безмолвной улицы, громоздко промчался экипажъ, послышался человѣческій говоръ... Церковь горѣла огнями, а радостный и торжествующій звонъ становился все чаще, громче и веселѣе.

Матрена Карповна въ третій разъ принялась будить Николая Ивановича.

— Ну, вставайте же, вставайте! нечего! — говорила она расталкивая его за плечо.

Николай Ивановичъ переставалъ храпѣть и нѣсколько секундъ лежалъ молча, но вскорѣ опять начиналъ присвистывать носомъ. Когда Матрена Карповна потянула съ него одѣяло, онъ вдругъ схватился за него обѣими руками и проговорилъ сердито:

— Оставьте!

— Сами велѣли будить, Николай Ивановичъ, сколько заказывали.

— Мм... раздумалъ...

— Ой чтой-то! да когда успѣли раздумать? во снѣ, что-ли? Вставайте!

Но Николай Ивановичъ уже опять спалъ. Проснулся онъ въ десятомъ часу утра, умылся, одѣлся и сталъ упрекать Матрену Карповну, что не разбудила его.

— Царица небесная! да какъ же еще васъ будить-то?

— Развѣ будили? ничего не помню.

— Господи! вотъ-то крѣпкій сонъ!.. Ну, Христосъ Воскресе!

— Воистину воскресе.

Николай Ивановичъ пилъ чай и разспрашивалъ Матрену Карповну, что было въ церкви.

— Пѣвчіе хорошо пѣли? спрашивалъ онъ.

— Хорошо! ахъ, хорошо!.. Сперва тоненькими голосами, просто вотъ самыми тоненькими и потолще, а тутъ басы какъ рявкнутъ: «воскресе!.. воскресе!..» Хорошо пѣли... Ризы на попахъ новенькія, свѣтлыя... И ходятъ эдакъ съ кадиломъ: Христосъ воскресе, Христосъ воскресе!...

— Вотъ что, Матрена Карповна, все это хорошо,—перебилъ ее Николай Ивановичъ,—но я сейчасъ уѣду, такъ вы принимайте здѣсь... Карточки вотъ сюда кладите... Приглашайте выпить и закусить... Если будутъ съ крестомъ, то вотъ деньги, отдайте.

Черезъ полчаса Николай Ивановичъ, припомаженный, раздушенный, въ новомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, съ приплюснутой шляпой подъ мышкой и другой шляпой на головѣ уѣхалъ дѣлать обычные пасхальные визиты. Матрена Карповна осталась принимать гостей. До двѣнадцати часовъ никого не было. Первый пріѣхалъ Красногорскій, спросилъ: «дома?», сердито сунулъ карточку и уѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ ввалился въ прихожую судья и, отпыхиваясь, пробасилъ: «Нѣту?... На, передай!» и тоже уѣхалъ. Потомъ какой-то маленькій, юркій человѣчекъ, едва отворивъ двери, звонко, торопливо заговорилъ: «Ну погода!.. весна въ полномъ смыслѣ», но, замѣтивъ Матрену Карповну, круто оборвалъ: «Нѣту хозяина?.. Вотъ передай». Матрена Карповна кланялась, привѣтливо улыбалась и каждаго добросовѣстно упрашивала выпить и закусить, но тѣ только махали руками.

У Николая Ивановича послѣ третьяго визита зашумѣло въ головѣ, а послѣ десятаго сдѣлалось такъ весело, что онъ, глядя съ извозчичьей пролетки на деревянные заборы и пустыри, мимо которыхъ проѣзжалъ, никакъ не могъ удержать блаженной улыбки, въ которую распускалось его лицо. Въ такомъ радостномъ настроеніи пріѣхалъ онъ къ Половодовымъ. Войдя въ прихожую, онъ долго снималъ калоши и соображалъ, настолько ли пьянъ, чтобъ нельзя было скрыть этого. Рѣшивъ принять на себя серьезный видъ, онъ ухмылялся надъ

калошами и, слегка пошатываясь, стаскивалъ съ себя пальто.

— Позвольте, помогу, баринъ,—сказала горничная, улыбаясь.

— А—а!.. Маша!.. Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

— Да какже это... то-есть... позволь... надо какъ слѣдуетъ.

Разгладивъ усы, онъ поцѣловался съ горничной и сказалъ:

— Пасха—нельзя...

— Пожалуйте въ комнаты,—сказала горничная и утерла украдкой губы.

— Маша! вѣдь, пасха-то одинъ разъ въ годъ бываетъ, а?.. Надо еще...

— Ну, и христосуются одинъ разъ.

— Ну, нѣ—етъ!..

— Вотъ тебѣ нѣтъ!.. Пожалуйте въ комнаты, еще увидитъ кто-нибудь... Барышня узнаетъ, она вамъ задастъ.

— Ну, вотъ!.. зачѣмъ же?.. Никогда барышня не узнаетъ.

— Пожалуйте, пожалуйте.

Сдѣлавши серьезную мину, Николай Ивановичъ вошелъ въ залу.

— А! вотъ и онъ! вотъ и онъ, нашъ почтеннѣйшій! вотъ и онъ, нашъ многоуважаемый Николай Ивановичъ!—вскричалъ старикъ Половодовъ и троекратно съ нимъ облобызался.— Христосъ воскресе!... И какъ кстати: только что за рюмки взялись.

У закусочнаго стола съ рюмками въ рукахъ стояло нѣсколько человѣкъ старыхъ и молодыхъ мужчинъ. Повидимому, они тоже обрадовались появленію Николая Ивановича и потянулись съ нимъ цѣловаться.

— Ну, что же, господа? Николай Иванычъ! надо поздравить съ праздникомъ.

Николай Ивановичъ отъ выпивки отказался.

— Я того... я воздерживаюсь сегодня, господа—отговаривался онъ.

— Что вы! эдакій праздникъ... какъ можно!..

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, воздерживаюсь,—повторилъ онъ, однако взялъ рюмку.

— Эхъ, да вѣдь, пасха, отецъ мой! пасха! вотъ что главное... Ну, господа, съ великимъ праздникомъ!.. Радостію другъ друга обымемъ!..

Выпивши, гости лѣниво стали закусывать. «Въ самомъ дѣлѣ, какой дивный праздникъ», размышлялъ Николай Ивановичъ:

«радостію другъ друга обымемъ... И какіе все хорошіе, славные люди... добрые, простые люди»... Яркій солнечный свѣтъ, голубое небо, теплый весенній воздухъ, вливавшійся широкой струей въ раскрытое окно, колыша занавѣсу, веселый звонъ колоколовъ, казалось, тоже говорили о вѣчной радости, о мирѣ, о счастіи... «Да, все славные, простые люди... Вотъ и этотъ, Александръ Семенычъ, кажется,—какое у него симпатичное лицо!,. Что бы ему сдѣлать такое пріятное?.. И этотъ другой тоже добрый и милый человѣкъ... и самъ Половодовъ... Что бы сдѣлать имъ такое пріятное?».

— Господа!—провозгласилъ онъ вслухъ:—пасха, въ самомъ дѣлѣ великій праздникъ... Выпьемъ, господа, за человѣческое братство, за любовь, за счастіе.

— Вотъ это такъ! вотъ это хорошо!

— Браво, браво!.. мнѣ рябиновой.

— Я васъ люблю... я васъ всѣхъ люблю, господа,—говорилъ Николай Ивановичъ, совсѣмъ пьяный.—А гдѣ же Лидія Павловна?

— Недавно здѣсь была... вѣроятно, наверху въ мезонинѣ.

Черезъ полчаса Николай Ивановичъ, пошатываясь и держась за перила, поднялся по лѣстницѣ въ мезонинъ.

— Христосъ воскресе, Лидія Павловна! — возгласилъ онъ, широко улыбаясь.

— Боже мой! да вы совсѣмъ пьяны!—воскликнула Лидочка, всплеснувъ руками.

— Можетъ быть, можетъ быть... но, тѣмъ не менѣе... надо похристосоваться...

— Ахъ, какой вы противный! какой вы противный!..

— Неужели?—спрашивалъ Николай Ивановичъ, блаженно улыбаясь и садясь на диванъ.

— Ну, зачѣмъ вы напились? зачѣмъ?

— Ха, ха!.. Чортъ его знаетъ!.. такъ... съ радости... Лидочка! вѣдь, пасха сегодня...

— Это еще что! какая я вамъ Лидочка?.. Не смѣйте такъ говорить!

— Но, вѣдь, я васъ люблю... вы знаете, что я васъ обожаю... милая Лидочка!..

— Молчите, молчите!

— Я васъ люблю...

— Какъ вамъ не стыдно! вы говорите это только, когда бываете пьяны.

— Неужели?

— Трезвый вы это не говорите.

— Неужели?.. Но это потому, что трезвый я не смѣю... вотъ отчего... Ахъ, милая Лидочка! я васъ люблю... клянусь вамъ, божусь вамъ!.. Дайте мнѣ вашу ручку.

Лидочка присѣла рядомъ съ нимъ на край дивана и наклонилась къ нему. Онъ взялъ ее руку, долго разглядывалъ ее и мялъ въ своихъ рукахъ, потомъ нѣсколько разъ поцѣловалъ.

— Вы славная дѣвушка, я васъ люблю,—проговорилъ онъ медленно,—и еслибъ вы меня немножко любили... если бъ хоть самую малость...

— Но, вѣдь, вы знаете, давно знаете... Ахъ, зачѣмъ вы такой пьяный! зачѣмъ вы такой противный! — говорила Лидочка, чуть не плача.

— Ужъ будто такой противный?.. неужели? — Но что же дѣлать?.. Я пришелъ сказать вамъ только два слова... только два слова... Лидочка! будьте моей женой,—проговорилъ Николай Ивановичъ и привлекъ ее къ себѣ.

Она вспыхнула, отстранилась, потомъ крѣпко и больно обхватила его голову руками. Онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она, вскакивая:—это вы должны сказать потомъ... потомъ, когда вы будете трезвый... Зачѣмъ вы это теперь сказали? Я не вѣрю этому, не вѣрю!..

— Лидочка, все равно... я и потомъ... Но почему ты не вѣришь?

— Не вѣрю... потому, что боюсь повѣрить...

— Ну, вотъ еще! Что я мальчикъ, что ли?...

— Милый, милый!—говорила счастливая Лидочка, опускаясь передъ нимъ на колѣни. — Мы будемъ счастливы, мы будемъ счастливы, какъ никто!..

Они не замѣтили, какъ пролетѣло время. Хмѣль постепенно вылеталъ изъ головы Николая Ивановича.

— Ишь, противный, напился!—ласкаясь, говорила Лидочка:—ну, зачѣмъ напился?

— Но ужъ теперь почти все прошло.

— Прошло... Виномъ отъ тебя разитъ, какъ изъ винной бочки... У—у! противный!

— Ну, ничего.

Внизу пробило пять часовъ. Лидочка встрепенулась.

— Боже мой! неужели ужъ пять часовъ?.. А что же обѣдъ?.. и гдѣ папа? вѣдь онъ голоденъ... Я все съ тобой позабыла.

Спустившись внизъ, они нашли старика Половодова спящимъ въ залѣ, на диванѣ, среди страшнаго безпорядка.

— Уснулъ... Боже мой! и двери не заперты, и горничная ушла... что же это?.. Ты хочешь ѣсть?

— Нисколько.

— Ну, тогда подождемъ, можетъ быть папа проснется. Ты не уходи, сиди у насъ.

Половодовъ проснулся въ девятомъ часу и, охая и кряхтя,

пошелъ умываться. Въ столовой, тѣсно прижавшись другъ къ къ другу, сидѣли Лидочка и Николай Ивановичъ и тихо разговаривали. Увидѣвъ старика, они инстинктивно отстранились другъ отъ друга, но онъ ничего не замѣтилъ и прошелъ мимо; потомъ они засмѣялись надъ своимъ испугомъ и еще тѣснѣе прижались другъ къ другу.

На столѣ кипѣлъ самоваръ. Половодовъ, съ измятымъ и заспаннымъ лицомъ, угрюмо сѣлъ въ кресло у стола, дожидаясь, когда ему подадутъ чаю.

— Папа,—сказала Лидочка, съ лукавой улыбкой подходя къ нему. Николай Ивановичъ стоялъ сзади съ застѣнчивымъ видомъ.

— Ну?—отозвался старикъ, поднимая голову.

— Папа, позволь представить тебѣ моего жениха.

— Какого жениха?

— Вотъ Николая Ивановича. Онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я согласна. Теперь какъ ты?

Половодовъ сдѣлалъ испуганное лицо и выпрямился отъ изумленія.

— Что ты врешь!—вскричалъ онъ.—Что это? Николай Ивановичъ! да не можетъ быть!.. какъ же это такъ?.. Боже мой!..—И вдругъ всхлипнулъ, и слезы закапали у него изъ глазъ.—Правда ли это?

— Правда, Павелъ Петровичъ. Если вы ничего не имѣете противъ...

— Господи!.. конечно, ничего, конечно, ничего не имѣю... Господь васъ благослови!... Да какъ же это такъ? когда вы успѣли?.. Вотъ неожиданность!.. Ну, слава Богу, слава Богу! совѣтъ да любовь... Вотъ-то... опомниться не могу... ей-Богу... Да какъ же это такъ?.. Ну, я очень радъ, очень радъ... Такъ какъ же теперь, Лидуша?..

Лидочка со слезами радости на глазахъ взяла Николая Ивановича за руку и подвела къ отцу.

А. Погорѣловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судебно-психіатрическія экспертизы, какъ бытовыя данныя.

II.

Мы прослѣдили Дм. К—шева до его совершеннолѣтія; резюмируемъ собранныя о немъ данныя.

Въ семействѣ и отца, и матери, т. е. въ обѣихъ восходящихъ линіяхъ, мы не можемъ констатировать никакого патологическаго, и тѣмъ болѣе психопатическаго элемента. Оба рода представляются совершенно нормальными, и какъ таковыхъ ихъ оцѣниваютъ всѣ окружающіе. Далѣе мы видѣли, что въ умственномъ отношеніи оба рода не были обижены, и спеціально отца и мать Дм. всѣ единогласно признаютъ людьми умными, — и это подчеркивается, какъ особенно рельефная сторона ихъ личности. Но рядомъ съ этимъ надо указать въ обоихъ семействахъ замѣчательное отсутствіе интеллектуальности, хотя бы въ самой низшей формѣ—въ формѣ честолюбія. Но это отсутствіе интеллектуальности составляетъ отличительную черту всей среды, и потому семейство К—хъ въ общемъ не только не выдѣлялось изъ нея, но вполнѣ гармонировало съ нею; можетъ быть, только это отсутствіе всякого мелкаго честолюбія—результатъ примѣси крестьянскаго элемента — нѣсколько выдѣляло К—хъ изъ мѣстнаго общества, но и то не особенно. Отецъ Дм., служилъ въ драгунахъ, вышелъ въ отставку поручикомъ, поселился въ деревнѣ, занимался хозяйствомъ, „бралъ дѣвокъ“ и „тралъ мужиковъ“,— впрочемъ, былъ человѣкъ почтенный и всѣми уважаемый. Мать крестьянка, и не видно, чтобы она старалась образовать себя, чтобы ее тянуло вверхъ; всѣ члены ея семьи тоже „не вышли въ люди“ и остались крестьянами сами, и не повели дѣтей на другое, болѣе высшее общественное положеніе, не дали имъ образованія *). Даже имена дочерей К—шевыхъ,—Агафья, Глафира, имена „недворянскія“—указываютъ, какую тѣсную связь сохранило семейство К—шевыхъ съ крестьянствомъ.

Дм. К—въ представляетъ ту же особенность. Онъ несомнѣнно

*) Выпущены біографическія подробности о нѣкоторыхъ лицахъ.

неглупъ, смѣтливъ, но онъ замѣчательно неинтеллигентенъ. Въ дѣтствѣ и юности ученіе ему недавалось,—отчасти отъ лѣни, конечно, но главнымъ образомъ вслѣдствіе совершенной чуждости всего его психическаго существа всякому знанію и всему интеллектуальному, а потому и его плохихъ способностей къ всякому ученію. Перебывавъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ наконецъ подготовился въ агрономическое и садоводственное училище въ Усмани, но и тамъ, несмотря на довольно скромныя требованія, ученіе у него не пошло, и 16-ти лѣтъ онъ уже вернулся домой, и отказавшись отъ всякато дальнѣйшаго образованія, занялся „сельскимъ хозяйствомъ *"—этимъ обычнымъ выходомъ „недорослей изъ дворянъ"—и псовой охотой *, специфическимъ времяпровожденіемъ помѣщиковъ былыхъ временъ. Затѣмъ онъ постепенно втягивается въ развратъ—хотя и „не имѣетъ такого множества дѣвокъ, какъ покойный его батюшка" — и начинаетъ знакомиться съ алкоголемъ, но еще не пьетъ, т. е. не пьянствуетъ, „а такъ", „изъ шалости", „употребляетъ", по народной формулѣ.

Дм. К—въ знаетъ, что онъ крайне необразованъ, что у него нѣтъ даже жаргона такъ называемыхъ образованныхъ людей, принимая этотъ терминъ въ самомъ нетребовательномъ значеніи, и это его конфузитъ, стѣсняетъ, тѣмъ болѣе, что онъ очень самолюбивъ. Поэтому онъ бываетъ мало въ кругу равныхъ *; у г. Ш—ра *, у г. По—ва *, у другихъ *, онъ былъ по одному, по два раза, притомъ всегда по дѣлу *, онъ не бывалъ даже у своего опекуна, потомъ у попечителя *. На взглядъ всѣхъ знавшихъ его въ этотъ періодъ—знавшихъ очень близко всю его жизнь и простыхъ знакомыхъ — Дм. К—въ не представлялъ ничего ненормальнаго, ничего страннаго, ничего, чѣмъ онъ выдѣлялся бы изъ среды *. Конечно, надо сказать, что окружавшіе его едва ли могли замѣтить напр. нравственную и психическую парадоксальность, какая встрѣчается у дегенеранта, не вышедшаго изъ рамокъ нормы,—но этой парадоксальности у него незамѣтно и теперь, и потому нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать ее у него и тогда. Дегенерантъ ли онъ? Мы видѣли, что психопатической наслѣдственности у него констатировать нельзя. Но сестра его Марья — алкоголичка, и не врачъ, конечно, будетъ объяснять ея алкоголизмъ семейными огорченіями безъ всякого предрасположенія—„n'est pas alcoholique qui veut".

Физически подсудимый не представляетъ никакихъ сколько нибудь опредѣленныхъ явленій дегенераціи. У него нѣтъ асиметрій, нѣтъ высокаго, тѣмъ болѣе стрѣльчатаго неба, нѣтъ torus palatinus; уши у него нормальны, хорошо окаймлены, правильно сформированы, не отстаютъ; лопатки плотно прилегаютъ, нѣтъ парадоксальнаго таза, остановокъ или дефектовъ развитія—грыжъ и т. п. — ничего, что указывало бы на психопатическую дегенерацію. У него нѣтъ и никакихъ признаковъ истеріи... На глаза

пишущаго у него сказывается, хотя и не очень рѣзко и ярко, реверсивный типъ, но реверсивный не отдаленнаго, а, напротивъ, весьма близкаго прошедшаго. Съ этимъ совершенно гармонируетъ и нравственно и онъ самъ, и все его семейство.

О времени, проведенномъ Дм. К—вымъ въ полку, мы ничего не знаемъ; въ качествѣ свѣдѣній объ его психикѣ и нравственности судебный слѣдователь получилъ изъ полка только выписку изъ штрафного журнала; мы узнаемъ изъ нея однако, что взысканіямъ въ полку онъ не подвергался. Два письма, адресованныя экспертизою къ старшему врачу полка, остались безъ отвѣта. Разсказъ г. Х—ова * можетъ быть прямо отстраненъ какъ рядъ легендъ, которыми такъ богаты показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей. Ризы съ образовъ, переплавленныя на украшенія сѣделъ*, „полтора пуда серебра съ образовъ, пошедшее на стремена *“, сѣдла съ серебряной оковкой, даримыя К—шевымъ офицерамъ полка *,— все это такъ мало вѣроятно, такъ специфично (сестра его тоже продаетъ ризу съ образа, чтобы поѣхать въ театръ *), что рисуетъ не личность подсудимаго, а среду, въ которой „живутъ, цвѣтутъ, ростутъ“—vivant, florent, crescunt—а главное, выносятся на форумъ такія легенды. Разсказъ самого Дм. К—ва о пребываніи въ полку, напротивъ того, такъ кратокъ и безцвѣтенъ, что изъ него нельзя составить себѣ никакого понятія объ этихъ трехъ годахъ его жизни. Едва ли, однако, они оставили ему особенно пріятное воспоминаніе; онъ говоритъ очень кратко, но не безъ горечи, что все время прослужилъ въ строю, несъ всю тяжесть службы, и только послѣдніе мѣсяцы могъ нанять другого чистить его лошадь *. Повидимому, онъ не былъ принятъ въ общество офицеровъ, а можетъ быть и самъ чуждался его.

Возвратясь изъ полка, онъ развернулся, получилъ извѣстный апломбъ—особенно относительно низшихъ въ общественной лѣстницѣ; онъ возмужалъ, и сознаніе физической силы дало ему дерзость, которой у него прежде не было, по крайней мѣрѣ въ такой степени. „До военной службы онъ былъ трусъ *“, и это проявлялось довольно откровенно въ его отношеніяхъ къ людямъ; теперь дерзость замѣнила ему смѣлость, а титулъ гусара, повидимому, импонировалъ людямъ мирнымъ, слабымъ, или отступавшимъ передъ скандаломъ. Въ полку онъ, сверхъ того, привыкъ къ употребленію алкоголя. „По выходѣ изъ военной службы онъ сталъ совершенно другимъ, сталъ пить водку, стали проявляться у него дикія шутки и ухорство въ показаніи своей силы, ловкости во владѣніи оружіемъ *“ (Ал. К—нъ). Но такой рѣзкой перемѣны, какъ описываетъ свидѣтель, въ К—вѣ, въ сущности, не произошло, а она стала только замѣтнѣе, когда онъ вернулся послѣ продолжительнаго отсутствія. Хотя на показаніе свидѣтеля г. Х—ва можно опираться только съ величайшею осторожностью, но здѣсь оно сходится съ общею картиною, и мы можемъ ему по-

вѣрить, что уже передъ поступленіемъ въ военную службу у К—а проявились наклонности и вкусы, рѣзко развившіеся впослѣдствіи *. „Въ особенности съ 18-ти лѣтъ Д. К. началъ проявлять свой буйный характеръ“, говоритъ также и зять К—ва г. С—въ *. Точно также изъ показаній г-жи А. Н. К—ной, показаній, обращеніе съ которыми несомнѣнно требуетъ еще большей осторожности, нежели даже показанія г-на Х—ва, но которыя въ данномъ случаѣ подтверждаются фактами, видно, что Дм. К., хотя и былъ робокъ и застѣнчивъ и чуждался общества, особенно дамскаго, но былъ влюбчивъ и „имѣлъ успѣхъ у дамъ, благодаря своему необузданному характеру“, а послѣ „успѣха“ становился „дерзокъ и даже грубъ“. Г-жа К—на относитъ все это къ эпохѣ, когда Дм. К—ву было 16-ть лѣтъ, но она ошибается. Дѣйствительно, тогда, когда „онъ былъ въ нее влюбленъ *“, а она „ему сочувствовала *“, ей было, по ея словамъ, 28 лѣтъ, а ему 16. Но въ настоящее время ей 42 года, а К—ву 34, слѣдовательно между ними 8 лѣтъ разницы. Такъ какъ она, вѣроятно, свои года помнитъ лучше чужихъ, то въ то время, когда Дм. К—въ выказывалъ „свой необузданный характеръ“, ей было дѣйствительно 28 лѣтъ, а ему 20, и онъ былъ наканунѣ отбытія воинской повинности, съ чѣмъ сходится и ея разсказъ по самому своему смыслу.

Какъ не было качественнаго различія, а было только различіе количественное, въ психикѣ Дм. К—ва до и послѣ отбытія военной службы, также точно внимательный анализъ показаній ставитъ внѣ сомнѣнія, что и различіе въ его психикѣ до и послѣ женитьбы было тоже не качественное. Онъ не перемѣнился, не пріобрѣлъ новыхъ пороковъ,—онъ далъ только ходъ и свободное развитіе уже существовавшимъ. Для стоявшихъ далеко отъ него и видавшихъ его болѣе или менѣе рѣдко свидѣтелей факты получали, конечно, совершенно другое освѣщеніе, другую оцѣнку, если выходки совершались молодымъ, холостымъ разгульнымъ отставнымъ гусаромъ или человѣкомъ женатымъ; но свидѣтели, жившіе съ нимъ, никакой существенной разницы между Дм. К. до и Д. К. послѣ свадьбы не дѣлаютъ, и перемѣну психики его связываютъ уже не съ женитьбою, а съ разводомъ. „Онъ сталъ необузданно развратничать послѣ развода *“, говоритъ одинъ свидѣтель,—но „любовницы пріѣзжали къ нему, когда онъ жилъ съ женой *“, — и къ этому времени относятся также значительная часть половыхъ — мы не рѣшаемся назвать ихъ любовными—исторій, которыми такъ богато слѣдствіе; но и до женитьбы онъ былъ развратенъ, и на это настойчиво указывалось семейству его жены *; но и въ юношествѣ онъ имѣлъ тоже „много дѣвокъ“, хотя и меньше, нежели „его покойный батюшка *“; но въ 16 лѣтъ онъ „щедро удовлетворялъ своимъ половымъ потребностямъ *“; но онъ началъ свою половую жизнь

очень рано, 15-ти лѣтъ, говоритъ одинъ свидѣтель *, 12-ти, говоритъ другой *, 9-ти, хвастаетъ самъ К—шевъ *

Онъ пьетъ послѣ развода *; но цѣлый рядъ фактовъ и мелкихъ событій показываетъ, что онъ пилъ и въ періодъ своей брачной жизни *; но онъ пилъ и до женитьбы * — „до женитьбы я пилъ мало", говоритъ самъ Дм. К.*; но уже въ юношескомъ возрастѣ онъ „употреблялъ" водку „для шалости *".

Такимъ образомъ мы никакого перелома, никакого качественнаго измѣненія въ психикѣ Дм. К—ва не можемъ констатировать; онъ представляетъ обычное, правильное поступательное движеніе порочныхъ наклонностей — разврата, насилія — унаслѣдованныхъ имъ отъ предъидущихъ поколѣній, даже вкусовъ нормальныхъ въ былыя времена—попойка, охота, „ухорство"—но уже мало гармонирующихъ съ новыми жизненными условіями страны.

Резюмируемъ психику Дм. К—ва за періодъ времени отъ болѣе или менѣе полной возмужалости — не половой, а психологической—и до начала дѣла о разводѣ. Періодъ этотъ, такъ рѣзко прерывающійся, казалось-бы, столь важными жизненными событіями, какъ военная служба и бракъ, представляетъ, однако, замѣчательную психологическую цѣльность.

Дм. К—въ до военной службы представляетъ изъ себя „недоросля изъ дворянъ", безъ образованія, безъ общественнаго положенія, даже безъ внѣшняго лоска, съ весьма матеріальными,— и особенно съ весьма тривіальными—вкусами и стремленіями къ „дѣвушкамъ", къ вину, къ разгулу, удали, псовой охотѣ, а въ психической сферѣ къ насилію, къ надругательству надъ слабыми, надъ подчиненными, надъ беззащитными. Вкусы эти были общи,— и потому совершенно нормальны—у помѣщиковъ прошлаго столѣтія; они и теперь еще не очень дисгармонируютъ съ психикой мѣстности и среды, въ которыхъ живетъ К—въ, но они фактически становятся, при сколько-нибудь значительной интенсивности, невозможны въ новыхъ жизненныхъ условіяхъ всей страны, и роковымъ образомъ должны привести его рано или поздно къ конфликту съ закономъ.

Время, проведенное въ полку, дало К-ву извѣстную физическую выправку, но не дало выправки нравственной, не создало ему нравственной дисциплины. Онъ вернулся такой-же невѣжественный, такой-же необразованный, но теперь уже съ апломбомъ гусара, съ увѣренностью въ своей физической силѣ и ловкости, съ престижемъ человѣка, умѣющаго владѣть оружіемъ. У него явился тотъ цинизмъ относительно женщинъ, относительно низшихъ, слабыхъ и беззащитныхъ, который такъ быстро развивается въ низшихъ военныхъ коллективностяхъ всѣхъ странъ, отъ легіонеровъ Юлія Цезаря, обидѣвшихся когда ихъ назвали квиритами, т. е. гражданами, и до французскихъ troupiers, которые embrassent la fille d'auberge et rossent le garçon. Если-бы онъ попалъ

въ нормальную жизненную обстановку, поступилъ на службу, вообще взялъ на себя обязанности, которыя необходимо исполнить, предстоявшій ему конфликтъ съ закономъ былъ-бы, можетъ быть, не столь ужасенъ. Но К—въ—человѣкъ прошлаго вѣка и ведетъ и жизнь той-же эпохи, жизнь разврата, кутежа, псовой охоты, угрозъ крестьянамъ и насилія надъ ними. Онъ невѣжественъ, не имѣетъ лоска, весь его тонъ, умственный складъ, нравственный обликъ,—это обликъ лихого франта-писаря. Онъ говоритъ фразы изъ Марлинскаго, всегда однѣ и тѣ же, настолько запасъ его бѣденъ; разговорныя его формулы, урывками пріобрѣтенныя имъ и принятыя безъ пониманія, часто нелѣпыя и всегда неумѣстныя, теперь, въ его положеніи и при этомъ ихъ примѣненіи, производятъ странное впечатлѣніе какого-то трагическаго буфонства, кроваваго комизма. Такъ на вопросъ, грозилъ-ли онъ зарѣзать жену, онъ отвѣчаетъ, что эта угроза была сдѣлана „такъ", т. е. не серьезно, и что онъ „никогда *не позволилъ-бы себѣ зарѣзать жену*" *. Выше были приведены другія его формулы. трагическія пошлости въ родѣ „адъ клокочетъ въ груди", „душу грызетъ тоска", „сердце разрывается на части", и т. п. Въ записяхъ пишущаго отмѣчены и другія формулы — „онъ не имѣлъ никакого полнаго права", „въ одно прекрасное время" и т. д., но оказалось, что и другіе свидѣтели употребляютъ эту фразеологію, составляющую жаргонъ мѣстнаго образованнаго общества.

Съ такимъ легковѣснымъ умственнымъ багажомъ, съ тономъ и рѣчью военнаго писаря, Дм. К—въ вошелъ въ жизнь; но если не сознавалъ, то зналъ, что этотъ багажъ очень неудовлетворителенъ, а между тѣмъ К. самолюбивъ,—и еще болѣе тщеславенъ. Его не могло тянуть въ такой кругъ, гдѣ онъ думалъ встрѣтить извѣстныя умственныя требованія, для котораго нуженъ, по его мнѣнію, болѣе высокій образовательный цензъ. Но рядомъ съ этимъ мотивомъ, у него есть еще и другой: мы видѣли, что все его семейство въ материнской линіи сохранило самую тѣсную связь, умственную и душевную, съ крестьянствомъ; это мы видимъ и у Дм. К—ва.

Дамы находили его нелюдимымъ, дикаремъ; „К—въ производилъ на меня впечатлѣніе человѣка несчастнаго, потерявшаго почву подъ ногами * (sic!!!), не знающаго на чемъ остановиться—онъ былъ неразговорчивъ, нелюдимъ, почти дикарь; общества онъ избѣгалъ, такъ что когда у насъ собирались гости, К—въ не пріѣзжалъ, а выбиралъ для визитовъ время, когда могъ разсчитывать, что не застанетъ у насъ постороннихъ" *, разсказываетъ г-жа П—ва.—„К—въ казался мнѣ всегда какимъ-то жалкимъ, скучнымъ, производилъ на меня удручающее впечатлѣніе. Общества онъ избѣгалъ, и старался бывать у насъ тогда, когда разсчитывалъ, что никого изъ постороннихъ не застанетъ—въ отсутствіи постороннихъ у насъ въ домѣ К—въ былъ разго-

ворчивъ, разсуждалъ умно, и хотя *говорили, что онъ не получилъ никакого образованія* (sic!), онъ производилъ впечатлѣніе человѣка далеко неглупаго“ *, отзывается о немъ г-жа Б—съ. — „На меня К. въ первое время нашего знакомства производилъ впечатлѣніе молодого человѣка, скромнаго, робкаго, застѣнчиваго, нелюдимаго и въ высшей степени сдержаннаго.—Избѣгалъ порядочнаго общества, и въ особенности дамъ... *, говоритъ г-жа К—на.

Былъ-ли К—въ дѣйствительно нелюдимъ? Избѣгалъ-ли онъ людей? Нисколько. Напротивъ того, онъ былъ очень общителенъ, жилъ, что называется, на людяхъ, окруженный прислугой, крестьянами, съ которыми онъ охотился, кутилъ, и вообще проводилъ очень пріятно время. Мы знаемъ, что „онъ собиралъ народъ, поилъ его виномъ, и съ этимъ народомъ онъ отправлялся на охоту“ *. Пріѣзжая въ деревню, „онъ шелъ на сходъ, если былъ случай, угощалъ виномъ присутствующихъ, вызывалъ особенныхъ молодцовъ на состязаніе въ борьбѣ, въ дракѣ, въ питьѣ вина, вообще въ удали“ *. Нѣтъ сомнѣнія, что никакой нелюдимости у него не было,—онъ только предпочиталъ общество своей прислуги и крестьянъ тому обществу, которое г-жа К—на называетъ порядочнымъ. Но и въ этомъ обществѣ онъ былъ далеко не нелюдимъ; изъ разсказа дамъ уже видно, что онъ бывалъ у нихъ, былъ веселъ, разговорчивъ, но теперь, послѣ убійства, онѣ думаютъ, что онъ имъ казался жалкимъ и несчастнымъ. Впрочемъ, онъ имъ дѣйствительно жаловался на недостаточное свое образованіе , на судьбу, на „свое нравственное паденіе“ *, позже на жену *. Г-жѣ К—ной онъ говорилъ, что „въ ея обществѣ онъ облагораживается, становится чище, и потому особенно дорожитъ имъ“ *. Къ сожалѣнію, это была иллюзія. Передъ г-жею Б—съ онъ плакался, что „его съ дѣтства преслѣдуетъ несчастіе, впадалъ въ отчаяніе, говорилъ даже, что перестаетъ вѣрить въ Бога“, и жаловался на жену, „показывалъ даже синяки, которые она ему сдѣлала“ *. Не менѣе откровененъ онъ былъ и съ нѣкоторыми своими пріятелями; такъ г-ну Кар—ну онъ „въ интимномъ разговорѣ“ сообщилъ подробности о своей первой брачной ночи“ *, и выражалъ большое неудовольствіе на оказавшійся будто-бы недочетъ *. Можно привести рядъ лицъ изъ дворянъ уѣзда, съ которыми онъ былъ знакомъ или даже находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, хотя, несомнѣнно, предпочиталъ имъ охотниковъ изъ крестьянъ, и особенно разныхъ „молодцовъ-удальцовъ“; онъ даже шаферомъ себѣ на свадьбу взялъ такого охотника. Едва-ли кто выведетъ себѣ изъ этихъ данныхъ заключеніе, что „онъ былъ нелюдимъ“, „почти дикарь“, и еще менѣе можно предполагать у него психическое разстройство депрессивнаго характера.

Но мы видѣли его жалующимся на судьбу, говорящимъ романическія фразы, рисующимся; нѣтъ-ли основанія предположить

у него истеріи и свойственнаго ей состоянія духа и психики? Мы видѣли, что К. не представляетъ психопатической дегенераціи, и потому истерія этого происхожденія выпадаетъ сама собою. У него не было также никакого шока, слѣдовательно и въ этомъ направленіи безполезно искать чего-либо, тѣмъ болѣе, что и характеръ анализируемыхъ фактовъ совсѣмъ не подходитъ подъ категорію происходящихъ отъ шока. Можно было-бы идти такимъже образомъ дальше методомъ исключенія, но на вопросъ объ истеріи—отвѣтъ намъ даетъ прямое изслѣдованіе: * у К—ва нѣтъ анестезій,—изслѣдованіе въ этомъ направленіи было сдѣлало нѣсколько разъ, — нѣтъ притупленности ощущеній въ органахъ чувствъ, нѣтъ гиперестезій, нѣтъ ограниченія поля зрѣнія, макропсіи, ахроматопсіи, параличей, контрактуръ, его произвольныя движенія энергичны, быстры и сильны, рефлексы нормальны, и т. д. *, однимъ словомъ—ничто не даетъ намъ права говорить объ истеріи. Затѣмъ и нравственный обликъ его тоже нисколько не напоминаетъ истерика. Мы видѣли, что у него нѣтъ ослабленія памяти и амнезій, — кромѣ единичной амнезіи убійства, но которая уже совсѣмъ не имѣетъ истерическаго характера. — Дм. К—въ очень terre-à-terre, сухъ и положителенъ; у него нѣтъ живости въ умѣ, подвижности и неустойчивости душевнаго настроенія, онъ даже, въ сущности, не лживъ. Конечно, онъ лжетъ, когда ему кажется это выгоднымъ, но ложь его всегда лаконична, суха, имѣетъ дѣловой характеръ, и совсѣмъ не представляетъ тѣхъ envolées, которыми отличается ложь истеричная. Напомнимъ, наконецъ, что онъ очень сдержанъ, очень наблюдаетъ за собою, и несмотря на свои грубые и низменные вкусы и нравы, способенъ долго не выказывать ихъ тамъ, гдѣ это представляется опаснымъ или хотя-бы рискованнымъ, и это не только на военной службѣ, гдѣ онъ провелъ три года, ни разу не подвергнувшись взысканію, но даже у тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, у которыхъ онъ могъ быть выведенъ изъ дому въ случаѣ несдержаннаго поведенія.

Репутація его какъ насильника, развратника и кутилы — но не пьяницы, что важно въ психіатрическомъ отношеніи—была уже, повидимому, прочно установлена, когда онъ женился на дѣвицѣ К — ной, съ семействомъ которой отношенія его начались еще раньше,—именно онъ былъ влюбленъ въ тетку невѣсты, какъ сообщаетъ сама тетка. Мы уже сказали выше, что „онъ въ обществѣ ея становится благороднѣе и чище“; иллюзію эту раздѣляла и тетка, и потому желала брака К—ва съ племянницею. Мать невѣсты „и слышать не хотѣла объ этомъ бракѣ“ *. Сама невѣста, и прежде не любившая его, получила къ нему отвращеніе, когда онъ сталъ „приставать къ ней съ извѣстными требованіями“ *. Замѣтимъ, что невѣстѣ тогда было 15 лѣтъ. Но К—въ умѣлъ получить „расположеніе“, или вѣрнѣе, „сочувствіе“ тетки, и она

настойчиво вела дѣло къ браку. Напрасно братья ея, дяди невѣсты, пугали семью тѣмъ, что К. жестокъ и развратенъ *, напрасно самъ К. „обнаруживаетъ свой жестокій нравъ“ *, у г. К—на „бѣсится такъ, что у него зубы дрожатъ“ *, собирается „исколотить священника“ *; напрасно, наконецъ, онъ замошенничиваетъ у тетки, по ея разсказу, сто рублей *, тетка „сочувствуя К—ву, и вѣря въ возможность его исправленія, „все передѣлала и поставила на своемъ“ *. Но если ближайшіе родные были противъ этого брака, то у другихъ родственниковъ и знакомыхъ онъ не вызвалъ никакого удивленія, и тѣмъ менѣе порицанія, да и само семейство гордилось этимъ бракомъ, хвасталось имъ *; г. Ш., которому К., породнившись съ нимъ, не хотѣлъ сдѣлать визита, самъ поѣхалъ къ нему *.

Вопроса его женитьбы, всѣхъ обвиненій, которыя онъ возводитъ противъ своей жены, и наконецъ самаго развода, мы не будемъ касаться; это исторіи странныя, некрасивыя, оставшіяся невыясненными вслѣдствіе отсутствія прямой связи съ преступленіемъ, и выясненіе которыхъ намъ и не нужно, такъ какъ, какова-бы ни была роль въ нихъ К—ва, она не можетъ быть элементомъ дифференціальнаго діагноза. Конечно, онъ выказалъ здѣсь, повидимому, отсутствіе нравственнаго чувства, что было-бы очень важно въ психіатрическомъ отношеніи, но изъ разсказовъ свидѣтелей не видно, чтобы это отсутствіе, поражающее насъ, оцѣнивалось такимъ-же образомъ и въ его средѣ. Въ дѣлѣ развода К—въ ведетъ себя, несомнѣнно, далеко не рыцаремъ,—но все это дѣло до послѣдней степени нечистоплотно, настолько нечистоплотно, что его отказывается вести какой-то отставной чиновникъ изъ канцеляріи Синода, спеціалистъ по бракоразводнымъ дѣламъ *,—да и вообще едва-ли и для другихъ участниковъ этого дѣла оно останется свѣтлымъ воспоминаніемъ въ жизни.

Послѣ развода отношенія между супругами не прекратились; К—въ не только ѣздитъ къ своей бывшей женѣ *, но начинаетъ съ ея семействомъ—она слишкомъ молода, чтобы вести дѣла сама—какія-то афферы и хочетъ сорвать съ нея какія-то деньги *, а мы знаемъ отъ г-жи К—ной *, отъ г. Кар—на *, изъ случая съ Дак—ымъ *, что Дм. К—ву случалось быть въ высшей степени неразборчивымъ на средства добыть деньги. Но надо сказать, что и семейство К—ныхъ добровольно вступало съ К—мъ въ денежныя и имущественныя сдѣлки въ виду удобныхъ для нихъ покупки, продажи, обмѣна и т. д. ихъ имѣній, для чего его жена и ея тетка и видѣлись съ нимъ, и даже счеты между ними по этимъ сдѣлкамъ еще не были окончены во время слѣдствія *.

Дм. К—въ ѣхалъ послѣ помолвки къ невѣстѣ, на пути заѣхалъ къ одной особѣ недостаточно строгой нравственности,

провелъ у нея ночь, „и отдалъ ей полученный отъ насъ образокъ (обручальное благословеніе)“ (О. Н. К—на) *, — но и этотъ поступокъ, несомнѣнно доказывающій недостатокъ нравственнаго чувства, не только не остановилъ брака, но не былъ даже поводомъ къ какому-нибудь конфликту, и разсказчица продолжала „сочувствовать ему“ и настаивать на бракѣ.

Г-жа К—на разсказываетъ очень подробно о странной, ни на чемъ не основанной, совершенно безумной, ненормальной ревности Дм. К—ва къ его женѣ. К—въ ревновалъ жену ретроспективно къ одному молодому человѣку, ея близкому родственнику *. Чтобы *„успокоить“* К—ва и доказать ему всю неосновательность его ревности, г-жа К—на разсказываетъ ему *, что жена его и этотъ молодой родственникъ уже съ дѣтства необыкновенно любили другъ друга, а слѣдствію, будто жена его, „чтобы приблизить его къ себѣ“, рисовала ему такую картину ея жизни въ домѣ родителей этого молодого человѣка: „Она (жена его) спала съ дѣвочками въ одной комнатѣ, мальчики въ другой; когда взрослые уходили, дверь раскрывалась, и они начинали шалить—случалось, что дѣвочки попадали въ постели мальчиковъ, а мальчики въ постели дѣвочекъ—прижимались другъ къ другу, всегда случалось, что Коля былъ рядомъ съ нею.—Они играли свадьбу, гдѣ Коля и она изображали жениха и невѣсту“ *. Г-жа К. „желала этими разсказами *сбизить К—ва съ женою* *, но, *къ ея удивленію* (sic!), *результаты получались какъ разъ обратные*“ * —„Lasset doch den Kindern die Freude“, имѣлъ привычку въ такихъ случаяхъ говорить Шенлейнъ.

Г-жа К—на жалала также представить и судебному слѣдователю наглядно всю ненормальность, все безуміе ревности К—ва, и для этого разсказываетъ слѣдующее: „Когда однажды Коля пришелъ къ К—вымъ поздно вечеромъ, жена К—ва была уже въ постели; она, очень боявшаяся мужа и его ревности, такъ обрадовалась его приходу — выскочила изъ постели и бросилась ему на шею“.—Дм. К—въ обвинялъ свою жену въ интимныхъ отношеніяхъ съ этимъ Колей еще до брака.

Желая добиться развода, К—въ обвинялъ жену въ интимныхъ сношеніяхъ до брака *; убѣдившись, по его словамъ, въ этомъ, онъ „отвернулся отъ жены, не ревновалъ ее, и если и имѣлъ съ нею сношенія, то только случайныя“ *. „По временамъ онъ даже хотѣлъ-бы забыть прошлое, жить съ нею дружно“ *,— но какія-то вліянія мѣшали этому; во всякомъ случаѣ онъ утверждаетъ, что не ревновалъ ее. Бывшая его крѣпостная Варвара Е—на, жившая у него въ услуженіи до свадьбы и 5 мѣсяцевъ послѣ свадьбы, показываетъ: „Все это время Дм. Павл. очень хорошо жилъ съ женой, ссоры между ними не было, ласковъ былъ съ женой, такъ что я удивилась потомъ, узнавъ, что у нихъ пошли раздады *.—И жену свою онъ въ первые 5 мѣсяцевъ (т. е. время, о

которомъ свидѣтельница можетъ говорить de visu), пока я жила у нихъ, Дм. Павл. не ревновалъ: Ольга Сергѣевна одна уѣзжала къ П — вымъ, къ Кар — намъ, къ Ск — нымъ, или въ поле однѣ пойдутъ,—ему и горя мало" *. — „Въ отношеніяхъ супруговъ ничего страннаго не было; Д. П. не дѣлалъ женѣ грубостей, не ссорился и не придирался къ ней". (П—ва). — „Женившись, Д. П. бывалъ у меня чаще; никакихъ странностей я въ немъ не замѣчалъ.—Объ отношеніяхъ своихъ къ женѣ онъ никогда со мной не говорилъ, *я слышалъ о нихъ только въ семьѣ К.* Въ домѣ К—ва, когда онъ жилъ еще совмѣстно съ женой, я былъ только одинъ разъ, и ничего особеннаго въ отношеніяхъ супруговъ не замѣчалъ" *. (П — въ). — „У себя въ домѣ К—въ не только не производилъ впечатлѣнія деспота—его нельзя было принять за хозяина — всѣмъ распоряжалась, повидимому, жена" *. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что эту картину какъ-бы даже подчиненности К—ва женѣ рисуетъ намъ г-жа Б—съ, которой „онъ казался жалкимъ" и производилъ „удручающее впечатлѣніе".

Такимъ образомъ о ревности К—ва и ея ненормальномъ характерѣ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. И посторонніе, и жившая въ домѣ молодыхъ прислуга не видѣли этой ревности; г-жа К—на, напротивъ, рисуетъ очень цвѣтистую картину, а братъ ея даже разсказываетъ о „пилюлѣ съ стрихниномъ" *, которую К—въ хотѣлъ силою ввести въ ротъ женѣ,—но этотъ разсказъ остался какъ-то изолированнымъ въ судебномъ слѣдствіи, и не подтвердился даже и г-жою К—ной. Понятно, что такія разнообразныя—и своебразныя—показанія не могутъ давать матеріаловъ для психіатрической экспертизы.

Но мы знаемъ, что К—въ тогда уже пилъ, хотя и немного, а супружеская ревность есть явленіе, частое именно въ алкоголизмѣ; слѣдуетъ-ли связывать эти два факта въ данномъ случаѣ?

Чтобы установить между алкоголизмомъ (не въ смыслѣ употребленія алкоголя, а въ смыслѣ происшедшихъ уже отъ него измѣненій въ организмѣ) и ревностью причинную связь, и создать такимъ образомъ психіатрическую картину, необходимо начать съ того, конечно, что доказать самый фактъ существованія этихъ двухъ элементовъ, а затѣмъ уже анализировать, есть-ли между ними предполагаемая связь. Но никакихъ явленій, указывающихъ на алкоголизмъ, какъ болѣзненное состояніе организма, ни въ болѣе ранній, ни въ болѣе поздній періодъ мы у К—ва не могли констатировать. Что касается занимающаго насъ періода, то мы имѣемъ указанія относительно двухъ элементовъ алкоголизма, именно относительно intolerantia къ нему и относительно ослабленія воли подъ вліяніемъ алкоголя.

Г-жа Б—съ видѣла К—ва однажды пьянымъ, „но и въ

этомъ состоянiи онъ былъ вѣжливъ и не позволялъ себѣ никакой неприличной выходки *.—Жена К—ва говорила, что онъ можетъ много выпить: это на него не дѣйствуетъ" *.—„Въ нашемъ обществѣ, и особенно при дамахъ, К—въ былъ всегда деликатенъ и приличенъ" * (К—на). „Въ нашемъ обществѣ К—въ никогда не позволялъ себѣ никакихъ неприличныхъ выходокъ ни въ разговорѣ, ни въ обращенiи" (П — ва) *. — „Выпивалъ съ моею матерью водочки, но понемногу, до пьяна никогда не напивался" (когда сватался къ дочери свидѣтельницы) (К—рова)*. — „Дм. Павл. у меня за обѣдомъ выпивалъ и былъ на веселѣ, но всегда при этомъ держалъ себя прилично. Правда, были слухи, что Дм. Павл. въ пьяномъ видѣ дѣлалъ скандалы, но это было послѣ развода съ женою, раньше такихъ слуховъ не было" (П—въ) *.

Употребленiе алкоголя не лишало К—ва самообладанiя и той сдержанности, на которую постоянно и согласно указываютъ столь многiе свидѣтели, не лишало его по крайней мѣрѣ въ средѣ, до нѣкоторой степени импонировавшей ему, и въ которой онъ считалъ необходимымъ сдерживаться, ожидая, что если онъ „расходится", то для его успокоенiя могутъ быть приняты непрiятныя для него мѣры. Но въ средѣ низшей, подчиненной, гдѣ если не писаный законъ, то обычное право позволяетъ безнаказанныя оскорбленiя и насилiя,—тамъ онъ не только даетъ волю своему „удальству", но хвастается имъ; мы увидимъ, до чего вскорѣ дошло это „удальство".

У К—ва не установилось и intolerantia къ алкоголю, столь характерная для алкоголизма; онъ можетъ, при случаѣ, выпить очень много, и мы увидимъ, что эта особенность сохранилась у него и позже.

Но говоря объ алкоголизмѣ, мы должны напомнить, что онъ можетъ быть не только патогеническимъ факторомъ, но и симптоматическимъ явленiемъ. Дм. К—въ пьетъ, хотя еще и не много, но, по его собственному признанiю, больше чѣмъ до женитьбы. Алкоголизмъ нерѣдко бываетъ не причиною позднѣйшаго заболѣнiя, а проявленiемъ уже существующаго патологическаго состоянiя, обыкновенно дегенеративной формы, если выключить нѣкоторыя специфическiя заболѣванiя, напр., первоначальная стадiя прогрессивнаго паралича. К—въ любилъ „покутить", выпить „въ компанiи" съ крестьянами, съ охотниками, съ разнымъ мелкимъ людомъ. Проѣзжая черезъ село и заставъ тамъ сходку, онъ угощаетъ крестьянъ и кутитъ съ ними; собираясь на охоту, онъ „поитъ народъ" *, и т. д.—и мы не видимъ, чтобы это возбуждало удивленiе, негодованiе, порицанiе, или даже встрѣчало отказъ. Можно, казалось-бы, возразить, что К—въ, принадлежа наполовину къ крестьянству, чувствуетъ себя гораздо больше своимъ въ средѣ крестьянъ, нежели въ средѣ дворянъ,

но едва-ли будетъ вѣрно дѣлать такое различіе. Просматривая факты слѣдствія, мы видимъ К—ва пьющимъ и съ людьми своего круга. Онъ обѣдаетъ у К — ныхъ съ дядей своей жены, и „они много пили“ *; онъ имѣетъ столкновеніе съ г. Кар—номъ на охотѣ, и „они оба были уже выпивши“ *; бывая въ семействѣ П—выхъ, онъ „выпивалъ за обѣдомъ и былъ навеселѣ“ *; за обѣдомъ у г. Кар—на „онъ былъ пьянъ—и говоритъ какую-то крупную непристойность хозяйкѣ дома“ *.—Все это принимается какъ обычныя жизненныя случайности; его даже хвалятъ, что онъ и пьяный сдерживается, и находятъ, что „онъ ведетъ себя вполнѣ прилично“.

Если вопросъ алкоголизма возбуждаетъ сомнѣніе по отношенію его патологическаго характера въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе отсутствія всякихъ точныхъ указаній, то тѣмъ большее сомнѣніе возбуждаетъ вопросъ о патологическомъ характерѣ супружеской ревности К—ва, и тоже вслѣдствіе отсутствія данныхъ. Показанія свидѣтелей дѣлаютъ сомнительнымъ самое существованіе этой ревности, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ это представляетъ г-жа К—на, единственная свидѣтельница, замѣтимъ, утверждающая эту ревность, и свидѣтельница не безпристрастная. Ревность К—ва могла не быть безумная по своей безосновательности, принимая въ соображеніе разсказы тетки,—мы, конечно, совершенно отстраняемъ вопросъ, имѣла-ли эта ревность какія фактическія основанія.

Но ревность К—ва, въ той формѣ, какъ ее представляетъ г-жа К—на, совсѣмъ не имѣетъ характера ревности алкогольной. Въ этой послѣдней самое рельефное, почти патогномическое явленіе—это галлюцинаціи, вѣрнѣе псевдо-галлюцинаціи, которыхъ здѣсь нѣтъ и слѣда. Алкоголикъ *видѣлъ* свою жену въ „преступной бесѣдѣ“—criminal conversation—и потому негодуетъ: никакого намека на что-нибудь подобное мы не видѣли въ разсказѣ г-жи К—ной. Затѣмъ она разсказываетъ, что сознаніе въ невѣрности, дѣлаемое его женою, чтобы прекратить тягостную сцену, успокоивало К—ва *; можно-ли допустить что-нибудь подобное у алкоголика? Если фактъ этотъ вѣренъ, то ревность здѣсь слѣдуетъ объяснять какъ дегенеративное явленіе, и мы тогда снова возвращаемся къ вопросу дегенераціи.

Установить достовѣрность отдѣльныхъ выходокъ К—ва едва-ли возможно, тѣмъ болѣе что разсказы о нѣкоторыхъ изъ нихъ возбуждаютъ сильнѣйшее сомнѣніе; но on ne prête qu'aux riches, а въ этомъ отношеніи К—въ очень богатъ. Если частная достовѣрность отдѣльныхъ событій остается иногда сомнительною, то общій ходъ, однако, выясняется съ полною точностью. Дерзость, грубость, насильственность у Дм. К—ва ростутъ правильно и постоянно. Онъ вспыльчивъ, но тотчасъ раскаивается въ дѣтствѣ; становится дерзокъ еще до поступленія въ военную службу, воз-

вращается изъ нея уже грубымъ; дѣлается насильникомъ послѣ женитьбы; ко времени и послѣ развода онъ уже насильникъ прямо преступнаго характера и приходитъ уже въ конфликтъ съ закономъ, конфликтъ еще не трагическій, но который уже намѣчаетъ его дальнѣйшій путь. Одновременно съ этою усиливающеюся склонностью къ насилію, къ злоупотребленію своею физическою силою, своимъ общественнымъ положеніемъ и классовыми привилегіями, своею дерзостью и готовностью идти на всякій скандалъ, появляется и цинизмъ насильственности и даже хвастовство ею. Но насильственность К—ва выбираетъ себѣ объектами людей слабыхъ, беззащитныхъ, мирныхъ и отступающихъ передъ скандаломъ, или даже не смѣющихъ обороняться вслѣдствіе своего низменнаго классоваго положенія; приходя въ соприкосновеніе съ людьми сильными и рѣшительными, даже просто встрѣчая отпоръ, К—въ отступаетъ, съеживается, пассуетъ,—онъ слишкомъ боится за себя, какъ мы увидимъ ниже.

Кутежъ К—ва возрастаетъ, а съ нимъ возрастаетъ разнузданность и насильственность актовъ, совершаемыхъ имъ въ состояніи опьяненія. Но эти насильственные акты рѣзко отличаются отъ таковыхъ-же актовъ алкоголика. У этого послѣдняго они имѣютъ, такъ сказать, оборонительный характеръ, исходятъ изъ чувства оскорбленности, негодованія на воображаемыя обиды. Совершенно иное, можно сказать, обратное, мы видимъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ К—ва; съ психологической точки зрѣнія они напоминаютъ скорѣе эпилептика, но никакъ не алкоголика. Это дѣйствія прежде всего наступательныя: К—въ не защищается,—онъ нападаетъ, и находитъ прелесть насилія именно въ томъ, что эти нападенія ничѣмъ не вызваны, что они относятся къ людямъ совершенно безвиннымъ, дѣлающимися его жертвами вслѣдствіе своей слабости и беззащитности. Но и здѣсь нельзя сказать, чтобы К—въ катился по наклонной плоскости, чтобы онъ былъ уже не въ силахъ остановиться, чтобы онъ шелъ подъ гору непроизвольно, по роковому и непреодолимому стремленію. Такъ онъ почувствовалъ, что водка ему вредна и въ отношеніи здоровья, и въ отношеніи его общественнаго положенія,—и вотъ онъ разомъ отказывается отъ нея совершенно, и довольствуется портвейномъ; воля его сильна, потребности водки, влеченія къ алкоголю нѣтъ, и онъ безъ всякаго труда воздерживается.

Но кромѣ алкоголя, кромѣ семейной склонности и личнаго влеченія къ грубому насилію, его ведетъ на дорогу преступленія еще и половое стремленіе, и это одно обстоятельство уже говоритъ противъ болѣзненности алкогольнаго происхожденія его психическаго склада. Алкоголикъ—прежде всего субъектъ очень слабый, или даже совсѣмъ безсильный въ половомъ отношеніи;

безполезно говорить, что все слѣдствіе есть рядъ доказательствъ обратнаго у К—ва.

Отмѣтимъ особенность, констатируемую всѣми авторами при алкогольной дегенераціи, именно утрату сознанія требованій нравственности и чести, характерную для этой формы алкоголизма. Не только ничего подобнаго нѣтъ у К—ва, но, напротивъ, онъ очень ревниво оберегаетъ созданную имъ себѣ въ воображеніи роль *„извѣстнаго бойца безъ страха и упрека“* *, старается блеснуть благородствомъ, великодушіемъ, щедростью, и когда его спрашиваютъ о фактахъ, совсѣмъ не имѣющихъ этого характера (напр., какъ онъ, принудивъ жену согласиться на фиктивное обвиненіе ея въ супружеской невѣрности, чтобы разводъ былъ произнесенъ въ его пользу и противъ нея *, заставилъ еще ее-же заплатить всѣ расходы по этому дѣлу изъ своихъ денегъ *; какъ онъ, получивъ деньги за проданную имъ землю, не выдавалъ купчей *; какъ К—ны были принуждены заплатить за него долгъ, и т. д.), онъ старается недомолвками, ложью, неясными фразами замаскировать некрасивую истину *; но онъ никогда не отвѣчаетъ тѣми наивными признаніями, циничными на взглядъ не-психіатра объясненіями, которыя такъ характерны для такъ называемой алкогольной дегенераціи.

Жизнь К—ва послѣ развода не измѣнилась по сущности, но она стала, какъ кажется, еще разгульнѣе. Здѣсь мы опять-таки видимъ, какъ видѣли и во всѣхъ предшествовавшихъ періодахъ, только усиленіе прежняго характера, количественное, но не качественное измѣненіе. У него въ домѣ нѣтъ жены, нѣтъ хозяйки, онъ на положеніи холостяка, но безъ маритальной будущности, и которому нѣтъ болѣе причины стѣсняться. Повидимому, фактъ развода и опустѣніе дома произвели на него замѣтное впечатлѣніе; онъ распродалъ, что могъ, и уѣхалъ въ Саратовскую губернію, гдѣ живутъ его родственники. Здѣсь, на новомъ мѣстѣ, съ новыми людьми и въ новыхъ условіяхъ, онъ держитъ себя осторожнѣе, мало пьетъ и въ пьяномъ видѣ не распускается. Чужіе люди ему импонируютъ, онъ неувѣренъ, какъ будутъ приняты его выходки и насилія, боится не только встрѣтить отпоръ, но и потерпѣть пораженіе. Это послѣднее соображеніе должно было тѣмъ болѣе сдерживать его, что характеръ низшаго класса въ Поволжьи вообще, а въ южномъ тѣмъ болѣе, рѣзко отличается отъ характера того-же класса въ черноземномъ центрѣ. Различныя этническія, историческія и экономическія причины, говорить о которыхъ здѣсь, конечно, не мѣсто, создали тамъ совсѣмъ другой типъ крестьянина, значительно болѣе самостоятельный, съ значительною степенью сознанія своихъ правъ, своей личной неприкосновенности, и съ неизмѣримо меньшимъ наслѣдственымъ историческимъ подобострастіемъ передъ привилегированнымъ классомъ. Поэтому въ жизни К—ва, во время его пребыванія въ

Саратовской губерніи, рѣзко сказывается двойственность,—большая сдержанность относительно людей, которыхъ онъ побаивается, и обычная дерзость и насильственность, если онъ имѣетъ случай убѣдиться, что насиліе сойдетъ ему безнаказанно съ рукъ. Мы имѣемъ показанія крестьянъ, у которыхъ онъ нанималъ квартиру; имъ нѣтъ причины скрывать, и тѣмъ болѣе извращать истину, какъ это можно ожидать отъ крестьянъ Малоархангельскаго уѣзда, и потому показанія ихъ заслуживаютъ особаго вниманія и полнаго довѣрія.

„К—шевъ, Дм. П., жилъ у меня на квартирѣ семь мѣсяцевъ. У него была любовница нѣмка—съ другими женщинами—К. не сходился. Пилъ онъ водку не постоянно, а временами — мѣсяцъ и пьетъ, а другой мѣсяцъ и не пьетъ. К—въ, когда жилъ у меня на квартирѣ, занимался только охотой. — *Въ продолженіе семи мѣсяцевъ — онъ не проявлялъ буйнаго и распущеннаго характера*, и велъ себя смирно.— Я не считаю К—ва сумасшедшимъ, по моему онъ умный человѣкъ*“ (К — кинъ, „австрійскаго толка“, слѣдовательно болѣе требовательный относительно и нравственности, и порядочности жизни, и декорума).—„Жилъ онъ (К—въ) у меня не долго, немного болѣе мѣсяца.—К. ничѣмъ, кромѣ охоты, не занимался.—*Водку хотя пилъ, но не много—живя у меня, не буянилъ и не развратничалъ.*—Ни сумасшедшимъ, *ни даже страннымъ мнѣ не казался**“ (Иванъ Б—совъ.) — „Дм. П. К—въ жилъ у меня на квартирѣ не болѣе недѣли—только первые три дня Пасхи онъ пьянствовалъ—въ это время къ нему *черезъ окно, безъ моего вѣдома, приводили одинъ разъ солдатку Домну*—но *объ этомъ узналъ отецъ Домны*, и явившись къ К—ву *выгналъ ее.*—За время проживанія у меня *К. не буянилъ и не казался мнѣ* страннымъ*“ (Степанъ М—ловъ.) — „*К. часто бывалъ у меня, но всегда трезвый* или не много навеселѣ—*никогда пьянымъ я его не видалъ.* Такъ какъ *я видалъ К—ва только трезвымъ*, то *не могу сказать, чтобы онъ былъ сумасшедшій или странный*“* (Фердинандъ Г—ъ, дворянинъ-землевладѣлецъ.)

Здѣсь мы имѣемъ показанія четырехъ лицъ, знавшихъ К—ва; въ этихъ показаніяхъ онъ рисуется намъ уже другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ мы его правильно и постоянно увидимъ въ его родномъ гнѣздѣ и временно въ Аткарскомъ уѣздѣ, но въ соприкосновеніи съ другими личностями, менѣе самостоятельными. Обратимъ вниманіе на то, что К—въ женщину приводитъ къ себѣ тайно отъ хозяина квартиры, черезъ окно, и не производитъ никакого побоища, а покоряется, когда крестьянинъ—отецъ этой женщины приходитъ къ нему, выгоняетъ дочь, и, конечно, читаетъ ему нравоученіе; онъ и пьетъ, но ведетъ себя очень смирно. Какъ все это мало похоже на К—ва въ Всесвятскомъ уѣздѣ! Мало похоже даже на К—ва въ этотъ-же періодъ

времени, но въ отношеніяхъ съ другими лицами, менѣе самостоятельными.

Молодой парень, тогда 24-хъ лѣтъ, хотя и грамотный, но безъ опредѣленнаго занятія и пропойца, разсказываетъ о томъ-же періодѣ жизни К—ва въ Аткарскомъ уѣздѣ: „К — въ — постоянно бралъ меня съ собой на охоту. На охотѣ мы много выпивали.—Увидя, что нѣмка (любовница) разговариваетъ со мною, К. приревновалъ меня къ ней, схватилъ ружье, и *выстрѣломъ изъ него убилъ свою любимую собаку.*—Я обманомъ только могъ уйти отъ К—ва; можетъ быть, я какимъ словомъ не угодилъ К—ву, вдругъ онъ схватилъ со стола ножъ и бросился на меня, я спасся*“ (Г—ловъ).

Такимъ образомъ единственный насильственный актъ, совершенный имъ, сводится въ концѣ концовъ на что?... „онъ хватаетъ ружье“, какъ угрозу, и застрѣливаетъ... *собаку!!!* и притомъ *свою!!!* а съ крестьянами, у которыхъ онъ живетъ, съ отцомъ проститутки, онъ, что называется, тише воды, ниже травы, но всесвятскій К—шевъ сказался и въ Аткарствѣ: *въ домѣ его зятя* С—това онъ избилъ его прислугу, малоархангельскую поповну, родную сестру своей любовницы*. Но эта поповна, которая во Всесвятскѣ, очевидно, промолчала-бы, здѣсь подала жалобу земскому начальнику, а земскій начальникъ привлекъ К—ва къ отвѣтственности. К. испугался, хотѣлъ получить свидѣтельство о болѣзни, чтобы избѣгнуть суда или выиграть время, получилъ, очевидно, отъ врача отказъ, и „не явился, прислалъ свидѣтельство о болѣзни, подписанное „*за земскаго врача*“ какою-то неизвѣстною фамиліею безъ обозначенія кто подписавшійся, безъ печати* и т. д. (Протоколъ земскаго начальника.) Правда, ходятъ какіе-то смутные слухи о какомъ-то преступленіи, но если даже такое и было, то оно во всякомъ случаѣ сдѣлано тайно и всѣ концы схоронены.

Въ Саратовской губерніи у К—ва ничего циническаго, открыто насильственнаго, неудержимаго не проявляется,—напротивъ. Совсѣмъ другимъ мы видимъ его во Всесвятскомъ уѣздѣ, въ его родномъ гнѣздѣ въ черноземномъ центрѣ. Здѣсь онъ у себя дома, ему стѣсняться нѣтъ надобности, да нѣтъ и причины: среда его класса не отвертывается отъ него, не брезгуетъ имъ, въ ней онъ не встрѣчаетъ ни негодованія или отвращенія, ни энергичнаго отпора. Для людей низшаго класа онъ „баринъ“, они боятся его, такъ какъ старое обычное право разрѣшаетъ ему всякія насилія надъ ними, а вѣры въ новое, писанное, очевидно, у нихъ нѣтъ.

Посмотримъ на К—шева съ равными.

Г. Кар—нъ разсказываетъ, что въ первый-же моментъ его знакомства съ К—вымъ, который „показался ему очень любезнымъ“, тотъ подарилъ ему *четырехъ борзыхъ собакъ,* и не смотря

на всѣ его отказы, долженъ былъ принять ихъ,*) и отдарилъ его двумя кинжалами. * Но К. сталъ вскорѣ менѣе любезенъ: повздоривъ на охотѣ изъ-за зайца, К—въ *„грубо обругалъ меня и плюнулъ мнѣ въ лицо.* За такое нахальство *я зайцемъ ударилъ* его *въ лицо.**" (Кар—нъ.) Дѣло пошло было на дуэль, но несостоялось... *за недосугомъ* (sic!) и противники вскорѣ „примирились до новаго скандала.*" Затѣмъ произошла уже приведенная выше сцена, когда К—въ, „обращаясь къ моей женѣ, разсказываетъ Кар — нъ, говорилъ скабрезности, и наконецъ *сказалъ что-то весьма неприличное—теперь не помню что именно,*—студенту удалось кое-какъ *вывести пьянаго К—ва**"— К—въ со скандаломъ разводится съ женою, затѣмъ, поссорившись съ ея дядей Александромъ К—нымъ, тайно разбиваетъ у него окна въ домѣ. * Но другой дядя его жены, братъ Александра, Сергѣй К—нъ, выручаетъ его, когда онъ сватается за несовершеннолѣтнюю дѣвочку, и посылаетъ ему ложную телеграмму, чтобы дать ему возможность „бѣжать", такъ какъ „жениться онъ не думалъ, а желалъ только воспользоваться ея (невѣсты) молодостью*". Г—ловъ разсказываетъ, какъ К — въ ждалъ его на дорогѣ, чтобы *избить его плетью*: но у того былъ револьверъ, которымъ онъ пригрозилъ К—ву. „К—въ смирился—*они разцѣловались**", и пріятельскія отношенія ихъ не пострадали отъ этого обстоятельства, которое свидѣтель характеризуетъ „эксцентричностью*". Тому-же свидѣтелю онъ (К—въ) говорилъ что *выпоретъ,* или уже *выпоролъ* (слово *пороть* есть одно изъ обычнѣйшихъ въ лексиконѣ этой мѣстности) *тещу,* „что дѣйствительно было", прибавляетъ свидѣтель. * Съ нимъ-же былъ еще такой случай. Въ качествѣ служащаго по полиціи, онъ привлекъ кого-то къ отвѣтственности за слишкомъ скорую ѣзду по городу, К—въ пригласилъ его самого ѣхать купаться, взялся править лошадьми и погналъ по городу, по которому и прокатилъ свидѣтеля, * заставляя его, полицейскаго чиновника, какъ-будто нарушить полицейское постановленіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что „эксцентричныя выходки" К—ва представляютъ на нашъ взглядъ поражающее отклоненіе отъ того комплекса идей и чувствъ, которому французскіе психологи дали образное имя âme moderne. Но дѣло именно въ томъ и состоитъ, что здѣсь âme еще совсѣмъ не moderne, и потому и ея критерій не примѣнимъ здѣсь,—приведенные только что факты краснорѣчиво доказываютъ это. Вспомнимъ еще нѣкоторыя подробности, напр. какъ оскорбленный мужъ, преступная жена и подъисканные свидѣтели супружеской невѣрности мирно играютъ въ трактирѣ въ дурачки * и т. д.

---

*) Извѣстно, что Чичиковъ такъ и не принялъ кобеля, котораго ему хотѣлъ дать Ноздревъ.

Если таковы нравы и пріемы К—ва въ обществѣ равныхъ, то каковы они должны быть по отношенію къ низшимъ? Это мы увидимъ изъ многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній. Разсказъ г-жи К—ной особенно богатъ фактами, но между ними такъ много невѣрныхъ—это доказано слѣдствіемъ—что мы будемъ пользоваться только тѣми, которые приводятся или подтверждаются также другими свидѣтелями; ихъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы представить картину. Нѣкоторые факты были уже приведены выше, — напр. какъ онъ избилъ въ домѣ своего зятя экономку, за что былъ присужденъ къ тремъ мѣсяцамъ ареста. Вотъ что разсказываетъ мѣстный помѣщикъ г. Г—ловъ, который, какъ сосѣдъ и пріятель К—ва, и въ то же время полицейскій чиновникъ, представляетъ полную гарантію точнаго знанія дѣла. „Про безобразія К—шева невозможно всего пересказать, такъ про нихъ много слуховъ ходитъ; между прочимъ, ко мнѣ обращались за совѣтомъ, какъ поступить крестьянамъ, арендовавшимъ его землю, такъ какъ К—шевъ, заставъ ихъ лошадей на его землѣ, *стрѣлялъ въ нихъ* (лошадей)—*билъ ихъ* (крестьянъ)—махая топоромъ передъ нимъ (рядчикомъ), угрозою убить заставилъ выпить три стакана водки—и когда плотники, боясь несчастья, стали останавливать его, *онъ бросился съ топоромъ на нихъ*; *они разбѣжались*; онъ *съ тремя рабочими, такими-же отчаянными, какъ и онъ самъ*, поскакалъ за ними верхомъ, *догналъ, но былъ ими избитъ. Когда приходилось мнѣ вручать ему какія-либо служебныя бумаги или отбирать подписки,—то нужно было всячески его упрашивать, ждать долгое время, пока онъ согласится подписать нужную бумагу, причемъ часто обругаетъ площадно, а объясненій по дознаніямъ никакихъ не давалъ.*—Скандаловъ онъ дѣлалъ очень много, при чемъ *и его били**".—Когда урядникъ Воскресенскій пріѣхалъ къ нему для страхованія усадьбы и сталъ снимать планъ, К—шевъ, думая, что это пріѣхали описывать его имѣніе, „*избилъ полицейскаго урядника**". Чтобы недопустить до судебнаго разбирательства дѣло о побитіи стеколъ въ домѣ г. К—ина, К—шевъ „хотѣлъ *увезти кухарку его, свидѣтельницу побитія**" (Урядникъ 7-го участка Кр—ковъ.)—К—въ позвалъ насъ, Филимона, меня и Трофима, и спросилъ насъ, поможемъ-ли мы ему побить Н. Е—кова—мы молчали, не отказывались; князь заставилъ насъ клясться, но мы не стали. Тогда онъ сказалъ, что если такъ, то такихъ ему не нужно: на одного онъ надѣется,—это Филимонъ, тотъ не измѣнитъ.—К. позвалъ меня въ конюшню и говоритъ: я тебя, Василій, любилъ и буду любить, но за продажу меня ты с...с...—Я могъ-бы тебя застрѣлить, но такъ и быть прощаю, убирайся покуда цѣлъ*".—Казалось-бы, что это какой-то бредъ, но не такъ судитъ разсказчикъ; онъ очень серьезно справляется, за что онъ с...с..., за что его слѣдуетъ застрѣлить?* —„Прежде я бывалъ

охотникомъ (у К—шева). Ушелъ я въ виду того, что онъ очень *строгъ* къ служащимъ.—Князь позвалъ Филимона, спросилъ у него, любитъ-ли онъ его, будетъ-ли дѣлать все, что онъ, К—въ, заставитъ; *сожжетъ-ли?* Филимонъ сказалъ, что любитъ, все будетъ дѣлать, *сожжетъ кого прикажетъ*. Потомъ позвалъ Фатѣева (предъидущаго свидѣтеля), спрашивалъ о томъ-же, *и онъ отвѣчалъ то-же*; *онъ ихъ заставилъ креститься на икону*—мнѣ было слышно, какъ К—шевъ *собирался* убить изъ ружья или исколотить Е—кова*" (Б—новъ.)—„Однажды былъ у него мѣщанинъ Под—ловъ—только вдругъ К—шевъ крикнулъ своей собакѣ, очень злой, *взять*: *Собака къ этому была пріучена, кинулась на грудь* П—а, а К—въ ухватилъ ее за ошейникъ. П—въ такъ испугался, поблѣднѣлъ и присѣлъ*" (Е—ковъ.)—Я отъ всѣхъ слышалъ, что К—въ очень многимъ дѣлалъ непріятности своимъ вспыльчивымъ характеромъ; и мнѣ лично онъ грозилъ, *но бить боялся, такъ какъ я* много его сильнѣе.—Къ намъ пришелъ молодой парень—жалуется, что съ нимъ одинъ тутъ ѣздилъ съ двумя товарищами на охоту, его нанялъ подводчикомъ, *дорогой избилъ, лошадей отнялъ. Я догадался, что это К-въ,* который вскорѣ пришелъ къ намъ, кинулся на парня, началъ его душить. Аб—кинъ началъ уговаривать К—ва, а онъ закричалъ, что изобьетъ и его.—Онъ приказалъ своимъ работникамъ, какъ только увидятъ насъ, меня и Аб—кина, чтобы тащили къ нему въ домъ, а если не исполнятъ, то онъ ихъ побьетъ; при этомъ заставлялъ Филимона и Василія клясться передъ иконой, что они все исполнятъ, что онъ имъ прикажетъ, *зажечь кого или убить. Человѣкъ я сильный и не трусъ*—онъ (К—шевъ) не зналъ, что я вернулся изъ отлучки—*увидя меня, онъ испугался, перемѣнился въ лицѣ, поклонился мнѣ*, и я ему поклонился*" (Гол—ковъ.)—Арендаторъ части имѣнія Д. К. „слыхалъ, что онъ человѣкъ вздорный, но на разсчеты честный. Зимой онъ ни съ того ни съ сего надѣлалъ мнѣ дерзостей, *даже билъ меня нѣсколько разъ* (sic),—*я опять былъ у К—шева*, онъ поилъ меня лиссабонскимъ, *взялъ съ меня клятву*, чтобы я не предупреждалъ Е—кова, *котораго онъ хочетъ пригласить къ себѣ въ домъ, избить, а то и совсѣмъ убить*. При этомъ К—въ признался, что *онъ собирался сжечь мнѣ скирды хлѣба*, подходилъ къ нимъ, но кто-то помѣшалъ; это онъ хотѣлъ сдѣлать за то, что кто-то сказалъ ему, что я подкупалъ крестьянина За—ева не убирать ему хлѣба. *Меня К. позвалъ въ домъ. Сначала былъ любезенъ*, а потомъ говоритъ: теперь я узналъ,—вы имѣли связь съ моей Анютой и привозили Кор—на за тѣмъ-же. Я сталъ клясться передъ иконою дѣтьми, коихъ у меня семеро, что это неправда—тогда К. сказалъ ей (Аннѣ Андреевой): бей его по мордѣ! *Она по его понуканью ударила меня три раза по лицу во всю мочь*. Потомъ, затворивъ дверь, сказалъ: помни, К—шевъ не оставитъ этого такъ.*"

(Аб—кинъ).—Д. П. на охотѣ разсердился на своего слугу, который не такъ, какъ слѣдовало, повелъ собакъ и *выстрѣлилъ въ него,* причемъ онъ ранилъ слугу или лошадь—не помню*" (Николаевъ).—„Я слышалъ, что К—шевъ изнасиловалъ одну дѣвушку. Одну изъ нашихъ горничныхъ, молоденькую дѣвочку, К. *избилъ* за то, что увидѣлъ ее разговаривающею съ кучеромъ. Такъ какъ дѣвочка эта не поддавалась ему, то К., говорятъ, *взломалъ замокъ въ ящикѣ стола, выдумалъ кражу и заявилъ обвиненіе*—послѣдняя, *подъ вліяніемъ страха, уступила его требованію**" (К—на). Объ этомъ случаѣ пишущій два раза спрашивалъ К.—шева, тотъ слабо отрицалъ фактъ, отвѣчалъ по своему обыкновенію неопредѣленно, какъ онъ всегда отвѣчаетъ, когда не рѣшается прямо отрицать фактъ, который можетъ быть доказанъ. Но если этотъ случай не стоитъ внѣ сомнѣнія, то существуетъ другое показаніе, и именно показаніе жертвы, объ идентично такомъ-же образѣ дѣйствія К—ва относительно женщины, отъ которой онъ требовалъ уступки, „грозя, что все откроетъ тому человѣку, съ которымъ я живу, и поссоритъ меня съ нимъ*" (У. Z.)—Билъ-ли К—шевъ урядника, какъ указывается вскользь,—осталось безъ выясненія; мы знаемъ, что онъ хотѣлъ *„исколотить священника"*, *„на допросѣ ударилъ по щекѣ свидѣтеля*"*.

Нѣтъ сомнѣнія, что факты эти даютъ картину личности и жизни К—шева, и картина эта такова, что возбуждаетъ сомнѣніе въ психической нормальности его; остановимся поэтому на самыхъ фактахъ.

Дм. К—въ избилъ полицейскаго урядника; другой, гораздо болѣе высшій полицейскій не смѣетъ передавать ему повѣстокъ, К—въ ругаетъ его площадно и не даетъ никакихъ объясненій по запросамъ; билъ-ли онъ пристава или не билъ—вопросъ не имѣющій для насъ значенія, такъ какъ насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не достовѣрность актовъ, а ихъ психологія,—важно, что этому всѣ кругомъ вѣрили. Можно-ли считать эти дѣйствія безумными? Конечно, они были-бы таковыми въ нормальныхъ общественныхъ условіяхъ, когда за ними слѣдовала-бы настолько неизбѣжная репрессія, и попытка совершить подобный актъ была-бы настолько несомнѣнно неудачною, что даже мысль о немъ будетъ казаться нелѣпою. Но здѣсь мы видимъ, что эти акты совершаются въ теченіе многихъ лѣтъ, остаются совершенно безнаказанными, а по тону, которымъ о нихъ говорятъ, видно, что они не возбуждаютъ и особеннаго удивленія, и тѣмъ болѣе негодованія. Такимъ образомъ дѣйствительность несомнѣнно показываетъ, что *въ этой обстановкѣ, въ этихъ условіяхъ*, эти акты составляютъ, конечно, своеволіе, но нисколько не имѣютъ характера безумія,—вспомнимъ разсказы о помѣщичьей жизни прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Совершенно этого-же характера его попытка увести кухарку К — ныхъ,

единственную, какъ кажется, свидѣтельницу побитія имъ стеколъ въ домѣ К — ныхъ; секвестрація свидѣтелей, какъ извѣстно, практиковалась, какъ довольно обычное явленіе, помѣщиками прошлаго столѣтія при судебныхъ слѣдствіяхъ надъ ними.

К—въ травилъ мѣщанина собакой, дрессированной для этой шутки, и держалъ ее за ошейникъ, чтобы она только напугала, но не загрызла дѣйствительно. Есть ли это актъ звѣрскаго безумія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо посмотрѣть, какъ относятся современники къ актамъ подобнаго характера. Какъ-бы мы ни уходили далеко въ исторію, мы вездѣ находимъ звѣрскія безумія, забавы человѣческимъ ужасомъ, кровью,—но вездѣ они возбуждаютъ не только омерзѣніе и ужасъ, но еще болѣе удивленіе. Кай Калигула, маршалъ Жилль Ретцъ, Іоаннъ Грозный, ближе къ намъ графъ Шаролэ, маркизъ де Садъ,—составляли и для своихъ современниковъ непостижимую кровавую загадку. Но кто и когда относился такъ къ Пушкинскому генералъ-аншефу Троекурову, который точно также для шутки травилъ своихъ гостей низшаго ранга медвѣдемъ? Это была веселая забава властнаго барина, и мелкіе помѣщики, жертвы этой забавы, продолжали ѣздить къ „милостивцу“.

Разсердившись на охотѣ, К—въ стрѣляетъ въ слугу; актъ-ли это звѣрскаго безумія? Свидѣтель, сообщающій о немъ, не можетъ навѣрно припомнить, кого онъ ранилъ—лошадь..... или слугу! К—въ хотѣлъ *„исколотить священника“*, и *„выпоролъ“*—такъ по крайней мѣрѣ думали сосѣди—„тещу“; но объ этомъ говорятъ вскользь, какъ о поступкѣ, конечно, непохвальномъ, но и не выходящемъ, очевидно, изъ категоріи жизненныхъ случайностей, и опять свидѣтель не помнитъ, „выпоролъ“—ли онъ уже старую больную женщину, мать его жены, или только собирается „выпороть“. Арендаторъ Аб—кинъ жалуется, что ему надѣлалъ безпричинно „дерзостей“, и, совершенно неожиданно для читателя, прибавляетъ: *„даже билъ меня нѣсколько разъ“*. Казалось-бы,—вотъ уже ненормальное насиліе. Но затѣмъ мы видимъ, что Аб—кинъ снова идетъ къ К—ву, когда тотъ зоветъ его къ себѣ, и К—въ снова бьетъ его. К—въ *на допросѣ* слѣдователя, въ присутствіи властей, *бьетъ по лицу свидѣтеля*, и дѣло остается безъ послѣдствій,—ни власти, ни самъ битый свидѣтель, не находятъ этотъ актъ достаточно важнымъ, чтобы дать ему судебный ходъ. Плотники избили К—ва, предварительно обратившись сами въ бѣгство, но имъ, очевидно, въ голову не приходитъ ихъ *право* на неприкосновенность ихъ личности, ихъ право обратиться къ защитѣ закона и власти, какъ къ естественной ихъ защитѣ, такъ далеки отъ нихъ эти понятія. Избитые и обиженные К—мъ, они обращаются къ г. Z. не какъ къ полицейскому чиновнику за защитою, а какъ къ помѣщику—барину за совѣтомъ. У К—ва слуги нанятые, конечно,—другихъ болѣе и

не существуетъ—а между тѣмъ какія отношенія между ними? Несомнѣнно крѣпостныхъ безъ правъ и рабовладѣльца безъ обязанностей и отвѣтственности. Онъ заставляетъ ихъ клясться передъ иконою, что они по его приказанію совершатъ самыя тяжкія преступленія,—и они клянутся, а если не клянутся, то стараются лукаво ускользнуть. Изъ разсказа г. Z. пишущему и изъ его и другихъ показаній видно, что у К—ва были „удальцы—молодцы" *, „сорви—головы" *, съ которыми онъ считалъ возможными самыя грубыя насилія—и не ошибался. Если это есть фактъ, возбуждающійся сомнѣніе въ интегральности его психики, то логически онъ долженъ возбуждать такое-же сомнѣніе и относительно его сообщниковъ, шайкѣ психиковъ, держащей въ страхѣ цѣлую мѣстность, и еще болѣе относительно жертвъ, и тогда уже возникаетъ вопросъ объ эпидеміи нравственнаго помѣшательства или утраты нравственнаго чувства въ цѣломъ краѣ. Можно возразить, что остальныя дѣйствующія—или страдательныя—лица принадлежатъ общественному классу, стоящему на крайне низкой ступени по развитію, по образованію, по сознанію,—но мы видѣли, что Дм. К—въ стоитъ какъ разъ на этомъ-же нравственномъ, умственномъ и образовательномъ уровнѣ, что онъ всѣмъ своимъ существомъ, своею ближайшею наслѣдственностью, принадлежитъ къ этому-же классу, и потому надо примѣнять къ нему и тотъже критерій. Но мы слышали свидѣтелей и изъ другого класса, мы знаемъ факты,—и едва-ли эти факты и показанія даютъ намъ право вообще прикладывать здѣсь какой-нибудь другой, болѣе высокій критерій.

Но если эти акты и не безумны сами по себѣ, не носятъ патологическаго характера, то они могутъ имѣть его по своему modo faciendi; не составляютъ-ли они, хотя-бы подъ вліяніемъ алкоголя, неудержимыхъ порывовъ, которымъ К—въ долженъ былъ роковымъ образомъ слѣдовать? Надо посмотрѣть ихъ и съ этой точки зрѣнія.

Мы уже видѣли, что въ Поволжьѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя чужимъ, гдѣ у него нѣтъ престижа стараго мѣстнаго дворянина-помѣщика, да гдѣ и народъ менѣе поддается престижу этого рода, онъ, несмотря на свое пьянство, въ теченіе двухъ лѣтъ сдерживаетъ себя безусловно, сдерживаетъ настолько, что очень мирно отнесся къ отцу солдатки, когда тотъ выгналъ ее изъ его, К—ва, квартиры. Можетъ быть онъ былъ въ этотъ періодъ времени вообще въ другомъ психическомъ состояніи?—Нисколько. Онъ въ это-же время *избилъ въ домѣ своего дяди малоархангельскую поповну*, избилъ ее жестоко, * увѣренный, что это сойдетъ ему безнаказанно съ рукъ, вслѣдствіе того, что она въ услуженіи у члена его семейства, и что она родомъ изъ Малоархангельска, гдѣ можно съ людьми что угодно дѣлать. Но locus regit actum; его призываютъ къ суду,—и онъ труситъ, уклоняется, представ-

ляетъ фантастическія врачебныя свидѣтельства, и въ концѣ концовъ идетъ съ жертвой на мировую и откупается деньгами. Въ другой разъ онъ грозитъ своему охотнику оружіемъ, стрѣляетъ, но застрѣливаетъ—онъ, стрѣлокъ безъ промаха—*свою собственную собаку*! Такимъ образомъ цѣль достигнута, онъ напугалъ пропойцу и совершилъ актъ, который тамъ, въ Саратовской губерніи, не сошелъ-бы ему легко съ рукъ. Стрѣляя въ крестьянскихъ лошадей „*очень близко*“, онъ всякій разъ *промахивается*! Едва-ли самый плохой стрѣлокъ, стрѣляя *вблизи*, можетъ не попасть въ *лошадь*. К—въ знаетъ, что избить крестьянина, арендатора, урядника,—ему сойдетъ съ рукъ, но если онъ ранитъ, а тѣмъ болѣе убьетъ лошадь, то этого крестьяне ему не спустятъ, и онъ понесетъ денежную отвѣтственность. Мы видѣли, какъ онъ обращался съ арендаторомъ, который до обморока боится его, и онъ собирается даже поджечь его скирды съ хлѣбомъ—если только это опять не лганье и запугиваніе—но кто-то проходитъ мимо, и этого довольно, чтобы К—въ удержался и отказался отъ своего намѣренія. Точно также онъ не только отказывается отъ намѣренія „избить“, но „мѣняется въ лицѣ и вѣжливо кланяется“ * Гол—кову, человѣку смѣлому и физически „много сильнѣе его“. Онъ дѣлаетъ засаду, чтобы избить ногайкой г. Го—лова, но тотъ показываетъ ему револьверъ,—и онъ цѣлуется съ нимъ и жалуется на свои семейныя несчастія. Мы знаемъ также, что дѣлая скандалы дома, онъ разомъ, среди самой бурной сцены, становится мягокъ и любезенъ, „какъ ни въ чемъ не бывало“ *, если пріѣзжалъ кто посторонній *, особенно изъ болѣе или менѣе замѣтныхъ лицъ. Онъ „страшно бѣсился“ на молодого Николая Ш—и тѣмъ не менѣе „принялъ его очень любезно, когда онъ пріѣхалъ съ своимъ дядей *, человѣкомъ очень уважаемымъ и съ значительнымъ общественнымъ положеніемъ. Онъ и пьяный вполнѣ владѣетъ собою и сдерживаетъ себя, какъ мы видѣли, если считаетъ это нужнымъ. Отъ г-жи К—ной мы знаемъ, что онъ „умѣлъ улыбаться и быть веселымъ“, когда *въ душѣ у него клокочетъ адъ* (sic). А исторія съ смирнымъ и робкимъ парнемъ, котораго онъ избилъ, выгналъ, отнялъ лошадей и наконецъ сталъ душить, но тотчасъ успокоился, когда его остановилъ человѣкъ физически сильнѣе его,—развѣ это не цѣликомъ сцена платы носильщикамъ въ Мольеровской Précieuses ridicules? т. е. насиліе надъ робкимъ и отступленіе передъ смѣлымъ.— К—въ „строилъ разные планы, какъ заманить Колю Ш (котораго онъ подозрѣваетъ въ интимныхъ сношеніяхъ съ его женой) въ ихъ домъ, застрѣлить... употребить ядъ. Во всѣ подобныя комбинаціи онъ вводилъ жену соучастницею и требовалъ отъ нея клятву, что она будетъ помогать ему“ *. Выше было приведено, какъ онъ зазвалъ къ себѣ арендатора и крикнулъ своей любовницѣ: „бей его по мордѣ!“, что та и исполнила. *—

Оба эти факта точно цѣликомъ вырваны изъ знаменитаго дѣла Фенаріу (убійство); въ нихъ можно—и должно—видѣть упоеніе своею минутною властью и силою, но они сами составляютъ уже отрицаніе непреодолимаго импульса. „Въ пьяномъ видѣ К—въ—сумасшедшій человѣкъ", говоритъ о немъ зять его г. С—въ *, но это утвержденіе не оправдывается фактами. Онъ становится дерзкимъ и грубымъ насильникомъ только тогда, когда онъ имѣетъ дѣло съ слабыми, низшими или робкими.

Поведеніе Дм. К—ва въ городѣ и общественное положеніе городскихъ свидѣтелей, т. е. той среды, въ которой К—въ вращался въ Орлѣ, очень характерны и составляютъ лучшій комментарій на оцѣнку К—ва и его обстановки. Въ числѣ деревенскихъ свидѣтелей мы видимъ помѣщиковъ, дамъ, полицейскаго чиновника, урядника, старостъ, арендатора,—городскими свидѣтелями являются исключительно проститутки—на дѣйствительной службѣ или отставныя—хозяйки квартиръ для проститутокъ, лакей и горничная изъ трактира съ спеціальнымъ характеромъ. Нравственная атмосфера деревни, произволъ, насиліе и безправіе, старое обычное право, фактически отмѣняющее писаный законъ, все это дѣлаетъ возможнымъ К—ву жить въ этой средѣ quasi-нормальною жизнью. Правда, его боялись, но съ этимъ страхомъ всѣ, видимо, примирились—примирились, конечно, низшіе, такъ какъ высшіе находили его только милымъ шалуномъ, „очень любезнымъ" и „вполнѣ приличнымъ", а дамы даже поэтичнымъ, героемъ изъ романа Eugène Sue, Байроновскимъ Лара. Но низшіе менѣе цѣнили его „страстную натуру". „На него и жаловаться боялись, чтобы не навлечь худшаго" *, разсказываетъ полицейскій урядникъ его участка.—„На всю округу К—въ наводилъ страхъ и ужасъ" *, говоритъ арендаторъ, нѣсколько разъ имъ битый и, очевидно, до дурноты боящійся его:—крестьяне боялись ходить мимо его усадьбы, какъ-бы не попасться на глаза К—ву и не прогнѣвить его. *Я всегда со страхомъ ходилъ къ нему, когда онъ звалъ меня,* а не идти нельзя—отомститъ. Мнѣ извѣстно отъ крестьянъ, которыхъ допрашивали на слѣдствіи, что *они отзывались о К—въ хорошо, съ одной стороны, потому, что они боялись его еще и теперь, а съ другой стороны—имъ жаль К—ва, потому что онъ и безъ того пострадаетъ*" *.—„Кто его желаніе не исполнитъ, говоритъ его сосѣдъ, помѣщикъ и полицейскій чиновникъ, тому онъ отомститъ—волей-неволей приходилось принимать его и сносить его штуки—если его принимали сосѣди, то единственно изъ боязни скандаловъ и даже болѣе серьезнаго" *. „15-го ноября, часа въ два дня, приходилъ ко мнѣ К—въ, но его не впустили. *Я изъ окна видѣлъ его и слышалъ,* что *онъ говорилъ моей женѣ* на крыльцѣ моего дома" *. (Ал. К—нъ).—Въ этой робкой средѣ К—въ усиливаетъ и особенно оттѣняетъ свое положеніе какого-то Ринальдо-Ринальдини, наслаждается сво-

ею властью, запугиваетъ окружающихъ, лжетъ имъ о своихъ прошедшихъ и будущихъ преступленіяхъ, хвастается безчувственностью—„мнѣ все равно, кого зарѣзать, хоть собаку, хоть человѣка“ *—похваляется передъ запуганнымъ арендаторомъ *. Но играя такую роль, пугая другихъ, онъ самъ ужасно трусить,—даже того самаго насилія, которымъ онъ живетъ: покорно сноситъ, когда его побьютъ, вѣжливо кланяется тѣмъ изъ крестьянъ, которые сильнѣе его физически, отступаетъ передъ дуэлью, и т. д. Но прежде всего, и больше всего, онъ боится правосудія и безстрастной, но и непреодолимой государственной власти,—правосудія и власти, которыя настолько чужды всей средѣ, что къ нимъ никто и не прибѣгаетъ, которыя представляются правда чѣмъ-то далекимъ, но стихійнымъ, исключающимъ всякое сопротивленіе, да и всякое обсужденіе, всякое возраженіе, всякій анализъ.—„Онъ блѣднѣлъ, если становой пріѣзжалъ съ какой нибудь бумагой“*. Особенно характерно показаніе, что Дм. К—въ, обвиняя жену въ преступленіи противъ него, какъ супруга, тщательно скрывалъ это обвиненіе отъ ея матери; „думаю, однако, что К—въ дѣлалъ это не изъ жалости къ женѣ, а просто боялся того, что *мать ея имѣетъ связи въ Петербургѣ и можетъ его упечь*“ *, разсказываетъ свидѣтельница, очевидно сама вѣрящая, что можно „*упечь*“ (bis) мужа дочери, если онъ не примирится съ фактомъ, что его жена имѣла связь до брака.

Въ Орлѣ мы видимъ К—ва уже совсѣмъ въ другомъ положеніи; онъ не встрѣчается болѣе съ равными, да и изъ низшихъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе только и исключительно съ безправными, съ проститутками и со всѣми тѣми, кто кормится около проституціи: извозчиками, которыхъ посылаетъ на тайныя квартиры за „дѣвушками“, съ прислугой знаменитаго „Саратова“. Но и въ „Саратовѣ“ „бушевать К—въ не бушевалъ“ *, такъ какъ это не безопасно въ полицейскомъ отношеніи, и не смотря на свои кутежи, онъ ни разу не подалъ повода къ полицейскому вмѣшательству. Съ прислугой, которая въ такомъ заведеніи, какъ „Саратовъ“—онъ уже не первый разъ фигурируетъ въ нашей экспертизѣ—должна многое переносить, онъ дѣйствовалъ въ обычномъ духѣ, оскорбительно и съ насиліемъ, но и тутъ нельзя провести никакой параллели съ тѣмъ, что онъ совершалъ въ деревнѣ. Правда, онъ вытолкалъ въ шею *, можетъ быть даже и побилъ буфетчика, стыдливость котораго была оскорблена, когда К—въ привезъ разомъ „семь дѣвушекъ“, и который пытался призвать К—ва къ болѣе добродѣтельному образу жизни—обыкновенно К—въ довольствовался двумя *—однако и тутъ никакого скандала онъ не произвелъ, а только пригрозилъ *. Но и здѣсь онъ „*въ морду* всегда готовъ былъ дать“ *, говоритъ горничная; „такъ и наровитъ кого *въ морду* заѣхать *, повторяетъ коридорный.

Того-же характера различіе, какое констатируется между К—мъ въ деревнѣ и К—мъ въ городѣ, констатируется и между отношеніемъ городскихъ и отношеніемъ деревенскихъ жителей къ К—ву. Мы уже видѣли выше, что „дамы дарили его своимъ вниманіемъ", послѣ чего „онъ дѣлался съ ними грубъ и дерзокъ", находили его „любезнымъ", „привлекательнымъ", и очень жалѣли, что онъ „потерялъ почву подъ ногами" и даже „пересталъ вѣрить въ Бога". Городская жительница, хотя и крестьянка, къ которой онъ „приставалъ съ любезностями", отвергла его,—„онъ былъ ей противенъ, вѣчно пьяный и грязный" *. Мы слышали снисходительные и сочувственные отзывы его деревенскихъ сосѣдей; вотъ что говоритъ о немъ корридорный „Саратова": „кромѣ виноторговцевъ, да домовъ терпимости, никто не будетъ поминать К—ва" *. И корридорный оказался прозорливцемъ-психологомъ; вотъ что говоритъ о К—вѣ содержательница дома терпимости: „хорошій былъ баринъ, отъ роду такихъ не знала, плохого отъ него не видала; пилъ онъ много, но всегда былъ въ своемъ умѣ" * и т. д...

Мы прослѣдили Дм. К—ва въ его генеалогіи, въ его дѣтствѣ, отрочествѣ, юности, зрѣломъ возрастѣ, и довели анализъ до періода, непосредственно предшествующаго убійству; перейдемъ теперь къ самому убійству.

За годъ, и даже нѣсколько больше нежели за годъ, до преступленія К—въ пересталъ пить водку, и пилъ только вино. Вино онъ пилъ въ большомъ количествѣ, повидимому, не сплошь, а *временами кутилъ*. Вино онъ переносилъ необыкновенно легко, такъ что могъ выпить огромное количество *, не теряя не только самообладанія, не только правильнаго разсужденія, но даже и физическаго равновѣсія *. Урядникъ видалъ его не разъ „навеселѣ", но не пьянаго *; другіе свидѣтели показываютъ, что онъ хотя и „пилъ много, но былъ всегда въ своемъ умѣ" *. Служащіе въ „Саратовѣ", гдѣ онъ пилъ всего больше—онъ считалъ „большимъ шикомъ" пріѣхать въ Орелъ, остановиться въ „Саратовѣ" и „кутнуть", но это онъ могъ позволить себѣ при деньгахъ, которыя водились не часто—показываютъ, что онъ „не напивался до безчувствія и всегда помнилъ трезвый, что дѣлалъ пьяный" *. Но если онъ не страдалъ алкогольной дегенераціею, то первые признаки алкоголизма начинали уже сказываться: онъ уже начиналъ „скучать, когда утромъ встанетъ и нѣтъ спиртныхъ напитковъ" *. Испуганный этимъ, онъ значительно уменьшилъ употребленіе вина, и явленіе это исчезло въ деревнѣ и не возобновлялось болѣе ни на свободѣ въ деревнѣ, ни въ тюрьмѣ.

Страдалъ-ли К—въ безсонницей? Относительно послѣднихъ лѣтъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, но относительно болѣе ранняго времени мы имѣемъ два противорѣчивыхъ показанія.

Г-жа К—на утверждаетъ—на какомъ основаніи, мы не знаемъ—что у него была безсонница *; показаніе это относится, впрочемъ, ко времени, лѣтъ на 10—12 предшествовавшему убійству. Жившая въ услуженіи у К—ва послѣ его развода N. говоритъ, что онъ никогда на безсонницу не жаловался *. Въ его пребываніе—правда кратковременное—въ больницѣ онъ спалъ очень хорошо; точно также не было у него въ больницѣ ни morositas matutina, ни vomitus matutinus; наконецъ—фактъ весьма важный—К. въ теченіе экспертизы два раза добывалъ себѣ водку, вслѣдствіе неустройства зданія и присутствія множества постороннихъ людей, проходящихъ черезъ дворы; былъ разъ совсѣмъ пьянъ, другой разъ „навеселѣ", и не только никакихъ позывовъ буйства у него не было, но когда онъ пытался начать любезности съ женской прислугой и его строго осадили, онъ тотчасъ же сталъ заискивающе извиняться *.

Объ образѣ жизни его въ его пріѣзды въ Орелъ мы говорить не будемъ,—онъ достаточно выясненъ. Отмѣтимъ за это время, какъ особенно рельефную черту психики К—ва, его крайнее тщеславіе, конечно, необыкновенно низменнаго свойства. Оно составляетъ фонъ его характера, главный мотивъ всѣхъ его дѣйствій, оно опредѣляло все его положеніе и поведеніе въ деревнѣ, но выказалось особенно характерно въ его городской жизни въ Орлѣ,—или мы, можетъ быть, болѣе знаемъ отъ городскихъ свидѣтелей его наивныя проявленія. Отмѣтимъ самодовольство, съ которымъ онъ разсказываетъ о любви къ нему „дѣвушекъ", смотритъ на ихъ ссоры изъ-за него *; его хвастовство, что проститутка, взятая имъ въ домѣ терпимости, „ни на кого его не промѣняетъ" *; его запугиваніе слабыхъ и робкихъ, арендатора, какого-то крайне небойкаго парня; похвальба безчувствіемъ, даже выдуманными преступленіями и распусканіе про самого себя легендъ; приведеніе къ клятвѣ передъ иконою, что его вѣрные „удальцы-молодцы" будутъ по его слову жечь и убивать,—хотя никакихъ такихъ геройско-разбойничьихъ актовъ онъ дѣлать и не собирается, и весь трагизмъ его сводится на то, чтобы зазвать къ себѣ запуганного арендатора, и рукою проститутки надавать ему пощечинъ; его хвастовство своимъ благородствомъ и безкорыстіемъ, вслѣдствіе чего онъ честно ведетъ свои показные разсчеты („совѣсть у него большая", образно говоритъ одинъ свидѣтель-крестьянинъ *)—что, однако, не останавливаетъ его отъ мелкихъ мошенничествъ *. Это тщеславіе, на которое уже было указано выше, составляетъ едва-ли не самую выдающуюся сторону его характера; мы его встрѣтимъ и въ дѣлѣ убійства.

Не смотря на крайне слабую впечатлительность К—ва, разводъ не прошелъ, однако, для него безъ нравственныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что онъ въ немъ игралъ очень некрасивую роль, что и было особенно чувствительно для его самолюбія и

тщеславія. Мы уже сказали, что послѣ развода онъ уѣхалъ въ Саратовъ, чтобы перемѣнить среду и обстановку; сверхъ того онъ бросился въ развратъ и окончательно погрязъ въ немъ. Ему скучно, можетъ быть даже печально, у себя въ имѣніи; онъ пріѣзжаетъ въ Орелъ, и здѣсь живетъ иногда недѣлю и болѣе въ квартирѣ проститутокъ *—повидимому, въ негласномъ домѣ терпимости—приглашаетъ проститутокъ въ „Саратовъ *", и вообще замыкается въ ихъ общество. Но онъ начинаетъ, какъ кажется, тяготиться своимъ одиночествомъ, чувствуетъ потребность создать себѣ домашнюю, внутреннюю жизнь, очагъ, ему нужна женщина въ домѣ. Гдѣ ее искать? Вѣрный своимъ вкусамъ, привычкамъ, всему своему нравственному складу—trahit quemque sua voluptas—онъ эту женщину подъискиваетъ въ публичномъ домѣ *. Но здѣсь нужно точно установить психологическій фактъ; мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ романическою страстью къ падшей женщинѣ; „*она*" для него не Marion Delorme, которой l'amour refera une virginité, даже не Manon Lescaut, — у него нѣтъ ни иллюзіи, ни страсти, это вовсе не кавалеръ Desgrieux, это просто „пріятный кавалеръ" изъ Малоархангельска. Ему нужно существо женскаго пола, и онъ отправляется подъискивать себѣ женщину „по случаю", подешевле, какъ искалъ бы себѣ по случаю ружье или гитару, предметы желаемой имъ роскоши. Въ своихъ похожденіяхъ по проституткамъ онъ „облюбовалъ *" себѣ одну и намѣтилъ взять ее къ себѣ жить; тогда „будутъ у него бывать знакомые, чему онъ будетъ радъ *". Но „если она *позволитъ себѣ* измѣнить (sic!) ему", то горе „измѣнщицѣ", горе и коварному другу! — Онъ убьетъ и ее, и того, кто ее *соблазнитъ* (sic!!!)—Въ сущности, Дм. К—шевъ желаетъ войти въ нормальную жизнь, въ общество, отъ котораго онъ отдалился, въ „порядочное общество", какъ его называетъ г-жа К—на, хочетъ видѣться съ знакомыми, принимать ихъ у себя, — и не находитъ для этого лучшаго средства какъ завести себѣ проститутку. Но онъ, „К—шевъ"—онъ всегда называетъ себя такъ и говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, когда хочетъ говорить высокимъ слогомъ — уже разъ былъ „обманутъ женщиной", — а это въ мірѣ и гораздо болѣе высокомъ нежели тотъ, въ которомъ онъ живетъ, дѣлаетъ человѣка нѣсколько смѣшнымъ—поэтому горе невѣрной! горе соблазнителю! Его тщеславіе жестоко пострадало разъ, теперь онъ, еще не взявъ даже себѣ женщину, уже рисуетъ себѣ романическія картины „невѣрности", „мщенія",—„*Черная Шаль*", „Не взвидѣлъ я свѣта булатъ загремѣлъ", — Отелло и „*Англійскій Милордъ Георгъ*" — и самъ К—шевъ въ блескѣ героя романической трагедіи,—а тамъ, а тамъ... что-то довольно неопредѣленное, но несомнѣнно героическое и тріумфальное. Было ли все это заранѣе намѣчено въ его умѣ? Готовился ли онъ къ этому, желалъ ли этого? Можетъ быть и нѣтъ. Но въ неопредѣленныхъ мечтахъ о будущемъ, ему

рисовались эти картины изъ романовъ и повѣстей, которыми зачитываются въ лакейскихъ и казармахъ. Подобное психическое состояніе мы видѣли недавно у NN; тотъ совершилъ убійство неожиданно для себя,—но это убійство уже было у него въ мозгу о немъ онъ думалъ несознательно, картина его уже рисовалась ему въ мечтахъ, вылилась даже въ его „испанскихъ мотивахъ“ трагическими стихами—увы! въ тонѣ Кузьмы Пруткова:

Лобзанья... вдругъ
Пришелъ супругъ.
„Умри, подлецъ!“
Всему конецъ.

Не надо смѣяться надъ этими нелѣпостями, мы видимъ, что они могутъ привести къ убійству; жизнь лучше Достоевскаго, лучше Гюго умѣетъ смѣшивать трагедію и буфонство, Кузьму Пруткова и кровь.

Конечно, такія идеи „мщенія за невѣрность“, „смыванія кровью пятна измѣны“ нѣсколько странны въ примѣненіи къ проституткѣ, взятой изъ дома терпимости, и ихъ едва ли можно считать нормальными. Но эта ненормальность относится ли къ личности и нравственному складу К—шева? Нѣтъ, тутъ ненормальна вся обстановка, ненормальны всѣ отношенія, и не могутъ быть иными въ мірѣ полового безумія. Превосходная работа д-ра Тарновской о проституткахъ и воровкахъ показала намъ психопатію нормою, можно сказать, у большинства проститутокъ; психическая картина міра, въ которомъ жилъ К—въ въ Орлѣ, совершенно подтверждаетъ указанія и выводы г-жи Тарновской. Мы видимъ, что Анна Андреева (убитая) сама разсказываетъ К—шеву о своихъ „невѣрностяхъ *“, лжетъ на себя въ этомъ отношеніи, выдумываетъ несуществующихъ личностей и небывавшіе факты,—что она жила съ роднымъ братомъ и имѣла 12-ти лѣтъ отъ него ребенка, что она связалась съ какимъ то несуществующимъ нѣмцемъ *,—и въ то же время ревнуетъ К—шева, душитъ свою товарку Туманову *, и т. д. Мы даже встрѣчаемъ въ показаніяхъ разсужденіе о томъ, какъ поступаетъ проститутка, если она любитъ своего... партнера *; очевидно, къ этому міру и къ этимъ личностямъ надо примѣнять совершенно исключительный, спеціальный критерій.

Жизнь въ деревнѣ Анны Андреевой была, повидимому, весьма печальна; въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Орелъ она провела вечеръ съ сестрою, 16-ти лѣтнею дѣвушкою, и все время проплакала. На вопросы сестры она отвѣчала только: „не твое дѣло, ты еще молода, не знаешь, какая моя жизнь плохая; если-бъ я знала, не поѣхала бы туда, не пересказывай только мамашѣ *“. Въ послѣдній свой пріѣздъ Анна Андреева не хотѣла возвращаться въ деревню *, и если К—въ говоритъ, что она сама упрашивала его не бросать ее и взять опять къ себѣ *, то онъ го-

ворить неправду. Между Анною и имъ были какіе то „нелады“; „видно, что онъ былъ недоволенъ ею, придирался къ каждому ея слову, что бы она ни сказала“; при этомъ у него глаза были такіе быстрые, сердитые, разсказываетъ мать Анны Андреевой *. Анна говорила даже, будто онъ хотѣлъ удавить ее въ деревнѣ *. Пугалъ ли онъ ее дѣйствительно, какъ это дѣлалъ съ другими, или она лгала, какъ лгала много другого—знать нельзя; во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что она не хотѣла болѣе возвращаться съ К—шевымъ въ деревню. Онъ упрашивалъ, уговаривалъ, сердился, грозилъ, но она упорно отказывалась, и изъ-за этого у нихъ были ссоры въ гостиницѣ. „Не поѣду въ деревню, вотъ при мамашѣ говорю, что не поѣду“ твердила Анна. К—въ продолжалъ упрашивать и угрожать, то становился на колѣни передъ нею, то кричалъ: „нѣтъ, поѣдешь! не смѣешь не ѣхать! Я тебя не отпущу *“. Но при этомъ съ обѣихъ сторонъ были произнесены весьма знаменательныя слова, освѣщающія дѣло. К—въ, стоя передъ нею на колѣняхъ, говорилъ ей: „Анюта, поѣдемъ, поѣдемъ, ничего тебѣ не будетъ, клянусь тебѣ Богомъ; вотъ Богъ свидѣтель, ничего не будетъ“.—„А чего не будетъ—не говорилъ“, прибавляетъ мать Анны. — „Анна въ этихъ случаяхъ (изъ показанія должно заключить, что такихъ сценъ было нѣсколько) все плакала *. Одинъ разъ Анюта сказала: „не поѣду, Митя, ты непремѣнно меня убьешь или зарѣжешь; хоть вещи мои предоставь тогда мамашѣ“. К—шевъ на это съ благородствомъ отвѣчалъ: „самъ привезу *“.

Мы не знаемъ, зрѣла ли у К—ва мысль объ убійствѣ сознательно для него самого, или она оставалась подъ порогомъ сознанія, но она, очевидно, держалась, и ее знала, подозрѣвала, или только чувствовала, можетъ быть, жертва. Для насъ точно также остается неизвѣстнымъ, присоединились ли къ этой мысли и какіе-нибудь мотивы болѣе положительнаго характера, какъ это намѣчается изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, но намъ и дѣла нѣтъ до мотивовъ; мы призваны не судить фактъ убійства, а по возможности поставить діагнозъ состоянія убійцы во время совершенія имъ его кроваваго акта. Мы знаемъ, что онъ обвинялъ Анну Андрееву въ „измѣнѣ“, въ интимныхъ сношеніяхъ съ купцомъ Гов—ымъ *, съ другими *, которыхъ къ ней водилъ Филимонъ; по этому поводу было много происшествій, — ссоры, битье арендатора, угрозы Е—кину, наконецъ отправка Анны къ Гов—ву со старостой ближайшаго села,—но все это не характеризуетъ психическаго состоянія К—ва, не даетъ новыхъ элементовъ для дифференціальнаго діагноза: преступленіе или умопомѣшательство? Вопросъ о томъ, было ли у него подозрѣніе—или убѣжденіе—патологическаго характера о какомъ-то преслѣдованіи его К—ными, уже обсуждался выше, и было показано, что никакого слѣда параноическаго бреда преслѣдованія или воздѣйствія на его личность, волю или судьбу у него не было. Позже онъ

объясняетъ, что Анна сама ему говорила о своихъ сношеніяхъ съ К—ными *), и прибавляетъ: „*я ей повѣрилъ*; она разсказала расположеніе комнатъ дома К—ныхъ, какъ оно есть *“. Анна много лгала, и особенно любила лгать на себя—повидимому она была истеричка; но и К—въ тоже не стѣсняется извращать истину, чтобы дать убійству особый характеръ, и мы такимъ образомъ лишены всякой возможности возстановить фактическую истину. Но параноическій бредъ есть явленіе хроническое, и потому онъ долженъ былъ бы и предшествовать убійству, и остаться послѣ его совершенія; ни до, ни послѣ акта его нѣтъ и слѣда. Уже самая фраза, что „онъ ей повѣрилъ“, вытекаетъ изъ совершенно другого психологическаго источника, чѣмъ параноическія утвержденія. Ему о сношеніяхъ говорила Анна, — предполагая, что она дѣйствительно говорила—т. е. сама участница дала фактическое доказательство существованія этихъ сношеній, и *онъ ей повѣрилъ*,—другими словами онъ почерпнулъ свое знаніе изъ точнаго и непосредственнаго сообщенія факта другимъ, несомнѣнно освѣдомленнымъ лицомъ, а не изъ недомолвокъ и намековъ совершенно чуждыхъ этому дѣлу людей, не изъ символическихъ указаній, не изъ галлюцинацій, не изъ своей собственной интимной увѣренности, что составляетъ самую сущность параноическаго бреда.

Наканунѣ убійства К. отправилъ отъ себя Анну Андрееву къ живущему по сосѣдству купцу Го—ву, женатому, семейному человѣку, котораго онъ подозрѣвалъ въ кратковременныхъ интимныхъ сношеніяхъ съ Анной Андреевой. Анна не хотѣла ѣхать въ семейство къ незнакомому или мало-знакомому человѣку и поздно вечеромъ, но К. *призвалъ старосту сосѣдняго села и приказалъ ему отвезти* Анну къ купцу Го—ву въ домъ, и староста, мѣстная полицейская и административная власть, безпрекословно исполняетъ его приказаніе *. Анна, однако, возвращается къ К—ву, не доѣхавъ до Го—ва, и К—въ принимаетъ ее, но тутъ-же говоритъ старостѣ, что онъ „завтра позоветъ опять его къ себѣ, онъ уже знаетъ зачѣмъ“ *, дѣлая намекъ на имѣющее совершиться трагическое событіе.

Цѣлый рядъ вполнѣ согласныхъ показаній ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что К—въ многимъ говорилъ объ „измѣнѣ“ Анны, что онъ этого не потерпитъ и жестоко отомститъ, но въ высшей степени сомнительно, чтобы месть была дѣйствительно рѣшена въ его умѣ. Во всякомъ случаѣ онъ не останавливается стойко мыслью даже на ближайшихъ и несомнѣнныхъ послѣдствіяхъ акта. Онъ намекаетъ на него старостѣ, но самъ какъ-будто мало

*) На судѣ было объяснено, что если таковыя сношенія были, то они мотивировались совершенно справедливымъ желаніемъ семейства К—ныхъ вызвать пересмотръ бракоразводнаго дѣла.

въ него вѣритъ,—состояніе совершенно специфическое, характерное для очень важныхъ личныхъ рѣшеній у слабыхъ людей, и особенно рельефно выступающее у трусливыхъ самоубійцъ. Это невѣріе въ самого себя, въ свою способность совершить такой важный, безповоротно рѣшающій всю судьбу шагъ, дѣлаетъ то, что слабые, нерѣшительные, трусливые люди очень смѣло, какъ кажется, дѣлаютъ приготовленія, именно потому, что оставляютъ за собою возможность отступить въ послѣднюю минуту, а затѣмъ принимаютъ окончательное рѣшеніе и приводятъ его въ исполненіе съ невѣроятнымъ легкомысліемъ и поспѣшностью. Какъ извѣстно, это легкомысліе, эта полная неподготовленность не столько даже къ самому акту, сколько къ непосредственному и ближайшему его слѣдствію, составляетъ отличительную черту преступниковъ-новичковъ, ихъ „фабричное клеймо"— marque de fabrique, по техническому выраженію, заимствованному французскою сыскною полиціею изъ индустріи. Эту полную неподготовленность, это необыкновенное легкомысленное рѣшеніе, эту нелѣпую и неожиданную поспѣшность мы видимъ и въ двойномъ убійствѣ, совершенномъ К—вымъ.

Мы уже сказали, что К—въ не представляетъ никакого длительнаго психическаго страданія; поэтому намъ приходится теперь разсмотрѣть, не представилъ-ли онъ кратковременнаго, скоропреходящаго приступа, а такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, злоупотреблявшимъ спиртными напитками, то намъ нужно выяснить, не было-ли въ этомъ случаѣ алкогольнаго приступа въ какой-бы то ни было формѣ.

Наканунѣ убійства, 14 ноября, К—въ былъ „совершенно трезвъ" *, и при Са—вѣ вина не пилъ *; вина въ домѣ у него совсѣмъ не было, такъ что онъ сдѣлалъ условіе, чтобы въ счетъ слѣдующихъ ему денегъ Са—въ прислалъ ему двѣ бутылки портвейна и бутылку очищенной водки *. На другой день К—въ „былъ трезвый" *, когда пріѣхали къ нему Гр—овы и Са—въ. Покупателей К—въ угостилъ чаемъ и водкой, а самъ сталъ пить портвейнъ *, для чего была раскупорена одна бутылка; покупатели тоже выпили и портвейну, но немного, по глотку, говоритъ Са—въ *, во всякомъ случаѣ имъ изъ первой бутылки нѣкоторое количество вина было налито. Для Анны Андреевой К—въ налилъ полстакана вина *, наливалъ-ли онъ ей еще разъ, — изъ дѣла не видно. Са—въ оцѣниваетъ, что „К—въ выпилъ немного болѣе полубутылки" *). „На видъ онъ былъ вполнѣ трезвый" *, отмѣчаетъ въ своемъ показаніи свидѣтель. Вторую бутылку при свидѣтеляхъ только раскупорили. Мы знаемъ, что К—въ переносилъ необыкновенно большое ко-

*) На судѣ выяснилось, что Анна выпила два раза по полустакану и даже „*захмѣлѣла*", и оба покупщика выпили по 1/4 стакана.

личество алкогольныхъ напитковъ; самъ онъ замѣтилъ въ день убійства, показывая на бутылку: „неужели я съ нея могу быть пьянымъ?“ *. Онъ и свидѣтелямъ говорилъ вскорѣ послѣ убійства, что сдѣлалъ его въ трезвомъ видѣ *. Совершивъ свой кровавый актъ, онъ выпилъ весь остальной портвейнъ *, такъ что на его долю досталось бутылки полторы, и онъ „былъ трезвъ“, говоритъ одинъ свидѣтель,—„немного выпивши, но не пьянъ“ *, говоритъ другой.

Исторія совершенія убійства намъ извѣстна въ ея малѣйшихъ подробностяхъ; мы знаемъ, что говорилъ и дѣлалъ К—въ, какъ онъ предложилъ стрѣлять въ цѣль на пари, какъ прочищалъ пистонами ружье, какъ далъ Г—ву откупорить ящикъ съ порохомъ *, и т. д. Всѣ эти факты сами по себѣ не представляютъ для насъ интереса, такъ какъ намъ нужна только психологическая сторона событія, но мы должны отмѣтить полную связность, цѣлесообразность дѣйствій К—шева; но никто изъ свидѣтелей не замѣтилъ тоже у него растеряннаго, какъ-бы отсутствующаго вида, который бросается нерѣдко въ глаза самымъ ненаблюдательнымъ свидѣтелямъ при сумрачномъ состояніи (Dämmerungszustand) и при патологическомъ опьяненіи.

Наканунѣ убійства К—въ намекалъ на него, говоря загадочно старостѣ; принимая С. и Г. у себя, онъ нѣсколько нарушилъ свое настроеніе на трагическій тонъ, и долженъ былъ возстановить искусственно его у себя, тѣмъ болѣе, что, рѣшивъ уже разыграть героическую трагедію, это слѣдовало сдѣлать при свидѣтеляхъ. Но создать сценическую обстановку, провести систематически поднятый тонъ К—въ былъ не въ состояніи; его сухая, анти-поэтическая натура не могла дать даже актерской внѣшности трагедіи,—она могла дать только писарскую сантиментальность. К—въ обнимаетъ Анну, цѣлуетъ ей руку,—но и проситъ ее выпить портвейну и заставляетъ гостей „просить ее виномъ“ *— техническій терминъ писарского изящества. Затѣмъ онъ прочищаетъ и заряжаетъ ружье *, готовясь къ кровавому акту, который кажется ему не отвратительной бойней, но сценой изъ „Черной шали“, а чтобы и себя настроить, и трогательную сцену разыграть, онъ начинаетъ пѣть пѣсни *; можно быть увѣреннымъ, что если онъ не взялъ гитары, то только потому, что таковой не было. „Когда К—въ пѣлъ пѣсни, разсказываетъ Иванъ Г—въ, я увидѣлъ, что изъ глазъ его текутъ слезы, и сказалъ: „глаза барскіе, а слезы какъ у мужика“. Онъ посмотрѣлъ на меня такъ, что я страшно испугался, и сказалъ: „дуракъ ты, *необразованный* (sic!) мужикъ“. Я сталъ просить прощенія; онъ сказалъ, что прощаетъ, но я по виду его замѣтилъ неладное, сталъ намекать Са—ву, что нужно ѣхать“ *. Въ дополнительномъ показаніи своемъ тотъ-же Иванъ Гр—въ говоритъ, что К—въ, „обругавъ его необразованнымъ мужикомъ“, прибавилъ:

„ты не знаешь, что у меня здѣсь кипитъ", и показалъ на грудь *. „Я замѣтилъ по глазамъ К—ва, что творится что-то недоброе, повторяетъ Гр—овъ въ своемъ дополнительномъ показаніи, и звалъ Са—ва домой. К—въ нѣсколько разъ повторилъ: *смотрите, еще будетъ*!—что онъ хотѣлъ сказать *еще будетъ*, я не понялъ" *. Въ эту минуту К—въ плакалъ надъ самимъ собою; онъ себѣ казался трогательною жертвою, и ему было необыкновенно жаль самого себя. Ему при этомъ вовсе не приходитъ въ голову, что жертвы его тоже хотятъ жить,—онъ только видитъ патетическую картину, и въ ней себя въ роли героя и страдальца. Но проза жизни никогда не теряетъ своихъ правъ; патетизмъ минуты вызвалъ у К—ва выдѣленіе не только слезъ, но и мочи; „передавая порохъ, разсказываетъ дальше Иванъ Гр—овъ, я замѣтилъ, что К—въ стоялъ около табурета и мочился въ какую-то посуду, а Анна стояла около него"...

Убійство было рѣшено въ умѣ К—ва, но былъ-ли онъ самъ увѣренъ, что приведетъ это рѣшеніе въ исполненіе, что не испугается въ послѣднюю минуту и не отступитъ? Нѣтъ, онъ самъ, какъ мы уже сказали, самъ мало вѣрилъ, что совершитъ задуманный актъ, и оставлялъ себѣ выходъ, что все это только примѣриваетъ, что это все не серьезно,—иначе онъ навѣрно разыгралъ-бы свою трагедію при свидѣтеляхъ. Но его пугала мысль: а ну какъ я въ послѣднюю минуту струшу? выступлю и спасую? Онъ уводитъ свои жертвы въ спальню; тамъ продолжается пѣнье трогательныхъ романсовъ изъ писарскаго репертуара, которые онъ считаетъ поэзіей: *„конфетка моя янтарная, моренистая* (sic!);* вотъ доходитъ очередь до его любимой пѣсни, которую онъ прямо примѣняетъ къ себѣ: „пропадай ты, жизнь молодецкая!" Тутъ К—шевъ, не вѣрившій до сего времени, что у него хватитъ смѣлости убить, рѣшается вдругъ, разомъ, срыву, пожертвовать, какъ ему кажется, своею „жизнью молодецкою"; онъ восклицаетъ: „ну, Анюта, пропадай ты жизнь!" *—и начинается отвратительная бойня, но которая не претитъ ему, потому что онъ видитъ не умирающихъ, не кровь, а только себя въ трагической роли.

Что убійство, не смотря на всѣ приготовленія, было для него самого сюрпризомъ,—это можно видѣть изъ того, что онъ совершенно растерялся и былъ, кажется, въ первую миниту непрочь скрыть его и затереть слѣды преступленія. Са—въ и Г—въ были въ это время въ кухнѣ, куда они пошли курить; послышались два выстрѣла, но криковъ не было. * Затѣмъ въ кухню входитъ К—шевъ, *блѣдный*, и задаетъ своимъ гостямъ совершенно неумѣстный, казалось-бы, вопросъ, курятъ-ли они? и уходитъ снова во внутреннія комнаты. * Въ сущности, онъ вошелъ, чтобы убѣдиться, знаютъ-ли они о преступленіи, и не объявилъ имъ о немъ, неувѣренный, какъ поступить. Но затѣмъ онъ снова входитъ въ кухню и уже объявляетъ объ убійствѣ,

конечно, въ присущей ему патетически-тривіяльной, молодцеватой формѣ: „господа, пожалуйте посмотрѣть потѣху“*, можетъ быть онъ прибавилъ: „вотъ какихъ двухъ барановъ я свалилъ“*— показанія относительно этой фразы нѣсколько расходятся.

Если К — въ и до убійства уже надѣлъ трагическій котурнъ, то послѣ онъ рѣшительно влѣзаетъ на ходули. Въ виду трупа Анны и еще хрипящаго Филимона, онъ предлагаетъ удивленію и поклоненію свидѣтелей свою героическую и страдальческую особу: „Это люди, а *не скотина* (sic!!) говоритъ онъ: *я за нихъ долженъ отвѣтить. Вы не бойтесь, вамъ ничего не будетъ*“. Потомъ, показывая на Филимона: *„это былъ мой вѣрный* слуга, 20 лѣтъ служилъ мнѣ, а теперь сталъ *измѣнникъ.*“ * Когда Са—въ сталъ проситься домой, К—шевъ заявляетъ ему съ величавымъ презрѣніемъ: „ну! ты, трусъ, ступай,—а вотъ онъ (Иванъ Гр—въ) останется со мной, *онъ герой*“— и цѣлуетъ героя. * Ему въ голову не приходитъ, что сочувствіе свидѣтелей въ эту минуту имѣетъ объективомъ не его, а жертвы, онъ чувствуетъ себя рѣшительно героемъ дня, рисуется передъ Са—вымъ и Гр—вымъ, успокоиваетъ ихъ *за себя*, что „теперь *онъ съ собой ничего не сдѣлаетъ*, но *если его осудятъ*, то онъ себѣ горло перерветъ.“ *—Это *„если его осудятъ“* освѣщаетъ его интимное чувство; ему осужденіе представляется не логическимъ и непремѣннымъ слѣдствіемъ акта, а только случайностью, неудачею, конечно возможною, но которой онъ имѣетъ много шансовъ избѣгнуть. Да онъ мало и думаетъ объ этой случайности, она рисуется ему въ нимбахъ будущаго очень туманно, онъ весь поглощонъ настоящимъ, именно поклоненіемъ себѣ въ новой роли уже не только „молодца-удальца“, а трагическаго героя, Амалатъ-бека; онъ очень гордъ ею, очень наивно выражаетъ эту гордость, и теперь съ презрѣніемъ уже относится къ vulgum pecus, у котораго руки не въ крови. Это хвастовство героическою ролью послѣ убійства—мужемъ невѣрной жены, любовникомъ любовницы, даже дуэлистомъ своего противника—мы встрѣчаемъ чрезвычайно часто и въ сферахъ несравненно болѣе высокихъ, нежели сфера, въ которой сложился и жилъ К—шевъ, настолько часто, что едва-ли не обратное составляетъ исключеніе: „j'ai tué mon Armand Carrel, tuez donc un peu le vôtre, говорилъ Emile de Girardin.

Но К—въ не понимаетъ тонкой театральной игры, игры en grisaille; для него недоступно современное пониманіе, переводящее трагедію въ драму, а драму въ haute comédie,—ему по плечу только мелодрама самого низменнаго свойства, и потому онъ не замыкается въ „величавое достоинство мстителя“, но форсируетъ ноту, „скрежещетъ зубами“ *—мы видѣли, что это его единственное выраженіе „бурныхъ страстей“, которыя „кипятъ въ его груди“; онъ „пристрѣливаетъ—уже при свидѣ-

телѣ—хрипящаго Филимона,“ * и при этомъ приговариваетъ трагическія фразы объ „измѣнѣ“ этого *„халуя“* * (sic!).

К—въ посылаетъ Николая Гр—ова заявить о происшествіи властямъ, отпускаетъ домой Са—ова, но оставляетъ при себѣ Ивана Гр—ова: * ему, не смотря на Амалатъ-бекство, жутко остаться одному при трупахъ, но въ этомъ естественномъ чувствѣ онъ ни за что не сознается, оно не входитъ въ его идею о мелодрамѣ, „мужчина долженъ быть свирѣпъ“, вѣрилъ-бы онъ псевдо-испанской пословицѣ Базарова, если-бы читалъ „Отцы и Дѣти“.

Какъ уже было отмѣчено выше, тщеславіе играетъ у К—шева преобладающую, существенную роль. Совершивъ свой кровавый подвигъ, онъ становится на трагическія ходули; онъ герой, и съ презрѣніемъ третируетъ мелкихъ людей, командуетъ ими, какъ облеченный властью обаянія и героическаго ореола, рисуется передъ ними. Онъ съ милостивымъ пренебреженіемъ позволяетъ Са—ву уйти: „ты негодный трусъ, ступай! Вотъ онъ герой (Иванъ Гр—овъ), онъ останется“. Этому герою, у котораго душа въ пятки уходитъ, онъ велитъ пить съ нимъ вино; * герой посматриваетъ въ окно, съ нетерпѣніемъ ожидая прибытія властей которыя выручатъ его изъ крайне нежелательнаго геройскаго положенія. „К—евъ закричитъ на меня,—я брошусь передъ нимъ на колѣни, прошу прощенія,—К—въ поцѣлуетъ меня“ *. Мы уже видѣли, что онъ и на допросѣ даетъ герою пощечину. Пристрѣливая Филимона, онъ восклицаетъ: „я не потерплю, чтобы надо мною смѣялись.“ * —„Ему Сибирь не страшна, ему все равно“ *... „онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ“ или „перерветъ горло“ *) и т. д. Но для его героической роли слишкомъ мало публики; онъ ѣдетъ къ сосѣдямъ, * къ арендатору, * къ К—ну, * повѣстить имъ о случившемся и порисоваться. „Вскорѣ послѣ убійства, когда К—въ пріѣхалъ ко мнѣ, въ немъ не было замѣтно ни раскаянія, ни жалости,—напротивъ, онъ какъ будто хвастался и бравировалъ этимъ“. * —На сожалѣніе о немъ Го—ва К—въ отвѣчаетъ: „я не люблю, чтобы про К—ва говорили, а жалѣть меня нечего, мнѣ извѣстная дорога—Сибирь“ *.

Не смотря, однако, на свою геройскую роль, ему страшно и жутко. Онъ еще храбрится, разыгрываетъ Ринальдо-Ринальдини или Стеньку Разина, хвастается своею способностью къ преступленію, разсказываетъ арендатору разныя небылицы, пугаетъ его, что хотѣлъ зарѣзать все его семейство, но тутъ-же не выдерживаетъ и того-же человѣка, съ которымъ обращался какъ мы видѣли выше, проситъ: „не оставляйте меня въ эту минуту, пойдемте со мной, не бойтесь меня“ *. Онъ умиляется надъ собою, прощается

*) Нужно-ли говорить, что его осудили, и что онъ себѣ „пули въ лобъ не пустилъ“ и „горла себѣ не перервалъ“?

съ Аб—кинымъ,—„онъ идетъ на каторгу“ * —хочетъ проститься съ Ка—нымъ, проситъ прощенія у его жены, что разбилъ у нихъ окна; причемъ пытается свалить вину на другихъ*.

Убійство произошло 15 ноября; въ этотъ-же и на другой день К—шевъ разсказываетъ все событіе многимъ лицамъ. Тотчасъ послѣ убійства онъ поѣхалъ къ Аб—кину и разсказалъ ему подробно, какъ и въ какой послѣдовательности совершилось дѣло, какъ Анна позвала Филимона, какъ онъ пристрѣлилъ его. * Го—ву онъ въ тотъ-же день говоритъ: „я сначала убилъ ее, потомъ его“ *... Затѣмъ онъ разсказываетъ въ подробности все дѣло уряднику *, показывая гдѣ кто стоялъ, какъ все произошло, приводитъ свои слова, и особенно отмѣчаетъ, что онъ не былъ, да и не могъ быть пьянъ *. Этотъ разсказъ онъ повторяетъ опять приставу *, затѣмъ, Г—еву *, которому онъ тоже настоятельно утверждаетъ, что онъ „убилъ въ трезвомъ видѣ и полной памяти“—„и по виду онъ былъ трезвъ“ *, дополняетъ свидѣтель. Тоже показываетъ и волостной старшина Че—ковъ, слышавшій разсказъ его и тоже констатирующій, что „онъ на видъ былъ трезвъ“ *. Подробный разсказъ убійства К—шевъ повторялъ на другой * и на третій день *, т. е. 17 и 18 ноября и хотя онъ вначалѣ заявилъ, что не скажетъ причины убійства, но въ разсказѣ прямо указывалъ на „измѣну“ Филимона и на „невѣрность“ Анны Андреевой *. Актъ пристава отъ 15 ноября тоже констатируетъ, что К—шевъ „обстоятельства убійства объяснялъ хладнокровно и, повидимому, совершенно былъ трезвъ“ *. Наконецъ д—ръ Со—новъ, видѣвшій его тотчасъ послѣ убійства въ волости, показываетъ, что К—шевъ и ему разсказалъ подробно все событіе *, причемъ прибавляетъ: „К—въ, очевидно, старался убѣдить меня, что это убійство не было задумано имъ ранѣе—настаивалъ, что онъ все отчетливо помнитъ и что напрасно говорятъ, будто онъ убилъ въ пьяномъ видѣ“ *.

Но 18 ноября, т. е. черезъ три дня послѣ убійства, показанія К—шева рѣзко измѣняются; у него не только является амнезія, но въ извѣстный моментъ акта какъ бы теряется сознаніе *. Онъ сознавалъ все отчетливо до выстрѣла, но затѣмъ, сознаніе его затемняется: „тутъ я не могу вамъ отдать отчетъ какъ мнѣ пришло на мысль выстрѣлить въ Андрееву и въ Данилова (Филимона); передо мною какъ будто все въ туманѣ, какъ я цѣлилъ въ нихъ, какъ стрѣлялъ; помню, что когда убилъ ихъ, то приглашалъ смотрѣть ихъ, а зачѣмъ—не знаю. Не помню, зачѣмъ я стрѣлялъ въ Данилова во второй разъ. Я не помню, чтобы стрѣлялъ со словами: „ну! Анюта, пропадай ты жизнь!“—а также кого перваго, кого второго, и чтобы говорилъ послѣ на Данилова: „а ты мошенникъ и меня продалъ“ *. При этомъ К—шевъ уже говоритъ, что не можетъ сказать, былъ-ли онъ пьянъ, что онъ выпилъ около бутылки (онъ выпилъ, въ дѣйствитель-

ности, нѣсколько менѣе половины) но степени опьянѣнія не можетъ опредѣлить“ *, слѣдовательно фактъ опьянѣнія уже утверждается.

Если-бы дѣло шло о полной амнезіи или выпаденіи изъ воспоминанія цѣлаго періода, намъ нужно было-бы анализировать вопросъ съ точки зрѣнія Dämmerungszustand, патологическаго опьяненія, автоматизма и т. д. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ утвержденіемъ прямо ложнымъ, такъ какъ оно рѣзко противорѣчитъ фактамъ, установленнымъ внѣ всякаго сомнѣнія многочисленными свидѣтельствами, доказывающими присутствіе полнаго сознанія при совершеніи преступленія и полной отчетливости и ясности воспоминанія при разсказѣ о немъ.

Въ самомъ показаніи К—ева лежитъ непримиримое противорѣчіе. К—евъ говоритъ, что онъ *не помнитъ* послѣдовательности актовъ событія, но тутъ-же, какъ иллюстрацію этой амнезіи, говоритъ что *не можетъ отдать отчета*, какъ ему пришло на мысль совершить убійство, что онъ помнитъ, что приглашалъ смотрѣть на трупы, но не знаетъ зачѣмъ,—однимъ словомъ у него перемѣшиваются отсутствіе воспоминанія съ отсутствіемъ сознанія, такъ что выходитъ, будто одинъ актъ совершенъ безсознательно, но представленіе о немъ выпало, другой актъ былъ совершенъ безсознательно, но представленіе о немъ осталось въ воспоминаніи. — Можно, казалось-бы, возразить, что люди мало интеллигентные и стоящіе на низкой ступени умственнаго развитія не могу уловить, и тѣмъ болѣе выразить такихъ тонкостей чисто психологическаго свойства,—но это невѣрно. Люди самые неразвитые, самые грубые умственно, пройдя черезъ такіе психическіе моменты, если только весь періодъ не выпалъ изъ ихъ сознанія или не представляется имъ какою-то неразъяснимою путаницею, всегда очень вѣрно указываютъ такія различія, и если даже не умѣютъ найти словъ для ихъ обозначенія, то во всякомъ случаѣ не сливаютъ въ одно столь различные элементы. Чтобы повѣрить К—ву, надо допустить, что у него въ короткое время убійства—секунды нѣсколько разъ смѣнялись явленія безсознательности, автоматизма и амнезіи, предположить у него фактъ двойственной жизни съ мгновенными смѣнами фазисовъ, или прибѣгнуть еще къ какому-нибудь другому, не менѣе фантастическому объясненію. Но невозможность допустить истину показанія К—-ва не исчерпывается психологическимъ абсурдомъ. Мы видѣли, что цѣлый рядъ многочисленныхъ и совершенно несомнѣнныхъ свидѣтельскихъ показаній относительно первыхъ двухъ дней, слѣдовавшихъ за убійствомъ, безусловно опровергаютъ К-ва. Наконецъ, мы напомнимъ, что и экспертиза, не имѣвшая еще тогда въ рукахъ слѣдственнаго дѣла и совершенно незнакомая съ фактами, уже на основаніи только психіатрическихъ данныхъ указывала на симуляціонный характеръ амнезіи К-ва.

Мы оставили на самый конецъ нашей работы разсмотрѣніе показанія д-ра Сол—ва, стоящее совершенно одиночно—и противорѣчащее всѣмъ даннымъ какъ судебнаго слѣдствія, такъ экспертизы; надо прибавить, что показаніе это есть настоящая экспертиза, такъ какъ оно не содержитъ фактовъ, а представляетъ оцѣнку психической жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Но это показаніе д-ра Сол—ва заключаетъ въ самомъ себѣ свое собственное опроверженіе; д-ръ Сол—въ говоритъ о психическихъ ненормальностяхъ очень тонкаго психологическаго характера, такъ напр., что К-въ „отличался *всегда крайнею возбудимостью чувствъ*", что „*временами воспроизведеніе впечатлѣній совершается у него неправильно*", „*многое* кажется ему *изъ воспоминаній не такимъ, какимъ было въ дѣйствительности—всего чаще* такія *ложныя идеи возникали у него подъ вліяніемъ ревности и принимали характеръ полной достовѣрности. Эти идеи* были *иногда* въ его умѣ *необыкновенно стойки* и *продолжительны, принимая подчасъ оттѣнокъ систематическаго преслѣдованія*". * Такія утвержденія уже по самой своей сущности предполагаютъ долгое и внимательное наблюденіе, достаточно продолжительное, чтобы оно могло показать, какъ совершается *воспроизведеніе впечатлѣній*, убѣдить въ *вѣрности воспоминаній* и *соотвѣтственности ихъ дѣйствительности*, въ продолжительности и стойкости ложныхъ идей, и т. д.; все это неизбѣжно предполагаетъ очень близкое знакомство какъ съ фактическою дѣйствительностью жизни и обстановки субъекта, такъ и съ впечатлѣніями отъ нея, и требуетъ продолжительнаго наблюденія, что подтверждается еще и нарѣчіями времени, употребляемыми въ показаніи: „*всегда*", „*чаще всего*", „*иногда*", „*подчасъ*", „*временами*", и т. д.

Долго-ли свидѣтель наблюдалъ К—ва?

Онъ его видѣлъ и говорилъ съ нимъ два раза: одинъ разъ въ домѣ г. Кар—на, когда у К—ва *происходило объясненіе съ женой* передъ разводомъ, другой разъ, когда К—въ находился подъ арестомъ въ волостномъ правленіи *сейчасъ послѣ совершенія убійства* *.

Всякій комментарій излишенъ.

Мы прослѣдили всю жизнь К—а, въ дѣтствѣ, отрочествѣ, юношествѣ, молодости, зрѣломъ возрастѣ; мы видѣли, какъ первые зачатки насильственности, разнузданности, грубѣйшихъ инстинктовъ, росли и укрѣплялись; мы видѣли, какъ отсутствіе этическихъ факторовъ, отъ чувства простого приличія до альтрюизма, отсутствіе интеллектуальности и умственныхъ вкусовъ, все это наслѣдіе отъ предыдущихъ поколѣній, создало грубую, умственно и нравственно бѣдную личность К—а, личность, производящую въ послѣдней стадіи своего развитія впечатлѣніе чего-то исключительнаго, почти ненормальнаго. Потомокъ татарскаго и рус-

скаго крестьянскаго родовъ, онъ не участвуетъ въ умственномъ и нравственномъ поступательномъ движеніи страны, не участвуетъ даже въ умственномъ и нравственномъ наслѣдіи своего класса. Не смотря на несомнѣнный природный умъ и отца и матери его, мы уже имѣли случай отмѣтить въ родѣ обоихъ полное отсутствіе и образованія, и вкуса къ нему; нравственно что могъ онъ унаслѣдовать отъ драгунскаго поручика, который „бралъ дѣвокъ“ и „дралъ мужиковъ“, и отъ крестьянки настолько крѣпостнической мѣстности, что такія привычки не мѣшали этому поручику быть въ глазахъ равныхъ уважаемымъ и достойнымъ человѣкомъ, и въ глазахъ поротыхъ добрымъ и хорошимъ бариномъ?

Этому нравственному наслѣдію соотвѣтствуетъ и его антропологическій обликъ. У него татарскій типъ лица, грубая желтоватая кожа, выдающіяся скулы и свѣтлые, желтоватые волосы русскаго крестьянина центральной черноземной области, т. е. финна, покатый лобъ, тяжелыя челюсти, и въ особенности очень выпуклыя надбровныя дуги представляютъ въ глазахъ психіатра-антрополога реверсивный типъ.

Мы видѣли также и внѣшнія условія—воспитанія, среды,—въ которыхъ развивалась личность Дмитрія К—шева. Семейство его, чуждое всякой умственности, съ традиціями неинтеллигентности, съ очень низкимъ уровнемъ развитія, не могло, конечно, повліять на него въ благопріятномъ направленіи, не могло дать ему ни сознанія и образованія, ни даже вкуса и привычки къ умственнымъ интересамъ. Среда, въ которой онъ прожилъ всю свою жизнь, въ свою очередь, тоже не могла не только сдерживать его порочныхъ наклонностей—къ разврату, къ пьянству, къ насилію—но не могла даже выказать порицанія этимъ наклонностямъ. У него развиваются и устанавливаются привычки, конечно соотвѣтствующія его вкусамъ, но и гармонирующія съ обычаями и нравами среды. Алкоголь является для К—шева единственною общественною связью между людьми: онъ поитъ низшихъ и пьетъ съ равными. Съ женщинами всѣ его отношенія исчерпываются половымъ актомъ; помимо или послѣ него онъ приравниваетъ ихъ просто къ *слабымъ*, а надъ слабыми можно—и должно — „куражиться“. Какъ онъ относится къ слабымъ — слабымъ физически, беззащитнымъ по ихъ общественному положенію, къ робкимъ — мы это видѣли: съ равными онъ грубъ и дерзокъ, а низшимъ онъ „наровитъ“... frangere gulam, замѣнимъ мы энергическимъ латинскимъ выраженіемъ Плавта энергическое русское выраженіе горничной и коридорнаго изъ трактира „Саратовъ“; трудно сказать, которая изъ двухъ привычекъ, — его-ли frangere gulam другимъ, или привычка другихъ имѣть gulam fractam, страннѣе и ненормальнѣе. И вотъ онъ окончательно выливается въ свою нынѣшнюю форму: онъ насильникъ. Но онъ и жертва: своего собствен-

наго насилія, отсутствія сопротивленія низшихъ и слабыхъ, импонирующаго нравственнаго вліянія равныхъ. Вслѣдствіе историческихъ и общественныхъ условій и отцовскій, и материнскій родъ его не шли въ уровень съ нравственнымъ ходомъ страны; онъ унаслѣдовалъ эту этическую и интеллектуальную отсталость, но сдѣлалъ и самъ еще шагъ назадъ. Семейныя и общественныя условія не дали ему комплекса этическихъ факторовъ, составляющихъ активное—и задерживающее—*я*, а присутствіе, хотя и въ слабой степени, дегенеративнаго элемента — на что указываетъ алкоголизмъ его сестры — и его собственное употребленіе алкоголя ослабили и безъ того несильное его сопротивленіе низшимъ вкусамъ и стремленіямъ. Дурная наслѣдственность порочныхъ вкусовъ и этической и интеллектуальной тупости вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни предыдущихъ поколѣній, дурная семейная среда въ дѣтствѣ, дурная общественная среда въ молодости, создали тотъ комплексъ, который, въ противоположность комплексу, создаваемому патологическими факторами, обозначается терминомъ „преступникъ".

Не преступный актъ, не мотивъ его даютъ дифференціальный діагнозъ: „преступленіе или умопомѣшательство?", но только и исключительно психическая личность совершившаго этотъ актъ,—личность во всей ея біографической цѣльности, въ болѣе или менѣе длительномъ ея состояніи, или наконецъ въ моментъ совершенія преступнаго акта. Какой-бы ни былъ взглядъ на преступника, но если существуетъ этотъ дифференціальный діагнозъ, если законъ, общее сознаніе и наука не отожествляютъ неприспособленность съ психическою болѣзнію, и различаютъ людей соціально неприспособленныхъ отъ людей психически-больныхъ, то К—шевъ долженъ быть причисленъ къ категоріи неприспособленныхъ, а не душевно-больныхъ.

Но К—шевъ не преступникъ потому, что онъ совершилъ преступленіе, онъ совершилъ преступленіе потому, что онъ преступникъ. Если-бы онъ получилъ цѣлесообразное воспитаніе,—семейное въ дѣтствѣ, соціальное въ юности, онъ и тогда былъ-бы субъектомъ невысокого этическаго уровня, но, можетъ быть, онъ удержался-бы въ предѣлахъ предписаній Уложенія о наказаніяхъ. На его несчастіе—и на несчастіе многихъ другихъ—этого не было, и пишущему приходится только повторить уже данное имъ разъ заключеніе, что „подсудимый К — шевъ не представляетъ никакихъ признаковъ психическаго разстройства, его амнезія должна быть признана симулированною, и если самое убійство представляетъ ненормальный характеръ, то характеръ этотъ имѣетъ не психіатрическое, а психологическое объясненіе. К—шевъ представляетъ, конечно, нѣкоторую степень дегенераціи, на что указываетъ одинъ психопатическій фактъ въ его семьѣ (алкоголизмъ его сестры), отчасти и реверсивный типъ. Пишущій ду-

маетъ, что въ этихъ условіяхъ подсудимый представляетъ меньшую степень сопротивленія дурнымъ нравственнымъ вліяніямъ и дурнымъ импульсамъ, но онъ есть продуктъ чисто соціальныхъ факторовъ, и какъ таковой выходитъ изъ компетенціи врача.

Д-ръ **П. Якобій.**

К—шевъ судился судомъ присяжныхъ въ Малоархангельскѣ. Присяжнымъ были поставлены три вопроса: 1) Доказано-ли, что К—шевъ, 34 лѣтъ, 15 ноября 1895 г., въ с. Николаевкѣ, Малоарх. уѣзда, тремя послѣдовательно выстрѣлами изъ ружья, лишилъ жизни мѣщанку Анну Васильеву Андрееву и кр-на Филимона Прохорова Данилова? 2) Если событіе это доказано, то не находился ли тогда подсудимый К—шевъ въ состояніи болѣзни, приведшей его въ умоизступленіе или совершенное безпамятство? и 3) Если событіе, описанное въ 1-мъ вопросѣ, доказано и подсудимый не находился въ состояніи болѣзни, приведшей его въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, то виновенъ ли онъ въ томъ, что выстрѣлилъ въ Андрееву и Данилова и лишилъ ихъ при этомъ жизни, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ раздраженіи, но и не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій своего дѣянія?

Присяжные отвѣчали: на 1-й вопросъ—„да, доказано“; на 2-й—„не находился въ болѣзненномъ состояніи“; на 3-й—„да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“. Наканунѣ они отказали въ снисхожденіи крестьянину, неизмѣримо менѣе преступному и несомнѣнно заслуживавшему снисхожденія.

На основаніи вердикта присяжныхъ и примѣняя къ К—шеву коронаціонный милостивый манифестъ, судъ приговорилъ К—шева къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири.

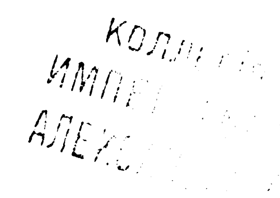
Кассаціонная жалоба К—шева была отвергнута.

Вопросъ.

Когда томитесь вы мучительнымъ разладомъ
Межъ вѣрой и мечтой—и мракомъ пошлыхъ дѣлъ,
И кажется вамъ жизнь, вся жизнь кромѣшнымъ адомъ
И униженіемъ ненужнымъ вашъ удѣлъ,
И все, что прожито,— вамъ кажется ошибкой,
Стезей блужданія, паденій и обидъ,
И, молча, въ очи вамъ съ язвительной улыбкой
Какой-то демонъ злой безжалостно глядитъ,
Глядитъ онъ въ сердце вамъ, тоской его сжимая,
И тяжко, душно вамъ, какъ въ ночь передъ грозой;
Но сердца облегчить не хочетъ скорбь нѣмая,
Излившись изъ очей спасительной слезой,—
Въ тѣ скорбные часы сочувствіемъ и лаской
Вамъ свѣтитъ ли родной и милый сердцу взглядъ?
Иль средь своихъ—чужой—подъ неприступной маской
Вы хоронить должны своихъ терзаній ядъ?
И не должны-ль вы жить покорно,—какъ живется,
Влача наслѣдіе ошибокъ прошлыхъ лѣтъ,
Тогда какъ изъ цѣпей на волю сердце рвется,
Какъ ласточка туда, гдѣ ширь, тепло и свѣтъ?
Иль, можетъ, какъ орелъ,—неудержимымъ взмахомъ
Подняться въ силахъ вы, надъ пропастью скользя,
И не знакомы вы съ безсиліемъ и страхомъ
Предъ властью прошлаго, предъ окрикомъ «нельзя»?
Иль можетъ чужды вамъ душевныя терзанья,
И въ заблужденіяхъ вамъ жить не суждено,
И вы исполнены блаженнаго сознанья,
Что вы свершили все, что намъ свершить дано?..
И вы не жаждали ни слезъ, ни сожалѣнья,
И не томили васъ въ полуночной тиши
Тоскливыя мечты о словѣ утѣшенья,
О ласкѣ родственной и любящей души?..

1898 г.

А. М. Вербовъ.

ПАТРІОТЫ.

(Изъ временъ франко-прусской войны).

Жоржа Дарьена.

Переводъ съ французскаго *С. А. Брагинской.*

VIII.

Мой дѣдъ по матери, Туссенъ, думаетъ, что все кончится плохо.

Въ воскресенье онъ зашелъ къ намъ,—мимоходомъ, потому что находился по близости и хотѣлъ сообщить о теткѣ Моро,—словомъ, для своего визита представилъ массу объясненій. Казалось, онъ хотѣлъ извиниться, что навѣстилъ насъ: онъ очень не ладитъ съ моимъ отцомъ. Онъ заговорилъ о погодѣ, которая такъ хороша, о недурной будущей жатвѣ, о своемъ здоровьѣ, которое ни шатко, ни валко, о здоровьѣ тетки Моро, которое очень плохо.

— Да, плохо, очень плохо,—добавилъ онъ.

А когда отецъ спросилъ, когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, старикъ далъ неопредѣленный отвѣтъ. Потомъ онъ заговорилъ о повальной болѣзни на индѣйкахъ: онъ потерялъ ужъ добрую дюжину. Къ счастію, ему указали на хорошее лѣкарство: кофейную гущу. О, если бы онъ зналъ о немъ недѣлей раньше...

— Это, вѣроятно, вашъ сосѣдъ, Дюбуа, указалъ вамъ это средство?—спросилъ, хитро улыбаясь, мой отецъ.

— Дюбуа? Эта каналья?—вскричалъ дѣдъ.—Ну, какъ же! Онъ былъ бы радъ, еслибы всѣ мои индѣйки подохли, всѣ до одной! А, разбойникъ! И подумать только, что его выбрали мэромъ общины! Это разореніе для страны! разореніе!.. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ мэромъ, всѣ бродяги открыто купаются въ лужахъ, а улицы кишатъ бѣшеными собаками. Сущее несчастіе.

Отецъ далъ старику вдоволь выругать Дюбуа, — предметъ его ненависти,—а самъ, подозрѣвая, что онъ не спроста зашелъ къ намъ, пытался разгадать истинную причину. Старый енъ, противъ обыкновенія, оказался очень откровеннымъ.

Онъ пришелъ просто затѣмъ, чтобы заключить съ нами союзъ. Увѣренный въ несчастномъ окончаніи войны и въ томъ, что ранѣе шести мѣсяцевъ пруссаки уже вступятъ въ Парижъ, онъ былъ того мнѣнія, что скоро всѣ могутъ пригодиться другъ другу и потому будетъ лучше забыть старые раздоры и перестать жить, какъ кошка съ собакой.

— Таково мое мнѣніе, — закончилъ онъ жалобнымъ тономъ.—Это мнѣніе старика, который многое предвидитъ... и который не хотѣлъ бы умереть,—кто знаетъ, что будетъ,—не обнявъ передъ смертью своихъ внучатъ.

Сестра, со слезами на глазахъ, взяла руку отца и вложила въ руку дѣда, а я поцѣловалъ старика въ давно небритую щеку и укололъ себѣ губы.

— Такъ рѣшено?—спросилъ старикъ, уходя.—3-го сентября праздникъ въ Мусси, и вы придете ко мнѣ съ утра, пробудете день или два, какъ захотите, и вернетесь домой.

— Рѣшено,—отвѣтилъ отецъ и, заперевъ за нимъ дверь, пробормоталъ:—Каковъ комедіантъ! Онъ просто боится остаться одинъ въ Мусси, если въ департаментѣ появятся пруссаки, и, ради экономіи, хочетъ обезпечить себѣ квартиру у насъ.

Не смотря на это, отецъ всетаки сдержалъ слово, и сегодня, 3-го сентября, миновавъ лѣсъ, соединяющій Версаль съ Мусси на Жозѣ, мы пришли къ дѣду. Онъ увѣряетъ, что давно поджидалъ насъ въ палисадникѣ, и повелъ въ столовую, гдѣ Жермена, его кухарка, приготовила завтракъ.

Эта Жермена прелюбопытное существо: маленькая, совсѣмъ крошечная, на семидюймовыхъ ножкахъ, тоща, какъ семь фараоновыхъ коровъ, и черна, какъ галка. Черная кожа, черные глаза, черные волосы, часто попадающіе въ супъ, потому что она всегда растрепана. Но, при всемъ томъ, она очень недурна. Моя сестра говоритъ, что хотѣла бы имѣть ея глаза, а г-жа Арналь, видѣвшая ее два или три раза, увѣряетъ, что она способна даже вскружить голову мужчинѣ.

У моего дѣда о ней только одно мнѣніе:

— Я цѣню ее на вѣсъ золота.

У Жермены, напротивъ, два мнѣнія о своемъ хозяинѣ: то это «сущія сливки», то это «старый скаредъ». Разберитесь-ка въ этомъ противорѣчіи.

— Я разъясню вамъ эту загадку, когда вы подростете,—сказала она, когда я спросилъ у нея, какъ примирить эти два противоположныя мнѣнія.—А теперь скажу: будь у вашего дѣдушки здравый смыслъ, его нога не бывала бы въ Парижѣ... Понимаете? Можете передать это отъ меня вашему отцу.

Она сама высказывала это нѣсколько разъ и нарочно приходила въ Версаль жаловаться отцу на поведеніе стараго Туссена, который пропадалъ по три, по четыре дня въ Парижѣ.

— Отъ трехъ до четырехъ дней, сударь,—говорила она.— Ушелъ какъ-то послѣ полудня. Въ хорошемъ видѣ онъ возвращается оттуда, нечего сказать!

— Что же я могу сдѣлать?—спросилъ съ досадой отецъ.— Меня это не касается.

— Во всякомъ случаѣ, это мало дѣлаетъ вамъ чести,— замѣтила она, уходя.

Но пріемъ, оказанный нами всевозможнымъ блюдамъ ея приготовленія, несомнѣнно сдѣлалъ имъ честь. Жермена большая мастерица, и отецъ не скупился на похвалы.

— О, сударь, не дѣлайте мнѣ комплиментовъ... комплименты, знаете ли, кружатъ голову...

— Это вѣрно!—вскричалъ дѣдъ,—она не любитъ комплиментовъ... Я никогда ихъ не дѣлаю, хотя и бываютъ подходящіе случаи...

Сестра, повидимому, знаетъ кое-что и покраснѣла до ушей. Старикъ это замѣтилъ и немедленно перемѣнилъ разговоръ.

— Вообразите себѣ, Барбье, этотъ злодѣй Дюбуа...—И поѣхалъ на своемъ конькѣ. Онъ сталъ неистощимъ: Дюбуа тутъ, Дюбуа тамъ, Дюбуа мерзавецъ, Дюбуа не стоитъ даже веревки, чтобъ его повѣсить. Дюбуа — мэръ Мусси на Жозѣ. Онъ назначенъ съ полгода тому назадъ, къ великому отчаянію дѣда, который работалъ и руками, и ногами, чтобы самому надѣть трехцвѣтный шарфъ. У Дюбуа лучшая ферма въ околодкѣ. Это веселый толстякъ, не глупый и довольно честный. Любя посмѣяться, онъ часто подтрунивалъ надъ старикомъ Туссеномъ, придираясь ко всякимъ пустякамъ, и насмѣхался надъ Жерменой, называя ее ежомъ. Къ тому же Дюбуа слыветъ за либерала, а дѣдъ мой утверждаетъ, что онъ «красный».

— Да, красный!—говоритъ онъ.—Прежде всего потому, что онъ никогда не бываетъ въ церкви.

Дѣдъ тоже не бываетъ въ церкви, но за то каждое воскресенье посылаетъ Жермену; она и ходитъ: къ обѣднѣ для себя, а къ вечернѣ—ради хозяина.

— Говорю вамъ, это соціалистъ!—увѣрялъ Туссенъ,—развѣ иначе онъ позволилъ бы разнымъ босякамъ наводнить общину? Нельзя ступить на улицу, чтобы не наткнуться вечеромъ на бродягу. Цѣлою вереницей тянутся они по дорогамъ. И потомъ онъ на плебесцитѣ вотировалъ: *нѣтъ*. Я въ этомъ увѣренъ. О, если бы я захотѣлъ разсказать все, что я знаю, онъ не былъ бы мэромъ теперь. Счастье его, что онъ окруженъ скромными и честными людьми... Я, знаете ли, скорѣе дамъ изрѣзать себя на мелкіе куски, нежели сдѣлаю дурное своему ближнему. Все же община далеко не въ безопасности въ рукахъ такого прощалыги, какъ онъ.

Дюбуа несомнѣнно прощалыга. Иначе развѣ онъ помѣшалъ

бы дѣду оттягать у общины большой участокъ луга, сосѣдній съ его виноградникомъ, котораго старикъ давно жаждалъ. Дѣдъ даже божился, что этотъ лугъ входитъ въ предѣлы его земли, и разъ десять накладывалъ на него руку; при старомъ мэрѣ онъ въ теченіе даже нѣсколькихъ лѣтъ косилъ на немъ сѣно и свозилъ его въ свой сарай. Но съ тѣхъ поръ, какъ Дюбуа сталъ у власти, ему формальнымъ образомъ было запрещено трогать хотя бы одну былинку. Дюбуа съ документами въ рукахъ доказалъ, что лугъ безспорно принадлежитъ общинѣ.

— Это фальшивые документы!—рычалъ дѣдъ,—совершенно фальшивые!

И когда мы, послѣ завтрака, направляясь къ теткѣ Моро, проходили мимо усадьбы его врага, онъ не могъ не крикнуть:

— Еслибы на свѣтѣ была справедливость, то этотъ негодяй давно бы уже волочилъ ядро на ногѣ.

Тетка Моро—наша двоюродная тетка, сестра дѣда Туссена, тетка моей матери. Ей уже шестьдесятъ восемь лѣтъ. Она вдова виннаго торговца Моро въ Берси. По смерти своего мужа,—лѣтъ десять тому назадъ, по меньшей мѣрѣ,—такъ какъ у нея не было дѣтей, она рѣшила переѣхать въ Версаль, чтобы устроиться недалеко отъ насъ. Но тутъ вмѣшался дѣдушка Туссенъ. Онъ сталъ увѣрять сестру, что она дѣлаетъ большую ошибку, поселяясь въ Версали, гдѣ, какъ въ городѣ, всегда очень шумно и жить болѣе или менѣе нездорово, что деревенскій воздухъ гораздо полезнѣе, въ особенности для человѣка, жившаго долго въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ расхваливать прелести деревенской жизни, увѣряя, что онъ среди своихъ полей катается, какъ сыръ въ маслѣ, и каждый годъ толстѣетъ, прибавляясь въ вѣсѣ ни болѣе ни менѣе, какъ на десять фунтовъ. И, когда онъ уже на половину склонилъ свою сестру переѣхать въ деревню, онъ объявилъ, что какъ разъ въ Мусси на Жозѣ продается небольшое хорошенькое мѣстечко, старинный охотничій павильонъ Людовика XIII, *отдѣланный по послѣдней модѣ*. Г-жа Моро купила усадьбу, соблазнившись надеждой увидѣть себя владѣлицей замка. Дѣйствительно, павильонъ похожъ на замокъ. Главная часть зданія построена изъ бѣлаго камня и краснаго кирпича. Передъ домомъ большой дворъ, обсаженный старыми липами. Сзади — большой садъ, вродѣ парка, съ вазами для цвѣтовъ, съ каменной балюстрадой и ручейками.

У дѣда былъ свой планъ, когда онъ приглашалъ сестру въ Мусси. Ему хотѣлось находиться при ней, сдѣлаться необходимымъ и потихоньку наложить руку на ея состояніе, которое было довольно значительно. Сначала тактика удавалась,

но вдругъ г-жу Моро поразилъ ударъ, и болѣзнь сдѣлала ее недовѣрчивой. Послѣ нѣсколькихъ неделикатныхъ поступковъ со стороны дѣда, она почти совершенно прервала съ нимъ всякія сношенія.

Я узналъ все это мало по малу дома, благодаря нескромности Катерины и разговорамъ отца съ сестрой. Я узналъ также, что по завѣщанію, которое хранится у нотаріуса, тетка Моро раздѣлила свое состояніе на три части: одна назначается Луизѣ, другая—мнѣ, а третья—на госпитали.

Не знаю почему, но я думалъ объ этомъ завѣщаніи, входя въ большую комнату, гдѣ старая тетка сидѣла въ креслѣ, котораго давно уже не покидала. У бѣдной женщины такой дряхлый и истощенный видъ! Когда мы вошли, лицо ея освѣтилось радостью, но тотчасъ же снова приняло унылое выраженіе. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли ее въ послѣдній разъ, руки ея еще болѣе высохли, ввалившіеся виски и впалыя щеки, острый выдающійся подбородокъ, глаза похожіе на ямы, все лицо напоминаетъ черепъ, на который, какъ на барабанъ, натянули желтую, высохшую кожу.

Вокругъ нея вѣетъ смертью. Но она такъ кротка, такъ добра, что мало по малу впечатлѣніе леденого ужаса, охватившаго меня при входѣ, совершенно изгладилось. Она спросила насъ о здоровьѣ и о нашихъ занятіяхъ.

— Весело вамъ было у дѣда?—спросила она.

— Мы пришли только позавтракать, тетя,—отвѣчалъ я.

— Водилъ онъ васъ на праздникъ? Вѣдь сегодня и завтра праздникъ въ деревнѣ?

— Нѣтъ еще, мы сейчасъ только всѣ идемъ туда.

— Значитъ Туссенъ съ вами? Почему же онъ не зашелъ въ комнату? Жюстина, выйдите-ка къ г. Туссену и спросите, почему онъ не идетъ поздороваться со мной.

Горничная, высокая, довольно красивая дѣвушка, въ черномъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ на свѣтлыхъ волосахъ, вышла, чтобы позвать дѣда, который ходилъ по саду. Онъ не хотѣлъ заходить, отговариваясь тяжелымъ впечатлѣніемъ, какое производятъ на него больные; а онъ очень чувствителенъ!..

Но вотъ онъ явился. Согнувшись, со шляпой, прижатой къ животу, и улыбаясь, онъ воскликнулъ:

— Э! дорогая Клотильда, вы прекрасно смотрите сегодня! У васъ видъ... цвѣтущій, право!.. И мнѣ кажется даже, чортъ возьми, что у васъ румянецъ въ лицѣ?.. Ну, да, конечно, конечно, румянецъ! Того и гляди, что вы въ одно прекрасное утро очутитесь на ногахъ...

— Вы все видите въ нѣсколько розовомъ свѣтѣ, Пьеръ,—отвѣтила тетка, протягивая ему руку,—но, дѣйствительно, съ той минуты, какъ вошли эти дѣти, мнѣ, какъ-будто, стало лучше.

Она пригласила насъ къ обѣду, во время котораго дѣдъ обнаружилъ поразительную любезность. Его лицо старой лисицы совершенно преобразилось, сжатыя губы раздвинулись и жесткій блескъ глазъ подернулся добротой. По виду, его можно было-бы допустить къ причастію безъ исповѣди. Онъ ужасно удивлялъ меня.

Старая тетка на прощаніе подарила Луизѣ прекрасныя серьги въ голубомъ футлярѣ, а мнѣ—два луидора.

— Если бы у меня были книги,—сказала она,—я подарила бы тебѣ ихъ, дитя мое,—но у меня ихъ нѣтъ: я не ожидала, что вы у меня будете. Купи себѣ самъ.

Непремѣнно куплю, но раньше я пойду на деревенскую площадь и покатаюсь тамъ верхомъ на деревянныхъ лошадкахъ, которыя вертятся подъ звуки шарманки, наигрывающей *пѣснь выступленія*. Эти лошадки бѣгутъ отлично, и желѣзной палочкой я снялъ, по крайней мѣрѣ, дюжину колецъ. Луиза сняла только два. Эти женщины такія неловкія!

Я непремѣнно еще разъ приду на площадь. Приду завтра же утромъ: мы ночуемъ у дѣда и вернемся домой только завтра вечеромъ.

Я опять былъ и провелъ на праздникѣ цѣлый день. Для деревни тутъ много развлеченій. Выстроено, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ палатокъ съ разными сластями, есть турникеты, гдѣ можно выиграть пряничнаго Вильгельма или Бисмарка, или истребить однимъ ударомъ всѣхъ пруссаковъ. Стоитъ не дорого: двѣ пули за одно су. Въ этомъ году во всѣхъ играхъ фигурируютъ пруссаки, даже въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ луковъ для дѣтей. Звѣрей замѣнили пруссаки—продавецъ говоритъ, что это одно и то же,—и когда стрѣла попадаетъ въ черный дискъ мишени, открывается дверка и показывается прусскій король, сидящій... въ томъ мѣстѣ, куда онъ ходитъ пѣшкомъ.

Вернувшись домой, я засталъ отца съ дѣдомъ въ виноградникѣ. Они сидѣли подъ яблоней и вели, вѣроятно, какой нибудь денежный споръ. Я сталъ прислушиваться, не подавая вида; но разговоръ подходилъ къ концу, и я не могъ узнать, въ чемъ дѣло.

Я сталъ всматриваться въ физіономію старика. Какая странная голова! По истинѣ, не строгаго исполнителя долга! Маленькіе свиные глазки, острые, какъ буравчики, блестятъ подъ треугольными бровями; маленькій ротъ, со втянутыми губами—едва замѣтная щель на безволосомъ лицѣ кирпичнаго цвѣта; сильная четыреугольная нижняя челюсть выдается впе-

редъ и какъ будто готова треснуть, когда онъ ѣстъ; острый двигающійся носъ, съ подвижными ноздрями, почти касается подбородка. Прямая, красная морщина перерѣзываетъ поперекъ лобъ, а на шеѣ двѣ толстыя складки, какъ складки кузнечнаго мѣха.

Когда онъ говоритъ съ моимъ отцомъ, у него рѣзкій, жесткій и отрывистый голосъ, который, для избѣжанія ссоры, онъ старается смягчить доброжелательными жестами.

И въ промежуткѣ между двумя грубыми фразами: «Дѣло—такъ дѣло; я не вхожу въ положеніе другого»... «Чувствительность, конечно, хороша, но она можетъ завести очень далеко»—я услышалъ, какъ голосъ старика вдругъ смягчился при обращеніи къ собакѣ:

— Кутька, кутька!.. Сюда!

Это произвело впечатлѣніе прибавки къ уксусу капли меда.

Жермена принесла газету.

— Сударь, вотъ газета. Говорятъ, есть новости.

Сестра моя схватила номеръ.

— Читай вслухъ,—сказалъ отецъ.

— «По извѣстіямъ, которыя мы получили изъ частнаго, но вполнѣ достовѣрнаго источника, 1-го сентября, по словамъ нашего корреспондента, на третій день битвы, должны произойти серьезныя событія. Маршалъ Макъ-Магонъ, подкрѣпленный корпусомъ генерала Винуа, открылъ битву, въ которой наши войска должны имѣть блестящій успѣхъ. Пруссаки должны быть побѣждены, опрокинуты и тридцать непріятельскихъ пушекъ взяты. Наконецъ, если извѣстіе, полученное нами точно, то слово «рѣзня», въ примѣненіи къ нѣмецкой арміи, не должно казаться преувеличеннымъ».

«Изъ оффиціальнаго источника, заслуживающаго большого довѣрія, мы только что получили другое извѣстіе. Сегодня утромъ, въ 10 часовъ одинъ изъ друзей Орлеанскаго дома въ Парижѣ получилъ письмо отъ принца Жуанвильскаго, помѣченное 1-го сентября, 5 часовъ вечера. Письмо написано на четырехъ страницахъ и содержитъ подробнѣйшее описаніе событій 30 и 31 августа: отступленіе Макъ-Магона на Мезу и потери нашей арміи.

«Но письмо это заканчивается припиской, настоящимъ бюлетенемъ тріумфа и крикомъ торжества. Мы передаемъ содержаніе этой приписки со словъ лица, читавшаго ее лично въ письмѣ. Вотъ она слово въ слово: «Битва продолжается еще въ эту минуту. Мы должны взять тридцать пушекъ. Базенъ долженъ идти къ Маку. Да здравствуетъ Франція!»

— Все это не говорить мнѣ ничего хорошаго, — сказалъ дѣдъ, когда сестра окончила чтеніе.—Пахнетъ гнилью, друзья мои, навозомъ!

— Что ты думаешь объ этихъ новостяхъ, папа?—спросила сестра вечеромъ, когда мы распростились съ дѣдушкой на краю деревни.

— Право, дитя мое, не знаю; но я склоняюсь къ тому, что должно быть не хорошо,—отвѣчалъ отецъ.

Мы возвращались въ Версаль пѣшкомъ. Уже спустилась ночь, когда мы вошли въ лѣсъ, и сегодня, не знаю почему, я трушу. Сухіе листья, поднимаемые вѣтромъ, такъ странно шуршатъ; мнѣ кажется, что что-то шевелится въ кустахъ; сейчасъ, когда мы переходили тропинку, какая-то вѣтка хлестнула меня по лицу, и я отскочилъ назадъ съ громкимъ крикомъ. И теперь на большой просѣкѣ, ведущей на дорогу, мой страхъ усиливается передъ неожиданными тѣнями черныхъ вѣтвей, въ которыхъ свиститъ вѣтеръ, передъ необычнымъ очертаніемъ толстыхъ пней, похожихъ на человѣческія фигуры, передъ таинственной чащей кустарниковъ, откуда мнѣ слышатся громкіе голоса и мерещатся страшныя дула ружей спрятавшейся засады.

Наконецъ, на поворотѣ дороги мрачная завѣса лѣса рѣдѣетъ. Еще нѣсколько шаговъ, и мы выходимъ на большую дорогу.

Точно тяжелая ноша свалилась съ моихъ плечъ. Но я вздыхаю свободно, только достигнувъ первыхъ городскихъ домовъ.

На улицѣ Шантье страшная сумятица. Караулъ національной гвардіи, поставленный, вѣроятно, только сегодня, споритъ, громко крича, съ толпой извозчиковъ, телѣги которыхъ стоятъ вдоль тротуара.

— Такъ нельзя проѣхать?

— Проѣдете, когда начальникъ караула осмотритъ ваши паспорта.

Одинъ извозчикъ вышелъ изъ себя.

— Начальникъ караула!—закричалъ онъ,—плевать мнѣ на вашего начальника! Подождите, вотъ придутъ пруссаки, они зададутъ вамъ паспорта, будете помнить! У, папское отродье!

Крикъ ужаснѣйшій. Самъ часовой положилъ ружье на рѣшотку и вмѣшался въ ссору. Мы были уже далеко, а крикъ все еще продолжался:

— Разстрѣлять этихъ прусскихъ тварей!

— Сами вы пруссаки!

— Вы это увидите, когда у насъ будетъ республика!

— Что случилось?—спрашивалъ каждую минуту отецъ,—что случилось?

Что-то такое, дѣйствительно, случилось. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ улицы казались все оживленнѣе. На углу Парижскаго проспекта, передъ мэріей, громадная толпа. При свѣтѣ газовыхъ рожковъ мужчины читали газеты, только что полученныя изъ Парижа. Другіе громко разглагольствовали, жестикулируя, какъ маріонетки, и ихъ тѣни вытягивались на мостовой, освѣщенной желтымъ свѣтомъ огней префектуры, и принимали неожиданныя и смѣшныя очертанія. Въ безпорядочномъ гамѣ ничего нельзя разобрать, но отдѣльныя одни и тѣ же слова слышатся чаще другихъ: патріотизмъ, республика, національная оборона...

Отецъ хватаетъ за руку одного изъ этихъ импровизированныхъ ораторовъ: оказывается Легро, нашъ сосѣдъ. Я былъ изумленъ: какъ могъ очутиться здѣсь этотъ кроткій человѣкъ?

— Что случилось? развѣ плохо?—спросилъ его отецъ.

— Какъ, вы не знаете? Седанъ!

— Ну, Седанъ. А потомъ?.. Насъ побили, да или нѣтъ?

Легро скрестилъ на груди руки и прямо уставился въ лицо отца.

— Франція потерпѣла страшное пораженіе. Императоръ взятъ въ плѣнъ съ 80.000 войска.

Сестра громко вскрикнула, а отецъ такъ и остался съ открытымъ ртомъ. Вокругъ насъ собралась толпа, повидимому, спрашивая себя, какъ могли мы быть настолько глупы, чтобы не знать такихъ вещей. Отецъ почувствовалъ необходимость объясниться.

— Мы сейчасъ изъ деревни, понимаете...—бормоталъ онъ растерянно.

— Видно, что вы не въ курсѣ событій, — отвѣчалъ Легро снисходительно.—Однако я еще не все вамъ разсказалъ: имперія кончилась, декретировали ея паденіе, и въ Парижѣ провозглашена республика.

— О! о! Когда же это случилось?

— Сегодня. Ждутъ только оффиціальной депеши, чтобы объявить и здѣсь. Останьтесь, увидите сами... Стойте! Видите Вилена, который ходитъ взадъ и впередъ по двору мэріи, заложивъ руки за спину? Ну, такъ вотъ онъ ждетъ депеши, чтобы взобраться на стулъ и провозгласить республику. Вѣдь, вы знаете Вилена: Виленъ адъюнктъ, адвокатъ, который велъ дѣло противъ семинаріи и влѣпилъ пощечину своей женѣ, чтобы не пустить ее къ обѣднѣ. Это субъектъ чистѣйшей воды! Настоящій! Человѣкъ принциповъ!.. Безпринципность!—вотъ что погубило насъ, мой дорогой другъ; это только что

сказалъ кто-то возлѣ меня и совершенно вѣрно... Принципы! Принципы прежде всего.

Я боюсь, не скрываю, боюсь.

Какъ разъ сегодня утромъ я видѣлъ у дѣда старую картину: санкюлоты ведутъ на эшафотъ Шарлоту Корде.

— Скажи, пожалуйста, Луиза,—обратился я къ сестрѣ,—тѣ, что идутъ за колесницей Шарлоты Корде, и есть республиканцы?

— Да, *красные* республиканцы.

Значитъ, могутъ быть республиканцы и *не красные*?

Изъ префектуры быстро вышелъ жандармъ, съ бумагою въ рукѣ. Всѣ съ шумомъ бросились за нимъ.

Отворили ворота мэріи и вынесли бѣлый деревянный столъ. На него взошелъ Виленъ. Два гражданина стали по бокамъ со свѣчами въ рукахъ.

Онъ читаетъ прокламацію. Изъ-за шума ничего не слышно. Онъ умолкъ; раздались аплодисменты.

Онъ ищетъ что-то въ карманѣ своего пальто. Я прячусь въ ногахъ отца: вѣроятно, вытащитъ сейчасъ ножъ гильотины?..

Но нѣтъ. Онъ вынулъ свертокъ бумагъ и начинаетъ читать. Очевидно, онъ не красный республиканецъ. Тѣмъ лучше!

Онъ кончилъ рѣчь жестомъ à la Мирабо и бросилъ оба подсвѣчника на землю.

— Да здравствуетъ Виленъ!

— Да здравствуетъ республика!

— Вотъ это дѣло!—пробормоталъ старый Мерленъ, очутившійся вдругъ возлѣ и незамѣченный мною раньше.—Вотъ это такъ: принципы прежде всего,—но люди впередъ!

IX.

У насъ республика, это сейчасъ-же видно: съ мэріи сняли флагъ съ орломъ и замѣнили его остріемъ копья; всюду со стѣнъ стерта надпись *императорскій* и Наполеона называютъ «шутомъ».

— Прекрасное зрѣлище—эта мирная революція!—повторяетъ отецъ разъ десять въ день.

— Дѣйствительно,—подтверждаетъ Бодренъ,—можно было ожидать насилія, безпорядковъ...

— А противъ кого, чортъ возьми, могли направляться насилія?—спросилъ, смѣясь, Мерленъ, который мимоходомъ зашелъ повидаться.—Не противъ ли наполеоновскаго курятника? Онъ живо разлетѣлся и спрятался подъ надежную защиту. А простыхъ бонапартистскихъ каналій можно разстрѣлять и черезъ окна погребовъ, въ которые они попрятались.

— Однако, — заботливо сказалъ Бодренъ, — вотъ уже нѣсколько дней, какъ не видно Піона...

Старый Мерленъ засмѣялся.

— Онъ не встрѣтитъ здѣсь эхо своимъ крикамъ: «да здравствуетъ императоръ!» — сказалъ отецъ.

— Какъ такъ!—изумился Мерленъ.—Мнѣ казалось, что вы были очень согласны въ послѣдніе дни. Я проходилъ какъ-то мимо васъ, какъ разъ въ ту минуту, когда вы кричали ура въ честь его ех-величества. Мнѣ казалось даже, что я узналъ голоса барышни и господина Жана.

Совершенно сконфуженный, я потупилъ голову; правда, я кричалъ: да здравствуетъ императоръ! О, позоръ! Къ счастью, Луиза нашла оправданіе:

— До Седана мы вполнѣ вѣрили ему.

— Да, до Седана,—подтвердилъ отецъ.—Седанъ открылъ намъ глаза. Но, знаете-ли, г. Мерленъ, я никогда и не былъ тѣмъ, что называется цезаристомъ.

— И я также,—сказалъ Бодренъ.

— Когда основали имперію, я принужденъ былъ признать ее.

— Вѣрнѣе терпѣть,—поправилъ Бодренъ.

— Торговля обязываетъ ко многому.

— Какъ и профессорство.

— Въ глубинѣ души я никогда не былъ сторонникомъ наполеоновской тираніи.

— И я также.

— Я, вѣрьте мнѣ, убѣжденный демократъ.

— И я тоже.

— Наконецъ,—заявилъ отецъ, поймавъ насмѣшливый взглядъ своего собесѣдника,—теперь у насъ республика, а это великое дѣло.

— Новая вывѣска на старой лавкѣ, — сказалъ Мерленъ, уходя.

— Этотъ Мерленъ просто удивительный человѣкъ,—замѣтилъ Бодренъ, когда старикъ ушелъ.—Онъ никогда ничѣмъ не доволенъ.

Есть еще недовольный — Жюль. Я былъ-бы въ восторгѣ. Свадьба его съ моей сестрой, которая должна была совершиться въ концѣ сентября, отложена теперь до окончанія войны. Подумаешь, какое несчастіе! Я на его мѣстѣ желалъ-бы, чтобы война никогда не кончилась. Я очень люблю Жюля, и если-бы смѣлъ, разсказалъ-бы ему все, что думаю. Я искалъ случая въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы сообщить ему о массѣ недостатковъ, которые открылъ въ Луизѣ, случай пред-

ставился, но я не могъ... Рѣшительно, не смѣю. Онъ такой печальный, этотъ бѣдный Жюль, такой печальный, что мнѣ до слезъ его жаль. У меня никогда не хватитъ духу увеличить его горе открытіями, правда,—полезными, но весьма огорчительными.

— Ты только даромъ потеряешь время, — увѣрялъ меня Леонъ.—Онъ помѣшался на твоей сестрѣ. А ты какъ думаешь, она-то любитъ его?

О, нѣтъ, не думаю. Я даже увѣренъ, что она его не любитъ. Она прежде всего любитъ себя. Всякій разъ, какъ у насъ заходитъ рѣчь о Жюлѣ, сейчасъ же начинаютъ выставлять на видъ его способности, цифру его капитала и на какую прибавку жалованья онъ можетъ разсчитывать въ банкѣ Каіе и К°, гдѣ онъ однимъ изъ главныхъ служащихъ. И только. Одинъ только разъ, когда какъ-то г-жа Арналь тихонько спросила Луизу о ея любви къ жениху, я слышалъ, какъ сестра отвѣтила:

— Онъ такъ любитъ свою тетку и своего брата. Какъ же вы хотите, чтобы онъ не возбуждалъ симпатіи.

Тонъ былъ фальшивый, я не ошибся, и г-жа Арналь также, потому что она прибавила, улыбаясь:

— Во всякомъ случаѣ это прекрасная партія: вѣдь восемнадцать тысячъ франковъ въ годъ, плутовка!

Все дѣло именно въ восемнадцати тысячахъ франковъ, которые Луиза подцѣпила своими хорошенькими глазками,— кстати, они вовсе ужъ и не такъ хороши,—Жюля же она не любитъ. Впрочемъ, если онъ такъ сходитъ по ней съ ума, что ничего не видитъ, тѣмъ хуже для него. Не мое дѣло заниматься всѣмъ этимъ. И потомъ я самъ же много потеряю, если свадьба разстроится: мнѣ обѣщали къ торжеству сшить хорошій костюмъ, настоящій, какъ у большихъ, и пару лаковыхъ сапогъ, какъ тѣ, что выставлены въ окнѣ у сапожника на улицѣ de la Pompe, того самаго, у котораго на вывѣскѣ нарисована роза, а вокругъ нея надпись: *Олицетвореніе дамъ*.

Будетъ ли Жюль счастливъ или нѣтъ,—мнѣ все равно: я не желаю больше имъ заниматься, какъ и другими пустяками въ томъ же родѣ. Событія болѣе важныя требуютъ моего вниманія, какъ сказалъ бы Бодренъ. Повидимому, пруссаки приближаются къ Парижу форсированнымъ маршемъ. Я уже списалъ объявленіе, приглашающее земледѣльцевъ округа доставить всю жатву въ Парижъ.

— Лучше будетъ, если оставить ее на мѣстѣ, да прислать солдатъ для защиты,—сказалъ Легро, который не вылѣзалъ изъ своего офицерскаго мундира и не снималъ сабли.

Я видѣлъ его командующимъ своимъ отрядомъ во дворѣ газовой фабрики и цѣлый день держался за бока: до такой степени онъ смѣшонъ. Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго.

Это, однако, не мѣшаетъ табачному торговцу серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ. Онъ утверждаетъ, что необходимо внушить мужество людямъ, и съ утра до ночи ругаетъ правительство, которое упорно не присылаетъ оружія.

— Не хватаетъ еще болѣе тридцати тысячъ ружей!—кричитъ онъ.—И при этомъ требовать, чтобы мы безъ боя не уступали непріятелю ни одной пяди земли!

— Но подумайте,—умолялъ Бодренъ, какъ будто въ лицѣ Легро стоялъ передъ нимъ геній войны,—подумайте только о тѣхъ непоправимыхъ несчастіяхъ, которыя явятся слѣдствіемъ безполезнаго сопротивленія.

— Я ни о чемъ не могу думать, когда передо мною священная земля родины, которую я обязанъ защищать.

— Подумайте о разрушеніяхъ всякаго рода, о вдовахъ и сиротахъ.

— Я думаю только о родинѣ!

— Но изъ жалости...

— Никакой жалости!..

Повидимому, правители того же мнѣнія, что и Легро, потому что они опубликовали безжалостныя постановленія. Префектурой отданъ приказъ сжечь всѣ гумна, всѣ мельницы округа, а лѣса вокругъ Версаля облить керосиномъ и также поджечь. Вольные стрѣлки разсыпались по окрестностямъ для исполненія этого приказа.

Какъ видно, эти вольные стрѣлки не изъ лучшихъ людей. Крестьяне видятъ въ нихъ только мародеровъ и грозятъ силою отбиваться отъ нихъ. Префектура принуждена была отмѣнить свои распоряженія и выпустить прокламацію, убѣдительно прося гражданъ «воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій, которыя повлекутъ за собой только страшныя репрессаліи противъ беззащитнаго населенія». Воззваніе кончается возгласомъ: «Да здравствуетъ отечество!»

— Беззащитное населеніе!—горько восклицаетъ Легро.— У насъ все отняли вплоть до гарнизона!

Нашъ гарнизонный полкъ, дѣйствительно, ушелъ въ Парижъ 12-го. Плохо обутые, въ рваныхъ сѣрыхъ полотняныхъ блузахъ, вооруженные чуть ли не игрушечными ружьями, они съ пѣснями выступили изъ Версаля. Не долго они напоютъ, бѣдняги! Когда головы немного поостынутъ, когда испарится чадъ алкоголя и вина, они узнаютъ истину на пути отъ несчастныхъ солдатъ, избѣжавшихъ Седана. Пѣхотинцы въ стоптанныхъ

сапогахъ, съ окровавленными ногами; измученные кавалеристы верхомъ на лошадиныхъ скелетахъ; артиллеристы безъ орудій и пороха,—всѣ они бѣжали передъ нѣмецкой арміей. И эти длинныя вереницы несчастныхъ, эти жалкія банды, безногія, разбитыя, лишенныя мужества существа ежедневно тянулись по городу, крича объ измѣнѣ. У всѣхъ въ глазахъ горѣла одна ненависть, когда они говорили о тѣхъ, кто довелъ ихъ до пораженія, и угрожающіе жесты направлялись по адресу главы, котораго они громко осуждали.

— Да, продалъ, продалъ, какъ свиней!—кричалъ одинъ маленькій солдатикъ стрѣлокъ, усѣвшись на тротуарѣ противъ вокзала и на глазахъ у всѣхъ разувая свои израненныя до крови ноги, обернутыя въ грязныя тряпки.—О, Господи! если бы у насъ текла кровь въ жилахъ, намъ слѣдовало бы сначала расправиться съ своимъ французомъ, а потомъ идти разстрѣливать пруссаковъ.

И къ этому позорному дефилированію остатковъ нашей арміи присоединилось еще бѣгство деревенскихъ жителей. Обезумѣвшіе отъ страшныхъ разсказовъ солдатъ, переходившихъ изъ устъ въ уста и въ самыхъ ужасныхъ подробностяхъ печатавшихся въ газетахъ, они спасались отъ непріятельскаго нашествія. Мужчины, женщины, дѣти, гоня передъ собой домашній скотъ и везя нагруженныя жалкимъ скарбомъ телѣги, наводняли дороги, и эти длинныя шествія приводили въ ужасъ. Они торопились, потому что за ними уже рыли на дорогахъ глубокія траншеи, спиливали до корня огромныя деревья, которыя падали и загромождали всѣ проходы.

— Браво! вотъ это и нужно!—кричалъ Легро, возвратясь въ восхищеніи съ дороги въ Велиза.—Вотъ что называется надѣлать хлопотъ господамъ нѣмцамъ. Если они пожелаютъ явиться въ Версаль, то имъ будетъ не легко.

— Лишь бы они не поступили по вашему примѣру,—отвѣчалъ отецъ,—просто, какъ вы, не перешагнули бы черезъ всѣ эти сваленныя деревья и не перепрыгнули канавы.

— Или вѣрнѣе,—сказалъ Мерленъ,—не попросили бы васъ засыпать аккуратно надѣланныя вами маленькія ямки и не предложили бы убрать въ сторону всѣ старательно вырубленныя деревья въ надеждѣ, что они понадобятся имъ для топлива.

— Ахъ, чортъ возьми!—вскричалъ Легро,—посмотрѣлъ бы я, какъ они осмѣлятся это сдѣлать! Вы, г. Мерленъ, не патріотъ.

— Вы думаете?

— Да.

— Почему же?

— Потому что говорите, будто правительство поступаетъ подобно дикарямъ, приказывая сжигать постройки, облегчающія нападеніе, и съѣстные припасы, которые могутъ попасть въ руки непріятеля.

— Я это сказалъ, правда. И прибавлю даже, что прусскія войска, у которыхъ тылъ всегда обезпеченъ, найдутъ все необходимое, гдѣ только пожелаютъ. Эти разрушенія были совершенно безполезны.

— А между тѣмъ, все исполнено,—торжествующе воскликнулъ, Легро.—Сожгли рѣшительно все!

— Исключая запасовъ военнаго фуража въ Рамбулье и въ Версали,—добавилъ Мерленъ.

— Объ нихъ забыли.

— Но *не забыли* продать частнымъ лицамъ, которые также *не забыли* скупить ихъ по смѣхотворной цѣнѣ.

15-го, Жюль, числившійся въ одномъ изъ парижскихъ полковъ, пришелъ съ нами проститься. Онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ Леономъ и г-жей Гатклеръ. Этакій счастливецъ этотъ Леонъ! Вотъ я бы желалъ поѣхать въ Парижъ!

— Ты мнѣ разскажешь обо всемъ, что увидишь, когда вернешься,—сказалъ я ему.

— Да, ужъ не бойся.

— Только врядъ ли мы увидимъ что нибудь особенное,—сказалъ Жюль,—все это продлится мѣсяцъ, недѣль шесть, самое большее. Пруссаки, естественно, не въ состояніи будутъ обложить столицу со всѣхъ сторонъ, и когда увидятъ, что Парижъ нельзя взять силой, поневолѣ должны будутъ заключить миръ.

— Таково и мое мнѣніе,—замѣтилъ отецъ.

— И мое также,—сказалъ Легро.—Взять Парижъ! Да какъ же они пробьютъ стѣны, позвольте васъ спросить? Видѣли вы ихъ толщину, г. Гатклеръ?

— Ну, еще бы.

— А вы, Барбье?

— Конечно.

— Это ужасъ! Просто нѣчто невѣроятное! Вотъ это такъ толщина! Впереди каменная стѣна изъ песчаника и плитняка, а сзади огромный земляной валъ. Предположимъ, ядро пробьетъ каменную стѣну, и чтожъ? Застрянетъ въ землѣ. Вотъ и все!.. Ахъ, какая толщина!..

Мы проводили Жюля на вокзалъ. Станція буквально осаждена эмигрантами. Залы переполнены багажемъ... Сейчасъ уходитъ поѣздъ. Я поцѣловался съ Леономъ и съ г-жей Гатклеръ. Г-жа Арналь, пришедшая съ нами, дала ей письмо къ

своему мужу, который находился въ національной гвардіи въ Парижѣ, и прибавила:

— Непремѣнно скажите ему, чтобъ онъ всегда носилъ фуфайку, а по вечерамъ затыкалъ уши ватой.

Я пожалъ руку Жюлю; онъ простился съ моимъ отцомъ и съ Легро и подошелъ къ Луизѣ.

— Ну, поцѣлуйтесь,—сказалъ отецъ.

Луиза подставила Жюлю лобъ, и онъ запечатлѣлъ поцѣлуй.

Локомотивъ свиснулъ, и путники, послѣ рукопожатія, вошли въ вагоны.

Мы вернулись домой. У Луизы на глазахъ были слезы—крокодиловы слезы.—Г-жа Арналь принялась утѣшать ее.

— Надо быть благоразумной, милочка,—говорила она.—Посмотрите на меня: мой мужъ въ Парижѣ. Ну и что же, развѣ я кажусь очень печальной? Вы мнѣ скажете, что въ глубинѣ души... да, въ глубинѣ души, но...

Въ словахъ г-жи Арналь не было убѣдительности.

— Я, знаете ли, Барбье,—сказалъ Легро,—не люблю проводовъ. Мнѣ они терзаютъ сердце... Бѣдняжечка!

Онъ проговорилъ послѣднее слово тихо, приложивъ руку къ лѣвому боку. Потомъ громко прибавилъ:

— Ну, вотъ и еще одинъ солдатъ для защиты столицы міра! Наши волонтеры съ энтузіазмомъ взялись за оружіе!.. Что касается меня, я увѣренъ, что пруссаки подъ Парижемъ найдутъ съ кѣмъ помѣряться. Армія снова вѣритъ своимъ начальникамъ,—въ этомъ увѣряютъ всѣ газеты,—она воодушевлена самымъ горячимъ патріотизмомъ... Взгляните-ка, что тамъ такое?

— Сборище какое-то, кажется...

Да, толпа. Она собралась вокругъ тюркоса, который сидитъ на тротуарѣ, привалившись къ стѣнѣ. Тяжелый ранецъ валяется тутъ же, а ружье толчкомъ ноги онъ сбросилъ въ канаву. Онъ былъ страшенъ въ своемъ ярко-синемъ платьѣ, съ красной феской на головѣ. Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ, а ослѣпительно бѣлые зубы, плотно сжатые отъ страданія и гнѣва, блестѣли на черномъ лицѣ, кожа котораго какъ бы присохла къ костямъ. Онъ не хотѣлъ подняться на ноги, говоря, что умираетъ отъ усталости и голода, просилъ хлѣба, а его оскорбляли. Онъ хочетъ умереть на этомъ мѣстѣ. Толпа стояла безучастно.

Подошелъ Легро.

— Ну, встаньте же, мой другъ, нельзя же тутъ валяться. Идите въ мэрію.

Тюркосъ замоталъ головой,—онъ не могъ подняться. Тогда Легро, указавъ на свою саблю и погоны, сказалъ:

— Я офицеръ, видите. Я приказываю вамъ встать, не продолжать скандала и идти въ мэрію.

Тюркосъ снова отрицательно покачалъ головой.

— Знать не хочу больше офицеровъ... Офицеры измѣнники...

Легро вспылилъ.

— Какъ, несчастный!—вскричалъ онъ,—вы имѣете честь носить французскій мундиръ... — Но не успѣлъ онъ кончить, какъ тюркосъ приподнялся и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Плевать на французовъ!.. я больше не французъ... я пруссакъ!.. да, пруссакъ...

И снова упалъ на землю.

— Онъ умираетъ съ голоду, — сказала г-жа Арналь,—я пойду, принесу ему поѣсть.

И она указала на кафе, гдѣ на порогѣ стоялъ хозяинъ въ жилеткѣ и спокойно смотрѣлъ на происходившее.

— Никогда! ни за что!—запротестовалъ Легро. — Дрянной солдатъ, позорящій свое знамя! Ни крошки, ничего, пусть издохнетъ, какъ собака.

И онъ увлекъ насъ за собою.

———

Всю ночь я не могъ уснуть. Все время я думалъ объ этомъ тюркосѣ—и вспоминалъ о солдатикѣ, который просилъ меня купить ему водки на станціи въ день выступленія войскъ. Какой онъ былъ грустный! Гдѣ онъ? Не убитъ ли?

X.

Я только что слышалъ въ писчебумажномъ магазинѣ, куда заходилъ купить тетрадку, что видѣли пруссаковъ въ Аблонѣ. Я поторопился домой, чтобы этой новостью доставить удовольствіе отцу. Онъ спорилъ вчера съ Легро, что не пройдетъ недѣли, какъ нѣмцы будутъ въ Версали, а Легро утверждалъ, что они, можетъ быть, даже и не покажутся въ департаментѣ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ у насъ въ домѣ, съ утра до вечера, читаются настоящія лекціи по стратегіи. Бодренъ, отецъ, табачный торговецъ, каждый по очереди излагаетъ свою систему дѣйствій; дамы также принимаютъ участіе. Поднимается крикъ, часто выходятъ изъ себя и спорятъ безъ конца. Отецъ то и дѣло восклицаетъ, пожимая плечами:

— Оставьте меня въ покоѣ!

— Позвольте, позвольте,—кричитъ Бодренъ,—пусть каждый свободно выскажется, и, въ концѣ концовъ, мы придемъ къ соглашенію.

Но отецъ мой ничего не желаетъ позволить ни Легро, ни дамамъ, и къ соглашенію никогда не приходятъ.

Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ всѣ согласны. Когда заходитъ рѣчь о пораженіяхъ, испытаннымъ нашими генералами, проигранныхъ сраженіяхъ, о все увеличивающихся бѣдствіяхъ, всѣ въ одинъ голосъ восклицаютъ:

— Это подло!

И всѣ соглашаются съ трогательнымъ единодушіемъ въ томъ, что, если мы побиты, то благодаря тому, что намъ измѣнили, насъ продали, предали. Подлецъ Лебефъ! Подлецъ Паликао! подлецъ Фальи! подлецъ Фроссаръ. Это не Наполеонъ III, а шутъ—подлецъ III!

— Это подло.

Цѣлую недѣлю это слово раздается въ моихъ ушахъ. Я слышу его и сейчасъ, входя въ гостиную, которая приняла странный видъ. Стулья и кресла не на своихъ мѣстахъ. Скатерть на половину сдернута со стола и лежитъ на полу. Легро наступилъ на нее съ яростью и топчетъ; Бодренъ стоитъ съ руками, поднятыми къ потолку, точно собирается схватиться за трапецію; сестра, растрепанная, забилась за кресло, на которомъ спокойно, скрестивъ ноги, сидитъ Мерленъ.

— Да, это подло, подло! говорю вамъ!—И отецъ въ позѣ гимнаста, поднимающаго гири, раздвинувъ ноги и вытянувъ впередъ руки, точно угрожаетъ Піону, который прислонился къ стѣнѣ и заложилъ руки въ карманы.

Такъ это ссорятся съ Піономъ? Изъ-за чего? Онъ давно не былъ у насъ. Что онъ сдѣлалъ? Почему онъ такъ блѣденъ, точно сейчасъ упадетъ въ обморокъ? Я шмыгнулъ за спинку дивана.

— Положительно вы скандализируете меня, г. Піонъ,—говорилъ Бодренъ.—Осмѣлиться утверждать, что шутъ...

— Скажете-ли вы императоръ, чортъ васъ возьми!—зарычалъ Піонъ.

— Шутъ, шутъ!—протестовалъ Легро.

— ... осмѣлиться утверждать, что ех-императоръ,—продолжалъ профессоръ, покачавъ головой, — сдался въ Седанѣ, чтобы спасти свою армію!

— Да, да, я настаиваю на этомъ! И онъ хорошо сдѣлалъ. Слышите: хорошо!

— Это подло!—закричалъ отецъ.

— Ваша грязная республика — вотъ подлость! Ничего-бы не было потеряно, если бы продолжало дѣйствовать императорское правительство. А съ вашей республикой, увидите, что будетъ... Дождетесь вы отъ этой Маріанки!

— Прусскій прихвостень!

— Шутъ гороховый!

— Плохой патріотъ!

— Такой же патріотъ, какъ и вы, будь вы прокляты! Пле-

вать мнѣ на васъ!.. Безъ императора я гроша не дамъ за вашу Францію!.. Къ чорту ее!.. Да здравствуетъ императоръ!..

— Долой шута!—зарычалъ Легро.

— Кричите: да здравствуетъ императоръ, какъ кричали въ прошломъ мѣсяцѣ; для васъ же лучше, запоздалый санкюлотъ!

Общее гиканье покрыло слова Піона.

— Это скандально!.. подло!..

— Долой Маріанку!..

— Долой шута! Васъ бы разстрѣлять за это!

Піонъ ринулся на Легро, прокричавшаго послѣднюю фразу.

— Вы смѣете говорить... угрожать мнѣ...вы! вы!первый трусъ!..

— Позвольте, господа, позвольте! — хотѣлъ вмѣшаться Бодренъ, но отецъ мой положилъ руку на плечо Піона.

— Милостивый государь!.. — сказалъ онъ, — мы здѣсь всѣ патріоты... вы должны понять, что ваше присутствіе... отнынѣ...

Піонъ весь повернулся къ отцу.

— Понимаю-съ. Я ухожу. Вы вѣдь этого хотите, не такъ ли? И повѣрьте, нога моя больше у васъ не будетъ... Вамъ, Барбье, не надо было много времени для перемѣны фронта... Я же дѣйствую въ открытую! Слышите? Я не могу быть перебѣжчикомъ!

И онъ вышелъ, съ силой хлопнувъ дверью.

— Ничего не оставалось, какъ только спровадить его,— сказалъ отецъ, потирая руки.—Такая скотина!.. И онъ думаетъ еще напугать насъ!.. Онъ можетъ и пороху-то никогда не нюхалъ... Что вы скажете объ этомъ, г. Мерленъ?

— Скажу, что прочныя убѣжденія весьма похвальны.

— Конечно, — подтвердилъ Легро, — или республиканецъ, или нѣтъ—что нибудь одно.

Старый Мерленъ усмѣхнулся. Отецъ, не замѣтившій меня раньше, увидалъ теперь.

— Ты былъ здѣсь? Что ты дѣлалъ?—спросилъ онъ.

— Папа, я только что узналъ, что у Аблона видѣли пруссаковъ. Я пришелъ сообщить тебѣ эту новость.

— У Аблона? — вскричалъ Бодренъ. — Чортъ возьми! — и онъ вытащилъ карту, которую всегда имѣлъ при себѣ.

— Смотрите, вотъ!

Всѣ головы наклонились къ столу.

— Противъ Вильнева сенъ-Жоржъ, — сказалъ Легро. — Да, имъ осталось только переправиться черезъ Сену. Надѣюсь, имъ преградятъ путь... О! если-бы всѣ исполняли свой долгъ!

Бодренъ поднялъ голову. Онъ имѣлъ вдохновенный видъ.

— Исполнять свой долгъ! — воскликнулъ онъ. — Да, въ этомъ и заключается все. Надо облагородить сердца! И начнемъ съ нашихъ. Sursum corda!..

— Sursum corda! — повторили отецъ и Легро, оба не понимавшіе по латыни.

— Sursum corda! Будемъ мужественны! Но,—продолжалъ профессоръ, стуча по столу, — пусть это не будетъ пустымъ звукомъ! Условимся съ этой минуты всѣми силами защищать священную землю родины! Поклянемся...

Становилось очень интересно. Къ сожалѣнію, отецъ вспомнилъ о моемъ присутствіи.

— Жанъ, тебѣ здѣсь не мѣсто, — сказалъ онъ, — иди къ себѣ, тебя ждутъ уроки.

Вечеромъ я спросилъ у сестры, что было послѣ моего ухода. Она не хотѣла сказать.

— Ну, скажи хоть, Луиза, клялись они или нѣтъ?

— Да, клялись.

— И Мерленъ?

— Нѣтъ, онъ сейчасъ-же послѣ тебя ушелъ. Ему пора было поливать цвѣты.

— И они поклялись въ томъ, что...

— Дѣтямъ этого незачѣмъ знать. Ты еще слишкомъ малъ. Одно могу сказать тебѣ: надо имѣть мужественное сердце. Sursum corda!..

У меня мужественное сердце. Каждое утро я взбираюсь на холмъ, влѣзаю на дерево и смотрю, не видно-ли гдѣ пруссаковъ. Когда удостовѣряюсь, что на горизонтѣ не замѣтно ни одной каски, я остальную часть утра провожу въ паркѣ. Въ немъ не весело: своими восходящими аллеями, балюстрадами, лѣстницами, вазами, лужайками, террасами, онъ производитъ на меня удручающее впечатлѣніе. Хорошо, если встрѣтишь тамъ товарища, а если нѣтъ — просто несчастіе! Я обреченъ тогда изучать паркъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ моемъ возрастѣ это очень скучно. Знаменитый Ленотръ былъ поистинѣ сверхъ-естественный садовникъ.

— Онъ былъ примѣрный сынъ!—сказалъ о немъ Бодренъ, когда далъ мнѣ выучить наизусть стихотвореніе изъ *избранныхъ сочиненій*, гдѣ изсбражена была сыновняя любовь этого распространителя букса.

— Онъ былъ примѣрный сынъ и великій человѣкъ!—повторилъ Бодренъ. — Онъ удостоился дружбы короля-Солнца. Вотъ видите, мой другъ, для достиженія чего нибудь хорошаго, необходимо имѣть въ высокой степени развитыя родственныя чувства.

Бодренъ, должно быть, обманываетъ.

Ахъ, эти угрюмыя рощи, расположенныя косыми рядами, мрачныя урны, корявыя статуи, золотушная бронза! Отвратительные зеленые ковры, на которыхъ чахнутъ старыя деревья; уступы террасъ, украшенные полинялымъ буксомъ, похожимъ

на дѣтскія пеленки! Всюду этотъ буксъ, подъ всѣми соусами, во всевозможныхъ формахъ: въ видѣ четыреугольника, треугольника, въ видѣ сахарной головы, кубаря, пирамидъ. Грустно до слезъ. Будь тутъ цвѣты, можно было-бы вообразить себя на кладбищѣ. Но цвѣтовъ совсѣмъ нѣтъ. Ничего фривольнаго! Пріятное принесено въ жертву полезному. Всѣ насажденія примѣрнаго сына и садовника обнесены трельяжемъ, располагающимъ собакъ подымать надъ нимъ заднюю лапу.

Въ сторонѣ отъ аллеи, гдѣ разные уроды берутъ ножныя ванны, находится отвратительный цвѣтникъ, окруженный изъѣденными мраморными перилами, покрытыми мохомъ, напоминающими корку стараго сыра. Въ этомъ цвѣтникѣ, окаймленномъ неизмѣннымъ буксомъ, прозябаютъ несчастные сухіе кустики, не аккуратно подстриженные, какъ голова солдата, и нѣсколько жалкихъ тисовъ, заостренныхъ на подобіе коловъ, на которые турки сажаютъ невѣрныхъ. Я просто не могу понять, какъ можно такъ уродовать растенія, которыя ничего не дѣлаютъ дурного. Они имѣютъ видъ приговоренныхъ къ казни. Мнѣ на Рождество подарили садъ изъ картона. Деревья и листья на нихъ были выпилены, а корни замѣнялись маленькими полукруглыми деревяшками. Насажденія парка вполнѣ напоминаютъ мнѣ мой садъ. Онъ даже былъ красивѣе и лучше: тѣ деревья такъ хорошо пахли клеемъ и краской.

Я всегда пускаюсь бѣжать, когда мнѣ приходится попадать въ этотъ цвѣтникъ. Я не оглядываюсь, добѣжавъ даже до конца. Я знаю, что, оглянувшись, увижу огромный остовъ дворца, съ громадными окнами, съ маленькими переплетами въ рамахъ, производящими впечатлѣніе канвы недошитаго ковра, для которой не хватило шерсти разныхъ цвѣтовъ. Я грустно бреду вдоль аллеи грабовъ, сквозь вѣтви которыхъ виднѣется рѣшотка. Черезъ отверстія я вижу нескошенную траву, мохъ, ростущій неправильными рядами, вьюнки, фіалки, кукушкины слезки, лютики, спокойно разросшіеся въ безпорядкѣ на свободѣ, какъ будто здѣсь имъ настоящее мѣсто. А между тѣмъ этого не должно быть. О, если бы Ленотръ былъ живъ!

Разъ, возвращаясь домой къ обѣду, я встрѣтилъ г-жу Піонъ съ корзиной въ рукѣ. Она спросила меня, по прежнему-ли сходитъ съ ума мой отецъ. Чтобы не скромпрометтировать себя, я сказалъ, что ничего не знаю. Мы немного поболтали, и, на прощанье, она вынула изъ корзины прекрасную кисть винограда и дала мнѣ.

— Благодарю васъ, не надо,—отказался я.

— Бери, глупышъ! И ты еще будешь кривляться? Полно!

— Я еще не обѣдалъ.

— Ну, такъ съѣшь виноградъ послѣ обѣда.

Я пришелъ домой съ кистью въ рукѣ.

— О, о!—вскричала Луиза,—какой чудесный виноградъ. Гдѣ ты взялъ?

— Мнѣ дали...

— Кто?

— Г-жа Піонъ.

— Кто ты сказалъ?..

— Г-жа Піонъ.

— А—а! а!

И Луиза побѣжала въ садъ, гдѣ отецъ курилъ трубку, потягивая вермутъ. Черезъ минуту я услыхалъ его голосъ и чуть не подавился крупной виноградиной, которую не успѣлъ проглотить.

— Жанъ, ступай сюда, сію минуту!

Я медленно направился къ бесѣдкѣ, повѣсивъ носъ и спрятавъ виноградъ за спину.

— Ты взялъ виноградъ отъ г-жи Піонъ?

Я поднялъ голову. О, ужасъ! отецъ не одинъ: тутъ супруги Легро, Бодренъ и г-жа Арналь...

— Говори! да или вѣтъ? Госпожа Піонъ дала тебѣ виноградъ?

— Да, папа.

— Такъ ты получаешь подарки отъ бонапартистки! Ты ѣшь шутовской виноградъ! И тебѣ не стыдно?

Я попытался спасти свой виноградъ:

— Да, папа, стыдно,—сказалъ я.

— Въ такомъ случаѣ брось его вонъ!

Я стоялъ въ нерѣшительности. Какая жалость! Такой чудный виноградъ!

— Брось виноградъ!

Я бросилъ и съ досадой ушелъ, обиженный и пристыженный: я видѣлъ, какъ смотрѣлъ на меня Легро, какъ сдвинуты были брови Бодрена и поджаты губы г-жи Арналь. Я понялъ все значеніе своего проступка,—всѣ знаютъ уже, что я предатель, продажный, измѣнникъ. Какой стыдъ! Мнѣ ничего не оставалось больше, какъ уйти и спрятаться въ своей комнатѣ.

Но на первой же ступенькѣ лѣстницы меня остановила Катерина. Въ рукахъ она держала письмо.

— Г. Жанъ, прочтите мнѣ, пожалуйста, это письмо,—сказала она.

Катерина была безграмотна, и я былъ уполномоченъ вести ея переписку.

— Это все еще не отъ брата, —грустно сказала она,—отъ родителей. Я узнаю почеркъ школьнаго учителя. Штемпель Шательбо, не правда-ли?

— Да.

— А можетъ быть, и отъ брата, я такъ давно не получала отъ него извѣстій. Ну, да увидимъ...

Я прочелъ:

«Моя дорогая дочь, мы должны сообщить тебѣ большую новость съ большою предосторожностью, такъ какъ она очень печальна, и мы не хотѣли бы нанести тебѣ удара, какъ твоей матери, которой сообщили ее безъ всякихъ подготовленій. Это большое несчастіе, дорогая моя дочь, мы его не ждали, когда получили извѣщеніе изъ полка о кончинѣ твоего бѣднаго брата Грегуара. Мать твоя плачетъ день и ночь. Ты можешь понять наше отчаяніе: у насъ нѣтъ больше никакихъ надеждъ, и ничто ее не можетъ утѣшить. Изъ нашей общины убито трое, а въ Сентъ-Рагандѣ всѣ цѣлы, хотя она въ четыре раза больше Шательбо. Это большое несчастіе, потому что хлѣба у насъ очень хороши, и мы ни на что не можемъ жаловаться, у насъ еще есть двѣ жирныя свиньи на продажу. Батюшка совѣтуетъ тебѣ помолиться за упокой души твоего бѣднаго брата, а мнѣ, больше нечего писать.

«Твой навѣки отецъ обнимаетъ и цѣлуетъ тебя»...

Я прочелъ письмо однимъ духомъ.

Катерина упала на стулъ и безутѣшно рыдала, закрывъ ладонями лицо. Вдругъ она поднялась, вытерла глаза и сказала:

— Г. Жанъ, дайте, пожалуйста, письмо. Покажите, гдѣ говорится, что *есть двѣ жирныя свиньи на продажу*.

— Вотъ здѣсь.

Кухарка взяла перо, служившее ей для помѣтокъ въ счетахъ съ поставщиками провизіи, и, тщательно зачеркнувъ указанную мной строчку, взяла письмо и пошла въ садъ. Я послѣдовалъ за нею.

— Простите, что безпокою васъ, баринъ, — сказала она отцу,—я получила письмо... Г. Жанъ мнѣ уже прочелъ его... Но мнѣ будетъ очень пріятно, если баринъ... Не могу повѣрить, что тутъ правда, вотъ...

Отецъ перечелъ письмо.

— Сомнѣнья нѣтъ, бѣдняжка,—сказалъ онъ.—Братъ вашъ умеръ, защищая отечество.

— Погибъ, какъ герой,—прибавилъ Бодренъ.—Какъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ героевъ, которые...

— Умеръ, какъ всѣ мы умремъ,—сказалъ Легро, котораго жена при этихъ словахъ дернула за рукавъ.—Да, Амелія, всѣ скорѣе умремъ, чѣмъ допустимъ, чтобы вандалы осквернили нашу священную землю.

— Да, всѣ, — подтвердилъ отецъ мрачнымъ голосомъ.— Утѣшьтесь, Катерина; вспомните...

— Ахъ, сударь, не перенести мнѣ горя; не могу предста-

вить себѣ, что случилось... Такой здоровый, красивый... Двадцать четыре года всего, сударь... двадцать четыре года...

И Катерина снова залилась слезами.

— Бѣдная дѣвушка!—вздохнула г-жа Арналь, утирая глаза.

— А несчастные родители, — пролепетала г-жа Легро.— Эта несчастная старуха-мать... Ужасно!.. Этотъ Бисмаркъ! О! если-бъ онъ очутился въ моихъ рукахъ...

— Обратили-ли вы вниманіе на стиль письма?—тихо спросилъ Бодренъ моего отца.—Какъ онъ простъ и трогателенъ... Конечно, не съ точки зрѣнія синтаксиса... впечатлѣніе подавляющее! И этотъ переходъ къ урожаю! Эта антитеза между разрушеніемъ, причиненнымъ войной, и щедрыми дарами Цереры! Простота... безыскусственность... Ни одного пошлаго выраженія, ни одного грубаго слова! О! выраженія выбраны умѣлой рукой,—кончилъ профессоръ, качая головой.

Къ счастію, онъ не видѣлъ *жирныхъ свиней.*

Катерина все еще плакала. Г-жа Арналь подсѣла къ ней и старалась утѣшить. Г-жа Легро продолжала возмущаться Бисмаркомъ, Вильгельмомъ и Шутомъ.

— О, три чудовища! Надо бы для нихъ придумать страшнѣйшія пытки! Не убивать ихъ сразу, нѣтъ, а привязать ихъ къ столбу и колоть булавками. Пусть ихъ мучатся цѣлыми днями: вотъ!

— Лучше всего,—сказалъ Легро,—это изжарить ихъ, какъ святого Лаврентія. Сжечь, больше ничего. Двѣ недѣли тому назадъ я обжогся, когда жарилъ кофе. Такъ у меня еще до сихъ поръ пузырь. Ужасно больно.

— А колъ?—спросилъ Бодренъ.—Вы, думаете это пустяки? Нѣтъ, самое подходящее! Можно бы прибѣгнуть къ четвертованію, сдиранію кожи, распять; но все это быстро дѣйствующія средства... Нѣтъ, кромѣ кола...

— А по моему,—сказалъ отецъ,—слѣдовало бы этихъ трехъ палачей привязать среди труповъ ихъ жертвъ и оставить умирать между ними!

— Браво!—вскричалъ Легро.

Катерина съ удивленіемъ подняла свои покраснѣвшіе отъ слезъ глаза и, широко открывъ ихъ, вопросительно глядѣла на бакалейщика.

— Да,—вскричалъ онъ,—да, мы отомстимъ за своихъ покойниковъ! Мы отомстимъ за вашего брата, Катерина! Варвары отдадутъ намъ отчетъ въ пролитой крови! Мщенье!

Катерина поднялась и, казалось, упивалась словами табачнаго торговца.

— О, да,—закричала она вдругъ внѣ себя,—о, да! я отомщу! Я заставлю ихъ расплатиться за смерть моего брата!.. Перваго же пруссака, который попадетъ въ мои руки, я убью, убью,

какъ собаку; это также вѣрно, какъ и то, что у меня на рукѣ пять пальцевъ. Я убью, убью!..

Она ушла, потрясая письмомъ и дѣлая безумные жесты.

— Фактъ, дѣйствительно, раздирающій сердце! — сказала г-жа Арналь.—Бѣдная дѣвушка!..

— Не жалѣйте ее,—произнесъ Легро, вытянувъ руку.— Она героиня! Ей надо удивляться, а не жалѣть. Ея рѣчь прекрасна! Восхитительна!

— Сцена изъ Корнеля, — замѣтилъ Бодренъ, облизывая губы.

— Она способна сдѣлать то, что говоритъ,—сказалъ отецъ.

— Нисколько не сомнѣваюсь, — отвѣчалъ профессоръ.—Э-э, это будетъ не первый примѣръ мужественнаго поведенія женщины... Исторія указываетъ намъ...

— Юдифь и Олофернъ!—перебила г-жа Легро.

— Я хотѣлъ указать, — отвѣтилъ Бодренъ, недовольный похищенной мыслью,—на Юэль, жену Гавера, которая вбила гвоздь въ голову Сизары.

— А!—равнодушно отозвалась лавочница, — это не всѣ знаютъ... Катерина будетъ Юдифью!

— Э-э...—началъ Бодренъ,—видите ли, сударыня, дѣло въ томъ, что... Какъ бы это выразить?..

— Говорите, что хотите. Катерина будетъ Юдифью!

Легро попробовалъ успокоить свою жену.

— Ты горячишься, мой другъ... утверждаешь вещи, по истинѣ... Вѣдь раньше, чѣмъ убить Олоферна, Юдифь... она...

— Ну, что жъ?—возразила раздраженно лавочница.—Когда дѣло идетъ объ освобожденіи родины? Когда вопросъ въ томъ, чтобы отмстить за родственника, за брата... Ахъ, Легро, куда дѣвалось ваше сердце? Класть на вѣсы высшіе интересы и ничтожную жертву!

— Ничтожную жертву!—воскликнула г-жа Арналь, покраснѣвъ.—Вы хватаете черезъ край!

— Нисколько. Юдифь поступила прекрасно! На ея мѣстѣ я сдѣлала бы тоже самое.

— Это, конечно, очень храбро, — сказалъ Бодренъ, — но, признаюсь, вы шагнули бы далеко.

Почему же? подумалъ я. По моему вполнѣ естественно: Юдифь пошла въ палатку Олоферна и, когда онъ уснулъ, отрѣзала ему голову. Вотъ и все. Очень просто. И я не понимаю, почему моя сестра, которая только что вошла въ бесѣдку, покраснѣла, какъ макъ.

— Когда обстоятельства вынуждаютъ къ жертвамъ, я допускаю все!—кричала лавочница, глядя въ глаза г-жѣ Арналь, въ то время, какъ мужъ теребилъ ее за плечо, а отецъ и Бодренъ улыбались.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ профессоръ,—что почти нѣтъ пьесъ безъ пролога, и когда хотятъ непремѣнно дойти до эпилога, то...

— Вотъ, вотъ,—вскричала г-жа Арналь.—На эпилогъ—я согласна, но прологъ...

Какой прологъ? какой эпилогъ?

— На прологъ... ахъ, этотъ г. Бодренъ придумаетъ всегда прелестныя словечки,—на прологъ—нѣтъ, окончательно... я чувствую, у меня не нашлось бы храбрости...—жеманясь, говорила г-жа Арналь.—Я... я не могу себѣ представить, чтобы какой-нибудь иностранецъ... непріятель... Не знаю, ужъ одна мысль объ этомъ... Не понимаю...

— Ну, а я понимаю все!—закричала г-жа Легро, не смотря на умоляющіе взгляды своего мужа.—Да, все! все!..

Г-жа Легро истинная патріотка! Она все понимаетъ. У нея все идетъ какъ по маслу.

XI.

Кто былъ изумленъ сегодня, явившись къ намъ утромъ, такъ это Легро. Онъ засталъ отца въ глубинѣ сада, въ ту минуту, когда тотъ зарывалъ въ глубокую яму, вырытую въ землѣ, маленькіе деревянные и металлическіе футляры, плетеную корзинку, чемоданъ. Я помогалъ отцу въ его работѣ, а дѣдушка Туссенъ, который со вчерашняго дня переѣхалъ изъ Мусси на житье къ намъ, завертывалъ въ промасленныя тряпки и лохмотья старый револьверъ и ружье. Двѣ старыя сабли и кремневое ружье, украшавшія мою комнату, валялись тутъ же.

— Какъ!—вскричалъ съ изумленіемъ бакалейщикъ,—вы, Барбье, вы зарываете свое оружіе въ землю!

— Я, право...—отвѣчалъ отецъ, смутившись,—я... то есть... это въ виду дѣтей, понимаете ли... легко случиться несчастію...

— А непріятель, который уже стучится къ намъ въ дверь!—простоналъ табачный торговецъ.

— О! будьте спокойны! если городъ дѣйствительно вздумаетъ защищаться...

— И вы еще сомнѣваетесь въ патріотизмѣ національной гвардіи?—спросилъ Легро съ негодованіемъ.—Вы же сами принадлежите къ ней, хотя чаще, чѣмъ позволяетъ благоразуміе, избѣгаете маневровъ.

— Э, да я знаю, чортъ возьми, что принадлежу къ ней: въ шкафу въ передней виситъ мое ружье и полная амуниція.

— Ну, слава Богу! Значитъ, вы не подозрѣваете офицеровъ въ недостаткѣ энергіи... Я тоже нѣсколько времени тому назадъ думалъ, что почти невозможно сопротивленіе, но теперь... лишь бы всякій исполнилъ свой долгъ...

— Вамъ же отлично извѣстно, что мы всѣ поклялись... Дѣдушка Туссенъ, хорошенько оберните револьверъ, механизмъ очень чувствителенъ къ сырости... Такъ вы говорите, Легро, что теперь...

— Теперь пруссаки найдутъ съ кѣмъ поговорить. Впрочемъ, мы ждемъ ихъ не раньше трехъ-четырехъ дней. Приняты всѣ предосторожности: заставы закрыты, и стража получила приказаніе впускать только парламентеровъ. Насъ въ Версали тысячъ двѣнадцать, по меньшей мѣрѣ...

— И изъ нихъ только три тысячи вооружены,—насмѣшливо проговорилъ дѣдъ.

— Вотъ потому-то и не хорошо, что вашъ зять зарываетъ свое охотничье ружье, — отвѣчалъ Легро. — Этимъ ружьемъ можно было бы вооружить кого нибудь, и былъ бы лишній защитникъ родинѣ.

— Да будетъ вамъ! прибавится лишь ружье, которое придется отнести въ мэрію, послѣ занятія города пруссаками,— отвѣчалъ дѣдъ.—Возьмите-ка, Барбье, вотъ ваше ружье и револьверъ... Хотите и вашу саблю заверну, г. Легро? У меня еще хватитъ тряпокъ... Не хотите? Вы предпочитаете отдать ее нѣмцамъ? Какъ угодно.

Отецъ приводилъ въ порядокъ оружіе въ ямѣ.

— Только вотъ жалко,—сказалъ онъ.—Повадилась ко мнѣ по ночамъ бѣлка ѣсть фрукты. Два дня я подстерегалъ ее, хотѣлъ подстрѣлить, а теперь безъ ружья... Да, впрочемъ, вы одолжите мнѣ свое, г. Легро, окажете мнѣ услугу...

— Съ удовольствіемъ... только я... въ эту минуту... я думаю...

Бакалейщикъ что-то забормоталъ, смѣшался, покраснѣлъ. Дѣдушка Туссенъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ и вдругъ громко расхохотался.

— Да признайтесь, что вы его тоже зарыли, неисправимый хвастунъ!.. Ну же, давайте вашу саблю! еще въ ямѣ есть мѣсто!..

Легро ушелъ, весь красный отъ гнѣва.

— Знаете, Барбье, — сказалъ дѣдъ, — если бы сейчасъ пришли пруссаки, то этотъ надутый пузырь положительно далъ бы себя убить, чтобы только доказать мнѣ, что я напрасно насмѣхаюсь надъ нимъ.

— Возможно,—отвѣчалъ отецъ, заравнивая яму.—Къ счастію, нѣмцевъ еще нѣтъ... Кстати, Жанъ, отправилъ ты мое письмо, что я приготовилъ сегодня утромъ?

— Нѣтъ еще, папа.

— Такъ иди же, отправь. Уже больше половины одиннадцатаго, а письма вынимаютъ въ одиннадцать.

Я пошелъ на почту, опустилъ въ ящикъ письмо и возвращался домой, напѣвая и глядя подъ ноги, точно считалъ былинки между камнями на мостовой. Громкій лошадиный топотъ, послышавшійся съ улицы Дюплесси, заставилъ меня поднять голову.

О-о!

Я прижался къ стѣнѣ ни живъ, ни мертвъ. Масса всадниковъ, какой я никогда не видѣлъ, пронеслась во весь опоръ. Меня охватилъ ужасъ. На своихъ высокихъ лошадяхъ, изъ подъ блестящихъ подковъ которыхъ вылетали искры, они произвели на меня впечатлѣніе гигантовъ.

Боже! какъ я испугался!

Они проскакали и были уже далеко, а я не могъ тронуться съ мѣста. Я повернулъ голову и увидѣлъ ихъ вдали, все еще скачущими галопомъ. Вдругъ передъ вокзаломъ они остановились. Что это? ихъ только четверо! Я бы поклялся, что ихъ была цѣлая сотня. Они похожи на уланъ, но совершенно черные. У нихъ въ рукахъ большіе пистолеты и на бѣлой съ чернымъ перевязи длинныя пики... Большаго мнѣ не удалось разглядѣть, такъ какъ они снова пустились въ галопъ, и я видѣлъ только блескъ ихъ сабель и лошадиныхъ подковъ, бѣлую перевязь, развѣвавшуюся отъ вѣтра, и черные силуэты прохожихъ, которые въ испугѣ сторонились передъ этими бѣшеными всадниками.

Я бѣгомъ пустился домой.

— Папа, дѣдушка, Луиза, Катерина!.. Пруссаки! Пруссаки пришли! Я ихъ только что видѣлъ!.. Пруссаки! Четыре пруссака!..

Всѣ бросились ко мнѣ и окружили, разспрашивая подробности. Я спѣшилъ передать, что видѣлъ, но должно быть не совсѣмъ ясно, потому что меня постоянно переспрашивали. Всѣ слушали съ трепетомъ.

— Они отвратительны?—спросила сестра, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— О, да! И какіе огромные!

— Бррр!..

— Ты говоришь, — у нихъ большіе пистолеты въ рукахъ?

— Въ два раза больше револьвера папы.

— И пики?

— И пики.

— И сабли?

— И сабли.

— Бррр!!..

— Они ничего тебѣ не сказали, когда проѣзжали мимо?

— Нѣтъ, ничего... Но они посмотрѣли на меня съ яростью. Въ особенности одинъ, съ длинной рыжей бородой.

Въ сущности, я даже не зналъ, замѣтили ли меня пруссаки, и есть ли у нихъ бороды. Я прибавилъ это на свой страхъ, чтобы придать себѣ вѣса и показаться мужчиной. Я даже пробормоталъ, вытянувъ шею:

— Одну минуту я думалъ, что они хотятъ меня убить.

Сестра, противъ своего обыкновенія, поцѣловала меня. Должно быть, она черезчуръ взволнована.

— Разбойники!—крикнула Катерина.—О, эти дикари способны убить невиннаго... Бѣдняжечка! когда подумаешь...

И лицо ея, выражавшее ужасъ, когда я только что вбѣжалъ съ извѣстіемъ о пруссакахъ, сдѣлалось безконечно добрымъ и грустнымъ. Мнѣ стало стыдно за свою ложь.

— Что теперь дѣлать? что дѣлать? — спрашивала сестра, ломая руки.

— Надо запереть всѣ окна и двери, выходящія на улицу,— нашелся отецъ,—непремѣнно... и позавтракать въ ожиданіи событій. Ужъ этого завтрака пруссаки во всякомъ случаѣ не получатъ.

За этимъ грустнымъ завтракомъ кусокъ никому не шелъ въ горло, и мы обмѣнивались своими страхами и предчувствіями. Мы вспомнили и о теткѣ Моро, которая не хотѣла покинуть павильона и переѣзжать въ Версаль.

— А между тѣмъ здѣсь, въ городѣ, она была бы въ большей безопасности, чѣмъ въ глухой деревнѣ,—замѣтила Луиза.

— Я сдѣлалъ все, чтобы уговорить ее,—сказалъ дѣдъ.— Я ей говорилъ: «Вы посмотрите на меня: я мужчина и то уѣзжаю. Если черезъ нѣсколько дней никакой опасности не обнаружится, я вернусь. Поѣдемте со мной. Мы вернемся вмѣстѣ, когда будетъ можно. Барбье съ восторгомъ предложитъ вамъ свое гостепріимство...»

— Еще бы!—воскликнули отецъ и сестра.

— Она уперлась и во что бы то ни стало захотѣла остаться. «Ну, что могутъ сдѣлать пруссаки съ такой старухой, какъ я? Надо быть очень злымъ, чтобы сдѣлать мнѣ что нибудь дурное».

— Бѣдная тетя,—сказала Луиза, утирая слезы.

— Я желаю...—началъ было мой отецъ.

Но внезапный звонокъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть. Мы взглянули на часы: половина перваго. Мы никого не ждали въ этотъ часъ... Кто можетъ звонить? Кто звонитъ? Отворять или не отворять?

Мы стали совѣтоваться. Наконецъ, меня послали на чердакъ осторожно посмотрѣть, кто пришелъ? Я взобрался на лѣстницу, тихонько полуотворилъ слуховое окно, высунулся на улицу и увидѣлъ Легро. Онъ снялъ свой мундиръ и былъ въ штатскомъ платьѣ... Мнѣ казалось, что онъ сильно дрожитъ и безпокойно оглядывается по сторонамъ. Я спустился внизъ и отперъ дверь.

— Ну что, знаете новость? — спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ, обнаруживавшимъ сильное волненіе.—Пруссаки въ городѣ... т. е. авангардъ... парламентеры... парламентеры... Мы ихъ впустили, потому что, хотя и нужно быть стойкимъ патріотомъ, но необходимо быть и разсудительнымъ, благоразумнымъ... словомъ, отдавать себѣ отчетъ... Три тысячи человѣкъ не въ силахъ устоять передъ цѣлой арміей... Сегодня, въ двѣнадцать часовъ подписана очень почетная для насъ капитуляція... очень почетная... я не видѣлъ еще текста, но она очень почетная... Достовѣрно знаю, что національная гвардія должна быть обезоружена... Да!.. А потомъ необходимо засыпать канавы и убрать наваленныя нами срубленныя деревья, которыя заграждаютъ дороги... Въ сущности это естественно, потому что пруссаки будутъ здѣсь въ два часа, и капитуляція уже подписана... почетная... Кажется, я не сказалъ вамъ, что пруссаки будутъ въ два часа? Въ два часа они будутъ здѣсь... О, если-бы городъ былъ укрѣпленъ!.. Но, чортъ возьми! уже часъ! Я иду... Можетъ быть, скоро на улицахъ будетъ не безопасно... До свиданія!

Табачный торговецъ ушелъ. Его послѣдняя фраза запала мнѣ въ голову: не безопасно будетъ на улицахъ. Какъ жаль! а мнѣ такъ хотѣлось побродить въ той части города, откуда должны придти нѣмцы. Если я скажу объ этомъ отцу, онъ не позволитъ мнѣ отлучиться изъ дому,—это ясно. Надо или улизнуть, или вовсе отказаться отъ зрѣлища вступленія прусскихъ войскъ. Пропустить такое удовольствіе досадно... Я улизну...

И улизнулъ. Я потихоньку отворилъ и затворилъ дверь и еще тише вышелъ на улицу. Меня никто не хватился. Я направился къ Королевскому бульвару.

Народу не особенно много. Всѣ окна закрыты, двери заперты. Я прошелъ почти до рѣшотки; гауптвахта національной гвардіи пуста. Только два таможенныхъ досмотрщика стоятъ на стражѣ, смотря въ поле. Я весь дрожалъ отъ ожиданія. Только-бы никто не помѣшалъ, не замѣтилъ и не прогналъ-бы меня! Я дрожалъ все сильнѣе и сильнѣе, но эта дрожь доставляла мнѣ наслажденіе. Мнѣ хотѣлось спросить у досмотрщиковъ, долго-ли еще придется ждать, но я не посмѣлъ...

Вдругъ я услышалъ музыку. Это они! Я уцѣпился за рожокъ газоваго фонаря и наклонился впередъ, чтобы лучше видѣть... Ничего, ничего, кромѣ барабаннаго боя и музыки, которые быстро приближались. Сердце готово было выпрыгнуть, я едва переводилъ дыханіе...

— Вотъ они!—раздался вдругъ крикъ таможенныхъ стражниковъ, и они бросились бѣжать въ городъ. На бѣгу они задѣли меня и заразили своимъ страхомъ. Я бросился за ними. Но въ тоже время я замѣтилъ пять или шесть любопытныхъ, которые остановились и спрятались за деревьями бульвара. Стой! если они остались, то почему же не остаться и мнѣ? Я также спрятался за дерево и глядѣлъ, вытаращивъ глаза.

Тамъ, на дорогѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ заставы, показалось человѣкъ двѣнадцать всадниковъ, такихъ же, какъ я видѣлъ сегодня утромъ. Они приближались шагомъ, на минуту остановились передъ зданіемъ таможни и вступили въ городъ двумя колоннами, двигаясь вдоль тротуаровъ.

— Уланы!—сказалъ возлѣ меня кто-то.

А, такъ это уланы! Они шли съ пиками на плечахъ и съ пистолетами въ рукахъ. Они приближались ко мнѣ, и я почувствовалъ, что сейчасъ упаду, почувствовалъ, какъ ногти мои вонзились въ кору дерева, къ которому я точно приросъ. Уланы всѣ въ крови: кровь на перевязи пикъ, на копытахъ лошадей, на лохмотьяхъ изорванныхъ мундировъ. У одного въ переднемъ ряду бѣлая повязка на лицѣ и сквозь нее просачивается кровь. Они только что съ боя!—Ахъ, это ужасно! Я хочу убѣжать, уйти, но невозможно!

Предо мною все двигаются шагомъ уланы, внимательно оглядывая поперечныя улицы, а сзади надвигается еще черная масса. Слышенъ шумъ шаговъ. Можно ужъ различить очертанія касокъ, дула ружей, небольшіе барабаны и флейты. Барабаны и флейты играютъ военный маршъ, а за ними идутъ пѣхотинцы въ темносинихъ мундирахъ, обутые въ сапоги, съ заправленными въ голенища панталонами, съ ружьями на плечахъ и со сложенными на крестъ на груди шинелями. И эти люди въ грязи и пыли, черные отъ пороха, въ изодранныхъ, висящихъ лохмотьями мундирахъ, еще сегодня утромъ бывшіе, навѣрно, въ битвѣ и совершившіе трудный переходъ, эти люди идутъ правильнымъ строемъ и поражаютъ удивительной выправкой. Вся колонна шла въ тактъ, унтеръ-офицеры на правомъ флангѣ, а офицеры, со шпагами въ рукахъ, въ простыхъ мундирахъ съ бархатными воротниками безъ шитья и эполетъ, впереди своихъ ротъ, идутъ ровно, выпрямившись, какъ автоматы.

Они идутъ, идутъ безъ конца. Я на половину высунулся

изъ за своего дерева и смотрю, не скрываясь. Я почти больше не боюсь. Вдругъ барабаны и флейты умолкли. Послѣ нихъ трубы, которыя я замѣтилъ вдали передъ группой конныхъ офицеровъ, заиграли побѣдный гимнъ, и все войско отъ перваго ряда, достигшаго уже дворца, до послѣдняго, въ Шене, закричало ура, заглушивъ звуки трубъ. Еще послѣдній возгласъ, и музыка снова понеслась въ воздухѣ съ своими побѣдными нотами.

Она играетъ *марсельезу!.. марсельезу*, гимнъ нашихъ полковъ, отправлявшихся на границу; гимнъ, дѣлающій французовъ непобѣдимыми; гимнъ, который орали на улицахъ въ минуту объявленія войны и который я самъ распѣвалъ, когда мы считали себя уже побѣдителями и заранѣе хотѣли наставить трехцвѣтныхъ знаменъ по дорогѣ въ Берлинъ. .

Ахъ, трехцвѣтное знамя! быть можетъ, мы долго не увидимъ его; намъ придется глядѣть на развѣвающійся черно-бѣлый флагъ, подобный тому, какой въ центрѣ послѣдняго пѣхотнаго полка несетъ офицеръ, украшенный желѣзнымъ крестомъ.

Вотъ приближается артиллерія со своими черными пушками на синихъ лафетахъ, со своими канонирами пѣшкомъ и на лошадяхъ, въ каскахъ съ мѣднымъ шишакомъ на верхушкѣ. Жерла пушекъ, ящики и колеса — все украшено гирляндами изъ плюща и листьевъ...

За артиллеріей идетъ кавалерія: драгуны, кирасиры, гусары, съ бѣлыми нашивками и съ черепомъ, эмблемой смерти, на шапкахъ. Потомъ фуры, пороховые ящики, повозки съ переносными лѣстницами для осады...

Вдругъ ёкнуло мое сердце: мнѣ показалось, что между колесъ послѣдней телѣги мелькнули красные панталоны. Да, красные панталоны. Между двумя рядами пруссаковъ, съ ружьями на перевѣсъ, идутъ французскіе солдаты-плѣнные, безоружные, грязные, оборванные, съ удрученнымъ, безнадежнымъ видомъ. Ихъ, покрайней мѣрѣ, двѣсти человѣкъ... и я смотрѣлъ на нихъ, пока не скрылись изъ виду красныя кепи этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на гибель въ какой нибудь нѣмецкой крѣпости.., Подъ эскортомъ уланъ все движутся фуры, телѣги со всякимъ оружіемъ и, наконецъ, ящики съ соломой, повозки всевозможныхъ формъ, даже ломовыя дроги, надъ которыми развѣвается бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ походныхъ госпиталей, и откуда доносятся крики и жалобные стоны, приводящіе въ трепетъ.

Еще одна рота уланъ, и все кончено.

— Это цѣлый корпусъ,—сказалъ мнѣ господинъ, стоявшій неподалеку отъ меня, за другимъ деревомъ,—это 5-й прусскій корпусъ генерала Киршбаха.

Я встрѣчалъ уже этого господина, но не былъ съ нимъ знакомъ. Кажется, онъ живетъ въ нашемъ кварталѣ. Онъ поклонился мнѣ и спокойно ушелъ, помахивая своею тростью.

Вотъ показался другой господинъ, далеко не такой спокойный, длинный, худой, боязливо вышедшій изъ аллеи, гдѣ онъ притаился во время прохожденія пруссаковъ, и сталъ переходить бульваръ, бросая боязливые взгляды направо и налѣво. Шляпа низко надвинута на глаза, а воротникъ поднятъ до самыхъ ушей. Что это? онъ какъ будто узналъ меня и направляется въ мою сторону.

— Жанъ! это вы! Что вы здѣсь дѣлаете, юный повѣса?

Это Бодренъ. Я узналъ его больше по голосу, чѣмъ по лицу, какого-то блѣдно-желтаго цвѣта. Голосъ его очень дрожалъ. Бодренъ повидимому испытывалъ сильнѣйшій страхъ.

— Что дѣлаю? Иду домой...—отвѣчалъ я.

— И вы видѣли вступленіе пруссаковъ?

— Да, видѣлъ.

— Нарочно пришли для этого?

— Ну, да.

Бодренъ не могъ придти въ себя! Какъ! я имѣлъ дерзость, наглость, безстыдство придти, чтобы любоваться тріумфальнымъ шествіемъ нѣмцевъ? Что я,—отчаянный, сорви-голова, сумасшедшій?

— А какъ же вы сами?—спросилъ я.

— Я—другое дѣло. Я не думалъ, не могъ предположить, что непріятельскія войска сегодня же овладѣютъ городомъ. Иначе, повѣрьте, я не вышелъ-бы изъ дому. Я ходилъ въ гости на улицу Монрепа, и на возвратномъ пути прусскія орды пресѣкли мнѣ дорогу... И вы все время стояли тутъ?

— Да. Пруссаки стройно идутъ, не правда ли? Видѣли вы плѣнниковъ?

— Я ничего не видѣлъ,—сказалъ профессоръ.—Я стоялъ вотъ въ той аллеѣ и, повѣрьте, носу не высунулъ изъ нея. Того и гляди, какой-нибудь шальной выстрѣлъ; а я наполовину только вѣрю великодушію этихъ новѣйшихъ вандаловъ... Опасность еще не миновала. Бѣжимъ, бѣжимъ...

Бодренъ потащилъ меня за собой. Мы шли боковыми улицами и пустынными переулками. При малѣйшемъ шорохѣ профессоръ вздрагивалъ и блѣднѣлъ. На углу одной улицы мы разстались.

— Послушайте, дитя мое,—сказалъ онъ,—я проводилъ бы васъ до дому, но... боюсь... одинъ человѣкъ меньше обращаетъ на себя вниманіе... Будьте осторожны... До свиданія... Благоразуміе...—И онъ ушелъ, прижимаясь къ стѣнамъ домовъ.

Я спокойно вернулся домой, не встрѣтивъ даже и тѣни пруссаковъ. Отецъ отворилъ мнѣ дверь.

— Откуда ты? — вскричалъ онъ. — Мы ждемъ тебя уже цѣлыхъ два часа...

Я увидѣлъ, что мнѣ грозитъ выговоръ, а можетъ быть, и

еще кое-что, и постарался дать объясненія, самыя подробныя объясненія. Я говорилъ цѣлый часъ, разсказалъ все, что видѣлъ, если не больше. Когда я сказалъ, что видѣлъ плѣнныхъ французовъ, Катерина залилась горючими слезами. Сестра была удивлена, что пруссаки носятъ бороду, а отецъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе, когда узналъ, что нѣмецкіе музыканты играютъ *марсельезу*.

— Это подло! Оскорблять побѣжденныхъ! Нахалы! Сейчасъ сказывается тевтонскій духъ!

И, выйдя изъ себя, онъ сталъ бранить прусскаго короля, проклинать Бисмарка. Я воспользовался его гнѣвомъ и ускользнулъ въ свою комнату, гдѣ взялся было за книгу, но не могъ прочесть ни одной строчки. Передъ моими глазами все еще носилась видѣнная мною картина, и я не могъ думать ни о чемъ больше.

Вдругъ съ улицы послышался лошадиный топотъ. Я потихоньку открылъ окно и увидѣлъ передъ табачной лавкой Легро прусскаго офицера. Онъ разговариваетъ съ кѣмъ-то внутри лавки, но я не слышу его словъ. Наконецъ, выходитъ Легро, со шляпой въ рукѣ, и своими жестами какъ-бы увѣряетъ, что у него нѣтъ требуемаго товара. Пруссакъ сдѣлалъ отрывистый жестъ по направленію къ городу; Легро понялъ и бросился бѣгомъ. Всадникъ сталъ ждать возвращенія, упершись одною рукой въ бедро и оглядывая сосѣдніе дома.

Но вотъ, въ концѣ улицы показался Легро: бѣжитъ красный, потный, запыхавшійся. Обнаживъ голову, онъ подаетъ пруссаку что-то завернутое въ бумагу. Оказывается, толстая сигара. Офицеръ закурилъ, заплатилъ деньги и шагомъ поѣхалъ по направленію къ нашему дому.

Я осторожно закрылъ окно. Каковъ патріотъ Легро! Мнѣ хочется сойти внизъ и разсказать отцу, что я видѣлъ. Но онъ строго на строго запретилъ мнѣ открывать форточки и, конечно, станетъ бранить.

А жаль!

Вечеромъ мальчикъ изъ мясной лавки принесъ намъ мясо и сообщилъ, что какой-то прусскій полкъ поилъ лошадей изъ колодцевъ газоваго завода, а сейчасъ пруссаки зажгли на улицахъ бивуачные огни, рѣжутъ быковъ и барановъ и, повидимому, собираются провести ночь подъ открытымъ небомъ.

— Но почему-же они не помѣстились въ казармахъ?—спросилъ дѣдъ.

— Они предполагаютъ, вѣроятно, что подъ казармы заложены мины,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Вотъ жаль, что не придумали заложить мины на ули-

цахъ!—воскликнула Луиза.—Ихъ всѣхъ можно было-бы взорвать ночью.

— О, они приняли большія предосторожности, — сказалъ мальчикъ.—Повсюду ходятъ патрули, а на углахъ улицъ стоятъ часовые; я видѣлъ это полчаса назадъ, когда носилъ мясо на улицу Помпъ. А какіе они противные дикари, даже тошно смотрѣть: вмѣсто того, чтобы купить мясо у торговцевъ, они приволокли скотъ за собой, наворовавъ его по дорогѣ, гдѣ только было можно, и закололи его на Оружейной площади. Какова чистоплотность?!

— Это подло,—сказалъ отецъ.

— Долго они останутся въ Версали?—задумчиво спросила Катерина.

— О, нѣтъ. Съ той минуты, какъ подписали капитуляцію...

— Почетную,—подчеркнула сестра.

— ...съ той минуты, говоритъ мой хозяинъ, они могутъ только пройти черезъ городъ, но не имѣютъ права занимать его.

— Хрѣнъ рѣдьки не слаще,—замѣтилъ дѣдъ.

— Но, дѣдушка, — воскликнула Луиза, — капитуляція вѣдь почетная.

На слѣдующее утро мы узнали, что прусскій главный штабъ рѣшилъ не вступать въ переговоры съ городомъ, сдавшимся добровольно, и наша почетная капитуляція изорвана въ куски.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кавказскій хребетъ.

И вотъ опять передо мной
Въ красѣ таинственной и странной
Онъ всталъ зубчатою стѣной
И лучезарной, и туманной.
Сверкаютъ въ раннемъ блескѣ дня
Его изломы и ступени,
И отъ подножій взоръ маня,
Ползутъ причудливыя тѣни.
Какъ хороша ихъ синева,
Какъ хороша ихъ глубь нѣмая!
Кружится сладко голова,
Ростетъ восторгъ, мнѣ грудь сжимая.
Не тамъ ли, въ дивной той странѣ
Неомраченное блаженство?
Не тамъ ли—радости однѣ,
И дѣлъ, и мыслей совершенство?
Не тѣни-ль неба улеглись
Тамъ, въ затуманенномъ подножьи?
Верхи сіяніемъ зажглись,—
То не престолы-ль свѣтятъ Божьи?
Ростетъ и ширится мечта,
Роскошной радугой играя:
То не сверкаютъ ли врата
Людьми утраченнаго рая?..
Мечты ростутъ... но и печаль
Ростетъ во мнѣ, но—и тревоги...
Еще больнѣй чего-то жаль,
И въ сердцѣ горечи такъ много...
При видѣ этой красоты
Въ лучистой мглѣ лазури дальней
Еще несбыточнѣй мечты,
Еще дѣйствительность печальнѣй...

1898 г.
Пятигорскъ.

А. М. Вербовъ.

Къ вопросу о пониманіи исторіи.

(Статья четвертая).

(Окончаніе).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ исторія стала наукой, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ къ объясненію историческихъ событій примѣняются тѣ же методы, какъ и къ объясненію всѣхъ остальныхъ явленій, часто приходится встрѣчаться съ упоминаніемъ о *закономѣрности* и *законосообразности* общественной жизни, причемъ предполагается, что эти выраженія достаточно говорятъ сами за себя и не нуждаются ни въ какихъ поясненіяхъ. Между тѣмъ, не смотря на свой строго-научный обликъ, они, въ сущности, очень неопредѣленны и допускаютъ много различныхъ толкованій.

Прежде всего, подъ закономѣрностью общественной жизни можно подразумѣвать просто подчиненіе общественныхъ явленій законамъ неорганической и органической природы, въ смыслѣ отсутствія въ этой области такихъ силъ и факторовъ, которые противорѣчили-бы общему научному міросозерцанію. Другими словами, это—распространеніе научнаго детерминизма на область соціальныхъ явленій. Въ такомъ направленіи долго развивалась зараждавшаяся историческая наука, и установленіе въ ней строго-научной, *позитивной* точки зрѣнія было огромнымъ завоеваніемъ человѣческой мысли. Другое теченіе въ области научнаго пониманія исторіи касалось собственно вопроса о смѣнѣ общественныхъ формъ, о непрерывномъ движеніи общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія идея закономѣрности выражается въ предполагаемой правильности этого движенія, въ подчиненіи его извѣстному закону.

Нельзя сказать, чтобы эти двѣ стороны пониманія исторіи были связаны одна съ другою неразрывно. Примѣромъ ихъ возможной обособленности служитъ философія исторіи Гегеля, построенная на идеѣ о развитіи, но насквозь проникнутая нѣмецкой метафизикой. Такимъ образомъ, закономѣрность историческаго процесса въ смыслѣ подчиненія его опредѣленному истори

ческому закону, хотя бы и метафизическаго характера, можетъ стать въ противорѣчіе съ законосообразностью въ смыслѣ научнаго детерминизма.

Съ другой стороны, перенесеніе въ область исторіи представленія о законѣ, заимствованнаго изъ области точныхъ наукъ, вело иногда къ ошибочному представленію о неизмѣнной повторяемости общественныхъ явленій, т. е. становилось въ противорѣчіе съ понятіемъ объ исторіи, какъ о движеніи. Примѣромъ этого служатъ доказательства закономѣрности общественной жизни, основанныя на поразительной повторяемости статистическихъ цифръ. Такъ какъ число смертей, браковъ, самоубійствъ и пр. повторяется изъ года въ годъ, такъ какъ общество какъ бы обязано выдѣлить изъ своей среды ежегодно данное количество воровъ, проститутокъ и т. д., то отсюда дѣлался иногда выводъ о существованіи историческихъ законовъ, тяготѣющихъ надъ общественною жизнью, подобно тому какъ физическіе законы заставляютъ всѣ тѣла неизмѣнно падать на землю, а солнечные лучи всегда отражаться подъ извѣстнымъ угломъ. Между тѣмъ, очевидно, что повторяемость статистическихъ цифръ не имѣетъ ровно никакого отношенія къ законамъ общественной жизни; она объясняется ея закономѣрностью въ смыслѣ общаго детерминизма. Такъ какъ общественная жизнь измѣняется очень медленно, то въ теченіе короткихъ промежутковъ времени въ ней дѣйствуютъ, практически, однѣ и тѣ же причины; а однѣ и тѣ же причины должны вызывать одни и тѣ же послѣдствія. Вотъ все, что можно сказать по поводу повторяемости числа браковъ или самоубійствъ. Согласно самому основному закону общественной жизни—ея измѣняемости—статистическія цифры не должны оставаться и, дѣйствительно, не остаются постоянными.

Отсюда видно, съ какою осторожностью слѣдуетъ примѣнять понятіе о законѣ такъ называемыхъ точныхъ наукъ къ явленіямъ общественной жизни, по самому существу своему отрицающихъ постоянство и неизмѣнность. Если даже имѣть въ виду постоянство не самыхъ явленій, а постоянство отношеній между ними, и подъ закономъ общественной жизни понимать формулу, выражающую постоянство этихъ отношеній, то и въ такомъ смыслѣ понятіе объ историческомъ законѣ должно быть совершенно отлично отъ того, что мы привыкли подразумѣвать подъ закономъ въ области точныхъ наукъ.

Типичнымъ примѣромъ закона постоянныхъ отношеній въ механикѣ, напримѣръ, можетъ служить формула паденія тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Извѣстно, что при такомъ паденіи непрерывно измѣняется скорость падающаго тѣла и непрерывно измѣняется пройденное пространство; но отношеніе между скоростью и пройденнымъ пространствомъ остается постояннымъ и выражается очень простою формулой. Когда-бы, и какое-бы тѣло

мы ни заставили падать въ безвоздушномъ пространствѣ, оно будетъ подчиняться въ своемъ движеніи одной неизмѣнной формулѣ, и мы можемъ заранѣе предсказать, какой характеръ будетъ имѣть его движеніе во всякую данную минуту, т. е. какую оно будетъ имѣть скорость и на какой точкѣ своего пути будетъ находиться. Подобныя же формулы существуютъ и въ прикладной механикѣ, изучающей конкретныя движенія, какъ, напримѣръ, движенія тѣлъ брошенныхъ въ воздухѣ, хотя эти формулы становятся тогда гораздо болѣе сложными и менѣе точными. Но во всякомъ случаѣ онѣ неизмѣнны и могутъ служить твердымъ основаніемъ для достиженія заранѣе намѣченныхъ практическихъ цѣлей.

Подъ вліяніемъ идеи о закономѣрности общественной жизни въ смыслѣ существованія неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ ея движеніемъ, было сильное стремленіе обнаружить подобное же постоянство отношеній въ области соціальныхъ явленій. Очень соблазнительныя данныя для этого были доставлены сравнительной статистикой. Въ этомъ случаѣ дѣло шло уже не объ однѣхъ и тѣхъ же повторяющихся цифрахъ, а о постоянномъ отношеніи между рядами мѣняющихся цифръ; была установлена, повидимому, прочная зависимость между числомъ браковъ и цѣнами на хлѣбъ, числомъ рожденій и размѣромъ рабочей платы, числомъ грамотныхъ и числомъ преступленій и т. д. Хотя трудно было бы выразить отношеніе между этими перемѣнными величинами математической формулой, но самый общій его характеръ, то направленіе, въ какомъ измѣняется одна величина при измѣненіи другой, казались прочно установленными; причемъ именно постоянство этихъ отношеній считалось какъ-бы предвѣстникомъ раскрытія законовъ исторіи, такъ какъ съ послѣдними связывалось представленіе о чемъ-то неизмѣнномъ, о нѣкоей еще нераскрытой, но несомнѣнно существующей сложной формулѣ, управляющей ходомъ исторіи. Исторія считалась (и считается до сихъ поръ) отсталой наукой именно потому, что въ ней нѣтъ точныхъ формулъ, на основаніи которыхъ можно было-бы предсказывать будущее. Всякое постоянство отношеній, обнаруженное въ области общественныхъ явленій, считалось поэтому большимъ шагомъ впередъ въ этомъ смыслѣ.

Мы не думаемъ, разумѣется, отрицать важное значеніе статическихъ изслѣдованій для выясненія общественныхъ явленій; но мы говоримъ здѣсь лишь о ихъ роли въ развитіи понятія о закономѣрности историческаго процесса въ смыслѣ предполагаемаго однообразія и постоянства въ ходѣ общественной жизни, въ смыслѣ аналогіи между законами исторіи и законами точныхъ наукъ. Легко видѣть, что въ дѣйствительности статистическія изслѣдованія никогда не доказывали ничего подобнаго.

Прежде всего необходимо замѣтить, что часто статистическія

цифры только иллюстрируютъ зависимость между явленіями, уже установленную болѣе точными науками, и, слѣдовательно, ничего не прибавляютъ къ наукѣ; въ такомъ случаѣ ихъ убѣдительность можетъ имѣть практическое значеніе, но въ научномъ отношеніи она, такъ сказать, покрывается болѣе сильными доказательствами. Возьмемъ для примѣра самую прочную зависимость между цифрою смертности и общимъ благосостояніемъ страны или измѣненія въ цифрахъ смертности съ переходомъ изъ богатыхъ кварталовъ въ бѣдные въ большихъ городахъ. Какое научное значеніе могутъ имѣть подобныя эмпирическія обобщенія при данномъ развитіи естественныхъ наукъ, дающихъ раціональное объясненіе этимъ фактамъ и устанавливающихъ ихъ безусловную необходимость? Въ той мѣрѣ, въ какой отношеніе между смертностью и общественными условіями постоянно, оно подчинено не историческимъ, а физіологическимъ законамъ и ничего не прибавляетъ къ нашему пониманію историческаго процесса. Оно не даетъ никакихъ указаній относительно закономѣрности самой общественной жизни, т. е. существованія спеціальныхъ историческихъ законовъ. Между тѣмъ очевидно, что въ постоянствѣ отношеній между статистическими данными искали именно подтвержденія этой закономѣрности, въ томъ смыслѣ, въ какомъ она понимается при изученіи различныхъ формъ движенія въ механикѣ. Въ механикѣ закономѣрнымъ называется движеніе, которое можно подвести подъ извѣстную формулу, которое происходитъ согласно извѣстному закону, выражающемуся въ постоянствѣ отношеній между перемѣнными величинами, входящими въ составъ этого движенія: временемъ, пройденнымъ пространствомъ, скоростью, сопротивленіемъ среды, уклоненіемъ отъ первоначальнаго направленія и т. д. Въ непрерывномъ измѣненіи всѣхъ этихъ элементовъ и заключается движеніе. Если ихъ измѣненіе происходитъ въ *постоянной* зависимости одно отъ другого, то оно можетъ быть выражено формулой. Въ такомъ случаѣ мы знаемъ законъ этого движенія и называемъ его закономѣрнымъ. Въ такомъ именно смыслѣ часто понимается и закономѣрность движенія общественной жизни, причемъ доказательствомъ этой закономѣрности является постоянство отношеній между измѣняющимися составными элементами общественной жизни. Вотъ, напримѣръ, два такихъ элемента: число дѣтей въ рабочихъ семьяхъ и размѣръ рабочей платы. Между этими перемѣнными величинами было установлено постоянное отношеніе, выражавшееся въ томъ, что съ возрастаніемъ рабочей платы возрастало число дѣтей въ рабочихъ семьяхъ. Отсюда, какъ извѣстно былъ выведенъ желѣзный законъ, предполагавшійся господствующимъ въ огромной области общественной жизни. Если-бы это отношеніе между общимъ числомъ рабочихъ и размѣромъ рабочей платы было дѣйствительно постоянно въ смыслѣ постоянства научныхъ формулъ, то желѣзный законъ

дѣйствительно господствовалъ-бы и накладывалъ-бы на общественную жизнь свой неизмѣнный отпечатокъ. Достаточно было увѣренности въ существованіи одного такого закона, чтобы построить цѣлыя соціальныя теоріи, однѣ изъ которыхъ признавали неизмѣнность экономическаго *statu quo,* а другія—необходимость экономическаго *coup d'etat.* Но, какъ извѣстно, научное существованіе этого закона было очень непродолжительно. При дальнѣйшемъ ходѣ общественной жизни оказалось, что отношеніе между числомъ дѣтей въ рабочихъ семьяхъ и размѣромъ рабочей платы не только не постоянно, но можетъ быть прямо противоположнымъ, т. е. число дѣтей можетъ уменьшаться съ увеличеніемъ рабочей платы. За послѣднія десятилѣтія этотъ фактъ подтверждается статистическими данными всѣхъ передовыхъ странъ, не говоря уже о Франціи. Онъ въ свою очередь послужилъ основой для построенія общественныхъ теорій, въ родѣ теоріи общественной капиллярности Арсена Дюмона, которая, очевидно, также мало можетъ разсчитывать на безсмертіе. Въ сущности такого рода законы только констатируютъ *данное* состояніе общественной жизни, тѣ постоянныя отношенія, которыя устанавливаются при *данномъ* движеніи общественной жизни и сохраняются до измѣненія самого движенія. Въ этихъ предѣлахъ ихъ можно назвать законами общественной жизни, законами извѣстнаго періода исторіи. Но разъ измѣняется самый ходъ общественной жизни, съ появленіемъ въ ней тѣхъ или другихъ новыхъ силъ, то измѣняются и всѣ прежнія отношенія, казавшіяся постоянными, а слѣдовательно, измѣняются и законы послѣдующей исторической эпохи.

Выше мы упоминали, въ видѣ примѣра, о формулѣ паденія тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Движеніе, происходящее въ такихъ условіяхъ, постоянно, т. е. всегда одинаково; оно происходитъ подъ дѣйствіемъ одной и той-же постоянной силы. Благодаря этому, мы имѣемъ точный законъ этого движенія. Но если условія движенія измѣняются, если падающее тѣло переходитъ, напримѣръ, въ воздушное пространство, гдѣ, кромѣ прежней силы притяженія, дѣйствуютъ еще другія силы, то тогда измѣняется самое движеніе, т. е. оно уже не подчиняется прежнему закону, не выражается прежней формулой. Въ такомъ случаѣ приходится искать новую формулу этого новаго движенія.

Но если предположить, что движеніе тѣла не остается постояннымъ ни на одну минуту, т. е. если непрерывно появляются новыя силы, измѣняющія характеръ движенія, или если сами эти силы непрерывно мѣняются, то въ такомъ случаѣ движеніе теряетъ всякое постоянство, и формула его становится невозможной, хотя оно, конечно, остается законосообразнымъ въ смыслѣ научнаго детерминизма.

Извѣстно, что такое сравнительно простое движеніе, какъ

полетъ камня или ядра, брошеннаго въ воздухъ съ извѣстной скоростью, представляетъ огромныя затрудненія для механики, такъ какъ сопротивленіе воздуха—одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ этого движенія—мѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ скорости полета, которая ни на одинъ моментъ не остается постоянной. Мы не говоримъ уже, конечно, о воздушныхъ теченіяхъ, оказывающихъ при этомъ извѣстное вліяніе и совершенно недоступныхъ для вычисленій. Для полета пушинки въ воздухѣ не существуетъ ровно никакой формулы. Такимъ образомъ, область примѣненія точныхъ формулъ даже въ механикѣ очень ограничена, хотя она изучаетъ только самыя простыя движенія.

Этими немногими примѣрами мы хотѣли вызвать въ умѣ читателя надлежащее представленіе о закономѣрности какого-нибудь движенія въ научномъ смыслѣ этого слова. Она необходимо предполагаетъ постоянство и неизмѣнность въ самомъ разсматриваемомъ процессѣ и даже при самой общей и неточной формулировкѣ движенія необходимо предполагаетъ присутствіе однѣхъ и тѣхъ же дѣйствующихъ силъ. Только при такомъ условіи можно предвидѣть дальнѣшіе фазисы разсматриваемаго процесса, а также и дать общую формулу для всѣхъ предшествующихъ фазисовъ. Въ противномъ случаѣ задача раскрытія закона даннаго движенія логически неразрѣшима. Такого закона не существуетъ въ самыхъ условіяхъ движенія, потому что оно мѣняетъ свои составные элементы. Какую-бы точную формулу вы ни построили на основаніи наблюденій надъ четырьмя перемѣнными величинами, входящими въ составъ даннаго эволюціоннаго процесса, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ выражать собою процесса, въ которомъ принимаютъ участіе пять перемѣнныхъ величинъ. Съ другой стороны, если въ болѣе раннихъ фазисахъ того же движенія принимали послѣдовательно участіе двѣ, три и четыре дѣйствующія силы, то вы не можете найти для нихъ одной обобщающей формулы, т. е. такой, въ которую входили-бы одновременно и всѣ четыре, и только двѣ разсматриваемыя величины. Вы должны будете разбить это движеніе на отдѣльные фазизы, для каждаго изъ которыхъ окажется своя, характеризующая его, обобщающая формула и свои господствующіе факторы.

Отсюда видно, что, въ вопросѣ о научномъ пониманіи исторіи, стремленіе найти единый, всеобъемлющій законъ историческаго движенія необходимо должно было привести, въ силу самаго условія задачи, къ гипотезѣ о единой господствующей исторической силѣ, о единомъ факторѣ; другими словами,—къ отрицанію непрерывнаго развитія въ процессѣ исторіи новыхъ общественныхъ силъ. Это—логически неизбѣжно, такъ какъ только при дѣйствіи одной и той же силы движеніе можетъ сохранить свой неизмѣнный характеръ.

Это приводитъ насъ къ вопросу о томъ, насколько понятіе о закономѣрномъ движеніи вообще совмѣстимо съ процессомъ развитія. Прежде всего необходимо замѣтить, что самый терминъ *движеніе* въ примѣненіи къ процессу развитія требуетъ большихъ оговорокъ; на него нельзя смотрѣть, какъ на точное научное выраженіе; это только метафора, основанная на нѣкоторыхъ сходныхъ чертахъ между явленіями движенія и развитія.

Всякое движеніе представляетъ собою перемѣщеніе въ пространствѣ какого-нибудь предмета подъ дѣйствіемъ внѣшней силы. Это—измѣненіе въ положеніи одного и того же предмета по отношенію къ окружающимъ его предметамъ. Всякое развитіе представляетъ собою измѣненія, происходящія въ самомъ предметѣ. Аналогія между обоими явленіями исчерпывается самымъ общимъ признакомъ измѣняемости въ противоположность неизмѣнному состоянію; но такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго, то эта аналогія—одна изъ самыхъ отдаленныхъ, такъ какъ она основана на признакѣ, общемъ для всѣхъ предметовъ, существующихъ въ мірѣ. Гораздо точнѣе было-бы сравнить процессъ развитія хотя-бы, напримѣръ, съ химическимъ процессомъ, такъ какъ въ обоихъ дѣло идетъ объ измѣненіяхъ въ самыхъ разсматриваемыхъ тѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое сравненіе, какъ болѣе точное, указало-бы на трудность примѣнить къ процессу развитія понятіе о закономѣрномъ движеніи. Еще, вѣроятно, ни одному химику не приходило въ голову искать законъ движенія, которому слѣдуетъ даже самая простая реакція, такая, напримѣръ, какъ раствореніе желѣза въ сѣрной кислотѣ,—т. е. искать формулы, согласно которой измѣняется, положимъ, вѣсъ куска желѣза, брошеннаго въ разведенную сѣрную кислоту. Такъ какъ, съ одной стороны, при этомъ непрерывно измѣняется поверхность желѣза, подвергающаяся дѣйствію кислоты, а съ другой—непрерывно измѣняется процентное содержаніе самой сѣрной кислоты въ растворѣ, то рѣшеніе этой задачи невозможно для математики. Еще менѣе оно возможно въ случаѣ очень сложной реакціи съ пятью или шестью ингредіентами. Между тѣмъ мы постоянно говоримъ о законахъ еще гораздо болѣе сложнаго процесса общественной жизни.

Ясно, что подъ этими законами мы подразумѣваемъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ точныя формулы, которымъ подчинялся-бы ходъ общественной жизни. Въ сущности, рѣчь идетъ въ такихъ случаяхъ о гораздо болѣе общемъ объясненіи историческихъ явленій, объ указаніи однѣхъ только причинъ, обусловливающихъ общественное развитіе въ данномъ направленіи, о выдѣленіи самыхъ главныхъ факторовъ историческаго процесса и о выясненіи ихъ роли. Все это еще очень далеко отъ законовъ историческаго процесса въ точномъ значеніи этихъ словъ. Дѣло идетъ не о законахъ, а о *причинахъ* общественной эволюціи, о

пониманіи того, какими силами и при какихъ условіяхъ осуществляется общественное движеніе, а вовсе не о раскрытіи формулы этого движенія. Положимъ, что мы видимъ пушинку, носящуюся въ воздухѣ, и хотимъ понять это явленіе. Мы объясняемъ его тѣмъ, что удѣльный вѣсъ пушинки почти равенъ удѣльному вѣсу воздуха и что въ воздухѣ существуютъ самыя разнообразныя теченія, бросающія пушинку изъ стороны въ сторону. Еслибы мы сказали затѣмъ:—„таковы законы движенія пушинки", то это было-бы невполнѣ точно; въ дѣйствительности мы знаемъ не законы, а только причины этого движенія. Законы непрерывно мѣняющихъ и направленіе, и скорость движеній пушинки найти чрезвычайно трудно; что же касается одного общаго закона, которому подчинялся-бы полетъ пушинки, то его не существуетъ вовсе.

Только въ такомъ же условномъ смыслѣ можно говорить и о законахъ общественнаго развитія, и о законахъ эволюціонныхъ процессовъ вообще.

Возьмемъ, напримѣръ, теорію Дарвина и его законъ естественнаго подбора или „отбора", какъ считаетъ болѣе правильнымъ выражаться профессоръ Тимирязевъ. Этотъ законъ раскрываетъ путь, какимъ происходило развитіе видовъ въ животномъ мірѣ; онъ указываетъ на процессъ, ведущій къ возникновенію новыхъ формъ жизни и объясняющій совершенствованіе организмовъ. Это одно изъ величайшихъ научныхъ открытій по той необъятной массѣ явленій, считавшихся таинственными и недоступными пониманію, которую оно освѣтило строго научною мыслью. Но никому, конечно, не придетъ въ голову видѣть въ этомъ законѣ формулу, на основаніи которой ученый, не имѣющій никакого понятія о существующихъ видахъ животныхъ, но знакомый съ ихъ ископаемыми предками какой нибудь геологической эпохи, могъ бы построить теоретически эти существующія формы животнаго царства. А это значитъ, что законъ Дарвина указываетъ только на одну изъ причинъ эволюціоннаго процесса, а вовсе не опредѣляетъ самый ходъ органической жизни. Когда нѣкоторые изъ „не по разуму усердныхъ", какъ выражается г. Тимирязевъ, сторонниковъ Дарвина захотѣли придать его идеѣ болѣе узкій смыслъ, вогнать ее въ болѣе тѣсныя рамки съ цѣлью придать эволюціонному органическому процессу болѣе опредѣленный и однообразный характеръ, они исказили строго научную мысль Дарвина, сдѣлавъ изъ „борьбы за существоніе" какъ-бы универсальный законъ, которому подчиненъ всякій процессъ развитія въ животномъ мірѣ. Согласно такому толкованію борьба за существованіе является какъ-бы установленною природою формою видовой жизни. Члены одного и того же вида *должны* бороться между собою, такъ же, какъ всякое желѣзо должно притягиваться магнитомъ, въ силу тяготѣющаго

надъ нимъ физическаго закона. Отсюда получался выводъ объ опредѣленномъ и обязательномъ характерѣ самого эволюціоннаго процесса. Въ примѣненіи къ человѣческой расѣ законъ Дарвина какъ бы указывалъ, въ главныхъ чертахъ, на неизбѣжную форму общественной жизни: она *должна* была заключаться въ борьбѣ между членами одного и того же общества и въ борьбѣ между отдѣльными обществами; и эта предполагаемая, совершенно опредѣленная форма историческаго процесса какъ-бы санкціонировалась закономъ Дарвина. Такимъ образомъ, получался законъ, не только объяснявшій причину извѣстной эволюціи, но и опредѣлявшій самый ходъ ея. Въ первомъ случаѣ этотъ законъ пояснялъ бы только, почему въ процессѣ органической жизни появлялись все новыя и новыя органическія формы; во второмъ случаѣ этотъ законъ устанавливаетъ самую форму органической жизни: она *должна* быть борьбою за существованіе между членами одного и того же вида, такъ какъ этого требуетъ законъ природы; въ такой именно формѣ, согласно этому толкованію, долженъ былъ осуществляться процессъ развитія органической жизни.

Извѣстно, однако, что такое пониманіе теоріи Дарвина совершенно не соотвѣтствуетъ ея истинному смыслу.

Открытіе Дарвина заключается въ идеѣ естественнаго отбора, дѣйствующаго на почвѣ бóльшей или меньшей приспособленности къ условіямъ окружающей среды, если понимать подъ этою приспособленностью всякое свойство, способствующее поддержанію жизни. Для того, чтобы проявилось дѣйствіе естественнаго отбора, необходимо присутствіе въ одной и той же средѣ двухъ представителей одного и того же вида, одинъ изъ которыхъ отличался-бы бóльшею жизнеспособностью по отношенію къ даннымъ условіямъ, нежели другой; тогда первый оставитъ большее потомство и, слѣдовательно, наложитъ свой отпечатокъ на дальнѣйшій ходъ развитія. Вотъ основная идея теоріи Дарвина. Борьба за существованіе занимаетъ въ ней совершенно второстепенное мѣсто, если придавать слову „борьба“ его прямое значеніе. Даже по отношенію къ животному и растительному царству, это выраженіе имѣетъ у Дарвина очень широкій и неопредѣленный смыслъ. „Я долженъ предупредить, говоритъ онъ, что примѣняю это выраженіе въ широкомъ и метафорическомъ смыслѣ... Про двухъ животныхъ изъ рода canis, въ періодъ голода, можно совершенно вѣрно сказать, что они борятся между собою за пищу и жизнь. Но и про растеніе на окраинѣ пустыни также говорятъ, что оно борется съ засухой, хотя правильнѣе было-бы сказать, что оно зависитъ отъ влажности... Такъ какъ омела разсѣвается птицами, ея существованіе находится въ зависимости отъ нихъ, и, выражаясь метафорически, можно сказать, что она борется съ другими растеніями, приносящими плоды, тѣмъ, что соблаз-

няетъ птицъ пожирать ея плоды и такимъ образомъ разносить ея сѣмена“ *).

Изъ этихъ примѣровъ видно, до какой степени широко и неопредѣленно у Дарвина выраженіе: борьба за существованіе. Оно обнимаетъ собою всѣ способы питанія, самосохраненія и размноженія, т. е. всѣ главнѣйшія проявленія жизни. Размноженіе играетъ здѣсь особенно важную роль, такъ какъ въ этой теоріи дѣло идетъ прежде всего о наслѣдственной передачѣ благопріятныхъ признаковъ. Говоря о борьбѣ за существованіе, Дарвинъ, по его собственнымъ словамъ, подразумѣваетъ „не только жизнь одной особи, но и успѣхъ ея въ обезпеченіи себя потомствомъ **). Такимъ образомъ, когда на извѣстной ступени животнаго царства, а именно среди рыбъ появляется первоначальный родительскій инстинктъ, въ формѣ охраненія икры путемъ ношенія ея прилипшей къ брюху самки или въ мѣшкообразныхъ складкахъ самца, или путемъ постройки гнѣздъ, то такія проявленія жизни также составляютъ одну изъ самыхъ важныхъ формъ борьбы за существованія. То же самое слѣдуетъ сказать объ эмоціональной любви къ дѣтямъ у высшихъ животныхъ и вообще о всякомъ примѣненіи физическихъ или умственныхъ способностей къ поддержанію жизни особи или вида. Когда животное проявляетъ больше быстроты или хитрости въ погонѣ за добычею, чѣмъ другія особи его вида, оно борется съ ними за существованіе, такъ какъ является ихъ конкуррентомъ; когда оно укрывается отъ преслѣдованія, оно также борется съ ними за существованіе, такъ какъ увеличиваетъ ихъ шансы встрѣтиться съ голоднымъ врагомъ; когда оно защищаетъ своихъ дѣтенышей, оно является ихъ конкуррентомъ на обезпеченіе себя потомствомъ; кооперація также является борьбою за существованіе, въ которой члены, вошедшіе въ кооперацію, одерживаютъ побѣду надъ одинокими особями. Самое пищевареніе есть борьба за жизнь; способность отличить ядовитое вещество отъ питательнаго—не менѣе того, и т. д. Словомъ, во всякомъ жизненномъ актѣ животное борется за свое существованіе или съ членами своего вида, или съ окружающей средой,—такъ какъ нѣтъ ни одного проявленія жизни даннаго организма, которое не имѣло бы вліянія на его собственное существованіе или на существованіе его потомства. Въ такомъ широкомъ и метафорическомъ значеніи, понятіе о борьбѣ за существованіе сливается съ понятіемъ о жизни. Жизнь, какъ конкретное явленіе, т. е. всякая жизнь на землѣ, заключается прежде всего въ актахъ поддержанія и охраненія жизни, т. е. въ борьбѣ за существованіе.

„Борьба за существованіе, говоритъ Дарвинъ, неизбѣжно вы-

*) *Происхожденіе видовъ*, пер. К. Тимирязева, стр. 45.
**) *Ibid.*

текаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой всѣ органическія существа стремятся размножиться“. (*Ibid.* стр. 45). Но такъ какъ жизнь неотдѣлима отъ размноженія, то это значитъ, что всякая жизнь, въ какой-бы формѣ она ни проявлялась, создаетъ условія борьбы за существованіе въ дарвиновскомъ смыслѣ, т. е. условія, при которыхъ огромная часть живыхъ существъ погибаетъ, а наилучше организованныя изъ нихъ выживаютъ и составляютъ потомство. Та универсальная почва, на которой происходитъ естественный отборъ, заключается не во взаимной борьбѣ, а въ неизбѣжномъ вымираніи болѣе или менѣе значительной части родившихся, подъ вліяніемъ самихъ разнообразныхъ причинъ.

Отсюда видно, что законъ Дарвина вовсе не устанавливаетъ и не можетъ установить какой-нибудь опредѣленной формы, опредѣленнаго образа органической жизни, такъ какъ онъ примѣняется ко всякой жизни, осуществляется во всѣхъ областяхъ растительнаго и животнаго царства. Мало этого: онъ самъ неизбѣжно вызываетъ безчисленное разнообразіе жизненныхъ формъ, „стремленіе органическихъ существъ захватить каждое свободное или плохо занятое мѣсто въ экономіи природы“ *) и появленіе все новыхъ и болѣе сложныхъ способовъ жизни. Въ этомъ именно и заключается его принудительная сила, какъ закона: онъ *заставляетъ* организмы измѣняться, прогрессировать и совершенствоваться въ своемъ образѣ жизни.

Итакъ, представленіе о законѣ Дарвина, какъ устанавливающемъ извѣстный обязательный ходъ для органической жизни, а именно „борьбу“ за существованіе, совершенно ошибочно. Оно основано на буквальномъ толкованіи слова, имѣющаго въ данномъ случаѣ чисто метафорическій смыслъ. Законъ Дарвина указываетъ только на причину измѣненія видовъ и не даетъ никакой формулы, которой слѣдовала-бы жизнь животныхъ или человѣка.

Въ связи съ этимъ неправильнымъ пониманіемъ теоріи Дарвина находится довольно распространенный взглядъ, служащій какъ-бы поправкой къ нему; согласно этому взгляду, законъ борьбы за существованіе, въ смыслѣ взаимнаго истребленія, дѣйствительно господствуетъ въ мірѣ животныхъ, но перестаетъ господствовать въ общественной жизни, гдѣ на смѣну ему является законъ коопераціи. Изъ вышеизложеннаго видно, что закона взаимнаго истребленія вообще не существуетъ въ природѣ; оно существуетъ только какъ фактъ, какъ одна изъ сторонъ органической жизни и, въ такомъ смыслѣ, практикуется въ достаточномъ количествѣ также и въ человѣческомъ обществѣ, подобно тому какъ среди животныхъ наблюдаются многочислен-

*) *Ibid.*, стр. 81.

ныя проявленія кооперации и симпатии *). Съ другой стороны, истинный законъ Дарвина, указывающій на необходимое измѣненіе и совершенствованіе жизненныхъ формъ, во всей своей полнотѣ осуществляется также и въ общественной жизни. Имъ именно объясняются многія изъ крупныхъ перемѣнъ въ исторіи и многія изъ высшихъ проявленій въ сферѣ мысли и чувства.

Съ цѣлью еще болѣе выяснить, до какой степени тотъ процессъ, путемъ котораго происходятъ, согласно теоріи Дарвина, измѣненія въ организмахъ, не соотвѣтствуетъ элементарному представленію о борьбѣ въ узкомъ значеніи этого слова и о торжествѣ въ ней сильнаго, а также съ цѣлью показать приложеніе этой теоріи къ общественной жизни, приведемъ нѣсколько строкъ изъ упоминавшагося уже нами сочиненія Sutherland'а, всецѣло построеннаго на законѣ естественнаго отбора. Дѣло идетъ объ ослабленіи воинственныхъ инстинктовъ въ европейскихъ народахъ и о ростѣ альтруистическаго чувства, путемъ непрерывнаго процесса устраненія изъ жизни воинственныхъ и свирѣпыхъ элементовъ.

„Когда какой-нибудь римскій императоръ шелъ во главѣ арміи изъ 50.000 человѣкъ въ чужую страну, онъ рѣдко приводилъ назадъ болѣе 20.000, а если война затягивалась, то требовался постоянный притокъ подкрѣпленій, чтобы пополнять убыль павшихъ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней. Этотъ процессъ, длившійся во всѣхъ странахъ въ теченіе многихъ столѣтій, долженъ былъ имѣть огромное дѣйствіе. Когда въ Англіи Эдуардъ III или Генрихъ V снаряжали экспедицію во Францію, 30.000 или 40.000 наиболѣе буйныхъ головъ въ королевствѣ собирались подъ ихъ знамена; они отплывали съ радостными надеждами на побѣды и добычу. Какъ общее правило, только жалкая часть этихъ воинственныхъ душъ, одна четверть или шестая, возвращалась домой, и трудно было-бы придумать лучшую систему для уничтоженія неальтруистическихъ, безпорядочныхъ и кровожадныхъ элементовъ націи... Много тысячъ того-же сорта людей были извлечены изъ англійскаго народа Вильгельмомъ Оранскимъ и Мальборо; между тѣмъ, въ то время какъ они находили раннюю смерть, болѣе миролюбивые элементы націи оставались дома и выращивали свои семьи“ **).

Говоря о войнахъ Бѣлой и Алой Розы тотъ же авторъ пишетъ слѣдующее: „Не можетъ быть сомнѣнія, что эти войны принесли въ концѣ концовъ огромную пользу Англіи. Свирѣпые бароны съ ихъ праздными и хищными вассалами избивали другъ

*) См. по этому вопросу рядъ замѣчательныхъ статей нашего соотечественника П. Крапоткина въ англійскомъ *Nineteen Century* (*Mutual Aid*, 1891—1896 гг.).

**) The Origin and Crowfh of the Moral Instinct, т. I, стр. 427.

друга, очищая страну отъ большого количества нездоровой крови; между тѣмъ всѣ южныя графства были наполнены спокойнымъ и промышленнымъ населеніемъ, не принимавшимъ никакого участія въ борьбѣ и очень мало терпѣвшимъ отъ нея. Совершенно другой характеръ, какой представляло собою англійское общество въ царствованіе Елисаветы, только однимъ столѣтіемъ позднѣе, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ фактомъ, что въ теченіе войнъ Бѣлой и Алой Розъ, длившихся ровно тридцать лѣтъ, т. е. цѣлое поколѣніе, около 100.000 мужчинъ было убито въ большихъ сраженіяхъ и, вѣроятно, не менѣе того въ малыхъ, что составляло около одной пятой всего мужского населенія страны. Это были все забіяки, любители насилія и кровопролитія, они ничего не могли сдѣлать болѣе полезнаго для страны, какъ перебить другъ друга и предоставить остальнымъ четыремъ пятымъ англичанъ ихъ эпохи мирно продолжать свои занятія, воспитывать своихъ дѣтей и оставить имъ въ наслѣдство болѣе счастливую Англію, такую, какою увидѣлъ ее Шекспиръ“ *).

Мы выбрали этотъ примѣръ изъ тысячи подобныхъ, такъ какъ онъ представляетъ, такъ сказать, антитезисъ обычнаго пониманія борьбы за существованіе: люди, не принимавшіе никакого участія въ борьбѣ, одерживаютъ побѣду надъ наиболѣе яркими представителями насилія и хищничества. Съ одной стороны, люди, не боровшіеся, побѣждаютъ; съ другой—торжество сильнаго приводитъ его къ гибели. Эти явные парадоксы съ точки зрѣнія вульгарнаго дарвинизма совершенно согласуются съ истинной теоріей Дарвина. Въ то же время приведенный нами примѣръ указываетъ на роль естественнаго отбора въ общественной жизни.

Мы остановились на законѣ Дарвина, во первыхъ, съ цѣлью выяснить характеръ эволюціонныхъ законовъ вообще, а во вторыхъ—какъ на отправной точкѣ процесса развитія въ органическомъ мірѣ. Общественная жизнь является продолженіемъ этого процесса, и мы не должны терять изъ виду того единства органическаго міра, которое установлено въ наукѣ именно теоріей Дарвина. **).

Что касается перваго вопроса, то мы уже видѣли, что законъ Дарвина не устанавливаетъ никакой формулы, которой подчинялась-бы органическая жизнь; онъ указываетъ только на неизбѣжное измѣненіе самихъ организмовъ; въ самомъ этомъ неизбѣжномъ измѣненіи лежитъ причина отсутствія формулъ, опредѣляющихъ тотъ или другой ходъ эволюціоннаго процесса. Положимъ, что для даннаго вида, разсматриваемаго какъ нѣчто постоянное, было-бы найдено опредѣленное соотношеніе между нимъ и окру-

---

*) Ibid, стр. 457.

**) См. по этому поводу предисловіе Г. Тимирязева къ цитированному выше изданію сочиненій Дарвина.

жающей его средой, опредѣленная зависимость между его формою жизни и происходящимъ въ немъ процессомъ развитія. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что многія виды рыбъ существуютъ только потому, что мечутъ огромное количество икры, по милліону яицъ на каждую самку. Ясно, слѣдовательно, что въ теченіе извѣстнаго промежутка времени эволюціонный процессъ, происходившій среди этихъ видовъ рыбъ, заключался въ развитіи способности у самки—производить, а у самца—оплодотворять все большее и большее количество икры. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ этихъ организмовъ и этихъ условій среды, можно было-бы установить законъ развитія въ смыслѣ опредѣленія самаго хода его, а именно сказать, что процессъ разсматриваемаго развитія заключался въ выработкѣ организмами все большаго и большаго количества оплодотворенныхъ зародышей. Въ силу этого закона, данный видъ уже былъ бы, такъ сказать, подчиненъ извѣстной жизненной формулѣ, обреченъ затрачивать свои потенціальныя эволюціонныя силы въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Но формулируя этотъ законъ, мы вводимъ въ него двѣ постоянныя величины: неизмѣнную окружающую среду и неизмѣнную форму развитія самого организма; мы предполагаемъ, что его развитіе не выходитъ изъ рамокъ того, что касается производства и оплодотворенія яицъ. Мы не отрицаемъ самого эволюціоннаго процесса, но мы устанавливаемъ его неизмѣнность; мы признаемъ движеніе, предполагаемъ его постояннымъ и только потому находимъ формулу этого движенія. Въ дѣйствительности, однако, органическое развитіе не ограничено никакими рамками и именно законъ Дарвина устанавливаетъ его безпредѣльность. Онъ даетъ для него, какъ мы видѣли, очень широкую формулу: это—„стремленіе органическихъ существъ захватить каждое свободное или плохо занятое мѣсто въ экономіи природы“. Мы знаемъ, что врядъ-ли даже возможно перечислить всѣ разнообразные способы, которыми утилизируется природа населяющими ее формами животныхъ, всѣ развѣтвленія которыхъ происходятъ отъ одного или немногихъ стволовъ. Этотъ основной законъ жизни и не позволяетъ уподобить процессъ развитія какому-нибудь постоянному и, слѣдовательно, закономѣрному движенію. Въ нашемъ примѣрѣ съ рыбами оказывается, что у нѣкоторыхъ изъ ихъ видовъ произошли измѣненія, совершенно преобразившія ходъ ихъ развитія: эти виды пріобрѣли способность оберегать свои яйца отъ истребленія окружающей средой болѣе или менѣе дѣйствительными способами,—иногда чисто внѣшняго характера, иногда связанными съ глубокими внутренними измѣненіями: вынашиваніемъ зародыша въ тѣлѣ матери и живорожденіемъ. При такомъ направленіи развитія, оно приняло совсѣмъ другую и даже прямо противоположную форму: число яицъ стало уменьшаться и затрата организма на количественный перевѣсъ его

потомства перешла въ затрату на качественное превосходство послѣдняго. У класса рыбъ среднее годовое число яицъ, приходящихся на каждую самку, опредѣляется цифрою 600.000; у класса земноводныхъ оно уже понижается до 440; у класса птицъ—до 5; у млекопитающихъ—до 3,2, а у человѣка не превышаетъ одного въ два года. *) Очевидно, что вышеупомянутая формула развитія, примѣнимая къ нѣкоторымъ видамъ животныхъ, совершенно непримѣнима къ другимъ и несовмѣстима съ самымъ представленіемъ о развитіи видовъ. Въ ней уже кроется противорѣчіе: формулируя развитіе, она устанавливаетъ неизмѣнность его; она ограничиваетъ извѣстными опредѣленными рамками измѣненіе органическихъ существъ; она отрицаетъ въ нихъ тѣ измѣненія, которыя преобразовываютъ самый процессъ развитія. Вотъ почему никакой законъ развитія не можетъ быть формулированъ, какъ законъ, которому подчинялся-бы самый ходъ эволюціоннаго процесса, который представлялъ-бы послѣдній въ въ видѣ постояннаго, т. е. закономѣрнаго движенія.

Перейдемъ теперь ко второму вопросу, связанному съ теоріей Дарвина. Мы сказали выше, что остановились на этой теоріи, какъ на отправной точкѣ всякой теоріи развитія, имѣя въ виду единство органическаго міра и, слѣдовательно, связь общественной жизни съ органическимъ эволюціоннымъ процессомъ вообще.

Въ основѣ всякого эволюціоннаго процесса лежатъ органическія измѣненія, происходящія въ индивидѣ и закрѣпляемыя естественнымъ отборомъ. Въ этомъ смыслѣ законъ Дарвина имѣетъ универсальное примѣненіе. Но форма этихъ измѣненій и ихъ направленіе уже выходятъ изъ рамокъ этого закона и входятъ въ область изслѣдованія другихъ наукъ. Законъ Дарвина представляетъ собою чрезвычайно широкое обобщеніе, охватывающее весь органическій міръ и потому самому носящее очень отвлеченный характеръ. На его отвлеченный характеръ указываетъ самое выраженіе: „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ къ данной средѣ". Этою средою можетъ быть и подводный міръ, и лѣсныя дебри, и общественная жизнь человѣка. Очевидно, что разсматриваемый законъ обнимаетъ только одну сторону процесса, общую всякому развитію: индивидуальное измѣненіе организма; но онъ не обнимаетъ результатовъ этихъ измѣненій, накапливающихся какъ въ самихъ организмахъ, такъ и въ окружающей ихъ средѣ; онъ не включаетъ въ свою формулу тѣхъ конкретныхъ явленій, которыя естественный отборъ вызвалъ въ органическомъ мірѣ и которыя составили предметъ изученія особыхъ наукъ: физіологіи, психологіи, соціологіи и исторіи. Въ области каждой изъ этихъ наукъ занимаетъ свое мѣсто естественный отборъ; но на этой общей почвѣ возникали все болѣе и

*) Sutherland, *The Origin and Growth of the Moral Instinct*, т. I, гл. II.

болѣе сложныя формы жизни съ новыми силами и новыми законами.

Такимъ образомъ, форма и направленіе органическихъ измѣненій не указываются закономъ Дарвина или, лучше сказать, они указываются въ самомъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ: въ силу этого закона, органическія существа должны стремиться „захватить каждое свободное или плохо занятое мѣсто въ экономіи природы“. Разъ появившаяся на землѣ жизнь должна была наполнить собою всю природу и произвести всѣ формы, какія только оказались возможными въ ней. Ясно, что въ самомъ этомъ законѣ уже кроется безконечное разнообразіе жизненныхъ формъ, открывается, такъ сказать, безконечное поприще для творческой дѣятельности природы. И это не потому только, что самая природа съ самаго начала была чрезвычайно обширна и незанятаго мѣста въ ней было чрезвычайно много; но еще и главнымъ образомъ потому, что она сама измѣнялась и безконечно увеличивала свои жизненные рессурсы. Все большее и большее количество неорганической матеріи перерабатывалось въ органическую, причемъ явившіяся ранѣе органическія существа служили жизненною почвою для развитія новыхъ органическихъ существъ. Вотъ почему формулы, исчерпывающія собою теорію Дарвина: естественный отборъ; переживаніе наиболѣе приспособленныхъ; стремленіе органическихъ существъ захватить каждое свободное или плохо занятое мѣсто въ экономіи природы—не исчерпываютъ всего жизненнаго процесса. Онѣ обнимаютъ только, такъ сказать, пассивную сторону эволюціи, указывая на приспособленіе организма къ *даннымъ* органическимъ и неорганическимъ условіямъ и на замѣщеніе всѣхъ еще *незанятыхъ* мѣстъ въ экономіи природы. Но онѣ не касаются той творческой стороны процесса развитія, въ силу которой создаются, какъ въ самомъ организмѣ, такъ и въ окружающей средѣ, новыя условія, новые источники органической жизни, новыя незанятыя мѣста.

Въ австралійской колоніи Викторія, до появленія англичанъ, жило на пространствѣ въ 87,000 кв. миль около 7,000 туземцевъ; въ настоящее время на этомъ пространствѣ живетъ 1.250,000 европейскихъ колонистовъ, а по приблизительному вычисленію могло-бы существовать до 50.000,000. Этотъ примѣръ служитъ хорошей иллюстраціей той активной стороны эволюціи, которая явилась результатомъ долгаго подготовительнаго процесса развитія и придала ему опредѣленное направленіе. Пока различныя животныя формы захватывали всѣ имѣвшіяся мѣста въ экономіи природы и пока устанавливалось извѣстное равновѣсіе между сталкивавшимися между собой и зависѣвшими другъ отъ друга видами, невозможно было-бы, опредѣлить, по какому общему направленію двигался этотъ процессъ. Каждый видъ достигалъ совершенства по отношенію къ окружающимъ его условіямъ и

въ этомъ смыслѣ повышался въ своей организаціи; но рядомъ съ нимъ оказывался видъ, настолько же совершенно приспособленный къ своимъ условіямъ существованія, и если эти условія существованія были отличны отъ первыхъ, то оба вида одинаково хорошо сохраняли свое мѣсто въ природѣ. Всѣ близкіе, промежуточные виды исчезали; но рѣзко обособленные, достигшіе полнаго приспособленія къ той или другой средѣ, практически оставались неизмѣнными, и ихъ общая генеалогическая таблица представляла собою не одну линію, шедшую въ извѣстномъ направленіи, а многочисленныя развѣтленія, расходившіяся во всѣ стороны. Поэтому вопросъ объ общемъ направленіи эволюціоннаго процесса, въ примѣненіи къ міру животныхъ, являлся неразрѣшимымъ. Говоря о высшемъ предѣлѣ, котораго стремится достигнуть организація животныхъ, Дарвинъ признаетъ, что „здѣсь мы вступаемъ въ область очень запутаннаго вопроса, такъ какъ натуралисты до сихъ поръ не предложили всѣхъ удовлетворяющаго опредѣленія того, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ понятіемъ о болѣе высокой организаціи“ (*Ibid.*, стр. 80).

Но вотъ одно изъ развѣтвленій эволюціоннаго процесса привело къ появленію на землѣ человѣка. При настоящемъ состояніи естественныхъ наукъ мы не можемъ сказать, чтобы это появленіе было вызвано какимъ-нибудь извѣстнымъ намъ закономъ эволюціи, чтобы существовала такая обобщающая формула органическаго развитія, которая концентрировала-бы этотъ процессъ на появленіе человѣка, какъ на своей цѣли. Извѣстный намъ законъ эволюціи указываетъ только на измѣняемость видовъ и на переживаніе наилучше приспособленныхъ; онъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ вести къ расхожденію, къ разнообразію жизненныхъ формъ; его цѣлью, если понимать подъ цѣлью конечный предѣлъ, къ которому стремился процессъ и который намѣчается раскрытымъ людьми закономъ его, было заполненіе всѣхъ свободныхъ мѣстъ въ экономіи природы, подводныхъ, подземныхъ, пещерныхъ, лѣсныхъ, степныхъ и т. д., наилучше приспособленными къ нимъ формами. Одно изъ такихъ свободныхъ мѣстъ было занято предками современнаго человѣка. Съ точки зрѣнія общаго закона развитія, закона Дарвина, обнимающаго весь міръ животныхъ, это—только отдѣльный эпизодъ въ исторіи этого міра. Но этотъ эпизодъ имѣлъ рѣшающее значеніе для всѣхъ послѣдующихъ судебъ животнаго и растительнаго царствъ; онъ оказался поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ органическаго развитія и сообщилъ ему новое и совершенно опредѣленное направленіе. Съ тѣхъ поръ начался процессъ обособленія человѣка отъ всего остального міра животныхъ путемъ постепеннаго освобожденія человѣческой жизни отъ пассивнаго подчиненія окружающей средѣ, путемъ активнаго воздѣйствія на природу. Выраженіе: „человѣкъ и природа“, въ смыслѣ противопоставленія одного

другому, имѣетъ совершенно конкретный смыслъ, какого не имѣло-бы выраженіе: мышь и природа, или слонъ и природа. Этотъ смыслъ достигнутъ многовѣковою исторіею человѣческой жизни, измѣнившею, въ сравнительно ничтожный промежутокъ времени, окружающую ее органическую среду и сообщившею всѣмъ происходящимъ въ этой средѣ процессамъ очень опредѣленной направленіе. Это направленіе можно формулировать такимъ образомъ: приспособленіе органической среды къ потребностямъ человѣка и исчезновеніе съ лица земли всѣхъ формъ растеній и животныхъ, неудовлетворяющихъ этимъ потребностямъ.

Съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса, т. е. выясненія характера эволюціоннаго процесса вообще и историческаго процесса въ особенности, этотъ революціонный переворотъ въ жизни органическаго міра интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ внесъ цѣлесообразность въ ходъ стихійнаго, органическаго процесса, цѣлесообразность въ смыслѣ поддержанія и развитія человѣческой жизни. Весь земной шаръ уже и теперь въ значительной степени приспособленъ къ потребностямъ человѣчества, какъ цѣлаго, противопоставляющаго себя природѣ. Въ жизнь природы внесенъ субъективный элементъ одного изъ продуктовъ общаго органическаго развитія, и этотъ субъективный элементъ настолько могущественъ, что въ концѣ концовъ уничтожаетъ или передѣлываетъ по своему результаты тысячелѣтнихъ періодовъ стихійнаго естественнаго отбора. Такимъ образомъ, даже оставаясь пока въ предѣлахъ общаго органическаго развитія, мы видимъ, что оно не можетъ быть формулировано въ объективныхъ терминахъ, т. е. безотносительно къ интересамъ и потребностямъ человѣка, хотя оно могло-бы быть формулировано, какъ стихійный процессъ, по отношенію къ интересамъ и желаніямъ, напримѣръ, волковъ или медвѣдей, которые были истреблены на Британскихъ островахъ. Что-же это значитъ? Почему такое предпочтеніе? не слѣдуетъ-ли отнестись къ нему, какъ къ продукту субъективной иллюзіи? Мы такъ склонны видѣть въ субъективномъ элементѣ антитезисъ научнаго пониманія природы, а въ ея законахъ нѣкую внѣшнюю силу, равнодушную къ судьбамъ человѣка, что мы не включаемъ въ научное представленіе о ходѣ органической жизни окончательнаго подчиненія ея человѣческимъ цѣлямъ. Между тѣмъ этотъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ показываетъ, что, въ извѣстный періодъ органическаго развитія, въ одномъ изъ видовъ, вырабатывавшихся въ природѣ, согласно закону приспособленія къ окружающей средѣ, появилась сила, способная приспособлять окружающую среду къ жизненнымъ потребностямъ этого вида и, такимъ образомъ, сдѣлать въ концѣ концовъ весь земной шаръ исключительно приспособленнымъ къ жизни одного этого вида. Такъ какъ эта сила

локализирована въ человѣческомъ организмѣ и проявляется въ индивидуальномъ сознаніи, то ее слѣдуетъ назвать субъективною, въ отличіе отъ объективныхъ силъ, не локализированныхъ въ человѣкѣ и не отражающихся въ его сознаніи.

Итакъ, процессъ органическаго развитія, взятый въ его цѣломъ, можетъ быть резюмированъ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: въ дочеловѣческій періодъ этотъ процессъ не имѣлъ опредѣленнаго направленія и развѣтлялся на безчисленное множество путей; послѣ появленія человѣка онъ сосредоточился на одной задачѣ: развитіи человѣческой жизни, интересамъ которой постепенно подчинялась и подчиняется вся остальная органическая жизнь. Поэтому мы вправѣ сказать, что, въ человѣческій періодъ органическаго развитія, въ природѣ царствовалъ законъ, въ силу котораго земной шаръ долженъ былъ постепенно превращаться въ жилище человѣческаго рода. Но этотъ законъ не властвовалъ извнѣ; онъ налагался на природу тѣми нервными, психическими силами, которыя развивались внутри человѣка.

Въ такомъ видѣ рисуется намъ значеніе человѣческой жизни въ экономіи природы, связь между историческимъ процессомъ и общимъ органическимъ развитіемъ, выясненнымъ и формулированнымъ въ ученіи Дарвина. Таково вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе историческаго процесса, разсматриваемаго по отношенію ко всему человѣчеству: если разсматривать человѣчество, какъ одно цѣлое, то его развитіе выразилось во внѣшней средѣ завоеваніемъ природы, все болѣе и болѣе совершеннымъ приспособленіемъ ея къ человѣческой жизни. Съ этой точки зрѣнія можно было бы написать исторію человѣчества, которая охватила-бы собою существенныя стороны историческаго процесса. Отсюда видно, что историческій процессъ, разсматриваемый съ этой, такъ сказать, внѣшней его стороны, со стороны его самого общаго содержанія, имѣетъ извѣстное, опредѣленное направленіе и совершенно опредѣленный критерій для оцѣнки достигнутыхъ результатовъ. Въ X-мъ в. до Р. Х. земной шаръ былъ менѣе приспособленъ для человѣческой жизни, чѣмъ въ X-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х., потому что гораздо болѣе значительная часть его была покрыта тогда лѣсами и болотами и находилась во власти другихъ представителей животнаго міра. Нашествіе гунновъ было регрессивнымъ явленіемъ, потому что задержало это колонизаціонное движеніе человѣчества; изобрѣтеніе книгопечатанія прогрессивнымъ явленіемъ, и т. д. Такимъ образомъ, историческій процессъ, разсматриваемый только съ одной этой внѣшней его стороны, т. е. со стороны измѣненій, произведенныхъ имъ во внѣшней средѣ, уже связывается съ представленіемъ о прогрессѣ, въ основѣ котораго лежатъ интересы всего человѣчества, какъ отдѣльнаго вида.

II.

Переходя теперь къ внутренней сторонѣ историческаго процесса, мы вступаемъ въ область собственно историческихъ вопросовъ. Чтобы не терять связи этого процесса съ общимъ ходомъ органическаго развитія, мы можемъ поставить эти вопросы въ такой формѣ: какимъ путемъ достигало человѣчество своего преобладанія въ природѣ? Очевидно, что оно достигало его путемъ тѣхъ измѣненій, какія происходили какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ въ формахъ его жизни. Такъ какъ человѣкъ извѣстенъ наукѣ только какъ существо, живущее группами или обществами, то всѣ историческія формы его жизни могутъ быть обняты представленіемъ объ общественной жизни въ ея непрерывномъ развитіи. Слѣдовательно, вопросъ о пониманіи историческаго процесса сводится къ вопросу о томъ, какимъ путемъ и въ какомъ направленіи происходили измѣненія въ самомъ человѣкѣ и въ его общественной жизни.

Эти два вопроса, т. е. вопросъ объ измѣненіяхъ въ организмѣ человѣка и объ измѣненіяхъ въ общественной жизни, нельзя слить воедино, въ вопросъ о развитіи общественнаго организма, потому что, какъ это уже достаточно выяснено теперь, общество не можетъ быть названо организмомъ въ научномъ значеніи этого слова. Когда мы говоримъ объ организмѣ какого-нибудь животнаго, мы говоримъ въ то же время о каждой составляющей его клѣточкѣ, потому что она неразрывно связана съ нимъ, занимаетъ въ немъ опредѣленное мѣсто и исполняетъ опредѣленную функцію, которою исчерпывается ея жизнь. Говоря объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ организмѣ животнаго, мы говоримъ въ то же время о всѣхъ измѣненіяхъ въ составныхъ частяхъ этого организма; и обратно: всякое измѣненіе въ одной изъ составныхъ частей организма составляетъ измѣненіе самого организма. Еслибы между обществомъ и личностью существовала такая же полная и неразрывная связь, то въ такомъ случаѣ измѣненія въ обществѣ обнимали бы собою всѣ измѣненія, происходящія въ его членахъ, и процессъ исторіи могъ бы быть отождествленъ съ развитіемъ общества. Но при дѣйствительномъ положеніи вещей такое отождествленіе невозможно.

Необходимо замѣтить, что, утверждая это, мы вовсе не имѣемъ въ виду отрицать *вліяніе* общества на индивида и развитія общественной жизни на развитіе индивида; мы говоримъ только, что это два отдѣльныхъ процесса. Одинъ изъ нихъ обусловливаетъ другой, но не сливается съ нимъ. Отрицать вліяніе общественной среды на развитіе индивида значило-бы то же самое, что отрицать, напримѣръ, вліяніе климата на характеръ раститель-

ности; но тѣмъ не менѣе измѣненія въ климатѣ и измѣненія въ растительности составляютъ два отдѣльныхъ процесса. Подобнымъ же образомъ развитіе индивида, въ какой-бы тѣсной зависимости оно ни находилось отъ общественной эволюціи, составляетъ нѣчто отличное отъ этой эволюціи. Это необходимо имѣть въ виду, такъ какъ отсюда непосредственно вытекаетъ, что историческій процессъ слагается изъ двухъ процессовъ: измѣненій въ общественныхъ условіяхъ и измѣненій въ самомъ человѣкѣ.

Не касаясь многочисленныхъ перипетій, которыми сопровождалось развитіе общественной жизни, и исходя прямо изъ извѣстныхъ намъ достигнутыхъ результатовъ, мы видимъ, что общественная эволюція заключалась прежде всего въ увеличеніи размѣровъ общества, въ непрерывномъ возрастаніи числа членовъ этой кооперація во всѣхъ ея формахъ: безсознательной, принудительной и добровольной. Это—одинъ изъ самыхъ постоянныхъ признаковъ общественной эволюціи. Въ предъидущей статьѣ мы приводили среднія цифры, показывающія число членовъ дикихъ, варварскихъ и цивилизованныхъ обществъ, и мы видѣли, что эти цифры возрастаютъ въ очень быстрой прогрессіи. Таковъ самый общій и крупный фактъ историческаго процесса. Такъ какъ общественная жизнь во всѣхъ ея формахъ предполагаетъ извѣстную степень внѣшней сплоченности, то ростъ общества необходимо долженъ былъ сопровождаться концентраціей населенія, а эта концентрація была возможна только при извѣстномъ развитіи производительныхъ силъ, при переходѣ отъ звѣроловства и пастушескаго быта къ земледѣлію. При земледѣліи, даже въ очень несовершенныхъ его формахъ, уже возможно существованіе обширныхъ обществъ, какъ это показываетъ исторія до-Петровской Россіи; въ странахъ же съ болѣе благопріятнымъ климатомъ, при той же степени развитія производительныхъ силъ, была возможна гораздо бо̀льшая скученность населенія. Такимъ образомъ почвой, однимъ изъ необходимыхъ условій общественнаго роста, была извѣстная степень развитія производительныхъ силъ, т. е. та способность воздѣйствовать на окружающую природу, которая отличаетъ человѣка и которая вызвала вышеупомянутый переворотъ въ ходѣ органическаго развитія. Но какими же причинами былъ обусловленъ этотъ непрерывный ростъ человѣческихъ обществъ? Если бы онъ происходилъ путемъ естественнаго размноженія населенія, то причиной его было бы то же развитіе производительныхъ силъ, которое постепенно обращало бы страну съ населеніемъ въ одного жителя на 10 кв. миль въ страну съ населеніемъ въ 100 жителей на одну квадратную милю. Но мы уже указывали въ предъидущей статьѣ, что не таковъ былъ дѣйствительный ходъ общественнаго роста. Общества расширялись не путемъ естественнаго размноженія, а путемъ слиянія мелкихъ общественныхъ группъ

во все болѣе и болѣе крупныя. Въ чемъ же заключалась причина этого процесса сліянія? Основная его причина заключалась въ борьбѣ за существованіе между отдѣльными человѣческими группами. Развитіе производительныхъ силъ человѣка происходило вначалѣ чрезвычайно медленно, и даже небольшая группа дикарей могла существовать, только оспаривая у другихъ группъ мѣста, болѣе изобиловавшія дичью или съѣдобными корнями. Эта борьба велась въ теченіе долгаго времени и выработала въ членахъ каждой человѣческой группы непримиримую вражду и самыя свирѣпыя чувства по отношенію ко всѣмъ стоявшимъ внѣ ея. Извѣстно, что самыя интенсивныя проявленія инстинктивной, органической ненависти къ членамъ не своего племени наблюдаются не среди дикарей, а среди варваровъ; только среди нихъ охота за черепами и каннибальство обращаются въ настоящую страсть, практикуются ради наслажденія ими и связанными съ ними почестями. Это не наслѣдіе, вынесенное человѣкомъ изъ животнаго міра, а продуктъ его собственной исторіи. Надо прочитать отчеты путешественниковъ, чтобы видѣть, до какихъ предѣловъ доходитъ кровожадная ненависть варваровъ къ чужеплеменникамъ. По словамъ одного изъ авторовъ, цитируемыхъ Sutherland'омъ, добыча непріятельскихъ головъ обратилась въ главную жизненную цѣль населенія Соломоновыхъ островов, то же самое говоритъ Форбесъ о жителяхъ острова Тимора, а Креспиньи о жителяхъ Сѣвернаго Борнео. „Жизнь дайяковъ ужасна, пишетъ Раджа Брукъ: день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, эта жизнь проходитъ въ неослабной бдительности и укрывательствѣ отъ враговъ". „Охота за черепами среди дайяковъ совершенно истребляетъ это племя", пишетъ Карлъ Бокъ. Среди негровъ, у племени Вавемба, числомъ непріятельскихъ головъ, добытыхъ человѣкомъ, опредѣляется его общественное положеніе. У племени Галла, юноша не можетъ жениться, если онъ не добылъ по крайней мѣрѣ одной непріятельской головы и т. д. По словамъ греческаго историка Діодора, кельты спѣшили послѣ побѣды отрубить какъ можно больше головъ убитыхъ враговъ. Германцы въ шестомъ и седьмомъ столѣтіяхъ еще употребляли вражескіе черепа, какъ чаши на своихъ пирахъ. По словамъ Аристотеля, среди македонцевъ, человѣкъ, достигшій зрѣлаго возраста и не убившій ни одного врага, навлекалъ на себя безчестіе *).

Несомнѣнно, что эти личныя и общественныя чувства вырабатывались путемъ естественнаго отбора и въ свое время служили предохранительнымъ средствомъ. Но они создали особый воинственный и кровожадный типъ человѣка, долгое время господствовавшій въ исторіи и наложившій свой глубокій отпечатокъ

*) См. обо всемъ этомъ Sutherland, *The Origin and Growth of the Mora Instinct,* гл. IX.

на строй общественной жизни. Въ теченіе очень долгаго времени, главный жизненный вопросъ для каждаго отдѣльнаго общества состоялъ не въ томъ, чтобы обезпечить себѣ средства существованія, а въ томъ, чтобы сохранить ихъ и охранить себя отъ безпощадной вражды всѣхъ окружающихъ. Мы видѣли, что эта вражда ко всему иноплеменному достигла своего кульминаціоннаго пункта и во всякомъ случаѣ продолжалась среди народовъ, уже стоявшихъ на сравнительно высокомъ уровнѣ развитія производительныхъ силъ; она не обусловливалась недостаткомъ средствъ существованія, какъ внѣшнимъ стимуломъ; она вытекала изъ внутреннихъ свойствъ, пріобрѣтенныхъ людьми. Назовемъ ли мы эти внутреннія свойства алчностью, жаждою чужого богатства или воинственностью, въ данномъ случаѣ безразлично; хотя очевидно, впрочемъ, что это было соединеніе того и другого, потому что самому алчному человѣку необходимо обладать спеціальными воинственными наклонностями, чтобы забывать объ опасностяхъ войны и даже страстно любить ихъ.

Итакъ, естественный отборъ на почвѣ борьбы за существованіе, въ прямомъ значеніи этого слова, выработалъ воинственный и кровожадный типъ человѣка и установилъ крайне враждебныя отношенія между первоначальными человѣческими группами, создалъ для людей атмосферу непрерывныхъ войнъ и опасностей. Въ этомъ смыслѣ мы и сказали, что борьба за существованіе была основною причиною численнаго расширенія обществъ; она подготовила тѣ условія, при которыхъ размѣры общества и его сплоченность являлись вопросами первостепенной и всепоглащающей важности. Но какъ бы ни была велика эта важность, она сама по себѣ была бы только логической причиной, только разумнымъ основаніемъ для сплоченія родственныхъ группъ и для заключенія союзовъ, если бы на ряду съ ними въ людяхъ не развивались эмоціональныя способности, подготовлявшія органическую почву для этого. Только племена съ значительнымъ развитіемъ групповыхъ, соціальныхъ чувствъ, замкнутыхъ въ узкой средѣ, но очень интенсивныхъ, могли отстоять свое существованіе, получить преобладаніе и сдѣлаться центрами обширныхъ группъ, объединенныхъ завоеваніемъ. Сопоставляя негровъ, живущихъ обществами въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, съ бушмэнами, живущими группами отъ четырнадцати до сорока человѣкъ, Sutherland говоритъ: „цѣлая бездна раздѣляетъ бушмэна отъ сосѣдняго съ нимъ негра, бездна, въ основѣ которой лежитъ глубокое различіе въ нервной организаціи; благодаря этому бушмэнъ оказался неспособнымъ научиться у негра урокамъ общественной коопераціи. Дѣло въ томъ, что для этого требуются не столько уроки, сколько пріобрѣтеніе извѣстныхъ органическихъ свойствъ". (*Ibid.*, т. I, стр. 363).

Бушмэнъ отличается отъ негра прежде всего тѣмъ, что пер-

вый ведетъ бродячую и охотничью жизнь, а второй земледѣльческую и осѣдлую. Эта огромная перемѣна сопровождалась и обусловливалась соотвѣтствующимъ умственнымъ развитіемъ и измѣненіемъ всѣхъ жизненныхъ привычекъ; затѣмъ она повела къ значительному естественному размноженію общества, что уже само по себѣ необходимо вызывало расширеніе и усиленіе эмоціональныхъ способностей въ его членахъ. Воинственныя и свирѣпыя страсти варваровъ интенсивнѣе, чѣмъ у дикарей; подобнымъ же образомъ шире, интенсивнѣе и сложнѣе сплачивающія ихъ соціальныя чувства. Еще богаче интеллектуальная и эмоціональная природа современнаго средняго англичанина. Это измѣненіе въ нервной системѣ, въ нервной организаціи человѣка происходило сообразно съ законами психической эволюціи или путемъ естественнаго отбора и составляло одно изъ условій, одну изъ причинъ общественной эволюціи, а также одинъ изъ фактовъ историческаго процесса.

Итакъ, безпощадная борьба между отдѣльными обществами, особенно усилившаяся съ переходомъ къ земледѣлію, сопровождавшемуся нѣкоторымъ ростомъ экономическаго благосостоянія и значительнымъ естественнымъ приростомъ населенія, вызвала огромное увеличеніе размѣровъ обществъ. Это была необходимая гарантія ихъ существованія и въ то же время неизбѣжное послѣдствіе преобладавшаго, господствовавшаго характера ихъ общественной жизни. Вся она была сосредоточена на вопросѣ о военной защитѣ и завоеваніи. Тогда еще не существовало миролюбивыхъ обществъ, склонныхъ предаваться производительной дѣятельности и накопленію богатствъ. Такого рода общество было бы психологически невозможно въ тѣ времена, а еслибы оно появилось какимъ-нибудь чудомъ, то было бы немедленно же стерто съ лица земли. Въ человѣческой психикѣ господствовали тогда воинственныя и враждебныя страсти ко всему стоявшему внѣ замкнутой общественной среды, а потому существовали только воинственныя общества, которыя вели между собою непрерывныя войны. Но непрерывныя войны должны были выдвигать впередъ наиболѣе обширныя и сплоченныя общества и дѣлать ихъ центрами еще болѣе обширныхъ агломерацій. Помимо всякаго рода хищническихъ стимуловъ, связанныхъ съ завоеваніемъ, оно служило единственнымъ средствомъ обезпечить себя отъ завоеванія другими, а ассимиляція завоеванныхъ увеличивала въ огромныхъ размѣрахъ военныя и матеріальныя средства завоевателя. Мы знаемъ, что этотъ процессъ развитія военнаго могущества обществъ въ теченіе очень долгаго періода исторіи занималъ первенствующее мѣсто между всѣми другими процессами общественнаго развитія и отступилъ на второй планъ только тогда, когда, съ одной стороны, государства достигли такого размѣра и такой организаціи, при которыхъ ихъ существованіе было болѣе или менѣе

обезпечено, а, съ другой стороны, значительно ослабли воинственныя наклонности и военныя опасности окружающей среды.

Такимъ образомъ, на почвѣ первыхъ завоеваній человѣка въ области производства и на почвѣ органическихъ свойствъ, выработавшихся въ самомъ человѣкѣ, путемъ естественнаго отбора, въ періодъ его дикаго и варварскаго состоянія, возникла общественная жизнь въ ея исторической формѣ, въ формѣ обширныхъ государствъ съ военной организаціей. Вокругъ этого основного факта историческаго процесса группируются и съ нимъ непосредственно связываются всѣ остальныя сопровождавшія его стороны общественной эволюціи. Такъ, напримѣръ, съ нимъ была связана первоначальная форма экономической эволюціи. Эта эволюція, какъ извѣстно, происходила въ формѣ принудительнаго труда. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что принудительный трудъ, обусловившій накопленіе богатствъ, служилъ великимъ рычагомъ развитія производства и торговли. Но принудительный трудъ, сначала въ формѣ рабства, а потомъ крѣпостничества, явился прямымъ результатомъ войны. Рабство обыкновенно объясняется развитіемъ производительныхъ силъ, сдѣлавшимъ выгоднымъ обращать плѣнныхъ въ рабовъ. Но вѣдь это только одно изъ условій; другимъ были самыя войны и завоеванія, какъ причина и способъ возрастанія размѣровъ общества. Принудительный трудъ въ формѣ кастовой или сословной организаціи вошелъ въ самый строй военнаго государства, какъ его основная и неотъемлемая черта. Мы не знаемъ ни одного крупнаго военнаго государства безъ кастовой или сословной организаціи, т. е. безъ принудительнаго труда. Съ сословной организаціей общества связывалась также форма землевладѣнія, лежавшая въ основѣ экономической жизни. Такія важныя орудія экономическаго развитія, какъ дороги, каналы, ирригаціонныя сооруженія и большіе города, сдѣлались возможными только послѣ возникновенія обширныхъ государствъ. Умственное развитіе, въ его исторической формѣ, также происходило на почвѣ досуга, обезпеченнаго для меньшинства принудительной организаціей труда, вытекавшей изъ самаго способа непрерывнаго возрастанія размѣровъ общества какъ основного факта историческаго процесса.

Итакъ, на поставленный выше вопросъ, послужившій намъ исходной точкой для опредѣленія общаго характера исторической эволюціи,—вопросъ о томъ, какимъ путемъ происходило завоеваніе человѣкомъ природы, мы можемъ отвѣтить, что оно происходило путемъ непрерывнаго возрастанія размѣровъ человѣческаго общества и возникновенія большихъ государствъ. Въ рамкахъ этого основного историческаго процесса происходило первоначальное экономическое и умственное развитіе человѣка.

При настоящемъ состояніи исторической науки, мы не можемъ сказать, чтобы такой путь, такой именно ходъ обществен-

ной эволюціи вытекалъ изъ какого-нибудь болѣе общаго закона, являлся частнымъ случаемъ болѣе общей формулы. Историческая наука указала на причины этого процесса, не оставила въ немъ ни одного темнаго, загадочнаго, таинственнаго пункта: во всемъ своемъ цѣломъ, со всѣми своими перипетіями, онъ представляется намъ какъ огромный и сложный фактъ органическаго развитія. Но на извѣстной своей стадіи онъ уже выработалъ такіе результаты, которыми опредѣлялся и опредѣляется, въ общихъ чертахъ, его неизвѣстный дальнѣйшій ходъ.

Эти результаты заключались, прежде всего, въ достиженіи сравнительной внѣшней безопасности и въ прекращеніи непрерывныхъ войнъ. Это было достигнуто самымъ переходомъ большинства варварскихъ народовъ къ жизни большими государствами, такъ какъ этотъ переходъ необходимо сопровождался усиленіемъ экономической дѣятельности и накопленіемъ богатствъ въ рукахъ господствующаго военнаго сословія; а это ослабляло въ немъ стремленіе къ войнамъ ради простого грабежа. Кромѣ того, съ выдѣленіемъ военнаго сословія и обращеніемъ военнаго занятія въ особую спеціальность, началъ дѣйствовать тотъ процессъ естественнаго отбора, о которомъ упоминается въ вышеприведенной выпискѣ изъ книги Sutherland'a; этотъ процессъ измѣнилъ господствующій типъ человѣчества и уничтожилъ органическую основу междуплеменной вражды въ ея прежней интенсивной формѣ.

Такимъ образомъ, результаты процесса образованія огромныхъ и сплоченныхъ человѣческихъ обществъ сами ослабляли и уничтожали причины, лежавшія въ основѣ этого процесса. Вслѣдствіе этого военная функція государства, занимавшая прежде господствующее, всепоглощающее мѣсто, отступила на второй планъ, и общество въ значительной мѣрѣ освободилось изъ-подъ гнета той стихійной внѣшней силы, которой обусловливалась вся его жизнь въ военный періодъ исторіи. Но оно вышло изъ этого періода съ глубокимъ отпечаткомъ своего историческаго прошлаго, которое въ формѣ того, что получило въ исторіи названіе „стараго порядка", продолжало господствовать въ общественной жизни. Такъ какъ эти историческіе продукты исчезнувшихъ условій потеряли способность дальнѣйшаго развитія и поддерживались только силою инерціи, то общество должно было видоизмѣняться подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ эволюціонныхъ процессовъ, которые возникли въ немъ, или, лучше сказать, продолженія тѣхъ старыхъ процессовъ развитія, которые, съ дальнѣйшимъ ходомъ ихъ, получали все большее и большее значеніе, пріобрѣтали, выражаясь терминомъ механики, все большую и бо̂льшую живую силу.

Однимъ изъ такихъ процессовъ является развитіе производительныхъ силъ на исторической почвѣ частной собственности и

частнаго хозяйства. Это очень сложный процессъ. Поскольку онъ связанъ исторически съ далекимъ прошлымъ, а онъ, какъ мы только что сказали, связанъ съ нимъ въ своихъ основныхъ принципахъ, онъ является не видоизмѣняющей, а консервативной силой. Но въ то же время это огромная поступательная сила. Онъ стихійно поднимаетъ общій уровень экономическаго благосостоянія, содѣйствуя этимъ развитію индивида; онъ увеличиваетъ всѣ средства умственнаго развитія; онъ самъ вызываетъ его, какъ свой необходимый составной элементъ; онъ содѣйствуетъ огромной концентраціи населенія въ промышленныхъ центрахъ, что въ свою очередь является важнымъ условіемъ умственнаго и общественнаго развитія индивида. Такимъ образомъ, резюмируя всѣ реформирующія стороны этого процесса, можно сказать, что онъ стихійно повышаетъ умственный уровень захваченныхъ имъ индивидовъ и ставитъ ихъ въ положеніе, способствующее ихъ умственному и соціальному развитію.

Съ этимъ связывается процессъ сознательнаго умственнаго развитія, создавшій въ человѣчествѣ особую область умственной жизни и умственныхъ интересовъ. Въ основѣ этого, такъ сказать, саморазвитія человѣчества лежитъ то значеніе, какое всегда имѣло въ человѣческой жизни знаніе. Болѣе знающій человѣкъ, даже въ періоды варварства, занималъ почетное положеніе, обусловленное потребностью въ знаніи. Вслѣдствіе этого съ пріобрѣтеніемъ знаній ассоціировалась возбуждающая эмоція удовольствія,—тѣмъ же путемъ, какимъ ощущеніе пріятнаго вкуса связалось съ веществами, полезными для организма, а непріятнаго—съ веществами, вредными для организма. Эта органическая потребность въ знаніи обезпечила непрерывный ростъ его въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это было возможно въ каждую данную эпоху. На извѣстной стадіи общественной эволюціи, настоятельная потребность въ различныхъ техническихъ знаніяхъ заставила государство взять на себя организацію средствъ просвѣщенія, подобно тому какъ оно взяло на себя сооруженіе дорогъ или каналовъ.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе еще на одинъ основной процессъ развитія, имѣвшій огромное значеніе въ общественной жизни. Мы говоримъ о развитіи нравственнаго инстинкта и, какъ высшей формы его, общественнаго чувства. Этотъ органическій процессъ происходилъ непрерывно въ теченіе не только всей человѣческой исторіи, но и въ теченіе огромнаго періода животной жизни. Его начало сливается съ первыми проявленіями родительскаго и супружескаго инстинкта. Мы не можемъ здѣсь даже въ самыхъ краткихъ чертахъ резюмировать ходъ этого медленнаго, незамѣтнаго, незанесеннаго въ хроники процесса, который проявляется только при сравненіи отдаленныхъ другъ отъ друга періодовъ, но проявляется въ крупныхъ

перемѣнахъ въ области человѣческой психики. Мнѣ не хотѣлось бы, однако, ограничиться въ этомъ случаѣ только сухими выводами, и потому я приведу хоть одну иллюстрацію этого процесса изъ уже цитированной мною замѣчательной книги Sutherland'а.

Когда, въ самомъ началѣ перваго вѣка германцы разбили въ Тевтобургскомъ лѣсу римскую армію, всѣ взятые ими въ плѣнъ были избиты. Это было не только обычаемъ для германцевъ того времени, но даже священнымъ обрядомъ.

Въ XV вѣкѣ, англійскій король Генрихъ V, въ битвѣ при Азенкурѣ, взялъ огромное количество плѣнныхъ, которые находились въ арьергардѣ его арміи. Когда въ его передней линіи снова завязалось сраженіе, онъ получилъ извѣстіе, что плѣнные одолѣваютъ стражу и что ему грозитъ быть окруженнымъ непріятелемъ. Тогда онъ послалъ приказаніе какъ можно скорѣе перебить плѣнныхъ. Затѣмъ оказалось, что тревога была ложная, и онъ велѣлъ прекратить рѣзню. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ потомъ оправдывать свое поведеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ *).

Такъ какъ нравственный инстинктъ связанъ, какъ со своимъ источникомъ, съ родительскими и семейными эмоціями, то развитіе его происходило путемъ естественнаго отбора. Всѣ измѣненія въ нервной организаціи, соотвѣтствующія усиленію семейныхъ привязанностей, въ теченіе всѣхъ протекшихъ вѣковъ, закрѣплялись естественнымъ отборомъ и накоплялись въ человѣческомъ организмѣ, такъ какъ индивиды, обладавшіе ими, имѣли болѣе шансовъ, благодаря болѣе тщательному уходу за дѣтьми (при одинаковыхъ условіяхъ среды, конечно), оставить потомство и передать ему свою нервную организацію. Но на почвѣ родительскихъ и семейныхъ эмоцій, вмѣстѣ съ расширеніемъ рамокъ общественной жизни, т. е. съ возрастаніемъ размѣровъ общества, возникали соціальныя эмоціи, развивалось общественное чувство. Этому немало содѣйствовалъ также тотъ процессъ „очищенія общества отъ дурной крови“, о которомъ говоритъ выше Sutherland.

Медленное, но непрерывное развитіе нравственнаго инстинкта представляетъ собою чисто стихійный органическій процессъ, происходящій, съ большею или меньшею быстротою, при *всѣхъ* общественныхъ условіяхъ и неизмѣнно въ одномъ и томъ же направленіи. Какъ-бы свирѣпы и жестоки ни были условія человѣческой жизни, болѣе любвеобильные и менѣе воинственные родители неизбѣжно оставляли большее потомство и передавали ему свою нервную организацію. На этой нервной организаціи совершенно независимо отъ желаній индивида, путемъ безсозна-

---

*) Sutherland, *The Origin and Growth of the Moral Instinct,* т. I, стр. 455—456.

тельнаго процесса, возникали надстройки, соотвѣтствующія эмоціямъ альтруистическаго характера. Такимъ образомъ, воспріимчивость къ положенію и интересамъ окружающихъ, способность двигаться альтруистическими мотивами развивалась въ людяхъ стихійно, вмѣстѣ съ количествомъ прожитого ими времени и непрерывнымъ расширеніемъ окружающей ихъ среды.

Такъ какъ этотъ стихійный органическій процессъ прямо отражался на мотивахъ человѣческихъ дѣйствій, то онъ не могъ не проявиться во внѣ и не отразиться на общественной жизни. Самыми непосредственными проявленіями его были такъ называемое смягченіе нравовъ и развитіе филантропическихъ учрежденій. Читатель можетъ найти въ книгѣ Sutherland'a очеркъ исторіи отношенія къ старикамъ, больнымъ и умалишеннымъ, изъ котораго видно, что участь ихъ облегчалась въ прямой зависимости отъ протекшаго времени.

Но гораздо важнѣе отраженіе этого органическаго процесса на общественной дѣятельности.

Во всякую групповую дѣятельность, общее направленіе которой опредѣляется групповыми интересами, человѣкъ неизбѣжно вноситъ свои индивидуальныя свойства, на которыхъ отражается разсматриваемый нами процессъ. Отсюда—неизбѣжныя видоизмѣненія въ постановкѣ цѣли, способность человѣчнѣе или разумнѣе отнестись къ групповымъ интересамъ. Мы знаемъ, что упорство и непримиримость въ отстаиваніи ихъ часто переходятъ разумные предѣлы и бываютъ основаны не на правильномъ разсчетѣ, а на субъективномъ отношеніи. Отсюда то различіе въ дѣйствіяхъ представителей однихъ и тѣхъ же групповыхъ интересовъ, которое ярко обнаружилось, напримѣръ, недавно, въ германскомъ рейхстагѣ, въ рѣчахъ желѣзнозаводчика Штума и перваго берлинскаго пивовара Резике. Такого рода явленія, въ основѣ которыхъ лежитъ индивидуальное умственное и эмоціональное развитіе, имѣютъ вліяніе на характеръ всей общественной жизни.

Но еще важнѣе то вліяніе, какое оказываетъ разсматриваемый эволюціонный процессъ на постановку основной цѣли общественной дѣятельности, неизбѣжно вызывая появленіе во всякомъ обществѣ людей съ особенною воспріимчивостью къ соціальнымъ мотивамъ, руководящихся не групповыми, а общими интересами, а также заставляя извѣстную часть представителей групповыхъ интересовъ вносить большую или меньшую долю общественныхъ стремленій въ свою общественную дѣятельность. Форма, въ которой проявляются эти стремленія, зависитъ отъ данныхъ историческихъ условій; но, вообще говоря, этого рода дѣятельность заключается въ воздѣйствіи на общественное сознаніе *) и опирается на тотъ процессъ умственнаго роста, о кото-

*) Мы употребляемъ это несовсѣмъ опредѣленное выраженіе „обще-

ромъ мы упоминали выше, причемъ сама способствуетъ этому росту.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ общество вышло, путемъ расширенія своихъ размѣровъ и сопровождавшаго этотъ процессъ ослабленія воинственныхъ наклонностей, изъ подъ гнета военнаго режима, въ его внутренней жизни получили преобладаніе два процесса: во-первыхъ, процессъ умственнаго роста, обусловленный развитіемъ производительныхъ силъ, потребностью въ техническихъ знаніяхъ и притягательною силою науки; во-вторыхъ, развитіе общественныхъ чувствъ. Оба эти процесса ведутъ свое происхожденіе съ раннихъ ступеней общественнаго развитія; но до извѣстнаго періода они играли второстепенную роль, и общій ходъ общественной жизни опредѣлялся господствовавшими военными инстинктами и военными потребностями. Съ достиженіемъ сравнительной внѣшней безопасности, общественный строй, сложившійся подъ вліяніемъ исчезнувшихъ условій, долженъ былъ измѣняться подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ процессовъ индивидуальнаго развитія, все болѣе и болѣе усиливавшихся, путемъ накопленія своихъ собственныхъ результатовъ. Это измѣненіе и называется прогрессивнымъ движеніемъ общества. Субъективно, участниками этого движенія, его мотивы сознаются, какъ требованія разума и справедливости, а результаты,—какъ осуществленіе этихъ требованій. Такимъ образомъ, выражаясь въ субъективныхъ терминахъ, вполнѣ правильнымъ будетъ сказать, что причиною прогрессивнаго общественнаго движенія являются стремленія заинтересованныхъ имъ людей къ осуществленію идеаловъ разума и справедливости. Таковъ *законъ* историческаго процесса.

Такъ какъ лежащіе въ основѣ общественной эволюціи процессы развитія производительныхъ силъ, знанія и соціальныхъ симпатій не ограничены рамками обособленнаго общества, такъ же какъ и первоначальный процессъ междуплеменной борьбы, то это подтверждаетъ высказанный нами ранѣе взглядъ на общественную эволюцію, какъ на всемірно-историческій процессъ.

П. Б.

ственное сознаніе" въ виду того, что говоримъ здѣсь объ общественной дѣятельности въ ея самыхъ общихъ чертахъ. Общественное сознаніе—сложное явленіе, имѣющее свою собственную эволюцію. Первоначально оно воплощается въ очень небольшой части общества; иногда можетъ замыкаться въ опредѣленную классовую группу; но въ концѣ концовъ кругъ охватываемыхъ имъ интересовъ сливается съ интересами большинства.

докторъ съ надменной важностью, которая, казалось, требовала дани отъ приверженцевъ и зрителей; онъ удивительно напоминалъ павлина, собирающаго новые глазки для своихъ перьевъ изъ восхищенія, которое вызывалъ на своемъ пути. Жена доктора, въ шелкахъ и въ кашемировой индійской шали, шла за нимъ, мягко передвигая свою массивную фигуру, при чемъ на ея шляпкѣ тихо качалось длинное страусовое перо. Позади нея шелъ Лаурэнсъ, стройный и изящный въ своемъ городскомъ сюртукѣ и бѣльѣ, до такой степени похожій лицомъ на своего отца, что казался почти его двойникомъ, и однако отличавшійся отъ него помимо возраста до такой степени рѣзко, что даже ребенокъ могъ бы замѣтить это различіе. Это были какъ-бы два совершенно однозвучныя слова съ различнымъ значеніемъ на двухъ языкахъ.

Скамейка Мерриттовъ была какъ разъ позади скамейки семьи доктора Прескотта. Едва Лаурэнсъ усѣлся на свое мѣсто, какъ слегка обернулся и окинулъ улыбающимся взглядомъ красавицу Люцину, которая тихо наклонила голову въ отвѣтъ. До сихъ поръ Джеромъ никогда еще не завидовалъ ни одному человѣческому существу и не испытывалъ никогда позорнаго чувства сожалѣнія къ самому себѣ: теперь онъ узналъ оба эти чувства. Этотъ взглядъ Лаурэнса внезапно наполнилъ его душу горечью зависти...

— Она ему нравится,—сказалъ онъ самому себѣ;—разумѣется и онъ ей понравится. Онъ сынъ доктора Прескотта. Онъ добьется всего безъ малѣйшаго труда... А мнѣ не добиться ничего.

Джеромъ не взглянулъ больше ни на него, ни на нее. Тотчасъ же по окончаніи службы онъ быстро вышелъ изъ церкви черезъ боковой придѣлъ, боясь встрѣтиться съ ними.

— Что у тебя болѣло въ церкви, Джеромъ? — спросила Эльмира, когда они шли домой.

— Ничего.

— Ты былъ ужасно блѣденъ.

Она была такъ счастлива въ это утро, что чувствовала себя болѣе самоувѣренной, чѣмъ когда-либо. Лаурэнсъ Прескоттъ взглянулъ на нее три раза; онъ улыбнулся ей, уходя изъ церкви...

Въ этотъ же день, подъ вечеръ, Джеромъ съ Эльмирой снова отправились въ церковь, но на поворотѣ дороги Джеромъ остановился.

— Мнѣ кажется, я не пойду туда,—сказалъ онъ.

— Да что съ тобою? Нездоровъ ты что-ли? — спросила Эльмира.

— Нѣтъ, я здоровъ, но очень жарко. Я не пойду.

Эльмира широко открыла глаза, не зная, что подумать.

— Бѣги скорѣе, чтобы не опоздать,—прибавилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Боюсь, что ты боленъ, Джеромъ.

— Говорю тебѣ, что не боленъ. Ты опоздаешь.

Наконецъ Эльмира пошла, хотя нѣсколько разъ оборачивалась назадъ. Джеромъ присѣлъ на каменную ограду позади огромнаго куста сирени. Онъ могъ видѣть сквозь прозрачную ширму листвы людей на поворотѣ въ церковь. У него явилось внезапное рѣшеніе не идти туда, чтобы не видѣть Люцины.

Скоро что-то заставило вздрогнуть его сердце: Люцина шла въ церковь со своей матерью. Джеромъ узналъ молодую дѣвушку въ одно мгновеніе. Ему казалось, что онъ узналъ бы тѣнь ея среди темной ночи, шаги ея изъ тысячи. У него словно развилось особое чутье для распознаванія ея присутствія.

Онъ подождалъ немного, чтобы убѣдиться, что она прошла. Когда колокольный звонъ смолкъ, онъ всталъ съ своего мѣста и перелѣзъ за каменную ограду, затѣмъ прошелъ по полю къ тропинкѣ, которая вела къ богадѣльнѣ. По этой тропинкѣ онъ обыкновенно ходилъ въ школу въ дѣтскіе годы.

Очутившись напротивъ этого жилья нищихъ въ ложбинѣ, онъ посмотрѣлъ внизъ. День былъ теплый, и нищіе кишѣли на солнышкѣ подобно насѣкомымъ. Окна дома были открыты настежъ, и въ нихъ появились старыя головы, которыя тряслись и кивали, словно китайскія игрушки; дѣтишки барахтались у дверей дома.

Старый Питеръ Томасъ — который какъ будто застылъ и скристаллизовался въ своихъ немощахъ старческаго возраста— копался въ саду, искоса поглядывая, словно старый реполовъ, на свѣже распаханныя борозды. Нищенки, одѣтыя въ коленкоровыя кофточки, гнули въ три погибели свои спины надъ зелеными склонами полей, ища одуванчиковъ, но онѣ не рылись въ землѣ, потому что было воскресенье.

Дребезжащіе, жалобные голоса этихъ несчастныхъ женщинъ, перекликавшихся другъ съ дружкой, ясно доносились къ Джерому. У сарая онъ увидѣлъ Минди Топса; бѣдный юродивый по старому сидѣлъ, мурлыча свой обвинительный припѣвъ: «Симонъ Бассэтъ, Симонъ Бассэтъ».

До сихъ поръ Джеромъ смотрѣлъ на все это униженіе бѣдноты съ незначительной, но тѣмъ не менѣе существующей высоты человѣка, который въ состояніи оказать помощь этой бѣднотѣ. Сегодня же въ душѣ его явилось горестное ощущеніе общности съ нею.

— Неимѣніе того, что намъ надо, дѣлаетъ насъ всѣхъ обездоленными,—съ горечью признался онъ самому себѣ. — И я

такой же обездоленный нищій, какъ каждый изъ нихъ. Я состою въ еще болѣе ужасной богадельнѣ, чѣмъ эта городская богадельня Энгамскаго Захолустья. Я въ богадельнѣ, отведенной самой жизнью, гдѣ всѣ обездоленные питаются камнями вмѣсто хлѣба.

Затѣмъ его внезапно охватилъ духъ мужественнаго возмущенія.

— Желаніе имѣть то, чего у насъ нѣтъ, дѣлаетъ насъ обездоленными, — сказалъ онъ, — такъ я вырву свое сердце изъ груди, лишь бы не быть обездоленнымъ!

Джеромъ перелѣзъ черезъ другую каменную ограду на выгонъ, поросшій кустарникомъ, и прошелъ въ сосновый лѣсъ, а отсюда, извилистыми тропинками, полемъ и чащей, — въ свой старый лѣсной участокъ. Теперь участокъ этотъ принадлежалъ ему: онъ выкупилъ его обратно у сквайра. Здѣсь онъ сѣлъ на землю и погрузился въ безмолвное созерцаніе того, что происходило вокругъ. Ему показалось, что онъ очутился среди настоящей мастерской природы. Въ ушахъ его громко раздавался глухой шумъ ея колесъ и крыльевъ, отъ нихъ вѣяло прохладою на его щеки. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень рѣдокъ и молодъ; весеннее солнышко обливало своими лучами корни деревьевъ.

Въ солнечныхъ лучахъ кружились небольшіе рои прозрачныхъ мошекъ; внизу глаза его внезапно открывали голубыя чашечки фіялокъ; анемоны кивали ему изъ за низкой тѣнистой травы. Въ воздухѣ носилось громкое чириканье птицъ, а дрожаніе молодой листвы, казалось, происходило настолько же отъ невидимыхъ крыльевъ, какъ и отъ вѣтра. Послѣдній дулъ мягкими, но частыми порывами,—все кругомъ качалось, гнулось, волновалось.

Джеромъ смотрѣлъ на все окружающее, и оно получало въ его глазахъ новое значеніе. Весенній лѣсъ сегодня не былъ для Джерома такимъ, какимъ былъ ранѣе. Весь его блескъ, все его благоуханіе, вся его пышность были до такой степени въ согласіи съ его внутренними ощущеніями, что весь лѣсъ какъ будто слѣдовалъ за волненіями его собственной души. Джеромъ смотрѣлъ на стройный молодой тополь и видѣлъ не тополь, а дѣвушку, и ея бѣлое тѣло съ наивною безпомощностью сквозило сквозь зелень прозрачныхъ покрововъ. Вѣтви простирались ему на встрѣчу словно дѣвичьи объятія съ робкимъ желаніемъ ласки. Каждый цвѣточекъ, на который падалъ его блуждающій взоръ, былъ не цвѣткомъ, а глазомъ любви... Птица призывала свою пару призывомъ его собственнаго сердца. Каждый вздохъ, звукъ, каждое благоуханіе лѣса нашептывали ему слова любви и ласки, искушая его отраженными волненіями его собственной страсти.

Онъ удивлялся какъ ребенокъ всему, что съ нимъ случи-

лось. «Почему же ранѣе я ни разу не испытывалъ ничего такого?»—раздумывалъ онъ. Ему вспомнились всѣ знакомые молодые парни, которые переженились за послѣдніе годы; онъ подумалъ, что они чувствовали то же, что онъ чувствуетъ теперь, а онъ и понятія не имѣлъ объ этомъ. Онъ втайнѣ скорѣе гордился, что не сдѣлалъ себѣ обузы изъ жены и дѣтей, а отдавалъ свои лучшія силы менѣе эгоистичнымъ привязанностямъ. Онъ вспомнилъ свое презрительное отношеніе къ школьному учителю за его страстную любовь къ молодымъ дѣвушкамъ, и тутъ только понялъ, что его презрѣніе въ данномъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, обусловливалось его невѣдѣніемъ. Не презрѣніе, а горячая жалость охватила его, жалость ко всѣмъ, кто уступаетъ этой великой потребности любви, но все таки онъ чувствовалъ странное негодованіе и стыдъ, что самъ подпалъ подъ общее иго.

— Все это напрасно; я не могу...—произнесъ онъ вслухъ.

Ни на минуту ему не пришла мысль, что онъ могъ бы жениться на Люцинѣ Мерриттъ, дочери сквайра Ибна Мерритта, или же, что онъ женился бы на ней, будь у него эта возможность. Онъ не могъ вообразить себѣ, чтобы эта красавица-барышня, въ шелку и кружевахъ, могла стать его женой; да одна мысль объ этомъ заставила бы его страшно возмутиться—не взялъ бы онъ такъ много, разъ онъ можетъ дать такъ мало—это было однимъ изъ его врожденныхъ инстинктовъ.

— Я постараюсь выкинуть изъ своего сердца думу о ней,—сказалъ себѣ Джеромъ. Онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ посреди нѣжныхъ весеннихъ побѣговъ, откинулъ голову назадъ, словно вызывая на борьбу всю природу, и рѣшительно пошелъ впередъ, сурово отстраняя отъ себя дрожащія вѣтви тополей.

VI.

Джеромъ порѣшилъ не идти въ этотъ воскресный вечеръ въ гости къ Люцинѣ. Онъ зналъ, что она ждала его, хотя они не условливались формально на этотъ счетъ; онъ зналъ, что она станетъ ломать себѣ голову, почему онъ не явился, и во всякомъ случаѣ сочтетъ его лгуномъ и невѣжей.

— Пусть ее думаетъ обо мнѣ какъ можно хуже,—сурово говорилъ онъ себѣ, жестоко казня себя за свое рѣшеніе.—Тѣмъ скорѣе я переломлю себя.

По всей вѣроятности, сердце Люцины уже обратилось къ Лаурэнсу Прескотту, какъ это и подобало. Безъ сомнѣнія, она часто видѣлась съ нимъ... онъ былъ красивъ и все ему удавалось; бракъ этотъ будетъ пріятенъ обоимъ семействамъ.

Джеромъ мужественно переносилъ ревность, которая закралась въ его сердце.

— Тебѣ слѣдуетъ привыкнуть къ этому, — говорилъ онъ самому себѣ.

Все это время онъ очень мало думалъ объ Эльмирѣ и просто на просто рѣшилъ, что его мать, а можетъ быть, и Эльмира слишкомъ ошибочно истолковали вниманіе Лаурэнса Прескотта и сдѣлали черезчуръ поспѣшныя заключенія. Было немыслимо, чтобы кто-либо могъ думать о его сестрѣ, предпочитая ее Люцинѣ. Лаурэнсъ приходилъ къ нимъ въ домъ только въ качествѣ добраго знакомаго. Джерому и въ голову не приходило, чтобы Эльмира питала къ молодому Прескотту такое же чувство, какое у него было къ Люцинѣ; поэтому онъ испытывалъ по отношенію къ сестрѣ своей скорѣе досаду, чѣмъ жалость. Однако, онъ порѣшилъ высказать свои доводы, если Лаурэнсъ опять будетъ такъ поздно засиживаться у его сестры.

— Она придаетъ больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, его ухаживанью,—вѣдь молодыя дѣвушки ужасно наивный народъ,—сказалъ онъ себѣ. Люцину Мерриттъ онъ не причислялъ къ дѣвушкамъ.

Въ этотъ воскресный вечеръ, когда стемнѣло,—хоть онъ и рѣшилъ не идти къ Люцинѣ,—Джеромъ побрелъ по дорогѣ мимо ея дома. Въ гостиной было темно. «Она, повидимому, не ждала меня совсѣмъ», подумалъ онъ, но мысль эта причинила ему скорѣе жгучую боль обманутой надежды, чѣмъ облегченіе. Онъ судилъ объ этихъ порядкахъ съ деревенской точки зрѣнія. Въ Эпгамскомъ Захолустьѣ было искони заведено, когда молодая дѣвушка ожидала къ себѣ въ гости вечеромъ молодого человѣка, зажигать свѣчи въ парадной гостиной и принимать его здѣсь наединѣ, отдѣльно отъ другихъ членовъ семьи. Онъ не зналъ, какъ различно было воспитаніе Люцины въ этомъ отношеніи.

Однако, она позволила себѣ маленькую невинную хитрость, которая дала бы ей случай перемолвиться съ нимъ нѣсколькими словами не въ присутствіи старшихъ. Незадолго до наступленія сумерекъ Люцина усѣлась на ступенькѣ, у входа въ домъ. Мать принесла ей шаль, боясь какъ бы молодая дѣвушка не схватила простуду, но Люцина сказала, что не останется здѣсь долго, и что здѣсь нѣтъ ни вѣтра, ни сырости.

Сумерки тихо опускались на землю, словно тѣнь отъ распростертыхъ крыльевъ. Сейчасъ долженъ былъ придти Джеромъ. Передъ ней сквозь деревья мелькала бѣлая дорога и она нетерпѣливо смотрѣла на нее, не отрывая глазъ. По временамъ ей слышались приближающіеся шаги и черная тѣнь пересѣкала дорогу. У нея замирало сердце—хотя она

не понимала причины такого волненія—всякій разъ, какъ это случалось.

Когда Джеромъ вышелъ на дорогу, она какъ-то сразу подумала, что это онъ. Она даже сдѣлала движеніе, чтобы пойти ему на встрѣчу; но послѣ неопредѣленной паузы онъ прошелъ мимо. Тогда она подумала, что ошиблась.

Онъ замѣтилъ колебаніе блѣдной драпировки на приступкѣ входной двери, но ему и не снилось, что Люцина въ эту минуту поджидала его здѣсь. Вскорѣ онъ вернулся назадъ. Люцина, все еще сидѣвшая здѣсь, увидала его опять, но уже не пошевелилась, такъ какъ онъ прошелъ другою дорогой.

Въ половинѣ девятаго она увидала людей, шедшихъ по дорогѣ, мимо, съ вечерняго молебствія, и убѣдилась, что Джеромъ не придетъ въ этотъ вечеръ.

Она вздохнула тихонько, прислонилась къ дверному косяку съ рѣзными выемками и старалась припомнить каждое слово, сказанное имъ, и каждое слово, сказанное ею по поводу его прихода. Она спрашивала себя,—быть можетъ, она не была достаточно радушна, быть можетъ, онъ опасался холоднаго пріема. Она по нѣскольку разъ повторяла себѣ все, что ему сказала, стараясь вообразить его на своемъ мѣстѣ, въ качествѣ слушателя. Она придавала словамъ своимъ самыя тончайшія модуляціи сердечности и холодности, на какія только была способна, жестоко ломая себѣ голову, какія именно выраженія она употребила въ разговорѣ съ нимъ.

— Все зависитъ отъ того, какимъ тономъ скажешь то или другое,—разсуждала про себя бѣдняжка Люцина,—а вѣдь я знаю, я боялась, какъ бы онъ не подумалъ, что я буду черезчуръ рада его приходу. Быть можетъ, я не была съ нимъ достаточно ласкова...

Глаза ея наполнились слезами, которыя медленно катились по ея прелестнымъ щекамъ, пока она сидѣла здѣсь въ полумракѣ. Однако, она не чувствовала къ Джерому того, что онъ чувствовалъ къ ней. Въ ней было еще слишкомъ много юнаго и дѣтскаго, и любовь не могла пустить крѣпкихъ корней въ ея сердцѣ... Впрочемъ, еще въ тѣ старые дни, когда Абигэйль укладывала спать свою маленькую дочь и слушала ея дѣтскую молитву, Люцина, въ сердечкѣ которой смутно пробудилась невѣдомая сладость первой любви, по уходѣ матери, спускалась изъ своей кроватки на полъ, становилась на колѣни и молилась о Джеромѣ Эдвардсѣ.

Разумѣется, когда Люцина подросла и стала ходить въ школу, эти дѣтскіе проблески любви, повидимому, прошли совсѣмъ и позабылись. Въ послѣднее время Люцина вовсе не думала о Джеромѣ Эдвардсѣ. Въ деревнѣ ходили слухи, что Люцина Мерритъ могла бы уже стать невѣстой, еслибы

хотѣла. Однако, она отклоняла отъ себя предложенія вздыхателей прежде, чѣмъ они рѣшались высказаться, изъ тонкаго чувства дѣвичьей деликатности и еще ни разу не дала никому права считаться ея признаннымъ женихомъ.

Теперь она снова очутилась во власти былыхъ мечтаній... Слезы текли у нея по щекамъ и падали въ складки ея кружевной шемизетки. Она почти рѣшилась пойти и разсказать своей матери все, какъ было, повторить несчастный маленькій разговоръ между ней и Джеромомъ, такъ сильно ее смущавшій; пусть мать рѣшитъ, была ли она виновата въ недостаткѣ радушія, и посовѣтуетъ, что ей сдѣлать. Но она не могла никакъ привести въ исполненіе эту мысль.

Луна взошла позади дома. Она не видѣла ея, но узнала объ этомъ, потому что блѣдные лучи облили дрожащимъ свѣтомъ землю у подножія сосенъ, а ихъ верхушки заискрились рядами серебристыхъ иголокъ. До ея слуха донесся крикъ чурилки, словно изъ какой-то невѣдомой дали; съ мокрыхъ луговъ неслось хоровое кваканье лягушекъ, усиливаясь и замирая.

Мать Люцины подошла къ двери и положила свою руку на голову молодой дѣвушки.

— Иди въ комнаты,—сказала она,—твои волосы совершенно влажны. Ты простудишься. И одѣта ты ужасно легко.

Люцина послушно поднялась съ своего мѣста и пошла за матерью въ гостиную, гдѣ сидѣли сквайръ Ибнъ и полковникъ Ламзонъ въ причудливо извивавшихся клубахъ табачнаго дыма.

Щеки Люцины разрумянились отъ влажнаго ночного воздуха и все ея лицо дышало свѣжестью. Въ ея прелестныхъ голубыхъ глазахъ не было и слѣдовъ слезъ. Она вошла въ ярко освѣщенную комнату улыбающаяся, слегка щурясь отъ свѣта, и напоминала изображенія ангеловъ. Оба мужчины смотрѣли на нее съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ грустнымъ чувствомъ тревоги,—у сквайра это происходило вслѣдствіе инстинктивнаго сознанія непрочности отцовскихъ правъ и возможности потерять свое сокровище, а у полковника вслѣдствіе пробужденія старыхъ несбыточныхъ желаній его собственной души.

Сквайръ протянулъ руку къ Люцинѣ, притянулъ молодую дѣвушку къ себѣ и прижалъ ея нѣжное личико къ своему лицу.

— Ну, милочка, какъ-то живется тебѣ на бѣломъ свѣтѣ?—спросилъ онъ, смѣясь.

Поцѣловавъ его и пожелавъ ему спокойной ночи, Люцина пошла наверхъ, въ свою комнату, вмѣстѣ съ матерью.

— Абигэйль ходитъ по пятамъ за дѣвочкой, съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась домой; ни дать ни взять курица съ единственнымъ цыпленкомъ,—молвилъ сквайръ, улыбнувшись почти глупой улыбкой въ безконечной гордости прелестной дочкой.

Полковникъ поддакнулъ кивкомъ головы, важно насупясь надъ своей трубкой у противоположнаго окна.

— Она напоминаетъ мнѣ немного мою жену, въ тѣ же годы,—сказалъ онъ.

Сквайръ посмотрѣлъ на него удивленно. Впервые полковникъ упомянулъ ему о своей женѣ. Онъ вздохнулъ, взглянулъ на своего друга и минуту колебался изъ деликатной сдержанности.

— Это было, навѣрно, страшнымъ ударомъ... — отважился онъ, наконецъ.

Полковникъ утвердительно кивнулъ головой.

— Были дѣтки?—спросилъ, немного погодя, сквайръ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ сквайръ. Онъ продулъ свою трубку, лицо его было краснѣе обыкновеннаго.

— Ну, Ибнъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіи котораго оба пріятеля энергично раскуривали свои трубки,—я надѣюсь, она не оставитъ тебя такъ скоро.

— Неужели она показалась тебѣ слабаго здоровья?— вскричалъ сквайръ, поблѣднѣвъ.—Мать ея не такого мнѣнія.

Полковникъ расхохотался отъ души.

— Когда дѣвушка начинаетъ цвѣсти такимъ пышнымъ цвѣтомъ, найдется не мало желающихъ пройти въ садъ за цвѣткомъ,—пояснилъ онъ свою мысль.

Сквайръ сердито вспыхнулъ.

— Пусть только попробуютъ, чортъ бы ихъ побралъ!— вскричалъ онъ.

— Ты не можешь запереть ворота, Ибнъ; а если запрешь ихъ, она сама отворитъ, и никто ее не осудитъ за это.

— Не сдѣлаетъ она этого, говорю тебѣ. Она слишкомъ молода, и я не знаю здѣсь ни одного мужчины, который былъ бы достоинъ завязать тесемки ея крошечныхъ башмачковъ.

— Почему бы не молодой Прескоттъ?

Полковникъ колебался. Онъ наблюдалъ въ тотъ вечеръ за Джеромомъ Эдвардсомъ и Люциной глазами, изощренными долгимъ и основательнымъ опытомъ жизни.

— Почему бы не этотъ юноша Эдвардсъ?

Сквайръ Мерритъ вздрогнулъ.

— Самый славный малый во всемъ здѣшнемъ городѣ,— отвѣчалъ онъ съ какой-то угрюмой откровенностью,—но когда дѣло идетъ о Люцинѣ... Люцинѣ!

— Я полюбилъ этого мальчика, Ибнъ, съ того самаго вечера въ лавкѣ Робинзона, сказалъ полковникъ съ непривычной важностью.

— И я тоже,—отвѣчалъ сквайръ вызывающимъ тономъ,— да и ранѣе этого... съ того времени, какъ умеръ его отецъ. Онъ былъ отличнѣйшій маленькій чертенокъ. Въ своемъ родѣ

онъ—герой. Я разсказалъ недавно Люцинѣ, что онъ сдѣлалъ. Но думать, что онъ осмѣлится поднять свои глаза на нее, на нее... Клянусь дьяволомъ, Джэкъ, никому она не достанется, ни богачу, ни бѣдняку, ни хорошему, ни дурному! Мнѣ все равно, будь онъ принцъ крови или самъ ангелъ небесный. Да развѣ я не знаю, что такое мужчина? Я удержу еще долго при себѣ мою ненаглядную дѣвочку. Скажу вамъ, сэръ, одну вещь, а именно, что Люцина въ настоящее время не думаетъ ни объ одномъ мужчинѣ, кромѣ своего стараго отца. Я готовъ, сэръ, держать съ вами пари на тысячу долларовъ, что это такъ!

Голосъ сквайра Ибна прерывался отъ волненія, любви и негодованія.

— Не могу принять твоего вызова, Ибнъ,—сухо отвѣчалъ полковникъ;—я дьявольски увѣренъ, что проиграю, а заплатить не былъ бы въ состояніи и доллара. Но... поживемъ, увидимъ...

Сквайръ Ибнъ Мерриттъ стоялъ, смотря на своего друга, и открытое лицо его хмурилось отъ ревнивой думы. Внезапно, словно въ порывѣ прозрѣвшей души оно сразу прояснилось. Онъ расхохотался своимъ задушевнымъ раскатистымъ смѣхомъ.

— Ну что жъ, клянусь сатаною, Джэкъ,—сказалъ онъ,— если дѣвочкѣ непремѣнно суждено отдать свое сердце—хотя, надѣюсь до того времени много воды утечетъ—и если она отдастъ его хорошему человѣку, который будетъ любить и беречь ее, когда отца ея не станетъ, ея старый отецъ не будетъ помѣхою ея счастію. Люцина всегда имѣла все, чего ей хотѣлось, и всегда будетъ имѣть, чего пожелаетъ.

VII.

Въ продолженіи трехъ недѣль послѣ описаннаго Джеромъ совсѣмъ не видалъ Люцины. Онъ избѣгалъ встрѣчи съ нею. Онъ ходилъ въ Дэль и возвращался оттуда позднимъ вечеромъ; онъ пересталъ ходить въ церковь. Онъ упорно отгонялъ даже мысли о ней. Онъ снова принялся за алгебру и латынь; всѣ свободныя минуты, когда онъ не работалъ, и даже во время работы онъ старался чѣмъ-нибудь такъ наполнить свой умъ, чтобы въ немъ не осталось мѣста для образа Люцины. Но зачастую онъ съ отчаяніемъ замѣчалъ, что образъ ея такъ нераздѣльно слился съ его душою, что изгнать этотъ образъ значило бы оторвать часть его самаго.

У него болѣе не было ревниваго чувства къ Лаурэнсу Прескотту. Разъ Лаурэнсъ зашелъ въ башмачную лавку, когда

онъ работалъ, и вызвалъ его съ тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Онъ разсказалъ Джерому, какъ обстояли его дѣла съ Эльмирою.

— Я люблю вашу сестру, — сказалъ Лаурэнсъ съ мужественной серьезностью.—Я не создалъ себѣ еще самостоятельнаго положенія, чтобы жениться на ней теперь же, и я сказалъ ей это. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы поняли это и знали мои мысли на этотъ счетъ. Мнѣ надобно сперва составить себѣ независимое положеніе. Не думаю, чтобы я могъ особенно разсчитывать на поддержку отца съ этой стороны. Вы понимаете, Джеромъ, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего обиднаго для Эльмиры. Вѣдь вы знаете моего отца.

— Знаетъ ли вашъ отецъ объ этомъ?—спросилъ Джеромъ.

— Я переговорилъ съ матерью,—отвѣчалъ Лаурэнсъ,—и она посовѣтовала мнѣ пока ничего не говорить отцу. Мама думаетъ, что я долженъ продолжать изучать медицину и подготовить себя къ практической дѣятельности врача. Тогда, быть можетъ, отецъ отнесется къ этому лучше. Она говоритъ, что мы оба еще довольно молоды, чтобы переждать два-три годика.

Джеромъ въ своемъ кожаномъ фартукѣ, съ перепачканными руками и лицомъ, потемнѣвшими отъ толченой дубовой коры, смотрѣлъ полунедовѣрчиво и съ горечью на этого другого молодого человѣка въ платьѣ изъ тонкаго сукна, въ бѣлоснѣжной крахмаленной сорочкѣ, который ни разу не испыталъ работы изъ-за куска хлѣба.

— Вѣдь вы знаете, что вы дѣлаете? — сказалъ онъ ему почти грубо.—Вы знаете, что у васъ, и вы знаете, что у нея и что у всѣхъ насъ. Вѣдь не можете же вы разлучить ее со всѣмъ ея міромъ.

— Да я и не хочу этого, — вскричалъ Лаурэнсъ пылко, весь раскраснѣвшись. — Я буду съ вами говорить искренно, Джеромъ. Сначала я и самъ не зналъ, что мнѣ дѣлать. Я зналъ, какъ мнѣ мила ваша сестра, и надѣялся, что и я ей непротивенъ; но я зналъ, какъ отнесется къ этому отецъ, а вѣдь я до сихъ поръ зависѣлъ отъ него. Я понялъ, что съ моей стороны было бы глупо жениться на Эльмирѣ, какъ и на всякой другой дѣвушкѣ, противъ его воли, осудивъ ее на голоданіе.

— Есть другія дѣвушки, на которыхъ ему захочется женить васъ, — сказалъ Джеромъ. Лицо его поблѣднѣло подъ слоемъ грязи.

Лаурэнсъ вспыхнулъ.

— Да, пожалуй, что такъ, — отвѣтилъ онъ просто; — но тѣмъ хуже для него самого. Я никогда не женюсь ни на комъ, кромѣ Эльмиры, хотя бы эта другая была богачка и красавица, хотя бы отецъ въ этой другой души не чаялъ; даже и

въ томъ случаѣ, если бы она меня любила... только этого не будетъ.

— А развѣ вы... не ухаживали немного за кѣмъ-то, развѣ нѣтъ?—хриплымъ голосомъ спросилъ Джеромъ, словно эти слова душили его.

Лаурэнсъ изумленно посмотрѣлъ на него.

— Что хотите вы сказать?

— Я... видѣлъ, какъ вы ѣхали верхомъ...

— Ахъ!—молвилъ смѣясь Лаурэнсъ, — вы хотите сказать, что я ѣздилъ верхомъ съ Люциной Мерриттъ. Это сущій вздоръ.

— Это не вздоръ, если она придавала этому какое-нибудь значеніе,—сказалъ Джеромъ. Его блѣдное лицо вспыхнуло румянцемъ, а черные глаза, устремленные на Лаурэнса, метнули молнію.

Лаурэнсъ смотрѣлъ во всѣ глаза; онъ засмѣялся, а потомъ отвѣтилъ немного недовольнымъ тономъ:

— Боже мой!—что такое вы говорите, Джеромъ?

— Что думаю. Сестра моя не выйдетъ замужъ за человѣка, котораго будетъ любить другая женщина, если только я узнаю объ этомъ.

— Боже мой!—повторилъ Лаурэнсъ.—Что это вамъ вздумалось, Джеромъ? Неужто я способенъ обидѣть крошку Люцину? Она не чувствуетъ ко мнѣ расположенія въ этомъ смыслѣ и никогда не почувствуетъ. А что касается до меня... Послушайте, Джеромъ, что я вамъ скажу: я никогда не заглядывался на нее...—Лаурэнсъ энергически покачалъ головою для убѣдительности своихъ словъ.

— Во всякомъ случаѣ, я могу вамъ прямо сказать, что я имѣлъ въ виду одну только Люцину, говоря, что отцу были бы болѣе по сердцу другія невѣсты,—продолжалъ Лаурэнсъ,—но Люцина Мерриттъ никогда бы не подумала обо мнѣ, еслибы я даже полюбилъ ее, а полюбить ее я не могу. Какъ она ни красива—я убѣжденъ, что она первая красавица въ нашемъ графствѣ—она вовсе не такъ очаровательна, какъ Эльмира; да вы сами, Джеромъ, должны это знать.

Джеромъ неловко засмѣялся. Слова Лаурэнса Прескотта наполнили его душу неизъяснимою радостью и ему было ужасно трудно обуздать эту радость.

— Видали ли вы когда-нибудь дѣвушку съ такими милыми манерами, какъ ваша сестра? — настойчиво спрашивалъ Лаурэнсъ.

— Эльмира славная дѣвушка,—согласился смущенно Джеромъ. Онъ любилъ свою сестру и не далъ бы ее никому въ обиду, но въ душѣ онъ считалъ нелѣпостью сравнивать ея «милыя манеры» съ манерами Люцины.

Лаурэнсу пришлось удовольствоваться этими словами. Онъ разсказалъ Джерому свои планы насчетъ помолвки съ Эльмирою. Онъ, очевидно, подчинился благоразумному вліянію своей матери.

— Мама говоритъ, что, ради Эльмиры и себя самого, мнѣ не слѣдуетъ слишкомъ явно ухаживать за ней,—объявилъ онъ съ грустной покорностью.—Она совѣтуетъ мнѣ видаться съ нею порѣже, чтобы не давать повода сплетнямъ и пересудамъ, и ждать. Она сама хочетъ зайти къ Эльмирѣ. Я уже обо всемъ этомъ переговорилъ съ Эльмирой, и она совершенно со мной согласилась во всемъ, какъ я и думалъ. Не всякая дѣвушка согласилась бы, но она... Джеромъ, мнѣ кажется, если бы мы были женаты пятьдесятъ лѣтъ, и тогда сестра ваша не отказалась бы сдѣлать то, что я нашелъ бы лучшимъ для нея.

Джеромъ кивнулъ головою съ удивленнымъ и разсѣяннымъ видомъ: его поражало, что нашелся человѣкъ, который такъ восторгается его сестрою, когда на свѣтѣ существуетъ Люцина Мерриттъ, и онъ жадно думалъ о радости, отъ которой долженъ былъ отказаться.

Придя вечеромъ домой, онъ увидалъ по глазамъ матери и сестры, когда вошелъ въ комнату, что имъ ужасно хотѣлось узнать, разсказалъ ли ему Лаурэнсъ о случившемся и какъ отнесся къ этому Джеромъ. Лицо Эльмиры дышало такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ, что онъ заговорилъ самъ, не дожидаясь разспросовъ.

— Да, я его видѣлъ,—сказалъ онъ.

Эльмира вспыхнула, задрожала и еще ниже наклонилась надъ работаю.

— Что я тебѣ говорила?—вскричала мать съ какимъ-то вызывающимъ торжествомъ.

— Ну, вотъ, что я тебѣ скажу, — отвѣчалъ Джеромъ,— разумѣется, ни ты, ни Эльмира не обязаны подчиняться моему рѣшенію,—но съ моего согласія сестра моя не войдетъ въ семью, которая не будетъ ей рада.

— Лаурэнсъ говоритъ, что со временемъ отецъ его непремѣнно согласится,—вставила Эльмира дрожащимъ голосомъ.

— Ну и ладно. Тогда все будетъ хорошо, — сказалъ Джеромъ и пошелъ вымыть лицо и руки передъ ужиномъ.

Въ этотъ вечеръ Лаурэнсъ прокрался въ домъ Эдвардса только на минуту. Когда, послѣ его ухода, Эльмира поднялась наверхъ, Джеромъ, занятый у себя въ комнатѣ чтеніемъ, пріотворилъ свою дверь и позвалъ сестру къ себѣ.

Эльмира въ невольномъ порывѣ протянула къ нему руки.

— Охъ, Джеромъ!—прошептала она.

Братъ и сестра были всегда скупы на ласки; но теперь

Джеромъ нѣжно обнялъ Эльмиру, прижалъ ея головку къ своему плечу и далъ ей выплакаться.

— Успокойся, Эльмира, — сказалъ онъ, наконецъ, прерывающимся голосомъ, гладя ея волосы.—Ты знаешь, что братъ твой желаетъ видѣть тебя счастливою. Вѣдь у него одна единственная маленькая сестренка.

— Охъ, Джеромъ, ничего не подѣлать мнѣ съ своимъ сердцемъ!—прорыдала Эльмира.

— Разумѣется, голубка,—отвѣчалъ Джеромъ.—Не плачь... Я буду работать изо всѣхъ силъ и копить деньги. Авось, соберу столько, что смогу подарить тебѣ домъ со всѣмъ хозяйствомъ, чтобы ты не вошла въ чужую семью совсѣмъ безприданницей.

— Но вѣдь ты... ты самъ женишься, Джеромъ,—прошептала Эльмира. Послѣ того достопамятнаго вечера у Мерритовъ, она создала въ своемъ воображенiи романъ, въ которомъ дѣйствующими лицами были ея братъ и Люцина.

— Нѣтъ, самъ я никогда не женюсь,—сказалъ Джеромъ,— и всѣ свои деньги отдамъ сестренкѣ.

Онъ засмѣялся, но въ эту ночь, послѣ того какъ Эльмира крѣпко уснула въ своей спаленкѣ, онъ пролежалъ у себя въ постели безъ сна...

Страстное желанiе увидать Люцину возрастало по мѣрѣ того, какъ недѣли уходили за недѣлями; но онъ не поддавался соблазну. Однако, ему пришлось считаться съ непредвидѣнными случайностями — съ маленькими хитростями самой Люцины. Она скоро рѣшила, что онъ не придетъ и что ей надобно сдѣлать первый шагъ, такъ какъ несомнѣнно она была виновата. Она намѣревалась загладить сполна недостатокъ привѣтливости или сердечности при первомъ удобномъ случаѣ. Она разсчитывала заговорить съ нимъ, возвращаясь изъ церкви домой, или въ будни, на улицѣ... у нея уже была на готовѣ маленькая рѣчь, но до сихъ поръ еще не представлялось случая произнести ее.

Она ходила въ церковь каждое воскресенье, нарядная и прелестная словно роза или ангелъ, но ея чудные глаза напрасно искали Джерома; на улицѣ онъ также нигдѣ не встрѣчался съ нею, и молодая дѣвушка потеряла терпѣнiе.

Около этого времени отецъ Люцины купилъ для нея прелестную бѣлую лошадку, и Люцина каждый день каталась на ней по окрестностямъ графства. Обыкновенно ее сопровождалъ сквайръ Ибнъ верхомъ на большомъ гнѣдомъ конѣ, который служилъ ему много лѣтъ, но еще сохранилъ много молодой ретивости. И всаднику и его гнѣдому коню была ужасно не по нутру эта ѣзда легкимъ дамскимъ галопомъ по

ровнымъ дорогамъ, но сквайръ ни за что не позволилъ бы Люцинѣ ѣхать одной.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Люцинѣ представился случай заговорить съ Джеромомъ. Наканунѣ, возвращаясь изъ Дэля вечеромъ, при свѣтѣ луны, онъ услыхалъ за собою быстрый топотъ лошадиныхъ копытъ и увидалъ мелькомъ Люцину и ея отца, когда они проскакали мимо. Люцина обернулась на сѣдлѣ, и ея лицо, озаренное блѣдными лучами луны, глянуло черезъ плечо на Джерома. Она поклонилась ему. Джеромъ отвѣтилъ неуклюжимъ наклоненіемъ головы, вынужденный держаться прямо подъ своимъ башмачнымъ грузомъ. Люцина была слишкомъ застѣнчива, чтобы попросить отца остановиться и дать ей возможность поговорить съ Джеромомъ. Однако, прежде чѣмъ они доѣхали до дому, она обратилась къ отцу нѣжнымъ сдержаннымъ голосомъ·

— Онъ ходитъ въ Дэль каждый вечеръ, папа?

— Кто?—спросилъ сквайръ.

— Джеромъ Эдвардсъ.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, не каждый день. Одинъ разъ черезъ три дня, когда башмаки готовы. Такъ онъ говорилъ мнѣ, если память мнѣ не измѣняетъ.

— Это вѣдь далеко.

— Такому молодцу, какъ онъ, этакая прогулка ни почемъ,—отвѣчалъ сквайръ, засмѣявшись; но онъ окинулъ дочь любопытнымъ взглядомъ. — Что это тебѣ пришло въ голову, милочка?—спросилъ онъ.

— Мы сейчасъ проѣхали мимо него, папа, не правда ли?

— Да это вѣрно, проѣхали,— подтвердилъ сквайръ и они поскакали рысью по дорогѣ, освѣщенной луною.

Ему и въ голову не приходило усмотрѣть какое-нибудь значеніе въ томъ фактѣ, что Люцина на третій день захотѣла прокатиться послѣ солнечнаго заката по дорогѣ въ Дэль. Ничего не подумалъ онъ и тогда, когда они снова проѣхали мимо Джерома Эдвардса. Люцина объявила, что устала отъ быстрой ѣзды и затѣмъ заставила свою бѣлую лошадку идти шагомъ. Гнѣдой упрямо моталъ и дергалъ головой, и сквайръ тщетно старался заставить его идти тише.

— Пожалуйста, папа, поѣзжай впередъ,—сказала Люцина; голосъ ея звучалъ, словно серебряная флейта посреди басовыхъ понуканій сквайра.

— И оставить тебя одну? Ну ужъ извини, этому не бывать. Тише, Дикъ, тише, говорятъ тебѣ!

— Пожалуйста, папа! Дикъ пугаетъ меня...

— Не можешь ли ты ѣхать скорѣе, малютка?

— Черезъ минуту, папа, я догоню тебя. Охъ, папа, пожалуйста, прошу тебя! Что, если Дикъ испугаетъ Фанни и она

понесетъ,—вѣдь мнѣ ни за что не удержать ее. Пожалуйста, папа!

Сквайру не было другого выбора, такъ какъ гнѣдой яростно кидался впередъ.

— Слѣдуй за мной какъ можно скорѣе, милочка! — крикнулъ онъ ей.

Какъ разъ впереди дорога заворачивала въ сторону и сквайръ въ одно мгновеніе ока скрылся изъ виду. Люцина задержала свою лошадь и ждала, неподвижная, словно маленькая конная статуя. Минуту или двѣ она не оборачивалась назадъ... она надѣялась, что Джеромъ самъ догонитъ ее. Ее охватилъ странный ужасъ. Но онъ не догналъ ее.

Наконецъ, она оглянулась. Онъ приближался очень медленно; казалось, онъ едва двигается и разстояніе между ними не уменьшалось.

— Не могу я ждать, — жалобно подумала Люцина. Она повернула свою лошадь и подъѣхала прямо къ нему. Онъ остановился, когда они поровнялись.

— Добрый вечеръ,—сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Добрый вечеръ,—отвѣчалъ Джеромъ. Ему было такъ трудно выговорить эти слова, что голосъ его прозвучалъ словно сиплая труба.

Люцина позабыла свою маленькую рѣчь.

— Я хотѣла сказать вамъ, что мнѣ грустно, если я васъ обидѣла,—молвила она чуть слышно.

Джеромъ не понималъ, что она этимъ хотѣла сказать; даже впослѣдствіи, думая о ея словахъ, онъ не могъ уловить ихъ настоящаго смысла. Онъ пробовалъ заговорить, но изъ устъ его вырывались только смѣшанные, неясные звуки.

— Надѣюсь, вы меня простите,—сказала Люцина.

Джеромъ задыхался отъ волненія. Онъ снова неуклюже поклонился.

Люцина не сказала больше ни слова. Она поѣхала впередъ, чтобы догнать своего отца.

Въ эту ночь она долго плакала, послѣ того какъ легла въ постель. Она думала, что, прося прощенія, даже не намекнула на занимавшій ее вопросъ.

VIII.

Люцина въ эти дни была занята вышиваніемъ по сукну свѣтлыми шерстями самыхъ разнообразныхъ узоровъ: собачекъ съ бисерными глазами, корзинъ съ цвѣтами, гирляндъ и птичекъ на вѣткахъ. Ей захотѣлось вышить цѣлый комплектъ стульевъ для гостиной, какъ это было сдѣлано нѣкоторыми ея

товарками по школѣ; въ ея душѣ жила смутная мысль, въ которой она не рѣшалась признаться себѣ: начавъ свое вышиваніе, она въ мечтахъ убирала воображаемую гостиную воображаемаго дома красивыми стульями, а въ дверяхъ гостиной ея робкая фантазія допускала присутствіе чьего-то смутнаго, благороднаго образа, до такой степени блѣднаго, что въ немъ не было почти ничего реальнаго.

Теперь, однако, эта блѣдная тѣнь стала сгущаться и очертанія ея вырисовывались яснѣе. Порой она переставала шить и подолгу сидѣла въ задумчивой позѣ, съ бѣлокурыми кудрями, падавшими на ея кроткое личико.

Мать ея нерѣдко видала ее сидящей такимъ образомъ и думала,—ужъ не занято-ли сердце ея дочери какою-нибудь дѣвической мечтою. Но здѣсь, въ деревнѣ, не было никого, кто бы могъ разсчитывать на ея вниманіе, исключая, пожалуй, Лаурэнса Прескотта. Абигэйль стала осторожно зондировать глубины дочерняго сердца.

— Лаурэнсъ добрый мальчикъ,—сказала Люцина;—слишкомъ малъ ростомъ и похожъ на своего отца; но онъ очень добрый. Хотя я всетаки думаю, что онъ могъ бы иногда покататься со мною верхомъ и избавить папу отъ этой обязанности. Онъ обѣщалъ кататься со мною все лѣто.

— Можетъ, ему некогда. Я видѣла недавно, онъ куда-то ѣздилъ со своимъ отцомъ,—отвѣчала Абигэйль.

— Очень можетъ быть,—спокойно согласилась Люцина и спросила, какою тѣнью будетъ лучше вышить уши маленькаго пуделя на ея узорѣ.

Абигэйль Мерриттъ успокоилась на мысли, что дочь ея просто на просто предавалась тихой мечтательности, свойственнымъ дѣвственной душѣ на порогѣ открывающейся жизни.

На другой день послѣ того какъ Люцина повидала Джерома на дорогѣ въ Дэль, не достигнувъ своей цѣли, она отправилась къ своей теткѣ Камиллѣ, захвативъ съ собою свое вышиванье. У нея явился замыселъ, требовавшій извѣстной доли лукавства.

День былъ жаркій, и она вѣрно угадала, что тетка ея сидитъ въ своей бесѣдкѣ, въ саду. Почти ничто здѣсь не перемѣнилось съ того достопамятнаго лѣтняго вечера ея дѣтскихъ лѣтъ. Миссъ Камилла была одѣта въ то же самое шелковое лиловое платье съ широкими оборками, она писала на своемъ портфелѣ тѣмъ же золотымъ карандашикомъ, по всей вѣроятности, тѣ же самыя мысли. Только ея мягкіе поникшіе локоны потускнѣли и отбрасывали болѣе свѣтлыя тѣни на ея похудѣвшія щеки.

Садъ былъ тотъ же, что и прежде. Люцина глядѣла изъ темнозеленой кущи на этотъ карнавалъ цвѣтовъ, которые рѣяли

въ воздухѣ своими бѣлыми розовыми и пурпурно-голубыми крылышками, сверкая переливами красокъ изъ глубины зеленыхъ кустовъ. Даже желтыя кошки пресловутой породы, которую воспитывала миссъ Камилла, тотчасъ же появились между рядами букса, ступая мягкой, крадущейся походкой, и расположились на скамейкѣ для полуденнаго отдыха.

— Тетя Камилла,—сказала Люцина почти тѣмъ же тономъ застѣнчивой мольбы, которымъ, вѣроятно, говорила когда-то малютка-Люцина.

Камилла подняла на молодую дѣвушку ласково-вопросительный взглядъ.

— Я только что думала,—сказала Люцина, низко нагнувшись надъ своимъ вышиваніемъ для того, чтобы скрыть отъ тетки румянецъ смущенія,—я только что думала, какъ я провела вечеръ у тебя много лѣтъ назадъ: ты помнишь это?

— Ты приходила сюда часто... не правда ли?

— Да,—отвѣчала Люцина,—но именно этотъ день помнишь ли, тетя Камилла?

— Боюсь, что не помню, голубчикъ,—призналась Камилла. Прошедшее ея было рядомъ спокойно-однообразныхъ лѣтъ...

— Неужели ты не помнишь, тетя Камилла? Во первыхъ я пришла съ заданнымъ мнѣ урокомъ вязанья, и мы усѣлись здѣсь. Затѣмъ пришли желтыя кошки, а папа ходилъ ловить рыбу и принесъ тебѣ нѣсколько штукъ форели, а... затѣмъ... мальчикъ Эдвардсъ...

— Ахъ, тотъ маленькій мальчикъ, который пололъ у меня въ саду! Славный мальчуганъ,—сказала Камилла.

— Вѣдь ты знаешь, тетя Камилла, онъ теперь уже совсѣмъ большой.

— Да, моя милочка, и онъ такой же славный юноша, какъ былъ мальчикомъ, я слышала.

— Папа очень высокаго мнѣнія о немъ,—молвила Люцина. Голосъ ея чуть-чуть дрожалъ, лицо вспыхнуло. Тетка отвѣтила ей сочувственно.

— Я слыхала о немъ очень хорошіе отзывы,—согласилась она, и въ голосѣ ея также слышалось легкое дрожаніе.

— Ты угощала насъ сладкимъ пирогомъ и чаемъ въ розовыхъ чашкахъ... неужели ты не помнишь, тетя Камилла?

— Право, я не могу отличить этотъ день отъ другихъ, дорогая.

Наступила пауза. Люцина сдѣлала еще нѣсколько стежковъ. Миссъ Камилла задумчиво опустила надъ портфелемъ свой золотой карандашикъ.

— Тетя Камилла,—обратилась къ ней Люцина.

— Что, голубка?

— Я думала, какъ пріятно было бы еще разъ устроить

маленькую вечеринку съ чаемъ въ этой бесѣдкѣ. Ты ничего не имѣешь противъ этого?

— Моя дорогая Люцина!—вскричала миссъ Камилла. Она посмотрѣла на племянницу глазами, въ которыхъ сіяла тихая радость по поводу высказаннаго ею желанія.

— Благодарю тебя, тетя Камилла,—сказала Люцина немного смущенно.

— Пригласимъ ли мы папу и маму или только молодежь, милочка?—спросила миссъ Камилла.

— Я думаю, только молодежь, тетя. Мама бываетъ у тебя часто, а папѣ будетъ пріятнѣе ловить рыбу.

— Тебѣ хотѣлось бы позвать и Эдвардсова мальчика, такъ какъ онъ былъ въ тотъ вечеръ?

— Да, тетя, я думаю тоже.

— Онъ бѣденъ и все время работаетъ... Ты не думаешь, что застѣнчивость помѣшаетъ его удовольствію, милочка?

— По тому, какъ онъ держалъ себя на моемъ вечерѣ, я бы не подумала, что онъ не бывалъ въ обществѣ. Онъ ни чуточки не похожъ на здѣшнихъ молодыхъ людей, — возразила Люцина, чувствуя приливъ смѣлости.

— Да, я часто слыхала, какъ твой дѣдушка говаривалъ, что есть такіе люди, которые всюду у себя дома,—сказала ея тетка.— Мы пригласимъ его и...

— Мнѣ бы хотѣлось пригласить и его сестру, — сказала Люцина, — она такая хорошенькая... самая хорошенькая дѣвушка въ деревнѣ... ей будетъ пріятно получить приглашеніе.

— Эдвардсова мальчика и его сестру, а еще кого?

— Больше никого, мнѣ кажется, тетя Камилла, кромѣ Лаурэнса Прескотта. Вѣдь въ бесѣдкѣ не будетъ мѣста для большаго числа гостей.

— Хорошо, милочка,—отвѣчала она;—я разошлю приглашенія завтра.

— У Лайзы будетъ слишкомъ много дѣла, ей некогда бѣгать съ приглашеніями,—сказала Люцина, хотя сердце у нея заныло, потому что въ этомъ именно заключалось ея «коварство».—Напиши письма теперь же, тетя Камилла, и дай ихъ мнѣ. А я позабочусь о томъ, чтобы они были разосланы.

На слѣдующій день, катаясь верхомъ, Люцина проѣхала мимо дома доктора Прескотта и вызвала Джэка Нойза со двора, чтобы вручить ему маленькую пригласительную записочку миссъ Камиллы съ золотыми обрѣзами и запахомъ лаванды.

— Пожалуйста, передайте это мистеру Лаурэнсу,—ласково попросила она и поѣхала дальше.

Другія письма лежали у нея въ карманѣ, но она не передала ихъ, возвращаясь домой при солнечномъ закатѣ.

— Я хочу зайти къ Эльмирѣ Эдвардсъ и отнести ихъ,—

объявила она своей матери послѣ ужина и стала увѣрять, что ей пріятно прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, когда миссисъ Мерриттъ предложила послать Ганну.

Джеромъ Эдвардсъ вернулся въ этотъ вечеръ домой въ девятомъ часу. На него пахнуло ароматомъ лавенды и розъ въ то самое мгновеніе, какъ онъ отворилъ входную дверь. Онъ весь затрепеталъ отъ какого-то неуловимаго возбужденія, почти испуга.

— Кто это тутъ?—подумалъ онъ и сталъ прислушиваться: до него донеслись голоса изъ гостиной. Ему хотѣлось пройти мимо, но у него не хватило на это мужества. Онъ отворилъ дверь и вошелъ, весь блѣдный, съ широко открытыми глазами. Въ гостиной была Люцина съ его матерью и сестрой.

Миссисъ Эдвардсъ и Эльмира казались нервно оживленными; ихъ щеки горѣли, глаза сіяли гордымъ удовольствіемъ. На столѣ лежали пригласительные билетики миссъ Камиллы съ золотыми обрѣзами. Люцина была немного блѣдна; она украдкой приглядывалась и прислушивалась. Когда Джеромъ отворилъ дверь, взглядъ ея сталъ спокойнѣе, хотя лицо ея все еще выражало страхъ и смущеніе. Она тотчасъ же встала, граціозно поклонилась Джерому и пожелала ему добраго вечера. А Джеромъ стоялъ передъ нею безмолвный и смотрѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Что съ тобою, Джеромъ, развѣ ты не узнаешь, кто это?—вскричала его мать своимъ рѣзкимъ, взволнованнымъ голосомъ.

Джеромъ пролепеталъ: «Добрый вечеръ». Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы взять себя въ руки, но это ему рѣшительно не удавалось.

Люцина надѣла на голову небольшой бѣлый пушистый платокъ и поспѣшила проститься. Джеромъ сталъ въ сторонѣ, чтобы дать ей дорогу. Эльмира проводила ее до выхода, а мать подозвала его рѣзкимъ шопотомъ:

— Дж'ромъ, пойди сюда.

Когда онъ подошелъ къ ней близко, она грубо сжала его руку.

— Ступай съ нею домой,—шепнула она ему.

Джеромъ уставился на нее изумленными глазами.

— Ты слышишь, что я тебѣ говорю? Ступай съ нею домой. Неужели тебѣ не стыдно оставить такую милую дѣвушку идти домой одну въ такую темную ночь!

Эльмира вбѣжала въ гостиную.

— Охъ, Джеромъ, тебѣ надо пойти съ нею, ты долженъ пойти!—мягко убѣждала она брата. — Ужасно темно. Я увѣрена, она это думаетъ. У нея былъ такой печальный видъ. Догони ее поскорѣе, Джеромъ.

— А она еще пришла пригласить тебя въ гости!—вскричала миссисъ Эдвардсъ. Но Джеромъ не слыхалъ ея словъ, онъ вышелъ изъ дому и торопился поспѣть за Люциной.

Она прошла недалеко. Джеромъ не зналъ, что сказать, когда догналъ ее, поэтому не сказалъ ни слова, а просто пошелъ рядомъ.

Черезъ минуту Люцина заговорила первая и голосъ ея слегка дрожалъ.

— Боюсь, вы устали, чтобы провожать меня домой,—молвила она,—а мнѣ совсѣмъ не страшно идти одной.

— Нѣтъ, слишкомъ темно; я не усталъ,—отвѣчалъ Джеромъ быстро и почти рѣзко, чтобы скрыть бурныя біенія своего сердца.

Люцина не поняла его намѣренія.

— Мнѣ не страшно,—повторила она слегка огорченнымъ, встревоженнымъ тономъ;—пожалуйста, оставьте меня на поворотѣ дороги, право, мнѣ не страшно.

— Нѣтъ, слишкомъ темно,—грубо настаивалъ Джеромъ. Онъ подумалъ было предложить ей свою руку, но не смѣлъ положиться на свой голосъ. Онъ нагналъ ее, схватилъ ея руку и просунулъ подъ свою, трепеща отъ страха, какъ бы она ее не вырвала у него, но она этого не сдѣлала.

Она такъ легко оперлась на его руку, что онъ почти не чувствовалъ ея тяжести, и свободно пошла рядомъ съ нимъ. Она не только не сердилась на него за то, что онъ такъ безцеремонно взялъ ея руку, но была ему благодарна смиренной благодарностью первобытной женщины за доброту господина, котораго она разгнѣвала.

Люцина объяснила холодность Джерома своимъ неласковымъ обращеніемъ съ нимъ. Теперь же онъ какъ бы далъ ей понять, что прощаетъ ее, и къ ней вернулась ея смѣлость. Когда они миновали поворотъ дороги и очутились на главной улицѣ, она заговорила съ нимъ совершенно яснымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Мнѣ хотѣлось что-то сказать вамъ. Я попробовала было сказать вамъ это прошлымъ вечеромъ, когда ѣхала верхомъ и встрѣтила васъ, но у меня какъ то не вышло. Вотъ, что я хотѣла сказать... боюсь, что, когда вы выразили желаніе придти ко мнѣ въ воскресенье послѣ моей вечеринки, мой отвѣтъ показался вамъ недостаточно сердечнымъ. Я не сумѣла дать вамъ понять, что буду очень рада вашему приходу, а потому вы и не пришли.

— Я не пришелъ не по этой причинѣ,—пролепеталъ Джеромъ.

— Значитъ, вы не обидѣлись на меня?

— Нѣтъ. Я... думалъ, вамъ было угодно, чтобы я пришелъ..

— Можетъ быть, вы были нездоровы? — нерѣшительно вставила Люцина.

— Нѣтъ я не былъ боленъ. Я не...

— О! но вѣдь не потому же, что вы не хотѣли придти!— вскричала Люцина, печально удивленная.

— Нѣтъ, не потому. Я... хотѣлъ придти больше чѣмъ... Я хотѣлъ придти, но... я не считалъ это... возможнымъ.

Джеромъ выпалилъ послѣднее слово такимъ вызывающимъ тономъ, что Люцина—вздрогнула.

— Но вѣдь не оттого, что я что-нибудь сказала, и не оттого, что у васъ не было желанія придти?—тоскливо спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джеромъ. Затѣмъ онъ снова повторилъ, словно находя силу въ этомъ повтореніи: — Я не считалъ это возможнымъ.

— А я думала, вы придете въ тотъ вечеръ,—сказала Люцина чуть-чуть съ упрекомъ, все больше и больше удивляясь: почему это онъ «не считалъ возможнымъ» придти къ ней?

— Простите,—сказалъ Джеромъ,—я могу сказать вамъ только то, что уже сказалъ. Я... думалъ, вы, можетъ быть, не поймете.

Люцина ничего ему не отвѣтила на это. Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ дорога сузилась, и у нея явился предлогъ оставить руку Джерома. Она сдѣлала это, пробормотавъ нѣсколько объяснительныхъ словъ, затѣмъ быстро пошла впереди его. Бѣлый платокъ, которымъ была укутана ея голова, спускался на ея талію острыми концами. Она двигалась въ ночномъ сумракѣ, словно эфемерная бѣлая бабочка.

— Разумѣется,—быстро, по мальчишески залепеталъ Джеромъ,—я... зналъ... вамъ будетъ все равно, если... я не приду. Я не явился не потому, чтобы... вообразилъ себѣ, что вы... будете желать моего прихода.

Люцина ничего не сказала и на это. Бѣдный Джеромъ подумалъ, что она не разслышала его словъ, а если и разслышала, то согласилась съ тѣмъ, что онъ сказалъ.

Вскорѣ, однако, Люцина заговорила, не поворачивая своей головы.

— Я могу понять,—сказала она мягко, но съ полнѣйшимъ достоинствомъ, такъ какъ рѣчь ея шла прямо отъ сердца,— что человѣкъ часто поступаетъ такъ, какъ ему кажется лучше, не желая объяснить никому своихъ мотивовъ, потому что это дѣло его совѣсти. Я вполнѣ увѣрена, что и у васъ была какая-нибудь очень серьезная причина не придти ко мнѣ въ тотъ воскресный вечеръ. Вамъ нѣтъ надобности говорить мнѣ, какая это причина. Я такъ рада, что это случилось не потому, что я была съ вами невѣжлива. Перестанемъ же говорить объ этомъ.

Съ этими словами,—такъ какъ дорога стала шире,—она снова пошла рядомъ съ нимъ и посмотрѣла ему въ глаза съ самымъ невиннымъ дружескимъ расположеніемъ.

Джерому хотѣлось пасть передъ ней на колѣни; онъ чувствовалъ, что обожаетъ ее.

— Какая прекрасная ночь!—сказала Люцина, приподнявъ лицо къ звѣздамъ.

— Прекрасная!—сказалъ Джеромъ, чуть дыша и глядя на молодую дѣвушку.

— Никогда еще не видала я такой массы звѣздъ,—задумчиво сказала Люцина.—Вы знаете, у каждаго изъ насъ есть своя звѣзда. Хотѣлось бы мнѣ узнать, которая звѣзда моя и которая ваша. А вы думали когда-нибудь объ этомъ?

— Ужъ моей-то звѣзды тамъ не можетъ быть,—отвѣчалъ Джеромъ.

— Да почему же? — серьезно вскричала Люцина. — Она должна быть тамъ!

— Нѣтъ, ея нѣтъ тамъ,—повторилъ Джеромъ, слегка напирая на послѣднемъ словѣ.

Люцина взглянула на него и тотчасъ же опустила глаза передъ его взглядомъ. Она смущенно засмѣялась.

— А вы знали, зачѣмъ я къ вамъ приходила?—спросила она, стараясь говорить безпечно.

— Повидаться съ Эльмирой?

— Вотъ и не угадали! Пригласить васъ обоихъ на чашку чаю къ теткѣ Камиллѣ завтра, къ пяти часамъ вечера.

— Я очень вамъ благодаренъ,—сказалъ Джеромъ,—но...

— Вы не можете придти?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Чай подадутъ въ бесѣдкѣ, въ саду, какъ въ то время, когда мы оба были дѣтьми. Будетъ сладкій пирогъ съ вареньемъ и будутъ сервированы самыя лучшія розовыя чашки. Никого не будетъ, кромѣ васъ и вашей сестры, да Лаурэнса Прескотта, — сказала Люцина, но она не настаивала болѣе: гордость ея была оскорблена.

— Я очень вамъ благодаренъ, но боюсь, мнѣ невозможно придти,—отговаривался Джеромъ.

Люцина не сказала больше ни слова.

Джеромъ взглянулъ на нее. Прелестное лицо молодой дѣвушки, въ рамкѣ изъ бѣлой шали, было полно дѣвическаго достоинства и глубокаго, печальнаго удивленія.

У Джерома явилась новая мысль.

— Зачѣмъ мнѣ удаляться отъ нея, отказываясь отъ ея приглашеній? — подумалъ онъ. — Вѣдь для нея нѣтъ никакой опасности: она меня не любитъ и никогда не полюбитъ. Стра-

дать буду только одинъ я. Надѣюсь, я съумѣю перенести страданіе. Если ей угодно, чтобы я пришелъ, я приду.

Онъ вдругъ посмотрѣлъ на Люцину съ той терпѣливой, нѣжной улыбкой, которую она видѣла порой на лицѣ отца.

— Я приду съ большимъ удовольствіемъ,—сказалъ онъ.

— Если только это будетъ вполнѣ удобно для васъ,—отвѣчала Люцина съ холодной мягкостью. — Я бы не хотѣла быть навязчивой.

— Это вполнѣ удобно для меня, — сказалъ Джеромъ. — Я подумалъ сперва, что мнѣ не слѣдуетъ идти, вотъ и все.

— Разумѣется, тетя Камилла и я будемъ очень рады вашему приходу, если вы можете придти...

Но она еще не успокоилась. Нерѣшительность Джерома оскорбила ее болѣе всего остального. Въ порывѣ стыда, она пожалѣла, что приходила въ его домъ, что затѣяла эту вечеринку.

Она ускорила шаги. У воротъ своего дома она поспѣшно простилась съ нимъ и хотѣла уйти, но Джеромъ удержалъ ее. Онъ началъ понимать, какъ представлялось ей все это, и принялъ сразу внезапное рѣшеніе.

— Лучше все другое, только пусть не думаетъ, что я хотѣлъ пристыдить ее своей небрежностью,—сказалъ онъ самому себѣ.

— Будьте такъ добры, подождите одну минуту,—сказалъ онъ.—Я хочу вамъ что-то сказать.

Люцина остановилась, не поворачиваясь.

— Я рѣшился сказать вамъ, почему полагалъ, что мнѣ не слѣдовало приходить въ тотъ воскресный вечеръ,—продолжалъ Джеромъ,—мнѣ не хотѣлось говорить вамъ объ этомъ, но я вижу теперь, что вы можете предположить, будто я этимъ хотѣлъ оказать вамъ пренебреженіе... Вы не знаете себѣ цѣны. Я думалъ, что мнѣ не слѣдуетъ приходить къ вамъ, потому что я... совершенно неожидано узналъ, что я... какъ у людей называется, влюбился въ васъ.

Люцина стояла, не шевелясь, отвернувъ свое лицо.

— Надѣюсь, вы не оскорбились моимъ признаніемъ,—сказалъ Джеромъ;—понятно, я зналъ, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о... вашей любви ко мнѣ. Да я и не добиваюсь ея. Не съ этою цѣлью я говорю вамъ о своихъ чувствахъ, а только для того, чтобы вы не считали себя оскорбленною,— не думали, будто я пренебрегъ вашимъ приглашеніемъ. Теперь я вижу, какъ это было глупо... Если вы желаете, чтобы я пришелъ, съ меня этого довольно.

— Все же,—сказала Люцина съ тихимъ, глубокимъ вздохомъ,—я не понимаю, почему любовь ко мнѣ мѣшала вамъ придти.

— Я думаю, вы правы; этого не должно быть, разъ вы желаете моего прихода.

— Но почему же вы думали, что это мѣшало вамъ придти ко мнѣ?—Люцина вскинула на мгновеніе свои голубые глаза на него, затѣмъ отвела ихъ снова въ сторону.

— Я боялся, что если... я слишкомъ часто буду васъ видѣть, мнѣ такъ сильно захочется жениться на васъ, что мнѣ опостылѣетъ все другое, что я даже не буду въ состояніи что нибудь сдѣлать... для другихъ,—сказалъ Джеромъ.

— Я еще не хочу думать о замужествѣ,—сказала Люцина;—да и не знаю, право, выйду ли я вообще замужъ. Не понимаю, зачѣмъ и вамъ такъ много думать объ этомъ.

— Не буду,—сказалъ Джеромъ.—Я никогда не женюсь.

— Нѣтъ, вы женитесь когда-нибудь, — мягко возразила Люцина.

— Никогда.

Люцина обернулась къ нему.

— Я должна идти домой,—сказала она.

Рука ея и рука Джерома встрѣтились, казалось, невольнымъ движеніемъ.

— Я рада, что причиною вашего удаленія не была нелюбовь ко мнѣ,—мягко сказала Люцина;—мы можемъ быть дружны, не думая о томъ, другомъ.

— Хорошо,—сказалъ Джеромъ, весь затрепетавъ отъ ея прикосновенія.—А... вы не сердитесь на меня за то, что я вамъ сказалъ?

— Нѣтъ, только я не могу понять, почему вы изъ за этого удалялись отъ меня.

IX.

Въ слѣдующій вечеръ Джеромъ отправился къ миссъ Камиллѣ на чай. Сидя въ бесѣдкѣ, внутри которой все дрожало и переливалось зелеными бликами и тѣнями, напоминая измѣнчивую игру водяной струи, онъ пилъ маленькими глотками чай изъ изящной фарфоровой чашки, ѣлъ удивительный пирогъ съ вареньемъ и испытывалъ снова блаженныя ощущенія далекаго дѣтства.

Джеромъ впервые со времени своего дѣтства «праздновалъ» въ будни, и ему казалось, что онъ внимаетъ первымъ звукамъ великой гармоніи жизни. Его душой овладѣло предвкушеніе какого-то безконечнаго блаженства. У него словно крылья выросли отъ счастія. Опьяненіе молодости и радостная увѣренность въ себѣ придавали яркій блескъ его душевнымъ волненіямъ. Онъ отличался отъ природы большей живостью и

большимъ остроуміемъ, чѣмъ Лаурэнсъ Прескоттъ, и въ эти минуты рѣчь его лилась свободно. Лаурэнсъ смотрѣлъ на него съ возрастающимъ уваженіемъ и восторгомъ. Эльмира съ чувствомъ удивленія.

Что касается миссъ Камиллы, то она просто не вѣрила своимъ глазамъ и ушамъ.

— Никогда еще не видала я ни въ комъ такой перемѣны, милочка,—говорила она Люцинѣ на другой день.—Мнѣ просто не вѣрится, что это тотъ маленькій мальчикъ, который пололъ у меня въ огородѣ. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ росъ, это положительно замѣчательно.

— То же говоритъ и папа,—замѣтила Люцина, пристально разглядывая свое вышиваніе.

Миссъ Камилла посмотрѣла на нее задумчивымъ взоромъ. У нея было воображеніе спокойное, но достаточно чуткое къ романамъ, къ сердцамъ, пронзеннымъ стрѣлами любви и т. под. аттрибутами нѣжной страсти.

— Я надѣюсь, онъ никогда не узнаетъ несчастной любви безъ взаимности... Вѣдь онъ такъ бѣденъ, что ему нельзя жениться,—вздохнула миссъ Камилла такъ тихо, что едва ли кто-либо заподозрилъ бы въ ея словахъ скрытое значеніе.

— А я не думаю, чтобы женщина, полюбя, стала останавливаться передъ страхомъ бѣдности, — возразила Люцина, рѣшительно устремивъ глаза на свое вышиванье.

Щеки молодой дѣвушки вспыхнули яркимъ румянцемъ сквозь упавшія на нихъ кудри. Миссъ Камилла также покраснѣла. Но она приписала нѣжное волненіе своей племянницы откровенному признанію общихъ принциповъ любви. Она ни разу не подумала о какой-нибудь опасности для Люцины со стороны Джерома; но она замѣтила наканунѣ, какъ глаза молодого человѣка по долгу останавливались на прелестномъ личикѣ дѣвушки, и тотчасъ же женская догадливость подсказала ей полувеселыя, полугрустныя заключенія.

Было очень мило и вполнѣ справедливо, чтобы у ногъ красавицы—Люцины находился несчастный вздыхатель; и все таки было жаль, ужасно жаль этого бѣднаго влюбленнаго.

— Когда сердце отдано кому-нибудь,—то, конечно, не задумаешься раздѣлить бѣдность или богатство съ любимымъ человѣкомъ,—согласилась миссъ Камилла слегка трепетнымъ голосомъ, сознавая всю щекотливость этого сужденія.

— Я не думаю, чтобы Джеромъ захотѣлъ жениться,— съ живостью сказала Люцина.

Миссъ Камилла вздохнула. Она снова вспомнила пламенные взоры юноши.

— Надѣюсь, что у него нѣтъ этого желанія, милочка,— отвѣчала она.

— *Я* то же не намѣрена выходить замужъ. Я совсѣмъ не выйду замужъ,—объявила Люцина повидимому вовсе не кстати. Миссъ Камилла подняла на нее глаза, полные кроткаго удивленія, а когда племянница ея ушла домой, грустно задумалась. Возможно ли, чтобы этотъ милый ребенокъ такъ рано узналъ уже страданія любви?

Съ того самаго момента, какъ Джеромъ признался въ любви Люцинѣ, въ ея дѣвическихъ грезахъ произошелъ переворотъ. Не понимая, что было причиною отказа Джерома отъ брачныхъ намѣреній, она и сама рѣшилась не выходить замужъ. Она смотрѣла на свою тетку Камиллу спокойнымъ взглядомъ. Черезъ много лѣтъ она будетъ точь въ точь такая же. Волосы ея, подобно волосамъ Камиллы, посѣдѣютъ. Она прикроетъ порѣдѣвшія мѣста мягкимъ кружевнымъ чепчикомъ; щеки ея, подобно щекамъ ея тетки, съежатся и сморщатся, словно нѣжные лепестки увядшихъ розъ, и, подобно своей теткѣ, она одиноко будетъ доканчивать свой жизненный путь, тихо, спокойно, съ миромъ въ душѣ.

— По моему мнѣнію, можно прожить счастливо и не выходя замужъ,—разсуждала про себя Люцина;—многія дѣвушки не выходятъ замужъ. Тетя Камилла, повидимому, очень счастлива, счастливѣе многихъ замужнихъ женщинъ, которыхъ я видала. У нея нѣтъ никакихъ заботъ, никакихъ огорченій. Я буду счастлива такъ же, какъ и она. Когда нибудь, такой же старой дѣвушкой, я переселюсь въ домъ тети Камиллы. И вотъ я буду сидѣть по цѣлымъ вечерамъ въ бесѣдкѣ, въ чепцѣ и въ очкахъ и... быть можетъ... онъ... онъ будетъ въ это время старѣе меня, весь сѣдой, можетъ быть, сгорбленный, съ палкою въ рукѣ.. можетъ быть... онъ будетъ часто приходить, посидѣть тамъ со мною, и мы станемъ вмѣстѣ вспоминать все, что было.

Джеромъ съ этихъ поръ началъ посѣщать Люцину. Онъ приходилъ не аккуратно,—это было, безъ словъ, рѣшено между ними: разъ не было въ виду брака, не было необходимости въ ухаживаніи. Они никогда не сидѣли вдвоемъ въ сѣверной гостиной на манеръ деревенскихъ влюбленныхъ. Джеромъ просто на просто проводилъ часъ—другой въ гостиной въ обществѣ сквайра, его жены и Люцины. Иногда онъ и сквайръ говорили о политикѣ и о городскихъ дѣлахъ, а Люцина и ея мать шили. Иногда всѣ они играли вчетверомъ въ вистъ или въ безикъ,—потому что въ эти дни Джеромъ выучился играть въ карты,—но его партнеромъ была всегда миссисъ Мерриттъ, а Люцина — партнеромъ сквайра. Иногда сквайръ сидѣлъ, покуривая трубку въ полудремотѣ, иногда его не было дома; въ этихъ случаяхъ миссисъ Мерриттъ шила, а Джеромъ и Люцина играли въ шашки.

Иногда послѣ ухода Джерома, когда Люцина была уже въ постелѣ, Абигэйль Мерриттъ, не спускавшая своихъ добрыхъ, но зоркихъ глазъ съ молодыхъ людей, обращалась къ сквайру въ слегка тревожномъ тонѣ.

— Я знаю, посѣщенія его не имѣютъ значенія ухаживанія, онъ видается со всѣми нами, но... право, съ нашей стороны неблагоразумно давать имъ возможность такъ часто бывать вмѣстѣ,—заканчивала она, нахмуривъ свое смуглое крошечное личико.

Лобъ сквайра морщился отъ сдержаннаго хохота, но онъ докуривалъ свою трубку передъ тѣмъ, какъ идти спать, и ему не хотѣлось съ нею разстаться. Онъ поводилъ забавно-вопрошающими глазами сквозь облако дыма, и жена его отвѣчала словно на высказанный вопросъ:

— Я знаю, Джеромъ Эдвардсъ не похожъ, повидимому, на другихъ молодыхъ людей, но вѣдь онъ все таки юноша, и если мы не обратимъ вниманія, кому-нибудь, боюсь, придется плохо... Мы знаемъ оба, что такое Люцина...

— Ты не хочешь сказать, что боишься, какъ бы Люцинѣ не было плохо?—вскричалъ сквайръ съ живостью, выпустивъ трубку изо рта.

— Да развѣ возможно, чтобы такой дѣвушкѣ, какъ Люцина, могло быть плохо?—воскликнула Абигэйль, вся зардѣвшись отъ материнской гордости.

— Полагаю, ты права,—согласился сквайръ, засмѣявшись прерывистымъ смѣхомъ.—Полагаю, во всей здѣшней деревнѣ не найдется ни одного молокососа, который осмѣлился бы подумать о счастіи завязать тесемки башмаковъ у нашей дѣвочки. Мнѣ кажется, вздумай она кликнуть кличъ, отъ жениховъ отбою не будетъ, э?

— Она вовсе не намѣрена кликать кличъ, да едва ли и пожелаетъ теперь, — молвила Абигэйль съ легкой сдержанностью.—А... онъ прекрасный молодой человѣкъ, хотя, конечно, онъ ей не пара, если бы она и чувствовала къ нему влеченіе, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ. У Люцины нѣтъ отъ меня никакихъ секретовъ, вся душа ея была у меня на ладони съ самаго дня ея рожденія. Я знаю...

— Слѣдовательно, ты безпокоишься за этого мальчика?

Абигэйль кивнула головою.

— Онъ славный юноша, и ему жизнь досталась не легко. Я не хочу, чтобы его душевный покой былъ нарушенъ какъ-нибудь черезъ насъ,—сказала она.

Сквайръ всталъ, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и положилъ свои большія руки на маленькія плечики жены, заглядывая ей въ глаза. Абигэйль Мерриттъ обладала свойствами мышленія, которыя соотвѣтствовали ея тѣлосложенію. Она могла вер-

тѣться и изворачиваться съ хитрыми уловками лисы, обходить шероховатости и затрудненія, тогда какъ мужъ ея, въ силу какой-то дремотной неповоротливости, иной разъ попадалъ въ просакъ. Но, такъ или иначе, у него по временамъ являлось болѣе ясное представленіе конечныхъ результатовъ, чѣмъ у нея.

— Абигэйль,—сказалъ сквайръ, глядя на свою жену сверху внизъ, причемъ его большое бородатое лицо все засвѣтилось въ припадкѣ шутливаго веселья,—Абигэйль, послушай-ка, что я тебѣ скажу. И ты, и я можемъ сдѣлать очень много вещей, но есть нѣсколько вещей, которыхъ мы не можемъ сдѣлать. Я могу ловить рыбу, стрѣлять дичь и скакать верхомъ не хуже любого малаго въ нашемъ графствѣ, а когда чувствую себя въ ударѣ, никому со мною не сравняться въ шуткѣ да въ прибауткѣ. А что касается до тебя... ты знаешь, что ты мастерица шить, готовить пуншъ, ты отличная хозяйка. Намъ обоимъ, тебѣ и мнѣ, досталась въ удѣлъ самая хорошая дочка во всемъ графствѣ—(тутъ голосъ сквайра оборвался)—ей Богу такъ. Я могу застрѣлить всякаго, кто бы вздумалъ взглянуть на нее косо, могу лечь въ грязь, чтобы она могла пройти по моему тѣлу, не замаравъ своихъ крошечныхъ башмаковъ, а ты можешь одѣвать ее какъ куколку и расчесывать ея чудныя кудри, а ночью оберегать ея сонъ. Но тутъ и конецъ нашей родительской власти. Ты не можешь по своему желанію измѣнить окраски цвѣтовъ у себя въ саду, а я не могу измѣнить пятенъ на форели, которую мнѣ случается поймать. Ни ты, ни я, мы не въ состояніи произвести солнечный закатъ или радугу на небѣ, не въ состояніи вызвать грозу или восточный вѣтеръ. Есть такія вещи, съ которыми мы безсильны считаться, и я думаю, это именно одна изъ такихъ вещей. Чему быть, того не миновать, и ни ты, ни я, мы не можемъ помѣшать этому, Абигэйль.

— Мы можемъ помѣшать этому бѣдному юношѣ остаться съ разбитымъ сердцемъ.

Сквайръ свиснулъ.

— Снявши голову по волосамъ не плачутъ!

— Ибнъ Мерриттъ, что хочешь ты этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что этотъ юноша приходитъ сюда въ кои-то вѣки; онъ вовсе не волочится за дѣвочкой, какъ я это понимаю, и до сихъ поръ не подалъ повода думать что-нибудь неладное съ его стороны, и лучше всего, по моему мнѣнію, оставить его въ покоѣ. Боже мой!—да когда я былъ въ его возрастѣ, если бы мнѣ полюбилась такая дѣвушка, какъ Люцина, и кто-нибудь попробовалъ бы стать мнѣ поперекъ дороги, я бы уничтожилъ всѣ преграды, а ужъ добился бы своего... Во всякомъ случаѣ этотъ мальчикъ сумѣетъ постоять за

себя. Онъ самъ перестанетъ бывать здѣсь, если найдетъ, что такъ для него лучше.

Абигэйль презрительно фыркнула своимъ тоненькимъ носикомъ.

— Погоди, сама увидишь,—сказалъ сквайръ.

— Ну мнѣ долго придется ждать,—возразила она, но она ошиблась. На слѣдующую же недѣлю Джеромъ не пришелъ, затѣмъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а онъ ни разу не появился въ домѣ сквайра.

X.

Въ одно воскресенье, пополудни, во второй половинѣ іюля, Люцина Мерриттъ шла по дорогѣ къ своей теткѣ Камиллѣ. День былъ очень жаркій—кругомъ рѣяли и жужжали насѣкомыя, притомившаяся листва лѣниво шелестѣла.

Уже давно не выпадало дождя, и по дорогѣ подымались облака бѣлой пыли при каждомъ шагѣ. Люцина приподняла свое зеленое съ бѣлымъ кисейное платье поверхъ вышитой нижней юбки и ступала своими маленькими ножками легко, какъ птичка. Въ рукѣ она держала распущенный зеленый зонтикъ, чтобы защитить себя отъ солнца, на головѣ у нея была шляпа съ широкими полями, но все-же ей казалось, будто она идетъ подъ двойнымъ огнемъ стрѣлъ, которыя обдавали ее зноемъ съ раскаленнаго неба и съ земли. Когда она очутилась у дома тетки, голова ея кружилась, а всѣ жилы напряженно трепетали.

Люцина чувствовала себя несчастной въ теченіе послѣднихъ недѣль; въ этихъ случаяхъ физическое страданіе дѣйствуетъ иногда на подобіе тоническаго яда. Подъ конецъ своего пути она думала только о томъ, какъ бы поскорѣе очутиться подъ кровомъ сѣверной комнаты въ домѣ тети Камиллы. Относительно всего остального душа ея отдыхала.

Домъ миссъ Камиллы былъ плотно замкнутъ, словно монастырь. Съ самаго ранняго утра въ эти знойные дни ни одно дуновеніе горячаго воздуха не проникало въ ея обитель со двора. По сравненію съ ослѣпительнымъ блескомъ, который ее окружалъ, Люцинѣ показалось, что она вступила въ темноту и прохладу. Когда она сняла свою шляпу и усѣлась въ зеленомъ сумракѣ сѣверной гостиной, медленными глотками отпивая воду, которую Лайза зачерпнула изъ источника, прибавивъ къ ней для вкуса варенья красной смородины, она почувствовала себя почти примиренной со своими огорченіями.

Камилла сидѣла возлѣ камина, одѣтая въ развѣвающееся кисейное платье, и опахивалась вѣеромъ изъ перьевъ. На колѣняхъ у нея лежала библія, но она не читала — для

ея глазъ въ комнатѣ было слишкомъ темно. Она дремала въ креслѣ, и душа ея была погружена въ мирныя сновидѣнія передъ тѣмъ, какъ вошла ея племянница. Въ настоящую минуту Камилла Мерриттъ нѣжно смотрѣла своими лучистыми глазами на Люцину.

— Освѣжилась ли ты, милочка?—спросила она, когда Люцина выпила свой стаканъ воды съ вареньемъ.

— Да, тетя Камилла, благодарю тебя.

— Какъ мнѣ ни пріятно видѣть тебя, боюсь, что тебѣ не слѣдовало идти по такой жарѣ. Хочешь, Лайза принесетъ тебѣ подушку?—ты приляжешь на диванъ и, можетъ быть, уснешь немножко?

— Нѣтъ, тетя Камилла, не надо. Я не хочу спать. Я сяду къ окну и почитаю.

Люцина встала, взяла съ великолѣпнаго стола изъ краснаго дерева книгу въ красномъ переплетѣ съ золотыми тисненіями и усѣлась у одного изъ оконъ, ставни котораго не были плотно затворены. Это окно было обращено на сѣверъ и только одна створка ставня была открыта. Сквозь отверстіе виднѣлась густая листва каштановаго дерева. Большіе вѣерообразные листья почти касались оконнаго стекла.

Камилла прекратила свои разспросы.

— Дѣвочкѣ непріятны чрезмѣрныя заботы о ней,—подумала она. Ей ужасно хотѣлось предложить Люцинѣ свое излюбленное лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней, состоявшее изъ настойки самой лучшей французской водки и различныхъ пряностей, но она не сдѣлала этого, боясь обезпокоить молодую дѣвушку. Миссъ Камилла больше всего цѣнила душевный покой.

Люцина склонилась лицомъ надъ книгой и быстро переворачивала листы, словно погрузясь въ чтеніе.

— Останься... пить чай и... не уходи... домой... пока не зайдетъ солнышко... станетъ прохладнѣе...—прошептала миссъ Камилла соннымъ голосомъ, смутно соображая что то... Еще нѣсколько минутъ—голова миссъ Камиллы слабо опустилась на плечо, и всѣ ея мысли распустились въ тихой дремотѣ.

Люцина, видя, что ея тетка заснула, продолжала читать свою книгу. Затѣмъ она встала, тихонько прокралась въ переднюю, надѣла шляпу, взяла зонтикъ и прошла черезъ домъ къ задней двери, выходившей въ садъ.

Обернувшись, она увидала въ окнѣ кухни, увитомъ виноградными листьями, изумленное лицо старой служанки.

— Я хочу пройтись немного по саду, Лайза, — сказала Люцина.

Садъ былъ выжженъ солнцемъ. Люцина прошла между рядами поблекшихъ цвѣтовъ. Затѣмъ вошла въ оранжерею и

присѣла на землю. Здѣсь было душно. Всѣ одуряющія благоуханія сада, казалось, скопились здѣсь, словно въ гнѣздѣ.

Спустя минуту Люцина вскочила на ноги. Лицо ея разрумянилось, на ея нѣжномъ лбу появилась легкая складка, губы ея сжались: она стала совсѣмъ не похожа на ту Люцину, которою была еще вначалѣ этой весны.

Она вышла изъ оранжереи, спустилась по садовымъ дорожкамъ, а затѣмъ перелѣзла черезъ каменную ограду въ поле, и пошла къ лѣсу. Жниво жгло ей подошвы, бѣлые мотыльки летѣли ей въ лицо, какія-то жесткокрылыя насѣкомыя быстро кружились на ея пути съ пронзительнымъ жужжаніемъ, словно фабрика въ ходу. Она шла твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, будто исполняя какое-то опредѣленное намѣреніе. Лѣсъ тянулся вдоль многихъ полей, параллельно главной деревенской улицѣ, позади домовъ. Проходя мимо дома доктора Прескотта съ задней, а не съ передней его стороны, обозрѣвая некрашеныя стѣны и покатыя крыши гумна и дровяного сарая, Люцина испытывала странное ощущеніе обратной стороны матеріальныхъ вещей, вполнѣ гармонировавшее съ ея душевнымъ настроеніемъ.

Она вышла на дорогу такъ, что ее никто не замѣтилъ. Затѣмъ она перебралась на узкую тропу, всю изрѣзанную выбоинами отъ колесъ, и очутилась въ лѣсномъ участкѣ Эдвардсовъ.

Въ первый разъ въ жизни Люцина Мерриттъ совершала нѣчто, по ея внутреннему сознанію рѣшительно неподобающее для молодой дѣвушки. Она пришла въ этотъ лѣсъ, потому что Джеромъ говорилъ ей, что онъ часто прогуливается здѣсь по воскресеньямъ въ послѣполуденную пору. Ея, прежнія маленькія уловки повидаться съ нимъ были безсознательнымъ стремленіемъ невинной души; теперь же она вкусила отъ плода познанія своего собственнаго сердца.

Она шла быстро по дорожкѣ между деревьями, затѣмъ вдругъ стала какъ вкопанная, потому что направо онъ нея, подъ развѣсистой елью лежалъ Джеромъ. Онъ былъ безъ шляпы, одна рука его была заброшена надъ головой. Лицо его разгорѣлось отъ зноя и сна. Люцина, откинувшись назадъ, словно собиралась убѣжать, продолжала, однако, смотрѣть на спящаго. Казалось, вся душа ея перешла въ глаза.

Люцина не видала Джерома болѣе шести недѣль, если не считать украдкой брошенныхъ взглядовъ въ церкви, да случайныхъ встрѣчъ на дорогѣ, и теперь съ жалостью подумала, что онъ похудѣлъ за это время. Она замѣтила, какъ печально были опущены углы его рта.

Воспоминанія прошлыхъ дней такъ глубоко и мощно завладѣли ею, будто слились съ настоящимъ и будущимъ. Въ

этомъ спящемъ юношѣ Люцина видѣла маленькаго друга своихъ невинныхъ дѣтскихъ грезъ, бѣднаго мальчика, который голодалъ и ходилъ босикомъ, и вмѣстѣ—неразлучнаго друга всей остальной, еще невѣдомой жизни.

Ее охватило чувство великой тайны: въ Джеромѣ она, казалось, увидала самое себя; единство мужчины и женщины въ любви озарило ея дѣвственное воображеніе. Она почувствовала, будто руки Джерома были ея руки, его дыханіе—ея дыханіе.

— Я не знала прежде, что онъ такъ похожъ на меня,— подумала она съ благоговѣйнымъ страхомъ.

Джеромъ, внезапно, даже не пошевельнувшись, открылъ глаза и взглянулъ на нее. Часто, просыпаясь отъ глубокаго сна, человѣкъ испытываетъ ощущеніе спокойнаго, яснаго наблюденія, словно онъ родился заново. Одно мгновеніе Джеромъ глядѣлъ на Люцину безъ удивленія. Все возможно въ мірѣ грезъ, и невѣроятное становится тамъ зауряднымъ явленіемъ.

Затѣмъ онъ вскочилъ на ноги и близко подошелъ къ ней.

— Вы ли это?—произнесъ онъ.

Люцина жалобно посмотрѣла на него. Ей хотѣлось убѣжать, но ноги ея дрожали, а ея маленькія руки судорожно ухватились за складки ея кисейнаго платка. Джеромъ видѣлъ, какъ она дрожала, какъ нѣжный румянецъ залилъ ея бѣлое лицо, даже ея прелестную шею и руки подъ прозрачной кисеей рукавовъ. Онъ понялъ съ внезапнымъ порывомъ нѣжности, какъ бы на зло самому себѣ, зачѣмъ она находилась здѣсь. Ей такъ сильно хотѣлось увидѣть его, что она пришла по этому послѣполуденному зною, одна, украдкой отъ всѣхъ своихъ близкихъ, пренебрегая условными приличіями, ради него. Онъ указалъ рукой на гладкое мѣстечко подъ елью, гдѣ онъ лежалъ.

— Не присѣсть ли намъ здѣсь... на минуту? — пролепеталъ онъ.

— Я... я думаю... не лучше ли мнѣ уйти?..—проговорила Люцина слабо.

— Только нѣсколько минутъ... мнѣ надо что-то сказать вамъ.

Они сѣли на землю, Люцина прислонилась спиною къ ели, а Джеромъ примостился возлѣ нея. Онъ открылъ ротъ какъ бы для того, чтобы заговорить, но вмѣсто этого улыбнулся широкой безпредметной улыбкой. Онъ взглянулъ на Люцину, а она взглянула на него, затѣмъ онъ подвинулся къ ней ближе и заключилъ ее въ свои объятія.

Ни онъ, ни она не сказали ни слова. Люцина спрятала свое лицо у него на груди, а онъ держалъ ее въ объятіяхъ, смотря поверхъ ея золотистой головки въ лѣсъ. Губы его были

сурово сжаты, глаза его горѣли выраженіемъ упорной борьбы, словно онъ поджидалъ, что какой-нибудь врагъ выскочитъ изъ-за деревьевъ и вырветъ у него любимую дѣвушку. Въ первый разъ въ жизни онъ понялъ всю силу своей страстной натуры. Онъ чувствовалъ, что могъ бы пренебречь свѣтомъ собственной души, чтобы завоевать эту первую радость жизни, благоуханіе которой онъ ощущалъ такъ близко. Онъ крѣпче прижалъ къ себѣ Люцину и наклонилъ свою голову къ ея головѣ. Она слегка повернула къ нему свое лицо, и губы ихъ встрѣтились.

Но тутъ они оба испугались. Люцина приподняла голову и даже оттолкнула Джерома, а онъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій и сталъ передъ нею, весь блѣдный и трепещущій.

— Вы должны меня простить... я... забылся,—вымолвилъ онъ, порывисто дыша.—Я не... сяду... здѣсь больше.—Затѣмъ онъ продолжалъ скороговоркою:

— Я... хотѣлъ сказать вамъ, но не находилъ для этого удобнаго случая. Я не могъ долѣе приходить къ вамъ. Не могъ... Я думалъ, что мужчина можетъ видаться съ женщиной, когда онъ ее любитъ, можетъ терпѣть, когда нѣтъ у него надежды... Я думалъ, что въ состояніи вынести это, если вамъ это пріятно, но... я не зналъ, что будетъ такъ, какъ оно есть. Я никогда не бывалъ влюбленъ и не зналъ, что такое любовь. Ни о чемъ другомъ я не могъ думать, кромѣ желанія видѣть васъ, быть съ вами. Это дѣлало меня негоднымъ для всего другого, а вѣдь, кромѣ этого, на свѣтѣ есть еще много другихъ вещей. Я не могъ приходить долѣе.

Джеромъ посмотрѣлъ на Люцину съ видомъ мрачной, хотя твердой, рѣшимости. Она сидѣла передъ нимъ съ поникшимъ, блѣднымъ и печальнымъ лицомъ; затѣмъ встала. Ея дѣвичьей нерѣшительности и застѣнчивости какъ не бывало: въ ней въ эту минуту открылась женщина.

— Я люблю васъ такъ же сильно, какъ вы меня любите,—просто сказала она.

Джеромъ пристально взглянулъ на нее.

— Да, мнѣ кажется, я любила васъ уже тогда, когда вы въ первый разъ сказали мнѣ о своей любви, но я не понимала тогда себя. Теперь же я это знаю. Я люблю васъ и вамъ не для чего болѣе удаляться отъ меня.

— Люцина... вы не думаете...

— Неужели вы полагаете, что я бы позволила вамъ... сдѣлать то, что было минуту назадъ, если бы я васъ не любила?—сказала она, и краска залила ея лицо и шею.

— О, вѣдь вы не хотите сказать, что... вы любите меня такъ же, какъ я васъ люблю: настолько, чтобы выйти за меня замужъ! Вѣдь вы не хотите сказать это?

— Да, я хочу сказать именно это,—отвѣчала Люцина. Она смотрѣла на него съ рѣшимостью и не краснѣла болѣе.

— Я... никогда не думалъ объ этомъ,—сказалъ Джеромъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по дорожкѣ, чтобы утишить свое волненіе.

— Люцина,—произнесъ онъ отрывистымъ голосомъ,—клянусь Богомъ... о, взгляните на себя и на меня! Никогда не думалъ я, что вы могли... полюбить меня или... огорчиться изъ-за... *меня*!

— Я никогда не знавала никого, кто былъ бы мнѣ милѣе васъ,—сказала Люцина.

Она смотрѣла на него съ робкою преданностью любящаго ребенка. Она не понимала, почему онъ такъ блѣденъ и взволнованъ...

— Люцина!—произнесъ онъ опять сдавленнымъ голосомъ,—вы знаете, какъ я бѣденъ. Вы знаете, что я... не могу... жениться.

— Мнѣ многаго и не надо,—сказала она.

— Я бы не могъ... дать вамъ и это немногое.

— Ну, такъ папа дастъ.

— Нѣтъ, я не позволю этого. Я даю моей женѣ все или ничего.

Люцина задрожала. Въ глазахъ Джерома было то же самое выраженіе, какъ въ дѣтскіе годы, когда онъ не захотѣлъ взять ея маленькія сбереженія.

— Въ такомъ случаѣ... я не возьму ничего отъ отца,—сказала она тихо.—Я не боюсь... бѣдности.

— Я видалъ женъ бѣдняковъ, и вы не будете одною изъ нихъ черезъ меня. Если бы я не считалъ себя достаточно сильнымъ уберечь васъ отъ такой участи, я бы ушелъ отъ васъ теперь же и бросился бы вонъ въ тотъ прудъ.

— Я не боюсь быть женою... бѣднаго человѣка... Я... могу быть бережливой и... работать,—сказала Люцина робко, отвернувъ лицо въ сторону, потому что въ сердцѣ ея начинало закрадываться сомнѣніе,—въ самомъ ли дѣлѣ Джеромъ любитъ ее и желаетъ ея любви.

— Но я не допущу этого, боитесь вы или нѣтъ!—пылко вскричалъ Джеромъ.—Развѣ я не видалъ жены Джона Эпгама? О Господи!

Люцина пошла медленно по тропинкѣ, чтобы выйти на большую дорогу. Джеромъ послѣдовалъ за нею.

— Мнѣ надо уйти,—произнесла она съ кроткимъ достоинствомъ, хотя она дрожала всѣмъ тѣломъ.—Я оставила тетю Камиллу спящей. Она проснется и удивится, что меня нѣтъ.

— Я бы хотѣлъ... началъ Джеромъ, но тотчасъ же сдержалъ себя.—Вы правы,—прибавилъ онъ,—она будетъ безпокоиться.

— Онъ не хочетъ, чтобы я осталась,—подумала Люцина. Сердце ея мучительно заныло, но ее поддержала дѣвическая гордость. Она прибавила шагу.

Джеромъ тоже ускорилъ шаги и прикоснулся къ ея плечу.

— Не думайте обо мнѣ... объ этомъ,—прошепталъ онъ хриплымъ голосомъ.—*Вы* не должны быть несчастны изъ-за этого!

Люцина обернулась и посмотрѣла ему въ лицо взглядомъ, полнымъ величавой скорби.

— Я не вижу, почему бы мнѣ или вамъ быть несчастными. Развѣ мало людей не женятся и не выходятъ замужъ. Многіе бываютъ счастливѣе, чѣмъ въ бракѣ. Тетя Камилла, мнѣ кажется, довольна своей судьбой. Я буду такая же, какъ она. А дружбѣ нашей ничто не можетъ помѣшать. Мы можемъ остаться навсегда друзьями, какъ братъ и сестра, и вы можете приходить ко мнѣ...

— Нѣтъ, не могу,—сказалъ Джеромъ.—Я не могу даже этого. Я уже сказалъ вамъ, что это невозможно.

Люцина не сказала больше ни слова и поспѣшно простилась съ нимъ. Онъ не посмѣлъ идти за нею... Онъ вернулся въ лѣсъ и, дойдя до того мѣста, гдѣ они сидѣли вмѣстѣ, остановился и заговорилъ, словно Люцина была все еще здѣсь и могла его слышать.

— Люцина,—сказалъ онъ,—обѣщаю тебѣ передъ Богомъ, пока я живъ, вѣрно любить тебя. Никакая другая женщина, кромѣ тебя, не будетъ моей женой. Если ты будешь свободна, я приду къ тебѣ снова. Я буду бороться всѣми силами, какія только есть во мнѣ, съ цѣлымъ свѣтомъ, чтобы завоевать наше счастіе. Но я не хочу связать тебя словомъ и заставить ждать, такъ какъ могу умереть и никогда не придти.

XI.

Люцина не вернулась въ этотъ день къ теткѣ Камиллѣ, а прямо пошла къ себѣ домой.

Мать встрѣтила ее, когда она входила въ южную дверь.

— Отчего ты не подождала, пока спадетъ жара?—спросила она, но молодая дѣвушка не успѣла ей отвѣтить.—Что съ тобою, Люцина,—ты плакала?

— Ничего,—грустно отвѣтила Люцина, проходя мимо.

— Куда ты?

— Къ себѣ наверхъ.

Мать пошла за нею.

Онѣ долго оставались въ комнатѣ Люцины. Затѣмъ Абигэйль сошла внизъ, въ гостиную, гдѣ сидѣлъ ея мужъ. Онъ тревожно посмотрѣлъ на вошедшую жену.

— Неужели она больна?—спросилъ онъ.

— Она будетъ больна, если мы не позаботимся отвратить бѣду,—коротко отвѣтила Абигэйль.

— Что ты говоришь!—вскричалъ сквайръ, порывисто вскакивая съ своего мѣста.—Я сейчасъ побѣгу за докторомъ. Все это отъ жары. Зачѣмъ ты отпустила ее, Абигэйль!

— Садись, ради Бога, Ибнъ!—сказала Абигэйль, и усѣлась сама.—Случилось то, что я тебѣ предсказала...—Абигэйль Мерритъ, будучи прекраснымъ товарищемъ-женой, иногда становилась придирчивой, какъ всякая женщина.

Сквайръ опустился на свое мѣсто.

— Что хочешь ты сказать, Абигэйль?

— А то... что было бы лучше, если бы этотъ Эдвардсовъ малый никогда не входилъ въ нашъ домъ.—И она повторила вкратцѣ невинную исповѣдь Люцины.

Сквайръ слушалъ, опустивъ бороду на грудь, мрачно понуривъ лицо подъ шапкою желтыхъ кудрей.

— Кажется, ты и я души не чаяли въ нашемъ дѣтищѣ съ самаго дня его рожденія,—произнесъ онъ хриплымъ голосомъ, когда жена его кончила. Въ его сердцѣ вспыхнула жестокая ревность...

Абигэйль смотрѣла на него съ искреннымъ сожалѣніемъ, хотя едва-ли вполнѣ понимала его чувства.

— Не нужно быть слишкомъ требовательнымъ, Ибнъ,—сказала она.—Ты отлично понимаешь это. Вѣдь ради тебя и я оставила своихъ родителей.

— Знаю, Абигэйль, только... я думалъ, это случится еще не такъ скоро. Я дѣлалъ все, что могъ. Купилъ ей маленькую лошадку... мнѣ казалось, что это доставило ей большое удовольствіе, Абигэйль, право... Я думалъ, авось ей будетъ хорошо здѣсь съ нами.

— Ибнъ Мерритъ, неужели ты думаешъ хоть одну минуту, что она можетъ жить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не съ нами!

— Знать, что у нея явилось желаніе покинуть насъ, вотъ что тяжело,—жалобно вымолвилъ сквайръ,—вотъ что больно, Абигэйль!

— А можетъ быть у нея еще вовсе нѣтъ этого желанія,—возразила Абигэйль, почти смѣясь.—Нашу дѣвочку, повидимому, больше всего огорчаетъ то, что Джеромъ не приходитъ къ ней въ гости. Я убѣжденъ, что она успокоилась бы совершенно, если бы онъ бывалъ у нея.

— А почему онъ не изволитъ приходить, если ей угодно его видѣть,—хотѣлось бы мнѣ знать?—вскричалъ сквайръ съ нежданнымъ пыломъ.

— Ибнъ Мерриттъ, да неужели тебѣ хочется, чтобы наша

бѣдная дѣвочка думала о немъ больше, чѣмъ слѣдуетъ? Вѣдь онъ не разсчитываетъ жениться на ней.

— А почему бы ему не жениться на ней, если онъ ей по сердцу? Клянусь дьяволомъ, Люцина выйдетъ за того, кто будетъ ей любъ, будь онъ принцъ или нищій! Если этотъ парень приходилъ сюда, а теперь...

— Ибнъ, выслушай, что я тебѣ скажу, да не кипятись!—вскричала Абигэйль, подбѣгая къ своему громадному мужу и кладя ему на плечо свою маленькую жилистую руку.—Вѣдь я уже сказала тебѣ, что Джеромъ поступилъ прекрасно. Ты знаешь, что ему нельзя жениться на Люцинѣ... вѣдь онъ голъ, какъ соколъ.

— Ну, такъ я дамъ имъ денегъ, сколько надо, пускай себѣ поженятся. Моя дочь выйдетъ за того, кто милъ ея душѣ. Знай это разъ на всегда, Абигэйль!

— А много ли ты можешь дать имъ, пока мы живы, если даже Джеромъ захочетъ жениться при такихъ условіяхъ? Вѣдь я уже говорила тебѣ, что онъ сказалъ Люцинѣ,—спокойно возразила его жена.

— Ну, такъ я самъ примусь за работу,—загремѣлъ сквайръ.— Я заставлю этого мальчишку проглотить свою проклятую гордость! Да какъ онъ смѣетъ говорить «хочу» или «не хочу»... Клянусь сатаною, онъ долженъ падать ницъ, какъ недостойный язычникъ, когда она смотритъ на него!

— Ибнъ,—сказала Абигэйль,—выслушаешь ты меня или нѣтъ? Говорю тебѣ, Джеромъ поступилъ очень честно. Онъ любитъ ее и доказываетъ свою любовь, оставляя ее въ покоѣ. Да притомъ ты знаешь: онъ малый хорошій, но Люцина можетъ найти и получше.

— Онъ славный мальчикъ, Абигэйль, и если она отдала ему сердце, быть ей за нимъ!..

— Ты и не знаешь, отдала-ли она ему свое сердце, Ибнъ. А по мнѣ, лучше всего—отправимъ ее въ Бостонъ погостить... повѣрь, все какъ рукой сниметъ, когда она вернется домой!...

— Дѣлай, какъ знаешь; отправь ее въ Бостонъ, если желаешь, Абигэйль,—сказалъ онъ;—но когда она возвратится, ея желаніе будетъ исполнено, хотя бы для этого мнѣ пришлось перевернуть небо и землю.

Черезъ недѣлю, Джеромъ, идя утромъ на работу, отступилъ въ сторону, чтобы дать дорогу почтовой каретѣ. Въ окнѣ ея мелькнуло прелестное личико Люцины въ волнахъ голубой вуали. Она кивнула ему, но карета пронеслась, поднявъ такую ужасную пыль, что Джеромъ не могъ уяснить значеніе этого прощальнаго привѣта. Ему показалось, что она улыбалась, и улыбка ея не была печальной.

— Она уѣзжаетъ,—сказалъ онъ самому себѣ;—она будетъ веселиться, увидитъ другихъ людей и забудетъ меня...

Что касается до Люцины, — она покидала Эпгамское Захолустье безъ особенной грусти. Въ молодости очень сильна жажда новыхъ впечатлѣній, а въ Бостонѣ, кромѣ того, жила любимая подруга Люцины,—миссъ Роза Солэй. Къ ней-то она и поѣхала погостить. Въ это утро образъ Джерома слегка стушевался въ душѣ Люцины за образомъ молодой чернокудрой дѣвушки съ розовыми щечками. Молодая страсть на мгновеніе стихла подъ наплывомъ спокойной дружбы.

Притомъ же въ теченіе послѣднихъ дней Люцина пришла къ болѣе утѣшительнымъ мыслямъ. Джеромъ любитъ ее,—со временемъ, быть можетъ, все уладится. Пусть только Джеромъ приходитъ къ ней, этого будетъ достаточно для ея счастія. А вѣдь послѣ ея возвращенія онъ непремѣнно придетъ... Наконецъ, она надѣялась на отца.

— Не мучь себя, милая,—сказалъ онъ ей на прощаньи;—папа постарается, чтобы у тебя было все, чего желаетъ твое сердце.

И Люцина повѣрила этому обѣщанію.

Она была въ отсутствіи три мѣсяца; съ нею пріѣхали ея подруга, миссъ Роза Солэй, и изящный молодой блондинъ съ длинной, вьющейся, русой шевелюрой.

Когда Люцина уѣхала, Джерому стало, пожалуй, немного легче. Порой, однако, онъ сильно страдалъ отъ разлуки. Онъ избѣгалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчался съ Люциной, и не подходилъ близко къ лѣсу, гдѣ они сидѣли вмѣстѣ.

Наступила зима. Однажды, въ воскресенье, Джеромъ пришелъ въ этотъ лѣсъ. Деревья стояли покрытые блестящей изморозью. Все такъ измѣнилось, подъ снѣжнымъ покровомъ, что недавнее прошлое казалось далекимъ сномъ...

— Она будетъ моею,—сказалъ онъ, подымая голову къ яркой синевѣ неба.—А если нѣтъ... Я справлюсь со своимъ горемъ.

Онъ постарѣлъ и похудѣлъ за послѣднія недѣли. Но въ этотъ день, когда онъ вернулся домой, глаза его сіяли, щеки горѣли. Его мать и сестра тотчасъ же замѣтили эту перемѣну.

— Я боялась, что онъ совсѣмъ изведется,—сказала Эннъ Эдвардсъ Эльмирѣ;—но сегодня видъ у него здоровѣе.

Эльмира сама начинала терять свою красу и свѣжесть. Для ея душевнаго спокойствія необходима была безусловная увѣренность, а между тѣмъ отношенія ея къ Лаурэнсу Прэскотту становились все менѣе и менѣе опредѣленными. Лаурэнсъ усиленно занимался. Иногда проходило двѣ-три недѣли, а онъ не являлся къ Эльмирѣ.

— Мнѣ непріятно обманывать отца, если этого можно из-

бѣжать,—говорилъ онъ Эльмирѣ, но она, какъ и Люцина, не совсѣмъ понимала это.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго воскресенья Джеромъ и Эльмира, сидя у обѣдни, увидѣли Люцину, которая вошла со своими родителями и гостями. Сердце Джерома забилось отъ радости при видѣ Люцины, но тотчасъ же упало при взглядѣ на незнакомаго молодого человѣка. «Вѣроятно, это ея женихъ. Она забыла меня»—подумалъ онъ безъ всякихъ колебаній.

А Эльмира бросала украдкой взоры на черныя кудри миссъ Розы Солэй, выбивавшіяся изъ подъ ея широкополой бархатной шляпы, на ея розовыя щечки; она перехватила взглядъ черныхъ глазъ Лаурэнса, случайно остановившійся на новоприбывшей красавицѣ. Какъ только окончилось богослуженіе, она схватила Джерома за руку. «Идемъ скорѣе отсюда»,—шепнула она ему рѣзкимъ голосомъ, и Джеромъ былъ радъ уйти съ нею.

Друзья Люцины провели съ нею праздникъ. Джеромъ видѣлъ ихъ раза два—они катались верхами съ Лаурэнсомъ Прэскоттомъ. Люцина на своей бѣлой лошадкѣ, миссъ Солэй на вороной Лаурэнса, чужой джентльмэнъ на гнѣдомъ сквайра, а Лаурэнсъ—на сѣрой.

Люцина вспыхнула, увидавъ Джерома, и поѣхала потише, чтобы отстать отъ другихъ. Но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ея намѣренія и, отвѣсивъ ей серьезный поклонъ, ни разу не взглянулъ на нее. Тогда молодая дѣвушка помчалась въ галопъ за своими друзьями, и вѣтеръ развѣвалъ ея голубую вуаль и юбки.

Джеромъ спрашивалъ себя, знаетъ-ли сестра его, что Лаурэнсъ Прэскоттъ катался верхомъ съ Люциной и ея друзьями? Возвращаясь вечеромъ домой, онъ столкнулся у воротъ своего дома съ уходившей Бэлиндой. Войдя въ комнаты, онъ догадался по лицу Эльмиры, что она уже знаетъ. Она сидѣла за работой и очень быстро сшивала башмаки. Ея маленькое личико было блѣдно, какъ полотно, только на щекахъ горѣли красныя пятна; губы ея были сурово сжаты. Мать съ безпокойствомъ смотрѣла на нее.

— Ты бы лучше не мучила себя, не узнавъ толкомъ, есть-ли на самомъ дѣлѣ причина мучить себя? Я думала, ничего такого нѣтъ,—они попросили его поѣхать съ ними, потому что кавалеръ Люцины не умѣетъ ѣздить верхомъ,—сказала она, какъ бы по секрету, словно Джерому не слѣдовало этого слышать.

Въ тотъ же вечеръ, когда ихъ мать легла спать, Джеромъ заговорилъ съ сестрой.

— Если онъ просилъ тебя выйти за него замужъ, ты должна вѣрить ему,—сказалъ онъ.—Я не думаю, чтобы это катанье съ молодой дѣвушкой имѣло какое нибудь серьезное значеніе. Ты

должна вѣрить ему, пока у тебя нѣтъ повода думать, что онъ не заслуживаетъ твоего довѣрія.

Эльмира вскинула на него глазами, въ которыхъ сверкнули тѣ же огоньки, что въ его.

— Не заслуживаетъ довѣрія!—вскричала она,—да неужели ты думаешь, что я стану осуждать его, если онъ оставитъ такую несчастную, какъ я, у которой отъ горя изболѣла и душа, и тѣло, да еще для такой красавицы, какъ та? Ужъ у меня-то, разумѣется, языкъ не повернется осудить его... Богъ съ нимъ! я знаю: онъ никогда уже не придетъ ко мнѣ, но я не осуждаю его.

— Пусть только не придетъ, я съ нимъ раздѣлаюсь по своему!—пылко вскричалъ Джеромъ.

— Нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого. Не смѣй никогда говорить ему ни слова, не смѣй осуждать его, Джеромъ Эдвардсъ. Я не допущу этого!

Эльмира убѣжала въ свою комнату, и въ ушахъ ея брата звучалъ отголосокъ ея горькихъ рыданій.

На другой же день послѣ праздника друзья Люцины уѣхали. Возвратившись вечеромъ домой, Джеромъ замѣтилъ по лицу Эльмиры, что дѣло приняло благопріятный оборотъ.

— Бэлинда Ламбъ только что была здѣсь,—объяснила миссисъ Эдвардсъ.—Этотъ молодой человѣкъ вздыхаетъ по той бостонской барышнѣ, а Люцина тутъ ни при чемъ... Лаурэнсу Прэскотту также нѣтъ дѣла до всего этого. Онъ заходилъ сюда вечеромъ... Что съ тобою, Джеромъ, ты блѣденъ, какъ полотно!

Джеромъ пробормоталъ что-то невнятное и вышелъ изъ комнаты. Мать проводила его испуганными глазами. Онъ прошелъ прямо наверхъ, въ свою комнатку и повторилъ обѣтъ, который далъ себѣ лѣтомъ.

— Если ты будешь вѣрна мнѣ, Люцина;—произнесъ онъ сдержаннымъ шопотомъ,—я буду работать, не покладая рукѣ, чтобы назвать тебя своею!

XII.

Вечеромъ на слѣдующій день Джеромъ отправился къ стряпчему Минзу. Послѣдній жилъ у сѣверной окраины деревни, по другую сторону рѣчки.

Проходя черезъ крытый мостъ, Джеромъ пріостановился, чтобы посмотрѣть на рѣку сквозь боковые пиллярсы. Въ обыкновенное время она скорѣе походила на быстрый ручей, но иногда разливалась большою рѣкой. Теперь, при блѣдныхъ лучахъ зимняго мѣсяца она струилась по каменному ложу,

бѣшено уносясь впередъ. Джеромъ смотрѣлъ внизъ на быстрые уступы воды, прислушиваясь къ ихъ прерывистому, шумному рокоту, который безпрерывно усиливался напоромъ прибывавшей струи. Затѣмъ онъ утвердительно кивнулъ головой и продолжалъ свой путь.

Стряпчій Элифалэтъ Минзъ жилъ въ старомъ домѣ Минзовъ. Онъ возвышался на обнаженномъ холмѣ, тонувшемъ въ серебристомъ свѣтѣ луны, направо отъ большой дороги. Онъ былъ построенъ такъ же давно, какъ домъ доктора Прэскотта и домъ сквайра Меррита, но безъ всякихъ орнаментовъ.

Джеромъ взобрался по освѣщенному откосу холма до дверей дома, которыя ему отворилъ самъ стряпчій Минзъ. Въ гостиной на Джерома пахнуло облаками табачнаго дыму, сквозь которыя онъ съ трудомъ увидѣлъ полковника Джэка Ламзона въ потертомъ сюртукѣ, у пылающаго камина. Передъ полковникомъ, на маленькомъ столикѣ справа, стоялъ стаканъ рома съ водой.

— Садитесь,—пригласилъ Минзъ Джерома, подвигая другое кресло.—Знатный морозецъ,—прибавилъ онъ.

— Да, сэръ,—отвѣтилъ Джеромъ.

Стряпчій Минзъ вернулся къ своему креслу и къ своей трубкѣ и принялся пыхать въ нее съ тѣмъ усердіемъ и довольствомъ, которое является послѣ перерыва. Полковникъ Ламзонъ дружески кивнулъ молодому человѣку, не выпуская изо рта трубки, поудобнѣе протянулъ свои ноги и выпустилъ цѣлыя гирлянды дыму. Гостиная стряпчаго Минза возмущала тѣхъ немногихъ почтенныхъ обитательницъ Эпгамскаго Захолустья, которымъ удалось проникнуть въ нее. Эта огромная комната, вѣчно утопавшая въ синеватобагровыхъ клубахъ табачнаго дыма, которые осаждались на ея низкомъ потолкѣ и въ отдаленныхъ углахъ съ вылинявшими обоями и коврами, съ густыми слоями пыли, покрывавшей всѣ ея блестящія поверхности,—имѣла видъ настоящей крѣпости холостой жизни, куда не могла проникнуть ни одна женская душа.

Въ высокихъ шкафахъ помѣщались книги стряпчаго, установленныя тѣсными рядами въ строжайшемъ порядкѣ; аккуратно занумерованныя и подшитыя пачки писемъ и документовъ лежали въ ящикахъ большого письменнаго стола. По всей комнатѣ валялись клочки бумаги и выглядывали кончики книгъ. Вся она представляла картину полнѣйшаго безпорядка.

Стряпчій, потягивая трубку, съ полузакрытыми глазами ждалъ, что скажетъ ему Джеромъ.

Джеромъ уставился на пылающій огонь, нахмуривъ нерѣшительно брови; затѣмъ онъ обратился къ Минзу съ внезапной рѣшимостью.

— Могу я поговорить съ вами наединѣ одну минуту?

Полковникъ поднялся со своего мѣста, не говоря ни слова, и лѣниво вышелъ изъ комнаты. Когда дверь за нимъ затворилась, Джеромъ снова обратился къ стряпчему.

— Мнѣ хотѣлось спросить у васъ, не согласитесь-ли вы продать мнѣ клочекъ своей земли стоимостью въ двѣсти шестьдесятъ пять долларовъ?

— Какой земли?

— Той, что возлѣ Грейстонской рѣчки. Я хочу купить земли на сто тридцать два доллара съ половиною по обѣ стороны рѣчки.

— Почему не хотите вы округлить цифру въ долларахъ и на кой чортъ вамъ понадобилась земля по обѣ стороны рѣчки?— освѣдомился стряпчій сухимъ тономъ, пропуская слова между губами и трубкою.

Джеромъ вынулъ изъ кармана старый бумажникъ.

— Потому что всѣ мои сбереженія составляютъ двѣсти шестьдесятъ пять долларовъ и я...

— Да неужели вы принесли эти деньги, чтобы тутъ же, на мѣстѣ заключить торгъ?—прервалъ стряпчій.

— Ну да. Я зналъ, что вы можете составить купчую.

Минзъ усердно курилъ, а лицо его корчилось отъ сдержаннаго смѣха.

— Я хочу купить землю по обѣ стороны рѣчки,—объяснилъ Джеромъ,— потому что я не хочу, чтобы она досталась кому нибудь другому. Я хочу построить лѣсопильню и хочу имѣть въ своемъ распоряженіи всю водяную силу.

— Вы, кажется, сказали, что тутъ всѣ ваши деньги?

— Оно такъ и есть.

— А какъ же вы построите въ такомъ случаѣ лѣсопильню? Этихъ денегъ не хватитъ даже для уплаты за землю, не говоря уже о лѣсопильнѣ.

— Я подожду, пока прикоплю еще денегъ. А затѣмъ куплю еще земли и построю лѣсопильню,—отвѣчалъ Джеромъ.

— Почему бы вамъ не призанять денегъ?

Джеромъ отрицательно покачалъ головою.

— Положимъ, я достану вамъ денегъ по шести процентовъ; положимъ, вы построите лѣсопильню и дадите мнѣ закладную на нее и на землю.

— Нѣтъ, сэръ, я этого не хочу.

— Почему не хотите? Я съ удовольствіемъ довѣрю молодому человѣку въ родѣ васъ деньги въ долгъ. Почему-же вы не хотите взять ихъ?

— Лучше я подожду, пока буду въ состояніи заплатить чистоганомъ,—упрямо стоялъ на своемъ Джеромъ.

— Вамъ не скопить этихъ денегъ до сѣдыхъ волосъ.

— Подождемъ и до сѣдыхъ волосъ,—молвилъ Джеромъ.

Его прекрасные молодые глаза, дышавшіе одушевленіемъ и рѣшимостію, смѣло смотрѣли въ худощавое, сухое лицо стряпчаго, изрытое морщинами у рта и глазъ, что придавало имъ язвительно насмѣшливое выраженіе.

Минзъ пристально посмотрѣлъ на Джерома.

— Кто внушилъ вамъ эту идею? Что заставляетъ васъ думать, что это выгодное дѣло?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ ни одной лѣсопильни ближе Уэстбрука, отличная водяная сила, прямое теченіе рѣчки; ниже паденія воды можно сплавлять бревна на лѣсопильню, а затѣмъ внизъ, въ Дэль. Тамъ платятъ хорошія цѣны за лѣсъ. Лѣтъ черезъ пять пройдетъ въ Дэль желѣзная дорога, и ей понадобятся шпалы...

— А если она не станетъ покупать ихъ у васъ, молодой человѣкъ?

— Я былъ у сквайра Лэннокса въ Дэлѣ. Онъ первый заправило по желѣзнодорожному дѣлу и будетъ директоромъ, а не то и предсѣдателемъ. Онъ уже далъ мнѣ заказъ.

— Гдѣ вы станете покупать свои бревна?

— Я заключилъ условіе съ двумя лицами.

— За пять лѣтъ не мало воды утечетъ.

— Не бѣда. Авось доживу.

Стряпчій молча засмѣялся.

Когда Джеромъ вернулся домой, у него лежала въ карманѣ купчая на землю только по правую сторону рѣчки, причемъ стряпчій, по договору, обязался не продавать и не застраивать земли на лѣвомъ берегу. Такимъ образомъ у Джерома оказалось необходимое количество земли подъ лѣсопильню, когда онъ соберетъ деньги на ея постройку. Онъ чувствовалъ, что Люцина была къ нему ближе, чѣмъ когда либо прежде. Кровь кипѣла въ немъ страстнымъ упованіемъ молодости. Онъ опредѣлилъ срокъ постройки въ пять лѣтъ, но въ глубинѣ души онъ смѣялся надъ этимъ предположеніемъ: онъ могъ скопить денегъ въ какіе нибудь три... даже въ два года! Ему было трудно выплатить остававшійся долгъ по закладной дома, а все-таки онъ сколотилъ свои двѣсти шестьдесятъ пять долларовъ. Лѣсопильня обойдется не дорого. Притомъ онъ можетъ построить большую часть ея своими руками.

Въ эту ночь Джеромъ отдавался сладкимъ надеждамъ. Онъ уже видѣлъ свою лѣсопильню, слышалъ шумъ ея колесъ, визгъ пилы... Онъ будетъ мужемъ Люцины. Онъ видѣлъ ее въ подвѣнечномъ бѣломъ платьѣ. Въ воскресенье онъ смотрѣлъ на нее съ сладкимъ чувствомъ своей близости къ любимой дѣвушкѣ. Ему казалось, что она понимаетъ и раздѣляетъ его настроеніе.

Онъ не пошелъ къ ней вечеромъ и ему ни разу не пришло на мысль, что она, быть можетъ, далеко не имѣла причинъ для такого же радужнаго настроенія.

Бѣдная Люцина каждый вечеръ наряжалась, какъ цвѣтокъ, и съ мучительной тоскою ждала своего милаго. А онъ все не приходилъ. Люцина стала думать, что Джеромъ не любитъ ее, она старалась призвать себѣ на помощь дѣвичью гордость и до извѣстной степени успѣла въ этомъ. Она перестала надѣвать свои лучшія платья и старалась заглушить надежды, но рана сердца не заживала. Она скрывала свое горе, заставляла себя улыбаться, но это давалось не легко: она исхудала, поблѣднѣла, по цѣлымъ ночамъ не могла заснуть.

Однажды, послѣ полудня, когда Люцина ушла прилечь въ свою комнату, почти не прикоснувшись къ изысканному обѣду и дессерту, сквайръ поманилъ знакомъ жену въ гостиную и плотно притворилъ дверь.

— Какъ ты думаешь, не чахотка ли у нея?—прошепталъ онъ. Его могучая фигура вся дрожала отъ волненія, когда онъ задалъ этотъ вопросъ, а лицо было безъ кровинки. Много лѣтъ тому назадъ его прелестная молоденькая сестра, въ память которой Люцина получила свое имя, умерла отъ чахотки. Ему живо припомнилось, какою была его юная сестра, когда ее поглотила ранняя могила, и сегодня ему показалось, будто лицо его дочери имѣло совершенно то же выраженіе.

Абигэйль положила свою маленькую руку ему на плечо.

— Не смотри такъ грустно, Ибнъ, — сказала она. — Я не думаю, чтобы у нея была чахотка; она не кашляетъ.

— Что болитъ у нея, Абигэйль?

Миссисъ Мерриттъ оставалась минуту въ нерѣшительности.

— Мнѣ кажется, у нея нѣтъ никакой особливой болѣзни,— уклончиво отвѣчала она.—Молодыя дѣвушки часто ни съ того, ни съ сего начинаютъ худѣть и вянуть, а тамъ, смотришь, опять зацвѣтутъ, точно роза весною.

— Абигэйль, ты не думаешь, что дѣвочка тоскуетъ опять по... томъ мальчикѣ?

— Вотъ ужъ, Богъ знаетъ, сколько недѣль она не упомянула передо мною его имени, Ибнъ,—отвѣчала Абигэйль, и эти слова успокоили тревогу сквайра.

— Мнѣ кажется, лучше всего ей опять уѣхать отсюда,— прибавила она.—Я думаю, это развлечетъ ее, какъ тогда.

— Ты думаешь?—сказалъ сквайръ, вздохнувъ.—Что же, можетъ ты и права, Абигэйль. Только теперь и тебѣ слѣдуетъ поѣхать съ нею. Нельзя дѣвочкѣ въ этомъ состояніи ѣхать одной.

Черезъ недѣлю или двѣ послѣ этого разговора Джеромъ, идя на работу, снова встрѣтилъ почтовую карету, и на этотъ разъ передъ нимъ мелькнуло маленькое живое лицо Абигэйль рядомъ съ блѣднымъ профилемъ ея дочери. Не успѣлъ онъ войти въ башмачную лавку, какъ туда же явилась жена его дяди съ новостями. Она остановилась въ просвѣтѣ дверей,

заполнивъ его обиліемъ своихъ юбокъ, придерживая у подбородка скрещенные концы небольшого платка, накинутаго на голову, который развѣвался по вѣтру.

— Они уѣхали на западъ, въ Огайо, къ двоюродной сестрѣ мисс'ъ Мерриттъ. Она тамъ замужемъ за богатымъ человѣкомъ, и Абигэйль съ тѣхъ поръ не видала ее. Она все приставала къ ней, чтобы пріѣхала погостить; всѣ ея родные перемерли либо разбрелись по свѣту, а мужъ ея все хвораетъ... вотъ ей самой-то и нельзя выбраться оттуда. Камилла заплатила половину путевыхъ расходовъ. Люцина въ послѣднее время была совсѣмъ плоха, они ужасно безпокоились. Сестра сквайра, по имени которой ее назвали, умерла отъ чахотки въ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ. Вотъ мать и повезла ее для перемѣны воздуха, авось, молъ, поправится. Онѣ уѣхали на долго. Мнѣ разсказывала Лайза, а ей сказала Камилла.

Джеромъ, сидѣвшій у верстака, повернулся спиною къ теткѣ. Лицо его, склоненное надъ работою, было блѣдно и сурово.

— Ты намъ настудишь мастерскую, Бэлиндочка,—сказалъ Озіасъ.

— Кажется, что такъ!—отвѣчала она, весело хихикнувъ и, отступя отъ порога, захлопнула за собой дверь.

— Вотъ женщина, у которой нѣтъ своего дѣла,—сказалъ Озіасъ,—но она вполнѣ довольна и счастлива, суя носъ въ дѣла сосѣдей. На такой именно женщинѣ слѣдуетъ жениться, если не можешь ей дать ничего отъ себя, ни денегъ ни интересовъ жизни... Она найдетъ свое...

Джеромъ не отвѣтилъ ни слова. Озіасъ пронизалъ его острымъ взглядомъ.

— Знай сверчокъ свой шестокъ,—замѣтилъ онъ, повидимому безъ всякой связи съ предыдущимъ; но и на это замѣчаніе Джеромъ не откликнулся.

Онъ проработалъ весь остатокъ утра молча, съ какимъ то ожесточеніемъ. Онъ не слыхалъ раньше ничего о болѣзни Люцины. Ея не было въ церкви въ прошлое воскресенье, но онъ не увидалъ въ этомъ ничего серьезнаго. Теперь его поразила страшная мысль: что если она умретъ? Къ чему тогда всѣ его труды и стараніе, къ чему жизнь? Наскоро пообѣдавъ дома и возвращаясь въ мастерскую, онъ свернулъ съ дороги и усѣлся на скалистомъ выступѣ...

День былъ пасмурный, холодный, сѣрыя тучи ползли низко надъ землей, оцѣпенѣвшей точно трупъ въ полномъ безмолвіи. Джеромъ пытался вообразить себѣ міръ безъ Люцины и не могъ. Въ первый разъ въ жизни имъ овладѣла сознательная мысль о смерти, и ему показалось, что со смертью любимой дѣвушки наступитъ уничтоженіе всего. «Нѣтъ Люцины, нѣтъ и меня и нѣтъ ничего, на что я смотрю,»—стояло въ его головѣ...

Когда онъ вошелъ, спотыкаясь, въ лавку своего дяди, Озіасъ окинулъ его проницательнымъ взглядомъ.

—Если ты боленъ, иди лучше домой да лягъ въ постель,—посовѣтовалъ онъ ему тономъ грубаго сочувствія.

— Я здоровъ,—отвѣтилъ Джеромъ и съ какою то яростью набросился на работу.

Дни шли за днями, его мучила неизвѣстность, но ни разу ему не пришло въ голову отправиться прямо къ сквайру и спросить, какъ здоровье его дочери. Наоборотъ, онъ боялся встрѣчи съ нимъ, боялся прочесть на его лицѣ, что ей стало хуже.

Въ первый разъ въ жизни Джеромъ сталъ трусомъ.

Такъ прошло около мѣсяца. Однажды, когда Джеромъ возвращался домой изъ Дэля, онъ услыхалъ за собою чьи то шаги и громкій голосъ, кричавшій ему, чтобы онъ остановился. Обернувшись, онъ увидалъ полковника Джека Ламзона, который направлялся къ нему твердой, военной походкой, едва переводя духъ отъ одышки.

Поровнявшись съ Джеромомъ, полковникъ не могъ сначала вымолвить ни слова. Отъ усиленнаго напряженія его больной груди, сюртукъ на немъ трещалъ по всѣмъ швамъ, лицо его побагровѣло, онъ судорожно размахивалъ палкою.

— Славный денекъ,—проговорилъ онъ наконецъ.

— Да сэръ,—отвѣчалъ Джеромъ.

Былъ конецъ февраля, снѣгъ растаялъ, и въ воздухѣ запахло весною.

— Докторъ прописалъ мнѣ три мили марша каждый день. Вотъ я и задаю себѣ работу,—сказалъ полковникъ, все еще задыхаясь. Затѣмъ онъ внимательно посмотрѣлъ на Джерома.

— Что вы съ собою сдѣлали, мой юный пріятель?—спросилъ онъ.

— Ничего! Я право не знаю, что вы хотите сказать,—отвѣчалъ Джеромъ.

— Ничего! Да вы постарѣли лѣтъ на десять съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ!

— Я совершенно здоровъ, полковникъ Ламзонъ.

— А какъ идетъ то дѣльце, на которомъ я подписался свидѣтелемъ? Сколотили вы уже деньжонокъ на постройку этой лѣсопильни?

— Нѣтъ, не сколотилъ, — отвѣчалъ Джеромъ страннымъ тономъ, въ которомъ звучали вызовъ и отчаяніе. Полковникъ ошибочно понялъ значеніе этого тона.

— Ахъ, не слѣдуетъ такъ рано унывать, — сказалъ онъ весело.—Вы вѣдь знаете пословицу: тише ѣдешь, дальше будешь.

Джеромъ не отвѣтилъ ни слова и продолжалъ угрюмо шагать.

— Ну, а какъ поживаетъ *она?* — неожиданно выпалилъ полковникъ.

Джеромъ поблѣднѣлъ и посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Кто?—спросилъ онъ.

Полковникъ засмѣялся сиплымъ, прерывистымъ смѣхомъ.

— Ну она... *она*. Молодые люди не устраиваютъ гнѣздышекъ или лѣсопиленъ, если не имѣется въ перспективѣ *она*.

— Въ данномъ случаѣ это не такъ...—началъ было Джеромъ. Затѣмъ онъ сурово сжалъ губы и пошелъ дальше.

— Я только пошутилъ, Джеромъ,—засмѣялся полковникъ, но на лицѣ Джерома не появилось отвѣтной улыбки. Полковникъ Ламзонъ внимательно наблюдалъ за нимъ.

— Сквайръ получилъ письмо отъ своей жены вчера,—сказалъ онъ безъ дальнѣйшихъ предисловій и испуганно подался назадъ: обращенное къ нему лицо Джерома выражало муку приговореннаго къ смерти.

— Здорова ли она?—пролепеталъ онъ.

— Ага! *она*—миссъ Мерриттъ? Нѣтъ, къ чорту шутки, мой мальчикъ,—ей лучше! Не надо падать духомъ! Ей, право, лучше.

Джеромъ глубоко вздохнулъ и пошелъ впередъ такъ быстро, что полковникъ едва поспѣвалъ за нимъ.

— Погодите одну минуту,—сказалъ онъ, тяжело дыша;—мнѣ надобно сказать вамъ пару словъ.

Джеромъ остановился, а полковникъ подошелъ къ нему и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Выслушайте меня, молодой человѣкъ, — началъ онъ съ внезапною яростью,—если бы я думалъ хоть одну минуту, что вы обманули эту дѣвушку, я бы не сталъ тратить слова попустому. Я бы взялъ васъ за шиворотъ, какъ негоднаго щенка, и переломалъ бы вамъ всѣ кости.

Джеромъ невольнымъ движеніемъ принялъ позу борца, готовящагося отразить нападеніе противника; лицо его, смѣло поднятое къ лицу полковника, подергивала гнѣвная судорога.

— Я убилъ-бы васъ и всякаго другого человѣка, который осмѣлился бы сказать это!—вскричалъ онъ пылко.

— Если бы я не зналъ, что вы этого не дѣлали, я бы отправилъ васъ къ чорту вмѣсто того, чтобы разговаривать съ вами,—отвѣчалъ полковникъ въ томъ же тонѣ;—но вотъ о чемъ я хочу спросить васъ теперь:—что вы дѣлаете, чортъ бы васъ побралъ?

— А я желалъ бы знать, какое вамъ дѣло до этого!

— Чортъ бы тебя побралъ, что ты дѣлаешь, мой мальчикъ?—повторилъ полковникъ.

Было что-то забавное въ контрастѣ между рѣзкостью его словъ и его голосомъ, въ которомъ внезапно послышались добрые, почти ласкающіе звуки. Со смерти отца Джерому рѣдко приходилось слышать этотъ тонъ. Его гордая душа смягчилась.

— Я... работаю, не покладая рукъ... чтобы назвать ее своею, сэръ,—вырвалось у него невольнымъ признаніемъ.

— А знаетъ-ли она объ этомъ?

— Неужели вы думаете, что я сталъ бы говорить ей что нибудь такое, что могло связать ее, когда, быть можетъ, мнѣ никогда не удастся жениться на ней?—сказалъ Джеромъ.

Полковникъ засвисталъ и не сказалъ болѣе ни слова, потому что какъ разъ въ эту минуту съ ними поравнялись Бэлинда и Паулина Марія, высоко поднимавшія свои юбки, чтобы не выпачкать ихъ въ грязи.

Оба собесѣдника продолжали свой путь,—полковникъ шелъ прямо, словно во главѣ батальона, откинувъ назадъ свои богатырскія плечи, выпятивъ грудь, весело помахивая палкою, хотя одышка не давала ему покоя. А рядомъ съ нимъ шагалъ Джеромъ, навьюченный вязкою скроеныхъ башмаковъ, но тоже съ высоко поднятой головой.

XIII.

Люцина и ея мать вернулись позднею весной. Въ Эпгамскомъ Захолустьѣ говорили, что Люцина совершенно здорова, но, когда добрые люди увидали ее, мнѣніе ихъ измѣнилось.

— Она дышетъ на ладонъ,—говорили про нее женщины, зорко разсматривавшія ее изъ оконъ своихъ деревенскихъ гостиныхъ или со своихъ скамеекъ въ церкви.

Джеромъ увилалъ ее въ первый разъ послѣ ея возвращенія въ одно воскресное майское утро, когда въ садахъ зацвѣли деревья. Онъ затрепеталъ отъ радостной увѣренности, что она здорова, что она должна быть здорова. Онъ не замѣтилъ чрезвычайной прозрачности ея щекъ. Она была вся въ бѣломъ и напоминала молодое деревцо въ цвѣту.

Въ дѣйствительности, однако, въ здоровьѣ Люцины совершилась внезапная перемѣна къ лучшему, только спустя недѣль шесть послѣ ея возвращенія: это счастливое событіе съ точностью можно считать съ того утра, когда она встрѣтила полковника Джэка Ламзона.—Она каталась верхомъ, а онъ гулялъ по указанію доктора. Онъ старался идти «въ ногу» съ медленной иноходью ея маленькой бѣлой лошадки, иногда ведя лошадь въ поводу и останавливаясь въ тѣнистыхъ мѣстечкахъ для большаго удобства бесѣды.

Когда Люцина вернулась къ обѣду домой, мать ея замѣтила въ ней счастливую перемѣну.

— Давно у тебя не было такого здороваго вида,—замѣтила она.

— Я такъ славно прокатилась верхомъ,—отвѣчала Люцина

съ улыбкой и румянцемъ, значенія которыхъ мать ея не могла понять. Молодая дѣвушка ѣла за обѣдомъ, что развеселило сердце отца; потомъ она отправилась наверхъ, въ свою комнату и скоро сошла внизъ въ шляпѣ, съ шелковымъ рабочимъ мѣшкомъ на рукѣ.

— Я иду къ тетѣ Камиллѣ и беру съ собою свое вышиванье.

— Хорошо, только иди тихонько,—посовѣтовала мать, стараясь скрыть свою радость. Люцина цѣлыя недѣли не прикасалась къ своей работѣ и не выходила изъ дому по собственному желанію.

Когда она ушла, отецъ и мать переглянулись между собою.

— Ей лучше,—сказалъ Ибнъ взволнованнымъ голосомъ.

— Я давно уже не видала ее такою цвѣтущей,—отвѣчала Абигэйль. Несмотря на удовольствіе, у нея былъ смущенный видъ: вечеромъ она убѣдилась, путемъ осторожнѣйшихъ разслѣдованій, что Люцина не видалась съ Джеромомъ во время своей утренней прогулки, и теперь потеряла ключъ къ пониманію настроенія дочери.

Сквайръ приписывалъ выздоровленіе дочери извѣстной горькой микстурѣ доктора Прэскотта и часто превозносилъ ея чудодѣйственное свойство въ разговорахъ съ женою.

«Странно, что лѣкарство подѣйствовало вдругъ и такъ быстро послѣ того, какъ дѣвочка принимала его безъ всякаго результата въ теченіе цѣлыхъ недѣль»,—скептически разсуждала про себя Абигэйль; но она не сообщала своихъ сомнѣній сквайру.

Разъ днемъ, вскорѣ послѣ разговора съ полковникомъ Ламзономъ, Люцина встрѣтилась на дорогѣ лицомъ къ лицу съ Джеромомъ. Она остановилась и протянула ему руку.

— Какъ поживаете?—сказала она, то блѣднѣя, то краснѣя; но въ ея обращеніи чувствовалось нѣжное довѣріе, котораго прежде не было.

Джеромъ низко поклонился, но не подалъ руки. Она настойчиво протягивала свою.

— Я не могу пожать вашу руку,—сказалъ онъ,—моя выпачкана кожей и пахнетъ ею.

— Я не боюсь кожи,—мягко возразила Люцина.

— А я боюсь,—сказалъ Джеромъ. Затѣмъ, видя, что Люцина продолжаетъ смотрѣть на него и протягивать свою руку съ милой настойчивостью ребенка и нѣжной просьбой женщины, а ея голубые глаза становятся печальны,—онъ попросилъ ее подождать одну минуту, а самъ перескочилъ черезъ загородку и сбѣжалъ по крутому обрыву къ рѣчкѣ. Онъ опустился на колѣни, вымылъ руки въ свѣтлой водѣ и вернулся къ Люцинѣ. Она положила свою маленькую ручку въ его руку, но при этомъ покачала, улыбаясь, головою.

— Мнѣ было бы пріятнѣе пожать ее въ прежнемъ видѣ,— сказала она.

— Я не могъ бы коснуться вашей руки...

— Вы дали бы мнѣ больше, если бы позволяли мнѣ давать вамъ иногда кое-что,- сказала Люцина, бросивъ на него загадочный взглядъ.

Джеромъ напрасно ломалъ себѣ голову надъ значеніемъ ея словъ и, послѣ тщетныхъ усилій, рѣшилъ, что «должно быть, всѣ молодыя дѣвушки говорятъ такими непонятными загадками».

Во всякомъ случаѣ его несказанно утѣшало одно: все обращеніе Люцины ясно говорило, что она вѣритъ ему и понимаетъ его.

— Она знаетъ, что я дѣлаю,—сказалъ онъ самому себѣ.— Она знаетъ, какъ я работаю, она довольна мною и согласна ждать. Она знаетъ, но не связана.

Отнынѣ онъ набросился на работу, словно она была сказочнымъ дракономъ, котораго ему надобно было убить, чтобы освободить свою царевну Онъ трудился съ ранняго утра до поздней ночи, не забывая въ то же время своихъ больныхъ. Онъ откладывалъ каждую копѣйку, словно скряга; въ этотъ періодъ своей жизни онъ не ѣлъ ни масла, ни сахару, ни свѣжаго мяса, ни бѣлаго хлѣба; но онъ заботился о томъ, чтобы все это было въ должномъ изобиліи у его матери и сестры.

Когда наступила зима, онъ ходилъ въ мастерскую торопливо и украдкой, не желая встрѣтиться съ Люциной по новой причинѣ:—онъ боялся, какъ бы она не замѣтила, что платье его было подбито вѣтромъ, а башмаки совсѣмъ не годились для хожденія по снѣгу.

— Никогда не думала я, что Джеромъ такъ скупъ,—говорила иногда Эльмира своей матери.

— Онъ вовсе не скупъ. У него есть что-то въ виду,—возражала Эннъ, бросая проницательный, загадочный взглядъ.

Любовныя дѣла Эльмиры и Лаурэнса продолжались тѣмъ же порядкомъ. Если докторъ Прэскоттъ и зналъ что-либо, онъ не показывалъ этого. Лаурэнсъ постоянно разъѣзжалъ по больнымъ со своимъ отцомъ и прилежно изучалъ свои учебники.

Иногда, во время своихъ случайныхъ посѣщеній Эльмиры, онъ видался и съ Джеромомъ. Молодые люди, встрѣчаясь на дорогѣ, обмѣнивались украдкою сердечными пожеланіями; между ними возникла своеобразная дружба внѣ всякихъ обязательствъ. Благодаря Лаурэнсу, Джеромъ занялся однимъ новымъ дѣломъ, о которомъ иначе быть можетъ никогда бы не узналъ.

— Отецъ и я сегодня утромъ ѣздили по дорогѣ въ старый Дэль,—разсказалъ Лаурэнсъ Джерому,—тамъ налѣво велико-

лѣпный лугъ подъ брусникой; кто захочетъ, есть чѣмъ поживиться. Мѣсто влажное и хорошо защищенное отъ мороза. Оно принадлежитъ старому Іонаѳану Гаукинсу. Мы были у его больной жены, и онъ говорилъ намъ, что прежде продавалъ бруснику, а теперь забросилъ это дѣло. Онъ очень старъ, чтобы самому съ этимъ возиться, а деньги ему нужны до зарѣзу. Мнѣ кажется, тутъ можно бы поработать съ выгодой: онъ сдалъ бы землю недорого.

На другой же день Джеромъ отправился къ дому Іонаѳана Гаукинса и скоро поладилъ съ нимъ. Часть работы на этомъ брусничномъ участкѣ онъ исполнялъ до свѣту, при фонарѣ. А когда поспѣли ягоды, онъ нанялъ деревенскихъ ребятишекъ, въ числѣ ихъ и дѣтей Эпгама, собирать ихъ. Такимъ образомъ у него очистилась кругленькая сумма, которую онъ прибавилъ къ своимъ сбереженіямъ. Черезъ два года у него уже были деньги для лѣсопильни, а въ началѣ осени заготовленъ лѣсъ. Онъ нанялъ плотника изъ Дэля, разсчитывая поставить лѣсопильню своими руками, съ помощью этого мастера и нѣсколькихъ сверхкомплектныхъ рабочихъ.

Вечеромъ, накануне того дня, когда онъ надѣялся начать работу, Джеромъ отправился къ Адонираму Джедду. Джедды жили въ сторонѣ отъ большой дороги, въ полѣ, куда вела тропинка. Домъ ихъ, построенный по самому простому деревенскому шаблому—длинная хата съ двумя окошками по обѣ стороны передняго входа,—стоялъ у самой опушки сосноваго лѣса.

Вѣтеръ былъ холодный, и его завываніе въ вѣчно зеленыхъ вѣтняхъ сосенъ казалось отдаленнымъ окликомъ зимы. Домъ производилъ мрачное впечатлѣніе при перемѣнчивомъ свѣтѣ луны. Стѣны его были почти сплошь сѣрыя и только на верху испещрены полосами бѣлой краски.

Паулина Марія уже давно не имѣла средствъ выбѣлить заново свой домъ, а потому ей хотѣлось уничтожить всѣ слѣды старой окраски. Стоя на кухонной табуреткѣ, она терла и отчищала мыломъ и пескомъ старыя закрашенныя полосы такъ высоко, какъ только могли достать ея длинныя руки, заставляя помогать себѣ въ этой работѣ и своего долговязаго мужа, когда его не мучили припадки ревматизма.

У Паулины Маріи Джеддъ были непріятности и, когда онѣ становились слишкомъ тяжелы, она принималась за мыло, воду и песокъ и неистово нападала на остатки краски и на скопленіе грязи и пыли въ выбоинахъ каменнаго порога.

Когда Джеромъ очутился возлѣ нея, она оглянулась, не покидая своего дѣла.

— Поздненько работаете,—сказалъ онъ, стараясь принять шутливый тонъ.

— Что дѣлать,—отвѣчала Паулина Марія своимъ холоднымъ, спокойнымъ голосомъ.

— Дядя Адонирамъ дома?—Джеромъ всегда звалъ Адонирама «дядей», онъ былъ двоюроднымъ братомъ его отца.

— Дома.

— Мнѣ надо повидать его на минуту по одному дѣлу.

— Обойди кругомъ по черному ходу, тутъ крыльцо еще не высохло.

Джеромъ прошелъ кругомъ дома къ черному ходу. Проходя мимо освѣщенныхъ оконъ гостиной, онъ увидалъ на сторахъ чудовищную тѣнь съ безпрерывно двигающимися руками. Онъ пробрался ощупью въ освѣщенную комнату, гдѣ сидѣли Адонирамъ Джеддъ и его сынъ Генри. Первый сшивалъ башмаки, второй вязалъ чулки. Когда дверь отворилась, Генри, тѣнь котораго видѣлъ Джеромъ на оконномъ стеклѣ, взглянулъ безцвѣтнымъ взглядомъ слѣпого, а пальцы его продолжали быстро перебирать спицами.

— Какъ поживаете?—сказалъ Джеромъ.

Адонирамъ возвратилъ ему привѣтствіе, не вставая со своего мѣста, и попросилъ его взять себѣ стулъ. Генри не сказалъ ни слова и, даже не улыбнувшись, снова опустилъ потухшіе глаза на вязанье. Генри Джеддъ былъ такой же нескладный и высокій, какъ его отецъ, съ такимъ же топорно вытянутымъ лицомъ и съ тѣми же грубыми чертами. Но вмѣсто мрачной суровости лицо его выражало безграничную свирѣпость и яростное озлобленіе на судьбу.

Генри Джеддъ склонилъ свой хмурый блѣдный лобъ надъ жалкой женской работой, на которую онъ былъ поневолѣ осужденъ. Его длинныя руки были бѣлы, какъ у дѣвушки, и такъ худы, что при каждомъ движеніи ихъ можно было сосчитать всѣ суставы. На его прозрачно блѣдномъ лицѣ пробивалась слабая растительность.

— Какъ ты поживаешь, Генри?—спросилъ Джеромъ.

Генри не отвѣтилъ ни звукомъ, только насупился еще мрачнѣе. Страстная суровость религіознаго міросозерцанія Паулины Маріи вызвала въ душѣ ея сына, при первомъ несчастіи его жизни, свирѣпый отпоръ. Генри Джеддъ не хотѣлъ обращаться за утѣшеніемъ къ словамъ священнаго писанія; никогда не преклонялъ онъ колѣнъ для молитвы и даже властныя просьбы матери не могли его заставить ходить въ церковь по воскресеньямъ. Голоса его прежнихъ сверстниковъ, которые не знали, какъ онъ, тяжкаго недуга, вызывали въ немъ злобную ярость обиды. Онъ былъ годомъ моложе Джерома, и прежде, повидимому, чувствовалъ къ нему влеченіе. Но вотъ уже цѣлый годъ, какъ онъ пересталъ говорить съ нимъ.

Войдя, Джеромъ имѣлъ счастливый, оживленный видъ,

словно желалъ подѣлиться какими-то радостными вѣстями; теперь же выраженіе лица его измѣнилось. Онъ взглянулъ на Адонирама, затѣмъ на Генри, потомъ опять на Адонирама, и губы его беззвучно зашевелились вопросомъ. Адонирамъ печально покачалъ головою.

Паулина вошла къ нимъ черезъ кухню, гдѣ оставила орудія чистки, схватила недоконченный башмакъ и принялась точать его. Она не замѣтила Джерома, а онъ сидѣлъ, грустно уставившись въ полъ.

— Холодный вечеръ для этой поры года,—замѣтилъ, наконецъ, Адонирамъ, дѣлая неловкую попытку «занять» гостя разговоромъ. Джеромъ отвѣтилъ безъ особаго оживленія... Да, если вѣтеръ не стихнетъ, ночью будетъ морозъ; затѣмъ онъ собрался уходить.

— Куда торопишься? — спросилъ Адонирамъ съ тупымъ удивленіемъ.

— Я забѣжалъ только на минуту; у меня есть еще кое какая работишка,—пробормоталъ Джеромъ и вышелъ вонъ.

Онъ пошелъ полемъ къ большой дорогѣ, но дойдя, до нея, вдругъ остановился и простоялъ неподвижно минутъ съ десять или болѣе, сильно задумавшись. Затѣмъ онъ поворотилъ назадъ къ дому Джеддовъ.

Подойдя къ черному ходу, онъ снова остановился и, послѣ минутнаго колебанія, опять безшумно пробрался на большую дорогу... Но здѣсь молодой человѣкъ почувствовалъ, точно чья то невидимая и сильная рука преграждала ему путь. Онъ еще разъ остановился и затѣмъ рѣшительно повернулъ къ дому Джеддовъ. Когда онъ вступилъ въ гостиную, гдѣ были Адонирамъ, Паулина Марія и Генри, вся семья посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Забылъ что нибудь?—освѣдомился Адонирамъ.

— Забылъ, — отвѣчалъ Джеромъ. Затѣмъ онъ заговорилъ скоро, напряженнымъ голосомъ, стараясь принять безпечный видъ.—Мнѣ надо было что-то сказать. Я все думалъ насчетъ глазъ Генри. Если... вы хотите повезти его въ Бостонъ къ тому доктору, у меня есть деньги. У меня пятьсотъ долларовъ; они къ вашимъ услугамъ. Кажется, вы говорили, что это обойдется именно столько.

Онъ смотрѣлъ прямо въ лицо Паулины Маріи, говоря это, а она выронила изъ рукъ свою работу и глядѣла на него во всѣ глаза.

Адонирамъ слабо крякнулъ, затѣмъ присѣлъ, уставившись на нихъ обоихъ. Генри вздрогнулъ, но продолжалъ вязать чулокъ съ тѣмъ же ожесточеніемъ.

— Какимъ манеромъ у тебя набралась такая уйма денегъ? — спросила Паулина Марія своимъ яснымъ, строгимъ голосомъ.

— Я скопилъ ихъ изъ своихъ заработковъ.

— Для чего?

— Пожалуста, возьмите ихъ и употребите для Генри.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ.

Джеромъ молчалъ.

— Не отвѣчай, коли не хочешь,—сказала Паулина Марія,—я и такъ знаю. Ты скрывалъ это отъ всѣхъ, кромѣ стряпчаго Минза, своей матери да Эльмиры, а мать твоя сказала мнѣ годъ тому назадъ. Я не обмолвилась ни одной душѣ. Ты копилъ эти деньги, чтобы поставить на нихъ лѣсопильню и... я была у твоей матери сегодня: ты намѣревался начать постройку съ завтрашняго дня.

— Я вовсе не обязанъ начинать ее строить завтра,—возразилъ Джеромъ.

— А по моему обязанъ. Неужели ты думаешь, я возьму эти деньги?

Джеромъ обернулся къ Генри.

— Генри, вѣдь онѣ для тебя, а не для твоей матери,—сказалъ онъ.—Возьми ихъ!

Генри, продолжая вязать, отрицательно покачалъ головою.

— Говорю тебѣ, нѣтъ надобности торопиться съ лѣсопильней. Я могу и подождать, авось заработаю больше. Я даю тебѣ эти деньги отъ всего сердца.

— Мы не возьмемъ ихъ отъ тебя, Джеромъ, иначе, какъ подъ мою собственноручную росписку,—вмѣшался Адонирамъ дрожащимъ голосомъ.

Паулина Марія пристально посмотрѣла на мужа.

— А много она стоитъ, твоя росписка?—сурово спросила она.

— Возьми деньги, голубчикъ Генри. Я всегда былъ къ тебѣ расположенъ и не хочу видѣть тебя слѣпымъ,—упрашивалъ Джеромъ.

Генри покачалъ головою и продолжалъ вязать. Въ его упорствѣ чувствовалась безпощадность къ самому себѣ.

— Есть вещи и похуже слѣпоты,—сказала Паулина Марія.—Никто не будетъ принесенъ въ жертву моему сыну. Коли наши собственныя молитвы и жертвы неугодны Богу, значитъ Его святая воля, чтобы онъ страдалъ, и онъ будетъ страдать.

— Возьми ихъ, Генри,—умолялъ Джеромъ, не обращая на нее никакого вниманія.

— А взялъ ли бы ты ихъ, будь ты на мѣстѣ моего сына?—неожиданно спросила Паулина Марія. Она пронизывала Джерома своимъ взглядомъ.—Отвѣчай же мнѣ?—сказала она.

— Тутъ дѣло вовсе не касается меня!—сердито вскричалъ Джеромъ.—Онъ слѣпнетъ, а эти деньги вылѣчатъ его. Если вы его мать...?

— Не проси другихъ принимать одолженіе, котораго самъ бы не принялъ,—отрѣзала Паулина Марія.

Джеромъ выбѣжалъ изъ комнаты, не сказавъ больше ни слова. На дворѣ онъ увидѣлъ возлѣ себя Адонирама.

— Я хотѣлъ поблагодарить тебя Джеромъ,—зашепталъ онъ. Онъ пощупалъ руку Джерома и пожалъ ее.—Спасибо, спасибо тебѣ, Джеромъ,—повторилъ онъ нѣсколько разъ отрывисто.

— Мнѣ не надо никакой благодарности,—отвѣчалъ Джеромъ.—Не можешь ли ты, дядя, взять эти деньги и заставить Генри отправиться съ тобою въ Бостонъ, посовѣтоваться съ докторомъ, если онъ не хочетъ этого?

— Съ ней ничего не подѣлаешь, Джеромъ, хоть колъ на головѣ теши. Она знаетъ, какъ трудно достались тебѣ эти деньги, и ни за что ихъ не возьметъ у тебя. Ужъ она такая,— не можетъ чужими страданіями облегчать свои, а Генри весь въ нее... въ свою мать.

— Да развѣ ты не можешь уломать ее, дядя Адонирамъ?

— Она не можетъ заставить себя взять ихъ. Но я все таки очень тебѣ признателенъ, Джеромъ.

Адонирамъ повернулся, чтобы уйти.

— Она станетъ дивиться, куда я дѣлся, — пробормоталъ онъ, но Джеромъ задержалъ его.

— Если я начну завтра работу на лѣсопильнѣ,—я не буду въ состояніи ходить за башмаками и относить ихъ въ Дэль, да и въ башмачной дяди Озіаса мнѣ не справиться. Какъ ты думаешь, не взять ли тебѣ часть этой работы?

— Я возьму, если буду здоровъ, какъ сейчасъ, Джеромъ.

— Разумѣется, ты можешь заработать гораздо больше, чѣмъ зарабатываешь теперь,—сказалъ Джеромъ.

На самомъ дѣлѣ онъ пришелъ къ Джеддамъ именно съ этимъ предложеніемъ. Его ужасно радовала мысль объ удовольствіи, которое оно имъ доставитъ, какъ вдругъ передъ нимъ встала возможность оказать имъ болѣе важную услугу...

Онъ сговорился съ Адонирамомъ Джеддомъ, чтобы тотъ пришелъ въ лавку Озіаса на слѣдующее утро; затѣмъ простился съ нимъ и отправился туда самъ.

Изъ окна лавки Озіаса Ламба падалъ длинный лучъ свѣта на поле, на которомъ сухая трава колыхалась подъ вѣтромъ. Отворивъ дверь, Джеромъ остановился, пораженный изумленіемъ: Озіасъ сидѣлъ на своемъ верстакѣ, низко свѣсивъ голову на праздныя руки. Джеромъ заперъ дверь, постоялъ одну минуту въ нерѣшительности, пристально смотря на унылую фигуру своего дяди.

— Что съ тобою, дядя Озіасъ?—спросилъ онъ.

Озіасъ не сказалъ ничего въ отвѣтъ, а только досадливо повелъ плечами.

— Ты боленъ?

Снова Озіасъ какъ будто попытался оттолкнуть его этимъ выразительнымъ движеніемъ своихъ плечь. Джеромъ подошелъ къ нему ближе.

— Дядя Озіасъ, я хочу знать, что съ тобою?—сказалъ онъ и вздрогнулъ, потому что внезапно Озіасъ преподнялъ лицо и посмотрѣлъ на него блуждающими глазами изъ-подъ всклокоченныхъ сѣдыхъ волосъ; ротъ его перекосился отъ дикаго хохота.

— Хочешь знать, такъ, что ли?—закричалъ онъ,—хочешь знать? Ладно, я скажу тебѣ. Смотри на меня хорошенько: я гожусь на позорище. Смотри на меня. Вотъ тебѣ человѣкъ, чуть не семидесяти лѣтъ отъ роду, который не отлынивалъ отъ работы, а трудился какъ каторжный, котораго не считали дуракомъ, который бился, какъ рыба объ ледъ, изъ-за крова да изъ-за куска хлѣба для себя и для жены: только бы имъ обоимъ не подохнуть съ голоду. Не было у него дѣтей; только онъ одинъ да жена, а она довольствовалась крохами. Только бы имъ обоимъ кровъ былъ да сухая корка хлѣба... ничего больше они не добивались; и вотъ, этотъ здоровый мужчина, работавшій какъ волъ... онъ вынужденъ остаться безъ крова. Смотри на него: онъ можетъ служить на позорище умнымъ людямъ и дуракамъ.

Озіасъ захохоталъ.

— Скажешь ли ты толкомъ, дядя Озіасъ, что такое съ тобою?

— Симонъ Бассэтъ собирается завтра прекратить закладную!

Джеромъ недовѣрчиво уставился на своего дядю.

— Что ты говоришь! А я думалъ, что твоихъ заработковъ сполна хватало для взноса процентовъ за послѣдніе годы!—сказалъ онъ.

— Тутъ приходилось платить не одни теперешніе проценты, тутъ были проценты за прежніе годы, да и налоговъ я не успѣвалъ вносить въ срокъ, да еще тутъ случился старый долгъ доктору за то время, когда у меня была горячка; да это еще не все... я никогда не говорилъ объ этомъ ни тебѣ, ни одной живой душѣ: я имѣлъ глупость нѣсколько лѣтъ тому назадъ поручиться за Джорджа Генри Грина, что живетъ въ Уэстбрукѣ. Онъ пришелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ, говорилъ, что ему приходится пропадать съ женою и дѣтьми; ему нужны были эти деньги до зарѣзу, а поручителя онъ не могъ себѣ найти. Я потерялъ эту сумму до послѣдняго цента. Весь мой заработокъ ушелъ на уплату этихъ денегъ, и даже процентовъ я не могъ внести... Я зналъ, что это должно было случиться, рано или поздно.

— А сколько процентовъ долженъ ты?—спросилъ Джеромъ какимъ-то глухимъ голосомъ. Онъ былъ страшно блѣденъ.

— Двѣсти семьдесятъ долларовъ... по двѣнадцати процентовъ.

— И ты не можешь достать эту сумму?

— Это все равно, какъ если бы я вздумалъ достать луну.

— Ну я могу достать ее тебѣ,—сказалъ Джеромъ.

— Ты?

— Ну да, я.

Дядя посмотрѣлъ на него своими острыми, проницательными глазами; затѣмъ у него изъ груди вырвался какой-то хриплый звукъ, не то рыданіе, не то кашель.

— Лишить тебя этихъ денегъ, которыя ты откладывалъ на постройку лѣсопильни! Да мы скорѣе согласны жить подъ открытымъ небомъ!—вскричалъ онъ.

— У меня отложено гораздо больше двухъ сотъ семидесяти долларовъ.

— Тебѣ нужны всѣ деньги до чиста для твоей лѣсопильни. Объ этомъ не стоитъ говорить.

— Нужны были бы, если бъ я собирался ее строить, но я еще не собираюсь,—возразилъ Джеромъ.

— Это что же значитъ? Развѣ ты не собираешься ставить ее съ завтрашняго дня?

— Нѣтъ, я рѣшилъ повременить.

— По какой причинѣ, желалъ бы я знать?

— Хочу подождать, авось Дэльская желѣзная дорога пройдетъ поближе. Построй я лѣсопильню теперь, у меня будетъ очень мало работы, а мнѣ вовсе не желательно, чтобы моя лѣсопильня стояла безъ дѣла. Вотъ я и намѣренъ повременить немного.

Бѣдняга Озіасъ Ламбъ посмотрѣлъ на него своими живыми старыми глазами, которые, быть можетъ, немного затуманилъ эгоизмъ его тяжкаго горя.

— Ты взаправду думаешь, какъ говоришь, Дж'ромъ?—спросилъ онъ такимъ тономъ, который показывалъ, что ему страстно хотѣлось вѣрить словамъ молодого человѣка.

— Конечно, думаю. Ты можешь взять эти деньги вполнѣ спокойно.

— Я дамъ тебѣ росписку, а въ обезпеченіе ты можешь взять этотъ клочекъ земли и лавку... она не заложена... и я буду платить тебѣ... хорошіе проценты,—сказалъ Озіасъ нерѣшительно.

— Отлично,—отвѣчалъ Джеромъ.

— И...—дрожащимъ голосомъ прибавилъ Озіасъ,—я буду работать день и ночь, я буду воровать... но ты получишь

свои деньги раньше, чѣмъ соберешься ставить свою лѣсопильню.

— Съ этимъ торопиться нечего,—сказалъ Джеромъ, засмѣявшись дѣтски яснымъ смѣхомъ.

— Я заходилъ вечеромъ къ дядѣ Адонираму,—прибавилъ Джеромъ,—и просилъ его зайти сюда завтра на подмогу съ этой массой башмаковъ. А я долженъ покончить съ предложеніемъ, которое получилъ недавно: порубить дровъ въ долѣ съ хозяиномъ лѣса. Мнѣ кажется, дѣло это принесетъ мнѣ хорошія деньги, да и башмачная работа ужъ мнѣ порядкомъ надоѣла. Не худо на время перемѣнить занятіе.

— Ты никогда не былъ созданъ башмачникомъ,—замѣтилъ его дядя.

XIV.

Джеромъ объяснилъ и своей матери совершенно то же, что Озіасу, относительно отсрочки постройки своей лѣсопильни.

— Удивительно странно, что ты узналъ объ этомъ только наканунѣ того дня, когда собирался приняться за дѣло,—замѣтила Эннъ, но и у нея не явилось никакого подозрѣнія.

Что касается до Эльмиры, она не интересовалась ни лѣсопильней и ничѣмъ другимъ: она все прихварыввала. Всякій день ее била лихорадка, всѣ члены и спина ея ныли, отъ утомленія она почти не могла двигаться. И вотъ, разъ вечеромъ пришелъ Лаурэнсъ, а часъ спустя явился его отецъ. Онъ вошелъ въ домъ прямо, не постучавшись. Миссисъ Эдвардсъ уже легла спать, а Джерома не было дома.

Лаурэнсъ сидѣлъ на диванѣ съ Эльмирою, обнявъ рукою ея станъ. Онъ всталъ вмѣстѣ съ нею, не отпуская ее изъ своего объятія и смѣло смотрѣлъ въ лицо отца. Никогда Эльмира не могла забыть холоднаго и гнѣвнаго, но прекраснаго лица стараго доктора.

— Отецъ, вотъ та дѣвушка, на которой я хочу жениться,—произнесъ, наконецъ, Лаурэнсъ съ гордо-вызывающимъ видомъ.

— Очень хорошо,—отвѣчалъ докторъ;—но, если ты женишься на ней, то не жди отъ меня ни одного пенни ни теперь, ни послѣ. У тебя будетъ только то, что принесетъ тебѣ твоя жена.

— Я самъ въ состояніи содержать свою жену, — возразилъ Лауренсъ съ такимъ взглядомъ, который былъ отраженіемъ взгляда его отца.

— Ты въ состояніи содержать ее за счетъ практики твоего отца, который самъ далъ тебѣ эту возможность,—сказалъ докторъ мягкимъ тономъ. — Желаю вамъ обоимъ добраго вечера.

Ты можешь придти, сынокъ, домой не позже получаса, иначе найдешь дверь запертою.

Съ этими словами докторъ удалился. Послышался скрипъ колесъ, въ окно мелькнулъ свѣтъ отъ фонаря, а затѣмъ стукъ и топотъ копытъ.

Эльмира выказала рѣшимость, удивившую Лаурэнса: она прогнала его, несмотря на всѣ его просьбы и увѣренія.

— Все между нами кончено, если ты не уйдешь сейчасъ же... сейчасъ! — сказала она съ непонятной истерической силою, которая испугала его.

— Эльмира, ты знаешь, я останусь вѣренъ тебѣ! не посмотрю ни на отца, ни на цѣлый міръ, — торжественно клялся Лауренсъ; но онъ все таки ушелъ, по ея настоятельному требованію.

На слѣдующій день Эльмира написала ему письмо, въ которомъ возвращала ему его слово. Отправивъ это письмо, она просидѣла за работою нѣсколькими часами долѣе обыкновеннаго, а ночью у нея открылась сильнѣйшая горячка.

Лауренсъ пришелъ, но она не знала объ этомъ. Онъ отправился на верхъ съ Джеромомъ и нашелъ Эльмиру въ бреду. Это, повидимому, совсѣмъ лишило его разсудка. Вечеромъ у Лаурэнса произошло бурное объясненіе съ отцомъ. Онъ ворвался къ нему въ его пріемный кабинетъ и жестоко укорялъ въ лицо.

— Ты почти убилъ ее; она лежитъ въ горячкѣ. Если она останется жива, я непремѣнно женюсь на ней! — кричалъ онъ на весь домъ.

Докторъ былъ въ эту минуту занятъ толченіемъ въ ступкѣ какихъ то лѣкарственныхъ снадобій. Онъ опустилъ пестикъ съ глухимъ звукомъ и отвѣтилъ сыну, не глядя на него:

— Женись или не женись на ней, это какъ тебѣ будетъ угодно, сынокъ. Я не запрещалъ тебѣ. Я только поставилъ тебѣ условія, насколько это дѣло касается меня.

Эльмира прохворала нѣсколько недѣль; Лаурэнсъ ходилъ дома, какъ тѣнь, мать его и Паулина Марія ухаживали за больною, потому что миссисъ Эдвардсъ не была въ состояніи этого дѣлать. Извѣстно-ли мистеру Прэскотту, что жена его ухаживаетъ за молодою дѣвушкою, этого ни Лаурэнсъ, ни его мать не могли отгадать. Онъ не заикнулся по этому предмету и не сказалъ больше Лаурэнсу ни слова о его похожденіяхъ.

Была уже почти весна, когда Эльмира совершенно оправилась отъ своей болѣзни. Послѣдняя стоила такъ дорого, что Джеромъ снова отложилъ постройку своей лѣсопильни до осени и работалъ еще усерднѣе, чѣмъ когда либо. Лѣтомъ онъ попробовалъ заняться разведеніемъ для продажи нѣкоторыхъ цѣнныхъ травъ — душистаго чабера, маіорана и тмина. Эльмира

помогала ему. Склоняясь надъ грядою пахучихъ травъ, она чувствовала, какъ стихали неугомонныя волненія ея молодой, страстной натуры. Несмотря на горячія мольбы Лаурэнса, она оставалась вѣрна своему рѣшенію. Онъ отстранился, не понимая ея поведенія, почти разсерженный на нее, но она была тверда...

— Я знаю, для чего ты такъ надрываешься надъ работою,— сказала она разъ Джерому, устремивъ на него взглядъ полный страстнаго любопытства.

— Я и всегда работалъ усердно,— уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Ну да, ты работалъ усердно, а теперь работаешь до надрыва. Джеромъ Эдвардсъ, ты, можетъ, думаешь жениться на ней, если у тебя будетъ хорошій заработокъ?

Джеромъ покраснѣлъ, но безъ смущенія встрѣтилъ взглядъ сестры.

— А что, если я въ самомъ дѣлѣ это думаю?—сказалъ онъ.

— Охъ, Джеромъ, едва-ли это поведетъ тебя къ желанному концу!.. неужели ты думаешь, что она пойдетъ за тебя?— воскликнула Эльмира съ какою-то недовѣрчивою жалостью къ брату.

— Я знаю, что пойдетъ.

— Она сказала... что станетъ ждать? О, Джеромъ!

— Неужели ты думаешь, что я сталъ бы связывать ее обѣщаніемъ ждать?

— А тебя не страшитъ, что она можетъ обратить свое вниманіе на кого нибудь другого? Скажи мнѣ, Джеромъ?—Эльмира задавала ему свои вопросы съ лихорадочною живостью, которая ставила его въ тупикъ.

— Она не такая,—отвѣчалъ онъ.

Эннъ вполнѣ одобряла рѣшеніе своей дочери отказать жениху послѣ открыто выраженнаго неудовольствія его отца.

— Сдается мнѣ, у доктора Прэскотта на примѣтѣ другая рыба,—говорила она.—Ну, что жъ, коли мы для нихъ не пара, такъ и мы ихъ знать не хотимъ.

Въ сентябрѣ Джеромъ принялся за свою лѣсопильню, а въ началѣ весны лѣсопильня шла уже полнымъ ходомъ. Планъ желѣзной дороги черезъ Дэль былъ готовъ, работы должны были начаться слѣдующей осенью, и Джеромъ получилъ контрактъ на поставку шпалъ. Снова ему хотѣлось бѣжать къ Люцинѣ и разсказать ей о свой удачѣ и снова онъ рѣшился обождать.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы для насъ строили желѣзныя дороги каждый годъ,—сказалъ онъ работнику, котораго нанялъ въ помощь себѣ. Это былъ пожилой человѣкъ изъ Гранби, владѣвшій тамъ лѣсопильней, которую продалъ три года назадъ.

У него лежала кругленькая сумма въ банкѣ, и добрые люди дивились, что онъ снова вздумалъ идти въ работники.

— Признаться, я уже три года назадъ хотѣлъ пошабашить,— сказалъ онъ Джерому, когда тотъ нанималъ его.—Я продалъ свою лѣсопильню на пятьдесятъ долларовъ дороже, чѣмъ надѣялся, и этотъ излишекъ потратилъ на разныя бездѣлушки для матери. Я купилъ диванъ, да мягкое кресло-качалку, да новый обѣденный сервизъ, да чайныхъ ложечекъ, да сѣтокъ для оконъ отъ мухъ въ лѣтнюю пору. «Ну, матушка,—говорю ей,—теперь будемъ по цѣлымъ днямъ лежать да нѣжиться, да качаться, да ѣсть нашими новыми ложками, да не пускать въ комнаты мухъ. Такъ и проведемъ съ тобой остатокъ нашихъ дней». А мать, смотрю, совсѣмъ пригорюнилась. «Чего тебѣ?»—спрашиваю ее.—«А ничего,—говоритъ,—только вспомнился мнѣ твой покойный отецъ: когда бросилъ работу,—недолго и прожилъ». Это заставило меня задуматься. «Когда такъ, говорю, то вѣдь жизнь мнѣ еще не надоѣла. Стану работать!»

Человѣкъ этотъ, по имени Мартинъ Чизманъ, былъ сѣдъ, какъ лунь, но работа кипѣла у него въ рукахъ. Онъ былъ широкоплечъ и коренастъ, словно старый медвѣдь, и крѣпостью походилъ на тѣ старыя деревья, которыя онъ распиливалъ.

Въ одно послѣполуденное время, когда лѣсопильня уже работала около двухъ мѣсяцевъ, сквайръ Ибнъ Мерриттъ, Джонъ Дженнингсъ и полковникъ Ламзонъ появились изъ лѣсной чащи на полянѣ. Сквайръ несъ свою лесу и размахивалъ вязкой великолѣпной форели. У Джона Дженнингса была подъ мышкой книга.

Когда они вышли на поляну, полковникъ присѣлъ на пень и отеръ платкомъ свое потное, красное лицо. Жилы на лбу и шеѣ налились у него и побагровѣли, дышалъ онъ тяжело. Джонъ Дженнингсъ остановился и смотрѣлъ тревожнымъ взглядомъ на полковника. Сквайръ зашелъ въ лѣсопильню, гдѣ работалъ Джеромъ.

Мартинъ Чизманъ былъ на дворѣ. Онъ состругивалъ съ бревенъ послѣднія вѣточки, прежде чѣмъ бревна эти поступали въ лѣсопильню для распилки на шпалы. Шляпа старика потеряла поля свои и сидѣла у него на головѣ на подобіе короны; нѣсколько листьевъ запуталось въ его сѣдой, косматой шевелюрѣ и въ бородѣ. Его волосатыя, шаршавыя руки были обнажены до плечъ, онъ энергично работалъ топоромъ, а ротъ и лицо его кривились при каждомъ ударѣ. Вся поляна походила на бранное поле. На ней виднѣлись изувѣченные пни огромныхъ каштановъ и ихъ безжизненныя вѣтви и стволы крыли ее, точно трупы.

А кругомъ стояли зеленые кусты со свѣжей листвой и цѣлыя облака бѣлыхъ цвѣтовъ боярышника разносили въ мяг-

комъ дуновенiи вѣтра все новые и новые потоки благоуханiй.

Однако вся эта благоухающая свѣжесть терялась здѣсь, заглушаемая острымъ запахомъ смерти, который распространяли каштановыя деревья изъ своихъ свѣжихъ порѣзовъ и заболони. Пѣнiе и щебетъ весеннихъ пташекъ замирали въ шумномъ визгѣ лѣсопильни. Даже клокочущiй рокотъ рѣчки терялся въ этомъ визгѣ, и только слышался оглушительный ревъ воды надъ плотиной.

Сквайръ вышелъ изъ лѣсопильни, куда онъ заходилъ пожелать успѣха Джерому, и остановился возлѣ Мартина Чизмана.

— Великiй Боже — воскликнулъ онъ, — какъ подумаешь сколько труда употребили эти деревья, чтобы вырости, какую борьбу вынесли они за свое существованiе... но вотъ, приходитъ человѣкъ съ топоромъ и въ одно мгновенiе разрушаетъ то, чего ему во вѣки вѣковъ не создать, не возстановить! Что скажешь объ этомъ, прiятель, э?

Мартинъ Чизманъ взглянулъ на сквайра своими острыми, блестящими глазами.

— Что жъ — отвѣчалъ онъ, — мы повернемъ ихъ въ желѣзнодорожныя шпалы. Я полагаю, сама природа бережетъ ихъ для чего нибудь въ этомъ родѣ.

— Ну, а какъ ты полагаешь, каково отъ этого дереву? — съ жаромъ произнесъ сквайръ.

— Я не дерево, и сколько себя помню, никогда деревомъ не былъ. Поэтому я не состоянiи судить объ этомъ, — сухо отвѣчалъ старикъ, — но, ежели судить объ этомъ вообще, то дереву обратиться въ шпалу не труднѣе, чѣмъ человѣку въ ангела.

Джонъ Дженнингсъ разсмѣялся.

— Изъ тебя, братецъ, вышелъ бы знатный адвокатъ, — добродушно замѣтилъ сквайръ, — но, чортъ возьми! если бы всѣ деревья на свѣтѣ были мои, людямъ пришлось бы жить до второго пришествiя въ палаткахъ и обходиться безъ желѣзныхъ дорогъ.

Полковникъ и Дженнингсъ поклонились Джерому и громко привѣтствовали его, проходя мимо лѣсопильни. Онъ не могъ выйти къ нимъ, — у него сегодня работалъ сверхкомплектный мастеровой и онъ съ ранняго утра подбрасывалъ полѣнья для распилки, — но онъ обратилъ къ нимъ лицо, сiяющее радостью изъ своей шумной мастерской, которая была сплошь завалена свѣжими досками и опилками.

Джерому было прiятно дружеское вниманiе сквайра.

— Умный парень, — произнесъ, тяжело дыша, полковникъ, когда они миновали лѣсопильню.

— Да, онъ самый умный малый во всемъ этомъ городѣ, — согласился сквайръ съ энтузiазмомъ.

— Послушай, Ибнъ, — сказалъ неожиданно полковникъ, когда Дженнингъ распрощался съ ними,—помнишь ты разговоръ нашъ относительно Джерома Эдвардса и твоей дочери?

Сквайръ съ удивленіемъ уставился на него.

— Боже мой, Джэкъ, все это давно кончено! Уже цѣлый годъ, какъ онъ не показываетъ къ намъ носу, а Люцина ни разу о немъ не вспомнила!

Полковникъ Ламзонъ чуть не задохнулся отъ смѣха.

— Ну, это все, что я хотѣлъ знать, Ибнъ.

— Почему ты спросилъ объ этомъ?—подозрительно освѣдомился сквайръ.

— Да просто такъ. Увидалъ лѣсопильню и Джерома... Ну, я приду къ тебѣ вечеромъ.

— Все это кончено,—крикнулъ еще разъ сквайръ въ догонку полковнику, который медленно поднимался на пригорокъ къ своему дому. Однако, придя домой, сквайръ сталъ разспрашивать Абигэйль.

Въ этотъ вечеръ сквайръ ожидалъ своихъ друзей. Первымъ явился Дженнингсъ; послѣ него скоро пришли Минзъ и Ламзонъ. У обоихъ былъ необычайно возбужденный и торжественно-радостный видъ.

Когда друзья засѣли за карточный столъ, полковникъ привелъ всѣхъ партнеровъ въ замѣшательство своей разсѣянностію.

— Чортъ возьми, Джэкъ, вотъ ужъ третій разъ ты сбрасываешь фигуру!—загремѣлъ, наконецъ, сквайръ.—Пуншъ, что-ли, ударилъ тебѣ въ голову?

— Нѣтъ, Ибнъ,—отвѣчалъ полковникъ хриплымъ голосомъ, съ торжественными ораторскими пріемами, словно собирался говорить рѣчь на митингѣ.—Пуншъ тутъ не причемъ. Пуншъ— мой старый знакомый. Тутъ деньги. Я только что получилъ письмо, что... что старыя акціи, купленныя мною, когда я служилъ, и которыя я считалъ почти ничего нестоющими, проданы за шестьдесятъ пять тысячъ долларовъ.

XII.

На слѣдующей недѣлѣ полковникъ Ламзонъ отправился въ Бостонъ и взялъ съ собою своего друга, Джона Дженнингса. Никогда никто не зналъ, была-ли эта поѣздка исключительно дѣлового характера или же совершалась съ цѣлью отпраздновать неожиданное богатство.

Обитатели Эпгамскаго Захолустья опасались, какъ бы Джонъ Дженнингсъ и полковникъ Ламзонъ не вернулись на старости лѣтъ къ буйнымъ привычкамъ своей молодости. «Если они вернутся домой въ своемъ видѣ, живыми, и здоровыми со всѣми

своими деньжищами, это будетъ удивительно» — толковали добрые люди.

Однако, когда черезъ недѣлю полковникъ и его другъ возвратились во свояси, по ихъ внѣшнему виду не было замѣтно ничего такого, что бы оправдывало мрачныя опасенія. Они были точно съ иголочки, оба одѣтые въ платье моднаго покроя, изъ дорогого сукна, которое блестѣло, какъ зеркало, оба въ шелковыхъ цилиндрахъ, придававшихъ имъ видъ чистокровныхъ лондонскихъ дэнди. Кромѣ того, на груди рубашки у Джона Дженнингса, изъ тончайшаго полотна, красовалась новая брилльянтовая булавка, а полковникъ выступалъ величаво, размахивая великолѣпною тростью съ золотымъ набалдашникомъ.

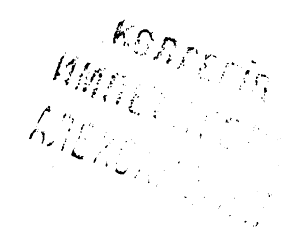
Скоро по деревнѣ разнеслась молва изъ самыхъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ, что экономка стряпчаго, а равно и экономка Джона Дженнингса получили, каждая, въ подарокъ отъ полковника роскошное платье изъ чернаго атласа; что стряпчему онъ привезъ палку съ золотымъ набалдашникомъ, — которую дѣйствительно стряпчій сталъ носить съ собою, держа ее осторожно, словно свертокъ пергамента,—а сквайру ружье въ серебряной оправѣ и такую необыкновенную лесу, которой не видывали еще въ деревнѣ. Когда Люцина Мерриттъ появилась въ церкви у обѣдни послѣ возвращенія полковника, въ ея крошечныхъ ушкахъ, между кудрей, сверкали сережки съ брилльянтами, а на Абигэйль была шаль, которой раньше въ Эпгамѣ никто не видалъ.

Полковникъ весь сіялъ отъ удовольствія; лицо его, когда онъ обращался къ знакомымъ, свѣтилось непритворною дѣтскою радостью.

— Чортъ бы побралъ все это!—говаривалъ онъ, впрочемъ, Минзу,—я бы ходилъ теперь, распустя хвостъ, какъ павлинъ, будь только жива маленькая бѣдняжка, на которой я женился, имѣй я возможность купить ей на эти деньги какую нибудь бездѣлушку! Но... тутъ меня смущаетъ еще и другое, Минзъ...— лицо полковника принимало смѣшанное выраженіе серьезности и юмора,—я купилъ эти бумаги, какъ только женился, а для того, чтобы раздобыть деньжонокъ на ихъ покупку, я влѣзъ по уши въ долги; я заказалъ въ кредитъ новый мундиръ, нѣсколько паръ кавалерійскихъ сапогъ и лошадь. И, будь я проклятъ, если могу сказать навѣрно, что расплатился за нихъ.

Разъ, вскорѣ послѣ этого, Джеромъ, идя на свою лѣсопильню, повстрѣчался у дома Минза съ полковникомъ, который спускался съ пригорка.

— Постойте минуточку,—крикнулъ онъ, и Джеромъ подождалъ, пока онъ не нагналъ его.—Чудесный денекъ,—началъ полковникъ.

Экономическій принципъ въ вопросѣ о происхожденіи искусства.

(Экономическая библіотека. Карлъ Бюхеръ. Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе, эстетическое и экономическое значеніе. Переводъ съ нѣмецкаго И. Иванова, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой).

Небольшая книга Бюхера содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ наблюденій въ области исторіи поэзіи и метрики по преимуществу. Она вноситъ оригинальный взглядъ на развитіе работы, въ качествѣ исторической категоріи, и устанавливаетъ ея генетическую общность съ поэзіей и музыкой, давая, такимъ образомъ, матеріалъ для новаго объясненія ихъ загадочнаго происхожденія. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если, въ виду интересно поставленнаго вопроса и оригинальности выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на содержаніи его книги, тѣмъ болѣе, что своеобразность метода и сравнительная бѣдность подобнаго рода изысканій дѣлаютъ гипотезу нѣмецкаго изслѣдователя цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки.

Изслѣдователи, говоритъ авторъ, различно рѣшали вопросъ объ общественной организаціи работы въ ея исторически измѣняющихся формахъ, но, останавливаясь на моментѣ первоначальнаго появленія работы, они сходились обыкновенно на одномъ предположеніи: они принимали началомъ экономическаго развитія такое состояніе, въ которомъ работа считается чѣмъ-то непріятнымъ или, по меньшей мѣрѣ, тягостнымъ. Слова: πόνος, labor, travail Arbeit обозначали первоначально нужду, тягость, принужденіе, рабство („работа“), что подтверждала и этнографія, отмѣчая выдающейся чертой въ первобытныхъ народахъ ихъ отвращеніе къ труду. Такія соціально-историческія явленія, какъ существованіе разбойничьихъ племенъ, рабство, покупка невѣстъ, обремененіе женщинъ работой на первыхъ ступеняхъ культуры—освѣщались именно съ этой точки зрѣнія. Карлъ Бюхеръ считаетъ такого рода объясненіе неудачнымъ. Если принять его, если допустить, что непреодолимая лѣнь есть древнѣйшее наслѣдіе людей, то какъ, спрашивается, вообще могли они подняться выше существованія животныхъ, собирающихъ

плоды и выкапывающихъ корни? Въ дѣйствительности не работа, но рабство вызывало отвращеніе къ труду, дѣлая въ то же время господствующее сословіе необычайно лѣнивымъ. „Но, насколько свидѣтельствуетъ исторія, мы видимъ повсюду, что оно (экономическое развитіе) начинается состояніемъ, когда господинъ и слуга одинаково принимали участіе въ работѣ, хотя дальнѣйшій ходъ эволюціи предоставилъ все время труда въ удѣлъ послѣдняго, а наслажденіе его плодами—въ удѣлъ перваго“.

Дикарь работаетъ не меньше въ общемъ, чѣмъ культурный человѣкъ, но онъ работаетъ неравномѣрно, отдаваясь настроенію; напряженная же, равномѣрная работа ему непріятна, и онъ избѣгаетъ и боится ея. Его работа вызывается непосредственной потребностью, не ради заработка; въ результатѣ ея лежитъ не только пріобрѣтеніе, но и наслажденіе, тѣмъ болѣе, что она предпринимается имъ добровольно и часто въ размѣрахъ, превышающихъ ближайшую потребность. Но если принять во вниманіе. что она выполняется въ большинствѣ случаевъ самыми первобытными орудіями и самыми тяжелыми пріемами, требующими необыкновеннаго терпѣнія, то придется признать ее въ существѣ утомительной и трудной. Таковы, напримѣръ, чрезвычайно сложные орнаменты татуировки, или долбленіе изъ дерева челноковъ, на что сѣверо-американскій индѣецъ употребляетъ иногда нѣсколько лѣтъ, такъ-что дерево начинаетъ подчасъ гнить прежде, чѣмъ челнокъ будетъ оконченъ. Вотъ тутъ-то зарождается у человѣка стремленіе облегчить себѣ тяжесть работы, уравновѣсить чѣмъ-либо ея непріятную сторону, которая остается за вычетомъ того „стремленія къ дѣятельности“ или „стремленія производить“, удовлетвореніе котораго само по себѣ доставляетъ наслажденіе. Инстинктивно, вмѣстѣ съ послѣдовательно растущимъ навыкомъ, человѣкъ приспособляется въ своей физической работѣ, вообще сводящейся къ произведенію простыхъ мускульныхъ движеній, старается дѣйствовать равномѣрно, раздѣляя процессъ работы на правильные моменты затраты энергіи и отдыха. Каждое такое движеніе тѣмъ скорѣе становится равномѣрнымъ, чѣмъ оно короче; оно состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ элементовъ, болѣе сильнаго и болѣе слабаго, напримѣръ—поднятія и опусканія, отталкиванія и притяженія, растягиванія и натягиванія и т. д. Оно является, такимъ образомъ, расчлененнымъ уже само по себѣ, вслѣдствіе чего правильное повтореніе одинаково сильныхъ и одинаково продолжительныхъ движеній производитъ на насъ впечатлѣніе ритма. Наблюдая какую-нибудь работу,—сѣянье, шитье, жатву, складываніе листовъ въ переплетной, мы замѣчаемъ вездѣ въ равномѣрности движеній стремленіе разложить болѣе сложныя и продолжительныя движенія на болѣе простыя и краткія части, точнѣе приспособить прилагаемую силу къ необходимому запросу на нее. Еще Аристотель подмѣтилъ это

стремленіе и высказалъ ту мысль, что ритмъ присущъ нашей природѣ, обусловленъ ею. Дѣятельность легкихъ и сердца, движеніе ногъ и рукъ при ходьбѣ совершаются, при нормальныхъ условіяхъ, ритмически или проявляютъ стремленіе къ этому, и, вѣроятно, самое регулированіе дыханія вызываетъ необходимость ритмически-однообразныхъ мускульныхъ движеній.

Сопутствующее сознательно или безсознательно представленіе о томъ, что выдерживаніе извѣстной мѣры времени въ движеніи служитъ къ облегченію его, заставляетъ кузнеца, слесаря, жестяника опускать молотъ на металлъ съ равномѣрнымъ тактомъ. Это рабочій ритмъ, несомнѣнно помогающій интенсивности работы, но еще далекій до тоническаго ритма. Послѣдній является лишь тамъ, гдѣ тоны дифференцируются по силѣ и высотѣ или продолжительности. Такъ, размахи косы производятъ шумы различной силы и продолжительности. Бочаръ при набиваніи обручей на бочку производитъ родъ мелодій, а мясникъ можетъ воспроизвести посредствомъ своего большого ножа цѣлый барабанный маршъ. Естественно, что тамъ, гдѣ работа не даетъ настоящаго звукового такта, послѣдній можетъ быть вызванъ искусственными средствами, и тутъ-то прежде всего на помощь является человѣческій голосъ: кто не слыхалъ дружныхъ возгласовъ рабочихъ въ моментъ поднятія бревна или вколачиванія свай? Простѣйшей замѣной человѣческаго голоса является инструментъ, издающій опредѣленный тонъ, въ родѣ малайскаго тамтама или барабана, столь распространеннаго у первобытныхъ народовъ. Работа, музыка и поэзія являются, такимъ образомъ, первоначально въ тѣснѣйшемъ взаимномъ сочетаніи; до сихъ поръ считался общепризнаннымъ тотъ фактъ, что на начальныхъ ступеняхъ поэзія и музыка никогда не возникали отдѣльно другъ отъ друга, поэзія была въ то же время и пѣніемъ, и только въ дальнѣйшемъ развитіи онѣ обособляются въ два родственныя между собою, но и строго замкнутыя по своему содержанію вида искусства. И въ томъ, и въ другомъ видѣ общее прежде всего ритмъ, не заключенный въ природѣ языка, такъ какъ ни одинъ языкъ не строитъ самъ по себѣ словъ и предложеній ритмически, но взятый извнѣ, изъ работы, въ исходной точкѣ эволюціоннаго процесса. Сама по себѣ работа является въ данномъ случаѣ источникомъ и средствомъ распространенія первичной народной поэзіи.

Въ этой тройственности работы, музыки и поэзіи ритмъ является основнымъ и неизмѣннымъ элементомъ, тогда какъ содержаніе музыки и поэзіи, равно какъ и характеръ самой работы могутъ быть до безконечности измѣнчивы. Путешественники съ удивленіемъ отмѣчали легкость импровизаціи у некультурныхъ народовъ, когда по поводу новаго событія создается новый и удачный стихъ или даже куплетъ. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ подобной импровизаціи,—ниже мы остановимся на

одномъ изъ нихъ. Если къ простому, рабочему ритму присоединится человѣческій голосъ, то въ пониженіи и въ повышеніи, удлиненіи или укороченіи звука, ему нужно слѣдовать только звуку самой работы или аккомпанировать ему,—тогда при простѣйшихъ формахъ рабочаго движенія, напримѣръ—колоченіи и толченіи, мы легко отмѣтимъ въ звукахъ человѣческаго голоса ямбъ и трохей, простѣйшіе метры древнихъ. Болѣе сложныя движенія, напримѣръ молота, когда кузнецъ ударяетъ имъ съ силой по раскаленному желѣзу, а затѣмъ дѣлаетъ еще два короткихъ удара по наковальнѣ („заставляетъ пѣть молотъ"), даютъ возможность различить дактиль и анапестъ. Если идти далѣе, въ различныхъ примѣненіяхъ силы отдѣльныхъ рабочихъ можно различать то Creticus, то Bacchius, то Antibacchius. На первый взглядъ здѣсь можетъ быть положено основаніе метрики, но авторъ не думаетъ утверждать, что указанные метры произошли именно такимъ путемъ, а не иначе, изъ другихъ подобныхъ же рабочихъ процессовъ, или шумовъ. Несомнѣнно одно, что какъ только стихосложеніе возникло, какъ понятіе, когда пѣсня отдѣлилась отъ музыки и тѣлеснаго движенія, оно стало развиваться совершенно самостоятельно. Съ другой же стороны, не остается неизмѣннымъ и первоначальное значеніе рабочей пѣсни. При неустановившемся отношеніи дикаго челевѣка къ взаимодѣйствію работы и поэзіи, для него не существуетъ рѣзкой границы между работой, игрой или какой либо иной дѣятельностью; и та и другая у него свободно переходятъ другъ въ друга, и не удивительно поэтому, что рабочая пѣсня часто переносится въ другія жизненныя отношенія, что она служитъ цѣлямъ общественнаго времяпровожденія, цѣлямъ праздничныхъ торжествъ и даже богопочитанія.

Но связь между тѣлесными движеніями и связною рѣчью не скоро порывается, и долгое время пѣсня не можетъ существовать сама по себѣ. Къ ней присоединяютъ рабочія движенія, развивая ихъ ритмически-художественную сторону въ ущербъ хозяйственно-техническому элементу. Идя по этому пути, возникаютъ, параллельно съ процессомъ ассоціированія понятій работы и культа, мимическіе танцы, которые такъ распространены у дикихъ народовъ въ примѣненіи къ служенію богамъ. Вступивъ въ этотъ фазисъ развитія, тѣлодвиженіе, музыка и поэзія,—„естественное порожденіе работы",—подвергается въ дальнѣйшемъ развитіи уже чисто художественнымъ преобразованіямъ, приводящимъ эту отрасль искусства на ту степень высоты, которая требуетъ уже спеціальной подготовки и особыхъ способностей. Является, добавимъ мы, потребность выдѣляться и производить впечатлѣніе на другихъ, и наконецъ на сценѣ появляется актеръ, изобразитель не только рабочаго процесса, но цѣлой судьбы человѣка,—такъ возникаетъ греческая драма. Танцующій и поющій хоръ по прежнему занимаетъ въ ней почетное мѣсто,

но главная роль принадлежитъ уже не ему. Три элемента ритмической работы, сопровождаемой пѣніемъ, въ драмѣ раздѣлились поздно,—уже, какъ извѣстно, въ историческое время, но вполнѣ, говоритъ Бюхеръ, оно нигдѣ не доведено до конца. „Даже въ музыкальной драмѣ Рихарда Вагнера можно указать являющееся вновь сближеніе съ древнѣйшими стадіями этого развитія, которое здѣсь можно назвать „возрожденіемъ", такъ какъ оно требуетъ ритмическаго строя движеній драматическихъ пѣвцовъ".

Прошелъ долгій промежутокъ времени, прежде чѣмъ лирическая и эпическая поэзія достигла извѣстной самостоятельности: прочно установленный текстъ явился не сразу,—вначалѣ каждая пѣсня была импровизаціей къ моменту и случаю, и мелодія становится самостоятельной единицей гораздо раньше стихотворенія, пѣсеннаго текста. Мелодія начинаетъ существовать отдѣльно, полагая начало музыкѣ и вызывая необходимость усовершенствованія музыкальныхъ инструментовъ отъ первобытныхъ барабана, бубна, трещетки, хлопушки и т. д., и до настоящаго времени удовлетворяющихъ музыкальнымъ потребностямъ нѣкоторыхъ дикихъ народовъ. Независимое развитіе стихотворенія приводитъ, послѣ цѣлаго ряда измѣненій, къ лирикѣ и позже къ этикѣ. Тогда какъ лирическая поэзія тѣсно связана въ своемъ развитіи съ плясовой пѣсней и пѣніемъ вообще, рабочая эпическая пѣсня вполнѣ свободна отъ тѣлодвиженія; „сомнительно даже, чтобы онѣ когда либо находились съ нимъ въ такой тѣсной связи, какъ драматическія и лирическія пѣсни".

Что касается вопроса о томъ, какіе виды работы соотвѣтвѣтствуютъ возникновенію тѣхъ или другихъ поэтическихъ видовъ, то авторъ различаетъ здѣсь три вида работы: 1) одиночная и совмѣстная, 2) работа съ перемѣннымъ тактомъ и 3) работа съ равнымъ тактомъ. Изъ приводимыхъ примѣровъ особенно интересна одна пѣсня, записанная подъ диктовку корейцевъ—рабочихъ во французскомъ коммисаріатѣ въ Сеулѣ. Приведемъ изъ нея отрывки:

„День длиненъ, и очень жарко; время отдыха еще далеко; мы не чувствуемъ въ себѣ болѣе силъ; мы испытываемъ голодъ. Какъ мы докончимъ нашъ рабочій день?

„Станемъ бить проворно и быстро подымать палки, чтобы утоптать землю!

O o, y ri, hei hei ya!
Ha ha, hei yo, hei hei!

„Если въ этотъ вечеръ получимъ 50 сабековъ, мы купимъ рису, дровъ, масла и табаку; потомъ у насъ не останется ни одного сабека на покупку приправы къ рису. Что намъ тогда дѣлать? Что бы тамъ ни было, мы должны поднимать палки и крѣпко колотить...

„Когда листья бамбука колеблются вѣтромъ, кажется, будто слышенъ шумъ стотысячной толпы людей.

„Цвѣты кувшинки, орошенные дождемъ, такъ прекрасны, какъ три тысячи королевскихъ рабынь, когда онѣ купаются...

„Тамъ внизу есть камень, съ котораго Кангъ-Хтаи-Конгъ ловилъ рыбу. Въ продолженіе первыхъ двадцати четырехъ лѣтъ своей жизни онъ жилъ въ бѣдности: каждый день носилъ онъ на головѣ травяную шляпу и свѣшивалъ въ воду свою удочку, у которой не было ни лесы, ни крючка; такъ ожидалъ онъ прибытія императора Мунъ-Ранга. Мы, напротивъ, должны работать и тоже ждать.

„Послѣдній годъ стояла хорошая погода, жатва была богатая: дождь падалъ какъ-разъ во время, и вѣтеръ былъ благопріятный. И этотъ годъ также долженъ быть хорошъ. Если же жатва будетъ удачна, мы станемъ ѣсть досыта, и чрева наши наполнятся; наше тѣло мы станемъ держать въ теплѣ и будемъ вполнѣ счастливы.

„Давайте же общими силами уколачивать и поднимать палки; станемъ крѣпко и проворно колотить...

„Ѣсть овощи, пить свѣжую воду, спать, положивъ голову на руку, это—преимущества большихъ господъ, то есть счастливыхъ людей, которые не работаютъ и могутъ ѣсть, пить и спатв, когда имъ вздумается. Поэтому давайте ѣсть овощи, пить воду и уколачивать землю,—это доставитъ намъ деньги, и мы будемъ такими же большими господами. Поднимемъ же палки и смѣло ударимъ ими...

„Мы зарабатываемъ только два съ половиной кандарина въ день: можно ли этимъ прокормить семью?

O o, hei hei ya!

Когда насъ родители воспитывали,

Hei, hei y ri,—

они заставляли насъ учить китайскія буквы въ надеждѣ, что современемъ мы станемъ чиновниками. Вѣдь учили насъ каждый день, но у насъ не было способностей, и ученье не принесло намъ никакой пользы,

Hei, hei y ri!

такъ стали мы рабочими и продаемъ наши пѣсни за 50 полныхъ сабековъ—

Hei, hei y ri, hei ya!..

„Вечеромъ, когда мы получимъ $2^1/_2$ кандарина, пойдемъ ли мы въ кабакъ или нѣтъ?

„Это было бы настоящимъ мотовствомъ; нельзя объ этомъ и думать,—мы должны свои деньги удержать для нашего хозяйства" и т. д.

Объ этой пѣснѣ можно сказать то же, что Бюхеръ замѣ-

чаетъ о мельничныхъ пѣсняхъ вообще: она дѣйствительно связана съ положеніемъ рабочаго и вполнѣ является выраженіемъ его міросозерцанія и чувствъ, не имѣя ничего общаго съ произведеніями современной „золотообрѣзной“, по его выраженію, лирики на аналогичныя темы.

Не соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ политической экономіи, которое видитъ въ каждой однообразной работѣ трудъ, „изнуряющій“, даже „убивающій духъ“, авторъ считаетъ однообразіе работы благодѣтельнымъ для человѣка, „насколько онъ самъ опредѣляетъ темпъ своихъ тѣлодвиженій и можетъ прекращать ихъ по желанію“. Лишь такое однообразіе, говоритъ онъ, устанавливаетъ ритмически-автоматическій строй работы, дающій самъ по себѣ удовлетвореніе, такъ какъ онъ оставляетъ духъ свободнымъ и предоставляетъ просторъ воображенію. Съ этой точки зрѣнія рабочій ритмъ и пѣніе являются не только важнымъ вспомогательнымъ средствомъ при возникновеніи и первомъ развитіи работы, въ современномъ народно-хозяйственномъ смыслѣ, но имѣютъ извѣстное значеніе и при первыхъ опытахъ объединяющей организаціи работы; значеніе, понятно, постепенно умалявшееся съ изобрѣтеніемъ лучшихъ рабочихъ инструментовъ и съ увеличеніемъ въ рукахъ человѣка средствъ для подчиненія силъ природы: рычагъ, клинъ, блокъ, винтъ и т. д. сняли съ плечъ человѣка огромную рабочую тяжесть.

Машины не сразу исключили ритмическій строй совершавшихся, съ помощью ихъ, работъ, и старѣйшія изъ нихъ сами имѣли ритмическій ходъ, замѣняя собой правильныя движенія ручной кисти или руки при прежнихъ рабочихъ процессахъ. Но усовершенствованіе машинъ вноситъ новый рабочій ритмъ, не совпадающій съ естественнымъ. „Работающій человѣкъ уже не господинъ своихъ движеній; орудіе, его слуга, дополненіе къ членамъ его тѣла, становится теперь его господиномъ; оно диктуетъ ему размѣръ его движеній. Темпъ и продолжительность работы уже внѣ его воли; онъ прикованъ къ мертвому, но въ то же время и живому механизму“.

Трескъ колесъ, шумъ быстро движущихся ремней и весь фабричный гулъ гнетущей массой неопредѣленныхъ звуковъ заглушаетъ человѣческій голосъ, и рабочая пѣсня исчезаетъ изъ фабричныхъ залъ. Но тамъ, гдѣ она могла бы имѣть мѣсто, она являлась бы не только пріятнымъ, но и полезнымъ элементомъ Авторъ приводитъ мнѣніе П. Шнейдера, еще въ 1835 г. высказавшаго увѣренность, что умнымъ и внимательнымъ примѣненіемъ ритмической силы могла бы быть выгадана четвертая часть работы при большинствѣ предпріятій; какъ напримѣръ: при устройствѣ дорогъ, гидравлическихъ сооруженіяхъ, гражданскихъ и военныхъ постройкахъ, тканьѣ всякаго рода, въ горномъ дѣлѣ, выпариваніи соли и сахару, обработкѣ желѣза, стеклянной, фаян-

совой и табачной фабрикацiи и т. д. Указывая на то, что искусство и техника, въ своемъ профессiональномъ развитiи, идутъ теперь совершенно различными путями, К. Бюхеръ склоненъ видѣть въ этой розни причину того обстоятельства, что жизнь каждаго стала бѣднѣе въ духовномъ отношенiи, скучнѣе, работа перестала быть вмѣстѣ съ тѣмъ музыкой и поэзiей, производство для рынка уже не приноситъ рабочему личнаго почета и славы, и само искусство идетъ на рынокъ за заработкомъ. „Но при этомъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что этотъ процессъ развитiя далъ человѣчеству. Техника и искусство, путемъ дифференцированiя и раздѣленiя труда, достигли гигантскихъ размѣровъ производительности; трудъ сталъ продуктивнѣе, хозяйственныя блага—обильнѣе. Не слѣдуетъ терять надежду—говоритъ въ заключительной фразѣ авторъ—на возможность соединенiя техники и искусства въ томъ высшемъ ритмическомъ единствѣ, которое снова вернетъ духу счастливую веселость, а тѣлу гармоническое развитiе, какими отличаются лучшiе изъ дикихъ народовъ".

Мы изложили въ общихъ чертахъ содержанiе интересной книги К. Бюхнера, не вдаваясь въ подробности. Уже изъ этого изложенiя читатель можетъ видѣть основную цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ въ этомъ трудѣ: въ ритмѣ онъ видитъ главнымъ образомъ „скрытую силу, которая оказывала свое дѣйствiе въ хозяйственномъ и соцiальномъ развитiи человѣчества въ теченiе цѣлыхъ тысячелѣтiй". Изслѣдователь пользуется методомъ, столь излюбленнымъ соцiологами послѣднихъ десятилѣтiй, и свои заключенiя основываетъ въ значительной степени на наблюденiяхъ надъ жизнью дикихъ народовъ. Съ одной стороны признавая, что „мы слишкомъ чужды и внѣшней и внутренней жизни дикаго человѣка", онъ не ожидаетъ, чтобы эта первая попытка была удачной во всѣхъ отношенiяхъ; съ другой стороны, онъ совершенно не считается съ данными, добытыми психо-физiологическими опытами Вундта и только вскользь упоминаетъ о нихъ. „Прежде всего, какъ кажется, отъ насъ, говоритъ авторъ, еще совершенно скрыта связь, соединяющая между собой психическiя и органическiя дѣйствiя ритма". Эта связь составляетъ альфу и омегу психо-физiологiи, да и не одной этой науки, и едва ли возможно, опираясь на этотъ аргументъ, устранить изъ поля зрѣнiя частные результаты изслѣдованiй нѣмецкаго психолога и его школы. Психическая природа ритма, благодаря этому отчасти, является недостаточно обслѣдованной въ этой книгѣ, наиболѣе сильную сторону которой составляетъ изученiе и систематизацiя по ритмическимъ группамъ разнообразныхъ процессовъ работы.

Авторъ слишкомъ категориченъ, какъ намъ кажется, въ вопросѣ о происхожденiи поэзiи и музыки, придавая столь исключительное значенiе работѣ на первоначальной ступени развитiя

этихъ искусствъ. Что ритмическія движенія содѣйствуютъ облегченію работы и сберегаютъ нѣкоторое количество энергіи, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, но что самый принципъ работы, труда, мало сознается дикаремъ, и работа, благодаря этому, легко переходитъ у него въ игру, съ этимъ положительно нельзя согласиться. Дикарь, цѣлыми годами долбящій дерево, чтобы сдѣлать изъ него челнокъ, не смотритъ на свой тяжелый и утомительный трудъ какъ на игру; не игрой является и утрамбовыванье мостовой корейцами, которые жалуются въ своей затѣйливой импровизаціи на то, что „время отдыха еще далеко", что они не чувствуютъ въ себѣ болѣе силъ и не знаютъ, какъ докончатъ рабочій день. Могутъ возразить, что это поздняя, современная почти пѣсня, но развѣ этотъ же мотивъ не могъ лечь въ основу рабочей пѣсни за двѣ тысячи лѣтъ назадъ? Рабство гораздо древнѣе самыхъ первоначальныхъ датъ человѣческой хронологіи, и неравномѣрное распредѣленіе жизненныхъ благъ всегда сказывалось въ поэтическомъ сознаніи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ мотивами однороднаго и вполнѣ опредѣленнаго свойства. Игра, изображающая рабочій процессъ, является уже слѣдующей ступенью въ развитіи человѣка, до того времени умѣвшаго только тяжелымъ трудомъ добыть себѣ пищу и защититься отъ враговъ; потребность въ ней, какъ и во всякой другой игрѣ, возникаетъ лишь послѣ того, какъ работа закончена, и обусловливается она разнообразными соціологическими и индивидуальными психологическими побужденіями. Этотъ вопросъ не разъ съ большой убѣдительностью трактовался въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по искусству и антропологіи, и мы на немъ останавливаться не будемъ. Позволимъ себѣ не согласиться на основаніи вышесказаннаго съ тѣмъ мнѣніемъ автора, что „требованія" дикаго человѣка въ отношеніи игры и работы—„неустойчивы", почему „для него не существуетъ рѣзкаго раздѣленія между работой и игрой или какой-либо иной дѣятельностью (?)" и что, поэтому, „мы не должны удивляться, что рабочая пѣсня переносится на другія жизненныя отношенія". Различіе между игрой и всякаго рода другой дѣятельностью понятно даже животнымъ, что особенно замѣтно, напримѣръ, на собакахъ, а если игра и работа, по своему назначенію и существу, рѣзко разграничены между собою, то скорѣе возможно предположить, исходя изъ эстетическаго принципа, положеннаго въ основу игры и поэзіи, что не рабочая пѣсня переносилась на игру, въ смыслѣ „общественнаго времяпровожденія", или въ культъ, а наоборотъ, изъ игры или культа пѣсня распространялась на работу, приспособлялась къ ней и взаимно содѣйствовала установленію ритмически-правильныхъ движеній.

Затѣмъ, если ритмъ лежитъ въ нашей природѣ, если онъ прежде всего проявляетъ себя физіологически въ дѣятельности

легкихъ и сердца, то человѣку съ перваго же момента его существованія должно быть присуще инстинктивное стремленіе примѣнить ритмъ къ тому разряду однообразныхъ движеній, которыя предстоитъ ему совершать въ огромномъ количествѣ,—къ ходьбѣ, затѣмъ бѣгу, скачкамъ. Отъ ритмически совершающагося бѣга, отъ періодическихъ скачковъ, допустимъ, въ первобытной игрѣ, до пляски, являющейся выраженіемъ удовольствія и сопровождаемой радостными возгласами, независимо отъ степени ихъ выразительности, — только одинъ шагъ, и ужъ во всякомъ случаѣ гораздо меньшее разстояніе, чѣмъ до ручной мельницы или работы на веслахъ. И если добавить, что параллельно съ развитіемъ навыковъ въ ритмически-правильной ходьбѣ и бѣгѣ совершалось развитіе голоса, эстетическихъ и религіозныхъ представленій, то придется допустить, что пляска стояла гораздо ближе къ поэзіи и музыкѣ, если только на первоначальной ступени не сливалась съ ними, чѣмъ къ работѣ при помощи какого бы то ни было первобытнаго снаряда. По мнѣнію Лудвига Якобовскаго (Die Anfänge der Poesie, Dresden, 1891) древнѣйшей формой поэзіи была лирика, именно лирика голода и любви, когда человѣческое „я“ всецѣло поглощало его духовные интересы, затѣмъ явился эпосъ и позже драма, когда человѣкъ сталъ вести діалоги со „вторымъ я“, съ женою, слѣдовательно, въ позднюю сравнительно эпоху.

А. Н. Пыпинъ въ третьемъ томѣ своей „Исторіи литературы“ приводитъ мнѣніе Александра Н. Веселовскаго, какъ онъ высказалъ его въ одномъ изъ своихъ чтеній въ Неофилологическомъ обществѣ въ 1896 году. Судя по тому, что мы знаемъ о поэзіи древнѣйшихъ народовъ и современныхъ дикарей, — говорилъ г. Веселовскій, — древнѣйшая поэзія представляла смѣшеніе слова, мимики, пляски и музыки. Въ своей первичной формѣ она состояла почти изъ однихъ восклицаній, сопровождаемыхъ жестами. Какъ междометія являются теперь остаткомъ первичнаго языка, такъ остаткомъ первичной поэзіи являются припѣвы народныхъ пѣсенъ, не имѣющіе обыкновенно никакого смысла. Мало-по-малу содержаніе пѣсенъ обогащалось смысломъ, и поэзія становилась содержательною. Древнѣйшая поэзія не преслѣдовала цѣлей эстетическихъ и была или просто игрою, или же преслѣдовала цѣли практическія, будучи тѣсно связана съ обрядомъ. Она исполнялась всегда хоромъ, который сталъ позднѣе дѣлиться на двѣ партіи; тогда явилось пѣніе антифонное, діалогическое, явился запѣвало. Содержаніе пѣсни въ то же время изображалось тѣлодвиженіями, а самая пѣсня была лирико-эпическая. Такимъ образомъ, тутъ были смѣшаны зачатки эпоса, лирики, драмы, музыки и балета. Затѣмъ началось разложеніе этого синкретизма искусствъ и выдѣленіе особей.

Пѣсня пѣлась одними, а мимировалась другими; затѣмъ пѣсня пѣлась одними, а разсказывалась другими, или совершалось драма-

тическое дѣйствіе безъ словъ, а кто нибудь разсказывалъ содержаніе. Далѣе, вмѣсто двухъ партій хора выступили два пѣвца, состязавшіеся между собою. Одинъ пѣлъ одну пѣсню, другой другую. Потомъ обѣ пѣсни могли сливаться въ одну. Кромѣ того, одинъ пѣвецъ начиналъ, другой отвѣчалъ ему новымъ куплетомъ. Первый, напримѣръ, задавалъ загадку, второй отвѣчалъ и задавалъ свою и т. д. Такимъ образомъ антифонизмъ хоровой смѣнился личнымъ, а затѣмъ эта пѣсня лирико-эпическая, образовавшаяся изъ вопросовъ и отвѣтовъ, поется подъ-рядъ уже однимъ лицомъ, и это одно лицо сопровождаетъ ее мимикой и предпосылаетъ ей прозаическій пересказъ ея содержанія (dire et chanter, singen und sagen). Такимъ образомъ шло выдѣленіе литературныхъ родовъ, и многія правила поэтики становятся понятными и объяснимыми только благодаря этой гипотезѣ.

Такъ передаетъ А. Н. Пыпинъ гипотезу г. Веселовскаго. Какъ пересказъ, она представляется въ этомъ изложеніи слишкомъ схематичной, и можно только пожалѣть, что планъ и характеръ книги, въ которой эта гипотеза разсказана, исключали возможность подкрѣпить ее фактическимъ матеріаломъ. Но и въ этомъ видѣ, по сравненію съ гипотезой К. Бюхера, она кажется болѣе убѣдительной, чѣмъ послѣдняя, такъ какъ ни въ одномъ изъ своихъ положеній не противорѣчитъ даннымъ, добытымъ исторіей первобытной культуры въ широкомъ смыслѣ. Судя по изложенію, гипотеза г. Веселовскаго не касалась вопроса о рабочемъ ритмѣ и, повидимому, не считалась съ рабочими пѣснями, какъ съ самостоятельной единицей, и въ этомъ отношеніи трудъ нѣмецкаго ученаго можетъ явиться существеннымъ дополненіемъ къ ней.

К. Бюхеръ предвидѣлъ возраженіе въ томъ смыслѣ, что связь поэзіи съ танцемъ можетъ показаться болѣе тѣсною, чѣмъ съ работой, но соображенія его въ пользу его гипотезы не выдерживаютъ серьезной критики. „...Въ танцѣ ритмъ вообще является чѣмъ-то произвольно-придуманнымъ, тогда какъ въ работѣ онъ по необходимости вытекаетъ изъ внутренняго строенія нашего тѣла и изъ техническихъ условій исполненія работы, т. е. слѣдуетъ самъ собою изъ примѣненія экономическаго принципа къ человѣческой дѣятельности“. Авторъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, современный балетъ, а не пляски дикарей, состоящія, по описаніямъ путешественниковъ, изъ простѣйшихъ движеній, прыжковъ, безпорядочнаго размахиванія руками, круженья и т. д., да и въ балетѣ ритмъ не есть нѣчто „произвольно-придуманное“; произвольно придуманы позы, фигуры, но самый ритмъ — въ движеніяхъ и музыкѣ—точно также вытекаетъ, какъ выражается авторъ, „изъ внутренняго строенія нашего тѣла“ и сообразуется съ эмоціями нашего эстетическаго чувства. „...Пляска, по какому бы поводу она ни появилась впервые, во всякомъ случаѣ не могла произойти изъ потребности, вызванной жизненной нуждою, какъ

это было съ работою"... Если выраженія радости или своеобразно понимаемаго религіознаго чувства не могутъ быть подведены, по мнѣнію автора, подъ понятіе такого рода потребности, то сами по себѣ они служатъ довольно сильными импульсами къ проявленіямъ самаго разнообразнаго свойства, и нѣтъ достаточнаго основанія ограничивать источникъ этихъ проявленій узкимъ кругомъ работъ. „...Наконецъ надо имѣть въ виду, что многіе танцы первобытныхъ народовъ—ничто иное, какъ сознательныя подражанія извѣстнымъ рабочимъ процессамъ (постройкѣ лодокъ, охотѣ, войнѣ, жатвѣ). Для этихъ мимическихъ представленій работа неизбѣжно должна была предшествовать пляскѣ"... Совершенно вѣрно, но, во-первыхъ, „многіе" не значитъ „всѣ", а во-вторыхъ, эти танцы носятъ характеръ игры, которая на извѣстныхъ ступеняхъ развитія символизуетъ, какъ и у дѣтей въ наше время, дѣйствительную жизнь, и не *игра вообще*, а игры *этого рода* появляются, конечно, позже изображаемыхъ ими работъ.

Такого рода возраженія могутъ быть сдѣланы автору занимавшей насъ книги. Не соглашаясь со многими отдѣльными положеніями ея, мы должны признать основную идею ея о выдающемся значеніи ритмической силы въ разнообразныхъ общественныхъ примѣненіяхъ безусловно вѣрной и доказанной чрезвычайно оригинально. Многочисленные тексты пѣсенъ и сопровождающіе ихъ напѣвы въ нотныхъ знакахъ въ высшей степени любопытны не только въ научномъ, но и въ художественномъ отношеніи, и приходится пожалѣть только, что редакція русскаго перевода не присоединила къ нимъ примѣровъ изъ русскихъ пѣсенъ, имѣющихъ отношеніе къ трактуемому предмету.

Е. Л.

Новыя книги.

Вл. Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. второе. Спб. 99.

Г. Бончъ-Бруевичъ, не будучи самъ поэтомъ, придерживается самыхъ возвышенныхъ взглядовъ на поэзію, раздѣляя ихъ съ лучшими ея представителями. Поэтъ—глашатай истинъ, словомъ своимъ жгущій сердца людей; стихъ его звучитъ, какъ колоколъ на вѣчевой башнѣ во дни народныхъ бѣдъ и торжествъ; поэтъ, наконецъ, первый гражданинъ и слуга земли родной... Нечего говорить—прекрасный, высоко-гуманный взглядъ, руководясь которымъ можно составить замѣчательно интересную и вмѣстѣ съ тѣмъ истинно-поэтическую хрестоматію изъ произведеній русскихъ поэтовъ. Но... при одномъ необходимомъ условіи: составитель долженъ обладать тонкимъ художественнымъ

вкусомъ, иначе превосходная сама по себѣ задача рискуетъ превратиться въ курьезную—составить сборникъ честныхъ, но непомѣрно скучныхъ стиховъ.

Г. Бончъ-Бруевичъ, къ сожалѣнію, не избѣжалъ этой печальной участи, и его огромная книга (почти 700 страницъ) читается мѣстами съ ничѣмъ неодолимой зѣвотой. Однихъ добрыхъ намѣреній, очевидно, слишкомъ недостаточно...

Книга переполнена прежде всего странностями, въ которыхъ выразилось по меньшей мѣрѣ невнимательное отношеніе составителя къ историко-литературнымъ даннымъ. Малоизвѣстные и даже совсѣмъ никому неизвѣстные стихотворцы новѣйшаго времени занимаютъ въ ней вдвое болѣе мѣста, нежели Лермонтовъ, и чуть не въ пять разъ больше Пушкина! Великіе поэты, правда, и безъ того всѣмъ извѣстны, но если такое соображеніе руководило г. Бончъ-Бруевичемъ, то онъ долженъ былъ совсѣмъ устранить ихъ изъ своей хрестоматіи. Онъ этого не сдѣлалъ— и количественная несоразмѣрность неизбѣжно бросается въ глаза и кажется чудовищно-странной. Изъ Пушкина онъ счелъ нужнымъ взять только слѣдующія шесть стихотвореній: „Пророкъ", „Анчаръ", „Любви, надежды, гордой славы" (кстати, середина пьесы почему-то искажена), „Деревня", „Сказали разъ царю", „Узникъ" —и только. Маловато, пожалуй, для Пушкина?! Минаевъ, искусный версификаторъ и очень плохой поэтъ, занялъ 22 страницы, а Никитинъ съ Плещеевымъ всего по 15, Майковъ съ Полонскимъ по 12, Полежаевъ 6, Баратынскій съ М. Л. Михайловымъ по 2 и т. д. Гг. Ленцевичъ, Ѳедоровъ, Гиляровскій заняли цѣлые десятки страницъ; но если вы станете розыскивать, напр. Симборскаго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ 70-хъ годовъ, то найдете всего только двѣ странички, скромно отведенныхъ въ самомъ концѣ книги (въ 1-мъ изданіи Симборскій входилъ даже въ „приложеніе"), словно это какой нибудь невѣдомый стихотворецъ самыхъ послѣднихъ дней и самоновѣйшаго фасона! Впрочемъ, по части хронологіи и исторіи литературы г. Бончъ-Бруевичъ вообще крайне беззаботенъ: Тютчевъ помѣщенъ у него раньше Лермонтова, Полонскій раньше Некрасова, Никитинъ позже Плещеева, Минскій позже Надсона и т. д. Именъ Батюшкова, Жуковскаго, Вяземскаго, Подолинскаго, Бернета, Губера, Глинки, Дельвига, Давыдова, Красова, Клюшникова, Розенгейма, Фета, Михайлова-Шеллера, Старостина, Случевскаго, Вл. Соловьева, Ек. Бекетовой, Allegro и многихъ, многихъ другихъ поэтовъ стараго и новаго времени, большаго или меньшаго калибра, мы въ его книгѣ не находимъ совершенно, хотя было бы странно, конечно, думать, что у этихъ поэтовъ вовсе не оказалось идейныхъ стихотвореній, между тѣмъ какъ нашлись же они у гг. Фофанова, Льдова, Бальмонта, Коринфскаго et tutti quanti... Мы ничуть не хотимъ сказать, будто

отъ присутствія въ сборникѣ большинства перечисленныхъ выше поэтовъ безконечно выиграла бы его поэтическая цѣнность, но вѣдь простая же справедливость требуетъ, чтобы тамъ, гдѣ есть г. Якунинъ-Захарьинъ, находились также и Дельвигъ и Подолинскій и, тѣмъ болѣе, Жуковскій!

Но, просматривая „избранныя“ г. Бончъ-Бруевичемъ произведенія русской поэзіи, мы открываемъ и еще болѣе удивительныя вещи: г. Фофановъ, прославленный авторъ звучныхъ, но мало осмысленныхъ пѣснопѣній о веснѣ, лунѣ и звѣздахъ, оказывается у него поэтомъ-философомъ, пророкомъ страждущаго человѣчества; гг. Бальмонтъ, Льдовъ и Коринфскій также весьма симпатично мыслящими лириками; г. Минскій—печальникомъ родины; Майковъ—пѣвцомъ свободы; г. Величко, извѣстный нынѣ, какъ редакторъ армянофобскаго „Кавказа“,—апостоломъ терпимости и братства человѣческихъ племенъ...

Однако позвольте,—можетъ прервать наши замѣчанія г. Бончъ-Бруевичъ—моей задачей вовсе и не было составить хрестоматію обычнаго историческаго типа; мнѣ хотѣлось лишь провести ту красную нить, которая и т. д.; я долженъ былъ, поэтому, какъ птица Божія, брать свои зерна тамъ, гдѣ ихъ находилъ, и выбирать изъ нихъ тѣ, какія мнѣ нравились.—На такое оправданіе мы, дѣйствительно, ничего не возразимъ и, не заикаясь болѣе объ историчности, перейдемъ прямо къ разсмотрѣнію книги со стороны ея чисто-поэтической цѣнности.

Мы уже говорили выше о благородствѣ взглядовъ г. Бончъ-Бруевича на задачи поэзіи.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Превосходно,—отвѣтятъ на это наставленіе господа поэты,—но какимъ образомъ всетаки сѣять сѣмена разумныхъ и добрыхъ идей, чтобъ они западали въ сердца, и чтобъ люди сказали намъ сердечное спасибо? Поучать разумному и вѣчному—вѣдь это задача ученыхъ, а доброму и опять-таки вѣчному—моралистовъ и проповѣдниковъ; чѣмъ же долженъ отличаться отъ тѣхъ и другихъ поэтъ? Къ сожалѣнію, этотъ кардинальный вопросъ, повидимому, и въ голову даже не приходилъ нашему составителю, и онъ, ничто же сумняся, считаетъ поэзіей слѣдующіе, напр., стихи:

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!“
Такъ, онъ, голодный, молитъ небо.
О, братья! хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной,
И хлѣба умственнаго намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!
Утробной пищей сыты мы;

Но безъ духовнаго питанья
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья

и т. д.. въ томъ же духѣ и родѣ.

Стихотвореніе это, вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками, если не сотнями ему подобныхъ, красуется въ числѣ „*избранныхъ* произведеній“ въ сборникѣ г. Бончъ-Бруевича, и, по его мнѣнію, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ лучшихъ перловъ родной поэзіи. Однако, точно ли это поэзія, а не простая рубленая стихами проза? Нежели довольно одной идейной честности, доброты и разумности для того, чтобы рядъ тѣхъ или иныхъ фразъ заслуживалъ названія поэзіи? Намъ стыдно, что приходится изрекать подобные трюизмы и говорить: нѣтъ и нѣтъ! Не всякаго честнаго и грамотнаго человѣка слѣдуетъ называть поэтомъ. Великая тайна поэзіи состоитъ въ чемъ-то другомъ, что очень часто дается вовсе безграмотнымъ и, какъ это ни прискорбно, даже безчестнымъ людямъ...

Въ результатѣ своеобразныхъ взглядовъ г. Бончъ-Бруевича на поэзію получились самые неожиданные сюрпризы. Поэтами (да еще и „избранными“!) оказались у него такіе грѣшившіе стихами люди,—nomina sunt odiosa,—къ которымъ, по нашему искреннему мнѣнію, никогда и близко не подходила богиня поэзіи; многіе другіе, у кого невозможно отрицать поэтическое дарованіе (хотя бы и самое миніатюрное), навѣрное, сами бы испугались, узнавъ, что удостоились попасть въ пантеонъ семидесяти трехъ безсмертныхъ... Возьмемъ для примѣра А. Н. Яхонтова, стихи котораго печатались въ свое время въ „Отеч. Запискахъ“ и, будучи явными подражаніями Некрасову, отличались гладкостью формы и симпатичной честностью воззрѣній. Въ самомъ хорошемъ журналѣ неизбѣжно печатается много приличнаго балласта, и такимъ именно балластомъ было большинство стиховъ Яхонтова; написанные на злобу дня, согрѣтые животворящимъ духомъ своего времени, они нерѣдко могли быть прочитаны даже съ удовольствіемъ. Скажемъ болѣе: для историка общественнаго самосознанія 70-хъ годовъ, быть можетъ, будетъ небезъинтересно и даже небезполезно и впослѣдствіи прочитать нѣкоторыя стихотворенія Яхонтова, какъ искренніе душевныя изліянія средняго тогдашняго человѣка; но для любителей поэзіи время ихъ прошло, и прошло безвозвратно: изъ этихъ живыхъ нѣкогда строчекъ на насъ глядитъ теперь самая сѣрая, плоская и скучная проза... А между тѣмъ, Яхонтову принадлежатъ слѣдующіе замѣчательные стихи о русскомъ народѣ:

Да! теменъ ты, какъ золотой чертогъ,
Завѣшанный отъ солнечнаго свѣта,
Какъ утромъ лѣсъ дремучій, до разсвѣта,
Какъ грудой скалъ заваленный потокъ.

Не правда-ли, читатель, это настоящая, превосходная поэзія? И если бы все такими стихами писалъ Яхонтовъ то, разумѣется, онъ былъ бы достоинъ занимать мѣсто рядомъ съ первостепенными нашими поэтами... Но, увы! иногда и простому смертному, диллетанту искусства, доступны бываютъ поэтическія вспышки, вдохновенныя наитія; минутная вспышка, однако, погаснетъ—и простой смертный вновь превратится въ простого смертнаго. Такъ было и съ Яхонтовымъ: кажется, невозможно отыскать въ грудѣ его стиховъ другое такое же поэтическое четверостишіе... А между тѣмъ, г. Бончъ-Бруевичъ посвящаетъ этимъ стихамъ 21 страницу, т. е. немногимъ меньше Некрасова и гораздо больше, чѣмъ Полежаеву, Никитину, Добролюбову и многимъ, многимъ даровитымъ поэтамъ.

Не менѣе, чѣмъ подборъ авторовъ, удивителенъ у г. Бончъ-Бруевича и подборъ стихотвореній тѣхъ изъ нихъ, въ чьемъ правѣ на славу не можетъ возникать никакихъ сомнѣній. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Почти половина отдѣла лермонтовскихъ стихотвореній занята горской легендой „Бѣглецъ", стихотвореніемъ, конечно, недурнымъ, но никогда не бывшимъ въ числѣ шедевровъ великаго поэта. На ту же тему написанъ неоконченный „Галубъ" Пушкина—и надо сознаться, послѣдній задумалъ несравненно шире, не говоря уже о болѣе чарующей поэзіи подробностей пушкинской поэмы. Что, собственно, могло такъ увлечь г. Бончъ-Бруевича въ „Бѣглецѣ" Лермонтова? Трусость, правда, достойная порицанія черта, но врядъ ли, съ другой стороны, возвышенная добродѣтель и чувство мести, во имя котораго черкесы отвергаютъ несчастнаго Гаруна...

Изъ Тютчева составителемъ опущено такое характерное стихотвореніе, какъ „Эти бѣдныя селенья"; высокопарному и мало искреннему „Поэту" Языкова смѣло можно бы предпочесть его же знаменитое „Нелюдимо наше море"; выборъ изъ Кольцова, Никитина, Плещеева крайне неполонъ и блѣденъ. Добрая половина стихотвореній Надсона взята почему-то изъ „посмертнаго" (полудѣтскаго) отдѣла; правда, и въ этихъ стихахъ, какъ вездѣ у нашего рано погибшаго талантливаго поэта, звучитъ много искренности и молодой свѣжести, но въ нихъ мало еще художественной выработки и поэтической силы; самый стихъ баналенъ и безцвѣтно растянутъ. Таковы въ особенности—„Кругомъ легли ночныя тѣни", „Впередъ", „Въ тинѣ житейскихъ волненій", „Когда въ часъ оргій"; не изъ лучшихъ надсоновскихъ вещей и „Полдороги", а г. Бончъ-Бруевичъ печатаетъ еще и первоначальный варіантъ этой пьесы („Пѣвецъ"). „Старая сказка", конечно, милая, поэтическая вещица, но ее портятъ, какъ бы притянутыя за волосы, нравоучительныя строфы заключенія, а между тѣмъ онѣ-то, навѣрное, и плѣнили нашего составителя... Наконецъ, „Похороны"—очевидное подражаніе Некрасову, и въ нихъ совсѣмъ не видно еще Надсона.

Довольно, впрочемъ. Мы никогда бы не кончили, если бы вздумали и на другихъ поэтахъ показывать съ такой же подробностью, какъ случайно и безвкусно дѣлаетъ г. Бончъ-Бруевичъ свой „выборъ“ и какъ непроизводительно занимаетъ мѣсто стихотвореніями мало характерными, а часто и вовсе ничтожными.

Однако-же,—возразитъ на все это г. Бончъ-Бруевичъ,—„публика встрѣтила мое изданіе весьма сочувственно; мой сборникъ пришелся по вкусу разнообразнѣйшимъ представителямъ нашего общества, и вскорѣ 1-е изданіе все разошлось“. Противъ этого мы не споримъ; мы увѣрены даже, что и второе изданіе все безъ остатка разойдется, придясь по вкусу еще большому количеству людей... Но что все это значитъ? По нашему мнѣнію, только то, что, во-первыхъ, руководившая составителемъ хрестоматіи идея—идея очень почтенная и симпатичная, способная многое загладить и выкупить, а во-вторыхъ (и это самое главное), русская поэзія сокровищница настолько богатая, что даже и тотъ, кто будетъ черпать въ ней наобумъ, съ закрытыми глазами, неизбѣжно зачерпнетъ много дорогихъ и прекрасныхъ жемчужинъ... Наряду съ блѣднымъ и невозможно скучнымъ, въ книгѣ г. Бончъ-Бруевича также найдется много цѣннаго, яркаго, хорошаго. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не однихъ знаменитыхъ поэтовъ, но и многихъ совершенно безвѣстныхъ: такъ, мы съ большимъ удовольствіемъ и даже волненіемъ прочли два по-истинѣ превосходныхъ стихотворенія г. Горбунова-Посадова („Въ Христову ночь“ и „Друзьямъ добра“), поэта, о которомъ раньше—откровенно признаемся—лишь смутно слыхали.

Но для истиннаго цѣнителя поэзіи настоящее мученье и пытка видѣть эти перлы чистой воды затерянными среди хлама дешевыхъ стразъ и никуда негоднаго стекляруса.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Мысли и впечатлѣнія. Сборникъ стихотвореній. Спб. 1899.

Б. Григорьевъ. Стихотворенія. Томъ I. М. 1899.

М. Давидова. Стихотворенія. Спб. 1899.

Шумъ пушкинскаго праздника по-немногу затихаетъ... На одну черту его нельзя не обратить вниманія: среди грома всевозможныхъ славословій, пропѣтыхъ великому поэту и въ прозѣ и въ стихахъ, одинъ только вопросъ старательно, словно сговорившись, обходили рѣшительно всѣ панегиристы,—это вопросъ о современномъ состояніи русской поэзіи, родоначальникомъ которой былъ Пушкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ имѣется родоначальникъ, должно, казалось-бы, существовать и потомство, болѣе или менѣе его достойное, должны и нынче находиться представители этого потомства... Критики Пушкина единогласно утвер-

ждаютъ, что литературы русской до него не было, и что, напротивъ, теперь она по праву занимаетъ чуть ли не первое мѣсто среди передовыхъ литературъ Запада; и вдругъ на мѣстѣ *поэзіи*, царемъ которой по преимуществу былъ Пушкинъ, оказывается у насъ въ настоящее время совершенно пустое, сѣрое пятно! Репримандъ вполнѣ неожиданный... Совершенно естественно, что на юбилейномъ торжествѣ всѣ предпочитали молчать объ этомъ щекотливомъ пунктѣ...

Всѣ, кромѣ, впрочемъ, самихъ нынѣшнихъ „поэтовъ". Они по-прежнему нимало не унываютъ и совершенно серьезно продолжаютъ претендовать на званіе прямыхъ наслѣдниковъ Пушкина... Вотъ, напр., г. Умановъ-Каплуновскій, который то-и-дѣло твердитъ, что душу его посѣщаетъ „зарево вдохновенья". Сборникъ стиховъ, недавно выпущенный, онъ отважно посвящаетъ „памяти великаго Пушкина"; имѣется въ этомъ сборникѣ и отдѣльная пьеса подъ названіемъ „Дуэль Пушкина". Мы съ особеннымъ любопытствомъ приступили къ этому стихотворенію, такъ какъ, думалось намъ, здѣсь всего скорѣе долженъ былъ сказаться въ г. Умановѣ-Каплуновскомъ поэтъ, если только онъ, дѣйствительно, поэтъ: не даромъ же онъ принадлежитъ къ школѣ нашихъ парнасцевъ, которая до послѣднихъ дней считалась по-преимуществу *пушкинской* школой (до того вздорны были въ нашей литературѣ представленія о Пушкинѣ и духѣ его поэзіи!). Во всякомъ случаѣ, не даромъ же говоритъ г. Умановъ-Каплуновскій о великомъ поэтѣ:

> Любой пѣвецъ вспомянетъ лишь о немъ,
> Уже горитъ мечтою вдохновенной!

Да, казалось бы такъ... Но, увы! прочли мы стихи, перечитали ихъ—и жалко намъ стало автора, обидно за Пушкина, стыдно за современную русскую поэзію, однимъ изъ типичныхъ и далеко не худшихъ представителей которой является г. Умановъ-Каплуновскій! Что это за стихи, что за поэзія!

> ...Понялъ ли убійца безсердечный,
> Кто палъ *предъ* нимъ, *какой затмилъ онъ свѣтъ.*
>
> . . . .
>
> *Угасла* жизнь; навѣкъ *потухли* грезы
> *И въ прахъ сошло,—что вышло изъ земли.*
> *Совершено*! поэта увезли...

И это послѣ написанныхъ 60 лѣтъ назадъ стиховъ Лермонтова: „Угасъ какъ свѣточъ дивный геній, увялъ торжественный вѣнокъ!.."

Не говоримъ уже о томъ, что правда и реализмъ для нынѣшнихъ піитовъ—невѣдомыя понятія. Такъ, г. Умановъ-Каплуновскій увѣряетъ насъ, что враги сошлись у барьера „съ отвагою

безпечной“ (это Пушкинъ-то, у котораго въ груди бушевалъ цѣлый „пожаръ“ негодованія и мести!)

Говорить ли послѣ этого о другихъ произведеніяхъ „музы“ г. Каплуновскаго, имъ же нѣсть числа? Раздѣляются они (кромѣ общаго заглавія „Мысли и впечатлѣнія“) на множество главныхъ и второстепенныхъ рубрикъ: „Поэмы“, „Природа и любовь“ („Очерки сѣвера“, „оч. Кавказа“, „оч. Крыма“, „оч. Поволжья“, „оч. Святогорья“, „Весенніе мотивы“), „Жизнь и смерть“, „Изъ дневника“, „Размышленія и монологи“, „Искусство и антологія“, „Блестки и силуэты“, „Сказки и варіаціи народныхъ пѣсенъ“, „Подражанія древнимъ и новымъ поэтамъ“ (счетомъ четырнадцать поэтовъ, причемъ въ число поэтовъ попалъ и Цицеронъ)— уфъ, наконецъ-то! Разнообразіе сюжетовъ получается, такимъ образомъ, необычайное, и это была бы, разумѣется, превосходная черта, если бы за названіями крылось сколько-нибудь характерное внутреннее содержаніе. Но послѣдняго, къ сожалѣнію, нѣтъ и слѣда; можно десять разъ перечитать этотъ увѣсистый сборникъ (лишь бы хватило самоотверженія) — и всетаки нельзя будетъ уловить у поэта никакой опредѣленной, маломальски своеобразной физіономіи... Такъ все блѣдно и плоско, какъ ровный, безконечный, песчаный берегъ въ тусклый дождливый день! И какъ это, думается, самому автору не пришло въ голову при печатаніи своего стихотворнаго левіаѳана: кого могутъ заинтересовать эти наивныя по содержанію и архискучныя по формѣ „поэмы“? Кого можетъ плѣнить эта лирика, воспѣвающая „мысль-гнетучку“ (!) и „тоску, *засѣвшую* глубоко“, наконецъ эти аляповато (большей частью) нарисованныя, какъ двѣ капли воды похожія одна на другую, картины природы? Впрочемъ, авторамъ обыкновенно не приходятъ въ голову столь простые, повидимому, вопросы...

Чтобъ не быть, однако, совершенно голословными, выпишемъ первое попавшееся стихотвореніе, „Приближеніе весны“:

Я чую вѣянье весны
Въ дыханьи поздняго мороза
И изъ-подъ снѣжной пелены
Уже мерещится мнѣ роза.
Пусть порывается снѣжокъ,
Пускай шалитъ морозъ трескучій!
Весна вспорхнетъ, какъ мотылекъ,
И оживитъ насъ лучъ могучій.
Чѣмъ больше злобствуетъ зима,
Тѣмъ дольше солнечныя ласки...
Вотъ и весна,—весна сама!..
Глядите,—въ небѣ ярче краски...

При чтеніи этихъ стиховъ такъ и чудится, что они были напечатаны въ „Нивѣ“, въ видѣ подписи подъ какой-нибудь кар-

тинкой; тамъ для нихъ было, быть можетъ, подходящее мѣсто, но съ какой стати попали они въ сборникъ, посвященный „Памяти великаго Пушкина“?.. Между тѣмъ, такихъ по-истинѣ удручающихъ стихотвореній въ книгѣ г. Каплуновскаго большинство.

Г. Григорьевъ—поэтъ иного сорта, т. е., если хотите, того же самаго *сорта*, только на совершенно иной образецъ. Онъ прежде всего—гражданинъ-мыслитель, но читатель, который умудрится цѣликомъ поглотить книжку его стиховъ, навѣрное почувствуетъ, что отъ обилія воспринятыхъ мыслей въ головѣ его затмились и тѣ, какія были тамъ раньше... Въ концѣ концовъ мы такъ и не могли добиться, что за человѣкъ г. Григорьевъ и каковы его взгляды на вещи: особенно безтолковое впечатлѣніе произвелъ на насъ занимающій чуть не половину книги разговоръ между редакторомъ, поэтомъ, критикомъ, читателемъ и другомъ... Здѣсь, можно сказать, чего хочешь, того и просишь! Симпатіи автора лежатъ, по всей вѣроятности, на сторонѣ поэта, но это такое прѣсное и самовлюбленное существо, что, право, не стоитъ объ его „взглядахъ“ и „идеяхъ“ говорить серьезно.—Что касается самого г. Григорьева, то, повидимому, съ теченіемъ лѣтъ въ немъ совершалась нѣкая эволюція. Сначала поэтъ былъ „суровымъ, какъ пророкъ библейскій“, провозглашалъ съ торжествомъ карающія рѣчи (такая жалость, что ни одна изъ этихъ рѣчей не попала въ настоящій сборникъ!), но потомъ сталъ мягче относиться къ людскимъ слабостямъ. Идеаломъ его сдѣлалось „счастье домашнее, *домъ изобильный достаткомъ,* вечера отдыхъ пріятный въ веселой бесѣдѣ съ друзьями и въ одиночествѣ долгій, упорный, но сладостный трудъ“. У г. Григорьева губа, какъ видно, не дура, и мы недоумѣваемъ только насчетъ одного: какъ же съ гражданствомъ-то подобный идеалъ вяжется?.. Два слова, собственно, о поэзіи г. Григорьева. Она вся обнаруживается въ слѣдующемъ удивительно-поэтическомъ четверостишіи:

Я люблю безумно, страстно
И—не знаю отчего
Мнѣ такъ дивно и прекрасно
Возлѣ сердца твоего!

Нужно ли г. Григорьеву еще что-нибудь писать для укрѣпленія въ вѣкахъ своей поэтической славы? Къ сожалѣнію, авторъ обѣщаетъ выпустить еще и второй томъ стиховъ...

Въ заключеніе, передъ нами—поэтесса. Основнымъ мотивомъ вдохновеній г-жи Давидовой является слѣдующая плодотворная идея:

...Въ жизни нѣтъ второй весны,
...Въ жизни нѣтъ второго лѣта,
Минуты счастья намъ даны,
И наша полночь безъ разсвѣта!

Впрочемъ, критиковать дамъ, особенно начинающихъ, дѣло крайне щекотливое, и мы лучше сошлемся на друзей г-жи Давидовой, которые, должно полагать, отговаривали ее отъ намѣренія предъявлять публикѣ свои стихотворные опыты:

Мнѣ друзья говорятъ про мой стихъ молодой,
Что какъ зимнее утро онъ блѣденъ,
Что въ немъ жизнь не играетъ горячей струей,
Что онъ слабъ и идеями бѣденъ.

На нашъ взглядъ, „друзья", хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ вѣжливо, высказали г-жѣ Давидовой глубокую правду, и молодой поэтессѣ оставалось только побѣдить ложное самолюбіе и послѣдовать ихъ совѣтамъ, т. е. отдѣлаться отъ пагубной страсти писать стихи, не имѣя дарованія. Къ несчастію, г-жа Давидова поступила иначе; нимало не оспаривая того положенія, что стихи ея изъ рукъ вонъ плохи, она задалась такими странными и по существу безплодными вопросами:

Какъ бѣдѣ пособить, какъ мнѣ горю помочь?
Гдѣ взять красокъ, и блеска, и силы,
Коли жизнь безотрадна, какъ хмурая ночь,
И весны моей годы унылы?

„Друзья" г-жи Давидовой, по нашему мнѣнію, настолько неглупы, что безъ труда могли бы отвѣтить ей: богатство жизненныхъ впечатлѣній можетъ лишь *развить* талантъ поэта, а отнюдь не *дать* его... Но или г-жа Давидова не захотѣла обратиться съ своими вопросами къ друзьямъ, напугавшимъ ее прежней критикой, или же не обратила вниманія на ихъ отвѣтъ, только она предпочла дать собственное, чрезвычайно оригинальное разрѣшеніе сомнѣніямъ:

Я у солнца возьму золотистыхъ лучей,
Глубину—у бездоннаго моря,
Я приволья возьму у широкихъ степей
И свое разукрашу я горе.
Я мечтать научуся у блѣдной луны,
Вѣрить въ счастье (?) у ясной лазури,
Научусь краснорѣчью у плеска волны,
Страсть возьму у сверкающей бури.
Свѣтлыхъ грезъ наберу у весенняго дня
И, природой святой оживленный
Полный блеска и силы, мечты и огня,
Засверкаетъ мой стихъ обновленный.

Критикамъ остается сказать: ну, что жъ, въ добрый часъ! Подождемъ, увидимъ...

Элиза Оржешко. Аргонавты. Изданіе автора. Спб. 1899.

Какъ показываетъ уже заглавіе, новое произведеніе г-жи Оржешко знакомитъ читателей съ потомками легендарнаго Язона Аргонавта—нынѣшними рыцарями золотого руна, во многомъ непохожими на своихъ предшественниковъ изъ міра классической древности какъ по внѣшности, такъ и по практикуемымъ ими способамъ наживы. Въ современномъ обществѣ, въ которомъ отдѣльныя отправленія спеціализировались и обособились, обязанность стричь золотого барашка находится, какъ извѣстно, въ вѣдѣніи буржуазіи. Но такъ какъ основной принципъ буржуазнаго общества—свободная конкуренція (или, попросту, зоологическая борьба)—дѣйствуетъ и въ нѣдрахъ самой буржуазіи, то, конечно, представители этого класса далеко не съ одинаковымъ успѣхомъ стригутъ своего золотого кумира. Среди нихъ также совершается своего рода подборъ, путемъ котораго вырабатываются особи, наиболѣе приспособленныя и наиболѣе успѣвающія въ ожесточенной „мирной" борьбѣ. Таковъ именно Алоизій Дарвидъ, герой интересующей насъ повѣсти, промышленникъ и финансистъ, милліонеръ.

Это вполнѣ современный и, можно сказать, идеальный въ своемъ родѣ типъ. Худощавый и невысокій, съ нервами и мозгомъ, развитыми въ ущербъ мышечной силѣ, съ холоднымъ, умнымъ и энергичнымъ лицомъ, Дарвидъ „вѣчно погруженъ былъ въ свои дѣла, которыя для него составляли такую же необходимую стихію, какъ для рыбы вода". „Трудолюбіе его, энергія и предпріимчивость—повѣствуетъ авторъ — были неисчерпаемы". Но этого мало. Этихъ необходимыхъ качествъ еще недостаточно для того, чтобы прочно держаться на занятой позиціи и обезпечить себя отъ слишкомъ чувствительныхъ случайныхъ паденій. Дарвидъ хорошо понималъ, что „въ наше время только колоссальное знаніе можетъ служить основой для достиженія громадныхъ состояній". И, дѣйствительно, онъ въ совершенствѣ овладѣлъ всѣмъ, что имѣло хотя бы малѣйшее отношеніе къ его дѣятельности, а „въ области права, математики, строительства онъ былъ какъ дома" и своими познаніями часто удивлялъ и ставилъ втупикъ дипломированныхъ спеціалистовъ. Поставивъ себѣ цѣлью въ жизни пріобрѣтеніе богатства и подчинивъ, въ виду этой цѣли, всего себя принципу „неутолимаго, неистощимаго, желѣзнаго труда", нашъ аргонавтъ принесъ въ жертву неустанной погонѣ за золотымъ руномъ всѣ остальныя свои чувства, стремленія, способности и превратился, въ сущности, въ живую машину, приспособленную исключительно для производства финансовыхъ операцій. Для всего „посторонняго" у Дарвида нѣтъ времени. У него нѣтъ времени наслаждаться природой, нѣтъ времени любоваться художественными произведеніями, заниматься искусствами, нравственными и философскими вопросами, дѣлами благотворитель-

ности, противъ которыхъ онъ, впрочемъ, и принципіально возстаетъ. Нѣтъ времени у него и для семьи. „Съ родными (ему) приходилось разставаться надолго, на мѣсяцы, даже на цѣлые годы. Но и въ промежутки проживанія съ ними подъ одной кровлей приходилось зачастую бывать ихъ рѣдкимъ гостемъ, а не ближайшимъ, интимнымъ сотоварищемъ. Въ отношеніяхъ даже къ наиболѣе близкимъ ему людямъ у Дарвида не хватало времени ни для дружбы, ни для изліяній чувства, точно также какъ не было времени для сосредоточенія мысли на какомъ-нибудь предметѣ, не имѣющемъ непосредственнаго отношенія къ занимающимъ его цифрамъ, линіямъ, срокамъ или вообще петлямъ той сѣти, въ которой увязла его мысль и изворачивалась его кипучая дѣятельность".

Не удивительно, поэтому, что Дарвидъ не считался съ характеромъ и потребностями своей жены и совсѣмъ не зналъ своихъ дѣтей. А на этой почвѣ и разыгрывается у Дарвидовъ семейная драма. Измѣна жены, препирательства съ сыномъ, а главное— смерть, почти самоубійство, любимой, младшей дочери—все это вмѣстѣ вноситъ до того сильный разладъ въ душевную жизнь Дарвида, что онъ впервые открываетъ въ себѣ „то, чего никогда не подозрѣвалъ за собой и что прежде казалось ему смѣшнымъ. Нѣтъ! онъ не поддастся чувствительности! Надо выпрямиться и посмотрѣть на вещи трезво". Однако, „выпрямиться" не подъ силу этому сильному человѣку. Наряду съ новыми ощущеніями, ему западаетъ въ голову страшная мысль: „къ чему могущество, которое не можетъ спасти сердце отъ боли"? И какъ ни старается Дарвидъ „встряхнуться", избавиться отъ „глупой и нездоровой мечтательности" и „возвратиться къ свѣтлой, трезвой, разумной дѣйствительности", — его неотступно, „въ каждую минуту малѣйшаго отдыха", преслѣдуетъ навязчивый вопросъ: „для чего все это? зачѣмъ"?—а за нимъ другой, принципіальный: „какая цѣль была твоихъ трудовъ"? Отвѣтить себѣ нужно, и отвѣтъ, конечно, ясенъ: „цѣлью моихъ трудовъ было безостановочно пріобрѣтать и увеличивать свое состояніе; а такъ какъ теперь я пересталъ жаждать этого, то"... Машина испортилась и сдана въ архивъ: Дарвидъ кончаетъ съ собой.

Мы нарочно подольше остановились на этомъ типичномъ аргонавтѣ: въ его психологіи, прекрасно переданной авторомъ, заключается, по нашему мнѣнію, главный интересъ и поучительная сторона повѣсти. Здѣсь интересно, именно, то, что Дарвидъ, этотъ „титанъ", „современный Сидъ" и пр. и пр., обладая такимъ могуществомъ, какое только можетъ доставить человѣку „власть денегъ", не перестаетъ быть въ то же самое время жалкимъ рабомъ своей функціи накопленія ради накопленія, какимъ-то механическимъ придаткомъ капитала. Цѣною своей человѣческой свободы Дарвидъ купилъ свой успѣхъ въ жизни,

свое превосходство въ зоологической борьбѣ интересовъ, свою „приспособленность“ къ условіямъ существованія. Но при первой же попыткѣ сбросить съ себя цѣпи раба и стать человѣкомъ, этотъ продуктъ свободной конкурренціи и подбора, самый совершенный, приспособленный къ борьбѣ и милый сердцу многихъ соціологовъ-эволюціонистовъ, оказывается совсѣмъ неприспособленнымъ къ жизни и терпитъ жестокое пораженіе.

Въ повѣсти г-жи Оржешко, какъ бы въ дополненіе къ Дарвиду, фигурируетъ еще одинъ аргонавтъ, но, если можно такъ выразиться, стараго типа. Это—панъ Краницкій, жизнерадостный и легкомысленный романтикъ, чувствительный и слабовольный bon vivant, къ которому собственно даже мало подходитъ кличка „аргонавта“. Однако, Краницкій интересенъ только въ качествѣ контраста, какъ противоположность Дарвиду,—для чего онъ, повидимому, и выведенъ авторомъ,—и не имѣетъ значенія для характеристики современныхъ, господствующихъ или еще нарождающихся, чертъ общественной психологіи.

Гораздо любопытнѣе въ этомъ отношеніи сынъ Дарвида, „красавецъ“ Маріанъ, и его пріятель, баронъ Блауендорфъ, всегда похожій—какъ говоритъ авторъ—на „комара, замышляющаго кого нибудь укусить“. Мы не можемъ вдаваться въ подробное описаніе этой парочки декадентовъ и нитцшіанцевъ, искателей новыхъ ощущеній, презирающихъ толпу, обыденность и, заодно, всяческіе принципы,—пусть интересующіеся читатели обратятся къ самой повѣсти. Отмѣтимъ здѣсь только тѣ условія, которыя особенно благопріятствуютъ появленію въ обществѣ подобныхъ антисоціальныхъ элементовъ. Это, именно,—господство въ жизни и въ умахъ принципа свободнаго и ожесточеннаго соперничества въ связи съ отсутствіемъ для даннаго лица необходимости трудиться. Въ массѣ своей, какъ общественное явленіе, всѣ эти Uebermensch'и, одержимые „какимъ-то умственно нервнымъ сомомнѣніемъ“, эти индивидуалисты, не считающіе нужнымъ подчинять „свою индивидуальность критикѣ и поправкамъ“,—все это прямое наслѣдіе буржуазнаго режима и логическій выводъ изъ буржуазныхъ принциповъ. Въ то время какъ Дарвидъ-отецъ копитъ свои милліоны, Дарвидъ-сынъ изощряетъ свою индивидуальность; то же дѣлаетъ и комароподобный баронъ, „сквозь маленькія, худыя, желтоватыя руки котораго уже пропущено было цѣлое состояніе, а теперь уходитъ другое наслѣдство, оставленное ему всего годъ тому назадъ“. Еще бы! Поддерживать въ себѣ „лихорадку неиспытанныхъ блаженствъ, идущихъ изъ области, недоступной человѣческимъ чувствамъ“ и быть всегда „à la recherche du singulier et du rare“—очень чувствительно для кармана; для такого „изощренія“ нужны деньги, предварительное накопленіе. Свою зависимость отъ презрѣннаго дряхлѣющаго міра и свою тѣсную съ нимъ связь должны бы,

казалось, сознавать всѣ декандентствующіе протестанты, до какого бы нравственнаго декаданса они ни дошли и какой бы ералашъ ни царилъ у нихъ въ головѣ. Персонажи г-жи Оржешко умнѣе и послѣдовательнѣе многихъ своихъ единомышленниковъ. Они не плюютъ въ тотъ колодезь, откуда имъ приходится пить воду, и прекрасно понимаютъ, что только золотой телецъ можетъ „открыть имъ врата жизни". Даже больше. При первой же надобности они готовы сѣсть на свои, правда, собственные, новые и раскрашенные корабли и отправиться въ поиски за блѣдно-желтымъ, блестящимъ руномъ, старымъ и всегда привлекательнымъ, вдохновлявшимъ еще ихъ отдаленныхъ предковъ. Но съ какимъ успѣхомъ?...

Новое произведеніе даровитой и симпатичной польско-русской писательницы мы рекомендуемъ вниманію читателей. Типы аргонавтовъ г-жи Оржешко любопытны и поучительны, выписаны они тщательно, умѣло, и повѣсть, несмотря на несложность интриги и встрѣчающуюся мѣстами растянутость изложенія, читается съ интересомъ.

П. Е. Накрохинъ. Идилліи въ прозѣ. Спб. 1899.

Десятокъ небольшихъ и разнаго достоинства разсказовъ, собранныхъ подъ этимъ заглавіемъ, проникнутъ одною общей идеей, опредѣлить которую можно какъ несоотвѣтствіе или фатальную коллизію между людскими надеждами, стремленіями и мечтами и суровой дѣйствительностью. Мы ничего не имѣемъ противъ этой темы по существу. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ старыхъ темъ, которыя всегда остаются новыми, и касается она такихъ сторонъ жизни, которыя всегда привлекали и привлекаютъ къ себѣ вниманіе наблюдателей своимъ бьющимъ въ глаза трагизмомъ. Жестокая проза безжалостно попираетъ распускающіяся надежды и зло тѣшитъ родъ людской иллюзіями и миражами. И не только гордыхъ, сильныхъ духомъ и парящихъ высоко надъ землей мечтателей обманываетъ и душитъ эта злая дѣйствительность, — она одинаково безжалостно относится и къ маленькимъ людямъ съ ихъ маленькими стремленіями; и у нихъ также, у этихъ маленькихъ людей, она отнимаетъ то маленькое счастье, на которое они считаютъ себя въ правѣ и которое такъ страстно, но тщетно силятся удержать въ своихъ рукахъ. Тема — жизненная и благодарная. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она слишкомъ обширна, расплывчата. На эту тему—о стремленіи человѣка къ счастью и о преградахъ, которыя онъ встрѣчаетъ на своемъ пути—можно очень много и очень разно говорить. О чемъ только, въ самомъ дѣлѣ, не мечтаютъ различные люди въ различныхъ положеніяхъ, чего только не считаютъ они своимъ счастьемъ! Тутъ и богатство и роскошь — на ряду съ кускомъ хлѣба для пропитанія и скромнымъ

желаніемъ не умереть съ голоду и выжить въ тяжелой борьбѣ за право существовать, тутъ стремленія матеріальныя и духовныя, нелѣпыя и обоснованныя, наконецъ, полезныя обществу, укрѣпляющія общественную солидарность, или въ этомъ смыслѣ безразличныя и даже вредныя. Такъ же разнообразны и препятствія, которыя ставитъ всѣмъ этимъ стремленіямъ окружающая среда, тѣ причины — физическія, біологическія и соціологическія — въ силу которыхъ та или другая заманчивая идиллія превращается въ отталкивающую прозу. Во всемъ этомъ разнообразіи писатель-художникъ долженъ разобраться съ точки зрѣнія требованій, которыя онъ предъявляетъ къ своей литературной дѣятельности, и тѣхъ задачъ, которыя онъ ставитъ себѣ, какъ активному посреднику между читателемъ и жизнью. Ему приходится выдѣлять отсюда цѣнное, поучительное, типичное, и уже эти наблюденія, по выбору, класть въ основу своихъ произведеній.

Сказанное имѣетъ ближайшее отношеніе къ г. Накрохину. Далеко не всякая „идиллія въ прозѣ" достойна стать сюжетомъ литературнаго произведенія—вотъ о чемъ прежде всего хочется напомнить нашему автору. Въ книжкѣ встрѣчаются идилліи малосодержательныя и малоинтересныя, а иногда и вовсе не стоющія вниманія. Таковъ, напр., недурно написанный разсказъ „Чиновникъ". Изображенный въ немъ пожилой и горько обманутый въ своихъ матримоніальныхъ разсчетахъ совѣтникъ губернскаго правленія — совсѣмъ не интересенъ въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица и скорѣе годился бы въ герои какого-либо бойкаго и пустенькаго водевиля. Этотъ идиллическій чиновникъ, со своими видами на десятилѣтнюю дѣвочку-подростка, очень ужъ тривіаленъ и анекдотиченъ...

Въ связи съ неумѣлымъ выборомъ темъ нужно отмѣтить и неудовлетворительную конструкцію многихъ разсказовъ г. Накрохина, которые производятъ впечатлѣніе чего то недоконченнаго, нецѣльнаго, отрывочнаго. Происходитъ это часто отъ того, что въ „Идилліяхъ", въ ущербъ мало интересной главной мысли, больше вниманія обращаютъ на себя второстепенныя подробности. Иногда детали, обстановка, вводные эпизоды пріобрѣтаютъ даже какъ бы самостоятельное значеніе, выступая на первый планъ и заслоняя собой основную тему разсказа. И въ такихъ случаяхъ разсказъ—напр. „Стихія"—превращается въ рядъ сценокъ и бытовыхъ картинокъ, хорошо выписанныхъ, но слабо между собою связанныхъ и имѣющихъ такое отдаленное отношеніе къ главному предмету повѣствованія, что ихъ количество можно бы совершенно произвольно уменьшить или еще увеличить, нисколько не измѣняя общей расплывчатой физіономіи произведенія, лишеннаго скелета, структуры.

Наконецъ, въ разсказахъ г. Накрохина нерѣдко попадаются натяжки, искусственныя положенія и сближенія дѣйствующихъ

лицъ, безъ чего, повидимому, трудно обойтись маленькому писателю, да еще съ невыработаннымъ вкусомъ. Но ему не такъ трудно избавиться отъ другого, техническаго недостатка, а именно—отъ своей непріятной манеры какъ можно чаще острить. Обильныя цитаты изъ поэтовъ, которыми злоупотребляетъ г. Накрохинъ, и постоянное стремленіе пустить остроту, хотя бы даже и не острую, сильно портятъ его изложеніе.

Общее впечатлѣніе, вынесенное отъ знакомства съ книжкой г. Накрохина, мы резюмируемъ такъ. Это писатель несомнѣнно наблюдательный, но у него нѣтъ опредѣленной точки зрѣнія, нѣтъ руководящей нити въ оцѣнкѣ жизненныхъ явленій: онъ какъ бы плаваетъ на поверхности житейскаго моря, равнодушно подбирая то, что выносится наверхъ, но не заинтересовываетъ читателя и не даетъ послѣднему возможности заглянуть вглубь этого моря. А плаваетъ г. Накрохинъ недурно. Техника у него хорошая, пишетъ онъ гладко и очень напоминаетъ собой человѣка, имѣющаго средства, но не умѣющаго ими пользоваться.

В. М. Сысоевъ. Разсказы охотника. Изданіе второе. М. 1899.

„Зачѣмъ эти постоянныя думы о дѣлѣ, объ обязанностяхъ, о необходимости; зачѣмъ горевать, плакаться на судьбу, страшиться будущаго!... Оторвемся отъ всего этого, оторвемся... и пойдемъ на охоту“. Тамъ, на охотѣ, вы вполнѣ отрѣшитесь отъ самого себя. Въ васъ проснутся кровожадные инстинкты вашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ; сердце ваше будетъ „замирать“ отъ предвкушаемаго наслажденія убить какое-нибудь ненужное вамъ пернатое созданіе, исключительно ради убійства; вы „готовы будете растерзать“ болѣе удачливаго соперника; вы потеряете даже внѣшнее обличье цивилизованнаго человѣка и начнете ругаться, „какъ цыганъ на базарѣ“ или „какъ барышникъ на площади“...

Но не ходите все-таки на охоту за г. Сысоевымъ. Если даже вы, грѣшнымъ дѣломъ, и не совсѣмъ равнодушны къ этому кровавому спорту, вы рискуете въ данномъ случаѣ убить вмѣсто какой-либо цѣнной красной дичи... только жалкую летучую мышь. Г. Сысоевъ, вѣроятно, съ нами не согласится и скажетъ, что летучія мыши, которыхъ онъ кладетъ по шести штукъ изъ десяти выстрѣловъ, это—такъ себѣ, между прочимъ. Но тѣмъ не менѣе, изъ предосторожности, мы посовѣтовали бы читателю оставить въ покоѣ г. Сысоева. Впрочемъ, что понимаемъ въ этомъ дѣлѣ мы, профаны? Развѣ намъ знакомы вкусы и требованія гг. спортсмэновъ? Лучше всего было бы, поэтому, послать книжку г. Сысоева куда-нибудь въ „клубъ развлекающихся стрѣлковъ“ или, напр., въ „общество для поощренія и распространенія среди культурныхъ обывателей обоего пола звѣриныхъ инстинктовъ“. Возможно, что какое-либо изъ этихъ почтенныхъ учрежденій будетъ

снисходительнѣе насъ и положитъ резолюцію: въ виду необременительности для читательскихъ мозговъ и въ виду отсутствія въ ней вредныхъ для охотничьяго спорта идей, книжку г. Сысоева допустить къ прочтенію охотниками, жаждущими духовной пищи и тѣлеснаго отдохновенія послѣ тяжкихъ, по своей спеціальности, трудовъ. Намъ остается только согласиться съ мнѣніемъ болѣе компетентныхъ судей. Да и кто знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, не будутъ ли тамъ, на лонѣ природы, за бутылкой коньяку и за неимѣніемъ подходящей компаніи, — не будутъ ли, дѣйствительно, какъ разъ въ пору эти разсказы, написанные на миломъ сердцу охотничьемъ жаргонѣ, содержащіе въ себѣ немножко доморощенной „поэзіи", немножко болтовни, немножко „сильныхъ ощущеній" и цѣлый лексиконъ ласкающихъ слухъ профессіональныхъ терминовъ?

Все, конечно, возможно. При извѣстныхъ условіяхъ и летучая мышь можетъ сойти за жирную куропатку. И, какъ видно, сходитъ: намъ пришлось познакомиться уже со *вторымъ* изданіемъ „разсказовъ охотника"... Хорошо быть охотникомъ!

П. Я. Кулишъ. Воспоминанія дѣтства. Повѣсти. Съ портретомъ автора и предисловіемъ В. И. Шенрока. Бахмутъ. 1899.

Г. Шенрокъ издалъ подъ этимъ заглавіемъ три повѣсти Кулиша („Яковъ Яковличъ", „Исторія Ульяны Терентьевны" и „Ѳеклуша"), впервые напечатанныя еще въ пятидесятыхъ годахъ. Едва ли, однако, эти беллетристическія произведенія украинскаго этнографа и историка найдутъ для себя многочисленныхъ читателей среди нашихъ современниковъ. Правда, по мнѣнію ихъ издателя, они „представляютъ значительный интересъ какъ по живымъ и правдивымъ изображеніемъ стариннаго быта въ одномъ изъ незамѣтныхъ уголковъ Россіи, такъ и по мастерской обрисовкѣ нѣсколько ярко очерченныхъ лицъ. Кромѣ того, большое значеніе имѣетъ свѣтлое отраженіе души самого автора, постепенно раскрывающейся передъ нами въ весьма привлекательныхъ чертахъ" (I). Мы рѣшаемся однако же не согласиться съ этими соображеніями г. Шенрока. Автобіографическій интересъ изданныхъ имъ повѣстей Кулиша весьма невеликъ, и тѣмъ менѣе можетъ имѣть значенія, что о „чертахъ души" автора мы имѣемъ возможность судить на основаніи другихъ, несравненно болѣе надежныхъ источниковъ. „Изображеніе быта" исчерпывается въ этихъ повѣстяхъ немногими чисто внѣшними описаніями. Главное вниманіе автора направлено въ другую сторону,—на изображеніе душевнаго міра его героевъ, и нельзя сказать, что это изображеніе отличается большою художественной силой. Кулишъ, несомнѣнно, обладалъ недюжиннымъ талантомъ художника, но это былъ талантъ крайне неровный и недисциплинированный, болѣе

склонный къ подражанію, чѣмъ къ самостоятельной работѣ, и способный поэтому наряду съ выдающимися произведеніями создавать крайне слабыя. Выбранныя г. Шенрокомъ для изданія повѣсти, на нашъ взглядъ, принадлежатъ къ послѣднему разряду. Если въ моментъ ихъ первоначальнаго появленія на свѣтъ на нихъ и были какія живыя краски, то эти краски давно уже потускнѣли и поблекли отъ времени. Написанные въ духѣ слащаво-приторнаго сентиментализма, разсказы Кулиша не воспроизводили типичныхъ чертъ изображаемой ими дѣйствительности и не пережили своей эпохи. Перенесенные въ современную литературу, они производятъ на читателя впечатлѣніе скорѣе курьезнаго остатка старины, чѣмъ интереснаго пріобрѣтенія. Г. Шенрокъ, относящійся, повидимому, съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти Кулиша, поступилъ бы, намъ кажется, удачнѣе, если бы переиздалъ романъ „Черная Рада“, являющійся самымъ крупнымъ и сильнымъ произведеніемъ покойнаго писателя въ беллетристической области.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ *П. В. Шейномъ.* Томъ I, выпускъ первый. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1898.

Имя П. В. Шейна давно извѣстно въ спеціальной этнографической литературѣ, какъ имя опытнаго и неутомимаго собирателя матеріаловъ, относящихся къ народному быту и въ частности къ пѣсенному творчеству народа. Не говоря уже о массѣ мелкихъ его работъ, въ разное время имъ было издано нѣсколько сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ и еще недавно Академія Наукъ напечатала три тома его „матеріаловъ для изученія быта и языка“ бѣлорусскаго племени. Новое изданіе, предпринятое теперь г. Шейномъ, задумано по очень широкому плану. Въ основу его легъ богатый и разнообразный матеріалъ, въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ собиравшійся издателемъ какъ непосредственно на мѣстахъ, такъ и черезъ посредство другихъ лицъ, передававшихъ ему свои записи. Все изданіе разсчитано на два тома: въ составъ перваго должны войти пѣсни, въ составъ второго — сказки, легенды, прибаутки, анекдоты и т. п., равно какъ описанія разнаго рода обрядовъ, обычаевъ и вѣрованій. Въ лежащемъ передъ нами первомъ выпускѣ перваго тома помѣщены пѣсни дѣтскія, хороводныя, плясовыя, бесѣдныя и пѣсни обрядовыя праздничныя. Пѣсни свадебныя и погребальныя, равно какъ затрогивающія болѣе широкія темы общественной и государственной жизни (историческія, казацкія, рекрутскія, солдатскія, бурлацкія и т. п.) вмѣстѣ съ коллекціей пѣсенъ новѣйшей формаціи составятъ содержаніе второго выпуска. Главною особенностью

построеннаго по этому плану сборника г. Шейна является его общій характеръ. Это не областной сборникъ, составленный по возможности изъ записей одного собирателя,—типъ, къ которому пріучила насъ литература послѣднихъ десятилѣтій,—а собраніе матеріала, записаннаго въ различныхъ великорусскихъ губерніяхъ и разными лицами, причемъ среди послѣднихъ встрѣчаются, напримѣръ, гимназисты и семинаристы, едва-ли обладавшіе достаточной подготовкой для строгого различенія особенностей народнаго говора. Несомнѣнно, областной сборникъ, особенно составленный сплошь спеціалистомъ своего дѣла, представляетъ значительныя преимущества, но мы не располагаемъ такимъ богатствомъ научныхъ силъ, которое позволяло бы разсчитывать исключительно на этотъ способъ накопленія этнографическихъ матеріаловъ, и поэтому сборники общаго характера, даже при условіи извѣстной пестроты въ пріемахъ ихъ составленія, являются не менѣе необходимыми. Давая не всегда вполнѣ надежный матеріалъ для филолога, сборникъ г. Шейна послужитъ весьма важнымъ пособіемъ въ рукахъ этнографа именно вслѣдствіе широты своей задачи. Для оцѣнки богатства даваемаго имъ матеріала достаточно сказать, что на 376 страницахъ перваго его выпуска напечатано 1283 №№ самостоятельныхъ пѣсенъ и варіантовъ къ нимъ, причемъ, за весьма лишь рѣдкими исключеніями, пѣсни эти не вызываютъ никакого сомнѣнія въ ихъ подлинности. Что касается принятаго г. Шейномъ распредѣленія ихъ, то оно можетъ дать поводъ къ нѣкоторымъ возраженіямъ. Г. Шейнъ проявляетъ наклонность къ чрезмѣрно, пожалуй, строгой систематизаціи пѣсеннаго матеріала, въ результатѣ которой создается нѣкоторая случайность устанавливаемыхъ имъ группъ, и особенно подгруппъ, ведущая къ тому, что онъ и самъ иногда повторяетъ одну и ту же пѣсню въ разныхъ отдѣлахъ своей книги. Особенно серьезнаго значенія это, конечно, не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что и вообще классификація пѣсенъ далеко еще не точно установлена въ литературѣ. Вообще же, привѣтствуя начало изданія г. Шейна, мы въ интересахъ развитія изученія народнаго быта можемъ лишь пожелать скорѣйшаго окончанія этого капитальнаго и цѣннаго труда.

С. А. Венгеровъ. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Спб. 1899.

Характеристика исторіи новѣйшей русской литературы обратилась подъ перомъ г. Венгерова въ горячій панегирикъ, парадоксальный по первому впечатлѣнію, но по существу справедливый. Г. Венгеровъ полагаетъ, что по „индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное по основнымъ теченіямъ своимъ русская литература новѣйшаго времени стоитъ безусловно

выше новѣйшей западно-европейской литературы, кульминаціонный пунктъ которой не во второй, а въ первой половинѣ вѣка". Русская литература—центральное проявленіе всѣхъ силъ русскаго духа, которыя при другомъ складѣ общественной жизни нашли-бы себѣ иное, не столь исключительное примѣненіе. Въ связи съ этимъ—главная особенность русской литературы—ея учительный, идейно-проповѣдническій, чтобы не сказать публицистическій характеръ. Это не ново, но выяснено въ работѣ г. Венгерова съ большой живостью и убѣдительностью.

Самая попытка формулировать основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы, быть можетъ, нѣсколько преждевременна: эта исторія далеко не закончена, мы еще цѣликомъ сидимъ въ ней, не умѣя по настоящему индивидуализировать ея выдающіяся явленія и взглянуть на нихъ издали: мы можемъ быть развѣ лишь лѣтописцами, хроникерами новѣйшей литературы, но не ея историками. Вотъ почему мы—люди одного толка съ авторомъ лежащей предъ нами книжки—такъ легко разойдемся съ нимъ въ оцѣнкѣ самыхъ элементарныхъ и, казалось-бы, безспорныхъ фактовъ изъ этой новѣйшей—въ сущности, текущей—исторіи русской литературы. Авторъ находитъ, напримѣръ, что за послѣдніе полъ вѣка въ русской литературѣ, въ противоположность западно-европейской, незамѣтно никакого развитія литературныхъ формъ. На западѣ за это время смѣнился цѣлый рядъ литературныхъ стилей и кореннымъ образомъ измѣнилась техника писанія; въ Россіи-же, гдѣ идетъ безпрерывная эволюція *идей*, литературныя формы почти неподвижны. „Можно ли себѣ представить самаго плохенькаго французскаго романиста, который сталъ-бы теперь писать въ стилѣ Жоржъ-Зандъ? Цѣлая бездна лежитъ между Зола и Жоржъ-Зандъ не только въ основныхъ пріемахъ, но и въ языкѣ, въ діалогѣ, въ концентрированіи вниманія читателей и т. д." У насъ же „беллетристическая и поэтическая манера, установившаяся въ 40-хъ гг., ни въ чемъ существенномъ не измѣнилась. Между Тургеневымъ и его литературнымъ внукомъ Гаршинымъ разницы въ стилѣ нѣтъ, нѣтъ ея и между Некрасовымъ и Надсономъ". Конечно, всякая характеристика стиля—настолько вопросъ чувства, что споры здѣсь едва ли возможны; но невозможно же не видѣть глубокаго различія въ манерѣ Тургенева и Гаршина и еще болѣе въ стилѣ Некрасова и Надсона, различія, которое идетъ гораздо дальше разницы въ идеяхъ. Наоборотъ, если что нибудь насъ сближаетъ съ литературой сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, то это сродство идей, тогда какъ стиль Короленка шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ мало возможенъ, а стиль Чехова просто немыслимъ. Намъ кажется, что съ формальной стороны Надсонъ гораздо дальше отъ Некрасова, чѣмъ Зола отъ Жоржъ-Зандъ, чѣмъ Бурже отъ Стендаля. „Когда Гюго было 70 лѣтъ, ему по-

клонялась вся Францiя, но никто ему не подражалъ. Толстому теперь тоже 70 лѣтъ и онъ не только представляетъ собой самую животрепещущую современность (*въ области литературной формы?*), но всякому ясно, что онъ еще долгiе годы будетъ законодателемъ формы русскаго романа". Здѣсь каждое слово просится на возраженiе. Что значатъ эти сакраментальныя 70 лѣтъ? Развѣ можно сравнивать двѣ литературы, исходя изъ сравненiя двухъ случайно избранныхъ и насквозь различныхъ бiографiй? Гюго въ 70 лѣтъ былъ весь въ прошедшемъ и ему никто не подражалъ, но кто у насъ *подражаетъ* Толстому? Его литературное влiянiе велико, но могучее влiянiе Гюго гораздо сильнѣе на французской литературѣ, и еще не такъ давно было съ чрезвычайной убѣдительностью указано, до какой степени новѣйшiя теченiя во французской лирикѣ коренятся въ Гюго. „Законодателемъ формы русскаго романа" Толстой, заставшiй эту форму готовой и ничего въ нее не внесшiй, не былъ и не будетъ, его значенiе въ другомъ.

Прочитанная въ качествѣ введенiя въ курсъ исторiи новѣйшей русской литературы въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекцiя г. Венгерова, вѣроятно, произвела впечатлѣнiе на его молодыхъ слушателей; имъ такъ рѣдко приходится слышать съ каѳедры жизненныя разсужденiя о тѣхъ именно предметахъ, къ которымъ они, какъ и всѣ русскiе люди, имѣютъ основанiе по указаннымъ выше причинамъ относиться съ особеннымъ интересомъ.

А. Алферовъ. Очерки изъ жизни языка. Введенiе въ методику родного языка. Москва. 1899.

Имѣя цѣлью познакомить будущихъ преподавательницъ русскаго языка съ нѣкоторыми свѣдѣнiями, которыя могутъ быть руководящими въ ихъ преподаванiи, авторъ предназначаетъ свою книжку также для болѣе широкой публики, „такъ какъ общiя свѣдѣнiя о родномъ языкѣ необходимы всякому". Книжка трактуетъ о происхожденiи, жизни и значенiи слова, о его звуковомъ составѣ, о классификацiи языковъ, объ отношенiи ихъ къ расамъ, о положенiи русскаго языка въ общей системѣ, объ отношенiи народнаго языка къ литературному, о преподаванiи родного языка. Интересной показалась намъ послѣдняя глава, гдѣ авторъ сообщаетъ, очевидно, результаты своего личнаго преподавательскаго опыта. Онъ вѣрно характеризуетъ незначительность результатовъ, которыхъ можно достигнуть на урокахъ родного языка, и вполнѣ правильно относится къ роли грамматики въ школѣ. „Грамматика, даваемая нашими учебниками, имѣющая условное значенiе и условныя правила, не должна разсматриваться, какъ нѣчто незыблемое и дѣйствительно вытекающее

изъ законовъ развитія языка; явленія разговорнаго языка не должны быть оцѣниваемы единственно съ точки зрѣнія школьныхъ учебниковъ грамматики: языкъ выше учебника грамматики даннаго времени, и никакому учебнику исчерпать и охватить его невозможно". Не лишены интереса практическія указанія относительно совмѣстной работы въ классѣ надъ провинціальными особенностями говора учениковъ. Но все это составляетъ содержаніе одной небольшой главы и еле намѣчено.

Мало удовлетворительна вся общая часть книжки. Авторъ знакомъ съ нѣкоторыми хорошими сочиненіями по наукѣ о языкѣ, но далеко не со всѣми, которыя долженъ изучить тотъ, кто учитъ другихъ. Перечень пособій, которыми онъ пользовался при составленіи своего очерка и которыя рекомендуетъ другимъ, удивляетъ своей случайностью. Изъ иностранцевъ здѣсь нѣтъ ни Гумбольдта, ни его лучшихъ учениковъ, изъ русскихъ нѣтъ даже Крушевскаго; за то — въ спискѣ изъ *восемнадцати* сочиненій — есть нѣмецкій курсъ церковно-славянскаго (то есть древне-болгарскаго) языка и статьи изъ „Образованія,"—быть можетъ очень хорошія, но никакъ не могущія даже для начинающаго замѣнить классиковъ языкознанія.

Но и тѣмъ, что прочиталъ авторъ, онъ воспользовался не такъ, какъ слѣдуетъ. Случайности и здѣсь, какъ видно, принадлежала господствующая роль. Если, напримѣръ, авторъ знакомъ съ сочиненіями Макса Мюллера и Потебни, то совершенно непонятно, какъ, говоря о значеніи слова, о причинѣ появленія новаго слова въ языкѣ, онъ ничего не говоритъ о значеніи слова для самого создателя слова, для говорящаго. Исторія языка для него исчерпывается развитіемъ уже готоваго капитала словъ; вопросъ о происхожденіи „корня" слова — о такъ называемой патогномической ступени въ развитіи языка—онъ обходитъ фразой: „какимъ образомъ появились древнѣйшія слова въ языкѣ каждаго народа, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ." Неизвѣстнымъ— кому? Въ сложной теоріи происхожденія языка есть, конечно, спорные пункты и недочеты, но отдѣлываться отъ нея такимъ легкимъ образомъ не годится. Это недоразумѣніе—не единственственное. Въ общемъ книжка производитъ впечатлѣніе чего то весьма отрывочнаго и неполнаго; мы остановились бы болѣе на ея положительныхъ сторонахъ, если бы она не была предназначена для „малыхъ сихъ", которыхъ такъ легко и такъ грѣшно вводить въ заблужденіе.

Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ III. Наука, философія и литература. Спб. 1899.

Изданіе полнаго собранія сочиненій Кавелина подвигается впередъ и обѣщаетъ скоро закончиться. Настоящій томъ его

открывается статьей г. Кони, дающей общую характеристику покойнаго ученаго, какъ дѣятеля науки и общественной жизни. Труды самого Кавелина, вошедшіе въ этотъ томъ, распредѣлены редакціей на пять отдѣловъ: статьи по вопросамъ университетскаго быта, работы по философіи, психологіи и этикѣ и, наконецъ, статьи и мелкія замѣтки, касающіяся вопросовъ литературы и искусства. Главное содержаніе книги относится именно къ области философіи и сопредѣльныхъ съ нею наукъ, въ которыхъ Кавелинъ надѣялся въ свое время произвести полный переворотъ, хотя, какъ извѣстно, надежды эти не оправдались. Наряду съ извѣстными „Мыслями о современныхъ научныхъ направленіяхъ", „Задачами психологіи" и „Задачами этики" здѣсь перепечатаны и связанныя съ ними болѣе мелкія статьи и полемическія замѣтки. Новы въ этихъ отдѣлахъ лишь программы исторіи философіи и ученія о естественной религіи, набросанныя Кавелинымъ, въ видѣ конспектовъ будущихъ трудовъ, въ послѣдніе годы его жизни и остававшіяся до сихъ поръ ненапечатанными; большого интереса однако же онѣ не заключаютъ въ себѣ. Не ново и содержаніе отдѣла, посвященнаго вопросамъ университетскаго строя. Статьи о западныхъ, по преимуществу нѣмецкихъ, университетахъ, печатавшіяся Кавелинымъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ русскихъ журналахъ, явились результатомъ данной ему въ 1862 г. министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ командировки за-границу для изученія тамошней организаціи высшаго преподаванія. Самъ Кавелинъ ожидалъ отъ этой своей работы большой пользы на практикѣ въ смыслѣ замѣны въ Россіи французскаго образца высшаго учебнаго заведенія нѣмецкимъ университетомъ съ его широкими правами и признанной свободой науки. „Хоть ты и острить надо мной,—писалъ онъ къ одному изъ друзей 6 апр. 1862 г.,—что я сижу въ Парижѣ надъ университетами, которыхъ нѣтъ, а я считаю очень полезнымъ разоблачить у насъ тайну французскаго университета, съ которымъ мало кто знакомъ досконально. Полезно это потому, что наши университеты и вообще вся наша система воспитанія покрыта сѣтью французскихъ учрежденій, что ихъ и губитъ; безъ нея дѣло бы шло гораздо лучше. Нужно эту повязку сорвать съ глазъ". „Во Франціи—писалъ онъ позднѣе въ одной изъ своихъ статей—начало авторитета и власти проведено съ большою послѣдовательностью въ устройствѣ факультетовъ и высшихъ школъ, и притомъ не какъ теоретически самое вѣрное, а какъ практически самое полезное. Французское правительство думало найти въ такой организаціи лучшее, надежнѣйшее средство для искорененія въ самомъ зародышѣ ядовитой революціонной мысли, для подавленія вредныхъ ученій, для обузданія учащейся молодежи. Но результаты этой системы мы знаемъ; они совсѣмъ не тѣ, какіе ожидались. Эта система потребовала отъ

Франціи великихъ жертвъ, отняла у нея свободу науки, мысли, преподаванія, ученія, а пользы, какую сулила, не принесла. Профессоры, съ свободой слова, утратили и вліяніе; ихъ дѣйствіе на молодыхъ людей не улучшилось, а исчезло; французское юношество не стало образованнѣе и нравственнѣе, даже въ полицейскомъ смыслѣ не сдѣлалось благонадежнѣе. Чтобы изъ учащейся молодежи могли выработаться честные, спокойные граждане, она должна получать основательное и многостороннее высшее образованіе; а гдѣ, въ какой французской школѣ оно теперь дается?" (7—8). Не получившія, вопреки ожиданіямъ автора, практическаго примѣненія въ свое время, эти статьи, хотя и устарѣлыя въ фактической своей части, и теперь все же сохраняютъ интересъ, какъ послѣдовательная и стойкая защита свободы университетскаго преподаванія и ученія, до сихъ поръ еще не нашедшей для себя мѣста въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Менѣе интересны мелкія статьи по вопросамъ литературы и искусства, составляющія послѣдній отдѣлъ книги. Но и среди нихъ есть одна очень цѣнная, тѣмъ болѣе, что она впервые еще является въ печати въ полномъ видѣ. Это именно— „Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ", написанныя Кавелинымъ для г. Пыпина и отчасти вошедшія въ извѣстную книгу послѣдняго о Бѣлинскомъ. Нѣкоторые, и притомъ весьма интересные, эпизоды изъ этихъ воспоминаній остались, однако, въ свое время не воспроизведенными въ книгѣ г. Пыпина. Укажемъ для примѣра на отзывъ о В. П. Боткинѣ, особенно любопытный въ виду того, что за послѣдніе годы личность Боткина въ глазахъ нѣкоторыхъ критиковъ и историковъ литературы получила преувеличенное, едва-ли принадлежащее ей значеніе. Въ 1848 г., разсказываетъ Кавелинъ, Бѣлинскій „о В. П. Боткинѣ отзывался такъ: „Боткинъ съѣздилъ въ Европу и познакомился съ нею какъ скиѳъ; заразился европейскимъ развратомъ, а великія европейскія идеи пропустилъ мимо ушей. Боткинъ, дѣйствительно,—продолжаетъ авторъ воспоминаній уже отъ себя,—возвратился въ мое время изъ-за границы смакующимъ буржуа, падкимъ до тонкихъ наслажденій и закрытымъ наглухо для соціальныхъ стремленій того времени. Онъ былъ мало симпатиченъ". Равнымъ образомъ и о самомъ Бѣлинскомъ въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ они теперь напечатаны, есть нѣсколько новыхъ и цѣнныхъ сообщеній, которыми долженъ будетъ воспользоваться будущій біографъ великаго критика.

Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. Спб. 1899.

Письма знаменитаго хирурга, посылавшіяся имъ къ женѣ во время двухъ его поѣздокъ въ Севастополь въ 1854—55 гг. и

изданныя теперь подъ приведеннымъ заглавіемъ, являются цѣннымъ памятникомъ изъ эпохи Севастопольской осады. Въ нихъ нѣтъ, правда, ни батальныхъ описаній, ни детальной критики военныхъ дѣйствій, ни общихъ теоретическихъ разсужденій. Они представляютъ собою просто бѣглый, въ свое время не предназначавшійся для посторонняго взора отчетъ о тѣхъ фактахъ, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ довелось быть ихъ автору, и о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія ему пришлось переживать. Но именно непритязательный характеръ этихъ наскоро набросанныхъ строкъ и придаетъ имъ особенный интересъ, помогая читателю легче войти въ настроеніе ихъ автора и ярче представить себѣ изображаемыя имъ картины. Въ короткихъ, нерѣдко отрывочныхъ и всегда правдивыхъ письмахъ Пирогова подробности Севастопольской драмы развертываются передъ читателемъ съ такою же постепенностью, съ какой нѣкогда вставали онѣ передъ глазами самого автора этихъ писемъ. Пироговъ отправлялся въ осажденный Севастополь безъ всякаго предубѣжденія, безъ всякаго напередъ составленнаго намѣренія увидѣть одни недостатки существующаго порядка, и однако въ самомъ скоромъ времени именно эти недостатки приковали къ себѣ все его вниманіе. Уже при проѣздѣ черезъ южныя губерніи его поразило невозможное состояніе дорогъ. Въ Бахчисараѣ онъ впервые осмотрѣлъ временный военный госпиталь. „Описать, чтó мы нашли въ этомъ госпиталѣ,—говоритъ онъ,—нельзя: горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ въ двухъ казарменныхъ домишкахъ, заключавшихъ въ себѣ 350 больныхъ, положенныхъ на нарахъ, одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, безъ порядка, безъ разницы, съ нечистыми вонючими ранами возлѣ чистыхъ, по благоусмотрительному человѣколюбію врача и смотрителя герметически запертыхъ при температурѣ слишкомъ въ 18° Р., не перевязанныхъ болѣе сутокъ, вѣроятно также изъ человѣколюбія“ (33—4). Еще болѣе тяжелыя и потрясающія впечатлѣнія ожидали Пирогова въ Севастополѣ, куда онъ пріѣхалъ 12 ноября 1854 г., черезъ 18 дней послѣ Инкерманскаго сраженія. „24 октября—писалъ онъ женѣ—дѣло не было неожиданное, его предвидѣли, предназначали и не позаботились. 10 и даже 11,000 было выбито изъ строя, 6,000 слишкомъ раненыхъ и для этихъ раненыхъ не приготовили ровно ничего; какъ собакъ бросили ихъ на землю; на нарахъ цѣлыя недѣли они не были перевязаны и даже почти не накормлены... Пріѣхавъ въ Севастополь... 18 дней послѣ дѣла, я нашелъ слишкомъ 2,000 раненыхъ, скученныхъ вмѣстѣ, лежащихъ на грязныхъ матрацахъ, пропитанныхъ кровью, перемѣшанныхъ, и, разсортировавъ ихъ, цѣлые 10 дней почти съ утра до вечера долженъ былъ оперировать такихъ, которымъ операцію нужно было

сдѣлать тотчасъ послѣ сраженія. Только послѣ 24 явились начальникъ штаба и генералъ-штабъ-докторъ; до того времени какъ будто и войны не было: не заготовили ни бѣлья для раненыхъ, ни транспортныхъ средствъ, и когда вдругъ къ прежнимъ раненымъ прихлынуло 6,000, то и не знали, что́ и начать. За кого же считали солдата? Кто будетъ хорошо драться, когда убѣжденъ, что раненаго бросятъ какъ собаку?“ (17—18). Первая встрѣча съ главнокомандующимъ, кн. Меншиковымъ, также произвела на Пирогова непріятное впечатлѣніе. Не рѣшаясь судить объ его военныхъ дѣйствіяхъ, онъ однако же замѣчаетъ объ немъ: „солдаты не знаютъ своего полководца, полководецъ не заботится о солдатахъ“ (21). По мѣрѣ того, какъ шло время и Пироговъ ближе присматривался къ порядкамъ, царившимъ вокругъ него, его отзывы и объ этихъ порядкахъ, и о личности главнокомандующаго становились все болѣе желчными и рѣзкими, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе возрастало его уваженіе къ настоящему герою войны—солдату, являвшемуся жертвою такихъ порядковъ. Описывая возмутительно небрежную перевозку раненыхъ и больныхъ, онъ прибавляетъ: „смотря на этихъ несчастныхъ, благодаришь Бога и миришься со всѣми лишеніями, видя, что есть люди, которые безъ ропота переносятъ то, что казалось бы невозможнымъ для человѣка“ (40). Замѣна Меншикова Горчаковымъ подала было Пирогову надежду на улучшеніе дѣлъ, но эта надежда скоро и исчезла. При новомъ главнокомандующемъ остался прежній порядокъ или, вѣрнѣе, безпорядокъ, и черезъ нѣкоторое время Пирогову пришлось констатировать тотъ фактъ, что „многіе даже желаютъ уже Меншикова назадъ“ (123). Хаосъ и интриги въ высшемъ управленіи арміей, отсутствіе заботъ начальствующихъ лицъ о больныхъ и раненыхъ, вытекавшее частью изъ халатности и формализма, частью изъ корыстныхъ побужденій, наконецъ открытыя хищенія въ хозяйственномъ и больничномъ вѣдомствѣ,—всѣ эти явленія, наблюдать которыя Пирогову приходилось постоянно и бороться съ которыми онъ чувствовалъ себя безсильнымъ при существующихъ условіяхъ, приводили его въ отчаяніе и заставляли мечтать о скорѣйшемъ отъѣздѣ съ театра войны. Читая эти письма, можно лишній разъ наглядно представить себѣ, какъ подъ вліяніемъ севастопольской эпопеи въ умахъ ея современниковъ должна была складываться мысль о необходимости коренныхъ реформъ въ государственной и общественной жизни Россіи...

Остается сказать, что съ внѣшней стороны настоящая книга издана прекрасно и что къ ней приложены три портрета Пирогова и нѣсколько рисунковъ, изображающихъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, комнату, въ которой онъ скончался, церковь, гдѣ находился его прахъ до похоронъ, другую церковь, стоящую надъ его склепомъ, и видъ памятника ему въ Москвѣ.

Магда Нейманъ. Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія. Спб. 1899.

Читатель жестоко разочаруется, если для знакомства, хотя бы самаго поверхностнаго, съ исторіей и современнымъ положеніемъ армянъ изберетъ книгу г-жи Нейманъ. Въ ней онъ найдетъ, вмѣсто безпристрастнаго изложенія фактовъ прошлаго и настоящаго народа, столь долго волновавшаго умы всего цивилизованнаго міра совершавшимися надъ нимъ ужасами турецкаго насилія и звѣрства, легкій памфлетъ. Армянскій народъ—передовая культурная нація на Кавказѣ, весьма дружественная русскимъ и развившая въ своей исторіи, какъ основныя національныя черты, способность къ быстрому экономическому и умственному развитію и храбрость,—такова главная идея первой части книги, недостаточно убѣдительно доказанная и еще менѣе внушающая довѣріе по тѣмъ пріемамъ, которыми пользуется авторъ для того, чтобы сообщить ей именно убѣдительность и серьезность. Такъ, однимъ изъ этихъ пріемовъ доказательства является указаніе на имена нѣсколькихъ славныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ армянъ (эпитетъ „славный“ г-жа Нейманъ понимаетъ въ этомъ случаѣ весьма широко), причемъ описанія ихъ подвиговъ цитируются тутъ же въ примѣчаніяхъ по газетнымъ выдержкамъ изъ „Новаго Времени“, „Петербургскихъ Вѣдомостей“ и т. д. Другой пріемъ, примѣненный во второй части книги, состоитъ въ томъ, что политическая исторія армянъ и ихъ современное положеніе разсматриваются исключительно съ точки зрѣнія нѣкоего г. Никогосова, который, оказывается, натворилъ кучу подвиговъ, но, представьте, до сихъ поръ не попалъ еще на страницы иловайской исторіи. Вмѣстѣ съ г. Никогосовымъ г-жа Нейманъ ополчается противъ покойнаго проф. Патканова, который осмѣлился низвести армянское государство въ его историческомъ прошломъ до степени „только географическаго термина“ и заявилъ когда-то, что „Арменія не была, насколько извѣстно, родиной культурнаго народа“.—„Всѣмъ знакомымъ съ исторіей Арменіи извѣстно, говоритъ авторъ, что это была единственная страна въ мірѣ, въ которой никогда не существовало ни кастъ (въ какомъ смыслѣ?), ни рабовъ, ни крѣпостныхъ, съ самаго начала ея политическаго бытія до его конца“, но въ доказательство культурности древнѣйшихъ армянъ приводитъ лишь ихъ занятія земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлей. По отношенію къ современному положенію г-жа Нейманъ отдаетъ рѣшительное преимущество турецкимъ армянамъ предъ русскими и съ большимъ предубѣжденіемъ относится къ русско-армянской интеллигенціи. Представители ея являются въ изображеніи автора „нищими духомъ и убогими мыслями“. Куда же они дѣваются по окончаніи курса? спрашиваетъ г-жа Нейманъ.—„Прежде всего они стремятся на коронную службу. Постепенно двигаясь впередъ, иные изъ нихъ достигаютъ

даже поста вице-директора или директора департамента какого-нибудь министерства. Но и на такихъ высокихъ и отвѣтственныхъ должностяхъ они легко сбиваются съ пути и вслѣдствіе своей извращенности и духовной безпочвенности становятся ни Богу свѣчой, ни черту кочергой"...

Настойчиво проводя ту мысль, что армянская интеллигенція составляетъ большое зло и для Россіи и для армянскаго народа, авторъ, ни на минуту не отпуская отъ себя г. Никогосова, побѣдоносно борется опять-таки съ покойникомъ — Григоріемъ Арцруни, редакторомъ газеты Мшакъ и, уличаетъ его въ quasi-либерализмѣ и служеніи „нашимъ и вашимъ". Газету Мшакъ г-жа Нейманъ иронически называетъ „прогрессивно-радикально-гуманнитарно (sic)-моралистической, имя которой, по ея разрушительному вліянію на общественную нравственность, наиболѣе подходитъ къ слову „мышьякъ". Остроумно, удивительно остроумно, но еще болѣе остроумно опровергаетъ г-жа Нейманъ мысль Арцруни о необходимости открытія въ Тифлисѣ университета, гдѣ предметы преподавались бы на армянскомъ языкѣ. Арцруни спрашивалъ: „Коль скоро въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки и въ Швейцаріи преподаются предметы на языкѣ большинства слушателей, отчего же то же самое не можетъ практиковаться и въ Россіи?" Г-жа Нейманъ прежде всего, не безъ основанія впрочемъ, напоминаетъ покойному редактору, что онъ живетъ не въ Америкѣ и не въ Швейцаріи, а затѣмъ и къ самой идеѣ высшаго образованія армянъ относится отрицательно, имѣя въ виду благо простого армянскаго народа, культурность котораго съ такимъ жаромъ доказывала въ первой половинѣ своей книги. Обскурантизмъ почтенной писательницы имѣетъ подъ собой прочную почву во „мнѣніяхъ" князя В. П. Мещерскаго, подъ которыми всецѣло подписывается она. Символъ вѣры пресловутаго редактора „Гражданина" приводится въ одномъ изъ приложеній къ книгѣ и, надо отдать честь автору, выдержка сдѣлана настолько искусно и проповѣдь мракобѣсія заключена въ столь классическую форму, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько фразъ изъ цитируемаго г-жей Нейманъ „Дневника". „Христосъ, Спаситель міра, родился и пришелъ изъ народа, вѣщаетъ князь Мещерскій. Антихристъ, губитель міра, придетъ изъ интеллигенціи. Христосъ сказалъ: воздадите Кесарево Кесареви, а Божіе Богови; интеллигенція говоритъ: воздадите все мнѣ. Мысли эти, продолжаетъ та же пиѳія тономъ кающейся весталки, заношу сегодня въ „Дневникъ" потому, что сегодня видѣлся съ такимъ же „уродомъ", какъ я, —съ убѣжденнымъ врагомъ интеллигенціи. Къ тому же, въ довершеніе курьеза, этотъ уродъ—полудикій горецъ по отцу, армянинъ по матери, а по званію и духу русскій дворянинъ..." Въ концѣ выдержки, въ которомъ процессъ народнаго образованія названъ „ужаснымъ"

и „роковымъ“ процессомъ, „гдѣ одинъ или два учатся, а девять или восемь развращаются“, авторъ восторженно восклицаетъ: „Увы! какъ вѣрны эти мысли!“ Если къ этому добавить, что этимъ „уродомъ“, вдохновившимъ князя Мещерскаго, былъ никто иной, оказывается, какъ тотъ же г. Никогосовъ, изъ котораго почерпала свои вдохновенія и г-жа Нейманъ, то характеръ книги и основная точка зрѣнія пріобрѣтутъ полную опредѣленность въ глазахъ читателя, и самая книга займетъ столь же опредѣленное положеніе въ особенно развившейся въ послѣднее время литературѣ оскудѣнія и помраченія общественной мысли.

И. И. Гейеръ. Туркестанскія скитанія. Съ 7 рисунками. Ташкентъ 1899.

Эта небольшая книга, изданная на далекой окраинѣ, заключаетъ въ себѣ не мало любопытныхъ данныхъ и во всякомъ случаѣ даетъ читателю гораздо болѣе того, что обѣщаетъ ея заглавіе. Она не столько интересна собственно „скитаніями“ автора, въ качествѣ члена научной экспедиціи, по Туркестану, сколько тѣми бытовыми и этнографическими фактами, которые говорятъ сами за себя и наглядно рисуютъ современное положеніе „сыновъ степи“, вступающихъ въ новыя фазы культурнаго и экономическаго развитія и выработывающихъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни, новыя формы правовыхъ и общественныхъ отношеній. Авторъ, повидимому, близко знакомъ съ подробностями быта и племеннаго характера киргизовъ, и то, что онъ сообщаетъ объ ихъ экономическомъ положеніи, не лишено живого и притомъ поучительнаго интереса. Таковъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, какимъ образомъ киргизы попадаютъ въ кабальную зависимость къ бухарскимъ евреямъ и татарамъ (казанскимъ), при „свободномъ“ обмѣнѣ гнилыхъ ситцевъ на цитварное сѣмя, кожу и прочіе виды сырья; таковы же разсказы о рыбныхъ промыслахъ и особенно—о появленіи среди киргизовъ аристократовъ „по положенію“, избираемыхъ, по новому закону, въ волостные, біи и прочія должности, возвышающія честолюбиваго степняка надъ его сородичами. Раздобытая передъ выборами одна—другая тысяча рублей превращаетъ, разсказываетъ авторъ, зауряднаго киргиза въ важнаго волостного. Эту тысячу рублей киргизъ всегда найдетъ у татарина, если только личность его внушитъ послѣднему надежду извлечь, съ проведеніемъ его въ волостные, какія-либо торговыя выгоды. „Несмотря на некультурность среднеазіатскихъ степей, выборная агитація ведется здѣсь по всѣмъ правиламъ западно-европейскихъ обычаевъ. Митинги, горячія рѣчи о пользѣ, правдѣ и любви, обильныя угощенія избирателей и подкупы наиболѣе изъ нихъ упрямыхъ—это все такіе ординарные пріемы, что къ нимъ степь привыкла,

какъ къ обыденнымъ явленіямъ"... Наряду съ этимъ степь выработала и свои особенности, передъ которыми блѣднѣютъ ухищренія европейцевъ. По закону, передъ выборами лицъ туземной администраціи происходятъ выборы пятидесятниковъ отъ каждаго аульнаго общества. Въ ихъ руки, какъ въ руки избранниковъ народа, передается судьба счастливца, которому будетъ суждено три года управлять волостью или чинить Божій судъ по адату между ея населеніемъ. И вотъ пока ведется дѣятельная агитація въ пользу того или другого претендента, толпа удальцовъ какой нибудь партіи рѣшается иногда выкрасть пятидесятниковъ партіи противоположной; если имъ это удастся, они прячутъ послѣднихъ въ какомъ-нибудь оврагѣ и измором заставляютъ ихъ вотировать за своего кандидата. Вообще административныя рамки, въ которыя сдѣлана попытка заключить жизнь привольнаго степняка, создали не мало осложненій, коренным образомъ отразившихся на міровоззрѣніи туземцевъ. Къ сожалѣнію, авторъ не отмѣчаетъ того характера, которымъ отличается здѣсь русское вліяніе, и его конкретныхъ проявленій какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ бытѣ народа,—отсутствіе этого дѣлаетъ изображеніе киргизскаго быта неполнымъ и одностороннимъ. Дѣловое изложеніе, дающееся автору довольно легко, сбивается у него мѣстами на претензію на художественность въ описаніяхъ природы, и тутъ автора постигаетъ полная неудача: тяжелыя массы сѣрыхъ облаковъ *лѣниво бродятъ* у него по небу, проливные дожди, эти „огорченія весны", названы „могучими реагентами, которыми природа каждый годъ будитъ старушку—землю послѣ зимней ея летаргіи"... При всемъ томъ книжка г. Гейера заслуживаетъ быть отмѣченной среди изданій, посвященныхъ характеристикѣ современнаго положенія дѣлъ на нашихъ окраинахъ.

Б. Г. Ольшамовскій. Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ. Спб. 1899.

Книга г. Ольшамовскаго трактуетъ одинъ изъ частныхъ вопросовъ нашей текущей жизни и дѣйствующаго законодательства, но этотъ послѣдній входитъ въ составъ другого, болѣе широкаго вопроса, имѣющаго всѣ права на самое серьезное и пристальное вниманіе общества и касающагося отношеній русской государственной власти къ различнымъ народностямъ, обитающимъ на подчиненной ей территоріи. Г. Ольшамовскій поставилъ своей задачей разборъ ограничительныхъ законовъ въ области землевладѣнія, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Западнаго края съ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ своемъ предисловіи онъ самъ указываетъ тѣ соображенія, какія заставили его взяться за этотъ трудъ. „Въ послѣднее время — говоритъ онъ — возникли слухи о томъ, что въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ урегулированіи правъ по землевладѣнію въ Западномъ краѣ. Воп-

росъ этотъ слишкомъ существенно затрагиваетъ интересы общества и государства, имѣетъ свою поучительную исторію и представляетъ разнородную судебную практику, а поэтому заслуживаетъ всесторонняго обсужденія, и притомъ sine ira et studio". Г. Ольшамовскій къ тому же не только юристъ-теоретикъ, но и адвокатъ, имѣвшій возможность встрѣчаться съ вопросомъ о правахъ землевладѣнія въ Западномъ краѣ и въ своей профессіональной практикѣ, и это также послужило для него побужденіемъ „высказать, на основаніи своего личнаго опыта, свой взглядъ на указанный вопросъ". Въ его лицѣ съ читателемъ бесѣдуетъ такимъ образомъ не только ученый спеціалистъ, но и человѣкъ, по крайней мѣрѣ, отчасти знакомый съ практическою постановкой разбираемаго имъ вопроса въ дѣйствительной жизни. Тѣмъ интереснѣе, конечно, прислушаться къ этой бесѣдѣ. Изложенію дѣйствующаго порядка авторъ предпосылаетъ краткій очеркъ исторіи землевладѣнія въ нынѣшнемъ Западномъ краѣ до 1863 г. Этотъ очеркъ, не дающій читателю ничего существенно важнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ заключающій въ себѣ нѣкоторыя рискованныя положенія, могъ бы однако, по нашему мнѣнію, и отсутствовать въ книгѣ, безъ всякаго ущерба для послѣдней. Совершенно иное приходится сказать о трехъ слѣдующихъ главахъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ развитіе съ 1863 г. ограниченій правъ поляковъ, евреевъ и иностранцевъ на землевладѣніе въ Западномъ краѣ, мѣры правительства къ водворенію въ этой мѣстности русскаго элемента и практику дѣйствія ограничительныхъ законовъ. Нѣсколько сухо написанныя, эти главы все же представляютъ большой интересъ, заключая въ себѣ любопытную исторію ограничительныхъ законовъ и не менѣе любопытныя соображенія автора по поводу ихъ практическаго значенія. Эти законы были обязаны своимъ происхожденіемъ настроенію, водворившемуся въ правительственныхъ сферахъ послѣ польскаго возстанія 1863 г., подъ вліяніемъ котораго правительство рѣшилось разбить „корпоративную замкнутость владѣнія недвижимой собственностью" въ названномъ краѣ и усилить ради политическихъ цѣлей въ составѣ класса крупныхъ землевладѣльцевъ русскій элементъ. Путь, на который ступило такимъ образомъ правительство, оказался идущимъ по наклонной плоскости: за первыми ограниченіями правъ поляковъ и евреевъ по пріобрѣтенію въ собственность и пользованіе недвижимыхъ имѣній, состоявшимися въ 1864 и 1865 гг., вскорѣ послѣдовали новыя, еще болѣе стѣснительныя, затѣмъ были созданы ограниченія правъ иностранцевъ и, наконецъ, явилась надобность и лицъ русскаго происхожденія раздѣлить на имѣющихъ возможность осуществить свое право на покупку имѣній и не имѣющихъ таковой, причемъ это раздѣленіе, по закону 1 ноября 1886 г., предоставлено было усмотрѣнію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Всѣ эти законодательныя мѣры не отличались

къ тому же большою ясностью и точностью, что давало возможность, какъ убѣдительно доказываетъ авторъ на рядѣ примѣровъ, административной и судебной практикѣ все время идти впереди закона, подчасъ довольно произвольно расширяя его смыслъ и область его примѣненія. „Если извѣстный законъ, — замѣчаетъ по этому поводу г. Ольшамовскій,—какъ вообще всѣ ограничительные по происхожденію законы, имѣетъ своимъ основаніемъ и источникомъ не правосознаніе и потребности общества, а политическіе виды правительства, то, понятно, такой законъ не можетъ быть въ своихъ деталяхъ ясенъ и вполнѣ понятенъ не только для общества, но даже и для судебнаго сословія, долженствующаго примѣнять и изъяснять такой законъ“. Въ виду этого, не говоря уже объ администраціи, въ своихъ дѣйствіяхъ неоднократно выходившей за предѣлы примѣненія закона, „не только низшія судебныя мѣста, но даже и самъ правительствующій сенатъ не могъ избѣгнуть распространительнаго и притомъ несогласнаго съ духомъ закона толкованія ограничительныхъ законовъ о землевладѣніи въ Западномъ краѣ“ (95). Прямымъ результатомъ такого положенія дѣлъ, наряду съ чрезмѣрнымъ расширеніемъ власти мѣстной администраціи, присвоившей себѣ, напримѣръ, не обусловленное за нею закономъ право ограничивать размѣръ земельныхъ пріобрѣтеній крестьянъ-католиковъ и лицъ русскаго происхожденія, въ мѣстномъ обществѣ явилось стремленіе, съ одной стороны, къ обходу законовъ — „естественному послѣдствію всякихъ ограничительныхъ законовъ, основанныхъ только на національномъ различіи субъектовъ правъ“,—съ другой, къ своего рода корыстному крючкотворству. Въ особой главѣ авторъ подводитъ итоги своего предъидущаго изложенія и, ставя вопросъ о томъ, есть ли смыслъ и польза для государства въ сохраненіи дѣйствія ограничительныхъ законовъ на будущее время, отвѣчаетъ на него рѣшительнымъ отрицаніемъ. Прежде всего, по его мнѣнію, нѣтъ возможности и при дѣйствіи этихъ законовъ разсчитывать на дальнѣйшее сколько-нибудь быстрое сокращеніе польскаго и ростъ русскаго землевладѣнія въ краѣ, такъ какъ изъ польскихъ землевладѣльцевъ уцѣлѣли лишь наиболѣе въ экономическомъ отношеніи солидные. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и основная причина введенія въ дѣйствіе ограничительныхъ законовъ, такъ какъ съ осуществленіемъ въ Западномъ краѣ крестьянской реформы не существуетъ въ немъ болѣе и „корпоративной замкнутости владѣнія недвижимой собственностью“. Безполезные для правительства, эти законы являются вредною помѣхою на пути нормальнаго развитія государственныхъ и общественныхъ отношеній. Они способствуютъ экономическому упадку края, какъ указываетъ авторъ на основаніи теоретическихъ соображеній, очень вѣроятныхъ, хотя и не вполнѣ, конечно, замѣняющихъ фактическія данныя. Не менѣе важенъ вредъ этихъ законовъ въ

другомъ отношеніи. Установленная изъ политическихъ видовъ неравноправность различныхъ національностей на почвѣ землевладѣнія повлекла за собой въ качествѣ необходимаго дополненія и неравноправность лицъ, принадлежащихъ къ одной и той же господствующей національности, а то и другое вмѣстѣ „вызвало еще и неблагопріятныя послѣдствія нравственнаго свойства: оно невыгодно вліяло на нравственность лицъ, такъ или иначе вступающихъ въ столкновеніе между собою по дѣламъ, возникавшимъ изъ землевладѣнія въ Западномъ краѣ и изъ ограничительныхъ по оному узаконеній, а также вызывало неустойчивость въ этомъ отношеніи судебной практики“ (119). Наконецъ, къ такимъ же невыгоднымъ нравственнымъ послѣдствіямъ названныхъ законовъ авторъ относитъ и „предоставленіе усмотрѣнію мѣстной административной власти широкаго простора въ дѣлахъ гражданскихъ между частными лицами“ (122). Этихъ аргументовъ по существу вполнѣ достаточно для защиты отстаиваемаго г. Ольшамовскимъ дѣла, но онъ, къ сожалѣнію, не ограничивается ими, а прибѣгаетъ еще и къ такимъ доказательствамъ, цѣнность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна. „Вліяя на пониженіе цѣнности земли въ рукахъ польскихъ землевладѣльцевъ и уничтоживъ свободный оборотъ таковой, законы о землевладѣніи въ Западномъ краѣ — говоритъ онъ—тѣмъ самымъ способствуютъ къ образованію въ средѣ польскихъ землевладѣльцевъ земледѣльческаго пролетаріата, а также къ выдѣленію изъ этой среды контингента умственнаго (интеллигентнаго?) пролетаріата, а тотъ и другой пролетаріатъ это подходящій матеріалъ для соціалистическаго движенія, вреднаго государству и обществу и, по характеру жителей Западнаго края, по характеру ихъ исторіи, не имѣвшаго тамъ до послѣдняго времени никакого основанія“ (123). Въ ряду причинъ, содѣйствующихъ образованію деревенскаго пролетаріата въ губерніяхъ Западнаго края, ограничительные законы занимаютъ, безъ сомнѣнія, одно изъ послѣднихъ и самыхъ невидныхъ мѣстъ, и ихъ уничтоженіе едва ли могло бы сколько-нибудь замѣтно ослабить это соціально-экономическое явленіе, несравненно болѣе широкое въ своемъ происхожденіи, чѣмъ предполагаемая для него г. Ольшамовскимъ причина. Съ другой стороны, мы не можемъ представить себѣ, какимъ образомъ прошлое народа можетъ застраховать его въ настоящемъ отъ тѣхъ или иныхъ направленій общественной мысли, хотя бы и признаваемыхъ г. Ольшамовскимъ за „вредныя“. Такого рода аргументами авторъ, на нашъ взглядъ, только ослабляетъ силу собственной позиціи. Къ счастью, они не играютъ видной роли въ его изложеніи, въ общемъ правильно и убѣдительно доказывающемъ старую, но нерѣдко забываемую истину, что „интересъ какъ центра, такъ и окраинъ государства это—взаимное сближеніе на началѣ равноправности, съ взаимнымъ уваженіемъ и сохраненіемъ своихъ культурныхъ особенностей“ (123—4).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссій по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ.

Творенія **Платона**. Переводъ съ греч. Вл. Соловьева. Томъ I. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Комедіи **Аристофана**. Переводъ съ греч. М. Artaud. Переводъ съ франц. В. Т. Спб. 97.

Собраніе сочиненій **А. Д. Градовскаго**. Томъ III. Спб. 99. Ц. 3 р.

Полное собраніе сочиненій **А. Ѳ. Погосскаго**. Въ 4-хъ томахъ съ портретомъ, біографіей и примѣчаніями. Т. I. Спб. 99. Ц. по подпискѣ 6 р.

Ф. Заринъ. Стихотворенія. Спб. 99. Ц. 1 р.

А. Дымчевскій. Думки. Стихотворенія. Ростовъ на Д. 99. Ц. 70 к.

А. Е. Крупновъ. Стихотворенія. Книга первая. Одесса. 99.

Стихотворенія **М. С. Серафимова**. М. 99. Ц. 1 р.

Belladonna. Разсказъ въ стихахъ. **Лидіи Защукъ**. Ялта. 99. Ц. 40 к.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Романъ **Фр. Шпильгагена**. Переводъ съ нѣм. М. Лихтенштадтъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 1 р. 25 к.

В. Гюго. Марія Тюдоръ. Съ предисловіемъ и портретомъ автора. Переводъ М. С. Саарбекова. М. 99. Ц. 60 к.

На разсвѣтѣ. Повѣсть **Ежа**. Переводъ съ польск. I. У. Спб. 99. Ц. 60 коп.

Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ. Разсказъ. Переводъ съ франц. Е. Джунковской. Редакція Д. Протопопова. Изданіе т-ва „Знаніе". Спб. 1900. Ц. 65 к.

А. Т. Грабина. Дивоче сердце. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Кіевъ 99.

Ольга Шапиръ. Старыя пѣсни. Спб. 1900. Ц. 1 р.

П. Гриневская. Огоньки. Разсказы, стихотворенія, пьесы. Спб. 1900 Ц. 1 р.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. М. 99. Ц. 1 р.

Борисъ Лазаревскій. Забытые люди. (Очерки и разсказы). Одесса. 99.

З. Яковлевой. Повѣсти и разсказы. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Аркадій Прессъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 99. Ц. 1 р.

Н. Пружанскій. Между фантазіей и дѣйствительностью. Повѣсти и разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р. 30 к.

Н. Пружанскій. Необыкновенная исторія обыкновенныхъ событій и другіе разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р. 30 к.

Н. И. Позняковъ. Соловьиный садъ и другіе разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Озорникъ. Разсказъ **Д. Н. Мамина-Сибиряка**. Изданіе М. Д. Орѣхова. Спб. 99. Ц. 8 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Бояринъ Орша. Изданіе М. Ѳ. Тихомірова. Владиміръ. 99. Ц. 5 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про купца Калашникова. Изданіе М. Ѳ. Тихомірова. Владиміръ. 99. Ц. 4 к.

Было-бы болото. (Сцены не для сцены). **Н. Познякова.** Спб. 99.

А. В. Жиркевичъ. Разсказы. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Изданія М. Дорошенко. Спб. 99. **В. Г. Короленко.** Сонъ Макара. Ц. 8 коп.—**Его же.** Лѣсъ шумитъ. Ц. 6 к.– **Проспѣръ Мериме.** Маттео Фальконе. Ц. 5 к.

Изданія О. Н. Поповой. Спб. 99. Не выдержалъ. Повѣсть **Г. Мачтета.** Ц. 4 к.— Остроумно! Разсказъ **И. Н. Потапенко.** Ц. 5 к.—Ахметка Саратовскій. Очеркъ **его же.** Ц. 4 к.—Къ свѣту. Разсказъ **И. Франко.** Ц. 5 к.—Мужъ и жена. Разсказъ **А. Скрамъ.** Ц. 12 к.—Пышка. Разсказъ **Мопассана.** Ц. 10 к.—Потѣхи войны. Разсказы **его же.** Ц. 6 к.—Погибшая жизнь. Повѣсть **Густава Гейерстама.** Ц. 20 к.

Изданія южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Народная библіотека В. Н. Маракуева. Одесса. 99. Робинзонъ Крузо, его жизнь и приключенія. Ц. 10 к.—Крылья мужества. Разсказъ **Жоржъ Зандъ.** Ц. 15 к.—Зоологія. Наука о животныхъ. Соч. **А. Гётте.** 2-е изданіе. Ц. 50 к.

Этико-художественная библіотека. М. 99. Вып. 5. **И. И. Янжулъ.** Сосѣдскія гильдіи. Ц. 20 к.—Вып. 6. **Р. Киплингъ.** Чудо Пуранъ Багата. **Лагерлевъ.** Легенда объ отшельникѣ. Ц. 15 к.—Вып. 7. **Вольтонъ Голлъ.** Истинная жизнь. Ц. 20 к.—Вып. 8. **И. Потапенко.** Забытый пономарь. Ц. 25 к.—Вып. 9. **М. О. Меньшиковъ.** Дѣти. Ц. 20 к.

Современные вопросы эстетики. **I. Фолькельта.** Переводъ съ нѣм. Н. Штрупа. Изданіе журнала „Образованіе". Спб. 1900. Ц. 75 к.

Джозуэ Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ **М. Ватсонъ.** Съ портретомъ Кардуччи. Спб. 99. Ц. 50 к.

Ю. Лейхенвальдъ. Пушкинъ какъ воспитатель. М. 99.

Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Составилъ его племянникъ Левъ Павлищевъ. Изданіе Сойкина. Спб. 99. Ц. 50 к.

А. И. Фаресовъ. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти. Спб. 99. Ц. 60 к.

Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. Спб. 99.

Ч. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературные очерки и характеристики. М. 99. Ц. 2 р.

Очерки русскаго прогресса. Статьи историческія, по общественнымъ вопросамъ и критико-біографическія. **Б. Б. Глинскаго.** Съ 26 портретами и иллюстраціями. Изданіе „т-ва художественной печати". Спб. 1900. Ц. 5 р.

Г. О. Розенцвейгъ. Изъ залы суда. Судебные очерки и картинки Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

М. П. Симоновичъ. По поводу книги Б. А. Шпаковскаго. „На судъ общественный". (Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Медицинскаго Вѣстника"). Спб. 99.

П. Астровъ. Дѣти подмостковъ. (Изъ журнала „Трудовая помощь"). Спб. 99.

Огюстенъ Тьерри. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. Переводъ съ франц. подъ редакціей и со вступительной статьей проф. Р. Ю. Виппера. М. 99. Ц. 60 к.

Альфредъ Деберль. Исторія Южной Америки отъ завоеванія до нашего времени. Переводъ съ 3-го изданія. Съ картой Южной Америки. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 л.

Оскаръ Гольцманъ. Паденіе іудейскаго царства. Переводъ съ нѣм. М. 99. Ц. 2 р.

Куно Фишеръ О свободѣ человѣка. Съ приложеніемъ трактата Лейбница „о свободѣ“ и письма его къ Косту „о необходимости и случайности“. Переводъ С. Грузенберга подъ редакціей **М. И. Свѣшникова**. Спб. 99. Ц. 30 к.

Пауль Бартъ. Философія исторіи, какъ соціологія. Переводъ съ нѣм. Часть I. Введеніе и критическій обзоръ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900. Ц. 1 р. 75 к.

Индуктивный методъ въ соціологіи **Рэне Ворисъ**. Переводъ съ франц. П. Г. Сущинскаго. Изданіе К. Н. Сущинской. Казань. 99. Ц. 20 к.

Рабочій трудъ въ западной Европѣ. Проф. **Г. Геркнера**. Переводъ съ нѣм. Изданіе журнала „Образованіе“. Спб. Ц. 3 р.

Н. Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 99. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи. **М. В. Ганнушкинъ**. М. 99.

Вернеръ Зомбартъ. Германія наканунѣ промышленнаго переворота. Переводъ съ нѣм. Ѳ. Капелюша. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Сидней и Беатриса Веббъ. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Т. I. Переводъ съ англ. Влад. Ильина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Нѣсколько данныхъ объ эксплоатаціи французскихъ желѣзныхъ дорогъ. **О. Глинки**. Кіевъ. 99.

Учебникъ товаровѣдѣнія. Составалъ **А. Борщовъ**. Спб. 99. Ц. 1 р.

К. Б. Чаплеевскій. Тайга и золото. Съ 12 рис. и картою восточной Сибири. Спб. 99.

Милліардъ 678 милліоновъ рублей, потерянные торговлей спб—скаго порта. **С. А. Короленко**. Спб. 99.

Патологія души. Популярныя бесѣды д-ра **Мориса Флёри**. Переводъ съ франц. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 1 р.

Вѣрить или не вѣрить? Экскурсія въ область таинственнаго. **В. В. Витнера**. Съ 43 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 коп.

Проф. **A. Proust** и проф. **G. Ballet.** Гигіена нейрастеника. Переводъ Г. Львовича. Изданіе о-ва „Издатель“. Спб. 99. Ц. 1 р.

XII международный съѣздъ врачей. Русская земская медицина. Съ картами, планами и діаграммами. Составили **Е. А. Осиповъ, И. В. Поповъ** и **П. И. Куркинъ**. Издано правленіемъ о-ва русскихъ врачей въ память Пирогова. М. 99. Ц. 3 р.

Изслѣдованіе воздуха и опредѣленіе коэффиціента вентиляціи въ Кіевской 1-й гимназіи. **И. В. Посадскій**. Кіевъ. 99.

Работа и энергія. Четыре общедоступныхъ научныхъ бесѣды **В. П. Вейнберга**. Спб. 99. Ц. 35 к.

А. Готье. Алкалоиды жира тресковой печени. Переводъ съ франц. К. Рябинина. Спб. 99.

Альбомъ картинъ по географіи внѣ-европейскихъ странъ. Текстъ д-ра **А. Гейстбека**. Переводъ А. П. Нечаева, съ предисловіемъ Д. А. Коропчевскаго. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 99. Ц. 1 р. 75 к.

Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Текстъ д-ра **В. Мар-**

шалля. Переводъ Г. Г. Якобсона и Н. Н. Зубовскаго. Съ предисловіемъ Ю. П. Вагнера. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 99. Ц. 1 р. 75 к.

Чудеса земного шара. **Германа Клейна**. Общедоступныя бесѣды по землевѣдѣнію съ 93 рис. Переводъ съ нѣм. М. Чепинской подъ редакціей Н. Березина. Изданіе журнала „Образованіе“. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Настольная книга по народному образованію. Составлена **Г. Фальборкомъ** и **В. Чарнолускимъ**. Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Изданіе т-ва „Знаніе“. Спб. 99.

Историческій обзоръ народнаго образованія въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губ. Составилъ **В. М. Соколовъ**. Тула. 98.

Пришлые сельскохозяйственные рабочіе въ Херсонской губ. Земскаго санитарнаго врача **В. В. Хижнякова**. Изданіе херсонской губернской земской управы. Херсонъ. 99.

Мѣропріятія къ огражденію сельскаго населенія отъ разоренія при неурожаяхъ. **С. А. Короленко**. Спб. 99.

И. И. Печковскій. Особенности новаго промысловаго налога. Ростовъ на Дону. 99. Ц. 1 р.

Отчетъ Московскаго общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій за 1898–99 годъ. М. 99.

Отчетъ Борисоглѣбской публичной библіотеки за 1898 г. Борисоглѣбскъ. 99.

Статистическое отдѣленіе Александровской уѣздной земской управы. Къ вопросу о вліяніи занятія, экономическаго положенія и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны начальнаго народнаго образованія. А. 99.

Департаментъ торговли и мануфактуръ. Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1898 годъ. Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Спб. 99.

Операціи ломбардовъ въ Россіи. Изданіе Особенной Канцеляріей по кредитной части. Спб. 99.

Д. Карамзинъ. Вредныя насѣкомыя для сада, огорода и оранжерей и способы ихъ истребленія. Со многими рис. Изданіе кн. магазина „Деревня“. Спб. 99. Ц. 40 к

Календарь земледѣльца на 1900 годъ **Шаркова**. Спб. 99. Ц. 6 к.

Энциклопедическій словарь. Съ 2224 политипажами. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 99. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ 3 р.

В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ 99. Ц. 1 р.

Guide à travers le Sibérie et les territoires russes en Asie centrale. Composé par **W. A. Dolgoroukoff**. Ein Führer durch Sibirien etc. Tomsk. 1899—1900.

Замѣтка.

Книга Бернштейна Die Voraussetzungen etc. представляетъ собою одно изъ самыхъ выдающихся явленій современной экономической нѣмецкой литературы. Объ этомъ можно судить уже по одному тому, что книга эта сразу возбудила небывалое оживленіе, приковала къ себѣ всеобщій интересъ, вызвала цѣлую громадную литературу за и противъ,—и все это въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Не осталось, кажется, ни одного виднаго литературнаго или общественнаго дѣятеля изъ лагеря передовой нѣмецкой демократіи, который бы не высказался такъ или иначе по этому поводу. Бернштейнъ имѣетъ и ярыхъ защитниковъ, и еще болѣе ярыхъ противниковъ.

Все это заставляетъ отнестись къ книгѣ Бернштейна внимательнѣе. Мы постараемся изложить въ общихъ чертахъ его идеи настолько обстоятельно, насколько это мыслимо въ узкихъ предѣлахъ журнальной замѣтки.

Бернштейнъ доказываетъ, что марксизмъ не вышелъ изъ головы его духовныхъ отцевъ—Маркса-Энгельса—совершенно готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Напротивъ, сами его основатели постепенно разрабатывали, дополняли и ограничивали свои положенія, принимая во вниманіе новые факты. Поэтому въ ихъ трудахъ по разнымъ вопросамъ внимательный читатель усмотритъ не мало противорѣчій. Теперь дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что на основаніи Маркса и Энгельса можно съ одинаковымъ удобствомъ защищать самыя противоположныя воззрѣнія, что очень удобно для литературныхъ апологетовъ и крючкотворовъ, но очень плохо для дѣла. Задача „учениковъ“ не въ томъ, чтобы вѣчно повторять слова учителей, а въ томъ, чтобы продолжать работу, неконченную Марксомъ и Энгельсомъ: работу возстановленія единства теоріи съ вновь открывающимися фактами путемъ самокритики. Начать эту работу можно только съ откровеннаго признанія, что въ теоріи Маркса-Энгельса есть и пробѣлы, и нѣкоторыя противорѣчія, которыя необходимо устранить.

Теорія Маркса естественно распадается на двѣ части: чистое теоретическое ученіе и прикладное, практическое. Первое представляетъ относительно постоянный элементъ, второе должно быть постоянно принаровляемо къ условіямъ мѣста и времени. Первое имѣетъ въ виду общіе законы эволюціи, второе—пользованіе ими. Не надо, однако, понимать эту разницу между постояннымъ и перемѣннымъ элементомъ въ марксизмѣ слиш-

комъ абсолютно. Указанія практической жизни заставляютъ мѣнять, углублять, расширять и ограничивать теоретическія положенія. Измѣненіе теорій — лишь болѣе медленный процессъ, чѣмъ перемѣна пріемовъ практической работы проведенія въ жизнь основныхъ теоретическихъ принциповъ.

Въ послѣднее время среди практическихъ дѣятелей распространился вредный индифферентизмъ къ вопросамъ чистой теоріи. Разсужденія на болѣе абстрактныя, болѣе общія и отвлеченныя положенія марксизма, критическая провѣрка и анализъ его философскихъ осново-началъ считаются дѣломъ излишнимъ и едва-ли не вреднымъ,—пустой „схоластикой". Въ результатѣ, вмѣсто глубокаго и яснаго пониманія исходныхъ положеній марксизма, водворяется поверхностное, опошливающее затверживаніе ихъ; выводы окаменѣваютъ въ чистыя положенія вѣры. Врагамъ схоластики не мѣшало бы вспомнить о томъ, что даже и схоластика съ ея мелочной работой тончайшаго расщепленія всѣхъ понятій была прогрессивнымъ элементомъ сравнительно съ мертвой догматикой. Схоластика бываетъ апологетическая и критическая; послѣдняя есть смертельный врагъ слѣпой вѣры и всегда была предметомъ ужаса для послѣдней.

Одной изъ самыхъ важныхъ составныхъ частей теоретическаго марксизма является специфическая теорія историческаго процесса, называемая то „экономическимъ", то „матеріалистическимъ" пониманіемъ исторіи. Въ первоначальномъ своемъ видѣ доктрина эта сводилась къ признанію, что источниковъ всѣхъ историческихъ перемѣнъ нужно искать въ области явленій чисто экономическихъ. Такимъ образомъ, лишь экономическій факторъ являлся въ исторіи, по этому представленію, элементомъ активнымъ, движущимъ, производящимъ; явленія иного порядка—нравственныя, умственныя, политическія, юридическія и т. п.,—напротивъ, являлись чѣмъ-то пассивнымъ, лишь симптомами, а не существенными моментами историческихъ перемѣнъ. Впослѣдствіи въ эту теорію постепенно было внесено не мало поправокъ и дополненій. Энгельсъ самъ указывалъ въ одномъ изъ частныхъ писемъ, что, по условіямъ момента, въ пылу полемики онъ и Марксъ неизбѣжно должны были чрезчуръ подчеркивать экономическій факторъ, не воздавая должнаго остальнымъ моментамъ, принимающимъ участіе во взаимодѣйствіи. Этимъ измѣняется многое. Раньше экономическій матеріализмъ носилъ на себѣ характеръ рѣзкаго, строгаго детерминизма, граничащаго съ фатализмомъ. Теперь онъ утрачиваетъ этотъ характеръ. Надо признать, что по мѣрѣ роста пониманія законовъ соціальной жизни растетъ способность *направлять* экономическое развитіе къ опредѣленнымъ цѣлямъ, которыя ставитъ себѣ человѣчество. Эта растущая способность господствовать надъ экономическими отношеніями, вмѣсто того, чтобы стихійно имъ подчиняться,

проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Такъ, все больше и больше эмансипируются отъ власти данныхъ мѣстныхъ и временныхъ экономическихъ условій идеологіи, наука, искусство, нравственность. Государство, политическая организація общества уже теперь утилизируется — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ утилизироваться—какъ механизмъ для воздѣйствія планомѣрнаго и цѣлесообразнаго на стихійно складывающіяся формы общественнаго производства. Такимъ образомъ, и политическая, и идеологическая „надстройки" имѣютъ до извѣстной степени свое, самостоятельное развитіе, играютъ активную роль, воздѣйствуютъ и на экономическій „фундаментъ".

По существу это процессъ непрерывный, это медленная и постепенная эволюція—накопленіе потенціальныхъ силъ, создающихъ власть человѣчества надъ матеріальными условіями его существованія. Проявленіе этихъ силъ, дѣйствіе ихъ въ жизни, конечно, можетъ иногда принимать форму историческихъ кризисовъ; но это вовсе не необходимость. Марксъ и Энгельсъ, правда, думали иначе, но это потому, что они не вполнѣ освободились отъ вліянія гегелевской діалектики. Они хотѣли совершенно, радикально реформировать эту діалектику, перевернуть ее вверхъ ногами, или, вѣрнѣе, наоборотъ — поставить ее съ головы на ноги, лишивъ идеалистической формы. Но это не такъ-то легко. Гегелевская логика противорѣчій представляетъ громадную научную опасность. Она—вещь въ высшей степени соблазнительная и удобная для симметричнаго, нагляднаго представленія картины прошлаго развитія. Но для практики и для предусматриванія будущаго, къ сожалѣнію, очень легко запутаться въ петлѣ „саморазвитія понятія" и выкручивать изъ головы стройный ходъ логическаго теченія послѣдующихъ событій, покинувъ твердую почву фактовъ для рискованныхъ дедукцій и сужденій по аналогіи. Чѣмъ сложнѣе разсматриваемый объектъ, тѣмъ больше и опасность ошибокъ.

Развитіе должно идти противоположностями. Всякая данная общественная формація отживаетъ и погибаетъ не ранѣе, какъ исчерпаетъ всю себя, всѣ свои рессурсы, всѣ потенціи, всѣ средства своего самосохраненія. Такимъ образомъ, ея крайнее развитіе есть въ то же время и ея самоуничтоженіе, самоисчерпываніе. Это внутреннее противорѣчіе, — одновременный расцвѣтъ и самоподкапываніе исторической формаціи—достигаетъ, наконецъ, кульминаціоннаго пункта, и данная формація переживаетъ кризисъ, превращается въ нѣчто совершенно иное, въ свою собственную противоположность. Такъ должно быть съ точки зрѣнія „діалектическаго развитія" вещей, ихъ „самокритики".

Съ этой гегельянской формулой находится въ полномъ соотвѣтствіи предсказаніе Маркса о прогрессирующей концентраціи общественнаго производства, о сосредоточеніи его въ рукахъ все

уменьшающагося количества обладателей средствъ производства, противополагаемыхъ все увеличивающейся массѣ неимущаго пролетаріата. Среднія ступени общественной лѣстницы, напротивъ того, все болѣе и болѣе пропадаютъ. Развитіе классовыхъ противоположностей дѣлается дальнѣйшимъ двигателемъ соціальнаго развитія.

Съ другой стороны, все болѣе и болѣе развивается другая, объективная противоположность между производствомъ богатствъ, превращающимся въ актъ общественный, и присвоеніемъ дохода—актомъ индивидуальнымъ. Отсюда анархія производства и кризисы.

Дальнѣйшее противорѣчіе: всякій отдѣльный капиталистъ, стремясь увеличить свою индивидуальную прибыль, вводитъ различныя техническія усовершенствованія въ производство, замѣняя живой трудъ рабочихъ мертвыми двигателями и машинами. Но тѣмъ самымъ онъ измѣняетъ органическій составъ общественнаго капитала, повышая его постоянную часть на счетъ перемѣнной. Но такъ какъ только перемѣнная часть капитала, въ послѣднемъ счетѣ, доставляетъ прибавочную стоимость, то стремленіе всѣхъ единичныхъ капиталистовъ повышать свою индивидуальную прибыль роковымъ образомъ приводитъ къ паденію всеобщей нормы прибыли.

Такъ идетъ путемъ противорѣчій соціальное развитіе. Бернштейнъ признаетъ, что въ общемъ указанія Маркса правильны, но правильны лишь постольку, поскольку въ нихъ намѣчается опредѣленная *тенденція* соціальнаго развитія. Но всякая тенденція можетъ быть модифицирована и даже совершенно парализована другими совмѣстно дѣйствующими тенденціями. Ошибка Маркса состоитъ въ томъ, что ограничивающія тенденціи имъ или вовсе не указываются, или, если и указываются, то мимоходомъ, при общемъ изслѣдованіи; когда же Марксъ подводитъ окончательные итоги, то онъ уже не принимаетъ въ разсчетъ этихъ противоборствующихъ тенденцій, и общій ходъ развитія остается столь же симметричнымъ и правильнымъ, какъ будто онъ дѣйствительно представляетъ логическое развитіе одной основной тенденціи.

Такъ, напр., Марксъ мимоходомъ признаетъ, что процессъ аккумуляціи капитала представляетъ не только процессъ концентраціи, но и дробленіе капиталовъ. Марксъ, далѣе, говоритъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, но разсматриваетъ ихъ съ точки зрѣнія сліянія капиталовъ, а не съ точки зрѣнія тенденціи, противодѣйствующей поглощенію крупными капиталистами мелкихъ, тогда какъ акціонерная форма даетъ имъ возможность мирно уживаться рядомъ. Такимъ же образомъ и кредитныя учрежденія не только доставляютъ средства усиленія капитала, но и средство для людей средняго достатка получать нѣкоторую долю прибавочной стоимости посредствомъ вкладовъ. Правда, буржуаз-

ные экономисты давно пользуются этими фактами въ цѣляхъ апологетики; но это еще не резонъ людямъ противоположнаго лагеря закрывать глаза на эту сторону дѣла. Надо признать, что тенденція концентраціи состояній встрѣчаетъ въ этихъ фактахъ не поддержку только—какъ односторонне указывали нѣкоторые—но и весьма существенное ограниченіе.

Анализомъ статистическихъ данныхъ объ акціонерныхъ обществахъ Бернштейнъ въ высшей степени рельефно показываетъ, какое прибѣжище представляютъ многія изъ этихъ компаній для капиталистовъ, и мелкихъ, и среднихъ, для капиталистовъ всѣхъ ранговъ, а отнюдь не только болѣе крупныхъ, какъ привыкли воображать въ демократической прессѣ. Можно сказать, что акція возстановляетъ въ лѣстницѣ *состояній* тѣ среднія ступени, которыя выбрасываются капитализмомъ изъ *производства*.

И мелкое производство вовсе не такъ быстро вымираетъ, какъ это должно бы быть по теоріи. Во-первыхъ, оно имѣетъ тенденцію крѣпко держаться въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ значительную роль играютъ починка, поправка, а слѣдовательно, и заказъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ требуется особенное искусство, особенно напряженное вниманіе, особенная тонкость работы — тамъ опять таки рядомъ съ громадной ролью ручного труда идетъ жизнеспособность мелкаго производства. Наконецъ, капитализмъ то и дѣло вызываетъ къ жизни новыя потребности, а потому и новыя отрасли производства, въ которыхъ вначалѣ водворяется мелкій предприниматель. Правда, капиталъ обнаруживаетъ далѣе тенденцію ворваться и въ эту отрасль производства, подчинить ее себѣ, превратить производство въ массовое, сдѣлать его продукты доступными большему числу лицъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ вновь являются еще новыя потребности, еще новыя отрасли производства и т. д.

Итакъ: 1) преимущества крупнаго производства въ борьбѣ съ мелкимъ вовсе не столь абсолютны: здѣсь нѣтъ одинаковаго шаблона для отдѣльныхъ отраслей промышленности; 2) дѣло происходитъ не такъ, чтобы имѣло мѣсто повсюду паденіе мелкаго производства, и только; но капитализмъ постоянно самъ создаетъ и высиживаетъ новыя мелкія предпріятія; разрушая одной рукой, онъ насаждаетъ другой, и 3) капитализмъ, изгоняя изъ области производства самостоятельныя мелкія состоянія, возсоздаетъ другія формы приложенія мелкихъ состояній—напр., акціонерныя.

Отсюда и общій итогъ нѣсколько иной, чѣмъ у Маркса. Неправильно, будто число имущихъ въ современномъ обществѣ все быстрѣе уменьшается относительно или даже абсолютно. Еслибы это было такъ, то, конечно „самоотрицаніе“ современнаго общества и кризисъ были бы лишь вопросомъ короткаго времени; но этого нѣтъ; классовая структура общества не упрощается, а силь-

нѣйшимъ образомъ усложняется, дифференцируется по всѣмъ ступенямъ.

Очень подробнымъ и обстоятельнымъ анализомъ цифровыхъ данныхъ Бернштейнъ доказываетъ и иллюстрируетъ свои положенія. Въ промышленности и торговлѣ онъ доказываетъ медленность концентраціи производства, въ сельскомъ хозяйствѣ констатируетъ скорѣе процессъ дробленія хозяйствъ. Затѣмъ онъ доказываетъ, что и a priori долженъ былъ получиться именно такой результатъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдаемъ въ современномъ обществѣ страшный ростъ производительныхъ силъ, массоваго производства, выбрасывающаго на рынокъ громадное число продуктовъ; куда же все это дѣвается? Потребленіе рабочихъ ограничивается узкими предѣлами заработной платы; такъ какъ норма прибавочной стоимости имѣетъ тенденцію къ повышенію, то это обозначаетъ, что на рынкѣ рабочій имѣетъ все уменьшающуюся роль. Тоже и съ капиталистами, которыхъ число по теоріи должно бы все уменьшаться. Если бы они даже обладали желудками въ 10 разъ большими, чѣмъ надѣляетъ ихъ народное остроуміе, и въ 10 разъ больше имѣли бы прислуги, — достаточно вспомнить, что капиталистическое производство есть *массовое* производство, чтобы понять, что ихъ потребленіе будетъ лишь перышкомъ на вѣсахъ. Постоянно возрастающее производство ставитъ альтернативу: или. при уменьшающемся числѣ капиталистовъ необычайно быстрый ростъ благосостоянія пролетаріата, или, вопреки теоріи, многочисленный средній классъ. Кризисы, и непроизводительные расходы (напр., на войско) поглощаютъ лишь обломки общаго продукта.

Такихъ же поправокъ требуютъ и другіе намѣченные выше выводы теоріи развитія общества путемъ противорѣчій.

Анархія производства, кризисы, какъ ея прямое слѣдствіе, несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ, паденіе нормы прибыли—все это несомнѣнные факты. Но съ созданіемъ всемірнаго рынка если эти противорѣчія капиталистическаго общества и не уничтожились, то значительно смягчились. Вмѣсто узкихъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ сталкивались противорѣчія капиталистическаго способа производства, явилось обширное поприще, растяжимое въ неопредѣленно-большой степени. Возросла эластичность спроса и потребленія, возросла поэтому и способность капитализма приспособляться къ условіямъ существованія. Внутреннее противорѣчіе (по словамъ Маркса) ищетъ и находитъ себѣ извѣстный выходъ въ расширеніи внѣшняго поля производства и обмѣна. Развитіе кредита также до извѣстной степени повышаетъ шансы капиталистическаго хозяйства, облегчая предпріятіямъ ихъ задачу поддержанія равновѣсія между производствомъ и сбытомъ. Другою могучею силою въ этомъ отношеніи являются тресты, синдикаты, союзы предпринимателей. Насколько

большою силою они являются—эта количественная сторона дѣла не можетъ быть разрѣшена апріорно; требуется историческій опытъ. Вообще же, разумѣется, надо сказать, что если тресты не могутъ уничтожить противорѣчій капиталистическаго строя, то во всякомъ случаѣ они являются повышеніемъ имѣвшихся ранѣе средствъ противодѣйствія перепроизводству. Отрицать это — значитъ отрицать выгоды ассоціаціи сравнительно съ анархической конкурренціей. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ приходится признать, что капитализмъ развилъ не только „противорѣчія", но и способность бороться съ ними и приспособляться къ неблагопріятнымъ условіямъ. Энгельсъ однажды высказалъ предположеніе, не прошло ли время періодически повторяющихся кризисовъ, и не наступило ли иное время, не стоимъ ли мы передъ всеобщимъ, затяжнымъ всемірнымъ экономическимъ кризисомъ, въ которомъ проявится окончательное банкротство капиталистическаго производства? Жизнь, однако, показываетъ, что такой всеобщій кризисъ довольно гадателенъ. Его возможность до сихъ поръ „виситъ въ воздухѣ абстрактной спекуляціи".

Правда, въ предисловіи къ изданію „Klassenkämpfe in Frankreich" Маркса Энгельсъ открыто призналъ свою и Марксову ошибку въ опредѣленіи темпа скорости событій. Но здѣсь дѣло не въ одной скорости: событія принимаютъ и другія формы, чѣмъ это думалъ Марксъ. Для того, чтобы избавиться отъ этой ошибки, Энгельсъ долженъ былъ избавиться отъ гегелевской діалектики.

Ошибки въ области экономики тѣсно связаны съ ошибками въ области политики. Здѣсь опять отразилось „развитіе противорѣчіями". По теоріи выходило, что капиталистическое общество, развившись до послѣдней степени, чуть ли не uno ictu будетъ передѣлано съ ногъ до головы, произойдетъ грандіозный „скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы".

Бернштейнъ видитъ и здѣсь вліяніе діалектическаго схематизма. Если же мы сойдемъ съ почвы абстракціи и вступимъ на почву фактовъ, то вмѣсто стройной схемы получимъ детали фактической жизни, надъ которой придется продѣлать практическую задачу: найти реальныя пропорціи при измѣреніи разстоянія до цѣли и дороги къ ней...

Этимъ кончается теоретическая часть труда Бернштейна. Вторую, практическую часть мы очертимъ также лишь самыми бѣглыми штрихами.

Бернштейнъ считаетъ утопіей идею о возможности организаціи всего производства планомѣрно посредствомъ центральной государственной власти, о возможности единовременнаго пересозданія формы всѣхъ производственныхъ отношеній. Подготовительная работа, которая будто бы для этого сдѣлана капитализмомъ, сильно преувеличена, Поскольку централизація формъ предпріятій является предварительнымъ условіемъ для обобществленія произ-

водства, то оно даже въ прогрессивнѣйшихъ странахъ Европы является лишь частичнымъ фактомъ. Разговоры о воспитательномъ дѣйствіи фабрики тоже въ значительной степени миѳъ. Совмѣстная работа, конечно, развиваетъ чувство солидарности, но еще отнюдь не воспитываетъ для самостоятельной ассоціаціи. Фабрика въ этомъ отношеніи организуетъ рабочихъ только физически, а не интеллектуально, соединяетъ тѣла, а не души. Представимъ себѣ, что государство рѣшило бы экспропріировать всѣ промышленныя предпріятія болѣе чѣмъ съ 20 лицами; въ такомъ случаѣ ему все таки пришлось бы оставить въ прежнемъ положеніи еще сотни тысячъ частно-хозяйственныхъ единицъ съ болѣе чѣмъ 4 милл. занятыхъ рабочихъ; точно также при огосударствленіи всѣхъ землед. хозяйствъ свыше 20 гект. осталось бы въ прежнемъ положеніи болѣе 5 милл. предпріятій съ болѣе чѣмъ 9 милл. занятыхъ лицъ. При всемъ томъ обобществить пришлось бы нѣсколько сотъ тысячъ промышленныхъ предпріятій съ 5—6 милл. лицъ и болѣе 300 тыс. сельско-хозяйственныхъ предпріятій съ 5 милл. лицъ *). Сколько потребовалось бы для этого искусства, организаторскаго таланта, спеціальныхъ техническихъ познаній, спеціальной опытности и т. п.! Было бы положительно политическимъ ребячествомъ вѣрить въ возможность подобнымъ образомъ однимъ почеркомъ пера упразднить старое общество, живущее на матеріальной основѣ товарнаго хозяйства, и вызвать къ жизни совершенно новый строй.

Нельзя дѣлать краеугольнымъ камнемъ всей практической программы вѣру въ близость всеобщаго экономическаго кризиса, въ которомъ бы сказалось полное банкротство капиталистическаго порядка. Нужна еще долгая творческая работа на экономической почвѣ; нужно бороться за всѣ реформы въ предѣлахъ существующаго порядка для демократизаціи его. Способъ осуществленія отдаленныхъ идеаловъ нельзя даже предвидѣть; поэтому подчеркиванье проблематическаго будущаго взамѣнъ рѣшенія вопросовъ дня Бернштейнъ считаетъ пустой декламаціей.

Слѣдуетъ лучше обратить побольше вниманія на многія практическія, жизненныя задачи, которыя до сихъ поръ оставались черезчуръ въ тѣни. Въ первой очереди придется здѣсь поставить всевозможные виды товарищескихъ, кооперативныхъ организацій: (Genossenschaften)—потребительныя общества, ассоціаціи для закупки сырыхъ матеріаловъ, для сбыта продуктовъ, производительныя и т. д. Такого рода ассоціаціи въ гораздо большей мѣрѣ воспитываютъ своихъ членовъ для будущаго планомѣрно-организованнаго хозяйственнаго строя, чѣмъ что бы то ни было. Въ концѣ концовъ онѣ несомнѣнно создаютъ матеріальныя предварительныя условія существованія этого строя. Съ другой стороны,

*) Цифры эти относятся, конечно, къ Германіи.

не меньшей школой служатъ и профессіональные союзы, организаціи, преслѣдующія непосредственныя экономическія цѣли (Gewerkschaften). И тѣ, и другія организаціи, замѣняя до нѣкоторой степени анархическую конкурренцію планомѣрнымъ сочетаніемъ силъ, увеличиваютъ способность рабочаго класса вліять на хозяйственныя отношенія, направлять въ своихъ интересахъ ходъ стихійной экономической эволюціи.

Нельзя строить, не сообразуясь съ ходомъ развитія производительныхъ силъ. Въ то время, какъ нѣкоторыя отрасли производства уже сейчасъ требуютъ государственнаго завѣдыванія, другія находятся въ такомъ положеніи, что ни одинъ муниципалитетъ не рѣшился бы объединить завѣдываніе ими въ своихъ рукахъ. Выработка планомѣрной, организованной системы производства должна быть долгой, постепенной работой: ее сдѣлаетъ не одна какая либо политическая организація, напр., государство; необходимо разомъ нѣсколько точекъ приложенія силъ, нѣсколько организаторскихъ теченій, взаимно пополняющихъ другъ друга. Извѣстная доля работы можетъ быть исполнена Genossenschaft'ами, частными свободными ассоціаціями; другая доля можетъ быть исполнена общиной и муниципалитетомъ; далѣе, округъ, Bezirk, при демократической организаціи также можетъ выступить съ активной ролью въ работѣ постепенной реформы экономическихъ условій. Далѣе слѣдуетъ государство, которое, при дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ формъ, которыхъ оно достигло въ передовыхъ странахъ, также можетъ быть органомъ воздѣйствія общества на экономическія отношенія; государственное законодательство можетъ являться проявленіемъ растущей способности общества *направлять* такъ или иначе ходъ самопроизвольно складывающейся хозяйственной эволюціи. Такимъ образомъ, демократизація всего общественнаго строя, въ особенности же развитіе широкаго мѣстнаго самоуправленія, является ближайшей, настоятельной потребностью времени. Этимъ расчищается дорога къ творческой, созидательной работѣ, которая постепенно должна переработать современный хозяйственный строй сверху до низу.

Въ связи съ этимъ должно бы измѣниться и отношеніе къ либерализму и демократіи. Коллективизмъ—не противоположность ихъ, а ихъ порожденіе, и ихъ наслѣдникъ. Коллективизмъ есть ничто иное, какъ организованный либерализмъ, организованная демократія. До извѣстной точки они должны идти рука объ руку. Демократическій государственный строй есть школа умѣренности, терпимости, можно даже сказать—школа компромисса. Въ то время, какъ феодальныя политическія рамки были неподвижны и окаменѣлы, такъ что неизбѣжно потребовался насильственный разрывъ ихъ—новѣйшія формы либерализма достаточно гибки и эластичны для нормальнаго развитія, безъ ломки и потрясеній. Фабричное законодательство, развитіе мѣстнаго самоуправленія, закрѣпленіе

полной юридической свободы развитію профессіональныхъ союзовъ, потребительныхъ, производительныхъ и иныхъ товариществъ, муниципальный, общинный коллективизмъ — вотъ широкая арена плодотворной творческой работы, прогрессирующаго подчиненія частно-хозяйственнаго начала общественно-хозяйственному.

Какъ уже было сказано, пролетаризація массъ—вовсе не столь всеобщій и быстрый процессъ, какъ это себѣ представляютъ теоретически. И вовсе не слѣдуетъ строить разсчеты на этомъ процессѣ. Поэтому въ корнѣ ложнымъ является довольно часто встрѣчающееся полувраждебное отношеніе къ мелкому бюргерству, которое обычно смѣшивается огульно вообще съ „буржуазіей". Вовсе нѣтъ никакихъ основаній желать перехода всего самостоятельнаго мелкаго бюргерства въ пролетаріатъ. Скорѣе, напротивъ, цѣль рабочей партіи—обезпечить за всѣми пролетаріями существованіе, которое можно охарактеризовать названіемъ самостоятельно-бюргерскаго.

По крестьянскому вопросу въ средѣ германской рабочей партіи произошелъ принципіальный расколъ въ томъ пунктѣ, слѣдуетъ ли помогать крестьянину, какъ таковому, т. е. какъ самостоятельному земельному хозяину-предпринимателю, противъ капитализма. Бернштейнъ находитъ, что поскольку крестьянинъ самъ является земледѣльцемъ, онъ тѣмъ самымъ приближается къ рабочему. Противники крестьянофильской политики, однако, именно признали, что слѣдуетъ помогать крестьянину, какъ человѣку, какъ гражданину, какъ рабочему, не помогая ему, какъ „предпринимателю". Бернштейнъ считаетъ это невозможнымъ: помогая крестьянину, какъ рабочему, мы, если не прямо, то ужъ косвенно поможемъ ему, какъ хозяину. Принимая же во вниманіе, что крестьянство въ Германіи представляетъ значительную часть населенія, и что мелкое сельское хозяйство относительно скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается, Бернштейнъ приходитъ къ такому заключенію: если мы не хотимъ остаться партіей узко-пролетарской, простымъ политическимъ придаткомъ къ профессіональному движенію разныхъ слоевъ городского пролетаріата, то мы должны заинтересовать крестьянъ въ нашихъ успѣхахъ. Но сдѣлать это можно лишь тогда, когда выступятъ съ предложеніями, несущими крестьянину непосредственное облегченіе и помощь. Бернштейнъ въ этомъ смыслѣ особенно одобряетъ двѣ мѣры: 1) право деревенскихъ общинъ пріобрѣтать землю экспропріаціей или покупкой и сдавать ее въ аренду рабочимъ товариществамъ, и 2) вообще развитіе сельско-хозяйственныхъ коопераций. Для практическихъ цѣлей было бы гораздо важнѣе съ полной доброжелательностью изучить этотъ послѣдній вопросъ, чѣмъ выуживать изъ статистическаго матеріала доказательства для предвзятой теоріи о разрушеніи мелкаго крестьянства.

Не слѣдуетъ забывать также, что самъ „пролетаріатъ" вовсе

не представляетъ собою однороднаго цѣлаго. Въ основу этого понятія положенъ чисто формальный признакъ—работа по найму, за плату. Но изъ формальнаго сходства нельзя выводить, какъ непремѣнный результатъ, одинаковость поведенія. Достаточно указать на торговый пролетаріатъ и чиновническій, какъ очень рѣзко обособленныя и примыкающія скорѣе къ мелкому бюргерству группы работниковъ. Управляющіе, техническіе служащіе промышленныхъ предпріятій, всевозможные конторщики, надсмотрщики, приказчики по торговлѣ, коммивояжеры и т. п.—все это тоже слои „пролетаріата", но ихъ общественная роль весьма сомнительна, уже не говоря о lumpen-пролетаріатѣ и прислугѣ. Даже и въ промышленномъ пролетаріатѣ, который составляетъ несомнѣнное меньшинство населенія, дифференціація довольно значительна, и особенно значительна именно въ самыхъ прогрессивныхъ видахъ фабричной индустріи, гдѣ часто разростается въ цѣлую іерархію дифференцированныхъ рабочихъ, такъ что между различными группами ихъ существуетъ лишь очень умѣренное чувство солидарности. Что касается сельскаго хозяйства, то здѣсь въ духовномъ смыслѣ разница между крестьяниномъ и его батракомъ въ высшей степени незначительна; батракъ сохраняетъ обычно крестьянское міросозерцаніе и крестьянскіе идеалы. Въ болѣе же крупныхъ владѣльческихъ хозяйствахъ характернымъ признакомъ является ихъ разбросанность, малый постоянный служащій персоналъ при сильнѣйшемъ его іерархическомъ диффенцированіи, почти исключающемъ всякій „proletarisches Klassenbewustsein".

Таково, въ общемъ, міросозерцаніе, выставляемое Бернштейномъ, какъ реформированный марксизмъ. Должно, конечно, отмѣтить, что при нашемъ краткомъ изложеніи намъ пришлось опустить массу очень интересныхъ порой деталей; мы прошли также мимо двухъ-трехъ крупныхъ теоретическихъ вопросовъ *), имѣющихъ лишь косвенное, отдаленное отношеніе къ логически-связанной системѣ мыслей, составляющихъ наиболѣе цѣнную часть книги Бернштейна. Мы хотѣли дать только общее понятіе о томъ, что содержитъ книга Бернштейна новаго сравнительно съ традиціонной марксистской литературой. Изложенное достаточно показываетъ, что это „новое" большею частью было уже дано различными критиками марксизма. Да Бернштейнъ и не претендуетъ на абсолютно-новыя откровенія. Слѣдуетъ поэтому оцѣнивать ту особенную комбинацію, въ которой связалъ воедино Бернштейнъ различныя поправки, которыя онъ соглашается признать необходимостью, продиктованной самой жизнью.

Наиболѣе слабой частью книги, по нашему мнѣнію, является ея философско-соціологическая сторона. Въ области чисто-философскаго міросозерцанія Бернштейнъ сторонникъ „поворота къ

*) Напр., о трудовой теоріи стоимости.

Канту“, или, по его собственному замѣчанію, скорѣе даже поворота къ Фридриху Альберту Ланге. Конечно, критическая сторона ученія Ланге противъ матеріализма неотразима, книга его вообще необычайно богата мыслями, но это не причина игнорировать дальнѣйшее продолженіе работы критической мысли, начавшейся Ланге и ведущей къ Рилю и Авенаріусу. Знакомство съ этимъ теченіемъ мысли гарантировало бы Бернштейна въ особенности отъ значительныхъ промаховъ и рискованныхъ гипотезъ, сдѣланныхъ имъ какъ въ книгѣ, такъ и позднѣе въ полемикѣ съ Каутскимъ по вопросу о свободѣ воли и необходимости въ природѣ и въ исторіи. Напрасно также сталъ бы читатель искать въ книгѣ Бернштейна сколько нибудь глубокой критики гегелевской діалектики, хотя въ ней удѣлено очень много мѣста вопросу о связи гегельянства съ марксизмомъ. Поправки къ теоріи историческаго матеріализма слишкомъ отдаютъ эклектизмомъ. Бернштейнъ въ этомъ пунктѣ совершенно не воспользовался глубокой методологической критикой историческаго матеріализма, данной Зиммелемъ и Штамлеромъ.

Гораздо сильнѣе Бернштейнъ въ критикѣ теоріи „самоотрицанія“ капитализма и выполненія имъ своей исторической миссіи. Прикладная часть книги Бернштейна вообще обнаруживаетъ очень много практическаго смысла. Бернштейнъ-практикъ несравненно сильнѣе Бернштейна-теоретика. На почвѣ практическихъ вопросовъ и тактическихъ соображеній Бернштейнъ, видимо, чувствуетъ себя гораздо болѣе въ родной сферѣ, чувствуетъ подъ собой болѣе твердую почву и потому гораздо смѣлѣе, опредѣленнѣе, тверже въ аргументаціи и выводахъ. Нѣкоторымъ исключеніемъ является аграрный вопросъ, которымъ, очевидно, Бернштейнъ гораздо менѣе занимался и съ которымъ онъ гораздо меньше знакомъ. Но и здѣсь Бернштейна выручаетъ здоровое чутье дѣйствительности, которое не дозволяетъ ему сбиться на торную дорожку традиціоннаго догматизма.

Бернштейнъ порой очень остроумно, но всегда джентльмэнски и съ большимъ достоинствомъ отвѣчаетъ на многочисленныя рѣзкія нападки своихъ противниковъ,—нападки, тонъ которыхъ, отсутствіе чувства мѣры, безцеремонность въ выборѣ пріемовъ полемики производитъ весьма непріятное впечатлѣніе. Полемикѣ отведено очень значительное мѣсто въ книгѣ, и мы, разумѣется, совершенно опускали полемическую часть въ своемъ изложеніи.

Было бы очень интересно дать понятіе о той огромной литературѣ, которая создается *за* и *противъ* книги Бернштейна. Но сейчасъ это сдѣлать довольно трудно, потому что полемика въ самомъ разгарѣ и каждый мѣсяцъ приноситъ много новаго. Не только въ германской и австрійской, но и въ англійской, французской, итальянской прессѣ Бернштейну посвящается много статей. Но о разныхъ теченіяхъ въ этой литературѣ, о возгорѣв-

шемся „пересмотрѣ“ марксизма, точно также какъ о наиболѣе важныхъ отдѣльныхъ пунктахъ міросозерцанія Бернштейна можно дать сколько нибудь обстоятельное понятіе, а тѣмъ болѣе оцѣнку, только въ отдѣльныхъ статьяхъ.

В. Ч.

Сельско-хозяйственные рабочіе Самарской губерніи.

Изъ года въ годъ, на протяженіи уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, съ ранняго пробужденія весны, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самарскій край движутся со всѣхъ концовъ Россіи тысячи сельскихъ рабочихъ; съ мая волна сильно вздувается, достигая къ концу іюня высоты девятаго вала; въ сентябрѣ начинается уже отливъ, который продолжается весь октябрь и половину ноября; къ декабрю все стихаетъ, вся поверхность „моря“ дѣлается зеркально-гладкою вплоть до наступленія новой весны; а тамъ снова хлынетъ волна пришлаго люда, „искателей счастья“ и т. д. и т. д.

По свѣдѣніямъ земской управы Самарская губернія ежегодно стягиваетъ къ себѣ отъ 200 до 300 тысячъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, причемъ на долю двухъ южныхъ уѣздовъ, Новоузенскаго и Николаевскаго, приходится около 75% указаннаго числа.

До 1897 года мало кто интересовался этой трехсотъ-тысячной арміей „бродячей Руси“: откуда двигался этотъ „русскій израиль“, что его гнало съ насиженнаго гнѣзда, какъ онъ странствовалъ „по пустынѣ“, ища обѣтованной земли, что онъ находилъ въ ней и съ чѣмъ возвращался въ родныя палестины— никому не было до того никакаго дѣла. И только два года тому назадъ, когда въ обществѣ и печати усиленно заговорили о вѣроятномъ визитѣ несовсѣмъ желанной азіатской гостьи—чумы,— вспомнили о пришломъ рабочемъ людѣ и обратили на него вниманіе. Иниціатива принадлежала земству, которое въ тотъ же годъ организовало врачебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ, съ амбулаторіями, столовыми, чайными, навѣсами для защиты отъ непогоды и т. д.

Особо приглашенный для этой цѣли медицинскій персоналъ, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, несъ еще и другія: на немъ лежала подробная регистрація пришлыхъ рабочихъ и изслѣдованіе хуторовъ и экономій въ санитарномъ отношеніи.

Свѣдѣнія собирались, по особой программѣ, за весну-лѣто 1897—98 г., въ шести главныхъ пунктахъ наемки сельскихъ рабочихъ (Покровской слободѣ, Ровномъ и Маломъ Узенѣ, Новоузен. уѣзда, Балаковѣ, Таловомъ хуторѣ, Дьяковкѣ, Николаев. уѣзда); число зарегистрованныхъ пришлыхъ рабочихъ въ первый годъ ограничивалось цифрою 7.878 человѣкъ, во второй оно дошло уже до 31.556. Весь этотъ обширный матеріалъ собранъ и обработанъ частью санитарнымъ бюро при губернской управѣ, частью врачами и студентами, завѣдывавшими врачебно-продовольственными пунктами. Результатомъ такой работы и явились два подробныхъ „Отчета о дѣятельности врачебно-продовольственныхъ пунктовъ Самарской губерніи“.

На первыхъ порахъ, какъ и слѣдовало ожидать, опросъ рабочихъ вызывалъ недоумѣніе и нѣкоторое подозрѣніе; нерѣдко рабочіе сами задавали спрашивающимъ вопросъ: „къ чему и зачѣмъ“? Однако отвѣтъ регистрирующихъ, что записи не имѣютъ фискальной цѣли, не связаны съ платежами, а преслѣдуютъ только изученіе условій работы вмѣстѣ съ заботами объ облегченіи, если не устраненіи этихъ условій,—быстро разсѣивали недовѣріе. Въ этомъ отношеніи регистраторамъ приходилось наблюдать характерныя сцены. Опрашивается рабочій. Съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и вяло онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы до послѣдняго, въ которомъ спрашивается объ имени и фамиліи. Этотъ послѣдній вопросъ дѣлается для него окончательно подозрительнымъ и онъ отказывается отвѣчать. Регистрирующій, не желая оставлять неразъясненныхъ подозрѣній въ рабочемъ и его партіи, еще разъ разъясняетъ ему цѣль регистраціи и заключаетъ свою краткую рѣчь предложеніемъ: „на, возьми эту карточку, изорви ее, если душа не покойна“. Рабочій въ раздумьи беретъ карточку, регистрирующій начинаетъ уходить и вдругъ слышитъ голосъ рабочаго, взявшаго записочку: „ну, коли такъ, какъ говоришь, возьми записку, только прозванья не записывай“. Другой примѣръ, не менѣе характерный. Рабочій изъ партіи далъ всѣ свѣдѣнія, но въ заключеніе спрашиваетъ „зачѣмъ“? слѣдуетъ отвѣтъ регистрирующаго: „узнать нужду вашу, какъ и чѣмъ помочь можно“; тогда слѣдуетъ замѣчаніе рабочаго: „ну, такъ ужъ ты запиши за одно, что у меня и полушубка нѣтъ“. Различныя группы рабочихъ неодинаково относились къ регистраціи. Всего охотнѣе давали показанія пензяки, типичные представители „бродячей Руси“, иначе стояло дѣло съ саратовцами — изъ ближайшихъ заволжскихъ селеній, рабочими городского облика.

Изъ кого рекрутируется эта многотысячная армія „рыцарей труда“? Въ прошломъ году по мѣсту жительства было зарегистрировано до 29 тыс. рабочихъ, пришедшихъ сюда изъ 84 уѣздовъ 20-ти губерній. На первомъ планѣ, по количеству доставленныхъ рабочихъ, стоятъ губерніи Саратовская и

Пензенская (отсюда прибыло до 64% общаго числа); за ними слѣдуютъ: Симбирская, Нижегородская, Тамбовская, Казанская и т. д.

Огромное большинство рабочихъ (свыше 90%) движется на мѣста наемки партіями, человѣкъ въ 5, 10, 50 и даже болѣе 100; въ среднемъ на каждую партію приходится 15 человѣкъ. Самый способъ передвиженія рабочихъ съ родины къ мѣсту наемки отличается крайнимъ разнообразіемъ: они движутся пѣшкомъ, пароходомъ, желѣзной дорогой, подводой, пѣшкомъ и пароходомъ, пѣшкомъ и лодкой, пѣшкомъ и подводой, пѣшкомъ и желѣзной дорогой, баржей, бѣляной, на быкахъ и т. д. и т. д.

Главнѣйшій способъ передвиженія рабочихъ—это переходъ пѣшкомъ; такая группа въ 1898 г. составляла 34,7% общаго числа зарегистрированныхъ; но она должна быть еще увеличена на счетъ тѣхъ пѣшеходовъ, которые часть своего пути совершали пароходомъ, лодкой, подводой или желѣзной дорогой; такихъ рабочихъ отмѣчено 18,5%, а вмѣстѣ съ первой группой 53,2%, т. е. болѣе половины общаго числа. Одна треть рабочихъ (33,9%) передвигалась на мѣста наемки коннымъ путемъ. Необходимо замѣтить, что такой способъ практикуется главнымъ образомъ рабочими изъ ближайшихъ мѣстностей. Исключительно пароходомъ и желѣзной дорогой воспользовались лишь 6,4% общаго числа рабочихъ. Такимъ образомъ, общедоступныя блага цивилизаціи—пароходъ и желѣзная дорога—оказываютъ самую ничтожную услугу пришлому люду.

Впрочемъ, для движущихся рабочихъ эти „блага цивилизаціи" далеко не доставляютъ тѣхъ удобствъ, какихъ мы привыкли и въ правѣ ожидать отъ нихъ. Въ нашихъ отчетахъ нѣтъ описаній передвиженія собственно самарскихъ рабочихъ; но мы знаемъ, какъ вообще передвигается бродячая рабочая Русь. Въ качествѣ иллюстраціи беремъ наудачу два-три примѣра. А. А. Ярошко, очевидецъ „нагрузки" рабочихъ на пароходы, писалъ слѣдующее. „Пароходъ „Царевичъ" представлялъ собою обычную картину, которую можно наблюдать на любомъ днѣпровскомъ пароходѣ въ періодъ движенія рабочихъ на югъ. Помѣщенія третьяго класса были такъ плотно набиты рабочими, что тамъ буквально нельзя было пошевелиться. Мало этого: вся верхняя палуба, крыша вокругъ трубы, кожухи надъ колесами,—все было унизано живымъ грузомъ. Даже на палубѣ перваго класса нельзя было ступить двухъ шаговъ, чтобы не наступить кому-либо на ногу или на руку. Мы съ ужасомъ глядѣли на новыя толпы рабочихъ, поджидавшія насъ у каждой пристани. Казалось, не было никакой физической возможности взять еще десятокъ-другой человѣкъ,—и безъ того негдѣ было яблоку упасть, но новыя толпы входили и входили, и какъ-то таинственно умѣщались... Наконецъ, лежать рабочимъ уже было нельзя; лежавшихъ раньше матросы подняли пинками, и вся

масса людей буквально сидѣла другъ на другѣ. Днѣпровскія пароходныя общества наживаютъ исключительно отъ пассажировъ III класса, а между тѣмъ администрація парохода смотритъ на этихъ злосчастныхъ третьеклассниковъ хуже, чѣмъ на рабочій скотъ". По словамъ того же автора, „на пароходѣ „Теща" принимали рабочихъ, какъ овецъ, сколько помѣститься можетъ, стоя вплотную другъ къ другу. Вскорѣ вся палуба, рубка, даже кожухи парохода—наполнились стоявшими босоножками. Пароходъ былъ переполненъ ими такъ, что рабочимъ буквально некуда было сложить котомокъ, и они висѣли въ продолженіе всего рейса на спинахъ ихъ обладателей. Очевидно, ни о порядкѣ, ни о мѣрѣ нагрузки, какъ и всегда, вопроса не было". (Шаховской. „Сельскохозяйственные отхожіе промыслы". Стр. 66). Здѣсь говорится про днѣпровское пароходство; но подобныя же картины мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ.

Не лучше положеніе рабочихъ и при поѣздкѣ по желѣзной дорогѣ. „Посмотрите, пишетъ одинъ корреспондентъ въ „Пріазовскій край", посмотрите на тысячи несчастныхъ (рабочихъ), собравшихся въ Нахичевани и другихъ мѣстахъ выдачи желѣзнодорожныхъ билетовъ IV-го класса и на станціяхъ высадки и пересадки ихъ. Ежедневно отправляютъ только одинъ рабочій поѣздъ въ составѣ не болѣе 30 вагоновъ, могущій забрать не болѣе 1200—1500 человѣкъ, между тѣмъ какъ скопленіе рабочихъ въ этихъ мѣстахъ достигаетъ до 5—10 тысячъ человѣкъ. И приходится бѣднякамъ по цѣлымъ недѣлямъ ожидать очереди попасть въ поѣздъ, проживать свои скудные гроши, переплачивая въ три-дорога за хлѣбъ въ станціонныхъ буфетахъ и лавочкахъ, выпрашивать каждый глотокъ воды у станціоннаго начальства и лежать на сырой землѣ подъ открытымъ небомъ, терпѣливо перенося всѣ болѣзни, неизбѣжныя при такой дорожной обстановкѣ. Посмотрите на длинный рабочій поѣздъ, медленно ползущій отъ станціи до станціи, ожидающій на станціяхъ и полустанкахъ пропуска болѣе выгодныхъ для дороги грузовыхъ и пассажирскихъ поѣздовъ! Положеніе живого груза этого поѣзда въ пути и на стоянкахъ нисколько не лучше, если даже не хуже, положенія пѣшеходныхъ партій. Набитые, какъ сельди въ бочкѣ, въ товарные вагоны съ длинными скамьями, несчастные давятъ другъ друга, задыхаются отъ недостатка воздуха, заражаются отъ больныхъ сосѣдей, а матери, истощенныя голодомъ, не спускаютъ съ рукъ и колѣней дѣтей, которыхъ въ вагонѣ негдѣ положить и посадить, и съ отекшими руками и ногами, измученныя и изнуренныя, ждутъ не дождутся конца своего переѣзда, который продолжается нѣсколько дней подъ-рядъ. А мимо 8 разъ въ сутки пробѣгаютъ изящныя „пассажирки" (пассажирскіе поѣзда), съ блестящими, какъ зеркало, высокими, просторными, свѣтлыми и удобными спальными вагонами, въ которыхъ

виднѣются сладко спящіе на мягкихъ диванахъ счастливцы, пользующіеся въ пути всѣми благами прогресса и цивилизаціи".

О продолжительности пути рабочихъ въ „отчетахъ" мы находимъ слѣдующія данныя. Немного менѣе половины ихъ (около 45%) проводятъ въ дорогѣ отъ 1 до 4 дней; вторую по величинѣ группу составляютъ рабочіе, затрачивающіе на путь отъ 8 до 14 дней (30,2%); третьей группой являются тѣ, которые проводятъ въ дорогѣ отъ 4 до 7 дней (13,5%), четвертой—тѣ, которые находятся въ дорогѣ отъ 15 до 30 дней (8,7%), и, наконецъ, довольно значительная часть скитается въ пути болѣе мѣсяца (2,6%)! При этомъ не слѣдуетъ забывать, что всего дольше странствуютъ рабочіе, передвигающіеся пѣшкомъ, нерѣдко съ тяжелыми ношами на плечахъ. Изъ опросовъ, напримѣръ, оказалось, что 34% рабочихъ (пѣшихъ и конныхъ) имѣли при себѣ тяжесть до 1 пуда вѣсомъ, 11,8%—до 2 пудовъ вѣсомъ и 54,2% болѣе 2 пудовъ. Любопытно то, что этотъ тяжелый багажъ рабочаго въ сущности очень бѣденъ по своему содержанію. Въ отчетѣ студента Вольтмана за 1897 годъ читаемъ по этому поводу слѣдующее. Большая часть рабочихъ, пишетъ онъ, имѣетъ при себѣ 2 рубахи, 2 портковъ, полушубокъ, кафтанъ, лапти, сапоги; меньшая имѣетъ—1 рубаху, 1 портки, кафтанъ, лапти; еще меньшая имѣетъ только 1 рубаху, 1 портки (это такъ называемая „золотая рота", „бурлаки" и т. д). Страннымъ можетъ показаться, какъ это рабочій все лѣто ходитъ въ одной рубахѣ,—вѣдь ее и стирать нельзя,—это не такъ. Если рубаха начинаетъ слѣзать, то на пунктѣ найма всегда можно купить новую-готовую; если она грязна, и ее можно еще стирать, то она моется довольно простымъ способомъ: рабочій лѣзетъ въ одеждѣ въ воду и на себѣ моетъ рубаху (если мыть не на себѣ, легко изорвать), выходитъ на берегъ, осторожно снимаетъ, развѣшиваетъ и ждетъ, пока она высохнетъ. Если еще на рубаху можно пришить заплату, то она пришивается на указанномъ мѣстѣ.—Рубахи почти всѣ заплатанныя, полинявшія отъ времени и свѣта. Портки еще хуже. На нихъ не во всѣхъ мѣстахъ кладутъ и заплаты. У такихъ „золоторотцевъ" нѣтъ ни лаптей, ни сапоговъ. На вопросъ о запасѣ одежды они отвѣчаютъ такъ: „вотъ у меня лѣтняя одежда (показываетъ на лѣвый рукавъ рубахи), а вотъ и зимняя (показываетъ на правый), лапти не ношу—совѣстно, сапоги купить дорого, лучше босикомъ ходить".

Кромѣ запаса бѣлья и одежды, у большинства рабочихъ-незолоторотцевъ имѣется съ собой: нѣсколько фунтовъ сухарей, коса, серпъ, чайникъ и т. п,; а у замужнихъ женщинъ, въ придачу ко всему этому, нерѣдко еще—грудной ребенокъ. Представьте себѣ положеніе такихъ несчастныхъ!

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ рабочихъ во время пути нужно прибавить еще крайне скудное и плохое питаніе. Болѣе четвер-

той части ихъ (27,7%) питаются исключительно запаснымъ хлѣбомъ,—сухимъ, черствымъ, нерѣдко заплѣсневѣлымъ и прогорклымъ; горячая пища для нихъ является въ видѣ исключенія; 18,3% прикупаютъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ на сторонѣ; небольшая часть вынуждена добывать себѣ пропитаніе работой; 14,6% питаются въ пути „подаяніемъ" или „Христовымъ именемъ" (многіе стѣсняются и не говорятъ о такомъ способѣ питанія); остальные (38,3%) пользовались „смѣшанными" средствами пропитанія, т. е. кормились частью своимъ хлѣбомъ, частью на счетъ скуднаго запаса своихъ денегъ, частью работой...

Изъ 28,742 зарегистрированныхъ рабочихъ взрослые (т. е. свыше 15-ти лѣтняго возраста) составляютъ наибольшее число—26,122 (или 90,8%); подростки отъ 7 до 15 лѣтъ, являясь на работахъ отчасти няньками дѣтей младшаго возраста, отчасти полурабочими, составляютъ цифру 1,410 (или 4,9%). Немало рабочихъ приходятъ съ дѣтьми малолѣтними, которыя становятся только обузой для родителей или родственниковъ, понижая ихъ работоспособность и чрезъ то обезцѣнивая ихъ трудъ. Дѣтей до 7 лѣтъ записано 1,210 душъ (4,3%). Если дома, въ крестьянской средѣ, ребенокъ въ рабочую пору бываетъ заброшенъ, плохо накормленъ, остается безъ надлежащаго ухода, то здѣсь, „въ чужихъ людяхъ", особенно во время страды, дѣти почти неизбѣжно обречены на вѣрную гибель. Мужчины среди пришлыхъ рабочихъ преобладаютъ по числу: на 100 рабочихъ-мужчинъ приходится 55 женщинъ. Большинство мужчинъ-рабочихъ женатые (76,6%) и женщины замужнія (62,3%).

Составъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ Самарской губерніи по занятіямъ, на основаніи данныхъ 1898 года, можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: 2/3 (66,7%) общаго числа рабочихъ принадлежали къ классу земледѣльцевъ, немного менѣе 1/3 (30,5%) состояли чернорабочими, 2,6%—ремесленниками и только 0,2%—городской прислугой. Впрочемъ, по отдѣльнымъ пунктамъ замѣчается весьма значительное отклоненіе въ обѣ стороны отъ указанныхъ среднихъ. Описаніе пунктовъ наемки рабочихъ въ санитарномъ отношеніи составляетъ, такъ сказать, гвоздь всѣхъ отчетовъ.

Читая и перечитывая эти страницы отчетовъ, мы сразу ясно поймемъ, почему въ холерные годы такъ сильно свирѣпствовала зараза именно въ Самарской губерніи, поймемъ и причину прискорбныхъ явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ „холерныхъ бунтовъ". Здѣсь мы не должны забывать и того, что громъ 1892 года заставилъ перекреститься очень и очень многихъ, что санитарное состояніе мѣстъ наемки въ настоящее время значительно улучшилось по сравненіи съ злополучнымъ холернымъ годомъ; и тѣмъ не менѣе вотъ какими красками рисовали ихъ очевидцы въ 1897—98 годахъ.

Слобода Покровская—это въ сущности довольно большой уѣздный городъ, съ 23-тысячнымъ населеніемъ, городъ, служащій главными входными воротами въ обширныя заволжскія степи, куда стремятся пришлые рабочіе. Въ зависимости отъ мѣстныхъ топографическихъ условій, замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ студ. А Новиковъ, въ сл. Покровской существуютъ два пункта наемки рабочихъ—весенній и лѣтній,—причемъ весенній пунктъ находится въ центрѣ базарной площади слободы, лѣтній—приблизительно въ трехъ верстахъ отъ слободы, въ мѣстности „Осокори“, на островѣ, отдѣленномъ рѣкой Воложкой.

Базарная площадь (весенній пунктъ), застроенная деревянными и каменными лавками, трактирами, чайными, харчевнями и т. п., занимаетъ на берегу Воложки пространство въ 5,200 кв. саж., раздѣленное „порядками“ на нѣсколько торговыхъ рядовъ. Это и есть весеннее мѣсто наемки, куда стекаются рабочіе, располагаясь въ ожиданіи заработка частью подъ навѣсами незанятыхъ лавокъ, частью на берегу подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ; большая же часть ихъ идетъ въ глубь степей, останавливаясь только времено на площади, чтобы передохнуть и двигаться дальше.

Въ санитарномъ отношеніи вся эта мѣстность не удовлетворяетъ даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Кругомъ царитъ ничѣмъ неустранимое зловоніе... Сплошной навозъ, масса мусора, различные отбросы, нерѣдко выброшенны на улицу дохлыя мелкія животныя, птицы, грязныя помои и т. п.,—вотъ подлинная фотографія улицы въ сл. Покровской. Если и бывали очень и очень рѣдкіе случаи очистки улицъ отъ сора, то эта очистка носила своеобразный характеръ: отметаютъ только съ тротуара до средины улицы, затѣмъ, вѣроятно, чтобы этотъ соръ назавтра былъ снова на своемъ мѣстѣ у тротуара и снова ждалъ удобнаго случая. Такого рода уборку, прибавляетъ студ. А. Новиковъ, приходилось наблюдать, къ сожалѣнію, на центральной площади, около двухъ-этажныхъ домовъ богатыхъ хозяевъ, имѣющихъ дворниковъ и лошадей. Понятно, что весь этотъ мусоръ во время вѣтра летитъ на дворы и въ окна.

Не въ лучшемъ состояніи находится и лѣтнее мѣсто наемки на островѣ у „Осокорей“, гдѣ расположенъ врачебно-продовольственный пунктъ (чайная, столовая, бараки и амбулаторія), десятокъ—другой чайныхъ частныхъ владѣльцевъ, харчевни, квасныя и мелочныя лавчонки. Единственнымъ преимуществомъ можно считать открытое положеніе пункта, окруженнаго со всѣхъ сторонъ Воложкой и Волгой; но за то насколько невозможны санитарныя условія весенняго пункта, настолько же невозможны гигіеническія условія и весенняго пункта; въ одномъ—зловоніе и грязь, въ другомъ—зной и песокъ; на открытомъ воздухѣ пыльно и жарко, въ баракахъ прямо душно и темно.

Бараки для пришлыхъ рабочихъ построены на общественный счетъ въ памятный холерный 1892 годъ на живую руку (хотя разсчитаны на 1300 слишкомъ человѣкъ), и съ того времени необходимый ремонтъ замѣнялся со всѣхъ сторонъ подпорками, предохраняющими бараки отъ обязательнаго паденія; видъ имѣютъ жалкій, рамы съ совершенно выбитыми стеклами, между тесомъ трещины, внутреннее помѣщеніе мрачное, грязное, нары полусломаны и полусгнившія, полъ земляной, не утрамбованный, лишающій возможности сносно и опрятно содержать его...

Второй бойкій пунктъ наемки—с. Ровное—рисуется почти такими же красками, что и сл. Покровская. Въ своемъ отчетѣ студентъ Каключинъ заноситъ въ 1898 году, между прочимъ, слѣдующее: Ровное, отмѣченное врачемъ Казариновымъ въ прошломъ году только обиліемъ мусора, тряпья, мочала, перьевъ и т. д. представляло въ началѣ нынѣшняго лѣта такую же печальную въ санитарномъ отношеніи картину. Улицы по прежнему оставались „свалочнымъ мѣстомъ“ для домохозяевъ нѣмцевъ, любящихъ чистоту своихъ дворовъ; небольшой, по размѣрамъ совсѣмъ не соотвѣтствующій торговлѣ села, базаръ, застроенный со всѣхъ сторонъ лавками, амбарами и сараями, былъ покрытъ толстымъ слоемъ всякихъ отбросовъ и человѣка, и животныхъ, и постоянное, не смотря на близость Волги и степи, зловоніе распространялось по селу далеко за предѣлы базарной площади, особенно усиливаясь послѣ дождей, когда на базарѣ и на нѣкоторыхъ улицахъ оставались долго не высыхающія лужи. Тысячныя толпы, которыя находятъ здѣсь себѣ мѣсто во время наемокъ и въ праздничные дни, тщетно искали повсюду общественныхъ колодцевъ—ихъ до августа мѣсяца нигдѣ не было, и пришлое и коренное населеніе должно было брать все лѣто воду изъ Волги, берегъ которой противъ села представляетъ „бойкое отхожее мѣсто“. Два постоялыхъ двора, особенно любимые, вѣроятно, благодаря своему мѣстоположенію (на базарной площади) рабочими, представляли нѣчто ужасное: здѣсь было собрано все, что было антисанитарнаго въ селѣ. Изъ шести пекаренъ только двѣ были опрятны и чисты: два колбасныхъ заведенія не удовлетворяли самымъ снисходительнымъ требованіямъ санитаріи, а владѣлецъ одного болѣе крупнаго г-нъ Р. не могъ даже согласиться съ тѣмъ, что „при его дѣлѣ“ возможна какая-либо чистота, а между тѣмъ колбаса пришлымъ населеніемъ раскупается здѣсь въ громадномъ количествѣ, и этотъ продуктъ грязнаго и недобросовѣстнаго производства можно видѣть по всему селу: на базарѣ, на пароходныхъ конторкахъ, на лѣсныхъ складахъ и т. д.

Другія мѣста наемки предствляютъ изъ себя копію съ двухъ, только что описанныхъ нами.

Отсюда ясно, какія задачи должно взять на себя земство,

чтобы мѣсто наемки не служило очагомъ заразныхъ болѣзней среди рабочихъ.

Нужно отдать полную справедливость самарскому земству: санитарный надзоръ уже успѣлъ раскрыть всю ту массу антисанитарныхъ безобразій, которыми отличаются мѣста наемки; и благодаря настояніямъ врачей, базары и площади начинаютъ систематически (разъ въ недѣлю) вычищаться, постоялые дворы и пекарни приводятся въ порядокъ; въ нѣкоторыхъ пунктахъ возведены крытые навѣсы, выкопаны колодцы, открыты чайныя, столовыя и амбулаторіи...

Но вотъ послѣ долгихъ скитаній и мытарствъ въ дорогѣ, послѣ неоднократныхъ переходовъ съ одного рынка труда на другой, рабочій находитъ, наконецъ, себѣ „хозяина", который отвозитъ или чаще уводитъ его на свои хутора и экономіи.

Посмотримъ же, каково живется труженику за все время весенне-лѣтней полевой работы, гдѣ онъ ютится, чѣмъ питается, насколько продолжителенъ его рабочій день, обезпеченъ ли онъ медицинской помощью въ необходимыхъ случаяхъ, велика ли заработная плата и проч. и проч.

Всѣ отчеты врачей и санитаровъ-студентовъ единогласно констатируютъ тотъ фактъ, что, за рѣдкими исключеніями, рабочіе живутъ за весенне-лѣтнее время въ полѣ, ютятся гдѣ попало и какъ попало: подъ телѣгами, подъ снопами, рѣдко въ палаткахъ, часто подъ открытымъ небомъ.

Въ полѣ, какъ для временныхъ, такъ и для постоянныхъ рабочихъ, пишетъ студентъ Каключинъ, ни палатокъ, ни какихъ-либо другихъ ночлежныхъ приспособленій нѣтъ; привыкшіе къ холоду, зною и дождю пензяки, изъ которыхъ исключительно состоитъ артель рабочихъ (1500 человѣкъ), у земледѣльца Пш—наго остаются во все время лѣтнихъ работъ подъ открытымъ небомъ... Остающіеся на зиму 50—60 человѣкъ живутъ у Пш—наго въ грязномъ, маломъ, сравнительно, помѣщеніи, съ разбитыми стеклами и рамами, съ протекающей повсюду крышей, на земляномъ полу; во время дождя санитару-студенту пришлось видѣть лужи, а на нарахъ лежали подмоченныя котомки рабочихъ.

Врачъ Казариновъ, съ своей стороны, заявляетъ: „рабочіе привозятся на поля, и здѣсь раскладываютъ, кто имѣетъ, палатки; неимущіе располагаются подъ открытымъ небомъ; какихъ-либо хозяйскихъ палатокъ, навѣсовъ для укрытія рабочихъ отъ дождя или зноя въ послѣобѣденное время не имѣется, таковыя есть лишь для приказчиковъ. Въ случаѣ непогоды, палатки, вмѣщающія два-три человѣка, набиваются народомъ въ 5—6 человѣкъ,

остальные укрываются плохо въ хлѣбѣ"... „Живутъ временные рабочіе, читаемъ въ отчетѣ Вольтмана о Таловомъ хуторѣ (куда стекается отъ 10000 до 12000 человѣкъ въ годѣ), въ теченіе недѣли исключительно въ полѣ. Нѣтъ ни одного владѣльца, который позволилъ бы рабочимъ переночевать на хуторѣ даже въ ненастное и, слѣдовательно, не рабочее время. Поэтому ночевка, завтракъ, обѣдъ, ужинъ,—все это происходитъ въ полѣ".

Едва ли много выигрываютъ рабочіе и въ томъ случаѣ, когда владѣльцы отводятъ для нихъ особыя помѣщенія. Насколько послѣднія удовлетворительны въ санитарномъ отношеніи, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. „Помѣщеніе для сезонныхъ рабочихъ находится отъ хутора (М. Х—ва, въ Николаевскомъ уѣздѣ) въ полуверстѣ разстоянія, пишетъ одинъ санитаръ. Это простая землянка, предоставленная всецѣло въ распоряженіе этихъ рабочихъ. Помѣщеніе въ высшей степени тѣсное, неудобное; печь плохо устроена, сильно коптитъ при топкѣ, что сразу бросается въ глаза при осмотрѣ потолка. Все помѣщается въ одной комнатѣ: кухня, хлѣбопекарня, столовая. Средину комнаты занимаетъ печка, по сторонамъ ея очень низкія, устланныя грязной соломой, тряпьемъ, дѣтскими пеленками, нары. На полу валяется грязное сѣно, чтобы не пачкался полъ и не ѣли бы блохи; сѣно не выбирается изъ комнаты по недѣлямъ... Воздухъ даже въ лѣтнее время крайне спертый, удушливый отъ дыма печки, вонючій отъ гніющаго дѣтскаго немытаго тряпья. Нарами, въ виду ихъ непригодности, рабочіе не пользуются, спятъ всѣ вмѣстѣ на полу". На хуторѣ И. Сатина для постоянныхъ зимнихъ рабочихъ (числомъ въ 35—40 человѣкъ) имѣется баракъ, снаружи довольно чистый, но по своему внутреннему благоустройству представляющій изъ себя нѣчто совсѣмъ иное: „онъ тѣсный (7 кв. саж.), сырой, грязный, темный, съ массой всевозможныхъ насѣкомыхъ; по срединѣ обособлена кухня, на стѣнахъ которой видна копоть и слѣды безконечнаго числа мухъ"...

Теперь посмотримъ, какъ продовольствуются рабочіе на хуторахъ и въ экономіяхъ самарскихъ лэндъ-лордовъ.

Въ отношеніи харчей врачъ Казариновъ различаетъ три группы хозяйствъ. Мелкіе владѣльцы, нанимающіе по 5—10—40 рабочихъ, готовятъ въ пищу кашу, кашицу, галушки, картофель, черный хлѣбъ, „пирогъ"—хлѣбъ изъ размольной пшеницы, огурцы, арбузы. Крупные нѣмецкіе помѣщики (рѣчь идетъ о Новоузенскомъ уѣздѣ) варятъ кашу, галушки, горохъ, картофель, черный и размольный пшеничный хлѣбъ. Третью группу землевладѣльцевъ составляютъ крупные и средніе русскіе помѣщики, которые упростили продовольствіе рабочихъ такъ, что больше упростить нельзя. На завтракъ—черный хлѣбъ съ водой, на обѣдъ—каша,

кащица и черный хлѣбъ, на полудникъ—черный хлѣбъ съ водой, на ужинъ—каша, черный хлѣбъ; и такъ изо дня къ день, на всѣхъ работахъ съ весны до осени.

Масла или сала первая группа отпускаетъ 1 фунтъ на 10 человѣкъ, вторая 1 фунтъ на 10—20 человѣкъ, послѣдняя 1 фун. на 40—30 человѣкъ.

Пекарни хуторскія находятся часто въ одномъ помѣщеніи съ кухней, отчего онѣ кишатъ мухами, пыльны, грязны. Помѣщеніе пекарни на хуторѣ Пш—аго находится въ полуразвалившемся каменномъ зданіи, грязномъ и пыльномъ; въ окна глядится навозъ, котораго нигдѣ нѣтъ въ такомъ изобиліи, какъ на этомъ хуторѣ... Особой нечистотой выдается пекарня на хуторѣ Ц—кова; въ одномъ помѣщеніи съ грязно-содержащейся кухней, полномъ мухъ, квашня стоитъ въ непровѣтриваемомъ углу, и въ этой квашнѣ можно найти и жучковъ, и палыхъ мухъ, не говоря о грязи. Хлѣбы покрыты ватной поддевкой кухарки. Рабочіе часто жалуются на нее, что имъ подаютъ хлѣбъ черствый, или сырой, иногда заплѣсневѣлый, съ мухами, жучками, червями; констатированы случаи болѣзненныхъ припадковъ среди рабочихъ, питавшихся хлѣбомъ съ какими-то посторонними примѣсями.

Не лучше питаются рабочіе и на другихъ хуторахъ. Студентъ Абуловъ, обозрѣвая экономіи въ раіонѣ Муравли, замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „На каждый станъ по количеству членовъ партій отпускается хлѣбъ и пищевые продукты (пшено и сало), изъ которыхъ „кашеваръ“ варитъ рабочимъ изо дня въ день однообразную „кашу“ да „кашицу“. Мясо, рыба, капуста, горохъ, картофель—это роскошь, о которой рабочій можетъ только мечтать, но не встрѣтитъ ни на одномъ хуторѣ. Меню для рабочихъ составлено на цѣлое лѣто очень опредѣленное и простое: въ завтракъ „пирогъ“ (бѣлый хлѣбъ) и вода, въ обѣдъ каша или кашица и хлѣбъ (черный), въ „полдень“ опять пирóгъ съ водой, въ ужинъ снова кашица или каша. Такимъ образомъ, рабочій ѣстъ 4 раза въ день и въ количествѣ, сколько онъ осилитъ. Однако, рабочіе, не довольствуясь подобной пищей, тратятся еще сами на себя, употребляя чай,—который очень распространенъ, между прочимъ, среди татаръ,—запасаясь огурцами, дыней, арбузами, воблой и т. д. Такъ что рабочій, не смотря на то, что за все время работы питается на счетъ хозяина, тратитъ немало и изъ своего кармана“.

По заявленію студента Вольтмана, въ погребѣ на хуторѣ М. Х—ва найдено совершенно разложившееся мясо, тухло-гнилого запаха, еле-еле не расползающееся въ рукахъ. Такое же мясо найдено было вареным въ котлѣ въ печкѣ. На вопросъ санитара: „откуда это мясо?“ приказчикъ сказалъ слѣдующее: „Это рабочіе продовольствуются отъ себя, мясо и другіе провіанты понедѣльно забираютъ въ счетъ жалованья“. „А развѣ

вы не можете имъ отпускать только на день или на два?“ снова спросилъ студентъ: „вѣдь теперь смотрите, какая жара“ и услышалъ въ отвѣтъ: „Да они, ваше в—діе, ко всему привычны“. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что это совершается по приказанію хозяевъ—отпускать мясо на недѣлю.—На хуторѣ братьевъ Ш—ъ, Бузулукскаго уѣзда, подается рабочимъ „такой хлѣбъ, котораго не ѣдятъ даже лошади“.

Немало недостатка испытываетъ рабочій и въ питьевой водѣ. На многихъ хуторахъ вода для рабочихъ привозится изъ прудовъ (часто небольшихъ, грязныхъ) и сохраняется въ бочкахъ (подъ солнцемъ) изъ-подъ керосина или дегтя, придающихъ водѣ непріятный вкусъ и запахъ. По словамъ врача Казаринова, общественные полевые колодцы (гдѣ есть таковые) бадей не имѣютъ, каждый рабочій приходитъ со своимъ ведромъ, изъ котораго напиваются и лошади, за неимѣніемъ колодъ.—Иногда „вода привозится въ бочкахъ, вмѣсто покрышки—ведро и грязный мѣшокъ; разбирается вода своей или хозяйской посудой, обыкновенно опускаемой въ бочку, изрѣдка ковшомъ. Бочекъ съ кранами видѣть не пришлось“...

Продолжительность рабочаго дня нигдѣ не падаетъ ниже 14 часовъ въ сутки, но очень часто доходитъ до 16, даже 17 часовъ.

„Распредѣленіе времени работы въ теченіе дня у временныхъ рабочихъ (на хуторѣ М—кова) таково: начало работы съ восходомъ солнца, конецъ—съ закатомъ“. Въ усадьбѣ г. Бер—ва работаютъ „съ 3½ часовъ утра до 8 часовъ вечера; съ ½ часа употребляется на завтракъ между 7 и 8 часами, отъ 12—2 обѣдъ и отдыхъ“. По свидѣтельству одного санитара, работы на хуторахъ Новоузенскаго у. начинаются съ восходомъ солнца; иные (рабочіе), увлекая и другихъ, выходятъ много раньше; кончаются съ закатомъ. Въ 12 часовъ полагается обѣдъ и 2-хъ часовой отдыхъ, но ретивые отказываются для работы и отъ этого.

Если мы примемъ во вниманіе, что въ разсчетъ берется главнымъ образомъ жнитво, если, затѣмъ, примемъ во вниманіе страшные іюльскіе жары, доходящіе нерѣдко до 48° по Реомюру, то мы придемъ къ тому заключенію, что затратить на такую работу въ день 14, 16, 17 часовъ, когда спина должна быть все время не разогнутой,—работа по-истинѣ египетская!..

Длинный, утомительный путь, полный разныхъ лишеній и невзгодъ, долгое исканіе работы, тяжелый трудъ на хуторахъ и экономіяхъ, крайне ненормальныя условія питанія и жилища — все это влечетъ за собою чрезмѣрную заболѣваемость среди рабочихъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта заболѣваемость среди пришлаго элемента раза въ три-четыре выше, чѣмъ у мѣстныхъ жителей. Наиболѣе часто страдаютъ рабочіе гастрическими разстройствами, ревматизмомъ, болѣзнью глазъ, иногда куриной слѣпотой и т. п. „Лихорадки и ревматизмъ, пишетъ одинъ санитаръ, —

обычное явленіе послѣ мало-мальски дурной погоды, а желудочно-кишечныя заболѣванія составляютъ болѣе 50% всѣхъ больныхъ рабочихъ".

Что касается обезпеченности пришлаго люда медицинскою помощью, то нужно замѣтить, что на хуторахъ рабочіе безусловно лишены врачебнаго пособія и даже вниманія; вслѣдствіе чего они вынуждены возвращаться на родину, безъ всякаго заработка, нерѣдко побираясь „Христовымъ именемъ".

„Попеченіе гг. хуторовладѣльцевъ, замѣчаетъ по этому поводу въ своемъ отчетѣ студ. Вольтманъ, о своихъ рабочихъ больныхъ въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не выражается. Если рабочій хвораетъ, то хозяинъ не считаетъ нужнымъ позаботиться о немъ",—будь то временный или постоянный рабочій—все равно. „Онъ никогда не отвезетъ его къ доктору, не смотря на близкое разстояніе хутора отъ врачебнаго пункта... Если постоянный рабочій хвораетъ и онъ какимъ-либо чудомъ попадаетъ въ больницу, то лѣчится за свой счетъ, а не за счетъ хозяина. „Развѣ мы обязаны, да что намъ за необходимость? и т. д.,—вотъ какіе отвѣты получаются на различныя предложенія"...

„Блѣдныя, измученныя лица, говоритъ врачъ Казариновъ, вялыя движенія (вѣдь сколько среди нихъ хроническихъ маляриковъ, дизентериковъ и т. д.),—это бросается въ глаза при общемъ взглядѣ на возвращающіяся группы рабочихъ и среди нихъ встрѣчаются зачастую настоящія тѣни рабочихъ, не то тифозныхъ, не то впавшихъ въ меланхолію (у одного мной выяснено помѣшательство); дома ничего, везется домой ничего, а впереди суровая зима съ ея суровыми жизненными потребностями и платежами. Поражаетъ среди возвращающихся масса хроническихъ маляриковъ—участь многихъ рабочихъ, разъ захворавшихъ въ степяхъ маляріей; маляріи трудно оставить организмъ при недостаточномъ питаніи и при сырой холодной водѣ".

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о заработной платѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ Самарской губерніи. Само собой разумѣется, что величина ея далеко не носитъ постояннаго характера: въ годы обильныхъ урожаевъ она стоитъ сравнительно высоко, во время же неурожаевъ спускается до возможнаго minimum'а, причемъ и требованіе на рабочія руки сильно сокращается—вдвое, втрое и даже больше.

По даннымъ земской статистики средняя годовая плата взрослому работнику (на хозяйскихъ харчахъ) равняется приблизительно 52 руб., женщинѣ—28½ руб., подростку (16—18 лѣтъ)—26½ руб. Мѣсячная плата сроковымъ рабочимъ выражается цифрами: 6 руб. для мужчины, 4 руб. для женщины и 3 руб. для подростка. Поденная плата во время уборки хлѣба для взрослаго работника выражается 50 коп., для женщины—35 коп.; во время сѣнокоса: въ первомъ случаѣ —38½ коп., во второмъ—18½ коп.

Итакъ, вотъ какова жизнь сельско-хозяйственныхъ рабочихъ за 6—7 весенне-лѣтнихъ мѣсяцевъ: изъ дому они выходятъ уже физически надорванные, во время пути испытываютъ всевозможныя лишенія и невзгоды,—будучи лишены защиты даже отъ стихій природы, питаясь впроголодь, надрываясь отъ тяжелой ноши разнаго скарба, а подчасъ и „живого груза"; на пунктахъ наемки ихъ невзгоды прекращаются; на мѣстахъ приложенія труда повторяется тоже самое: снова отсутствіе защиты отъ нестерпимаго солнечнаго зноя, отъ дождя или буйнаго вѣтра, снова скудное и до тошноты однообразное питаніе, сверхъ того, утомительный и продолжительный трудъ, полная безпомощность въ случаѣ болѣзни, нищенскій заработокъ; а тамъ опять длинный путь пѣшкомъ обратно на родину, опять мытарства, сухояденіе, стихійныя бѣдствія, съ октябрьскими и ноябрьскими стужами включительно... А на слѣдующій годъ—опять тоже.

А. В. Пановъ.

Изъ Англіи.

I.

„Мы живемъ еще въ вѣкѣ, когда возможны герои. Одинъ изъ наиболѣе славныхъ героевъ живетъ среди насъ. Наши внуки съ завистью будутъ говорить про насъ: „Какъ они счастливы! Они были современниками великаго Сесиля Родса!" Приведенныя слова—выдержка изъ банкетной рѣчи лорда Салисбюри. Въ нихъ сконцентрировано все то, что можно прочесть теперь въ сотняхъ книгъ, памфлетовъ и газетныхъ статей, написанныхъ правовѣрными джинго. „Африканскій Наполеонъ", „Созидатель имперій", „Колоссъ Родосскій", „Современный Кортецъ" — таковы заглавія нѣкоторыхъ книгъ.—Съ другой стороны, авторы, смотрящіе на положеніе вещей нѣсколько иначе, чѣмъ джинго, величаютъ героя организаторомъ пуфовъ, великимъ биржевымъ спекулянтомъ, истребителемъ черныхъ и пр. Такъ или иначе, интересно познакомиться съ личностью, по поводу которой возможны такія противорѣчивыя мнѣнія. Имя героя связано съ громадной территоріей, Родезіей, занимающей слишкомъ 700 тысячъ кв. миль. Это огромное пространство и „карру" *) и тропическихъ болотъ, на которыя такъ сильно спекулировали

---

*) Названіе степей въ Юж. Африкѣ.

на биржѣ послѣднія пять лѣтъ—и является правомъ на блестящіе титулы, пожалованныя Сесилю Родсу восторженными поклонниками. Имя Родса связано и со всей современной исторіей Южно-Африканскихъ колоній, съ захватомъ территорій, съ набѣгомъ Джемсона, наконецъ, съ тѣмъ кризисомъ, который разрѣшается теперь войной между Англіей и голландскими республиками.

Мнѣ припоминается одна сцена, свидѣтелемъ которой пришлась быть въ началѣ лѣта этого года, въ Оксфордѣ, во время „годичныхъ поминокъ“, справляемыхъ оксфордскимъ университетомъ по всѣмъ „учредителямъ и благотворителямъ“ коллегій. Торжество происходитъ въ Sheldonian Theatre. Кольцо красныхъ кирпичныхъ буржуазныхъ домиковъ охватило университетскія зданія; но ихъ старинныя, изъѣденныя временемъ стѣны не измѣнились за послѣднія 400 лѣтъ. Sheldonian Theatre—постройка временъ ренесанса. Амфитеатръ галлерей въ нѣсколько этажей поддерживается іоническими колоннами. Въ центрѣ зданія—мѣста для докторовъ, настоящихъ и грядущихъ. Лучи солнца, пробравшіеся сквозь цвѣтныя старинныя стекла, фантастически переливаются въ пурпурѣ мантій ученыхъ. Внизу такъ торжественно, важно и... скучно. Не слыхать другого языка, кромѣ латыни, на которой докладчикъ перечисляетъ заслуги будущихъ докторовъ (во время поминокъ происходитъ пожалованіе докторскими мантіями) и строитъ имъ тяжеловѣсные комплименты. За то происходящее на галлереяхъ является рѣзкимъ контрастомъ тому, что творится внизу. Мѣста на галлереяхъ набиты студентами или, точнѣе говоря, наиболѣе буйной и безшабашной частью студенчества, для которой торжество—академическій карнавалъ. Сверху на ученыя мантіи сыплется дождь конфети, а тяжеловѣстные латинскіе комплименты перерываются каламбурами и шуточками на чистѣйшемъ лондонскомъ „кокней“. „Прокторы“ и „бульдоги“ ихъ встрѣчаются оглушительнымъ свистомъ и лаемъ. Это месть за годъ взысканій. И доктора въ пурпуровыхъ мантіяхъ, и важныя „доны“, посѣдѣвшіе въ изъѣденныхъ временемъ стѣнахъ коллегій, строгіе прокторы, и даже „бульдоги“ добродушно улыбаются. Имъ припоминается то далекое и, увы! невозвратное время, когда на плечахъ было не 60, а 19 лѣтъ, когда они сами сидѣли на этихъ галлереяхъ и въ свою очередь свистали прокторамъ и бульдогамъ.

Въ этомъ году я, вмѣстѣ со многими лондонцами, явился въ Оксфордъ, чтобы присутствовать при томъ, какъ Сесиль Родсъ возьметъ докторскую мантію, не смотря на протесты профессоровъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ 1891 г. легатъ оксфордскаго университета увѣдомилъ Сесиля Родса, что ему дано званіе доктора honoris causa. Родсъ тогда еще не былъ „Наполеномъ“; его физіономія не опредѣлилась; его имя не соединялось такъ странно съ исторіей разбойничьяго набѣга. Родсъ былъ тогда

непопуляренъ среди джинго, такъ какъ далъ 10 тысячъ ф. ст. на веденіе агитаціи въ пользу гомъруля. Много лѣтъ Сесиль Родсъ не являлся за полученіемъ мантіи и явился тогда, когда „слава“ его вполнѣ опредѣлилась. Оксфордскіе профессора протестовали, но рѣшеніе сената не уничтожается временемъ. Джинго рѣшили воспользоваться появленіемъ Сесиля Родса, чтобы устроить демонстрацію противъ „анархистовъ“, какъ они живописно назвали всѣхъ профессоровъ, подписавшихъ протестъ. Вотъ раздались крики „ура“ и звуки величальной пѣсни: „Онъ славный, веселый парень“! На эстрадѣ появился высокій, плотный мужчина, начавшій уже значительно округляться, съ толстыми, какъ налитыми, лоснящимися щеками. Прежде всего бросались въ глаза каріе, быстрые, нѣсколько наглые глаза, да чувственныя, ярко красныя губы.

— Не глядите боеромъ!—крикнулъ одинъ съ галлереи.

— Какъ поживаетъ Крюгеръ? Вы его еще не отправили къ праотцамъ?—крикнулъ другой.

— Veni, vidi, vici!

— Какъ по латыни будетъ Родсъ? (Rhodes)—спрашиваетъ одна группа, а другая на это отвѣчаетъ: „Родосскій Колоссъ“. Снова гремятъ крики „ура“ и гудятъ свистки по адресу совѣта балліоловской коллегіи оксфордскаго университета, совѣтъ которой въ полномъ составѣ подписалъ протестъ. Въ свисткахъ, въ крикахъ „ура“ и въ звукахъ величальной пѣсни тонутъ совершенно латинскіе комплименты докладчика, д—ра Шейдуэлла. Докладчикъ представлялъ Сесиля Родса, какъ Alumnus huius academiae,vir per totum orbem nomine celeberrimus, которому Scipionibis haud imparem, tertium hodie Africanum salutamus. Пышные комплименты и вся сцена заинтересовали меня, и я постарался выяснить себѣ личность новаго Сципіона Африканскаго. Вѣдь „герои“ не часто встрѣчаются теперь.

„Не одинъ лишь хищническій инстинктъ да „преступное“ стремленіе отнять у „кроткихъ“ дикарей ихъ страну, что служила имъ для своеобразнаго спорта—междуусобныхъ войнъ,—побуждаетъ нашихъ піонеровъ идти на край свѣта. Нѣтъ, а ничѣмъ не истребляемый, присущій каждому здоровому существу инстинктъ протолкаться впередъ, хотя бы для этого нужно было пустить въ ходъ локти и кулаки. Этотъ инстинктъ данъ намъ Провидѣньемъ съ мудрой цѣлью: добыть себѣ новое мѣсто, гдѣ мозгъ и мышцы нашли бы примѣненіе, когда на старомъ мѣстѣ становится тѣсно“. Эту философію захвата вкладываетъ въ уста Родса восторженный поклонникъ его Грифизъ, авторъ только что вышедшей книги: „Men who have made the Empire“ *). «Конечно,—резонируетъ далѣе авторъ уже отъ себя,—при этомъ

*) p. 283.

мы, прежде всего, наживаемся сами; но лишь избранные люди видятъ, что, служа себѣ, мы содѣйствуемъ въ то же время великой общей цѣли. И никто не можетъ служить тому болѣе нагляднымъ доказательствомъ, чѣмъ Сесиль Родсъ... Ограниченные радикалы могутъ думать, что исторія акціонерной компаніи „De Beers Consolidated Mines" лишь хроника личной наживы; что тутъ дѣло идетъ только о томъ, чтобы сдѣлать деньги. Такое предположеніе—глубокое заблужденіе. De Beers Company—создана Сесилемъ Родсомъ, а слѣдовательно, она такъ или иначе имѣетъ касательство къ созиданію имперіи... Въ Кимберлеѣ, въ алмазныхъ копяхъ Родсъ желалъ лишь добывать деньги, чтобы имѣть возможность создать африканскую имперію на сѣверѣ" *) Познакомимся же прежде всего, поэтому, съ исторіей алмазныхъ розсыпей, которыя, по словамъ Грифизса, служили Родсу исходнымъ пунктомъ въ его имперіалистской политикѣ. Въ алмазныхъ розсыпяхъ началась та блестящая дѣятельность, за которую, по мнѣнію Грифизса, благодарное потомство воздвигнетъ Родсу въ будущей столицѣ африканской имперіи памятникъ съ надписью: „Я мечталъ объ англійскихъ владѣніяхъ въ Африкѣ отъ Каира до Капланда".

Значительная часть Южной Африки занята огромной равниной, или „карру", гдѣ дождь выпадаетъ разъ въ три года. Въ „карру" заглядывали лишь боеры въ поискахъ за львами и спрингбоками. Кое гдѣ бывали попытки устроить фермы, но засельщики терпѣли одинаково и отъ засухи, и отъ тучъ саранчи, и отъ дикихъ звѣрей. Казалось, всѣ условія за то, чтобы сюда никогда не заглядывали люди. Но вотъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ здѣсь свершилось великое событіе. Одинъ изъ злосчастныхъ фермеровъ, заброшенныхъ въ „карру", копаясь близъ фермы, вырылъ нѣсколько тусклыхъ камешковъ, которые оказались алмазами. Вѣсть о находкѣ разнеслась быстро, и скоро въ пустынную, безводную „карру" потянулись со всѣхъ сторонъ караваны пріискателей. Черезъ нѣсколько недѣль выросъ городъ Кимберлей. Въ числѣ первыхъ колонистовъ былъ молодой человѣкъ, сынъ священника, Родсъ, изъ рода Сесиль, къ которому принадлежитъ также и нынѣшній премьеръ. Кимберлей находился на территоріи Оранжевой Республики, которую до того времени оставляли въ покоѣ, такъ какъ скотоводство и земледѣліе казались англичанамъ слишкомъ медленнымъ средствомъ для наживы. Открытіе алмазныхъ розсыпей доказало, что въ рукахъ „мужиковъ" находится драгоцѣнный кладъ. Подъ угрозой войны боеры вынуждены были продать округъ Кимберлей за 90 тысячъ ф. ст., за сумму, которая была выручена съ найденныхъ алмазовъ въ первые же три дня. Въ округѣ вначалѣ работало множество

*) Ib. 292—296.

пріискателей, каждый на своемъ маленькомъ участкѣ. Но вотъ маленькіе участки стали сливаться, образовались небольшіе синдикаты, въ свою очередь соедивившіеся въ большіе. И тутъ при этомъ процессѣ выдвинулся Сесиль Родсъ, которому не повезло, какъ пріискателю. Онъ проявилъ выдающіяся способности, какъ биржевой стратегъ. Въ концѣ концовъ, всѣ алмазныя розсыпи очутились въ рукахъ трехъ конкуррировавшихъ акціонерныхъ компаній: „Кимберлей", „Дебирсъ" и „Дутойтепанъ". Самъ городъ Кимберлей вытянулся по дорогамъ, которыя вели въ главныя копи. Скоро компанія „Дутойтепанъ" не выдержала и слилась съ „Дебирсъ". Въ Кимберлеѣ остались лишь двѣ воюющія биржевыя державы. Во главѣ одной стоялъ Барнай Барнато, бывшій уличный уайтчепельскій клоунъ, ставшій милліонеромъ въ Южной Африкѣ; во главѣ другой компаніи стоялъ Сесиль Родсъ, которому биржевыя спекуляціи принесли тоже десятки милліоновъ. Между двумя компаніями завязался упорный бой. Сыпались милліоны, чтобы утопить противника. Дѣло въ томъ, что на міровомъ рынкѣ ежегодный спросъ на алмазы—всегда опредѣленный: на 40 милліоновъ руб., приблизительно. Еслибы на рынокъ поступило больше алмазовъ, чѣмъ требуется, тогда цѣна на нихъ упала бы до такой степени, что стало бы невыгоднымъ добывать ихъ. А двѣ розсыпи вмѣстѣ давали алмазовъ больше, чѣмъ на 40 мил. въ годъ. Въ силу этого, каждая изъ воюющихъ компаній старалась во что бы то ни стало довести противника до банкротства. Лондонскіе биржевики до сихъ поръ разсказываютъ объ этой великой борьбѣ съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ, вѣроятно, солдаты наполеоновской гвардіи разсказывали внукамъ о битвахъ при Іенѣ, Аустерлицѣ и Ваграмѣ. Биржа раздѣлилась на два лагеря. Года два тому назадъ, сообщая о смерти Барнато, я писалъ уже объ этой борьбѣ. Наконецъ, оба противника пришли къ заключенію, что силы ихъ равны. Состоялось соглашеніе. Барнай Барнато продалъ Сесилю Родсу алмазныя розсыпи за 5½ мил. ф. ст. и за участіе въ дѣлахъ „Дебирсѣ". Розсыпь „Кимберлей" была оставлена, хотя она давала много алмазовъ. Въ округѣ осталась одна розсыпь, находящаяся въ безконтрольномъ владѣніи Сесиля Родса. Городъ всецѣло обязанъ существованьемъ своимъ розсыпямъ. Всѣ жители, такъ или иначе, находятся въ зависимости отъ компаніи. Въ силу этого, Кимберлей, со всѣмъ населеніемъ, сталъ неотъемлемой собственностью Сесиля Родса. Что бы ни сдѣлалъ Родсъ, населеніе поддержитъ его. Торговцы, ремесленники, журналисты въ Кимберлеѣ—все это собственность биржевого короля. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется то, почему поразительные факты не выплывали и не могли выплыть наружу. Собственный городъ выбралъ Сесиля Родса депутатомъ и послалъ его въ Капскій парламентъ. Биржевой вождь сталъ такимъ образомъ полити-

ческой силой. Какъ же онъ воспользовался своимъ колосальнымъ состояніемъ? „Даже въ то время, когда Сесиль Родсъ велъ крупныя торговыя дѣла въ Кимберлеѣ,—пишетъ другой поклонникъ африканскаго Наполеона, авторъ книги „Mr. Rhodes and the Transvaal"—онъ и тогда мечталъ о соединенной Южной Африкѣ подъ гегемоніей Англіи и подъ нашимъ національнымъ флагомъ. Чтобы реализовать эту мечту, казавшуюся тогда недостижимой, Сесиль Родсъ годами работалъ въ алмазныхъ розсыпяхъ и, наживъ состояніе, окунулся съ головой въ море политической жизни. Онъ поплылъ, всегда имѣя предъ собою одну цѣль: ту страну, которая теперь носитъ его имя *) Въ 1888 г. Родсъ явился въ Лондонъ съ извѣстіемъ, что онъ получилъ разрѣшеніе кафрскаго короля Лобенгуллы искать и разрабатывать золото въ Машоналэндѣ **) Родсъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи образовать Chartered Company и успѣлъ. Онъ обѣщалъ никогда не просить денегъ у правительства на администрацію страны, за то получилъ ее въ полное распоряженіе. Между тѣмъ, на биржѣ стали авансомъ сильно играть на золото, которое должно быть найдено въ Машоналэндѣ. Образовался цѣлый рядъ синдикатовъ, и сама только что народившаяся Chartered Company превратилась въ огромный биржевой пузырь. Организаторы синдикатовъ говорили, что золотые промыслы въ Машоналэндѣ не могутъ пока приносить дивидендъ, такъ какъ не поставлены еще машины. А машины не могутъ быть поставлены, п. ч. дорогъ еще нѣтъ, онѣ лежатъ черезъ болота и рѣки, на которыя еще не наведены мосты. Публика жадно подписывалась на акціи. Возвратившись въ Африку, Родсъ сформировалъ отрядъ и послалъ его занять Машоналэндъ, „такъ какъ есть основаніе предполагать, что король Лобенгулла не сдержитъ обѣщанія и нарушитъ договоръ". Безъ одного выстрѣла отрядъ занялъ „столицу" Лобенгуллы—Булувэйо. Туда́ былъ проведенъ телеграфъ—и по собственнымъ проволокамъ его Chartered Company повѣдала міру о своихъ успѣхахъ въ Машоналэндѣ. Время шло, а золото не находилось; между тѣмъ, на это несуществующее золото на биржѣ шла все болѣе и болѣе крупная игра. Оставалась одно: искать его въ новомъ мѣстѣ, въ странѣ матабелловъ, куда скрылся Лобенгулла. Безъ всякаго повода отрядъ Chartered Company начинаетъ жечь кровли черныхъ и убивать ихъ изъ максимовскихъ пушекъ.. Это была и война съ матабеллами въ 1893 г. Страна была взята. Лобенгулла, владѣвшій территоріей въ 100 тысячъ кв. миль, былъ убитъ. Сына его теперь предпріимчивые антрепренеры показываютъ въ Лондонѣ, въ балаганѣ Earl's Court. Джингоистскія газеты въ Англіи, ликуя, возвѣстили, что Сесиль Родсъ присоединилъ къ Британской имперіи новую тер-

*) Mr. Rhodes and Transvaal, by *Imperialist* p. 840.

**) Территорія на сѣверѣ отъ рѣки Лимпопо до р. Замбези.

риторію въ 700 тысячъ кв. миль. Территорія была названа Родезіей. Пока джингоистскія газеты ликовали по поводу побѣдъ надъ черными и предвидѣли то время, когда вся Африка будетъ „наша"—Сесиль Родсъ усиленно спекулировалъ на биржѣ на новыя пріобрѣтенія. Широковѣщательныя рекламы говорили о новомъ Эльдорадо. На сколько же правды въ этихъ рекламахъ?

Отличительный признакъ всѣхъ золотыхъ рудниковъ Родезіи тотъ, что ни въ одномъ изъ нихъ драгоцѣнный металлъ не встрѣчается въ глубинѣ земли. Золото попадается лишь на поверхности. Оно, по терминологіи англійскихъ пріискателей, „pocket formation" находится гнѣздами. Тамъ и сямъ въ странѣ видны слѣды старыхъ, заброшенныхъ работъ, относящихся еще ко временамъ финикіянъ. Обыкновенно, въ такихъ мѣстахъ теперь прокладываются новыя орты. Ни одна изъ заброшенныхъ шахтъ не глубже 100 ф. Спекуляторы въ Родезіи объясняли фактъ существованія мелкихъ заброшенныхъ шахтъ тѣмъ, что древніе пріискатели умѣли лишь добывать золото хищническимъ путемъ. По словамъ спекуляторовъ,—занимавшіеся не знали совершенно горнаго дѣла и забрасывали шахту, какъ только золото переставало встрѣчаться на поверхности. „Истинная причина существованія мелкихъ заброшенныхъ шахтъ, однако, не та,—говоритъ пасторъ Блэкъ:—золото встрѣчается лишь на поверхности, небольшими гнѣздами. Фактъ этотъ тщательно скрывается отъ публики. Родезія никогда не можетъ превратиться въ золотоносной округъ. Отдѣльные пріискатели могутъ еще получать кое что, разрабатывая гнѣзда первобытнымъ путемъ при помощи кайла и бутарки; но постановка сложныхъ машинъ никогда не окупится. Золотоносный кварцъ истощится гораздо раньше, чѣмъ покроется хотя бы часть издержекъ" *). Близъ форта Викторія, въ наиболѣе богатомъ золотомъ районѣ поставили небольшую машину. Она дала около 8 тысячъ ф. ст., т. е. нѣсколько меньше половины того, что стоила машина. Рудникъ пришлось бросить (ib., p. 841). А между тѣмъ на лондонской биржѣ образовывались синдикаты и продавались акціи. Довѣрчивая публика пріобрѣтала ихъ, не имѣя даже представленія о томъ, гдѣ лежатъ эти „розсыпи" съ звучными названіями: Cotopaxi, Cambrian etc. Почему истина не выплываетъ такъ долго? „Родезія находится въ шести тысячахъ миляхъ отъ Англіи. Переѣздъ моремъ еще самая легкая часть пути. Это—идеальное мѣсто для конспираторовъ. Затѣмъ, страна управляется людьми, которыхъ прямая выгода раздуть богатства Родезіи. Въ силу этого, отчеты, содержащіе истину, уничтожаются, а печатаются отчеты, наполненные ложью. *Chartered Company* беретъ себѣ половину акцій каждаго синдиката. Другими словами, это значитъ, что правительство беретъ себѣ половину того, что

*) Blake, „Golden Rhodesia", National Review, v. XXIX, 1898 p. 839—840.

спекуляторы могутъ выжать изъ англійской публики на основаніи розсыпей Родезіи. Правительство и биржевики гонятся за одной и тою же добычей“ (ib., p. 844) *). Все населеніе Родезіи состоитъ изъ организаторовъ синдикатовъ. Въ Булувэйо; въ городѣ съ населеніемъ въ 2500 чел.—семьдесять синдикатовъ. Спекуляторамъ приходитъ иногда въ голову, что можетъ случиться кризисъ, и вся Родезія лопнетъ; но такъ какъ деньги дѣлаются быстро тамъ, то каждый утѣшается соображеніемъ: „почему же громъ грянетъ непремѣнно, пока я тутъ? Быть можетъ, гроза разразится послѣ того, какъ я уже буду въ безопасности“ (ib., p. 846). Пока приходится лишь удивляться легковѣрію англійской публики.

Спекуляторы не мало говорили въ своихъ широковѣщательныхъ рекламахъ о плодородіи Родезіи. Послушаемъ знатока страны. „Вокругъ Булувэйо мѣстность совершенно пустынна и лишена воды. Всюду лишь песчанныя равнины да скалистые утесы, кое гдѣ покрытые колючимъ, невысокимъ кустарникомъ. Этотъ кустарникъ—единственная растительность, выдерживающая страшную засуху. На картѣ обозначены здѣсь многія рѣки; но въ нихъ бываетъ вода лишь во время дождливаго времени; въ остальные мѣсяцы—рѣки совершенно пересыхаютъ. Восемь мѣсяцевъ здѣсь не выпадаетъ ни капли дождя. И это при жгучемъ тропическомъ африканскомъ солнцѣ! Восхвалялся райскій климатъ долины рѣки Замбези. Въ данномъ случаѣ дѣйствительность такъ же мало соотвѣтствуетъ рекламамъ, какъ то, что сбывалъ „майоръ Чокъ“, мало напоминало то, что нашли по пріѣздѣ Мартынъ Чозлвитъ и Маркъ въ Райскомъ городѣ (романъ Диккенса „Мартынъ Чозлвитъ“). Долина рѣки Замбези крайне болотиста и густо поросла кустарникомъ. Здѣсь до такой степени свирѣпствуютъ лихорадки, что страна необитаема. На половинѣ пути между Замбези и Булувэйо начинается такъ называемый „поясъ мухъ“ (fly belt), мѣстность, въ которой свирѣпствуетъ бичъ Южной Африки—муха *це-це*. Укушеніе ея смертельно для всѣхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ козы. Еще болѣе свирѣпствуетъ въ этомъ благодатномъ краѣ саранча. Въ долинѣ рѣки не могутъ жить ни бѣлые, ни негры. Я изслѣдовалъ значительную часть рѣки, — говоритъ

---

*) „Chartered Company въ Родезіи пользуется безконтрольной властью азіатскаго деспота. Если кто желаетъ жить въ странѣ, онъ не смѣетъ и пикнуть, а тѣмъ болѣе выносить соръ... Все населеніе связано съ компаніей узами взаимныхъ интересовъ. Каждый бѣлый—агентъ компаніи или соучастникъ. Всякій знаетъ, что ему будетъ хорошо, пока будетъ держаться компанія. Въ этомъ сознаніи — безопасность Chartered Company. Въ самомъ дѣлѣ, кто принесетъ вѣсти въ Англію? Кто повѣдаетъ англичанамъ, что творится въ глубинѣ Родезіи? Кто разскажетъ о гигантскомъ мошенничествѣ, ибо вся страна — одинъ колоссальный обманъ“. (*Native Rhodesia*, „National Review“, v. 30, 1897, p. 218).

знатокъ страны, — и нашелъ лишь въ одномъ мѣстѣ, на берегу притока Umfuli, одно бродячее племя негровъ, изъ клана Машангуа. Негры буквально умирали отъ голода. Питались они лишь кореньями". („Golden Rhodesia.—A Revelation", p.p. 849—850). И въ этотъ благодатный край, съ благословенія „генерала" Бутса, Сесиль Родсъ собирается теперь переселить нѣсколько тысячъ „обломковъ общества!" Мѣсяца два тому назадъ патріотическія газеты много говорили объ этомъ проектѣ, о союзѣ Арміи Спасенія съ „африканскимъ Наполеономъ". Армія Спасенія давно уже превратилась въ синдикатъ, въ которомъ завѣдующіе, члены такъ называемаго „генеральнаго штаба", безсовѣстно эксплуатируютъ религіозный подъемъ духа въ „солдатахъ". „Генералъ" Бутсъ—теперь обыкновенный кулаковатый предприниматель, держащійся воззрѣній старыхъ работодателей, которые не шутя считали себя благодѣтелями работавшихъ на нихъ. Мѣсяца два тому назадъ *Times* съ большой похвалой отозвался о слѣдующемъ проектѣ „генерала". Сесиль Родсъ отводитъ огромный участокъ земли въ „благодатной долинѣ Замбези". „Генералъ" же устраиваетъ тамъ огромную колонію для бѣдняковъ, для лумпенпролетаріата. Бѣдные „обломки человѣчества"! На нихъ станутъ теперь спекулировать на биржѣ! Родезія, куда не удается уже болѣе заманить вольныхъ колонистовъ, получитъ „населеніе". Пока оно покроетъ своими трупами болотистые берега, — акціи страны быстро пойдутъ въ гору. „Черезъ пять лѣтъ Родезія будетъ совершенно оставлена бѣлыми. Она останется связующимъ звеномъ между линіей озеръ и Нильской долиной; но всѣ попытки колонизировать страну будутъ оставлены. Ничто не можетъ гальванизировать этотъ громадный трупъ". Такъ заканчиваетъ свое „предупрежденіе" Блэкъ. Оно было писано два года тому назадъ. Приближеніе агоніи мы видимъ изъ неподлежащихъ сомнѣнію документовъ: синей книги, выпущенной по поводу положенія дѣлъ въ Родезіи. Изъ нея мы узнаемъ очень многое. Эта же книга служитъ ключемъ къ пониманію дальнѣйшихъ событій. Текущая млекомъ и медомъ, по словамъ рекламъ, Родезія раздѣляется на двѣ части: на сѣверную и южную. Сѣверная не дала еще ни одного фартинга дохода. Южная часть дала въ 1898 г. 273.000 ф. ст. (при основномъ капиталѣ въ 7.062.840 ф. ст.). Въ 1898 г. бюджетъ сведенъ съ дефицитомъ съ 412.000 ф. ст. Одна администрація стоитъ почти вдвое, чѣмъ приноситъ вся страна, именно — 5.000.000 ф. ст. Поучительно изслѣдовать статьи дохода. Объ естественныхъ богатствахъ въ отчетѣ почти нѣтъ и рѣчи. Вся сумма доходовъ составлена изъ налоговъ всякаго рода, между прочимъ, изъ 71 тысячи ф. ст., доставляемыхъ налогомъ съ дыма (hut tax). Послѣдній налогъ наиболѣе обличается знатоками южно-африканскихъ дѣлъ и не разъ велъ уже къ возстаніямъ черныхъ. Hut tax —безсовѣстная форма грабежа черныхъ. Компанія живетъ

на основной капиталъ. Ей надобно или обанкротиться, или сбыть казнѣ дѣло, или захватить новую страну, которая давала бы дѣйствительные, а не фиктивные доходы. И такая страна лежитъ тутъ же, выражаясь вульгарно, подъ бокомъ. Страна эта—мужицкая республика Трансвааль.

II.

Южная Африка колонизирована и подготовлена для культуры голландскими выходцами и смѣшавшимися съ ними французскими гугенотами, явившимися послѣ отмѣны нантскаго эдикта. Образовалась своеобразная, мужественная, честная, трудолюбивая, но нѣсколько консервативная расса, получившая отъ англичанъ презрительную кличку „боеры" (точнѣе *буры*, т. е. мужики). При голландцахъ, боерамъ жилось сравнительно хорошо въ Капской колоніи, которую они заняли еще въ XVI вѣкѣ. Въ 1814 г. Каплэндъ былъ уступленъ окончательно англичанамъ. Англійское правительство, находившееся подъ вліяніемъ реакціонныхъ идей, охватившихъ всю Европу послѣ наполеоновскихъ войнъ, подозрительно и недовѣрчиво относилось къ крестьянской республикѣ. Результатомъ преслѣдованій боеровъ былъ знаменитый исходъ колонистовъ изъ капской колоніи въ 1836 г., такъ называемый, „трэкъ". „Трэкеры" послѣдовательно заняли первобытныя мѣста на сѣверъ и на востокъ отъ Капской колоніи. Они боролись съ дикарями, вырубали лѣсъ, поднимали дѣвственную почву, прокладывали дороги и строили деревни. Англичане зорко слѣдили за трэкерами. Когда правительство находило, что колонисты уже достаточно культивировали край,—оно являлось внезапно. Начинались новыя преслѣдованія, и въ результатѣ боеры покидали поля и деревни и отправлялись дальше на сѣверъ искать вольныя земли и независимость. Такимъ образомъ послѣдовательно были заняты ими Наталь, берега Оранжевой рѣки и земля на сѣверъ отъ рѣки Вааль до береговъ Лимпопо. Исторія этого похода мужиковъ за землей и волей была разсказана много разъ и хорошо извѣстна *). Теперь я познакомлю читателей съ крайне характернымъ документомъ, съ петиціей, поданной нынѣ генераломъ Жуберомъ, главнокомандующимъ всѣми войсками боеровъ, королевѣ Викторіи. Самъ Жуберъ,—потомокъ гугенота Пьера Жубера, переселившагося на мысъ Доброй Надежды при Людовикѣ XIV. Излагая исторію притѣсненій тридцатыхъ годовъ, Жуберъ говоритъ: „Губернаторъ сказалъ боерамъ, что всѣ, недовольные англійскимъ правительствомъ могутъ,

*) Лучшей исторіей похода является книга Theal'a „History of the Boers in Southern Africa".

оставить территорію колоніи. И сжались сердца нашихъ предковъ при мысли, что приходится оставить родные края, тѣ поля, которыя они полили своимъ потомъ. И первый вопросъ былъ: „куда же идти“? „Неужели же на сѣверъ, въ неизвѣстный страшный край“? О, да, да, ваше величество. Лучше въ пустыню, къ дикарямъ и къ дикимъ звѣрямъ, чѣмъ терпѣть ярмо угнетателей. И отцы наши запѣли старинную пѣсню прощанья переселенцевъ съ родиной: „Впередъ, друзья! Впередъ, братья! Укладывайте возы. Запрягайте воловъ. Соберите скотъ и потянемся на новыя мѣста. Богъ знаетъ путь. Онъ намъ укажетъ его“. *) Боеры бросили все недвижимое имущество: никто изъ англичанъ не хотѣлъ покупать у нихъ фермы или поля, зная, что все это достанется даромъ. Англійское правительство сдѣлало еще одну жестокость: оно воспретило переселенцамъ, отправлявшимся въ неизвѣстный край, брать съ собою какое либо оружіе. Къ счастью для боеровъ, чиновники, назначенные для обыска фургоновъ, оказались болѣе добрыми людьми, чѣмъ тѣ, которые отдавали приказаніе. Боеры спрятали ружья, порохъ и свинецъ. Трэкеры раздѣлились на двѣ партіи. Одна потянулась на сѣверъ, другая на востокъ. Послѣ долгихъ испытаній, первый отрядъ достигъ береговъ рѣки Вааля. „И сказали наши отцы, — продолжаетъ въ своей петиціи Жуберъ—остановимся тутъ. Раскинемъ шатры, ибо вотъ обѣтованная земля, данная намъ Господомъ. Намъ не нужно переходить черезъ Іорданъ, не приходится намъ сокрушать стѣнъ ни Вавилона, ни Іерихона, ибо нашъ Ханаанъ—необитаемъ. А потому, боеры, воспряньте духомъ, работайте и живите“. Такъ думали и говорили наши отцы. Но какъ непродолжительна была ихъ радость!“ **) На переселенцевъ напалъ Моселекатсъ, король кафровъ. Онъ съ огромнымъ отрядомъ воиновъ перешелъ пустыню и захватилъ въ расплохъ боеровъ. Кафры были отбиты; но боеры потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Переселенцы убѣдились, что одни не удержатся здѣсь, и рѣшили соединиться съ тѣми товарищами, которые отправились на востокъ. Забравъ раненыхъ, баеры тронулись снова въ путь съ своими фургонами, запряженными волами. На эту-то партію, близъ Фэеткопа (въ нынѣшней Оранжевой Республикѣ), напалъ ночью огромный отрядъ кафровъ. Даже женщины и дѣти боеровъ приняли участіе въ бою. Нападеніе было отбито. Отступающіе кафры видѣли лагерь боеровъ, закутанный дымомъ. То былъ пороховой дымъ; но кафры думали, что то горитъ лагерь. Они принесли это извѣстіе въ Капскую колонію. Англичане ликовали; они думали, что

---

*) „An Earnest Representaion and historical reminder to Her Majesty Queen Victoria in view of the present crisis“, by *P. J. Joubert*. London. 1899, p. 6.

**) ib. p. 8—9.

всѣ переселенцы погибли. „Когда извѣстіе о пожарѣ въ лагерѣ достигло до Граамстауна, въ Капской колоніи, подданные вашего величества до такой степени обрадовались, что зажгли всюду костры. Всѣ думали, что „мятежники боеры“ окончательно истреблены“, — говоритъ Жуберъ. Я не стану излагать здѣсь исторію похода. Послѣ ряда испытаній, боеры соединились съ восточнымъ отрядомъ, во главѣ котораго стояли Пьетъ Ретифъ, Гертъ Маритцъ и Умъ. Переселенцы перевалили черезъ горный хребетъ Дракенсбергъ и здѣсь купили у кафрскаго короля Дингаана большой участокъ земли. „Мы обращаемъ вниманіе вашего величества на слѣдующее обстоятельство. Наши отцы не явились, какъ разбойники, въ дружественную страну.. Они не нападали на беззащитныхъ дикарей, требуя у нихъ добычи; они не захватывали чужой территоріи и не думали мстить за убитыхъ отцовъ и братьевъ“,—говоритъ Жуберъ. Король Дингаанъ не сдержалъ обѣщанія. Вмѣстѣ съ воинами Моселикатса, онъ напалъ на колонистовъ. Въ портъ Наталь прибыло англійское судно. Боеры подумали, что теперь прибыла подмога; но капитанъ Джервинсъ, начальникъ корабля, самъ напалъ на боеровъ. Нападеніе было отбито. Англичане уплыли, когда убѣдились, что у боеровъ нѣтъ ничего, что стоило бы отнять.

Переселенцы основались въ Наталѣ, построили городокъ Питермаритцбургъ, запахали поля, назначили выборныхъ и т. д. За боерами зорко слѣдили въ Капской колоніи. Тамъ дожидались лишь, пока дѣвственная территорія будетъ обработана. Въ 1841 г. въ Наталь явились англичане, чтобы присоединить страну къ Англіи. Начальникъ отряда, майоръ Смитъ, напалъ на Питермаритцбургъ ночью; но боеры отбили нападеніе и забрали даже пушки непріятеля. За первымъ отрядомъ явился новый. Боеры увидали, что приходится вновь запрягать фургоны и снова искать волю въ невѣдомыхъ пустыняхъ Южной Африки. И на этотъ разъ фермеровъ ограбили, какъ 8 лѣтъ тому назадъ въ Капской колоніи. Они хотѣли продать свои земли и постройки; но англичане объявили, что всякій, купившій что-нибудь у боера, бросить свои деньги на вѣтеръ, такъ какъ правительство считаетъ себя вправѣ раздавать оставленныя фермы, кому захочетъ. Трэкеры снова потянулись въ путь и, подъ предводительствомъ генерала Преторіуса, переправились черезъ рѣку Вааль и основали колонію Трансвааль. Другой отрядъ трэкеровъ основалъ республику Оранжевой рѣки. Въ 1852 г. англійское правительство признало независимость Трансвааля. Конвенція, подписанная уполномоченнымъ англійскаго правительства, состоитъ изъ трехъ пунктовъ: 1) Британское правительство гарантируетъ боерамъ, поселившимся на сѣверъ отъ рѣки Вааль, безусловную независимость. Они могутъ управляться по собственнымъ законамъ. Британское правительство не станетъ вмѣшиваться въ дѣла боеровъ и не бу-

детъ присоединять земель на сѣверъ отъ рѣки Вааль. Британское правительство заявляетъ, что искренное желаніе его—завязать дружественныя сношенія съ боерами, какъ поселившимися уже, такъ и имѣющими еще поселиться въ странѣ. 2) Если возникнетъ споръ по поводу названія „рѣка Вааль“, а именно, какіе притоки считать за главное русло,—онъ долженъ быть разрѣшенъ смѣшанной комиссіей изъ представителей двухъ странъ. 3) Британское правительство не станетъ заключать никакихъ договоровъ съ инородцами на сѣверъ отъ рѣки Вааль.

Конвенція—ясна и опредѣленна; но англичане первые нарушили ее. Въ 1852 г. территорія на сѣверъ отъ р. Вааль не представляла никакой цѣнности. За рѣкой Лимпопо, на сѣверъ, лежала совершенно неизвѣстная страна, повидимому, пустынная и никуда не годная. Въ семидесятыхъ годахъ начинается въ Англіи пробужденіе остраго джингоизма. „Патріоты“ заявляли, что Англія должна присоединять всякую территорію, какую можетъ лишь захватить. И результатомъ похода джинго явилось присоединеніе Трансвааля въ 1877 г. Англія нарушила, безъ всякаго повода со стороны боеровъ, конвенцію 1852 г. Не смотря на протесты боеровъ, Трансвааль былъ объявленъ англійской колоніей. Три года боеры подготовлялись къ войнѣ и въ декабрѣ 1880 г. взялись за оружіе, чтобы отстоять свою независимость.

Двадцать восьмаго января 1881 г. боеры разбили англичанъ при Лейнгснэпѣ. Еще болѣе рѣшительная побѣда была одержана ими черезъ мѣсяцъ, при горѣ Маджуба, которую боеры взяли штурмомъ. Англичане потеряли много убитыхъ и раненыхъ. Гладстонъ, не сочувствовавшій войнѣ, заключилъ миръ съ боерами. За Трансвaалемъ, или за Южно-Африканской республикой, была признана независимость. Послѣдняя подтверждена двумя конвенціями: подписанной въ Преторіи въ 1881 г. и въ Лондонѣ, въ 1884 г. По первой конвенціи—независимость Преторіи условная; по второй—абсолютная. Въ первой конвенціи Трансвааль признаетъ сюзеренатъ Англіи; во второй—о сюзеренатѣ не упоминается совсѣмъ. Конвенціи 1881 и 1884 гг. много обсуждались въ послѣднее время. Джинго говорятъ, что формулировка лондонской конвенціи необязательна для Англіи; боеры говорятъ, что такъ какъ они не нарушили лондонской конвенціи, то въ настоящемъ кризисѣ правы они.

Приведу, какъ первую, такъ и вторую конвенцію. По конвенціи въ Преторіи Англія сохраняетъ за собою: а) право назначать своего агента; б) право посылать свои войска черезъ земли республики и в) *контроль* надъ сношеніями Трансвааля съ иностранными державами. По четвертому пункту лондонской конвенціи „союзъ республики съ иностранной державой становится дѣйствительнымъ лишь тогда, если онъ не опротестованъ министерствомъ ея величества въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня под-

писанія трактата“. Во всѣхъ остальныхъ пунктахъ—Трансвааль независимое государство.

Боеровъ оставили въ покоѣ. Колонисты, переселявшіеся въ Южную Африку, меньше всего имѣли намѣреніе сѣсть на землю и заняться скотоводствомъ, какъ боеры. Тѣ же колонисты, которые дѣлали это, получали всѣ права гражданства. Англичане были тогда членами фольксраада, народнаго совѣта республики. Они засѣдали тамъ, даже если не знали голландскаго языка. Расы сближались, заключали между собою браки, дружились. Повидимому, все обстояло благополучно; прогрессъ страны былъ обезпеченъ. Но вотъ случилось событіе, которое можетъ быть названо величайшимъ несчастьемъ для республики: въ Трансваалѣ нашли богатыя золотыя розсыпи. Со всѣхъ концовъ міра нахлынула жадная разношерстная толпа искателей богатствъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ выросъ городъ Іоганисбургъ .Новые колонисты совершенно не были похожи на старыхъ. Послѣдніе являлись для того, чтобы осѣсть прочно; новымъ нужны были лишь богатства, чтобы затѣмъ навсегда распроститься съ „мужицкой“ страной. Въ Трансваалѣ сошлись, такимъ образомъ, два міровоззрѣнія: боеровъ и новыхъ колонистовъ, или уитлэндеровъ, какъ стали ихъ называть. Уитлэндеру нужно было только золото. Если ему не везло въ рудникахъ, онъ поступалъ на службу компаніи, записывался въ полицейскіе, занимался охотой, войной, грабежомъ, торговлей, игрой на биржѣ, но только не земледѣліемъ. Уитлэндеру дорогъ городъ съ его шумомъ, съ трактирами, кафэ-шантанами и публичными домами, импортированными въ Іоганисбургъ, какъ только открылись розсыпи. Боеръ—пастухъ, боеръ—фермеръ кажется ему какимъ-то низшимъ, грязнымъ существомъ. Уитлэндеръ не скрываетъ своего глубокаго презрѣнія къ боеру. Онъ презираетъ его за то, что „мужикъ“ говоритъ на непонятномъ гортанномъ языкѣ, ходитъ не бритый и не чесаный, за то, что онъ живетъ въ домѣ, полы котораго вымазаны навозомъ съ глиной, за то, что боеръ спитъ на полу. Я взялъ эти обвинительные пункты изъ статьи одной дамы-джинго. Дама съ ужасомъ разсказываетъ, что „мужики“ не моютъ ногъ. „Послѣ битвы подъ Крюгерсдорпомъ, боеры побѣдители промчались по Іоганисбургу,—пишетъ дама.—И мы, глядя на нихъ, испытывали, прежде всего, острое чувство стыда“. Какъ вы думаете, почему стыдилась дама? „Эти-то нечесаные, грязные, грубые мужики побѣдили нашихъ героевъ!“ (т. е. д-ра Джемсона и его разбойниковъ). И, конечно, уитлэндеры больше всего ненавидятъ „мужиковъ“ за то, что имъ принадлежатъ золотыя розсыпи, гдѣ можно такъ быстро разбогатѣть. Боеръ же, напротивъ, ненавидитъ и презираетъ городъ и городскую жизнь. Южная Африка—его родина, потому что здѣсь жили его предки съ XVI в. И боеръ готовъ отдать жизнь, чтобы сдѣлать эту родину еще болѣе

милой. Боеръ—землепашецъ и скотоводъ *по убѣжденію*. Онъ глубоко увѣренъ, что только *земля* даетъ право гражданства. Боеръ, въ силу этого, недовѣрчиво относится къ жадному уитлэндеру, главная цѣль котораго—нажиться и затѣмъ оставить на всегда республику. Оба міровоззрѣнія нашли себѣ типичныхъ и яркихъ выразителей. Типичнымъ боеромъ явился старый президентъ Пауль Крюгеръ; типичнымъ уитлэндеромъ—Сесиль Родсъ, „африканскій Наполеонъ". Въ общемъ, джинго не отличаются даже элементарнымъ чувствомъ „рыцарства"—уваженіемъ къ врагу. Нѣтъ той клеветы, которую не распространяли бы про стараго президента, вѣрой и правдой служившаго своей странѣ, застрѣльщики джингоизма, уличныя лондонскія газеты. Да не одни лишь онѣ. Вождь ренегатовъ, бывшій республиканецъ, а теперь пламенный джинго—Джозефъ Чэмберлэнъ, говоритъ о Крюгерѣ не иначе, какъ съ пѣной у рта. Изъ джинго я знаю лишь одного автора, который отдаетъ должное великимъ гражданскимъ доблестямъ стараго „Оома Поля",—это „Имперіалистъ", написавшій восторженную біографію Сесиля Родса („Cecil Rhodes. A. Biography and Appreciation", *by Imperialist*). И этотъ авторъ того мнѣнія, что теперь въ Южной Африкѣ мы видимъ борьбу двухъ колоссовъ: Крюгера и Родса. Одинъ желаетъ Южную Африку лишь для желающихъ селиться тамъ, другой—для всѣхъ. По мнѣнію „Имперіалиста" величіе Сесиля Родса заключается вотъ въ чемъ: онъ выставилъ своимъ девизомъ: „Территорія—все", „territory is everything". Въ силу этого, величіе Сесиля Родса должно измѣряться каждой квадратной милей земли, которую онъ присоединилъ къ Англіи. „Имперіалистъ" старается доказать, что Сесиль Родсъ, въ сущности, другъ *африкандеровъ* *); что если онъ выступилъ противъ Трансвааля, то только потому, что республика держится обособленно и не желаетъ слиться съ Южной Африкой въ одну общую федерацію. Фактомъ остается то, что бѣдная Оранжевая республика никогда не привлекала вниманія Сесиля Родса и есть основаніе подозрѣвать, что въ глазахъ африканскаго Наполеона „territory is the thing" лишь тогда, когда она богата золотомъ, точно такъ, какъ другой девизъ его: „reform is the thing" заслуживаетъ вниманія лишь тогда, если за реформой есть розсыпи. Но я забѣжалъ нѣсколько впередъ.

Золото привлекло въ Трансвааль множество уитлэндеровъ. Какъ и въ Кимберлеѣ, мелкіе пріискатели были вскорѣ вытѣснены синдикатами, которые стали сливаться вмѣстѣ. Въ концѣ концовъ, образовалось нѣсколько могущественныхъ акціонерныхъ компаній. Въ числѣ главныхъ компаній, получившихъ концессію отъ трансваальскаго правительства, находилась и Южно-Африканская, во

*) Африкандерами называютъ голландцевъ и англичанъ, родившихся въ Южной Африкѣ, они всѣ—анти-родезиты.

главѣ которой стоитъ Сесиль Родсъ. Золотопромышленники нажили громадныя состоянія; но имъ нужны были розсыпи, находившіяся въ рукахъ боеровъ. Эти розсыпи—были реальною цѣнностью, а не фиктивною и дутою, какъ Родезія. Но какъ захватить розсыпи? Конечно, это можно сдѣлать тогда, когда удастся захватить власть надъ республикой. И вотъ начинается крестовый походъ „бѣдныхъ уитлэндеровъ" противъ боеровъ, съ цѣлью добиться политическихъ правъ. Боеры видѣли, что нужно уитлэндерамъ. Они готовы были дать избирательныя права тѣмъ, которые дѣйствительно желали поселиться въ республикѣ, но боялись дать равноправіе тѣмъ, которые жили въ Трансваалѣ лишь временно, пока разбогатѣютъ. Боеры предоставили всѣмъ, живущимъ въ Трансваалѣ, свободу передвиженія, свободу торговли и равенство предъ закономъ; но избирательныя права давали лишь тѣмъ, которые проживутъ въ странѣ не менѣе 14 лѣтъ. Уитлэндерамъ же хотѣлось натурализоваться сразу, при чемъ такъ, чтобы остаться одновременно гражданами двухъ странъ: Англіи и Трансвааля. Джингоистская пресса и органы биржевиковъ писали между тѣмъ слезныя статьи о невыносимомъ положеніи „бѣдныхъ уитлэндеровъ", „стонущихъ подъ игомъ у грубыхъ мужиковъ". Въ 1892 г. уитлэндеры въ Іоганисбургѣ образовали „Національный союзъ" съ цѣлью добиться политическихъ правъ обычнымъ парламентскимъ путемъ. Но вскорѣ во главѣ „союза" сталъ Сесиль Родсъ, и тогда общество приняло совсѣмъ иной характеръ. Съ тѣхъ поръ задачей союза стало вовлечь во чтобы-то ни стало республику въ войну съ Англіей. Въ 1895 г. поводомъ къ войнѣ хотѣли сдѣлать „throtling" рудниковъ со стороны правительства боеровъ. „Не трудно доказать,—говоритъ знатокъ положенія дѣлъ, что въ жалобахъ уитлэндеровъ на „throtling" не было ничего достойнаго вниманія. Многіе рудники процвѣтали тогда. Во всякомъ случаѣ, правительство, которому принадлежали рудники, имѣло право устраивать надъ ними контроль, какой найдетъ нужнымъ. Истинной причиной жалобъ уитлэндеровъ было слѣдующее. Нѣкоторые рудники давали сравнительно мало дохода. Еслибы удалось такъ или иначе понизить государственный налогъ, выиграли-бы, если не акціонеры, то, во всякомъ случаѣ, основатели компаній" *). Къ этому времени подоспѣлъ другой инциндентъ: разладъ между трансвальскимъ и англійскимъ правительствами по поводу, такъ называемаго, Drifts Question. Поводъ былъ ничтожный: желѣзнодорожная война между двумя конкуррирующими линіями. Въ одной изъ нихъ было заинтересовано правительство Капской колоніи т. е., собственно говоря, Сесиль Родсъ; въ другой—Трансвааль.

Чтобы принудить линію Родса принять извѣстный тарифъ,—трансваальское правительство хотѣло запретить ввозъ товаровъ

*) The South Africa Bubble, *Contemporary Review*, 1897, VII, p. 135.

по нѣкоторымъ дорогамъ. Адвокаты Сесиля Родса заявили, что это нарушеніе лондонской конвенціи. Другіе авторитетные юристы, какъ, напр., представитель интересовъ казны Капской колоніи (Attorney General) были того мнѣнія, что никакого нарушенія конвенціи тутъ нѣтъ. Англія послала крайне рѣзкій по формѣ ультиматумъ. Послѣ разбора дѣла о набѣгѣ Джемсона, выяснилось уже вполнѣ, что цѣлью министра колоній (Чэмберлэна) было тогда—вовлечь Трансвааль въ войну. Чэмберлэнъ составилъ договоръ съ Сесилемъ Родсомъ, тогда премьеромъ колоніи, въ силу котораго военныя издержки должны быть раздѣлены пополамъ. До войны, однако, дѣло не дошло: Крюгеръ уступилъ. Съ 1895 г. Чэмберлэнъ, повидимому, окончательно соединилъ свою судьбу съ судьбой Сесиля Родса. Чѣмъ руководился министръ колоній? Послушаемъ объясненіе свѣдущаго человѣка, участвовавшаго въ слѣдственной комиссіи 1897 г. „Чэмберлэнъ отлично зналъ, что тори, его новые политическіе союзники, ненавидятъ его. Какъ человѣкъ крайне честолюбивый, онъ стремится къ власти, къ премьерству, путь къ которому загражденъ для Чэмберлэна, покуда тори ненавидятъ его. Нужно помириться съ ними. Но какъ? Нужно разгромить Трансвааль, эту упрямую республику, которая дважды побѣдила Англію. Тогда джинго будутъ считать себя отомщенными за „позоръ подъ Маджубой“, какъ они выражаются“. („Contemporary Review“, VII, 1897, p. 136).

Какъ мы видѣли, положеніе Chartered Company становилось отчаяннымъ. Ни въ Машоналэндѣ, ни въ странѣ матабеловъ золота не находилось. Между тѣмъ, на это золото играли уже на биржѣ авансомъ. Нужно было непремѣнно добыть Эльдорадо. И вотъ главари компаніи придумали планъ захвата Іоганисбурга. Въ декабрѣ 1895 г. состоялось совѣщаніе между Сесилемъ Родсомъ, главой Chartered Company, и премьеромъ Капской колоніи, съ одной стороны, и Бейтомъ, главой самой богатой акціонерной компаніи въ Іоганисбургѣ—съ другой. Теперь всѣ подробности уже выяснились. Извѣстно, что Бейтъ далъ 200 тысячъ ф. ст. изъ своихъ денегъ, а Сесиль Родсъ—60 тысячъ ф. ст. изъ суммъ Chartered Company. Деньги нужны были, чтобы организовать „революцію“ въ „золотомъ городѣ“, въ Gold Reef City и чтобы сформировать отрядъ добровольцевъ, желающихъ сдѣлать набѣгъ. Собрать отрядъ оказалось дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ убѣдить работниковъ въ Іоганисбургѣ устроить революцію. Оружіе закупили и ввезли контрабандой въ бочкахъ изъ подъ масла. Во главѣ отряда сталъ искатель приключеній д-ръ Джемсонъ. Онъ вылѣпленъ изъ того же тѣста, что и буканеры; но плаваетъ онъ мельче. Пизаро изъ него никогда не вышелъ бы, но Альварадо или Лопецъ д'Авила,—навѣрное. Желая дать набѣгу хоть какой бы то ни было намекъ на законность, Джемсонъ запасся, кромѣ пушекъ, еще документомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ петиціи

женъ и дѣтей (Women und children letter). Въ этомъ письмѣ жены уитлэндеровъ въ Іоганисбургѣ взывали о спасеніи „въ виду возможнаго набѣга боеровъ“ (на собственный городъ!) Этотъ документъ попадетъ въ исторію, какъ наиболѣе безстыдный и наглый подлогъ,—говоритъ историкъ набѣга. Подложный документъ былъ составленъ Родсомъ и Джемсономъ. Сесиль Родсъ поторопился послать „петицію женъ и дѣтей“ по телеграфу въ *Times*, чтобы подготовить къ набѣгу общественное мнѣніе. Подлогъ былъ неопровержимо доказанъ документами, захваченными боерами на полѣ сраженія. Самымъ компрометирующимъ документомъ была записная книжка д-ра Джемсона. Набѣгъ не удался. Захваченные въ расплохъ боеры быстро оправились,—разбили буканеровъ при Крюгерсдорпѣ и забрали ихъ въ плѣнъ. По закону, боеры могли бы судить плѣнниковъ и повѣсить ихъ, какъ разбойниковъ на большой дорогѣ, такъ какъ компанія Джемсона убила нѣсколько человѣкъ. Сами англичане не разъ вѣшали африканскихъ царьковъ, отстаивавшихъ свою территорію. Боеры поступили не такъ. Они выдали плѣнниковъ англійскому правительству. Джемсона судили въ Лондонѣ и присудили къ непродолжительному тюремному заключенію; но онъ не отбылъ весь срокъ и былъ прощенъ. Теперь „д-ръ Джимъ“ снова въ Родезіи. Сесиль Родсъ не имѣлъ даже мужества взять на себя отвѣтственность за набѣгъ. Человѣкъ, который задумалъ заговоръ и который взялъ бы себѣ львиную долю, еслибы планъ удался, свалилъ всю отвѣтственность на своего помощника, на преданность котораго могъ полагаться. Успѣхъ дѣла значилъ бы доходъ въ 3,000.000 ф. ст. въ годъ для Consolidated Goldfiels Company, для компаніи Сесиля Родса.

Въ Лондонѣ назначена была спеціальная комиссія разслѣдованія набѣга. Она окончилась скандальнымъ замолчаніемъ фактовъ, несмотря на то, что данныя краснорѣчиво говорили объ участіи не только Сесиля Родса, но и Чэмберлэна. Почему министерство замяло дѣло? Лабушэръ, участвовавшій въ слѣдственной комиссіи, объясняетъ дѣло такъ. „Когда набѣгъ произошелъ, явилась необходимость увѣрить другія правительства и въ частности Германію, что министерство королевы тутъ не причемъ. Говорятъ, что это увѣреніе было дано отъ имени королевы. Участіе министерства колоній въ набѣгѣ было бы опроверженіемъ слова королевы“ (South Africa Bubble“ *Cont. R.*, v. 72, p. 151—152).

Захватъ Эльдорадо не удался совершенно. Лакействующіе уличные органы печати много говорили о „страданьяхъ уитлэндеровъ подъ мужицкимъ ярмомъ“. Странны слѣдующіе факты: работники уитлэндеры наотрѣзъ отказались пристать къ шайкѣ Джемсона и „сдѣлать революцію“ въ Іоганисбургѣ. „Если дѣло дойдетъ до войны, то, главнымъ образомъ, по винѣ... капиталис-

товъ (я опускаю энергичное опредѣленіе); здѣсь намъ, работникамъ, живется хорошо. Мы всѣ довольны положеніемъ вещей и были бы огорчены, если бы это положеніе измѣнилось",—писали уитлэндеры работники, когда іоганисбургскіе биржевики и золотопромышленники мѣсяца три тому назадъ вновь пустили въ ходъ свои старые козыри (Daily Chronicle, 4 іюля 1899 г.). Что же касается до „угнетенія" милліонеровъ-уитлэндеровъ боерами пастухами и фермерами, то сама идея крайне курьезна. „Южно-Африканскій пуфъ", Chartered Company,—лопнулъ бы въ 1896 г., непосредственно послѣ неудачнаго набѣга; но тутъ для спасенія Сесиля Родса подоспѣло поголовное вазстаніе черныхъ въ Родезіи. Это возстаніе еще ждетъ своего историка. Лишь немногіе факты выплыли теперь на свѣтъ; но и они, по страшному трагизму своему, могутъ быть сравнены развѣ съ истребленіемъ инковъ. У спутниковъ Кортеца было хоть одно оправданіе: они мстили за отступленіе изъ Мексики, за убитыхъ товарищей во время „Noche triste". Chartered Company нѣтъ даже и этого оправданія.

III.

Въ 1889 г. начался захватъ Родезіи. Англичане не встрѣтили никакого сопротивленія со стороны туземцевъ; наоборотъ, они даже были рады видѣть бѣлыхъ и, если вѣрить Сесилю Родсу и д-ру Джемеону, еще болѣе рады работать на нихъ. Черезъ семь лѣтъ, въ 1896 г. черные возстали поголовно, убили всѣхъ бѣлыхъ, которыхъ могли захватить, и нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ буквально разорвали на куски. Какая причина вызвала мятежъ? Одной изъ главныхъ причинъ мятежа является рабство, введенное въ Родезіи компаніей. Началась дѣло такъ. Вначалѣ, когда золото было только что найдено, предприниматели нанимали черныхъ. По условію, послѣдніе получали разсчетъ каждые три мѣсяца. Негры работали хорошо. Но вотъ золотопромышленники нашли способъ пользоваться даровымъ трудомъ. Къ концу третьяго мѣсяца, не задолго до разсчета, они начинали крайне жестоко обращаться съ черными. Сѣченіе устраивалось по нѣскольку разъ въ день. Негры не выдерживали и убѣгали, оставивъ заработокъ. Средство было очень остроумно; но въ концѣ концовъ ни тѣ золотопромышленники, которые расплачивались плетьми; ни тѣ, которые держались обыкновенной системы расчета, не могли болѣе достать черныхъ рабочихъ. Тогда предприниматели обратились къ „комиссіонерамъ" *) и обѣщали имъ по 10 ш. за каждаго негра, который будетъ работать три

*) Родъ исправниковъ, назначенныхъ Chartered Company.

мѣсяца. „Комиссіонеры“ достали черныхъ; но предприниматели предпочитали изобрѣтенный ими способъ разсчета: къ концу третьяго мѣсяца начиналось ежедневное сѣченіе работника. Негры убѣгали. Чтобы не потерять своихъ 10 ш., комиссіонеръ, поручившійся, что черный станетъ работать три мѣсяца, началъ ловить бѣглецовъ при помощи полиціи и водворять ихъ къ хозяину. Такъ какъ бѣглецы упрямились, то комиссіонеры, въ свою очередь, прибѣгли къ плетямъ. Бѣглецовъ не всегда удавалось изловить; тогда комиссіонеръ, не желая все же терять своихъ шиллинговъ, приказывалъ поймать первыхъ попавшихся негровъ и сдавалъ ихъ предпринимателю. Негры очутились между двумя огнями, подъ перекрестнымъ боемъ. Предприниматели сѣкли, чтобы негръ убѣжалъ; комиссіонеры же сѣкли за то, что черный скрылся. Вскорѣ всѣ краали опустѣли. Населеніе, опасаясь комиссіонеровъ, скрылось въ горахъ. Передъ началомъ мятежа почти всѣ работы прекратились за отсутствіемъ черныхъ. Комиссіонеры устраивали облавы на женъ и дѣтей бѣглецовъ и держали ихъ аманатами, покуда являлись взрослые. Ихъ сѣкли и отдавали въ рудники. Сѣченіе, или sjambokіng, производилось бичемъ изъ кожи гиппопотама. Бичъ рѣжетъ тѣло, какъ сталь. Этотъ методъ нахожденія рабочихъ былъ одной изъ главныхъ причинъ мятежа. Взрывъ былъ вызванъ такимъ обращеніемъ съ женщинами. Бѣлые брали себѣ въ наложницы туземокъ дѣвочекъ, 12 — 15 лѣтъ. Дѣвочки продавались и промѣнивались какъ товаръ. Какъ только наложница становилась беременной, владѣлецъ прогонялъ ее (*Native Rhodesia*, p. 220—221). Нужно имѣть въ виду, что матабелы относятся очень сурово къ прелюбодѣянію. Послѣднее карается смертью. „Я не могу даже описать тѣхъ ужасовъ и мерзостей, которыя творились служащими Chartered Company“,—пишетъ цитируемый авторъ. Гаремы изъ черныхъ—самое обычное явленіе во всей Родезіи. „Фактъ не скрывается; напротивъ бѣлые хвастаютъ даже числомъ наложницъ“ (p. 221). Третьей причиной, вызвавшей мятежъ, былъ грабежъ скота, который составляетъ единственный источникъ существованія черныхъ. Негры въ Родезіи никогда не убиваютъ своихъ коровъ и быковъ. Компанія обложила туземцевъ налогомъ съ дыма. Это была не замаскированная даже форма грабежа, такъ какъ денегъ у черныхъ нѣтъ. Чтобы взыскать налогъ полиція отбирала скотъ. Далеко не всѣ черные имѣли коровъ; но агенты компаніи, являясь въ крааль, поступаютъ такъ: высчитаютъ налогъ и затѣмъ угонятъ соотвѣтственное количество скота. На всѣхъ неграхъ такимъ образомъ лежала круговая отвѣтственность. Захваченный скотъ клеймился немедленно тавромъ „C. C.“ (Chartered Company). Компанія нанесла смертельный ударъ жизни страны. Негры были сдѣланы рабами, чтобы караурить ихъ же скотъ, отнятый бѣлыми. Въ мартѣ 1896 г. населеніе возстало. Населеніе

было доведено до послѣдней степени отчаянья. Всякое преступленіе по отношенію къ неграмъ, включая убійство, считалось вполнѣ извинительнымъ. „Я видѣлъ бѣлаго, убившаго киркой негра за то, что бѣдняга не понималъ, что ему говорятъ"—пишетъ Блэкъ. „Истязанье негровъ считалась интереснымъ спортомъ. Старыя деревья на Fife street въ Булувэйо могли бы повѣдать ужасныя исторіи: на вѣтвяхъ этихъ деревьевъ вѣшали негровъ отъ нечего дѣлать". „Я видѣлъ, какъ толпа бѣлыхъ хохотала и веселилась, при видѣ того, какъ медленно душатъ на ихъ глазахъ негровъ" (Native Rhodesia, p. 224). Къ книгѣ Оливъ Шрайнеръ „Trooper Peter Halket", вышедшей въ 1897 г. и произведшей такое сильное впечатлѣніе,—приложена своеобразная фотографія, снятая любителемъ. На карточкѣ изабражена группа „спортсмэновъ" въ Родезіи. Они поймали трехъ бѣглыхъ негровъ и велѣли имъ взобраться на дерево, надѣть на шеи петли, закрѣпить веревки и прыгнуть. Два негра уже качаются. Третій не хочетъ самъ прыгнуть; въ силу этого, одинъ изъ спортсмэновъ приложился изъ ружья, чтобы сбить бѣднягу пулей. Спортсмэны сочли казнь до такой степени остроумной, что пожелали увѣковѣчить ее. Это вѣрные соратники африканскаго Наполеона—Сесиля Родса. Видъ этой фотографіи производитъ ужасное впечатлѣніе. У зрителя шевелятся волосы на головѣ; за тѣмъ онъ чувствуетъ приступъ глухого бѣшенства и отчаянья. Возстанье вспыхнуло во всей Родезіи. „Припоминая теперь все то, что я видѣлъ,—говоритъ Блэкъ, я прихожу къ заключенію, что мятежъ былъ неизбѣженъ. Еслибы я былъ негромъ и зналъ бы то, что они знаютъ, я тоже присталъ бы къ повстанцамъ. У нихъ отняли все. Ихъ спины носили рубцы позорныхъ наказаній; ихъ жены и дочери были изнасилованны. Жизнь для нихъ значила—мученье и голодъ. Если бы негры не возстали, они не заслуживали бы даже названія людей". (Native Rhodesia, p. 225). Вся Родезія была залита кровью. Спорсмэны Сесиля Родса—Бурхэмъ, полковникъ Маршъ Джифордъ, Крью, Макъ Фарланъ и др. дѣйствовали, какъ настоящіе мясники. Цѣлые краали черныхъ истреблялись хладнокровно, безъ малѣйшаго риска: что могли сдѣлать дикари стрѣлами и копьями противъ максимовскихъ пушекъ? Въ оффиціальномъ ежегодникѣ, изданномъ Chartered Comp. *) мы читаемъ о молодецкихъ дѣяніяхъ усмирителей: при Umuusa убито 300 черныхъ, изъ англичанъ раненъ легко одинъ; Капитанъ Макъ Фарланъ сжегъ 250 краалей, не потерявъ ни одного человѣка; при Welsh Harp убито 2500 черныхъ, а англичане не потеряли никого, и т. д. Наконецъ, когда много тысячъ черныхъ было истреблено и безчисленное количество краалей выжжено,—Сесиль Родсъ объявилъ, что возстаніе подавлено. Оставалось лишь наказать бун-

---

*) A handbook to Rhodesia. Bulavayo up-to-date, 1899.

товщиковъ. Деревья въ лѣсахъ гнулись подъ тяжестью многочисленныхъ повѣшенныхъ. Но что сдѣлать съ остальнымъ населеніемъ? Cahrtered Company отдала его въ принудительную службу на пять лѣтъ, т. е., другими словами, компанія ввела формальное рабство. Закрѣпощены были не только черные, участвовавшіе въ мятежѣ, но и тѣ, которые все время сидѣли спокойно. Въ отчетахъ Chartered Company расходъ по истребленію черныхъ составляетъ огромную сумму—2.569. 761 ф. *). Эти 25 милліоновъ рублей на время спасли компанію отъ краха: акціонерамъ сказали, что дивидендовъ нѣтъ, потому что они поглощены войной. Но вотъ снова возсталъ страшный призракъ банкротства. Единственное спасеніе могло явиться лишь изъ Трансвааля. И вотъ по всей линіи джингоистской прессы раздается сигналъ, и начинается новая аттака противъ республики боеровъ. Въ печати вновь заговорили о страданіяхъ уитлендеровъ, о необходимости спасти ихъ отъ ига боеровъ. На этотъ разъ агитація имѣла успѣхъ. Съ Крюгеромъ вступили въ переговоры по поводу дарованія избирательнаго права уитлендерамъ. Съ точки зрѣнія международнаго права, переговоры эти нѣчто несообразное. Трансвааль—независимая республика. Англія, признавшая ея независимость еще въ 1852 г., нарушаетъ рядъ конвенцій и вмѣшивается во внутреннія дѣла республики. Мало того. Англія—имперія. И вотъ имперія готова объявить войну республикѣ, чтобы заставить ее принять новыхъ гражданъ, которые для этого, конечно, должны дать присягу, что отказываются отъ прежняго подданства. Сэръ Альфредъ Мильнеръ, представитель Англіи во время переговоровъ, поставилъ рядъ требованій, формулированныхъ крайне рѣзко и грубо. Крюгеръ сдѣлалъ уступки по всѣмъ пунктамъ. Онъ сказалъ, что боеры готовы предоставить право гражданства уитлендерамъ, прожившимъ 7 лѣтъ въ республикѣ. Тогда уитлендеры, если дадутъ присягу защищать республику, могутъ принять участіе не только въ народномъ собраніи, но и въ законодательномъ совѣтѣ. Но уитлендерамъ нужна была не уступка. Къ великому удивленію, требованія, формулированныя Чэмберлэномъ, измѣнились внезапно, и въ нихъ уже зашла рѣчь о правѣ Англіи на сюзеренатъ надъ республикой. Тогда Крюгеръ заявилъ, что Трансвааль строго придерживается конвенціи 1884 г., въ которой не было ни слова о сюзеренатѣ. Чтобы поразогрѣть общественное мнѣніе, уитлэндеры послали королевѣ петицію покрытую 22 тысячными подписей. Объ этой петиціи Жуберъ въ упомянутомъ выше документѣ говоритъ: „Если вашему величеству благоугодно будетъ послать жалобу уитлэндеровъ для провѣрки въ Іоганигсбургъ, то не трудно будетъ доказать слѣдующее: петиція покрыта именами лицъ, которыя никогда не видали документа; б) многія лица, имена которыхъ значатся въ петиціи,

*) Ib, p. 33.

не могли подписать ее, такъ какъ давно уже умерли. И при помощи такого то документа враги Трансвааля желаютъ теперь погубить его... Авторами проекта являются Родсъ, Чэмберлэнъ и Джемсонъ“ *). „Положеніемъ вещей недовольны не работники, а капиталисты; имъ мало половины, они хотятъ забрать все. Капиталисты даютъ деньги направо и налѣво, чтобы поддержать агитацію. Они хотятъ увѣрить работниковъ, что агитація ведется въ ихъ пользу“ **). Къ слову сказать, подкупъ въ широкихъ размѣрахъ и подлогъ—освященная традиціей система дѣятельности Chartered Company. „Въ парламентѣ Капской колоніи обсуждался новый избирательный билль. Во время дебатовъ высказано было не мало горькихъ и рѣзкихъ упрековъ по адресу Родса и Де-Бирса за то участіе, которое они принимали въ послѣднихъ общихъ выборахъ. Адвокатъ Молтено, сынъ перваго премьера Капской колоніи, заявилъ, что агентами Сесиля Родса внесены въ избирательные списки 7000 человѣкъ, не имѣвшихъ на то никакого права. Болѣе двадцати разъ агенты бывали изобличены судебнымъ порядкомъ въ подлогахъ и мошенничествахъ и присуждались къ тюремному заключенію. Молтено бросилъ вызовъ „родезитамъ“, предлагая имъ указать хотя бы одинъ случай, когда „африкандеры“ бывали не правы, преслѣдуя агентовъ. Вызовъ не былъ принятъ. Другой депутатъ, д-ръ Гофманъ, заявилъ, что въ его округѣ агенты регистраторы, купленные Сесилемъ Родсомъ, вычеркиваютъ изъ избирательныхъ списковъ всѣхъ учителей, затѣмъ, окончившихъ университеты и вообще всѣхъ людей свободныхъ профессій, такъ какъ эти избиратели открытые противники родезитовъ“ ***). Въ Лондонѣ застрѣльщиками джингоизма явились почти всѣ мелкія, уличныя газетки. Самымъ пламеннымъ патріотомъ является „Sun“. Это та самая газетка, которая упоминается въ процессѣ Гули. Редакторъ ея предлагалъ финансисту свои услуги при подкупѣ мелкихъ газетокъ. Онъ бралъ за похвалы и бралъ за молчанье. Этого именно редактора Гули аттестовалъ какъ „величайшаго шантажиста города Лондона“. Редакторъ торжественно заявилъ, что привлекаетъ Гули къ суду за клевету; но не привлекъ, однако, и успокоился. Теперь „величайшій шантажистъ города Лондона“—проповѣдникъ самаго пламеннаго патріотизма. *Sun* да еще шустрая уличная *Pall Mall* больше всѣхъ льютъ слезы по поводу страданій несчастныхъ уитлэндеровъ.

Итакъ, министерство колоній предъявило новыя требованія, когда боеры уступили. Требованія были формулированы еще въ болѣе рѣзкомъ и грубомъ тонѣ. Какъ будто бы боялись, что

---

*) An Earnest representation to her Majesty etc., p. 20—21.

**) Письмо трансваальскихъ рудокоповъ и пріискателей въ „Daily Chronicle“ 4 іюля 1899 г.

***) Daily Chronicle, 28 сентября, 1899 г., p. 6.

боеры снова уступятъ, а не начнутъ войну. Началось быстрое вооруженіе. Полки за полками были отправлены въ Южную Африку. Говорятъ, что присоединеніе Трансвааля необходимо въ государственныхъ интересахъ: имперія не можетъ терпѣть внутри себя республику. Фактъ однако слѣдующій. Республика Оранжевой рѣки безусловно свободное и независимое „международное“ государство. Между тѣмъ, „государственные интересы“ не требовали присоединенія ея. Въ Трансваалѣ есть богатѣйшія золотыя розсыпи, въ Оранжевой же республикѣ золота нѣтъ. Пашни и пастбища не являются приманкой для биржевиковъ. Сознаніе большой публики въ Англіи отравлено теперь джингоистской прессой. Какъ и всюду, большая публика читаетъ лишь одну газету, поэтому, на всѣ вопросы смотритъ подъ извѣстнымъ угломъ. Одна часть публики стоитъ за войну, потому что, такимъ образомъ, увеличится имперія; другая думаетъ, что война спасетъ „несчастныхъ уитлэндеровъ“. Въ Англіи есть теперь два класса, которые не отравлены джингоизмомъ: трудящіяся массы и цвѣтъ умственной силы страны. На большомъ митингѣ въ Гайдъ паркѣ трудящіеся классы приняли слѣдующую резолюцію: „Джинго—министръ колоній Джозефъ Чэмберлэнъ сдѣлалъ предательскую попытку вовлечь страну въ несправедливую войну съ южно-африканской республикой, хотя послѣдняя отнюдь не нарушаетъ англійскихъ интересовъ и не препятствуетъ законнымъ занятіямъ. Все, что боеры просятъ, это то, чтобы ихъ не трогали. Наступательная политика министерства, въ силу этого, ведется не въ интересахъ Великобританіи, но шайки безсовѣстныхъ авантюристовъ, завладѣвшей богатыми золотыми розсыпями“. Со стороны интеллигенціи, прежде всѣхъ выступила Оливъ Шрайнеръ, глубокій знатокъ южно-африканскихъ дѣлъ. Она выступила двумя памфлетами подъ общимъ названіемъ „An English South African's View of the Situation“. „Война! Почему? По какому поводу!—восклицаетъ авторъ въ первомъ памфлетѣ. На всѣ эти вопросы нѣтъ отвѣта. Мы не можемъ понять, кто выиграетъ въ случаѣ войны. Не Англія. Молодая нація, привязанная къ ней теперь, возненавидитъ ее. Англіи придется нарушить трактаты и торжественныя обѣщанія. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, Англія потеряетъ. Не выиграетъ также ничего англійскій солдатъ. Война не принесетъ ему лавровъ. Симпатіи всего міра будутъ на сторонѣ боеровъ: молодыхъ пахарей, бросившихъ плугъ, чтобы стать за отчизну стариковъ, взявшихся за ружье, чтобы отстоять дорогую свободу, женщинъ, закрывающихъ глаза павшимъ ополченцамъ и шепчущимъ имъ: „ты палъ за свободу и родную землю“. Нѣтъ, такой непріятель не приноситъ лавровъ... Есть, однако, иные, которые думаютъ, что они выиграютъ. Мы узнаемъ за кулисами ихъ фигуры. Мы слышимъ шелестъ банковыхъ билетовъ и звонъ золота. О, этотъ звукъ хорощо извѣстенъ въ Южной Африкѣ“.

Въ другомъ памфлетѣ талантливая писательница говоритъ: „Боеры сдѣлали все, чтобы предоставить уитлэндерамъ права гражданства; но партія войны желаетъ не это: „вашу землю или мы васъ уничтожимъ!“ Таковъ смыслъ требованій. Партія Сесиля Родса хочетъ, чтобы кризисъ кончился непремѣнно войной... Англія должна вполнѣ уяснить себѣ, что значитъ война съ Южной Африкой. Величайшая имперія въ мірѣ навалится всей страшной тяжестью своею на маленькое государство, на тридцать тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ и шестидесятилѣтнихъ стариковъ, на маленькій народъ, не имѣющій ни постоянной арміи, ни организованнаго комиссаріата. Жены и дочери боеровъ всѣ образуютъ одну армію, ладящую тѣ запасы, которые возьмутъ ихъ мужья и отцы на войну... Мы можемъ уничтожить этотъ маленькій народъ... въ нашемъ распоряженіи неисчислимыя средства. Боеры убѣждены, что Богъ и правда за нихъ. Наша война—война политикановъ. Боеры начинаютъ народную войну. Имѣя войско и деньги, мы можемъ буквально раздавить республику; но она дорого продастъ свое существованіе. Цѣной 20 или 30 милліоновъ ф. ст. и многихъ жизней нашихъ солдатъ мы можемъ взять Трансвааль и сорвать знамя независимости, столь дорогое боерамъ; но на насъ падетъ позорное пятно, котораго не смоютъ даже вѣка. Потеряютъ одинаково и Англія, и Южная Африка. Англія потеряетъ честь; порвется та нить симпатіи, которая одна лишь можетъ связать Британію съ далекими колоніями. Южная Африка выйдетъ изъ боя окрававленная, искалѣченная, съ затаеннымъ чувствомъ ненависти и мщенія. Выиграютъ лишь биржевые спекуляторы, которые вызвали кризисъ при помощи систематическихъ лживыхъ сообщеній. Они еще болѣе набьютъ карманы Южно-Африканскимъ золотомъ“.

За Оливъ Шрайнеръ высказались противъ войны: „честный Джонъ“ (Морлей), Гербертъ Спенсеръ, Фрэнкъ Гаррисонъ, цѣлый рядъ членовъ парламента, какъ радикалы, такъ и консерваторы (напр., д-ръ Кларкъ). Но агитація джингоистской прессы дѣлала свое. Большой митингъ въ Трафальгаръ скверѣ, въ пользу мира съ Трансваалемъ, былъ сорванъ толпой буяновъ, джинго изъ лучшаго общества. Ораторы подвергались серьезной опасности; двадцать лѣтъ тому назадъ подобные же буяны освистали Гладстона и выбили стекла въ его домѣ, когда великій старецъ выступилъ противъ войны съ Россіей, которую желали джинго. Партія Сесиля Родса, вызвавшая теперь кризисъ, не предвидѣла всего. Она думала, что придется воевать лишь съ Трансваалемъ; но народное собраніе Оранжевой Республики единодушно заявило, что пусть случится, что угодно, но долгъ чести заставляетъ ихъ соединить свою судьбу съ таковой же Трансвааля.

Силы республики увеличиваются чрезъ это вдвое. Въ то

же время изъ 79 членовъ парламента Капской колоніи 53, т. е. всѣ „африкандеры“ выразили свое сочувствіе Крюгеру. Такимъ образомъ, партія биржевыхъ спекуляторовъ вовлекаетъ Англію въ войну со всѣмъ голландскимъ населеніемъ Южной Африки. Познакомимся нѣсколько съ боерами, какъ съ солдатами. Боеры—первокласные стрѣлки. Какъ только мальчикъ въ состояніи держать въ рукахъ ружье, отецъ даетъ ему одинъ или два заряда и велитъ ему принести спрингбока. Порохъ и пули стоятъ денегъ, въ силу этого, мальчикъ долго будетъ подползать къ животному и долго цѣлить, прежде чѣмъ спуститъ курокъ. Въ результатѣ юноши становятся отличными стрѣлками и научаются бережно обходиться съ зарядами. Въ поискахъ за дичью боеръ въ совершенствѣ изучаетъ страну. Раскаленная атмосфера „veld'а“ (степи), которая такъ мучитъ и изнуряетъ уитлэндера,—боеру ни почемъ. Юноши часто отправляются на поиски за крупной дичью въ отдаленные углы республики. Отъ пули не уходятъ ни антилопа, ни слонъ, ни левъ. Нѣтъ удивительнаго въ томъ, что тренированное подобнымъ образомъ населеніе становится лучшей иррегулярной арміей въ мірѣ, побивавшей не разъ англичанъ. Армія эта можетъ быть мобилизирована въ двадцать четыре часа. Изъ Преторіи прибываетъ телеграмма. Верховые мчатся сейчасъ же съ копіей ея отъ одной фермы къ другой. Боеръ посылаетъ немедленно сына или работника кафра въ степь, чтобы поймать коня, подтягиваетъ поясъ съ патронами, а другой, запасный, перекидываетъ черезъ плечо, укладываетъ въ одинъ переметъ вяленое мясо (biltong), а въ другой—муку, табакъ и кофе, увязываетъ въ тороки одѣяло, походный котелокъ и баклагу съ водой, и черезъ четверть часа мужикъ снаряженъ вполнѣ на войну. Онъ пристегиваетъ заржавленныя шпоры, цѣлуетъ vrouu (жену) и малютокъ (взрослыя дѣти отъ 15 лѣтъ ѣдутъ тоже въ походъ), закуриваетъ трубку и мчится къ сборному пункту, гдѣ уже ждутъ сотни подобныхъ же мужиковъ. Теперь, вслѣдъ за отцами и мужьями, потянутся также дочери и жены, тоже съ ружьями на плечахъ. Женщинамъ поручена вся комиссаріатская часть. А въ центральномъ пунктѣ ждетъ уже широкоплечій, дюжій боеръ, съ длинной, сѣдѣющей бородой, одѣтый, какъ и остальные мужики. Это генералъ Питеръ, или Пьетъ, Жуберъ, вицепрезидентъ республики. Пьетъ самъ первоклассный стрѣлокъ и своей рукой уложилъ не одну сотню слоновъ и львовъ. Жуберъ участвовалъ въ многочисленныхъ войнахъ республики съ туземцами и англичанами. Самъ „Оомъ Поль“ (Крюгеръ) въ молодости былъ тоже великій охотникъ и знаменитый воинъ. Теперь онъ уже старъ, хотя, говорятъ, не разучился еще ѣздить верхомъ. Крюгеръ служитъ родинѣ не крѣпостью своихъ мышцъ, а своей ясной головой. Восемь сыновей и пятьдесятъ внуковъ президента—въ рядахъ ополченія. Начиная съ 1898 г., до

битвы подъ Крюгсродорпомъ боеры не разъ одерживали побѣды надъ англичанами. Боеры умѣютъ воспользоваться каждымъ холмикомъ, каждой скалой, чтобы сдѣлать изъ нихъ естественное укрѣпленіе. Боеры предпочитаютъ лучше отбиваться, чѣмъ нападать. Впрочемъ, было одно исключеніе: бой подъ Маджубой, когда двѣсти боеровъ штурмовали укрѣпленіе, занятое 700 англичанъ. Такой непріятель, если и будетъ побѣжденъ, то лишь дорогой цѣной.

„Имперію нельзя дѣлать въ лайковыхъ перчаткахъ",—говоритъ Грифизъ въ своей книжкѣ „Men who hade made the empire", выставляя этотъ афоризмъ, какъ неопровержимый аргументъ противъ всѣхъ обвиненій, возводимыхъ на Сесиля Родса. „Наконецъ, то добро, которое сдѣлалъ въ Южной Африкѣ Сесиля Родсъ, уравновѣшиваетъ все" (цит. книга, стр. 300). Въ бѣгломъ очеркѣ мы видѣли это „добро": залитыя кровью равнины, порабощенные инородцы, для которыхъ жизнь превращена въ адъ, боеры, доведенные до возстанья, ложь, рядъ подлоговъ, подкупы, предательство. Разбогатѣли страшно лишь нѣсколько биржевиковъ, съ Сесилемъ Родсомъ во главѣ. Когда „South Africa bubble" лопнетъ, странѣ останутся тысячи миль никуда негодной пустыни отъ рѣки Лимпопо до Талганайки, да вѣчный очагъ революціи въ Южной Африкѣ. Сесиля Родса лакействующіе джинго сравнивали съ Фердинандомъ Кортецомъ и съ другими „великими" буканерами. Но какое же можетъ быть сравненіе! Кортецъ, Альварадо, Лопецъ, д'Авила, Пизарро плыли „невѣдомо куда", сотни разъ рискуя своей собственной жизнью. Если у Кортеца была такая же жажда золота, какъ у Родса,—онъ умѣлъ добывать его, глядя смерти прямо въ глаза, двадцать разъ рискуя быть принесеннымъ въ жертву богу Вицли-Пуцли; Сесиль Родсъ не рисковалъ рѣшительно ничѣмъ. Черные едва-ли могутъ быть названы врагами. Кортецъ „билъ челомъ Карлу V" огромной, богатой имперіей. Сесиль Родсъ предложилъ джинго лишь никуда негодныя болота и степи. Старые буканеры просто выкидывали черное знамя съ перекрещенными костями, не скрывая, кто они. Новые буканеры, свершая такія же, если не большія, преступленія, выкидываютъ флагъ, на который не имѣютъ никакого права. О новомъ буканерѣ Дорина могла-бы сказать то же, что она когда-то сказала о Тартюфѣ.

„Comme il sait, de traîtresse maniére
Se faire un beau manteau de tout ce qu'on révère!"

Старый буканеръ былъ откровеннымъ выразителемъ идей феодальнаго строя. Новый буканеръ —знаменуетъ появленіе кого-то другого. Но кого именно? Въ національной „тейтовской" галлереѣ въ Лондонѣ туристъ останавливается, какъ прикованный,

предъ одной картиной. Съ холста глядитъ на него грубое, толстое, неподвижное и самодовольное лицо, украшенное ослинными ушами. На жирномъ, грузномъ туловищѣ неуклюже сидитъ платье изъ дорогой парчи. Огромные мѣшки, набитые золотомъ, лежатъ на колѣняхъ идола. Одной рукой онъ пригнулъ шею молодой, обнаженной дѣвушки, почти ребенка, сорванный зеленый хитонъ которой, цвѣтъ надежды, завявшей отъ соприкосновенія жирной лодони,—валяется тутъ же. Обутая въ кроваво-красный чоботъ, толстая, какъ колода, нога придавила лежащаго на землѣ юношу съ мускулистыми руками. Фономъ является кровавое зарево пожара.

Это—картина Уотса (Wats) „Мамона". Рядомъ съ „Мамоной" виситъ другая картина, того же художника „Іона", изображающая пророка въ рубищѣ, босого, съ всклокоченными волосами, вдохновенно предсказывающаго гибель Ниневіи. Чѣмъ туристъ пристальнѣе вглядывается, тѣмъ болѣе ему кажется, что не по капризу случая обѣ картины помѣщены рядомъ, что глубокій смыслъ существуетъ въ сопоставленіи самодовольнаго, заплывшаго саломъ, грубаго идола съ пророкомъ въ рубищѣ. Напрасно простеръ тотъ свои заскорузлыя руки и напрасно безуміемъ вдохновенія горятъ его широко раскрытыя очи. Напрасно жгучимъ, какъ каленное желѣзо, словомъ обличаетъ онъ пороки, созданные этимъ обрубкомъ сала, закутаннымъ въ парчу. Ослиныя уши Мамоны не услышатъ бурной проповѣди; не ослабнетъ нажимъ кровавокраснаго чобота на шеѣ юноши; не воскреснутъ надежды дѣвушки... Новые буканеры являются выразителями идеаловъ этого обрубка сала. Виноватъ. Я забылъ прибавить еще одну подробность, которая ускользнула отъ вниманія художника. Его чудище приподнялось и, не выпуская изъ рукъ золота, стало хрипло повторять вдохновенныя слова. И стоящіе кругомъ глупцы умилились и восторженно прошептали со слезами на глазахъ: „Какой герой! Поставимъ ему памятникъ!„

Діонео.

Дѣло Дрейфуса.

(Письмо изъ Франціи).

Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ я нахожусь, словно загипнотизированный субъектъ, во власти глубокихъ впечатлѣній, всецѣло овладѣвшихъ моимъ сознаніемъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось провести нѣсколько дней въ Реннѣ на процессѣ Дрейфуса. Вы можете сколько угодно изучать издали и конкретныя подробности, и основныя пружины этого міроваго дѣла; можете съ крайнимъ волненіемъ и живѣйшимъ интересомъ слѣдить по газетамъ за различными его перипетіями: ничто не замѣнитъ тѣхъ, даже немногихъ часовъ, которые вы переживете въ роли непосредственнаго наблюдателя, лицомъ къ лицу съ ближайшими участниками этой захватывающей духъ трагедіи. И какъ мнѣ жаль, что я не художникъ-психологъ, чтобы заставить читателей хотя отчасти испытать ту смѣну, столкновеніе и борьбу противоположныхъ чувствъ, то трепетное и мучительно напряженное состояніе, которое охватывало душу зрителей, отдававшихъ себѣ отчетъ въ великомъ символизмѣ совершавшагося на ихъ глазахъ событія.

Ибо не забудьте: на реннскомъ процессѣ маску слабыхъ, преходящихъ, сегодня живущихъ, а завтра исчезающихъ конкретныхъ личностей носили колоссальныя, безконечно болѣе устойчивыя силы исторической жизни, тѣ и свѣтлыя, и темныя идеи, борьба которыхъ и составляетъ содержаніе общественнаго развитія. И когда вы жадно вслушивались въ слова, всматривались въ жесты и игру физіономіи актеровъ, вы невольно, сквозь эту внѣшнюю, хотя и въ высшей степени волнующую васъ оболочку, проникали въ самую сущность великаго процесса общественной жизни, который не сегодня начался и не завтра кончится. И подсудимый, и его обвинители, и его защитники, и судьи, и зрители, были прозрачными носителями различныхъ началъ, могущественно двигавшихъ ими словно маріонетками. Въ этомъ противорѣчіи между неизбѣжной слабостью конкретныхъ личностей и необыкновенною мощью выражаемыхъ ими принциповъ и заключался главный трагизмъ положенія. Актеры отъ времени до времени словно изнемогали подъ бременемъ громадной роли, возложенной на нихъ тѣмъ неподражаемымъ драматургомъ, которымъ является процессъ общественной эволюціи, и когда реплики и столкновенія дѣйствующихъ лицъ обнаруживали высшую степень трагическаго напряженія, у васъ мучительно сжималось

сердце, и изъ груди готовъ былъ вырваться съ необыкновеннымъ трудомъ сдерживаемый крикъ: „довольно, довольно! пощадите терзаемые нервы и эту безконечную способность человѣка къ страданію и состраданію!“...

Повторяю, надо было бы быть великимъ художникомъ-психологомъ, чтобы достойнымъ образомъ изобразить впечатлѣнія присутствовавшихъ при судѣ надъ Дрейфусомъ, и читатель не ждетъ отъ меня этого. Но я не могу, однако, удержаться, чтобы не подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми преслѣдующими меня, какъ кошмаръ, сценами, фигурами и положеніями. Начать съ того, что административныя мѣры предосторожности въ видѣ перегородокъ, рогатокъ, солдатъ и жандармовъ, отдѣлявшихъ ближайшія къ суду улицы отъ остального города, создали, внутри сонной и безжизненной въ политическомъ смыслѣ столицы Бретани, особый кипучій центръ умственной и вообще нервной дѣятельности, своего рода маленькій или, вѣрнѣе, сгущенный, сконцентрированный Парижъ. Тамъ, внѣ баррьеровъ, на черезчуръ широкихъ для населенія улицахъ и площадяхъ новыхъ кварталовъ (Реннъ выгорѣлъ почти до тла въ прошломъ столѣтіи), обитатели расхаживали обычною, характеристичною для всѣхъ провинціаловъ неторопливою походкою, занимаясь своими будничными дѣлами и въ общемъ проявляя мало интереса къ тому, что происходило въ стѣнахъ ихъ города. Здѣсь же, внутри кольца административныхъ препятствій, куда допускались лишь избранные и съ извѣстными формальностями, на пространствѣ всего нѣсколькихъ десятинъ, занимаемыхъ зданіемъ лицея (гдѣ засѣдалъ военный судъ) и окрестными улицами, каждый день собиралась волнующаяся, нервная, интеллигентная толпа, которая поражала васъ обиліемъ встрѣчаемыхъ среди нея различныхъ знаменитостей, столь популярныхъ—благодаря своимъ портретамъ,—всѣхъ этихъ литераторовъ, журналистовъ, ученыхъ, политическихъ дѣятелей, съѣхавшихся на судъ въ Реннѣ не только изъ Парижа, но и всей Франціи, да, пожалуй, и всего міра. Это была словно живая портретная галлерея, ходячій Пантеонъ современныхъ „славъ“, и, смѣло можно сказать, бывали дни, когда разразись какая-нибудь грозная катастрофа въ родѣ урагана, землетрясенія и т. п. надъ этой ничтожною по размѣрамъ частью Ренна, она умственно обезглавила бы на двадцать лѣтъ Парижъ и Францію, лишивъ ихъ цвѣта интеллигенціи и верховъ мыслящаго населенія.

А зала суда, куда нетерпѣливо вливалась эта возбужденная, любящая и ненавидящая, благословляющая и проклинающая толпа! Я никогда, вѣроятно, не забуду физіономій дѣйствующихъ лицъ. Вотъ онъ, самъ „предатель“, центральная фигура трагедіи, выносившая главную тяжесть ударовъ въ борьбѣ стараго міра съ

новымъ, въ свирѣпой схваткѣ Франціи драгонадъ и іезуитовъ съ Франціей великихъ принциповъ. Подъ гребенку остриженная сѣдая голова; правильный, слегка удлиненный черепъ; голубые близорукіе глаза за вѣчнымъ пэнсъ-нэ; хорошо очерченный носъ, въ которомъ, къ стыду своему, я не могъ отыскать типичной, по мнѣнію юдофобствующихъ антропологовъ, крючковатости; и линія тонкихъ усовъ надъ тонкими же губами, на которыхъ застыло выраженіе какой-то холодной и спокойной скорби,—вотъ вамъ въ главныхъ чертахъ физіономія Дрейфуса, ничѣмъ не отличающагося по внѣшнему виду отъ средняго французскаго офицера изъ категоріи молодыхъ и „ученыхъ". Издали его слегка розовое, выбритое на щекахъ и подбородкѣ лицо даже обманывало васъ своимъ довольно здоровымъ видомъ. Но мнѣ нѣсколько разъ пришлось видѣть Дрейфуса въ трехъ-четырехъ шагахъ, когда его проводили конвойные, и вблизи его физіономія превращалась поистинѣ въ трагическую маску,—такъ избороздили ее во всѣхъ направленіяхъ мельчайшія морщины, каждой изъ которыхъ, можетъ быть, соотвѣтствовала одна изъ мучительныхъ 1800 ночей, проведенныхъ жертвою на Чортовомъ островѣ, среди безплодныхъ стоновъ о невинности и жгучихъ слезъ о потерянномъ человѣческомъ достоинствѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ, съ вѣчно грызущей сердце мыслью: „ты—предатель въ глазахъ цѣлаго народа!"

Меня глубоко поразила также его походка, и въ данный моментъ я въ раздумьи кладу перо, чтобы яснѣе вызвать въ памяти фигуру идущаго Дрейфуса и лучше передать свое впечатлѣніе читателю... Представьте себѣ большую куклу, автоматическія, угловатыя движенія которой управляются какимъ-то внѣшнимъ, чужимъ механизмомъ, приводящимъ въ дѣйствіе, благодаря длиннымъ-длиннымъ нитямъ, вотъ эту застывшую, еще молодую, но бѣлую какъ лунь голову, эти сухія, размахивающія въ тактъ по военному руки и эти тощія, выпирающія изъ офицерскихъ панталонъ своими колѣнами ноги, которыя съ видимымъ усиліемъ стараются согласоваться съ автоматическими движеніями рукъ. Этотъ характеръ усилія, исходящаго изъ какой-то внѣшней далекой пружины, которой нужно извѣстное время, чтобы дослать свои приказанія до мускуловъ тѣла, лежитъ, впрочемъ, на всей фигурѣ Дрейфуса. Такъ можетъ ходить и двигаться лишь изломанный физически и нравственно человѣкъ, которымъ, на развалинахъ нормальнаго я, управляетъ одна единственная мысль, одно гипнотическое велѣніе сознанія, напоминающее страшный декретъ неба въ „Вѣчномъ жидѣ" Евгенія Сю: „иди, иди, маршируй, размахивай руками, несчастный семитъ, затравленный католиками и патріотами, доказывай всѣмъ и каждому, что и ты не предатель, и не всякій еврей по необходимости предатель; отнынѣ вся твоя жизнь должна быть посвящена ежеминутному,

безпрестанному доказательству твоей собственной невинности и невинности всей твоей расы!..“ Такъ я истолковывалъ его походку, надъ автоматичностью которой издѣвались тѣ самые негодяи изъ „патріотовъ“, которые восхищаются у всѣхъ прочихъ офицеровъ деревянностью ихъ казарменныхъ движеній и безупречнымъ механизмомъ прикладыванія рукъ къ козырьку и сдвиганія каблуковъ.

Меня глубоко также поразилъ голосъ Дрейфуса, ясный, отчетливый, но лишенный всякаго тембра, выбраціи котораго только и придаютъ индивидуальный характеръ нашему голосу. Когда подсудимый поднимался со своей скамьи и начиналъ говорить, я первое время оглядывалъ всю залу, ища того, отъ кого шли эти слова: я не знаю, вліяніе-ли это пятилѣтняго молчанія, но Дрейфусъ говоритъ, точно чревовѣщатель, и его голосъ, безличный, автоматическій, какъ и всѣ его движенія, доходитъ до васъ точно съ другого свѣта. Среди насыщенной электрическомъ залы, его рѣчь производила на меня поражающее впечатлѣніе. Можетъ быть, то была галлюцинація напряженныхъ нервовъ, но этотъ лишенный индивидуальности голосъ леденилъ мнѣ кровь въ жилахъ своимъ безличнымъ характеромъ. Подобно страшному голосу „Тѣни“ въ знаменитомъ разсказѣ Эдгара По, онъ, казалось, былъ коллективнымъ голосомъ всей несчастной преслѣдуемой расы, массовымъ отвѣтомъ еврейства на многовѣковыя притѣсненія; и этотъ французскій капитанъ конца XIX-го столѣтія какъ бы служилъ лишь механическимъ словеснымъ аппаратомъ для выраженія жалобъ и прошлыхъ, и настоящихъ, и—увы!—будущихъ жертвъ постыднаго антиссемитизма...

Таковы мои впечатлѣнія отъ Дрейфуса, и потому, когда потайные юдофобы,—съ прямыми антисемитами я прекратилъ уже давно всякіе разговоры,—да, когда потайные юдофобы подъ личиною безпристрастія и даже фальшиваго соболѣзнованія критиковали при мнѣ „деревянность манеръ“ и „заученную крикливость заявленій“ Дрейфуса, производящаго будто бы этимъ неблагопріятное впечатлѣніе на тонкія уши этихъ деликатныхъ слушателей, то я едва удерживался отъ того, чтобы не послать ко всѣмъ чертямъ этого академическаго обсужденія и не бросить негодующей отповѣди прямо въ лицо этимъ стыдливымъ рыцарямъ реакціи: „прочь этотъ карнавалъ! долой эти постныя маски! скажите лучше прямо, что Дрейфусъ измѣнникъ, потому что жидъ, но не смѣйте требовать изящества манеръ отъ плѣнника, котораго подвергаютъ пыткѣ дикіе людоѣды, не читайте надъ операціоннымъ столомъ эстетическаго трактата о скорбно божественной игрѣ мускуловъ у античнаго Лаокоона, и не добивайтесь руладъ оперной примадонны отъ человѣка, грудь котораго разрывается отъ стоновъ и увѣреній въ своей невинности. На колѣна, фигляры, передъ великимъ человѣческимъ несчастіемъ!“...

Я видѣлъ также свирѣпыхъ враговъ Дрейфуса, всѣхъ этихъ военныхъ и штатскихъ защитниковъ „чести арміи“, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ бывшимъ военнымъ министрамъ и высшимъ офицерамъ генеральнаго штаба. Другіе дѣйствовали заодно съ поддѣлывателями ради сохраненія престижа высшаго воинскаго начальства, престижа, который долженъ былъ бы пострадать, даже и среди самыхъ наивныхъ „патріотовъ“, еслибы военный судъ оправданіемъ Дрейфуса раскрылъ имъ глаза на преступныя дѣйствія лицъ, командующихъ арміей третьей республики. Ни для кого не было тайной, что во время процесса генералы и прочіе военные свидѣтели по дѣлу Дрейфуса держали наканунѣ каждаго засѣданія настоящій военный совѣтъ, на которомъ подробно вырабатывали планъ кампаніи на слѣдующій день, распредѣляли заранѣе роли между собою, и, словно на генеральной репетиціи, опредѣляли вплоть до мельчайшихъ подробностей эффектныя „случайности“ завтрашняго военно-юридическаго лицѣдѣйства. Стѣны военнаго клуба и шикарной гостинницы „Hôtel moderne“, въ которой остановилось большинство генераловъ, платя по 50 франковъ въ день, могли бы разсказать поучительныя исторіи насчетъ того, какъ подъ предводительствомъ великаго стратегика Мерсье и не менѣе великаго тактика Рожэ военная камарилья, пользуясь своимъ вліяніемъ на дисциплинированныхъ судей, вторично подготовляла осужденіе невиннаго.

Да, я видѣлъ на засѣданіяхъ суда, въ первыхъ рядахъ свидѣтельскихъ мѣстъ, главнаго виновника дрейфусовской исторіи, генерала Мерсье, который, своей морщинистой физіономіей съ короткими жесткими усами, небольшими черными глазами, зорко высматривавшими изъ подъ тяжелыхъ, словно свинцовыхъ, порою совсѣмъ закрывавшихся вѣкъ, и аффектированной неподвижностью согнувшагося тѣла, напоминалъ старую пантеру, притворявшуюся отъ времени до времени спящей, но на самомъ дѣлѣ ни минуты не спускавшую глазъ съ своей добычи. И это сходство еще болѣе усиливалось, когда въ экстренный моментъ генералъ Мерсье, выпрямлялся, вставалъ и мелкими шажками всходилъ на эстраду передъ судьями, чтобы сбить съ толку неудобнаго свидѣтеля и отпарировать грозящій ударъ при помощи объясненій, даваемыхъ добродушнымъ тономъ и подкрѣпляемыхъ мягкими, порою бившими на вдумчивую разсѣянность жестами человѣка, который не полагается на свою память, боится ошибиться безъ всякаго злаго умысла и старается воскресить въ воспоминаніи точную физіономію событій. Этотъ интриганъ, клерикалъ и воспитанниковъ іезуитовъ вполнѣ достоинъ своей внѣшней физіономіи „злодѣя“ псевдо-классической трагедіи. И вы не могли бы достаточно налюбоваться на его инстинктивное знаніе сценическихъ эффектовъ тогда, напр., когда на вопросъ предсѣдателя, сколько ему лѣтъ, онъ съ

напускною торжественною грустью произноситъ: „завтра 71 годъ“; или когда онъ осмѣливается обратиться къ несчастному Дрейфусу съ фразистымъ заявленіемъ, что онъ и радъ бы былъ ошибиться относительно предательства капитана, но по совѣсти и долгу службы не можетъ...

Видѣлъ я на процессѣ и правую руку Мерсье, генерала Рожэ, который при всѣхъ жаркихъ столкновеніяхъ между обвиненіемъ и защитой, бросался въ аттаку, прикрывая, что называется, своимъ тѣломъ славнаго организатора дрейфусовскаго дѣла. Средняго роста, недурно сложенный, хорошо сохранившійся для своихъ шестидесяти съ хвостикомъ лѣтъ, Рожэ производитъ впечатлѣніе стараго льва, избалованнаго гарнизонными похожденіями и столичными успѣхами въ салонахъ. Будь я каррикатуристомъ, я, кажется, въ нѣсколько штриховъ схватилъ бы эту самодовольную, самонадѣянную, бьющую на рекламу фигуру. Достаточно трехъ линій, чтобы изобразить его любимую позу въ тѣхъ случаяхъ, когда съ обычнымъ нахальствомъ онъ старается смутить враждебнаго ему свидѣтеля, особенно когда этотъ свидѣтель изъ военныхъ. Нарисуйте одну подъ другой три разной величины дуги, обращенныя выпуклостью вправо, и у васъ получится портретъ Рожэ на реннскомъ процессѣ: дуга первая—линія его орлинаго носа на сухомъ правильномъ лицѣ; дуга вторая—немилосердно изогнутая правая рука съ локтемъ, презрительно выдвинутымъ впередъ, и указательнымъ перстомъ руки, повелительно направленнымъ въ сторону носка ботфорта; дуга третья—все его ухарски изогнутое тѣло, съ головой откинутой назадъ, выпяченнымъ бокомъ и сдвинутыми подъ прямымъ угломъ каблуками. А для вящшаго сходства вы подъ этимъ трехъ-дужнымъ рыцаремъ можете обозначить пунктиромъ воображаемаго коня. При взглядѣ на Рожэ мнѣ, дѣйствительно, все такъ и казалось, что онъ ѣдетъ мысленно на гордомъ скакунѣ,—столь неистово онъ парадировалъ передъ галлереей „патріотовъ“ и „патріотокъ“, бросая презрительные взгляды на дрейфусистовъ, которые платили ему сторицею. И нужно было видѣть, какъ перекрещивались въ нервной атмосферѣ залы эти взоры, заряженные ненавистью и сталкивавшіеся между собою, словно стальные клинки.

Въ извѣстномъ смыслѣ, Рожэ—цвѣтъ и гордость тѣхъ крупныхъ военныхъ чиновъ, которые готовы при первой возможности свалить республику, лишь бы то можно было продѣлать безъ особаго риска для карьеры, потому что всѣ эти враги свободнаго демократическаго режима тѣмъ не менѣе очень любятъ жирные оклады, ордена и почести, которыя имъ въ такомъ изобиліи разсыпаетъ презираемая ими, но добродушная Маріанна. Недаромъ за узду лошади Рожэ схватился пламенный „патріотъ“ Деруләдъ, приглашая генерала двинуться на захватъ президент-

скаго дворца, и лишь малое сочувствіе солдатъ остановило браваго воина на пути къ совершенію переворота. Какъ-бы то ни было, этотъ доблестный типъ генерала-карьериста, выросшаго въ атмосферѣ французскаго шовинизма и безконтрольнаго хозяйничанія военнымъ бюджетомъ, проявилъ себя на судѣ въ полномъ блескѣ. Какъ хищная птица, Рожэ налеталъ на свидѣтелей, показывавшихъ въ пользу Дрейфуса, вмѣшивался въ пренія, направляя ихъ по своему, и, лишь встрѣчая рѣзкій отпоръ Лабори и двухъ-трехъ смѣлыхъ и энергичныхъ офицеровъ, на время садился на свое мѣсто, показывая клювъ и когти. Но сейчасъ же снова начиналъ кружить, какъ настоящій коршунъ, надъ несчастной жертвой, то стараясь затушевывать запутанными и сомнительными соображеніями все сильнѣе и сильнѣе обнаруживавшуюся невинность Дрейфуса, то разсыпая щедрую ложь передъ подобострастно слушавшими его судьями.

Любопытный типъ въ своемъ родѣ представлялъ и третій очень много ораторствовавшій на процессѣ генералъ: я говорю о директорѣ артиллерійскаго департамента, Делуа, который постоянно съ необыкновеннымъ упорствомъ повторялъ: „да что же? я собственно лишь экспертъ! какой же я свидѣтель“, но тѣмъ не менѣе свирѣпо и безпощадно обвинялъ Дрейфуса въ измѣнѣ на основаніи разныхъ нелѣпыхъ гипотезъ, прошмыгивая въ то же время мимо такихъ очевидныхъ данныхъ, какъ признаніе самимъ Эстергази факта написанія бордеро. Если двумъ изображеннымъ мною выше генераламъ принадлежала трагическая роль въ процессѣ, то генералъ Делуа взялъ на себя комическую. Его дѣло было, подъ видомъ добродушной фамильярной бесѣды съ военными судьями, напугать ихъ воображеніе громадной важностью выданныхъ документовъ и приписать эту измѣну крупному спеціалисту по артиллерійскимъ вопросамъ, какимъ, молъ, только и могъ быть сидящій на скамьѣ подсудимыхъ капитанъ... Ахъ, нужно было видѣть эту уморительную и омерзительную вмѣстѣ фигуру, чтобъ понять громкое восклицаніе, которое вырвалось невольно изъ груди одного журналиста, внимательно слѣдившаго за показаніями Делуа: „старый плутъ! безсовѣстная бестія“! Представьте себѣ длинное, неуклюжее, на манеръ сосиски, туловище на короткихъ ножкахъ, съ короткими же ручками по бокамъ и съ комично мотающейся на верху рѣдькообразной плѣшивой головой, снабженной маленькими плутовскими глазками французскаго „хозяйственнаго мужичка“ на изборожденномъ морщинами лицѣ и длиннѣйшей каррикатурной эспаньйолкой. Заставьте этого петрушку подпрыгивать или топотать ножками, хлопать ручками и щелкать пальцами, трясти головой и эспаньйолкой, подмигивать глазками; вложите въ него комичный, хрипящій, свистящій, какъ у настоящаго петрушки, органъ рѣчи; заставьте его произносить уморительные по формѣ, но

исполненные тенденціозной лжи монологи, пересыпанные прибаутками не то унтеръ-офицера, не то разъѣздного приказчика. Таковъ былъ обвинитель—„экспертъ“, всѣ нападенія котораго противъ Дрейфуса были заранѣе тщательно взвѣшены и апробованы генералами Мерсье и Рожэ.

Я не могу пройти молчаніемъ и штатскаго главы націоналистовъ, „новаго неподкупнаго Робеспьера“, какъ одурѣвшіе поклонники старчески-свирѣпаго паяца Рошфора величаютъ теперь пресловутаго Кавеньяка, благодаря которому нелѣпый документъ, сфабрикованный полковникомъ Анри, былъ расклеенъ годъ тому назадъ въ 36000 коммунахъ Франціи. Кавеньякъ ничего не говорилъ на тѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ мнѣ пришлось присутствовать; но я долго и пристально всматривался въ эту фигуру, которой будетъ принадлежать въ исторіи едва-ли не самое почетное мѣсто между палачами невиннаго человѣка. Нескладный, худощавый, съ впалою грудью субъектъ, на которомъ узкій черный сюртукъ отказывался сидѣть какъ слѣдуетъ, мѣстами черезчуръ обтягивая это согнувшееся туловище, мѣстами вися мѣшкомъ; блѣдное испитое лицо съ горящими глазами, которые странно и растерянно смотрѣли куда-то необыкновенно близко, словно внутрь головы,—я бы готовъ былъ прибавить: „преслѣдуя свою вѣчную внутреннюю грезу“, какъ Леконтъ-де-Лилль охарактеризовалъ въ знаменитомъ стихѣ выраженіе глазъ быка, еслибъ у Кавеньяка вмѣсто зоологическаго спокойствія взоръ не выдавалъ какой-то мучительной озабоченности. И, можетъ быть, нѣтъ ничего типичнѣе этого полусумасшедшаго, смотрящаго внутрь взгляда для честолюбиваго, ожесточеннаго противъ судьбы и людей маніака, который на виновности Дрейфуса вздумалъ построить самые грандіозные планы своей личной славы и общественной миссіи въ роли президента республики, добродѣтельнаго диктатора, спасителя Франціи и Богъ знаетъ еще кого...

Выплываютъ въ моей памяти и болѣе второстепенныя фигуры антисемитскаго и патріотическаго клана: Жюль Леметръ, еще не давно апостолъ изящнаго скептицизма, а нынѣ восторженный поклонникъ Дерулэда,—тщедушный человѣчекъ съ полинялой, кислой физіономіей не то педагога, не то чиновника, подобострастно и вмѣстѣ восторженно разговаривавшій съ важными военными и отъ времени до времени обводившій публику необыкновенно довольнымъ взглядомъ, словно призывая ее въ свидѣтели своего патріотическаго счастія: вотъ, молъ, съ какими, эполетами бесѣдую. Морисъ Барресъ, претенціозный молодой человѣкъ съ довольно правильными чертами лица и большимъ горбатымъ носомъ, который всего какихъ-нибудь десять лѣтъ онъ съ гордостью выдавалъ въ литературныхъ салонахъ за знакъ своего

семитическаго происхожденія (была и такая мода на экзотическихъ предковъ среди декадентовъ!), а нынѣ прогуливалъ въ шовинистскихъ кружкахъ съ видомъ Нарцисса, необычайно уважающаго себя за свой безукоризненный проборъ, элегантный пиджакъ и патріотическую белиберду, разводимую на столбцахъ клубнично-милитаристскихъ газетъ въ родѣ „L'Echo de Paris".

А вотъ по закону контраста возстаетъ въ моихъ столь свѣжихъ еще воспоминаніяхъ группа сторонниковъ Дрейфуса или, вѣрнѣе, хранителей истинныхъ республиканскихъ принциповъ и благородныхъ традицій Франціи,—всѣхъ этихъ ученыхъ, литераторовъ, политическихъ дѣятелей и даже—правда, немногочисленныхъ—военныхъ, которые жертвовали спокойствіемъ, положеніемъ, карьерою и, можно сказать, жизнію для защиты истины и справедливости. Я говорю здѣсь, конечно, лишь о тѣхъ лицахъ этой группы, которыхъ я видѣлъ на судѣ.

Высокій, статный, въ черномъ сюртукѣ, смѣнившемъ синій мундиръ зуава, подполковникъ Пикаръ, вызываемый нѣсколько разъ защитой для очной ставки съ лжесвидѣтелями, спокойно всходитъ на эстраду предъ судьями. И въ то вреия, какъ какой нибудь нахальный Рожэ или балаганный Делуа разыгрываетъ наканунѣ прорепетированную роль, онъ нѣсколько флегматически ждетъ своей очереди, чтобы двумя-тремя ясными и логичными фразами разорвать сѣть лжи и искаженій, которою главный штабъ старается опутать вырывающуюся на свѣтъ божій истину. Его противники, внѣ себя отъ ярости, не останавливаются передъ прямыми оскорбленіями неудобнаго свидѣтеля: „герой" убѣжденія, какъ удачно назвалъ его Прессансэ, по прежнему остается полонъ самообладанія и достоинства. Онъ раза два медленно покачиваетъ головой въ знакъ несогласія и, не измѣняя тона, не повышая голоса, снова принимается за распутываніе хитросплетеній. Снова течетъ его плавная, исполненная логики и внутренней силы рѣчь, и лишь изрѣдка онъ ускоряетъ ея темпъ, сопровождая ее умѣренными жестами руки. И снова кипятится какой-нибудь трагическій или комическій лжецъ, выбиваемый Пикаромъ изъ послѣднихъ укрѣпленій неправды. Предсѣдатель военнаго суда предупредительно избавляетъ лжесвидѣтеля отъ компрометирующаго состязанія и отсылаетъ подполковника на мѣсто въ то время, какъ его противникъ кончаетъ, можетъ быть, на новой дерзости, отъ которой вчужѣ загорается сердце и сжимаются кулаки. Я смотрю въ этотъ моментъ на Пикара, слегка опрокинувшагося на спинку свидѣтельскаго сидѣнья. Голова чуть-чуть склонилась на грудь; онъ оперся щекой на руку; на лицѣ играетъ легкій румянецъ отъ внутренняго волненія, отъ негодованія на ложь, отъ презрѣнія къ лжецу. Но онъ по прежнему внимательно вслушивается въ показанія и по прежнему время отъ времени медленно дѣлаетъ отрицатель-

ный жестъ головой; голубые задумчивые глаза освѣщаютъ его поблѣднѣвшее отъ годового сидѣнья въ тюрьмѣ лицо, и не то грусть, не то иронія свила себѣ гнѣздо въ углахъ рта...

А вотъ двѣ-три другія фигуры офицеровъ, вызванныхъ защитою: Гартманъ, рослый, смуглый, нѣсколько грубоватый, но съ необыкновенно энергичными чертами человѣкъ, жесткій профиль котораго и сильно развитыя скулы выдаютъ непреклонную волю, служащую убѣжденію, тогда какъ умные глаза и свободно льющееся слово свидѣтельствуютъ о недюжинной интеллектуальной силѣ. Я не могу забыть, какую убѣдительность онъ вкладываетъ въ свою строго-техническую, но ясную рѣчь, въ эту, можно сказать, образцовую лекцію о невиновности Дрейфуса, и какъ среди чисто спеціальныхъ подробностей онъ успѣваетъ однимъ ударомъ, одной фразой опрокинуть доводы возражателя. Такъ, когда генералъ Делуа, кривляясь и прыгая по обыкновенію, нѣсколько разъ повторялъ на разные лады своимъ голосомъ петрушки: „авторъ бордеро... авторъ бордеро... о, это былъ, конечно, важный баринъ, в-в-важный ба-а-а-ринъ (gros seigneur), гг. судьи“, Гартманъ пристально взглянулъ на гаерствовавшаго „эксперта“ и, ни секунды не задумываясь, бросилъ ему въ лицо спокойно презрительнымъ, но энергичнымъ тономъ: „что важный баринъ, не спорю, но только не по части артиллеріи“, и надо было видѣть, какъ былъ принятъ и друзьями, и врагами Дрейфуса этотъ, быстрый какъ молнія, „выпадъ“ въ отсутствовавшаго Эстергази!.. Подъ пристальнымъ взоромъ и побѣдоносной репликой Гартмана генералъ Делуа скорчился, сжался, подрыгалъ, съ выраженіемъ комичнаго безсилія на плутовскомъ лицѣ, ручками и ножками и какъ-то вдругъ, зигзагами и прыжками, скатился съ эстрады на свое мѣсто: такъ ежится и сморщивается въ тряпку еще за минуту гордо надутая каучуковая кукла, которую насквозь проколола острая игла...

Въ своемъ родѣ былъ хорошъ и Карвальо, красивый молодой брюнетъ, статная талія котораго, охваченная съ иголочки новымъ офицерскимъ мундиромъ, произвела, сказываютъ, такое впечатлѣніе даже на „патріотокъ“, что одна изъ нихъ, герцогиня Д., жеманясь и кокетничая своимъ—увы, уже изрядно поношеннымъ лицомъ, авторитетно произнесла: „очень, очень недуренъ! Какая жалость, что онъ дрейфусистъ... но онъ, впрочемъ, такъ еще молодъ и можетъ раскаяться и исправиться“—чѣмъ вызвала за спиной колючее замѣчаніе пріятельницы: „о, пусть въ такомъ случаѣ грѣшникъ поторопится покаяніемъ въ виду возраста исповѣдницы“... Карвальо—типъ хорошаго француза, веселаго, жизнерадостнаго, пламеннаго энтузіаста, вѣрящаго въ окончательное торжество свободы и справедливости на землѣ. На судѣ онъ задался цѣлью показать, между прочимъ, что пресловутое „руководство къ стрѣльбѣ“, которое, по мнѣнію враговъ Дрейфуса,

могъ имѣть въ рукахъ лишь офицеръ главнаго штаба, путешествовало на самомъ дѣлѣ по всей арміи, и путешествовало безъ всякихъ ограничительныхъ и конфиденціальныхъ мѣръ: И надо было слышать, съ какимъ остроуміемъ, съ какимъ ни на минуту не измѣнившимъ ему прекраснымъ расположеніемъ духа онъ изобличалъ на очной ставкѣ лжесвидѣтелей, утверждавшихъ противное; какъ иронически, по товарищески онъ приглашалъ ихъ припомнить тѣ или другія подробности, доказывавшія всю правду его показаній.

Но никто изъ слышанныхъ мною свидѣтелей не произвелъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ бывшій офицеръ генеральнаго штаба, а нынѣ инженеръ Де-Фонъ-Ламоттъ, брюнетъ, нѣсколько напоминавшій Карвальо, но выше его ростомъ, старше возрастомъ и вносившій въ свои показанія болѣе трагическую ноту негодованія и идейной страсти. Участвовавшій самъ въ обычной технической стряпнѣ генеральнаго штаба, досконально изучившій спеціальные вопросы маневровъ, мобилизаціи, функціонированія различныхъ отдѣленій штаба, онъ разрушилъ, растеръ въ порошокъ техническія стороны обвиненія. Въ сущности это былъ не свидѣтель, а великолѣпный адвокатъ: одаренный выдающеюся логикой, на службѣ у которой находится поистинѣ колоссальная и необыкновенно точная память, обладающій естественнымъ даромъ слова, онъ удачно вставлялъ отъ времени до времени въ свои чисто дѣловыя показанія аргументы, шедшіе прямо къ сердцу и чувству слушателей. Вся рѣчь Ламотта двигалась, какъ одно органическое цѣлое, словно великолѣпно предводимая рать, и каждая часть ея маневрировала въ безупречномъ порядкѣ, идя къ одной общей цѣли. И какъ боевая труба, какъ военный призывъ, гармонично и сильно въ концѣ каждаго логическаго періода звучала металлическая, страстно произносимая фраза: „итакъ, вотъ на чемъ основано мое убѣжденіе въ невинности Дрейфуса, вотъ почему послала меня сюда совѣсть моя, и вотъ для чего я здѣсь! (et c'est pour cela que je suis ici!)"...

А его поединокъ или, вѣрнѣе, рядъ поединковъ съ заклятыми врагами Дрейфуса!.. Можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ свидѣтелей защиты не боролся съ такимъ успѣхомъ противъ шайки милитаристовъ; ни одинъ не переходилъ такъ удачно изъ оборонительнаго положенія въ наступательное; ни одинъ не обнаруживалъ столько гордой независимости передъ чинами и эполетами. За каждымъ коварнымъ вопросомъ, предлагаемымъ ему лжесвидѣтельствующими генералами съ цѣлью сбить его съ толку, отвѣтъ Ламотта слѣдовалъ почти мгновенно, какъ мастерской фехтовальный отбой. И опять таки, какъ острая шпага въ рукахъ опытнаго фехтовальщика, сейчасъ же встрѣчный вопросъ впивался въ вопрошающаго. Одному Ламотту удалось заставить замолчать самого нахальнаго Рожэ. Когда этотъ генералъ сталъ

по обыкновенію управлять преніями вмѣсто предсѣдателя, засыпая лично вопросами свидѣтеля, Ламоттъ вдругъ выпрямился во весь ростъ, далеко вытянулъ впередъ руку и, энергично проведя ее нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону въ знакъ рѣшительнаго несогласія, отчеканилъ, упорно смотря въ глаза Рожэ; „о! эти пріемы здѣсь не у мѣста, и я ихъ не допущу! если свидѣтель желаетъ ставить мнѣ вопросы, то пусть онъ, какъ и я, обращается чрезъ предсѣдателя суда!“... Нужно было видѣть и жестъ и слышать тонъ, которымъ была произнесена эта звенящая, какъ сталь, фраза... Въ залѣ воцарилось гробовое молчаніе... Предсѣдатель и судьи ерзали на мѣстахъ и готовы были, кажется, провалиться сквозь землю... Ропотъ одобренія прошелъ даже въ рядахъ индифферентистовъ, тогда какъ „патріоты“ метали свирѣпые взоры и сжимали кулаки... Красивое лицо стараго дэнди смертельно поблѣднѣло подъ ударомъ этого словеснаго хлыста, и въ теченіе двухъ минутъ, исполненныхъ величаваго трагизма, генералъ Рожэ не могъ произнести ни звука, стараясь скрыть бѣшеный гнѣвъ противъ смѣльчака подъ маскою презрительнаго равнодушія: магическое дѣйствіе трехъ дугъ исчезло; гордо откинутая голова подалась впередъ, склоняясь слегка на грудь; руки нервно сжимали край свидѣтельскаго стола, и изящные пальцы, словно когти разъяреннаго звѣря, готовы были, кажется, вонзиться въ доску.

Но, оставляя въ сторонѣ другихъ замѣчательныхъ въ своемъ родѣ свидѣтелей по защитѣ, въ родѣ членовъ института, Сэбера и Гавэ, оставляя въ сторонѣ даже такого замѣчательнаго адвоката, какъ Деманжъ, я спѣшу перейти къ главной фигурѣ защиты, знаменитому Лабори, который, съ самаго процесса Золя, является bête noire милитаристовъ, „патріотовъ“ и клерикаловъ. Громаднаго роста, съ энергичнымъ, столь популярнымъ теперь профилемъ, — смѣло очерченнымъ носомъ, слегка откинутымъ лбомъ и русой довольно коротко подстриженной бородой, — Лабори представляетъ собою типъ мужественнаго, благороднаго и горячо убѣжденнаго человѣка, именно человѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова, а не только адвоката, не только профессіональнаго защитника. Самъ театральный средневѣковой костюмъ французскихъ адвокатовъ—широкая черная мантія и черная же, складками, шапочка — костюмъ, который представляется зачастую столь смѣшнымъ на узкихъ плечахъ иного тщедушнаго геморроидальнаго адвокатика, придаетъ еще болѣе величія и безъ того пышной фигурѣ Лабори. А прибавьте къ этому широкіе, порою положительно грандіозные жесты; блескъ гордыхъ и выразительныхъ сѣрыхъ глазъ въ минуты энтузіазма или волненія; мощный и гибкій голосъ, который то падаетъ до рокочущихъ звуковъ грудного баса, то поднимается въ моментъ негодованія до высокихъ, почти свистящихъ нотъ тенора; и, нако-

нецъ, рѣдкое сочетаніе въ одномъ человѣкѣ двухъ противоположныхъ качествъ: хладнокровія и тонкости анализа при выработкѣ плана и удивительной стремительности и пылкости при его выполненіи.

Я присутствовалъ при гомерической борьбѣ Лабори противъ генераловъ Мерсье, Рожэ, Буадеффра и Гонса и, не колеблясь, говорю: никогда еще въ жизни мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ болѣе напряженной трагедіи; никогда еще не сжималось такъ мучительно сердце отъ величія тѣхъ историческихъ минутъ, которыя были заполнены этой колоссальной борьбой новой Франціи противъ старой, свѣта противъ мрака, истины противъ лжи и свободы противъ насилія... Я смотрѣлъ на гиганта въ черной мантіи, который своими вопросами наносилъ одинъ за другимъ страшные удары коалиціи оффиціальныхъ лжецовъ. Пока то тотъ, то другой, а то и сразу нѣсколько свидѣтелей по обвиненію свирѣпо клеветали на Дрейфуса, его защитникъ, наклоняясь вполовину своимъ могучимъ корпусомъ надъ пюпитромъ, громадными буквами лихорадочно набрасывалъ на листѣ бумаги исполинскимъ синимъ карандашомъ планъ вопросовъ... И вотъ, когда словесная помойная труба на время переставала извергать на подсудимаго потоки грязи, Лабори поднимался во всемъ своемъ величіи и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, держа въ рукахъ испещренный гіероглифами листъ, который трепеталъ между его пальцами, словно отъ дуновенія яростнаго урагана, металъ вопросъ за вопросомъ въ сторону предсѣдателя, иронически почтительно прося его поставить ихъ то тому, то другому свидѣтелю „для разъясненія". Высочайшая иронія заключалась здѣсь въ томъ обстоятельствѣ, что предсѣдательствовавшему полковнику приходилось повторять своими дисциплинированными устами такіе жестокіе вопросы, которые были осужденіемъ не только преступныхъ дѣйствій нѣсколькихъ генераловъ, но и всей политики главнаго штаба, да и всего духа, царящаго среди высшихъ чиновъ французской арміи.

Когда генералъ Гонсъ, краснѣя и потѣя отъ непосильнаго умственнаго напряженія и нравственной пытки, принужденъ былъ признаться, что въ одномъ изъ отдѣленій генеральнаго штаба сослуживцы Пикара распечатывали всю его корреспонденцію, распечатывали въ тотъ самый моментъ, когда начальство внѣшнимъ образомъ выказывало знаки расположенія къ героическому подполковнику, то чувство негодованія на это предательство должно было охватить всякаго непредубѣжденнаго человѣка. А когда Лабори поставилъ убійственный вопросъ, насколько такое поведеніе совмѣстимо съ лойальностію и чувствомъ чести военныхъ людей, то, хотя предсѣдатель отказался поставить этотъ вопросъ, великолѣпная аттака адвоката произвела свое дѣйствіе. Союзъ военной камарильи, поклявшейся погубить окончательно

несчастную жертву военнаго суеа 1894 г. и покрыть первоначальное преступленіе, этотъ союзъ для всѣхъ обрисовался во всей своей возмутительной реальности. Можно смѣло сказать, что этотъ поединокъ Лабори противъ темныхъ силъ реакціи стоилъ цѣлыхъ мѣсяцевъ антимилитарной агитаціи... И я понялъ восклицаніе, которое тутъ же вырвалось по адресу Лабори изъ устъ Жореса, по обыкновенію исполненнаго идейнаго и эстетическаго энтузіазма передъ всякимъ мужественнымъ и благороднымъ поступкомъ: „левъ поднялся во всемъ своемъ грозномъ величіи“. Мнѣ, дѣйствительно, Лабори показался въ ту минуту мощнымъ и великодушнымъ львомъ, защищающимъ Дрейфуса страшнымъ ударомъ своихъ желѣзныхъ лапъ и челюстей противъ стаи всевозможныхъ хищниковъ: пантеры—Мерсье, кондора—Рожэ и массы второстепенныхъ звѣрей и звѣришекъ, всѣхъ этихъ волковъ, шакаловъ, псовъ и ядовитыхъ змѣй...

Пришедшая мнѣ на память фраза Жореса вызвала въ моемъ представленіи и всю фигуру этого знаменитаго оратора, которому принадлежитъ такая видная роль въ борьбѣ противъ милитаризма. Я уже описывалъ разъ его наружность, говоря объ ораторахъ третьей республики, и не буду подробно возвращаться къ его портрету. Но какъ не отмѣтить того впечатлѣнія силы и убѣжденія, которое исходитъ отъ этой невысокой, массивной мужиковатой фигуры, этой на первый разъ заурядной, бородатой физіономіи, съ добродушнымъ взглядомъ небольшихъ часто мигающихъ сѣрыхъ глазъ, толстымъ носомъ и мощной шеей? Жоресъ весь процессъ Дрейфуса пробылъ на судѣ, между зрителей правой стороны залы (тамъ, гдѣ собирались дрейфусисты, такъ какъ анти-дрейфусисты садились обыкновенно налѣво), и надо было видѣть, сколько жизни, энтузіазма къ добру и ненависти къ злу обнаруживала его великолѣпная натура, его богатая и разносторонняя индивидуальность.

Я хотѣлъ было сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня самимъ составомъ суда; но дисциплинированныя, обезличенныя пассивнымъ повиновеніемъ физіономіи судей уже почти стерлись въ моей памяти. Меня лишь поразила эта банальность военныхъ фигуръ въ противоположность съ исключительной отвѣтственностью, которая выпала на ихъ долю въ этомъ дѣлѣ. Какъ въ туманѣ мелькаютъ, среди до смѣшного грознаго аппарата военнаго суда,—всѣхъ этихъ касокъ, штыковъ и шпагъ, возгласовъ „на плечо-о-о!“ и „на к-к-раулъ!“, — курьезная голова прокурора, напоминавшаго больного индюка; страшные сѣдые усы предсѣдателя суда; небольшая черненькая озабоченная фигурка офицера, сидѣвшаго по правую руку предсѣдателя и робко, но добросовѣстно ставившаго свидѣтелямъ различные вопросы для

уясненія смутныхъ сторонъ показаній. То былъ, если не ошибаюсь, капитанъ Бовэ, одинъ изъ двухъ судей, подавшихъ голосъ за Дрейфуса... Остальныя лица, повторяю, совершенно стушевались въ моемъ воображеніи, оставивъ общее, скорѣе комичное впечатлѣніе блестящихъ пуговицъ, бѣлыхъ перчатокъ и расшитыхъ воротниковъ, изъ которыхъ торчали напоминавшія разные овощи головы,—головы, то острыя въ видѣ рѣдьки, то круглыя на манеръ рѣпы, то взъерошенныя и жесткія словно артишокъ...

Итакъ, дѣло Дрейфуса кончилось, или, если хотите точнѣе выразиться, не кончилось, ибо ему въ извѣстномъ смыслѣ не будетъ конца, но пришло къ важной узловой точкѣ. Освободившись отъ подавлявшихъ мое сознаніе конкретныхъ воспоминаній,—сценъ, фигуръ и трагическихъ положеній,—я попытаюсь подвести здѣсь общіе итоги дѣла. Я уже нѣсколько разъ касался его то съ той, то съ другой общественной или политической стороны, и мнѣ придется по необходимости повторяться. Постараюсь, по крайней мѣрѣ, возможно ясно сгруппировать заключенія, которыя вытекаютъ изъ этого занимающаго весь міръ процесса.

Мнѣ, конечно, нечего объяснять читателю, что всеобщій интересъ, возбужденный упомянутымъ дѣломъ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ сконцентрированы всѣ жгучіе вопросы современной цивилизаціи; и что на скамьѣ подсудимыхъ надо было бы сидѣть не злополучному Дрейфусу... И всѣ націи, все человѣчество, вмѣсто того, чтобы фификать презрительно на Францію, гдѣ, молъ, возможенъ такой Шемякинъ судъ, должны бы благодарить судьбу, что дѣло Дрейфуса разыгралось именно среди этого нервнаго, чуткаго и въ общемъ благороднаго народа. Никто, кромѣ французовъ, не умѣетъ такъ отвлечь какого-либо важнаго вопроса отъ мѣстныхъ специфическихъ особенностей и придать ему глубоко человѣческій характеръ; никто не въ состояніи обнаружить такую беззавѣтную идейную страстность при практической постановкѣ задачи. Въ самомъ негодованіи на Францію ея друзей и враговъ слышится признаніе ея великаго культурнаго значенія: мы, молъ, заняты прежде всего обдѣлываніемъ своихъ дѣлишекъ и мало заботимся объ общихъ интересахъ; но вы-то, вы, которые столько разъ потрясали весь міръ великими словами и великими дѣяніями, стоите на стражѣ общечеловѣческихъ интересовъ и защищаете отъ нападенія темныхъ силъ современную цивилизацію, которая столь многимъ до сихъ поръ была обязана вамъ и въ которой вы играете роль столь важнаго фактора...

И, взвѣшивая положительныя и отрицательныя явленія, обнаруженныя Франціей въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, я при-

хожу къ глубокому убѣжденію, что если здѣсь цѣлые слои населенія, цѣлые общественные органы и учрежденія опозорили себя постыднымъ поведеніемъ въ дѣлѣ Дрейфуса, то здѣсь же нашлись многочисленныя личности, которыя, можно смѣло сказать, довели человѣческій героизмъ и силу убѣжденія до поразительной высоты и до неподражаемаго духовнаго великолѣпія. Потому то мнѣ и хотѣлось бы остановить иныхъ строгихъ, но несправедливыхъ судей указаніемъ на общій характеръ человѣческаго прогресса: до сихъ поръ тяжелыя условія такъ могущественно давятъ на людей, что лишь сравнительно незначительная доля человѣчества является активной силой въ исторіи, и что „добродѣтель и героизмъ", какъ любилъ говаривать Луи-Бланъ, „должны оставаться пока въ меньшинствѣ". Французское же меньшинство, смѣю увѣрить придирчивыхъ критиковъ, положительно дѣлаетъ честь человѣческой природѣ. Но объ этомъ послѣ.

Если освободить дѣло Дрейфуса отъ излишнихъ подробностей и выразить его въ общей формулѣ, то оно сводится къ опредѣленію того, какимъ образомъ въ одной изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ міра и въ концѣ хваленаго XIX вѣка болѣзненный патріотизмъ, эксплуатируемый безконтрольной военщиной и направляемый антисемитами по демагогическому руслу, могъ погубить завѣдомо невиннаго человѣка, принадлежащаго притомъ къ вліятельному общественному классу, и погубить потому только, что несчастная жертва—еврей! Инымъ такая формулировка покажется ошибочной; но въ теченіе двухъ лѣтъ мнѣ много пришлось передумать по этому поводу, и я стою за такое освѣщеніе дѣла Дрейфуса.

Я сказалъ „болѣзненный патріотизмъ". Въ виду того, что никогда еще слово „патріотизмъ" не служило предметомъ столькихъ страстныхъ полемикъ и никогда еще имъ не пользовались съ такою безсовѣстностью для компрометтированія, если не прямой гибели своихъ политическихъ враговъ, я считаю нужнымъ остановиться здѣсь нѣсколько на историческомъ значеніи понятія, соотвѣтствующаго самому слову. Постараюсь возможно безпристрастно оцѣнить это значеніе, не закрывая глазъ на его историческую важность. Мнѣ нечего начинать съ яйца Лэды или туманныхъ космическихъ пятенъ, чтобы указать на зародыши того чувства, которое въ развитомъ состояніи является патріотизмомъ. Въ безсознательной формѣ это чувство, можно сказать, почти біологическій фактъ, и въ свирѣпыхъ столкновеніяхъ животныхъ разныхъ и даже одинаковыхъ породъ (напр., различныхъ видовъ муравьевъ) дозволительно усматривать первыя основанія патріотическихъ побужденій. Даже на высшихъ ступеняхъ психической жизни, т. е. среди человѣчества, это чувство долго носитъ свой безсознательный характеръ, характеръ природнаго факта, предъ которымъ безсиленъ всякій анализъ. Объекты

его, конечно, мѣняются, но суть его остается той же самой: патріотизмъ покоится на сживаньи съ обычной, — естественной и искусственной, — средой, на привычкѣ къ извѣстной природной обстановкѣ и къ извѣстной культурной атмосферѣ, въ которой плаваютъ всѣ члены даннаго общежитія. Оттого патріотизмъ могъ быть очень интенсивнымъ и въ то же время бродячимъ: самоотверженная любовь къ своему клану какого-нибудь охотника родоваго періода сопровождала и его во всѣхъ странствованіяхъ на обширной территоріи охоты и лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ прикрѣплялась къ извѣстной мѣстности, тамъ, напр., гдѣ культъ предковъ освѣщалъ религіознымъ почтеніемъ общую усыпальницу племени. Еще менѣе, можетъ быть, былъ связанъ съ извѣстной территоріей патріотизмъ номадовъ патріархальнаго періода, какого-нибудь кочующаго въ своей кибиткѣ скиѳа, описаннаго Геродотомъ, или свирѣпаго воина аттиловскихъ ордъ. Передвигаясь на необозримомъ пространствѣ плохо еще заселенныхъ степей, кочевникъ долженъ былъ по необходимости пріурочить свой очень интенсивный патріотизмъ къ членамъ своего племени, своей палаткѣ, своимъ стадамъ, тогда какъ однообразные ландшафты природной обстановки, какъ безконечная фантасмагорія, проходили въ глазахъ варвара, не вызывая въ немъ особеннаго предпочтенія къ той или другой мѣстности.

Сидячая жизнь вызвала и сидячій патріотизмъ, связанный съ опредѣленной территоріей, опредѣленнымъ климатомъ, опредѣленнымъ видомъ земли и неба; а когда долгое взаимодѣйствіе между человѣкомъ и данной природой произвело, такъ сказать, интимное проникновеніе обоихъ элементовъ другъ другомъ, то выросшая на этой почвѣ культура дала патріотизму уже болѣе идеальный объектъ поклоненія и любви въ видѣ общаго языка, привычекъ, политическихъ и соціальныхъ учрежденій и вообще исторіи. Если у однихъ изъ современныхъ націй патріотизмъ остался еще главнымъ образомъ на низшей, территоріальной, если можно такъ выразиться, ступени развитія, то у другихъ, наиболѣе подвижныхъ и предпріимчивыхъ, чувство любви къ родинѣ почти совсѣмъ оторвалось отъ географической пуповины и приняло болѣе отвлеченную форму любви къ своимъ соотечественникамъ, или, выражаясь точнѣе, къ опредѣленной культурной атмосферѣ. Всюду, и подъ холодное небо Канады, и подъ умѣренный климатъ Новой Зеландіи, и подъ палящее солнце Египетскаго Судана англичанинъ перенесъ свое традиціонное празднованье Рождества, и свой крикетъ, и свой пуддингъ изъ сливъ, и свое скучное воскресенье.

Но у лучшихъ людей всякой національности мы встрѣчаемся съ еще высшею формою патріотизма: на этой ступени любовь обращается не безразлично на все свое, потому только, что это свое, но сознательно избираетъ своимъ объектомъ лучшія, пре-

имущественно идейныя стороны родной цивилизаціи и расходуетъ свою теплоту, свой энтузіазмъ на восхищеніе передъ тѣми дѣйствіями соотечественниковъ, или тѣми учрежденіями родины, которыя являются цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для прогресса и развитія людей вообще, для счастія всего человѣчества. Въ этомъ направленіи движется современная исторія, и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ оцѣнивать различныя проявленія патріотизма, пока, наконецъ, гуманитарный періодъ, который превратитъ все человѣчество въ одну великую семью, не смѣнитъ патріотическаго періода съ его фатальною враждою народовъ. Значитъ дѣло идетъ не объ отрицаніи всякаго патріотизма въ данный періодъ, не о глумленіи надъ любовью къ отечеству, но о различеніи между тѣмъ здоровымъ патріотизмомъ, который служитъ подготовительной школой къ окончательной общечеловѣческой цивилизаціи, и тѣмъ уродливымъ патріотизмомъ, который черезчуръ долго и въ видѣ историческаго переживанія сохраняетъ, и по минованіи въ нихъ прямой надобности, свирѣпыя привычки международной ненависти.

Къ сожалѣнію, какъ ни пародоксально это покажется, а XIX-ый вѣкъ, рядомъ съ выработкою общечеловѣческихъ элементовъ, развилъ и обострилъ болѣзненныя стороны патріотизма; и этимъ-то противорѣчивымъ движеніемъ современной эволюціи и объясняется тотъ сумбуръ, та неурядица, тотъ, наконецъ, временный регрессъ, который такъ печалитъ истинныхъ друзей человѣчества. Возьмите въ самомъ дѣлѣ XVIII-ый вѣкъ и сравните его съ закатывающимся XIX-мъ: если вы остановитесь на сознательныхъ проявленіяхъ мысли двухъ вѣковъ, то вы не будете отрицать тотъ фактъ, что философія, литература, публицистика, общественное мнѣніе носили въ прошломъ столѣтіи гораздо болѣе общечеловѣческій, космополитическій характеръ, чѣмъ въ настоящемъ. Конечно, правительства, какъ и теперь, враждовали тогда между собою и въ одиночку, и союзными группами; какъ и теперь, народы сталкивались на поляхъ сраженія. Но отчего же въ знаменитой „литературной республикѣ“ національность писателя не принималась совершенно въ разсчетъ? Почему Вольтеръ былъ какъ у себя дома въ Берлинѣ, Парижѣ или Фернеѣ, и почему господствующее общественное мнѣніе принимало, какъ нѣчто должное, всѣ эти кочевки писателей и философовъ отъ одного двора къ другому, изъ одной столицы въ другую, весь этотъ взаимный обмѣнъ представителями тогдашней мысли между литературными и свѣтскими салонами всѣхъ маломальски цивилизованныхъ странъ? Образованное общество всей Европы составляло въ то время, можно сказать, одно обширное цѣлое, которое жило одними интересами и волновалось одними идеями: интеллигентный космополитъ любой страны воистину былъ гражданиномъ всего міра, стоявшимъ гораздо ближе къ

такимъ-же космополитамъ другихъ странъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ необразованнымъ, а въ большинствѣ государствъ и несвободнымъ соотечественникамъ, составлявшимъ непривилегированное трудящееся большинство той эпохи.

А посмотрите теперь: можно-ли найти зрѣлище, болѣе непохожее на картину Европы XVIII-го вѣка? Литераторамъ, философамъ, даже ученымъ чуть не приходится оправдываться передъ обществомъ въ томъ, что патріотическая мысль недостаточно проникаетъ ихъ произведенія, труды, трактаты. Обширныя группы среди такъ называемаго образованнаго общества требуютъ хоть дряннаго, да „своего", „отечественнаго" во всѣхъ сферахъ мысли и жизни. Еслибы кто-либо изъ видныхъ представителей интеллигенціи вздумалъ теперь вести себя, какъ Вольтеръ, то на такого „гражданина всего міра" посыпались бы жесточайшія анаѳемы и обвиненія въ „измѣнѣ отечеству", или, если хотите болѣе современной терминологіи, въ „принадлежности къ иностранному синдикату". Сами народы, едва-ли не болѣе правительствъ, увлекаются политикой взаимной травли; и даже внутри одного и того же государства различныя національности съ увлеченіемъ предаются расовой борьбѣ. И это печальное зрѣлище развертывается повсюду, и ни одна страна не свободна совершенно отъ такого культивированія звѣриныхъ инстинктовъ. Потому-то, когда строгіе судьи изъ англичанъ, нѣмцевъ или русскихъ жестоко обвиняютъ Францію за то, что въ ней возможны „патріоты", надсаживающіе себѣ горло надъ дикими воплями: „да здравствуетъ армія! долой жидовъ!", то я спрашиваю этихъ съ негодованіемъ кивающихъ на Петра критиковъ: а чѣмъ же лучше подобныхъ патріотовъ какіе нибудь лондонскіе джинго, шумно одобряющіе политику Чемберлэна; или нѣмецкіе бюргеры, купающіеся въ рѣкахъ пива въ день седанской годовщины?

Повторяю, проявленія этого нездороваго патріотизма не составляютъ принадлежности одной какой-нибудь страны, ибо всѣ національности грѣшатъ этимъ печальнымъ недугомъ. Но задача мыслящаго политическаго наблюдателя, который претендуетъ на пониманіе нѣсколько превосходящее кругозоръ Тряпичкина-очевидца, и заключается въ томъ, чтобы не впасть въ дешевый пессимизмъ, но въ самыхъ темныхъ сторонахъ современнаго патріотизма отыскать указаніе на здоровую эволюцію человѣчества. Шовинистская реакція представляетъ временное отступленіе назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вверхъ по спирали общественнаго прогресса, и я сейчасъ выясню эту точку зрѣнія. Несомнѣнно, космополитизмъ XVIII-го вѣка по своему характеру болѣе приближается къ идеалу грядущаго гуманитарнаго періода. Но за то, какую незначительную часть человѣчества онъ охватывалъ! Философская и политическая мысль работала лишь среди

избранной доли привилегированныхъ классовъ; массы были почти совершенно исключены изъ участія въ общественной дѣятельности: ихъ дѣло было работать, работать, не покладая рукъ, и доставлять возможность привилегированному меньшинству жить полною жизнію тогдашняго періода, и въ лицѣ „просвѣщенныхъ правителей", вольнодумствующихъ философовъ, и литераторовъ и ихъ знатныхъ меценатовъ, заниматься космополитизмомъ и прочими хорошими, но недоступными для народа вещами.

Присмотритесь хорошенько къ міровоззрѣнію представителей тогдашней мысли: кромѣ нѣкоторыхъ знаменитыхъ исключеній, въ родѣ Дидро и Руссо, ихъ идеалы совершеннаго общежитія были въ сущности разсчитаны на „образованныхъ", „свободныхъ отъ предразсудковъ" людей обезпеченнаго меньшинства: народъ былъ „канальей", передъ которой было даже опасно разсыпать перлы философскаго вольнодумства, какъ это наглядно выражалось въ обычномъ пріемѣ Вольтера, неизмѣнно высылавшаго прислугу изъ салона, когда теоретическіе споры его друзей въ области теологіи принимали слишкомъ радикальный характеръ. Въ сущности, если не корифеямъ, то большинству тогдашней привилегированной интеллигенціи политическое правило періода религіозныхъ войнъ (cujus regio, ejus religio) должно было казаться вполнѣ разумною вещью: развѣ могутъ быть какія-нибудь убѣжденія у „черни"? Ей некогда, молъ, да и не зачѣмъ заниматься такими превыспренностями. Это наше дѣло, наша задача, наша общественная миссія...

Патріотизмъ былъ, несомнѣнно, въ числѣ этихъ высокихъ матерій: народъ долженъ былъ, конечно, поставлять солдатъ и идти безпрекословно, куда укажутъ ему король и знать, но отъ него нечего было спрашивать сознательной любви къ отечеству; слѣпое повиновеніе лучше, де, обезпечивало интересы національной защиты.

Мы знаемъ, какъ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ великой революціи философія „вѣка просвѣщенія" окрашивалась все болѣе и болѣе въ демократическій цвѣтъ. Внутренняя логика человѣческой мысли и давленіе соціальныхъ и политическихъ условій придали прежнему узкому идеалу общежитія, разсчитанному на привилегированное или, во всякомъ случаѣ, обезпеченное меньшинство, общечеловѣческій характеръ, и общечеловѣческій не въ космополитическомъ только смыслѣ „просвѣщеннаго гражданина міра", который былъ своимъ среди родного ему по духу образованнаго общества всѣхъ націй, но въ смыслѣ распространенія этого идеала на всѣхъ гражданъ любой страны безъ различія ихъ общественнаго положенія. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи нѣтъ задачи болѣе привлекательной, какъ показать постепенное измѣненіе значенія слова „патріотъ" во французскомъ языкѣ (откуда его заимствовали, если не ошибаюсь, и всѣ

другіе языки), начиная съ XV-го вѣка, когда этотъ терминъ обозначалъ жителя извѣстнаго города, страны и т. п.; переходя къ смыслу „друга народа“, но друга важнаго барина (см. о Вобанѣ въ мемуарахъ Сэнъ-Симона), затѣмъ къ смыслу „любящаго свое отечество“ просвѣщеннаго гражданина (у Вольтера, и притомъ съ оттѣнкомъ легкаго порицанія и противоставленія „другу всѣхъ людей“); и заканчивая смысломъ всякаго безъ исключенія „сторонника свободы“, защищающаго новый политическій строй Франціи отъ нападенія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

И этому измѣненію въ значеніи словъ соотвѣтствовало измѣненіе въ вещахъ. Массы выступили на арену политической дѣятельности, и впервые патріотизмъ во Франціи сталъ дѣломъ всего народа, отстаивающаго родину не только, какъ извѣстную географическую территорію, но какъ идейное отечество, какъ страну свободы и справедливости. Эту новую форму патріотизма народъ противоставилъ отживающей формѣ патріотизма высшихъ классовъ, которые не задумались эмигрировать за границу и двинуться на Францію съ врагами отечества подъ королевскимъ знаменемъ, наглядно показывая такимъ образомъ, что для нихъ родина смѣшивалась съ абсолютною властью монарха и привилегіями феодальнаго режима. По мѣрѣ угасанія идейнаго энтузіазма, вспыхнувшаго яркимъ пламенемъ въ концѣ прошлаго вѣка, возвышенный характеръ патріотизма значительно потускнѣлъ и стушевался за хищническими стремленіями войнъ имперіи. Но во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ участіе массъ въ политической жизни стало въ большей или меньшей степени историческимъ фактомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и на этомъ-то болѣе широкомъ основаніи развился современный патріотизмъ съ его преходящею полезною ролью, но и съ его отрицательными сторонами.

Въ самомъ дѣлѣ, привилегированная интеллигенція дореволюціоннаго періода могла быть пропитана космополитизмомъ, благодаря общему характеру тогдашней культуры, которая во всѣхъ странахъ была приблизительно одинаковой и въ которой одинаково участвовали представители различныхъ національностей, говорившіе часто на нѣсколькихъ языкахъ или сходившіеся на общей почвѣ французскаго. Но представьте себѣ ясно жизнь массъ, которыя по необходимости болѣе тѣсно связаны съ извѣстной территоріей, плаваютъ въ извѣстной спеціальной культурѣ, обладаютъ и извѣстными традиціонными привычками, не знаютъ другого языка, кромѣ собственнаго, и почти лишены возможности сравнивать обычаи, идеи, учрежденія другихъ странъ. Прогрессъ человѣчества выигралъ въ широтѣ, распространившись болѣе или менѣе на всѣ слои населенія; но онъ временно потерялъ въ глубинѣ, опираясь на новыхъ носителей, не привыкшихъ еще къ работѣ мысли. Не забудьте, что даже представители интеллигенціи этого новаго періода должны были отдать предпочтеніе патріо-

тическому міровозрѣнію передъ космополитическимъ, потому что патріотизмъ нерѣдко выражалъ теперь желаніе пробуждавшагося къ политической жизни цѣлаго народа или цѣлой расы отстоять свою матеріальную и идейную независимость отъ политическаго гнета того или другого государства, въ составъ котораго капризъ судьбы включалъ очень разнородные этническіе и культурные элементы. Когда вспоминаешь, какъ дипломаты Священнаго союза расправлялись съ живыми организмами, кромсая ихъ на произвольныя части прихотливыми политическими границами, то начинаешь понимать, что въ извѣстномъ смыслѣ „принципъ національностей" былъ прогрессивнымъ началомъ, которое имѣло своихъ апостоловъ и своихъ мучениковъ...

Но тутъ-же начинались и отрицательныя стороны патріотизма, стороны, которыя объясняются какъ свойствами массъ, такъ и, а можетъ быть даже преимущественно,—поведеніемъ современнаго привилегированнаго меньшинства. Относительно характера самихъ массъ нѣтъ надобности распространяться черезчуръ долго: и въ области патріотизма съ массами случилось то же самое, что случается обыкновенно съ ними, когда онѣ впервые пріобщаются къ какому-нибудь культурному пріобрѣтенію, напр., когда онѣ начинаютъ принимать крупное участіе въ политической дѣятельности, хотя бы въ формѣ всеобщей подачи голосовъ и т. п. Пока онѣ не привыкнутъ къ надлежащему отправленію новой функціи, пока упражненіе не разовьетъ у нихъ умѣнья и постоянной охоты дѣйствовать въ новой области, онѣ дѣлаютъ очень много ошибокъ и легко поддаются обману разныхъ политическихъ авантюристовъ и проходимцевъ. Тамъ, гдѣ онѣ играютъ важную роль въ общественной жизни, ихъ патріотизмъ зачастую принимаетъ крикливыя и вызывающія формы по недоразумѣнію, по непривычкѣ къ чужой культурѣ, по слабости отвлеченной мысли, по импульсивности и непосредственности чувствъ...

И вотъ какъ разъ на этой-то почвѣ и проявляется пагубное вліяніе современнаго привилегированнаго меньшинства. Если въ первой половинѣ этого вѣка патріотическое міровоззрѣніе находило немало искреннихъ выразителей въ рядахъ этого меньшинства, то можно смѣло сказать, что вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ эта категорія патріотовъ становится все малочисленнѣе, а въ послѣдніе годы патріотизмъ привилегированной среды находитъ своими истолкователями почти исключительно спеціалистовъ по части „ловли угрей въ намученной водѣ" (безсмертное выраженіе, идущее еще отъ старика Аристофана)...

Такъ какъ Франція въ политическомъ смыслѣ представляетъ необыкновенно чуткій барометъ, то ея исторія за послѣдніе тридцать лѣтъ даетъ очень богатый матеріалъ для пониманія тѣхъ условій, которыя создаютъ шовинизмъ во всемъ мірѣ. Заплативъ свою дань увлеченію „принципомъ національностей",

который въ извѣстный моментъ (напр., во время итальянской кампаніи) одинаково признавался и правительствомъ Наполеона III, и крайними демократами—республиканцами, Франція потерпѣла пораженіе отъ конкрентнаго проявленія этого принципа въ видѣ объединившейся для войны съ нею Германіи. Когда рухнула имперія, и французской націи пришлось платить долгъ, выросшая изъ его развалинъ третья республика должна была съ самаго же начала взять высокую патріотическую ноту. Новое правительство поставило себѣ задачей убѣдить страну въ томъ, что республика съ лихвою возвратитъ Франціи потерянное имперіей: отсюда система пресловутаго „реванша", которая даже въ этотъ первый моментъ была столь же пріемомъ внутренней политики, сколько лозунгомъ внѣшней.

Нечего говорить, что по мѣрѣ того, какъ шли годы, и желанный берегъ „реванша" не только не приближался, но все болѣе и болѣе уходилъ въ голубую даль платоническихъ мечтаній, число искреннихъ сторонниковъ упомянутой системы все уменьшалось и уменьшалось; и возвращеніе Эльзаса-Лотарингіи превращалось въ избитую реторическую фигуру, въ одну изъ „условныхъ лжей". За то тѣмъ усерднѣе отравлялась свирѣпой пропагандой душа націи, въ особенности душа массъ, все болѣе и болѣе игравшихъ роль въ политической жизни страны, а потому все болѣе и болѣе служившихъ предметомъ заискиванія со стороны присяжныхъ политиковъ. Если биржевая буржуазія была крайне довольна небесною манною займовъ, посыпавшихся на нее для уплаты контрибуціи и издержекъ войны; если промышленная буржуазія потирала руки отъ удовольствія, когда франкфуртскій договоръ оторвалъ отъ Франціи наиболѣе дѣятельные центры хлопчатобумажной и т. п. индустріи и освободилъ такимъ образомъ отъ опасной конкурренціи оставшихся по сю сторону границы фабрикантовъ, то на словахъ и въ статьяхъ большинство представителей мѣщанства исповѣдовало самое свирѣпое нѣмцеѣдство и возбуждало въ умахъ неселенія ненависть вообще ко всѣмъ прочимъ народамъ.

Разумѣется, наиболѣе опытнымъ и умнымъ выразителямъ буржуазной мысли приходилось по необходимости разводить идейный ядъ шовинизма въ большомъ количествѣ миролюбивой фразеологіи: иначе дѣйствіе отравы на воспріимчивыя массы было бы черезчуръ сильно и могло бы повести къ опаснымъ шагамъ въ области внѣшней политики. И были истинные виртуозы по части этого ученаго дозированія нѣмцеѣдства и миролюбивыхъ заявленій, въ родѣ хотя бы покойнаго Ферри. Но рядовые мыслители и публицисты буржуазіи не останавливались надъ такими тонкостями и преподносили массамъ „патріотическій" напитокъ въ чистомъ видѣ. Результаты не заставили себя долго ждать, и путемъ политической агитаціи, путемъ дешевой печати, путемъ народной

школы, — въ которой старались замѣнить традиціонную религію католицизма новой „свѣтской религіей“, „культомъ отечества“,— шовинизмъ широко распространился среди націи. Четверть вѣка усилій, употребленныхъ для одной цѣли и въ одномъ направленіи, успѣли выростить цѣлое поколѣніе, не видавшее войны, не нюхавшее пороху, но тѣмъ съ большимъ азартомъ предающееся реторическому шовинизму. И въ этомъ отношеніи, рядомъ съ завѣдомо умышленной пропагандой реванша республиканцами-оппортунистами, которые старались въ видахъ политической конкурренціи не отстать въ воинственной фразѣ отъ монархическихъ партій,—въ этомъ отношеніи, говорю я, придется отмѣтить и печальную по результатамъ дѣятельность тѣхъ искреннихъ патріотовъ радикальнаго образа мыслей, которые, занимая промежуточное положеніе между буржуа и соціалистами, пользовались своимъ вліяніемъ на широкіе слои городского населенія и черезчуръ гипнотизировали ихъ приглашеніемъ „всегда смотрѣть на дыру въ Вогезахъ“.

Какъ бы то ни было, когда теперешніе наиболѣе искренніе республиканцы и умѣреннаго, и радикальнаго лагеря спохватились и плачутся на дикія выходки массъ, отравленныхъ чтеніемъ какого нибудь „Petit journal“, мнѣ такъ и хочется остановить ихъ и спросить: неужели же они не видятъ въ этомъ своей исторической вины? Неужели они не понимаютъ, что тотъ самый нелѣпый шовинизмъ, который проповѣдуется въ балаганѣ „Petit journal“ бездарной и нечистоплотной тупицей въ родѣ Жюдэ, что этотъ самый шовинизмъ есть родной сынъ ихъ патріотизма? Неужели имъ не приходитъ въ голову, что тенденціозная, чудовищная ложь, которая каждое утро мутнымъ и зловоннымъ потокомъ вливается со столбцевъ этой газеты четыремъ—пяти милліонамъ ея читателей, отравляя ихъ умъ и чувство, что эта ложь подготовлена фальшивымъ воспитаніемъ цѣлаго поколѣнія?

Нѣтъ сомнѣнія, что многіе буржуазные, но искренніе республиканцы мужественно противодѣйствуютъ теперь націоналистскому теченію. Но лишь часть ихъ начинаетъ понимать, что именно они въ интересахъ класса переполнили душу націи шовинистскими чувствами и они же подняли шлюзы этихъ свирѣпыхъ инстинктовъ своимъ постояннымъ доносомъ на „людей, не имѣющихъ отечества“? Есть не мало друзей покойнаго Гамбетты, историческая отвѣтственность которыхъ не подлежитъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшему сомнѣнію, и между настоящими защитниками Дрейфуса не трудно указать такихъ людей, которые косвенно участвовали въ ковкѣ той самой „цѣпи съ двойнымъ обхватомъ“, которою истязали несчастнаго капитана...

Какъ на другой элементъ, объясняющій дѣло Дрейфуса, я

указалъ не безконтрольное хозяйничанье и полнѣйшую свободу дѣйствій высшаго начальства арміи. Сколько разъ я уже говорилъ въ своихъ статьяхъ, что духъ изслѣдованія и критики, этотъ страшный и неподкупный бульдогъ, зубамъ и лаю котораго подлежатъ всѣ лица и учрежденія третьей республики, подобострастно ложится у ногъ идола милитаризма, и лижетъ его ботфорты, и зажмуриваетъ отъ удовольствія глаза, и рабски вертитъ хвостомъ. Отсюда взглядъ на казарму, какъ на святилище, и на офицеровъ, какъ на жрецовъ „священной миссіи" (mission sacrée—избитое мѣсто оффиціальныхъ рѣчей). Отсюда чисто формальное обсужденіе военнаго бюджета въ парламентѣ и вотировка его громаднымъ большинствомъ и съ готовностью достойною лучшей участи. Отсюда обязательная, порою возмутительная лесть, расточаемая гражданскими властями военнымъ. Отсюда неимовѣрное количество прозы и стиховъ, рѣчей, статей и патріотическихъ празднествъ, посвященныхъ восхваленію арміи. Словомъ, отсюда, наконецъ, то систематическое прославленіе милитаризма, которому соотвѣтствуетъ совершенно естественно выработавшійся, благодаря этому, среди военныхъ взглядъ на себя, какъ на высшую расу, какъ на воплощеніе „божественнаго права", не подлежащее ни критикѣ, ни даже обсужденію, какъ на представителей высшей, единственной заправской и серьезной власти въ государствѣ. Я, конечно, не думаю утверждать, что эта новая религія мундира и сабли выражаетъ вполнѣ точно интимные взгляды всей націи. Несомнѣнно, напр., что буржуазія въ значительной мѣрѣ неискренно кадитъ передъ военнымъ идоломъ, видя въ немъ главнымъ образомъ, какъ сорвалось нечаянно съ устъ Мелина, лишь „оплотъ противъ соціальной революціи". Но эти волны ѳиміама и эти пѣснопѣнія заинтересованнаго мѣщанства одурманили голову массамъ, я не говорю о передовыхъ элементахъ между рабочими, которыя, если далеко не желаютъ настоящей войны, войны съ внѣшними врагами отечества, то искренно культивируютъ балаганный, но менѣе опасный для нихъ „воинственный духъ" у себя дома, обращая его на „внутреннихъ враговъ отечества" и сопровождая крикъ „да здравствуетъ армія" непремѣннымъ крикомъ „долой измѣнниковъ"!

Какъ бы то ни было, благодаря такому настроенію націи, армія или, точнѣ сказать, военное начальство считаетъ себя непогрѣшимымъ и не позволяетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своихъ нравственныхъ и техническихъ превосходствъ. Для военныхъ властей всякій, кто осмѣливается обсуждать ихъ дѣйствія, есть врагъ Франціи, предатель отечества и заслуживаетъ жесточайшихъ каръ. Наоборотъ, „великая молчальница", „великая нѣмая", какъ патетически называется у французовъ, армія, нисколько не стѣсняясь, болтаетъ, что ей въ голову придетъ,

относительно свѣтскихъ властей и подвергаетъ жесточайшей и членораздѣльной и нечленораздѣльной критикѣ дѣйствія правительства, если она подозрѣваетъ только презрѣнныхъ „штафирокъ“ въ желаніи поддержать авторитетъ республиканскихъ учрежденій. Формальное приготовленіе къ государственному перевороту, какъ то было обнаружено по отношенію къ генералу Негріе; многочисленные приказы по арміи всѣхъ этихъ мятежныхъ генераловъ, полковниковъ, капитановъ и т. п., приказы, имѣющіе цѣлью осужденіе и осмѣяніе дѣйствій правительства; и вплоть до знаменитой манифестаціи жестами офицеровъ въ Монтелимарѣ, которые превратили въ отхожее мѣсто улицу противъ дома президента республики,—всѣ эти факты не есть что-либо единичное, но представляютъ собою логическое развитіе реакціоннаго духа, царящаго между высшими чинами французской арміи. Ибо не забудьте того, что реформаціоный пылъ, обнаруженный третьею республикою въ области военной организаціи послѣ погрома 1870—1871 г., очень мало коснулся военнаго командованія. Послѣ почти тридцатилѣтняго существованія республиканскихъ учрежденій, высшее офицерство состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ бездарностей, завѣщанныхъ второй имперіей и прославившихся сомнительными дѣяніями при Мецѣ и Седанѣ; низшее же, выросшее при республикѣ, едва-ли еще не болѣе стараго поколѣнія пропитано клерикальнымъ реакціоннымъ духомъ.

Подумайте же, какъ должна была вести себя эта армія страусовыхъ перьевъ и эполетъ въ дѣлѣ Дрейфуса, когда нашлись люди, притомъ не носящіе мундира съ ясными пуговицами, которые осмѣливались протестовать противъ военнаго суда и критиковать поведеніе начальства. Какъ! позволить себѣ обсуждать дѣйствія непогрѣшимаго до сихъ поръ авторитета, предъ которымъ падали ницъ самые свирѣпые демократы! какъ дерзнуть примѣнять къ домашнему дѣлу великой военной семьи обыкновенные законы логики и справедливости! „Наша справедливось не ваша!“ торжественно провозсласилъ одинъ изъ ближайшихъ участниковъ въ процессѣ Дрейфуса. Дѣйствительно, раньше этого дѣла трудно было представить себѣ, до какихъ чудовищныхъ нарушеній не только элементарнѣйшихъ требованій права, но самыхъ основныхъ принциповъ современной цивилизаціи могло дойти военное начальство, а въ особенности генеральный штабъ. Если нѣкоторые изъ представителей арміи защищали, какъ я уже сказалъ въ самомъ началѣ этой статьи, свое положеніе—ибо осужденіе невиннаго могло бы имъ очень дорого стоить, не будь въ Франціи двухъ „справедливостей“, гражданской и военной, — то большинство свирѣпыхъ враговъ Дрейфуса въ арміи дѣйствовало подъ вліяніемъ яростнаго гнѣва противъ капитана, бывшаго поводомъ къ антимилитаристской кампаніи, и противъ

его защитниковъ, осмѣливавшихся сомнѣваться въ оракулахъ непогрѣшимаго идола. Важно было въ самомъ началѣ и примѣрнымъ образомъ подавить духъ изслѣдованія и критики: этимъ объясняется въ значительной степени то ожесточеніе, та энергія отчаянія, которыя были обнаружены въ борьбѣ противъ справедливости и истины высшими чинами французской арміи и поддерживавшими ихъ органами націонализма и антисемитской демагогіи.

Но здѣсь будетъ какъ разъ у мѣста сказать нѣсколько словъ объ антисемитской агитаціи, которой принадлежитъ въ дѣлѣ Дрейфуса гораздо большая роль, чѣмъ то обыкновенно думаютъ. Мнѣ пришлось бесѣдовать съ читателями нѣсколько разъ и о французскомъ антисемитизмѣ. Потому, не повторяя подробно уже сказаннаго мною по этому вопросу, я слегка остановлюсь лишь на тѣхъ сторонахъ, которыя до извѣстной степени остались въ тѣни въ моихъ прежнихъ статьяхъ. Что антисемитизмъ не имѣетъ во Франціи прочной почвы въ экономическихъ отношеніяхъ, это не подлежитъ сомнѣнію: перебирая столкновеніе различныхъ классовъ съ еврейскимъ элементомъ, я показалъ, что антисемитское движеніе исходитъ главнымъ образомъ изъ рядовъ клерикальной интеллигенціи. И, къ слову сказать, даже въ Алжиріи, гдѣ дѣятельность евреевъ сравнительно замѣтнѣе, пресловутая еврейская эксплуатація далеко уступаетъ эксплуатаціи, практикуемой самыми подлинными католиками—„патріотами"; это было достаточно выяснено весенними преніями во французской палатѣ депутатовъ. Но въ томъ-то и бѣда, что вліяніе антисемитской агитаціи далеко превосходитъ размѣры, которые должно было бы имѣть это реакціонное движеніе, еслибъ оно коренилось въ чисто-матеріальныхъ отношеніяхъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось встрѣчать страстныхъ юдофобовъ, которые и сами, что называется, въ глаза не видали еврея въ теченіе своей жизни, да и не могли разсказать мнѣ путемъ про подвиги „эксплуататора—жида" изъ практики своихъ знакомыхъ. Ихъ ненависть къ еврею, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ идеальная, платоническая, безкорыстная. Откуда же берется сила антисемитизма? Изъ того обстоятельства, что во Франціи проповѣдь шовинизма крайне подготовила умы толпы къ враждебному отношенію ко всякимъ иностраннымъ, чуждымъ элементамъ. Поэтому достаточно было въ послѣдніе годы ослабѣть въ націи антиклерикальному духу, смѣнившемуся „новымъ духомъ", духомъ Мелина и прочихъ реакціонеровъ съ ярлыкомъ республиканцевъ, чтобы клерикальная демагогія могла съ успѣхомъ развить въ широкихъ размѣрахъ агитацію противъ „евреевъ-паразитовъ", „евреевъ, не имѣющихъ отечества" и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ, если еврей не имѣетъ въ жизни страны того вліянія, какое приписываютъ ему юдофобы, то тѣмъ не менѣе

крикъ „долой жидовъ“, благодаря самой нелѣпости и простотѣ своей, находитъ широкій откликъ среди отравленныхъ шовинизмомъ массъ: для человѣка, не привыкшаго критически мыслить, воображаемая опасность гораздо страшнѣе дѣйствительной; и тотъ самый ремесленникъ или мелкій торговецъ, который жесточайшимъ образомъ эксплуатируется капиталистомъ—католикомъ, отъ чистаго сердца будетъ посылать проклятія „жидовско-нѣмецкому синдикату“, старающемуся погубить Францію ради „измѣнника“ Дрейфуса. Прибавьте къ этому антисемитизму толпы и улицы тотъ антисемитизмъ, который, вопреки іезуитскимъ увѣреніямъ генераловъ Мерсье, Гонса и пр., процвѣтаетъ въ арміи, съ тѣхъ поръ какъ клерикалы успѣли провести своихъ креатуръ на всѣ мало-мальски важныя мѣста, и вы поймете, почему еврей долженъ былъ найти среди своихъ товарищей—офицеровъ самыхъ свирѣпыхъ клеветниковъ и палачей, а въ массахъ или равнодушіе, или прямую ненависть...

Не мѣшаетъ, говоря о французскомъ антисемитизмѣ, отмѣтить тотъ фактъ, что и между здѣшними соціалистами было немало такихъ, которые долго кокетничали съ демагогическимъ антисемитизмомъ Дрюмона.

Есть въ дѣлѣ Дрейфуса и свѣтлые итоги, о которыхъ я говорилъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій и къ которымъ я возвращаюсь снова, но подчеркивая тѣ пункты, которые могли вызвать недоразумѣніе. Выше мы видѣли, какую мрачную картину представляетъ настроеніе обширныхъ слоевъ французскаго населенія на порогѣ XX-го столѣтія, настроеніе, которое въ большей или меньшей степени раздѣляютъ съ Франціей и другія страны. За то Франція же, въ качествѣ чуткаго политическаго барометра, указывающаго на завтрашнюю погоду, дала міру очень отрадное и знаменательное явленіе, выражающееся въ выступленіи на арену общественной дѣятельности смѣлой и убѣжденной интеллигенціи. Я указывалъ читателю, какъ вдумчивые наблюдатели этого движенія (что не мѣшаетъ имъ и участвовать въ немъ), въ родѣ Полана, схватили основныя черты этой общественной группы въ опредѣленіи, которое почти буквально воспроизводитъ опредѣленіе интеллигенціи, данное Н. К. Михайловскимъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, при началѣ нашей общественной реакціи, когда яростный походъ мракобѣсцевъ во имя „народа“ противъ цивилизаціи поставилъ на очередь вопросъ о роли сознательнаго меньшинства въ исторіи. И тамъ и здѣсь, и въ Россіи и во Франціи, жить для интересовъ мысли и развитія было выставлено главнымъ признакомъ интеллигента, независимо отъ его общественнаго положенія. И Поланъ, напр., настойчиво развиваетъ ту идею, что если интеллигентнымъ человѣкомъ можетъ быть и рабочій, лишь бы онъ выполнялъ условіе „упраж-

ненія мысли, и мысли независимой“, то, наоборотъ, внѣ рядовъ интеллигенціи можетъ очутиться какой-нибудь украшенный всевозможными дипломами и знаками отличія „профессоръ санскрита“, если онъ только сдѣлалъ изъ своей умственной дѣятельности исключительно хлѣбное ремесло.

Сторонникамъ такъ называемаго экономическаго матеріализма такое опредѣленіе показалось большою ересью; они упрекали его главнымъ образомъ въ „субъективности“: интеллигентомъ, молъ, выходитъ въ такомъ случаѣ человѣкъ, который думаетъ но нашему. На такое возраженіе приходится твердо и опредѣленно отвѣтить: нѣтъ, признакомъ интеллигента является не то, что онъ думаетъ по нашему, а то, что онъ вообще думаетъ, что онъ желаетъ думать, что интересы мысли являются для него цѣлью жизни. Было бы непростительнымъ самохвальствомъ считать своихъ идейныхъ враговъ поголовно ослами или негодяями, и въ борьбѣ партій интеллигенція можетъ стать и становится, дѣйствительно, въ разныхъ лагеряхъ. Но никто не можетъ у меня отнять права называть и считать интеллигентомъ только того, кто въ этой борьбѣ защищаетъ интересы мысли и защищаетъ аргументами мысли же. А когда Жюль Леметръ въ своей теперешней агитаціи приглашаетъ читателей „опроститься“ и оглупѣть въ простотѣ непосредственнаго чувства; когда Морисъ Баррэсъ ставитъ принципомъ патріотическаго поведенія выть съ массами по волчьи, чтобы быть „въ общеніи съ народомъ“, потому только, что онѣ—массы и покрываютъ своимъ воемъ вашу членораздѣльную рѣчь,—то, воля ваша, но теперешнихъ Леметра, Баррэса и Коппэ можно назвать грамотными, можно назвать искусными техниками пера и, по выраженію одного изъ моихъ пріятелей, „культурными дикарями“, людьми традиціи и профессіональной привычки, но назвать интеллигентами, право, языкъ не поворачивается.

Не типично-ли, въ самомъ дѣлѣ, что ихъ съ такимъ трудомъ набранная съ бору по сосенкѣ „Лига французскаго отечества“ потеряла почти всѣхъ извѣстныхъ интеллигентовъ въ родѣ Ларрумэ, Сорэля и т. п., лишь только выяснила свою программу; и что, вздумавъ одно время противоставить „дрейфусистской“ интеллигенціи свою интеллигенцію, руководители лиги возмѣщаютъ теперь эту неудавшуюся попытку глумленіемъ надъ „интеллигентами“, что, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей...

И снова возвращаясь къ заключеніямъ одной изъ своихъ статей, я не могу не повторить уже высказанной мною мысли относительно того, что энергичное выступленіе французской интеллигенціи въ дѣлѣ Дрейфуса заставляетъ всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя внести поправку въ теорію классовой борьбы изъ-за матеріальныхъ интересовъ... Но тутъ я нѣсколько затрудняюсь, какъ формулировать эту теорію; ибо вотъ уже нѣ-

сколько лѣтъ я внимательно слѣжу за новыми комментаріями сторонниковъ этого ученія и нахожу, что это постепенное наслоеніе аргументовъ вокругъ прежняго когда-то столь опредѣленнаго ядра дѣлаетъ положеніе критиковъ упомянутаго ученія очень затруднительнымъ. Прежде, напр., старались во всякой группѣ общественныхъ явленій отыскать переодѣтую, замаскированную экономику; теперь эта почтенная дама соглашается лишь на роль главной хозяйки въ соціологіи. Прежде полагалось по катехизису смѣяться надъ „справедливостью", какъ надъ простымъ миражемъ, надъ блуждающимъ огонькомъ, поднимающимся изъ болота капиталистическаго строя и способнымъ обманывать и заводить въ сторону лишь „мелко-буржуазныхъ соціалистовъ" въ родѣ Прудона; теперь я съ удовольствіемъ прочелъ въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ очень крупныхъ марксистовъ (въ родѣ Бебеля) на вопросы, предложениыз „Petite Rèpublique" относительно тактики соціалистовъ въ дѣлѣ Дрейфуса,—прочелъ, говорю, разсужденія о „гуманитарной" сторонѣ защиты невиннаго.

Можетъ быть, наилучшею формулировкою будетъ употребленіе обычной аллегорической фигуры „фундамента" н „надстроекъ". Итакъ, если мнѣ будетъ позволено оставовиться на этомъ образномъ сравненіи, то я скажу, что роль интеллигенціи въ дѣлѣ Дрейфуса указала намъ на возрастающее значеніе борьбы изъ-за интересовъ идеальныхъ надстроекъ при относительномъ ослабленіи борьбы изъ-за интересовъ матеріальнаго фундамента. Здѣсь не мѣсто входить въ теоретическую критику самой теоріи марксизма. Но и не затрогивая въ данной статьѣ ея основаній, я считаю себя въ правѣ указать, что среди буржуазной интеллигенціи въ послѣднее время обнаружилось сильное идейное теченіе, которое увеличило число людей, жертвующихъ интересами во имя убѣжденія, а въ тоже самое время буржуазная интеллигенція въ цѣломъ гораздо вдумчивѣе и симпатичнѣе относится къ требованіямъ „четвертаго сословія" (припомните хотя роль Вальдека-Руссо въ стачкѣ Крёзо).

Н. К.

Политика.

Южно-Африканская драма.

I.

Въ 1486 году отважный португальскій мореплаватель Бартоломей Діасъ, слѣдуя на югъ вдоль атлантическаго побережья Африки, достигъ южной оконечности этого материка, обогнулъ эту оконечность и началъ плаваніе къ сѣверу вдоль восточнаго побережья Африки, но претерпѣнныя имъ бури заставили его отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія. Заведя торговлю съ чернокожими туземцами юго-восточнаго берега (нынѣ британское владѣніе Наталь), Діасъ повернулъ обратно, снова обогнулъ южную оконечность Африки и мысъ, которымъ она, по его мнѣнію, завершалась, назвалъ мысомъ бурь, въ виду штормовъ, имъ здѣсь встрѣченныхъ и едва не погубившихъ его два утлыхъ суденышка. Эти негостепріимныя, обрывистыя, со скудною растительностью, но обильные скалами и утесами берега нынѣшней Капландіи, не привлекли къ себѣ Діаса и его спутниковъ, и они не пытались даже здѣсь высаживаться и завязывать какія либо сношенія съ голыми готтентотами, считавшими эти столообразныя горы и глубокія долины своимъ отечествомъ. Въ 1487 году Бертоломей Діасъ благополучно достигъ Лиссабона и привезъ извѣстіе, что Африка обойдена. Это важное извѣстіе было по достоинству оцѣнено въ Португаліи, гдѣ, по повелѣнію короля, „мысъ бурь“ былъ переименованъ въ *Мысъ Доброй Надежды*, потому что подавалъ надежду достигнуть Индіи морскимъ путемъ, что и было совершено Васко-де-Гамой въ 1497 году. Однако, и Васко-де-Гама проплылъ мимо Капландіи, не останавливаясь, и основалъ португальскія факторіи сѣвернѣе на побережьи Индійскаго океана. Португальцы основали подобныя же факторіи и на побережьи Атлантическнго океана къ сѣверу отъ южной оконечности Африки, но самую эту оконечность оставляли не занятою, хотя и почитали ее почему-то своей. Голландцы, оккупировавъ эти территоріи, вывели ихъ изъ этого заблужденія.

Голландцы заняли южную оконечность Африки въ 1601 году, основавъ въ Столовой бухтѣ торговую факторію, вокругъ которой скоро возникла цвѣтущая колонія. Нападенія готтентотовъ побудили уже въ 1652 году отправить въ новую колонію гарнизонъ и основать крѣпость на мѣстѣ нынѣшней столицы края Капштадта. Страна оказалась, по своему климату, пригодною для европейцевъ и рядомъ съ торгово-промышленною колоніей

возникла земледѣльческая, все привлекавшая новыхъ и новыхъ переселенцевъ. Когда Голландіи одно время угрожало покореніе ея Людовикомъ XIV, серьезно обсуждался вопросъ о массовомъ выселеніи всего голландскаго народа въ Южную Африку. Хотя, отбившись отъ французовъ, голландцы и не осуществили этого плана всенароднаго выселенія въ Капландію, однако эта страна продолжала быть любимою колоніей голландцевъ, куда направлялась главная волна переселеній. Скоро готтентоты были ими покорены или оттѣснены къ сѣверу, и обширныя плодородныя территоріи заселились голландцами, которые нашли здѣсь второе отечество. Въ 1782 году, когда голландцы, вмѣстѣ съ французами, вмѣшались въ защиту возставшихъ англійскихъ сѣверо-американскихъ колоній и находились поэтому въ открытой войнѣ съ англичанами, послѣдніе снарядили экспедицію для завладѣнія Капландіей, но экспедиція эта потерпѣла полную неудачу. *Буры* Капландіи (буръ, boer, нѣм. bauer, по просту—крестьянинъ), испытанные въ постоянныхъ войнахъ съ туземцами, отбили нападеніе, такъ что разсчеты англійскаго правительства на слабость капскаго гарнизона на этотъ разъ не оправдались.

Однажды задумавъ овладѣть этою страною, столь удобною для европейской колонизаціи и лежащею на морскомъ пути въ Индію, и въ то же время уже британскую, англичане выжидали новаго случая для возобновленія нападенія. Этотъ случай скоро представился. Французская революціонная армія завоевала Голландію, гдѣ была учреждена демократическая республика Батавская. Находясь въ войнѣ съ Франціей, Англія этимъ воспользовалась, чтобы считать себя въ войнѣ и съ Голландіей, на колоніи которой немедленно и обрушилась. Въ это время Англія успѣла забрать немало важныхъ и цѣнныхъ голландскихъ колоній, Цейлонъ, Демерару, Новую Зеландію, въ томъ числѣ и Капландію, столица которой Капштадтъ была взята англичанами 16 сентября 1795 года. Хотя страна еще не была подчинена, но уничтоженіе единственнаго голландскаго гарнизона и занятіе столицы давали возможность считать завоеваніе удавшимся. Однако, подъ давленіемъ своихъ континентальныхъ союзниковъ, отчасти же и въ виду упомянутаго неполнаго покоренія страны, Англія по Аміенскому миру 1803 года возвратила Капъ голландцамъ, но тѣ не успѣли еще снабдить колонію гарнизонами и укрѣпленіями, какъ война возобновилась, и Голландія снова, поневолѣ, очутилась въ войнѣ съ Англіей, которая немедленно возобновила нападеніе на Капландію. Только въ 1806 году удалось англичанамъ завладѣть снова Капштадтомъ и берегами. Въ 1814 году это завоеваніе было санкціонировано Парижскимъ миромъ. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ Капъ составляетъ британское владѣніе.

Англичане получили Капъ совершенно готовою европейскою колоніей, гдѣ низшій классъ состоялъ изъ готтентотовъ, а сред-

нее состояніе (оно же и высшее, потому что дворянъ въ странѣ не было)—многочисленные голландскіе колонисты, земледѣльцы и торговцы, организованные въ свободныя городскія и сельскія общины, хорошо вооруженные и выработавшіе военную технику и воинственный темпераментъ въ постоянной борьбѣ съ туземцами, въ которой правительственныя голландскія войска, всегда малочисленныя въ колоніи, имъ мало помогали. Англичане, напротивъ того, мало довѣряя бурамъ, усилили регулярные гарнизоны и рѣшились привлечь на свою сторону туземцевъ, освободивъ ихъ отъ барщины, которой они раньше были обязаны, и, разсѣевая между ними свои религіозныя миссіи, возстановлявшія готтентотовъ противъ голландцевъ, которымъ было отказано и въ самоуправленіи. Англичане и другимъ путемъ стремились подавить голландскій элементъ, именно усиленною колонизаціей страны англичанами. Такъ какъ естественная волна англійскаго переселенія направлялась въ Соединенные Штаты и Канаду, позднѣе—и въ Австралію, то для насажденія британскаго элемента въ Капландіи приходилось прибѣгать къ усиленному субсидированію и къ дарованію переселенцамъ особыхъ льготъ и преимуществъ, что создавало привелигированное сословіе, вдобавокъ плохо вербуемое и далеко ниже по достоинству непривелигированныхъ буровъ. Уже въ 1820 году англичане дали колоніи четыре тысячи такихъ новыхъ гражданъ. Они пробовали сдѣлать Капъ и мѣстомъ ссылки... Все это, естественно, возбуждало неудовольствіе среди многочисленнаго голландскаго населенія колоніи. Къ этому прибавилось еще то обстоятельство, что, войдя въ военное столкновеніе съ могущественными въ то время Каффрами, англичане не располагали въ колоніи достаточными силами для затѣянной серьезной борьбы, которая при этихъ условіяхъ могла кончиться очень печально, именно для буровъ пограничной полосы. Не желаютъ-ли этого разоренія сами англичане, буры не могли съ достовѣрностью ни утверждать, ни отрицать. Положеніе было натянутое и тяжелое, и значительное число буровъ рѣшило въ 1836 году выселиться изъ британской Капландіи и основать собственную колонію.

Сильная въ то время Каффрарія, нынѣ уже завоеванная и умиротворенная, граничитъ съ Капландіей съ сѣверо-востока отъ берега Индійскаго океана до Драконовыхъ горъ (параллельныхъ этому берегу). Далѣе за Каффраріей къ сѣверо-востоку по тому же побережью Индійскаго океана, съ запада ограниченная тѣми же Драконовыми горами, лежала страна зулусовъ, тоже каффровъ, но не вошедшихъ въ царство Каффрарію и раздѣленныхъ на множество мелкихъ княжествъ. У Дигнана, одного изъ этихъ князьковъ, предводитель этого новаго Exodus'а, Петръ Ретофъ, купилъ на берегу удобнаго залива незаселенную, но плодородную территорію, куда и переселилось немедленно 5000 семействъ

капландскихъ буровъ. Дигнанъ, однако, скоро раскаялся въ продажѣ земли и, заманивъ къ себѣ Ретифа и 70 нотаблей новой колоніи, всѣхъ перебилъ, но буры не только не очистили купленной территоріи, но наказали вѣроломныхъ каффровъ, отнявъ новыя земли, тѣмъ болѣе нужныя, что эмигранты изъ Капландіи постоянно притекали въ большомъ числѣ. Они основали городъ Портъ-Наталь на берегу прекраснаго залива (нынѣ англійскій портъ Дурбанъ, или, по англійскому произношенію, Дёрбенъ), разбросали вокругъ цвѣтущія земледѣльческія поселенія и 11 ноября 1839 г. оповѣстили цивилизованныя государства о возникновеніи новаго независимаго государства, республики Наталь. Англичане, однако, не пожелали признать новой республики и, опираясь на то обстоятельство, что основатели новой колоніи—всѣ выходцы изъ британской колоніи, заявили притязаніе на Наталь. Въ 1842 году англичане явились съ эскадрою и дессантомъ въ портъ Наталь и завладѣли территоріей; часть буровъ, послѣ безрезультатныхъ протестовъ, покорилась новому порядку вещей, составляя и по сю пору самый значительный европейскій элементъ этой страны (южная половина нынѣшняго британскаго Наталя). Другая же часть буровъ Наталя снова взяла свой посохъ, снова запрягла своихъ буйволовъ въ возы и перешла Драконовы горы на внутреннее плоскогоріе Южной Африки, эти африканскія преріи, безконечною травяною степью разстилающіяся на тысячи верстъ, слабо обитаемыя бродячими племенами басутовъ и бечусановъ. Высокія, трудно доступныя Драконовы горы отдѣляли ихъ на востокѣ отъ Наталя; безводная и безплодная пустыня Калахари ограничивала съ запада; на югѣ воинственные каффры и трудно доступныя скудныя горы отрѣзывали отъ Капа; на сѣверѣ были дикари, номинально подчиненные португальцамъ. Эмигранты могли надѣяться, что они, наконецъ, укрылись отъ британскаго преслѣдованія. Они основали двѣ самостоятельныхъ республики: Оранжъ на югѣ, между верхнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки и долиною ея главнаго сѣвернаго притока Вааля, и Трансвааль, къ сѣверу отъ Вааля, на высокомъ плато, орошаемомъ частью Вааленъ и его притоками, большею частью системою Крокодиловой рѣки (или р. Лимпопо), своими устьями вступающей въ португальскія владѣнія и впадающей въ бухту Делагоа. Позднѣе Трансвааль принялъ названіе Южно-африканской республики, но и до сихъ поръ болѣе извѣстенъ подъ прежнимъ наименованіемъ.

Сначала англичане оставили въ покоѣ эмигрантовъ, имѣя на рукахъ кровопролитную и тяжелую борьбу съ каффрами, но когда въ 1848 году эта борьба кончилась пораженіемъ каффровъ и выгоднымъ миромъ, британскій губернаторъ Капа, опираясь все на туже теорію, что колоніи, основанныя выходцами изъ британскихъ колоній, суть тѣмъ самымъ британскія владѣнія, предъявилъ притязанія на земли, занятыя эмигрировавшими бурами, а когда

тѣ отклонили эти притязанія, настаивая на своей независимости, двинулъ войска и вторгнулся въ территорію Оранжевой республики. Войско буровъ было разбито въ открытомъ сраженіи 29 августа 1848 года при Боомъ Плаатѣ, и вся страна до Вааля занята англичанами, но буры не покорились и продолжали упорную партизанскую войну, пока въ 1852 году не была англичанами признана независимость Трансвааля, а въ 1854 году—независимость и Оранжа. Въ это же время и буры Капландіи готовы были взяться за оружіе, требуя отмѣны ссылки преступниковъ въ ихъ страну. Англичане уступили и отмѣнили ссылку. Эти уступки бурамъ Капа, Оранжа и Трансвааля объясняются главнымъ образомъ тѣмъ, что въ 1850 году вспыхнула новая опасная война съ каффрами, которая еще не была окончена, когда въ Европѣ начались осложненія, вскорѣ приведшія къ восточной войнѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Голландіи высказывалось сочувствіе дѣлу буровъ; союзные въ то время англичанамъ французы тоже посмотрѣли бы съ неудовольствіемъ на искорененіе голландскаго элемента въ Южной Африкѣ. По тѣмъ же причинамъ въ 1854 году Капландія получила самоуправленіе, въ 1856 году дарованное и Наталю. Такъ европейскія дѣла отразились и на дѣлахъ далекой европейской колоніи, именно въ этотъ періодъ посѣщенной Гончаровымъ, оставившимъ намъ художественное и не по одной художественности интересное описаніе этого посѣщенія страны, нынѣ, черезъ безъ малаго полстолѣтія, объятой такими глубокими и печальными потрясеніями. Быть можетъ, не будетъ лишнимъ здѣсь напомнить впечатлѣнія нашего художника, бѣглыя картины котораго такъ хорошо вводятъ насъ въ обиходъ природы и общественной жизни страны.

II.

„9-го марта, пишетъ въ своемъ дневникѣ Гончаровъ (9 марта 1853 года), мы думали было войти въ Falsebay, но ночью проскользнули мимо и очутились миль за 15 по ту сторону мыса. Исполнинскія скалы, почти совсѣмъ черныя отъ вѣтра, какъ зубцы громадной крѣпости, ограждаютъ южный берегъ Африки. Здѣсь вѣчная борьба титановъ—моря, вѣтровъ и горъ, вѣчный прибой, почти вѣчныя бури“. Таковы эти негостепріимные берега черныхъ утесовъ и вѣчно ревущихъ буруновъ, которые въ оно время не плѣнили Діаса, ни Васко де Гаму, но которыя возбуждаютъ нынѣ такую ожесточенную вражду между двумя цивилизованными народностями, нѣкогда вмѣстѣ немало потрудившимися на оборону европейской свободы. 10 марта „Паллада“ вошла въ Falsebay, бухту, на которой расположенъ портовой городокъ Саймонстоунъ и которая въ это время года лучше защищена отъ вѣтровъ, нежели нѣсколько болѣе восточная Столовая бухта, на

которой лежитъ Капштадтъ. „Скудная зелень едва смягчаетъ угрюмость пейзажа... Голо, уединенно, мрачно. Въ городѣ однакоже есть нѣсколько весьма порядочныхъ лавокъ; одну изъ нихъ, помѣщающуюся въ отдѣльномъ домикѣ, можно назвать даже богатою". Лавки—англійскія. Пропускаемъ дальнѣйшія впечатлѣнія природы, чтобы отмѣтить первыя впечатлѣнія культуры. Гончаровъ и его спутники остановились въ англійской гостиницѣ; по этому поводу онъ замѣчаетъ, что не трудно отличить англійскія гостиницы отъ голландскихъ съ перваго взгляда: „у англичанъ вездѣ виденъ комфортъ или претензія на него, у голландевъ—патріархальность, проявляющаяся въ старинной, почернѣвшей отъ времени, но чисто содержимой мебели, особенно въ деревянныхъ пузатенькихъ бюро и шкапахъ, съ дѣдовскимъ форфоромъ, серебромъ и пр. По состоянію однѣхъ этихъ гостиницъ безошибочно можете заключить, что голландцы падаютъ, а англичане возвышаются въ здѣшней сторонѣ. У первыхъ все смотритъ скучно, запущенно; у послѣднихъ—весело, ново и свѣжо". Англійская эскадра, качавшаяся на Саймонстоунскомъ рейдѣ и англійскій гарнизонъ въ фортахъ, защищающихъ бухту, не менѣе краснорѣчиво говорили о томъ же прогрессивно растущемъ преобладаніи англичанъ. Посѣщеніе Капштадта, или, если хотите, уже Каптоуна, только усугубило эти первыя впечатлѣнія нашего наблюдательнаго путешественника.

Описаніе Капштадта, небрежно набросанное рукою нашего художника, конечно, уже не соотвѣтствуетъ современной намъ дѣйствительности, хотя и теперь читается съ интересомъ. Мы однако не послѣдуемъ за Гончаровымъ въ этомъ довольно пространномъ описаніи. Мы отмѣтимъ только двѣ-три черты о взаимномъ отношеніи двухъ расъ, населяющихъ страну и нынѣ въ кровавой борьбѣ оспаривающихъ другъ у друга значеніе въ Южной Африкѣ. Гончаровъ и его спутники и въ Капштадтѣ остановились въ англійской гостиницѣ: люди ищутъ комфорта, особенно, когда за него могутъ заплатить. Наши путешественники не могли пожаловаться на своихъ англійскихъ хозяевъ и ихъ отель." Городъ намъ открылся весь оттуда, отмѣчаетъ Гончаровъ во время одной изъ своихъ прогулокъ, городъ, чисто англійскій, за немногими исключеніями: высокіе двухъ-этажные дома съ магазинами внизу улицы; улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Кругомъ далеко видны загородные дома и прячущіяся въ зелени фермы". И нѣсколько далѣе: „Я пристально всматривался въ физіономію города: таже Англія, тѣже узенькіе высокіе англійскіе дома, крытые аспидомъ и черепицей, въ два рѣдкіе въ три этажа. Внизу магазины. Только одно исключеніе допущено въ пользу климата: это большія во всю ширину дома веранды или балконы, гдѣ жители отдыхаютъ по вечерамъ, наслаждаясь прохладой. Есть нѣсколько домовъ голландской пост-

ройки, съ однимъ и тѣмъ же некрасивымъ тяжелымъ фронтономъ и маленькими окошками, съ тонкимъ переплетомъ въ рамахъ и очень мелкими стеклами. Но остатки голландскаго владычества рѣдки. Я почти не видалъ голландцевъ въ Капштадтѣ, но языкъ голландскій еще въ большомъ ходу. Особенно на немъ говорятъ всѣ старики, слуги и служанки... На всякомъ шагу бросаются въ глаза богатые магазины суконъ, полотенъ, матерій, часовъ, шляпъ; много портныхъ и ювелировъ, словомъ—это уголокъ Англіи. Здѣсь, какъ въ Лондонѣ и Петербургѣ, дома стоятъ такъ близко, что не разберешь, одинъ это или два дома; но городъ очень чистъ, смотритъ такъ бодро, весело, живо и промышленно. Особенно любовался я пестрымъ народонаселеніемъ. Англичанинъ—баринъ здѣсь, кто бы онъ ни былъ, всегда изысканно одѣтъ, холодно, съ пренебреженіемъ отдаетъ онъ приказанія черному. Англичанинъ сидитъ въ обширной своей конторѣ, или магазинѣ, или на биржѣ, хлопочетъ на пристани; онъ строитель, инженеръ, плантаторъ, чиновникъ, онъ распоряжается, управляетъ, работаетъ, онъ же ѣдетъ въ каретѣ, верхомъ, наслаждается прохладой на балконѣ своей виллы, прячась подъ тѣнь виноградника". Гончаровъ посѣтилъ Капъ приблизительно лѣтъ черезъ сорокъ слишкомъ послѣ захвата его англичанами и, если бы его впечатлѣнія ограничились Саймонстоуномъ и Каптоуномъ, то можно было бы заключить, по его описанію, что уже тогда, около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, англійская раса окончательно восторжествовала надъ голландской. Приходилось бы удивляться возрожденію послѣдней въ наше время. Гончаровъ, однако, съѣздилъ и внутрь страны и оставилъ намъ снова бѣглыя, но снова исполненныя наблюдательности замѣтки о томъ взаимномъ состояніи расъ, которое тогда существовало и которое было предисловіемъ къ современнымъ событіямъ.

Первая остановка изъ Капштадта для покормки лошадей была уже въ голландской гостиницѣ (поневолѣ, англійскихъ нѣтъ). „Мы занялись разсматриваніемъ комнаты, пишетъ Гончаровъ, предпочитавшій англійскія гостиницы; въ ней неизбѣжные—рѣзной шкафъ съ посудой, другой — съ чучелами птицъ; вмѣсто ковра, шкуры пантеръ, потомъ—старинные массивные столы, массивные стулья. Все смотрѣло такъ мрачно; позолоченныя рамы на зеркалахъ почернѣли, вездѣ копоть. На картинахъ охота: слонъ давитъ ногой тигра, собаки преслѣдуютъ барса. Темная закоптѣлая комната, убранная по голландски, смотритъ, однако же, на путешественника радушно, какъ небритый и немытый человѣкъ смотритъ исподлобья, но ласковымъ взглядомъ. Такъ, и въ этой, и ей подобныхъ комнатахъ, все привѣтливо и пріятно. Тутъ и чашки на виду, пахнетъ корицей, кофе и другими пряностями—словомъ, хозяйствомъ; каминъ долженъ быть очень тепелъ, не похоже на трактиръ, а скорѣе на укромный домикъ

какой нибудь тетки, которую вы рѣшились посѣтить въ глуши. Правда, кресло жестковато, да не скоро его и сдвинешь съ мѣста; лакъ и позолота почти совсѣмъ сошли; вмѣсто занавѣсокъ, висятъ лохмотья и самъ хозяинъ смотритъ такъ жалко, бѣдно, но эта честная и притомъ гостепріимная бѣдность, которая васъ всегда накормитъ, хотя и жесткой ветчиной, еще болѣе жесткой солониной, но она отдастъ послѣднее. Глядя на то, какъ патріархально подаютъ тамъ обѣдъ и завтракъ, не вѣрится, чтобы за это взяли деньги: и берутъ ихъ, будто нехотя, по необходимости". Правда, нашъ любитель англійскаго комфорта допустилъ нѣкоторыя существенныя противорѣчія въ свое изложеніе: съ одной стороны, образцовая чистота (у голландцевъ, еще бы!), а съ другой „вездѣ копоть"; съ одной стороны, въ комнатахъ „все смотрѣло такъ мрачно", а съ другой стороны, „въ этой (т. е. той же самой), и подобныхъ ей комнатахъ, все привѣтливо и пріятно"... Очевидно, „вездѣ копоть" и „все смотритъ мрачно" приходится отнести на счетъ англоманіи барина, попавшаго изъ комфортабельнаго купеческаго отеля на постоялый дворъ зажиточнаго крестьянина. Мужикъ для барина всегда мужикъ, существо, отъ котораго всегда хочется посторониться, будь это даже самъ чистоплотный голландецъ.

Переворачиваемъ съ полдюжины страницъ, занятыхъ описаніемъ страны, природы и пути, и спѣшимъ за Гончаровымъ въ первое поселеніе по его пути изъ Капштадта. „Часовъ въ десять утра, сообщаетъ онъ намъ, мы пріхали въ мѣстечко Соммерсетъ, длиннымъ рядомъ построившееся у самой дороги, у подошвы горы. Все было зелено здѣсь; одноэтажные, каменные, голландскіе домики съ черепичными кровлями, едва были видны изъ за дубовъ и сосенъ; около каждаго былъ палисадникъ, съ олеандровыми и розовыми кустами, съ толпой георгинъ и другихъ цвѣтовъ". Однако, Гончаровъ почему-то не восклицаетъ „словомъ, уголокъ Голландіи", какъ восклицалъ „уголокъ Англіи" по поводу Саймонстоуна и Каптоуна... Ѣдемъ, однако, дальше: „Къ обѣду мы подъѣхали къ прекрасной рѣчкѣ, обстановленной такими пейзажами, что даже самъ приличный и спокойный Вандикъ (проводникъ) съ улыбкой указалъ намъ на одинъ живописный, осѣненный деревьями—„Very nice place!" (прекрасное мѣсто) замѣтилъ онъ. Мы перерѣзали рѣчку черезъ длинный каменный мостъ съ одной аркой, еще не совсѣмъ оконченный. „Кто строилъ этотъ мостъ?" спросилъ я. „Стелленбошскій каретникъ", отвѣчалъ онъ. „Какъ такъ: гдѣ же онъ учился?" „А нигдѣ; онъ даже никуда не выѣзжалъ отсюда". Прямо съ моста мы въѣхали какъ будто въ садъ. Насъ съ экипажами совсѣмъ поглотила зелень, тѣнь и свѣжесть. Все сады, сады, такъ что домовъ не видно: это мѣстечко *Стелленбошъ*. Широкія, преширокія улицы пересѣкались подъ прямыми углами. Красивѣе и

больше дубовъ я нигдѣ не видалъ: подъ ними прятались низенькіе одноэтажные дома голландской постройки. Улицы такъ длинны, что конца нѣтъ, версты двѣ и болѣе. Мы долго мчались по этимъ аллеямъ и, наконецъ, въ самой длинной и, повидимому, главной улицѣ остановились передъ крыльцомъ... Мы вошли въ пустыя, прохладныя комнаты, убранныя просто, почти бѣдно. Мы отворили дверь изъ залы и остановились передъ оригинальной картиной фламандской школы. Комната была высокая, съ деревяннымъ поломъ, заставлена ветхими, деревянными, совершенно почернѣвшими отъ времени шкапами и разной домашней утварью. У стѣны стоялъ диванъ, отчасти съ провалившимся сидѣніемъ; передъ нимъ грубый столъ, покрытый грубой скатертью; кругомъ стѣнъ простыя скамьи и табуреты. На одной скамьѣ сидѣла очень старая старуха, въ голландскомъ чепцѣ, безъ оборки, и мокала сальныя свѣчки; другая пожилая женщина сидѣла за прялкой; третья, молодая дѣвушка, съ буклями, совершенно бѣлокурая и совершенно бѣлая, цвѣта топленаго молока, съ бѣлыми бровями и свѣтло голубыми, съ бѣлизной, глазами, суетилась по хозяйству. Служанкой была плотная и высокая мулатка. Сросшіяся брови и маленькій лобъ не мѣшали ей кокетливо играть своими черными, какъ деготь, глазами. Всѣ встали съ мѣстъ. Хозяйки привѣтливой улыбкой отвѣчали на наши поклоны и принялясь суетиться, убирать свѣчи, прялку, утварь, очищая намъ мѣсто сѣсть... Поднялась возня: мы поставили вверхъ дномъ это мирное хозяйство. Дверцы шкаповъ пошли хлопать, миски, тарелки звенѣть; на кухнѣ затрещалъ огонь; женщины забѣгали взадъ и впередъ. Я вышелъ на дворъ, на широкое крыльцо, густо осѣненное, какъ вездѣ здѣсь, виноградными лозами. Кисти крупнаго, желтаго винограда соблазнительно висѣли по трельяжу. Негръ съ лѣсенкой переходилъ отъ одной кисти къ другой и рѣзалъ лучшія намъ къ обѣду... Маленькій дворъ былъ дополненіемъ этого хозяйства... Хозяйство было небольшое, но полное у этой африканской Коробочки (?). Свиньи и домашнія птицы ходили по двору, а рядомъ зеленѣлъ садъ. Яркая зелень банана рѣзко оттѣнялась на фонѣ темнозеленыхъ фиговыхъ и грушевыхъ деревьевъ. Изъ за забора глядѣли красные цвѣты шиповника. Мы съ Б. пошли гулять на улицу. Вездѣ зелено; все сады да аллеи... Мы застали уже накрытый столъ, и хозяйки, стоя вокругъ, приглашали насъ сѣсть: мы не заставили долго просить себя. Онѣ ласково смотрѣли на насъ и походили, въ своихъ стариннаго покроя платьяхъ, съ блѣдными лицами и грустными взглядами, на полинявшіе портреты добрыхъ предковъ. Чего только не было наставлено на столѣ: это лавочка съѣстныхъ припасовъ. Миски и тарелки разнокалиберныя; у графиновъ— разныя пробки, а у судковъ и вовсе нѣтъ; перечница съ отбитой головкой — бѣдность и радушіе. Какъ много Б. съѣлъ мяса и

живности, З.—фруктовъ, я—всего, и говорить нечего...“ Барину не совсѣмъ по вкусу даже богатство мужицкое, но что же дѣлать приходится терпѣть, покуда англійскій купецъ еще не завелъ здѣсь своихъ отелей.

„Стелленбошъ славится въ колоніи своей зеленью, фруктами и здоровымъ климатомъ. Отъ этого сюда стекаются инвалиды и иностранцы, нанимаютъ дома и наслаждаются тѣнью и прогулками. Въ недѣлю два раза ходятъ сюда изъ Капштадта омнибусы; ѣзды всего по прямой дорогѣ часовъ пять... Мѣстечко замѣчательно еще школой, одной изъ лучшихъ въ колоніи. Оттуда вышло нѣсколько хорошихъ учителей для другихъ мѣстъ. Преподаютъ все, что входитъ въ кругъ классическаго образованія. Кто знаетъ, какой дубъ учености выростетъ со временемъ въ этой старинной, но еще молодой и формирующейся колоніи!.. „Молодая колонія“ я сказалъ; да, потому что лѣтъ какихъ-нибудь тридцать назадъ, здѣсь ни о дорогахъ, ни о страховыхъ компаніяхъ, ни объ улучшеніи быта черныхъ не думали. И нынче еще, упорный въ ненависти къ англичанамъ, голландскій фермеръ, опустивъ поля шляпы на глаза, въ сѣрой курткѣ, трясется верстъ сорокъ на клячѣ верхомъ вмѣсто того, чтобы сѣсть въ омнибусъ, который за три шиллинга, часа въ четыре, привезетъ его на мѣсто (извѣстно, мужикъ,—одно слово, не понимаетъ благодѣяній и не благодаренъ благодѣтелямъ своимъ!). А фермеры эти не бѣдны: у нѣкоторыхъ хозяевъ отъ семи до восьми тысячъ руб. сер. годового дохода“. Дальше тоже самое: всѣ поселенія, городки, деревни, фермы—голландскія; гостиницы, къ огорченію нашего художника, тоже. Впрочемъ, ему удалось найти одну англійскую гостиницу. Конечно, онъ поспѣшилъ въ ней остановиться. Для сравненія, прочтемъ и этотъ эпизодъ.

Это было въ мѣстечкѣ Паарль, тоже голландскомъ, но съ англійской гостиницей: „Не успѣли мы расположиться въ гостиной, какъ вдругъ явились двѣ и даже двѣ съ половиной дѣвицы; прежняя, потомъ сестра ея, такая же зрѣлая дѣва, и еще сестра, лѣтъ двѣнадцати. Ситцевое платье исчезло; вмѣсто его появились кисейные спенсеры, съ прозрачными рукавами, легкія, изъ муслинъ-де-лень, юбки. Сверхъ того, у старшей была синева около глазъ, а у второй на носу и на лбу по прыщику; у обѣихъ видъ невинности на лицѣ“... и т. д.

Послѣ Паарля Гончаровъ посѣтилъ городокъ Веллингтонъ: „оба эти мѣста, замѣчаетъ онъ, населены голландцами“... Впрочемъ, кромѣ вышеупомянутой гостиницы съ тремя дѣвицами, Гончаровъ нашелъ еще три англійскія тюрьмы; остальное было все голландское, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и крестьянское... Англійскій купецъ прогналъ голландскаго купца изъ Капштадта и отнялъ у него морскую торговлю, превративъ Капштадтъ въ Каптоунъ и сдѣлавъ его „уголкомъ Англіи“, но страна, platte Land, оставалась сплошь голландскою и голландскій кре-

стьянинъ, по голландски буръ, „упорный въ ненависти къ англичанамъ, опустивъ поля шляпы на глаза, въ сѣрой курткѣ“, съ холодною настойчивостью своей расы удерживалъ свою позицію передъ нашествіемъ купеческой цивилизаціи. Расовая вражда здѣсь осложнилась борьбою соціальной; городъ наступалъ на деревню; купецъ оспаривалъ господство у земледѣльца; товаръ и капиталъ шли на смѣну натуральному хозяйству и не разобщенныхъ еще факторовъ производства... Бѣглыя картины нашего художника рисуютъ намъ этотъ процессъ, какъ онъ уже успѣлъ проявиться около полувѣка тому назадъ. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ, что мы ихъ возобновили въ его памяти.

III.

Мы оставили исторію Южной Африки въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, чтобы картиною страны и культуры, набросанною мастерскою кистью нашего знаменитаго художника, глубже ввести читателя въ сущность суровой и тягостной борьбы, уже тогда раздѣлявшей двѣ культурныя расы. Начало пятидесятыхъ годовъ было, впрочемъ, нѣкоторою передышкою въ этой вѣковой борьбѣ (начавшейся въ 1782 году, какъ мы выше видѣли). Война съ каффрами заставляла англичанъ искать добрыхъ отношеній съ бурами. Независимость Трансвааля была тогда только что признана, а Капу только что дарована конституція и автономія. То и другое вызываетъ самыя радужныя надежды у Гончарова. Любопытно теперь оглянуться на эти предвидѣнія нашего художника.

„Говоря о голландцахъ, остается упомянуть (замѣчаетъ Гончаровъ) объ отдѣльной независимой колоніи, такъ называемыхъ, *буровъ*, т. е. тѣхъ же фермеровъ, которую они основали въ 1835 году, выселившись огромной толпой за черту границы. Вотъ какъ это случилось“. Излагаются извѣстные намъ факты, но Гончаровъ не знаетъ ни о первоначальной колонизаціи бурами Наталя, силою отнятаго у нихъ англичанами, ни о многолѣтней войнѣ, закончившейся для Трансвааля лишь въ 1852 году, а для Оранжа еще въ то время не закончившейся. Гончаровъ знаетъ только о признаніи англичанами трансваальской независимости: „Англійское правительство, пишетъ нашъ авторъ, съумѣло оцѣнить и уважить права этого тихаго и счастливаго уголка и заключило съ нимъ въ январѣ 1852 года договоръ, въ которомъ, съ утвержденіемъ за бурами этихъ правъ и независимости, предложены условія взаимныхъ ихъ отношеній съ англичанами и такъ же образа поведенія относительно цвѣтныхъ племенъ, обезпеченія торговли, выдачи преступниковъ и т. п., какъ заключа-

ются обыкновенно договоры между сосѣдями". О самихъ бурахъ трансвальскихъ Гончаровъ сообщаетъ: „Они хотѣли имѣть свои законы, управленіе и надѣялись, что съумѣютъ, безъ помощи англичанъ, защититься противъ враговъ. И не обманулись. Страна ихъ, по отзывамъ самихъ англичанъ, находится въ цвѣтущемъ положеніи. Буры раздѣлили ее на округи, построили города, церкви и ведутъ дѣятельную, патріархальную жизнь, не уступая, по свидѣтельству многихъ англійскихъ путешественниковъ, ни въ цивилизаціи, ни въ образѣ жизни, жителямъ Капштадта. Они управляются народнымъ совѣтомъ (Volksraad), имѣютъ училища и т. п.". Словомъ, и на самъ Трансвааль, и на отношеніе къ нему Англіи, нашъ путешественникъ смотритъ очень оптимистически. О бурахъ Оранжа онъ знаетъ только, что пространство между Оранжевой рѣкой и Ваалемъ занято англичанами; это пространство было тогда именно театромъ опустошительной партизанской войны, а черезъ годъ англичане увидѣли себя вынужденными признать независимость и буровъ Оранжа.

Такъ же оптимистически смотритъ Гончаровъ и на судьбы Капа. „Колонія теперь переживаетъ, говоритъ онъ, одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ періодовъ своей исторіи; дѣйствительно, это такъ. До сихъ поръ колонія была ничто иное, какъ англійская провинція, живущая по законамъ, начертаннымъ ей метрополіей, сообразно духу послѣдней, а не дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Не разъ заочныя распоряженія лондонскаго колоніальнаго министра противорѣчили нуждамъ края и вели за собою мѣстныя неудобства и затрудненія въ дѣлахъ. Англичане одни завѣдывали управленіемъ колоніи. Англія назначала губернатора и членовъ законодательнаго совѣта, такъ что законъ, какъ объяснено выше, не иначе получалъ силу, какъ по утвержденіи его въ Англіи. Англичанамъ было хорошо; они были здѣсь какъ у себя дома, но голландцы, и безъ того недовольные англійскимъ владычествомъ, роптали, требуя для колоніи законодательной власти, независимой отъ Англіи. Наконецъ, этотъ ропотъ подѣйствовалъ (не одинъ ропотъ, прибавимъ мы отъ себя, но и опытъ отложенія буровъ Трансвааля и Оранжа). Англія предоставляетъ теперь право избранія членовъ законодательнаго совѣта самой колоніи, которая такимъ образомъ получитъ самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, и дальнѣйшее ея существованіе можетъ съ этой минуты упрочиваться на началахъ, истекающихъ изъ собственныхъ ея нуждъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на колонію возлагаются и всѣ расходы по управленію, а также предоставляется ей самой распоряжаться военными дѣйствіями съ дикими племенами".

Я понимаю вполнѣ Гончарова. Это было въ 1853 году, когда мракъ реакціи тяготѣлъ надъ континентальной Европой; когда только что Наполеонъ le Petit совершилъ свой grand crîme

когда Австрія издѣвалась надъ раздавленной Венгріей; когда Италія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣявшаяся на лучшее будущее, лежала, истерзанная и искалѣченная, у ногъ того же австрійца; когда въ самой Германіи гасли, казалось, послѣдніе свѣточи независимой мысли и знанія... Это скоро прошло, но тогда тяжелымъ кошмаромъ душило все мыслящее, все вѣрующее въ человѣчество, его прогрессъ и справедливость. Тогда Англія, признающая независимость Трансвааля и дарующая автономію Капу, рисовалась яркимъ свѣтлымъ пятномъ на черномъ фонѣ печальнаго историческаго періода. Не трудно было придти въ восхищеніе отъ видѣннаго и слышаннаго (вдобавокъ отъ англичанъ), потому что и въ самомъ дѣлѣ и англо трансваальскій трактатъ 1852 года, и капская конституція заслуживаютъ со всякой точки зрѣнія всяческаго одобренія. Можно было вѣрить, что прошлое, печальное прошлое англійскаго хозяйничества въ Южной Африкѣ, становится въ самомъ дѣлѣ прошлымъ, и обѣ расы, ее колонизовавшія и цивилизовавшія, впредь будутъ идти рядомъ рука объ руку въ мирномъ сотрудничествѣ на процвѣтаніе общаго южно-африканскаго отечества. Признаніе независимости Оранжа въ 1854 году и дарованіе автономіи Наталю въ 1856 году было продолженіемъ той же мудрой примирительной политики, которая на двадцать лѣтъ даровала колоніи миръ и постепенно сглаживала расовый антагонизмъ, который, по несчастью, есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы выше видѣли, и антагонизмъ экономическихъ классовъ.—Наше время—отнюдь не время, когда этотъ антагонизмъ экономическихъ классовъ смягчается и сглаживается. Повсюду онъ разгорается и обостряется, особенно антагонизмъ между капиталистическими классами и крестьянскими земледѣльческими, представителями самостоятельнаго народнаго хозяйства. Это обостреніе антагонизма между капитализмомъ и крестьянскимъ земледѣліемъ мы наблюдаемъ по всему лицу земного шара. Его Гончаровъ нашелъ на Капѣ уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; онъ все развивался и разгорался съ тѣхъ поръ; его разрѣшеніе въ вооруженномъ столкновеніи мы видимъ сегодня.

Еще Гончаровъ, съ тонкою наблюдательностью, замѣчаетъ, что англійская осѣдлая колонизація на Капѣ ничтожна, потому что сюда не привлекаетъ жажда легкаго обогащенія, или по крайней мѣрѣ его ожиданіе. Соединенные Штаты съ ихъ Калифорніей и высокими заработками, Австралія съ ея золотыми рудами, Остъ-Индія съ ея издавна прославленными богатствами привлекали англичанъ, но не Капъ, гдѣ перспектива суровой трудовой жизни крестьянина, среди враждебной природы и еще болѣе враждебныхъ дикарей, мало манила британскихъ выходцевъ. Они заняли господствующее положеніе въ приморскихъ портахъ, предоставляя голландцамъ и туземцамъ въ потѣ лица добывать изъ земли хлѣбъ себѣ и имъ, англичанамъ. Всѣ мѣры,

принимавшіяся англійскимъ правительствомъ для усиленія англійскаго элемента въ колоніи, разбивались объ эту погоню за призракомъ возможнаго быстраго обогащенія, за призракомъ, увлекавшимъ въ Штаты, въ Австралію, въ Индію, на разные экзотическіе острова. Открытіе богатыхъ алмазныхъ копей на территоріи Оранжа, а затѣмъ еще болѣе заманчивыхъ золотоносныхъ мѣстностей на территоріи Трансвааля въ корнѣ измѣнили положеніе вещей и создали на Капѣ и вообще въ Южной Африкѣ тотъ призракъ мгновеннаго обогащенія, который двинулъ туда столько искателей легкой наживы, но двинулъ туда и капиталы, нашедшіе для себя здѣсь выгодное поле для приложенія. Вскрывшіяся природныя богатства страны явились лучшими союзниками капитализма и англофикаціи Южной Африки.

IV.

Оранжъ—это месопотамія, междурѣчье двухъ начинающихся на востокѣ въ Драконовыхъ горахъ, а на западѣ сливающихся въ одинъ потокъ, рѣкъ, Оранжевой и Вааля. Драконовы горы отдѣляютъ Оранжъ отъ англійской автономной колоніи Наталь, Оранжевая рѣка—отъ Капландіи и Вааль—отъ единоплеменной и союзной республики Трансваальской. Наибольшее протяженіе съ юга на сѣверъ около 400 верстъ, площадь—131 тыс. кв. километровъ. На востокѣ эта страна гористая (западный склонъ Драконова хребта), большая же часть страны—травяная степь, слегка всхолмленная отрогами и предгоріями Драконова хребта, постепенно понижающаяся къ западу и югу и густо изрѣзанная степными рѣчками, мелководными въ сухое время года и вздувающимися до значительныхъ потоковъ въ дождливый сезонъ. Берега рѣчекъ окаймлены рощами мимозъ и акацій. Болѣе значительные лѣса имѣются лишь въ горахъ Дракона. Лѣсонасажденіе составляетъ предметъ постоянной заботливости правительства республики. Мѣстность заселена сравнительно слабо. По послѣдней переписи (1890 г.) числилось жителей: бѣлой расы 77716 и цвѣтныхъ—129787 (бечуаны, басуты, каффры, готтентоты, бушмены и переселенцы малайскіе и индусскіе). Въ числѣ бѣлыхъ—1353 англичанъ, 312—нѣмцевъ, 466—французовъ и ирландцевъ, 113—евреевъ; прочіе—голландцы. Эти нѣсколько тысячъ иностранцевъ привлечены сюда алмазами, сами же голландцы занимаются земледѣліемъ и скотоводстиомъ.

„Западная граница Оранжевой республики, читаемъ мы у проф. Сиверса въ его Allgemeine Landeskn de, раньше простиралась ниже по теченію Оранжевой рѣки, включая нынѣ англійскіе округа, Кимберлей и Гербертъ, но въ 1871 году, послѣ открытія здѣсь мѣсторожденій алмаза, Англія подъ ничтожнымъ предлогомъ сочла для себя полезнымъ завладѣть этой терри-

торіей“, носившей названіе Грикаланда, потому что здѣсь бродили немногочисленные готтентоты, по имени *грики*. У этихъ гриковъ былъ князекъ, у котораго англичане и купили эту территорію, принадлежавшую, однако, Оранжу. Въ октябрѣ 1871 года англичане объявили правительству Оранжа, что Грикалендъ возвращается его законнымъ владѣльцамъ, князьямъ гриковъ, послѣ чего заняли своимъ войскомъ всю алмазоносную территорію. Оранжъ протестовалъ, но принужденъ былъ покориться и заключилъ новый договоръ о государственной границѣ, по которому рѣка Оранжевая отъ ея истока въ Драконовомъ хребтѣ и до ея сліянія съ Ваалемъ на всемъ протяженіи является границею между Оранжемъ и англійскимъ Капомъ. Вскорѣ, однако, и внутри этой новой границы были обнаружены мѣсторожденія алмазовъ, хотя не столь богатыя, какъ въ Грикаландѣ, изъ котораго англичане успѣли вывезти алмазовъ по 1893 годъ включительно на сумму $66^{1}/_{2}$ милл. ф. ст., свыше 650 милл. рублей золотомъ. Основанный въ Грикаландѣ городъ Кимберлей (нынѣ аттакованный бурами Оранжа) скоро достигъ значенія и процвѣтанія. Въ 1893 г. число жителей было 45 тыс., въ томъ числѣ большинство бѣлыхъ, главнымъ образомъ англичанъ, частью всевозможныхъ иностранцевъ (много нѣмцевъ); оставшіеся въ Грикаландѣ буры не покинули земледѣлія и скотоводства (по послѣднимъ телеграммамъ они возстали противъ англичанъ и присоединились къ отряду буровъ Оранжа, вторгшихся въ Грикаландъ),

Послѣ 1871 года, когда англичане столь безцеремонно отняли у Оранжа Грикаландъ, исторія Оранжа заключается въ осторожномъ самосохраненіи при постоянномъ приготовленіи въ роковой борьбѣ. Ясно, что территорія Оранжа рано или поздно можетъ понадобиться англичанамъ, какъ имъ понадобилась въ 1871 году территорія Грикаланда. Опытъ этотъ не могъ не заставить Оранжъ готовиться къ оборонѣ. Хорошо вооруженная и обученная милиція Оранжа числитъ въ себѣ 17500 комбантантовъ при 17 орудіяхъ, не считая вспомогательныхъ отрядовъ изъ цвѣтнаго васеленія.

Трансвааль лежитъ къ сѣверу отъ Оранжа, отдѣляясь отъ него р. Ваалемъ. Имѣя приблизительно тоже протяженіе съ востока на западъ, Трансвааль значительно превосходитъ Оранжъ протяженіемъ съ юга на сѣверъ, именно до 800 верстъ, такъ что общее протяженіе обѣихъ республикъ-сестеръ занимаетъ полосу въ 11—12 градусовъ широты и на сѣверѣ до 22° ю. ш. т. е. касается здѣсь тропиковъ. Подобно Оранжу, и Трансвааль съ востока (кромѣ сѣверо-восточнаго угла) прислоненъ къ Драконовымъ горамъ, отдѣляющимъ и его отъ Наталя. Отроги этихъ горъ наполняютъ собою южную часть Трансвааля, отдѣляя бассейнъ Оранжевой рѣки, къ которому принадлежитъ погранич-

ный Вааль, отъ бассейна р. Лимпопо, главной водяной артеріи республики, орошающей собою и своими притоками большую часть страны. Эта сѣверная и средняя части Трансвааля (приблизительно $^2/_3$ всей страны) представляютъ, подобно Оранжу, травяную степь, слегка всхолмленную отрогами Дракона, богато изрѣзанную степными рѣчками, собирающимися въ Лимпопѣ. Здѣсь на этихъ черноземныхъ преріяхъ сосредоточена главная масса голландскаго населенія, занимающагося земледѣліемъ и скотоводствомъ и успѣвшаго превратить страну въ тотъ счастливый уголокъ мирной и трудовой жизни, о которомъ такъ краснорѣчиво отзывался Гончаровъ, со словъ самихъ англичанъ. Я уже упомянулъ, что южная меньшая часть Трансвааля имѣетъ другой характеръ природы. Это альпійская страна съ высокими обрывистыми горами и глубокими долинами. Первоначально буры ее населяли слабо, но здѣсь затѣмъ, на несчастье республики, было открыто золото въ баснословномъ количествѣ, и теперь это наиболѣе населенная часть страны, но населенная сбродомъ всѣхъ національностей, устремившихся сюда ради призрака легкой и быстрой наживы. Съ этой минуты Трансвааль сталъ въ такое же опасное положеніе по отношенію къ Англіи, въ какой Оранжъ былъ поставленъ открытіемъ алмазовъ.

Золото было открыто въ 1867 году, но сначала никто не думалъ найти въ южномъ Трансваалѣ африканскую Калифорнію. Новыя значительныя открытія послѣдовали лишь въ 1872 году и богатство трансваальскихъ горъ золотомъ окончательно подтвердилось къ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Естественно, что уже въ 1877 году англичане сдѣлали первую попытку овладѣть республикой. Для этого они воспользовались набѣгомъ на Трансвааль каффровъ и внезапно заняли города республики своими войсками подъ предлогомъ защиты своихъ подданныхъ отъ каффровъ. Затѣмъ они спросили населеніе городовъ и, получивъ благопріятный для себя отвѣтъ, объявили Трансвааль присоединеннымъ къ англійскимъ владѣніямъ, назначивъ губернатора и расположивъ гарнизоны. Буры однако не признали этого нашествія и, отбившись отъ каффровъ, открыли военныя дѣйствія противъ англичанъ. Четыре года продолжалась эта война, и англичане немало терпѣли неудачъ, пока 27 февраля 1881 г. не понесли при Маюба-Гилль генеральнаго пораженія. Приходилось, какъ теперь, мобилизовать европейскія и индійскія войска, чтобы одолѣть защищавшихъ свою свободу голландцевъ, на сторону которыхъ уже склонялся Оранжъ и которыхъ судьба глубоко волновала буровъ Капа и Наталя. Если бы у власти оставалось консервативное министерство Биконсфильда-Салисбюри, какъ теперь находится при власти консервативное министерство Салисбюри-Чемберлэна (этого въ своемъ родѣ Дизраэли le petit) то, конечно, оно не остановилось бы передъ перспекти-

вой истребительной войны, какъ оно не остановилось передъ безправнымъ захватомъ въ 1877 году. Однако министерство Биконсфильда въ это время пало и у власти сталъ благородный Вялліамъ Гладстонъ. Онъ не думалъ искать возмездія за Маюба-Гилль и заключилъ съ бурами договоръ (1881 г.), по которому Трансваалю возвращалась полная самостоятельность во внутреннихъ дѣлахъ, но сношенія съ иностранными державами, кромѣ Оранжа, должны были идти черезъ англійское министерство; Трансвааль при этомъ признавалъ сюзеренную власть англійской королевы. Этотъ договоръ былъ замѣненъ, при Гладстонѣ же, въ 1884 году, другимъ и вотъ по какому поводу. Къ западу отъ прерій Трансвааля лежитъ, отдѣленная отъ Трансвааля невысокими горами, котловина озера Нгами, въ это время слабо населенная бродячими племенами бечуановъ. Уже знойная и низменная, но плодородная и порядочно орошенная, эта страна, нынѣ Бечуаналандъ, а тогда никому не принадлежащая Нгами, привлекала къ себѣ переселенцевъ изъ буровъ, которые мирно уживались съ бечуанами, охотниками и скотоводами, основывали среди нихъ земледѣльческія фермы и достигали завиднаго благосостоянія. Къ 1881 году ихъ набралось уже такъ много, что они основали городъ Фрейбургъ (о сдачѣ котораго бурамъ сообщали недавнія телеграммы) и учредили новую самостоятельную голландскую республику въ Южной Африкѣ. Положеніе новой маленькой республики было очень выгодно. Съ одной стороны отъ англичанъ ихъ землю отдѣляла обширная, простирающаяся на 700—800 вв., пустыня Калахари, песчаная, слегка всхолмленная, равнина, безводная и безплодная, по которой тамъ и сямъ бродили, какъ и теперь бродятъ, звѣроловы бушмены. Съ востока родственная республика Трансвааля, только что вернувшая себѣ свободу, а съ запада полоса пустынныхъ, никому не принадлежавшихъ горъ отдѣляла Фрейбургъ отъ Атлантическаго Океана. Въ этихъ горахъ бродили немногочисленные мирные негры, а въ оазисахъ, довольно скудно разсѣянныхъ среди горныхъ пустынь, уже основались фермы буровъ, этихъ неутомимыхъ работниковъ, не оружіемъ, но топоромъ и плугомъ покоряющихъ цивилизаціи все новыя и новыя пространства. Въ Англіи, однако, возникновеніе третьей голландской республики было встрѣчено съ неудовольствіемъ. Она запирала движеніе англичанъ къ сѣверу и могла открыть голландцамъ выходъ къ океану. Къ тому же страна озера Нгами была впервые открыта и обслѣдована англичанами (одна изъ первыхъ экспедицій Ливингстона). Тенденція не признать была такъ сильна въ Англіи, что Фрейбургъ поспѣшилъ просить Трансвааль о присоединеніи, но англичане воспротивились, ссылаясь и на свои довольно проблематическія права, и на свои вполнѣ ясные интересы (не закрывать хода на сѣверъ). Трансваальскому правительству было предложено за

отказъ отъ Бечуаналанда (Фрейбурга) измѣненіе договора 1881 года въ смыслѣ признанія его независимости. Такъ былъ заключенъ трактатъ 1884 года и была признана Англіей независимость Трансвааля. Въ договорѣ не было сказано, однако, объ отмѣнѣ сюзеренитета, установленнаго конвенціей 1881 года, и не было сказано, конечно, потому только, что это само собою разумѣлось изъ признанія независимости. Эта независимость и была единственнымъ вознагражденіемъ за Фрейбургъ. Однако, это не помѣшало Чемберлэну въ 1899 году утверждать, что сюзеринитетъ Англіи не отмѣненъ... Бумага все терпитъ. Къ сожалѣнію, послѣ кончины Гладстона, слишкомъ многое терпитъ не одна бумага, но и общественное мнѣніе англійской націи.

Присоединивъ Бечуанландъ и объявивъ своей территоріей пустыню Калахари, Англія окончательно отрѣзала обѣ голландскія республики отъ Атлантическаго океана. Оставалась однако возможность выхода къ океану Индійскому. Не Оранжу, совершенно и герметически отрѣзанному британской Каффраріей и Наталемъ, но Трансваалю, который на югѣ былъ тоже отрѣзанъ тѣмъ же Наталемъ, но на сѣверѣ былъ отдѣленъ отъ океана независимыми княжествами разныхъ зулускихъ племенъ. Сюда теперь направились усилія буровъ, которые, снова не обнажая оружія, заняли территорію зулусовъ, засѣяли ее своими фермами и вышли къ берегу океана. Въ 1885 году они основали здѣсь республику Ньюва, но она англичанами признана не была и въ 1887 году раздѣлена между Англіей и Трансваалемъ; береговая полоса отошла къ Англіи, внутренняя часть присоединена къ Трансваалю, принявшему между тѣмъ названіе Южно-Африканской республики. Та же исторія повторилась и въ 1896 году, когда трансваальцамъ удалось склонить негритянскій народъ свазіевъ добровольно присоединиться къ республикѣ. Свазиландъ занимаетъ послѣдній кусокъ берега между англійскими и португальскими владѣніями и представлялъ послѣдній выходъ къ морю для голландскихъ республикъ. Присоединеніе Свазиланда Англія (уже при Чемберлэнѣ) опротестовала и заняла побережье, предоставивъ Трансваалю внутреннюю часть страны.

Покамѣстъ этимъ путемъ, тѣснимые со всѣхъ сторонъ англичанами, африканскіе галландцы отстаивали свободу свою, продолжало развиваться и экономическое состояніе края. Добыча золота въ южномъ Трансваалѣ (гдѣ возникъ горнопромышленный центръ, Іогансбургъ) все время шла возрастая. Если въ 1872 году было добыто золота на 18 милл. рублей, то въ 1895 году эта добыча уже достигла громадной цифры въ 82 милл. рублей. Это, какъ сказано, привлекло въ южный Трансвааль массу иностранцевъ, однихъ британскихъ подданныхъ 41 тыс. (данныя 1895 г.), другихъ иностранцевъ около 35 тыс., населеніе буровъ достигаетъ 150 тыс. и цвѣтныхъ племенъ около 650 тыс. Въ военное

время буры выставляютъ до 30 тыс., не считая волонтеровъ другихъ національностей и вспомогательныхъ контингентовъ цвѣтнаго населенія.

Таково то положеніе вещей, которое нынѣ разрѣшилось войною. Телеграфическія извѣстія покуда болѣе благопріятны бурамъ, геройски отстаивающимъ свою свободу и въ потѣ лица пріобрѣтенную трудомъ землю. Телеграфическія извѣстія недостаточно полны и точны, чтобы уже теперь по нимъ набросать картину войны. Можно только сказать, что главныя силы буровъ и Трансвааля, и Оранжа перешли Драконовъ хребетъ и вторглись въ Наталь. Они сражались съ англичанами при Денди и два раза при Гленко. Отрядъ буровъ Оранжа вторгся въ Грикаландъ, захваченный англичанами въ 1871 году; отрядъ изъ Трансвааля вступилъ и въ Бечуанландъ (бывшая республика Фрейбургъ) и осадилъ гл. гор. области Мэфкинъ. Исторію войны отлагаемъ до слѣдующей бесѣды, исторію передъ войной мы изложили въ сентябрьской нашей бесѣдѣ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Еще о биржѣ, торговлѣ и промышленности.—„Гдѣ же ихъ обычные руководители?"—Отвѣтъ, почерпнутый изъ уголовной хроники.—Литературный процессъ съ торгово-промышленной подкладкой.—Темная сила, просвѣщаемая канделябрами.—Фабричная медицина.—Вѣсти изъ деревни.—Наказъ земскимъ начальникамъ.—Обывательская защита государственнаго порядка, общественнаго спокойствія, чести и собственности.

Торгово-промышленныя дѣла, каковымъ была посвящена большая часть нашей предыдущей хроники, продолжаютъ привлекать къ себѣ общее вниманіе. Слабое и неувѣренное настроеніе, въ какомъ, не смотря на успокоительныя увѣренія министерства финансовъ, находилась биржа въ теченіе всего августа, въ сентябрѣ еще болѣе ослабѣла. Биржевые хроникеры не находили словъ для описанія угнетеннаго настроенія биржевыхъ сферъ. Для характеристики этого настроенія приведемъ двѣ-три взятыхъ на удачу выдержки изъ биржевыхъ отчетовъ столичныхъ газетъ за это время.

„11 сентября. Вчерашняя слабая тенденція разразилась сегодня выдающимся паденіемъ. Окончательному разгрому подверглись акціи общ. Фениксъ... Рядомъ съ Фениксомъ подверглись пониженію и другія акціи.. Настроеніе фондоваго рынка слабое"...

„18 сентября. Никогда еще, кажется, не приходилось наблюдать такого слабаго настроенія, такого отсутствія спроса, при какихъ началась сегодняшняя биржа. Къ концу собранія нѣкоторыя цѣны немного оправились, но это улучшеніе ничего не говоритъ въ пользу подъема тенденціи. Оборотъ былъ очень небольшой и самый горячій оптимистъ не можетъ не задуматься надъ неизбѣжностью экзекуціонныхъ продажъ, которыя могутъ способствовать только дальнѣйшему паденію цѣнъ... Положеніе фондоваго рынка не улучшается..."

„21 сентября. Всестороннее предложеніе товара и отсутствіе покупателей вызвали на сегодняшней биржѣ крайне слабое настроеніе. Давно уже казалось, что пониженію дальше идти некуда, и всетаки цѣны продолжаютъ опускаться... Положеніе фондоваго рынка не улучшилось... Ипотечныя бумаги не имѣютъ спроса..."

Наконецъ, 22—23 сентября разразился погромъ. „Биржа утратила всякую мѣру. Почва дѣйствительно выскользнула изъ подъ ногъ, и общее настроеніе вызвало такую усиленную продажу всѣхъ дивидендныхъ бумагъ, при которой цѣны полетѣли внизъ, кажется, ниже всякаго смысла"...

Министерство финансовъ вновь прибѣгло къ экстреннымъ мѣрамъ. На 24 сентября было созвано совѣщаніе изъ директоровъ коммерческихъ банковъ, которымъ было поставлено на видъ ихъ поведеніе во время биржевой паники, содѣйствовавшее усиленію, а не ослабленію биржевого кризиса. Одновременно съ этимъ крупнѣйшимъ банкамъ была оказана казенная поддержка въ видѣ девятимилліоннаго вклада изъ желѣзнодорожныхъ суммъ, и нѣсколько расширенъ кредитъ въ государственномъ банкѣ. Биржевое настроеніе послѣ этого рѣзко измѣнилось. Изъ одной крайности биржа перешла въ другую: цѣны на бумаги начали такъ быстро повышаться, что даже у „Торгово-промышленной Газеты", настроенной въ общемъ оптимистически, явилось опасеніе, что это повышеніе обусловлено спекулятивными закупками, производящимися, можетъ быть, при посредствѣ упомянутаго девятимилліоннаго вклада съ цѣлью перепродажъ по искусственно вздутой цѣнѣ бумагъ публикѣ, и грозящими новой реакціей. Спустя нѣсколько дней биржевое настроеніе дѣйствительно вновь ослабѣло. Вновь появились опасенія даже за ближайшіе дни.

Эти, непрекращающіяся въ теченіе нѣсколькихъ уже мѣсяцевъ, биржевыя треволненія, въ связи съ другими фактами нашей торгово-промышленной жизни, о которыхъ намъ пришлось говорить въ предыдущей хроникѣ, должны быть отнесены къ числу характернѣйшихъ событій въ жизни страны за послѣднее время. Тѣ усилія, которыя употребляетъ министерство финансовъ, чтобы хотя отчасти парализовать ихъ пагубное вліяніе, какъ нельзя лучше оттѣняетъ ихъ серьезное значеніе. Считаемъ не лишнимъ напомнить о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ суммъ, которыя потребовались отъ министерства за послѣдніе 2—3 мѣсяца для смягченія переживаемаго кризиса и для предотвращенія дальнѣйшихъ осложненій въ торгово-промышленномъ мірѣ.

1) Государственнымъ банкомъ принята на себя реализація облигацій „Пароходнаго общества по Волгѣ“ не ниже 90% ихъ стоимости на сумму.	1.500,000 руб.
2) Такая же реализація облигацій перваго общества подъѣздныхъ путей на сумму	5.000,000 „
3) Такая же реализація облигацій Восточнаго общества товарныхъ складовъ на сумму . .	3.000,000 „
4) Открытъ кредитъ послѣднему обществу подъ векселя на сумму	1.900,000 „
5) Выкупъ 6% облигацій того же общества на сумму	1.000,000 „
6) Пріобрѣтены паи товарищества Невскаго завода на сумму *)	2.116,000 „
7) Уплачено по векселямъ того же товарищества обществу Московско-Архангельской ж. д.	3.405,000 „
8) Выдана ссуда той же дорогѣ подъ соло-векселя	5.000,000 „
9) Оставлены за Государственнымъ Банкомъ облигаціи того же общества по цѣнѣ 94½ за 100 на сумму	7.512,000 „
10) Внесенъ вкладъ въ частные банки изъ желѣзнодорожныхъ суммъ	8.960,000 „

Этотъ перечень, составленный на основаніи отрывочныхъ газетныхъ замѣтокъ, отнюдь не можетъ считаться исчерпывающимъ. Газеты сообщали и о другихъ случаяхъ денежной поддержки со стороны финансоваго вѣдомства и потерь послѣдняго безъ указанія точныхъ суммъ, какими онѣ выразились. Въ частности, расходы по случаю сентябрьской биржевой тревоги далеко не ограничились девятимилліоннымъ вкладомъ въ частные банки. Намъ неизвѣстны, напримѣръ, суммы, которыя потребовались отъ государственнаго банка для поддержанія цѣнъ на государственныя бумаги во время биржевой паники. А между тѣмъ и завѣдомо неполный нашъ списокъ даетъ въ итогѣ около 40 милліоновъ рублей, т. е. сумму, достаточную для снабженія продовольственными и сѣменными ссудами нѣсколькихъ голодающихъ губерній. Для успокоенія взволнованной биржи и для ликвидаціи торгово-промышленныхъ неправильностей нашему финансовому вѣдомству пришлось, такимъ образомъ, употребить не меньшія усилія, чѣмъ для борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ.

Петербургскія газеты за послѣднее время переполнены статьями на злобу дня съ сенсаціонными подчасъ заголовками, вродѣ: „Денежный голодъ“, „Черные дни на биржѣ“, „Денегъ нѣтъ!“,

*) Считаемъ лишь паи, оказавшіеся въ залогѣ у Общества Московско-Архангельской ж. д. на нарицательную сумму 7.055,000 руб., каковые министерство финансовъ пріобрѣло за 30% ихъ номинальной стоимости.

„Переоцѣнка цѣнностей“, и т. д. Но и за всѣмъ тѣмъ основная причина переживаемаго кризиса и средства борьбы съ нимъ остаются далеко не выясненными. „Торгово-промышленная Газета“ по прежнему видитъ ее въ денежныхъ затрудненіяхъ западно-европейскаго рынка и рекомендуетъ терпѣніе и сдержанность. Большинство частныхъ газетъ склонно винить въ переживаемыхъ затрудненіяхъ нашу финансовую систему и довольно настойчиво требуетъ увеличенія денежныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи, а нѣкоторыя — даже отмѣны золотой валюты. Не исчезли опасенія и за возможность общаго торгово-промышленнаго кризиса, если не въ данный моментъ, то въ недалекомъ будущемъ. Недостатокъ фактическихъ данныхъ, какими располагаетъ частная печать, дѣлаетъ въ сущности невозможнымъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Достаточно указать, что количество денежныхъ знаковъ, находящихся въ народномъ обращеніи, опредѣляется крайне различно. По утвержденію „Торгово-промышленной Газеты“ ихъ въ настоящее время больше, чѣмъ когда бы то ни было. По разсчетамъ другихъ, ихъ значительно меньше, чѣмъ было въ предыдущіе годы, и это независимо отъ циркулирующаго въ печати и въ публикѣ опасенія, что золото, которое предполагается находящимся „въ каналахъ народнаго денежнаго обращенія“, въ значительной своей части уже уплыло за границу. Еще болѣе шатки свѣдѣнія объ устойчивости отдѣльныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, закулисная сторона которыхъ гораздо лучше извѣстна „биржевымъ привидѣніямъ“, „дамамъ подъ вуалью“, неожиданно появляющимся въ банкирскихъ конторахъ съ заказами на покупку или продажу тѣхъ или иныхъ биржевыхъ бумагъ, чѣмъ вовлеченной въ биржевую игру публикѣ и даже самимъ банкирамъ *). Крупныя неправильности въ управленіи отдѣльными предпріятіями, неожиданно всплывшія въ такомъ обильномъ количествѣ за послѣднее время, заставляютъ сомнѣваться въ устойчивости даже солидныхъ и доходныхъ фирмъ. Конца этимъ неправильностямъ все еще не видно. Нѣтъ-нѣтъ, да и обнаружится то растрата, то ошибочно присчитанный милліонъ къ активу **), то какое-либо „беззаконіе на законномъ основаніи“. Въ приведенныхъ выше выдержкахъ биржевыхъ бюллетеней упоминается, между прочимъ, о разгромѣ,

*) См. „Новое Время“ отъ 6 октября.

**) Въ подобныхъ ошибкахъ, допускаемыхъ сознательно, по мнѣнію г. Езерскаго, эксперта со стороны защиты по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ, нѣтъ ничего неправильнаго. „Если убытки не показывались въ отчетахъ прямо и ясно отдѣльной статьей въ дефицитѣ, то, вѣдь, это дѣлалось, по его словамъ, *только для того*, чтобы оглашеніемъ убытка не вызвать паники на биржѣ и не уронить курса облигацій“. Какое внимательное, подумаешь, отношеніе къ самочувствію биржи!

которому подверглись акціи вагоностроительнаго общества „Фениксъ“. Не далѣе, какъ два года тому назадъ это общество выдало дивидендъ въ 45 руб. на акцію. Его акціи котировались на биржѣ болѣе, чѣмъ вдвое выше ихъ номинальной 250-рублевой стоимости. По этой возвышенной цѣнѣ онѣ были размѣщены среди публики, сразу обогативъ учредителей. А теперь—ихъ биржевая цѣна 130 рублей, т. е. почти вдвое ниже нарицательной. Въ прежнемъ отчетѣ оказалась маленькая ошибка по счету матеріальнаго склада, давшая возможность показать милліонную прибыль. Въ дѣйствительности же дѣла общества таковы, что оно не нашло 80,000, чтобы разсчитать рабочихъ. Легко понять, какъ должна нервничать заинтересованная въ биржевыхъ дѣлахъ публика подъ такими ударами, и какъ трудно судить при такихъ условіяхъ о прочности нашего торгово-промышленнаго преуспѣянія,

Жалобы на безденежье, при наличности золотой валюты, во всякомъ случаѣ очень странны. Одно изъ неотъемлемыхъ достоинствъ золотого обращенія—это его эластичность. Золотыя деньги не знаютъ международныхъ границъ. Онѣ похожи на тучи: хотя родина у нихъ и есть, но „нѣтъ имъ изгнанія“, онѣ вездѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Во всякій моментъ онѣ должны быть и будутъ тамъ, гдѣ онѣ нужнѣе, гдѣ ихъ цѣнятъ выше, гдѣ работа для нихъ выгоднѣе. Жалуются на то, что реализація урожая отвлекла денежныя средства отъ промышленности. Это возможно. Но вѣдь это явленіе происходитъ у насъ каждый годъ. Ежегодно осенью деньги изъ банковъ уплываютъ въ деревню, гдѣ, опираясь на мужицкую нужду и невѣжество, такъ легко заработать въ 2—3 мѣсяца знаменитую „копеечку на копеечку“. Почему же въ настоящемъ году это обычное явленіе сказалось такими острыми послѣдствіями? Развѣ работа въ деревнѣ стала еще выгоднѣе? Развѣ для скупки мужицкаго урожая стало требоваться денегъ гораздо больше? Развѣ, наконецъ, нашей промышленности, блестящіе успѣхи которой у всѣхъ на виду, сдѣлалась совсѣмъ непосильной конкурренція съ деревенской нуждой? Говорятъ, что у насъ вообще денегъ мало. Но почему же въ такомъ случаѣ онѣ не идутъ къ намъ изъ-заграницы? Вѣдь нашей промышленности деньги очень нужны, вѣдь цѣнитъ она ихъ очень высоко, гораздо выше, чѣмъ Западная Европа. Во время послѣдней биржевой паники за деньги мы готовы были отдать значительную часть нашего промышленнаго имущества въ половину его недавней стоимости. А деньги все-таки не идутъ къ намъ: притокъ иностранныхъ капиталовъ за послѣднее время рѣзко оборвался. Или нашъ разсчетный балансъ такъ неблагопріятенъ, что золото не можетъ преодолѣть силу потока, уносящаго его за границу? Или наше промышленное имущество никого уже не можетъ прельстить своею недавнею стоимостью? Или—къ каковой мысли начинаетъ склоняться, какъ увидимъ

ниже, и „Торгово-промышленная Газета“, дѣло не въ деньгахъ, а въ другихъ, можетъ быть, даже не матеріальныхъ цѣнностяхъ, отсутствіе которыхъ дѣлаетъ изъ нашей промышленности тростникъ, вѣтромъ колеблемый?

Несомнѣнно, впрочемъ, одно: сентябрьская биржевая паника въ значительной мѣрѣ была усилена нашими коммерческими банками при помощи такъ называемыхъ онкольныхъ экзекуцій, т. е. требованіемъ доплатъ отъ своихъ кліентовъ по текущимъ счетамъ, обезпеченнымъ бумажными цѣнностями. Онкольные счета, составляющіе одну изъ важнѣйшихъ по своимъ размѣрамъ операцій нашихъ частныхъ банковъ, представляютъ изъ себя основное условіе для развитія широкой биржевой игры. Опираясь на онкольный счетъ, можно съ сравнительно небольшимъ капиталомъ скупить значительное количество цѣнныхъ бумагъ, такъ какъ каждая вновь пріобрѣтенная бумага немедленно открываетъ возможность получить подъ нее средства для дальнѣйшихъ покупокъ. Биржевая игра въ данномъ случаѣ ведется на деньги лицъ, часто не имѣющихъ объ ней ни малѣйшаго понятія и спокойно ввѣрившихъ свои сбереженія банкамъ. Широкое развитіе онкольныхъ операцій, которыми усердно пользуются и мелкіе биржевые игроки, и крупныя фирмы, составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей торгово-промышленной жизни. Значительное количество промышленныхъ цѣнностей при помощи онкольныхъ счетовъ оказывается размѣщеннымъ не среди рентьеровъ, спокойно ожидающихъ слѣдуемаго имъ дивиденда, а среди биржевыхъ игроковъ, интересующихся не столько дивидендомъ, сколько биржевой цѣной акцій, или среди капиталистовъ, стремящихся обстричь купоны у значительно большаго количества дивидендныхъ бумагъ, чѣмъ имъ полагалось бы по ихъ капиталу. Онкольная операція представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ доступныхъ средствъ для учрежденія предпріятій „въ размѣрахъ, не соотвѣтствующихъ имущественной состоятельности ихъ учредителей“. Достаточно напомнить, что недавно повергнутый столбъ нашей промышленности, фонъ-Дервизъ, по адресу котораго и былъ сдѣланъ министерствомъ финансовъ упрекъ въ излишней предпріимчивости, довелъ свой долгъ по онкольнымъ счетамъ до 11 милліоновъ, т. е. почти до половины всего своего пассива.

Способствуя оживленію промышленности и процвѣтанію биржевой игры, онкольная и другія подобныя ей операціи представляютъ изъ себя, однако, обоюдоострое оружіе, при посредствѣ котораго не только можно стричь чужіе купоны и играть на чужія деньги, но и себя высѣчь. Предпріятія, основанныя въ разсчетѣ на чужія средства, легко могутъ оказаться, какъ обнаружили послѣднія событія, на мели, а вся промышленность, при наличности значительнаго числа такихъ предпріятій, лишенной

прочной основы. Еще опаснѣе онколь для биржи. Пока никакихъ тучъ на биржевомъ небѣ не видно, онъ, давая средства въ руки игроковъ, способствуетъ повышенію цѣнъ на бумаги выше разумнаго предѣла. Но за то начавшееся пониженіе, благодаря тому же онколю, всегда грозитъ закончиться рѣзкимъ паденіемъ. Пониженіе цѣнъ на бумаги влечетъ за собой сокращеніе счета, открытаго подъ нихъ въ банкѣ, а разъ счетъ использованъ въ полномъ размѣрѣ—требованіе со стороны банка доплаты. Кліенты банковъ, лишенные возможности внести такую доплату (вѣдь, полученныя ими средства затрачены уже на покупку другихъ бумагъ) должны отказаться отъ принадлежащихъ имъ цѣнностей, которыя и выносятся банками на продажу. Это и есть онкольная экзекуція, увеличивающая предложеніе на биржѣ и способствующая дальнѣйшему пониженію цѣнъ. Пониженіе влечетъ новыя экзекуціи, сказывающіяся новымъ пониженіемъ и т. д. Спасти биржу отъ разгрома можетъ только сдержанность банковъ, щадящихъ своихъ кліентовъ. Лучше, чѣмъ публика, знакомые съ положеніемъ торгово-промышленныхъ предпріятій, они должны удержаться отъ требованій доплатъ, разъ пониженіе цѣнъ не оправдывается реальными условіями и представляетъ временное явленіе.

Наши банки не проявили такой сдержанности. Напротивъ, „они не только не препятствовали, а какъ будто сочувствовали вакханаліи, зная отлично, что положеніе улучшается". Директоръ особой канцеляріи по кредитной части упрекнулъ банковскихъ директоровъ, созванныхъ въ совѣщаніе, даже въ томъ, что „цѣны старались ронять сбытомъ по дешевой цѣнѣ какихъ нибудь пяти акцій, оставляя про запасъ у себя большое количество ихъ". Слишкомъ вѣдь соблазнительно разсчитать своихъ кліентовъ по искуственно пониженной цѣнѣ и оставить за собой принадлежащія имъ цѣнности съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней сбыть ихъ съ хорошимъ барышомъ. Выше мы привели предположеніе „Торгово-промышленной Газеты", что даже девять милліоновъ, отпущенныхъ банкамъ министерствомъ финансовъ, они употребили на биржевую игру и на онкольныя операціи, а не на снабженіе промышленности необходимыми для нея деньгами.

Поведеніе банковскихъ воротилъ до глубины души возмутило оффиціозную „Торгово-промышленную Газету". „Гдѣ же обычные руководители биржи?"—съ горечью восклицаетъ она въ одной изъ своихъ статей. „Вѣдь въ благопріятный періодъ продолжительнаго подъема иные изъ банковъ не останавливались предъ патронированіемъ нѣкоторыхъ весьма слабыхъ предпріятій, въ надеждѣ связанныхъ съ этимъ выгодъ,—предпріятій, повышенная расцѣнка которыхъ растаяла при первомъ затрудненіи рынка. Кому же, какъ не имъ, дать тонъ всегда неопытной и податливой публикѣ въ то время, когда нужна лишь небольшая вы-

держка, не болѣе?“ „Понадобилось, говоритъ та же газета въ другой статьѣ, двумъ-тремъ банкирскимъ учрежденіямъ выбросить на рынокъ нѣсколько солиднѣйшихъ бумагъ, чтобы сообразно котировкѣ разсчесть своихъ онколистовъ, и биржевой бюллетень служитъ имъ для осуществленія этой мѣры. А по тому же биржевому бюллетеню ведется разсчетъ по всей Россіи по сдѣлкамъ дня“. Но эти упреки, равно какъ и болѣе авторитетныя внушенія банковскимъ дѣльцамъ, очевидно, мало помогали дѣлу. Вся картина, по мѣткому указанію „Русскихъ Вѣдомостей“, напоминала лишь „Крыловскую басню о Васькѣ, невозмутимо убирающемъ курченка подъ аккомпаниментъ благонамѣренныхъ рѣчей“ *). Нужны, очевидно, не упреки, не внушенія, а кое-что болѣе серьезное. Это сознаетъ и „Торгово-промышленная Газета“. Говоря о „поведеніи нашихъ биржъ и ихъ руководителей—банковъ“, она приходитъ къ заключенію, что „здѣсь сказывается наша некультурность, выражающаяся въ недисциплинированности биржевыхъ сферъ и неорганизованности биржевого аппарата, давно требующаго реформы“. Въ реформѣ, по мнѣнію газеты, нуждается и акціонерное законодательство, чтобы оно „не тормазило организаціи дѣла, не переносило фиктивной отвѣтственности на органы правительственные за разрѣшеніе, а дѣйствительно карало всякое злоупотребленіе со стороны учредителей дѣла и тѣмъ предохраняло страну отъ созданія слабыхъ промышленныхъ предпріятій, а акціонеровъ—отъ связанныхъ для нихъ съ этимъ непосредственныхъ потерь“. Можно, конечно, сомнѣваться, чтобы однимъ биржевымъ и акціонернымъ законодательствомъ можно было упрочить нашу промышленность, но нельзя не согласиться съ министерской газетой, что законодательныя гарантіи могутъ лучше обезпечить интересы населенія, чѣмъ „фиктивная отвѣтственность правительственныхъ органовъ“, обремененныхъ непосильной задачей опекать народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это—безусловная истина по отношенію ко всѣмъ сферамъ народной жизни, а по отношенію къ денежной, можетъ быть, въ особенности.

Однако гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, „обычные руководители“ биржи, торговли и промышленности? Или правильнѣе—кто они эти руководители, къ которымъ въ минуту затрудненій приходится взывать чуть ли не о спасеніи отечества? Отвѣтъ на этотъ, не лишенный драматичности, вопросъ даетъ уголовная хроника послѣдняго времени.

12 сентября въ Москвѣ арестованъ С. И. Мамонтовъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ обществѣ Московско-Архангельской ж. д.,

*) „Русскія Вѣдомости“, 30 сентября.

о которыхъ намъ пришлось уже упоминать въ предыдущей хроникѣ. Въ сентябрѣ по тому же дѣлу арестованы еще главный инженеръ по постройкѣ Чоколовъ, начальникъ коммерческой части этой дороги Кривошеинъ и бывшій директоръ Арцыбашевъ. Въ началѣ октября въ газеты проникли слухи о предстоящемъ будто-бы арестѣ по тому же Мамонтовскому дѣлу еще одного лица, до самаго послѣдняго времени занимавшаго отвѣтственный постъ.

Мамонтовъ—это одинъ изъ „руководителей", которому былъ отмежеванъ весь сѣверъ-Россіи для „оживленія". Оживленіе это закончилось растратой около 20 милліоновъ. Судебные отчеты по этому дѣлу составятъ, вѣроятно, интересную страничку въ лѣтописяхъ нашей промышленности за послѣдніе годы и детально познакомятъ насъ съ тѣмъ, какъ именно „руководители" выполняютъ свою миссію и растрачиваютъ милліоны, не лишаясь довѣрія и популярности. Между тѣмъ, казалось бы, что Мамонтовъ—наиболѣе подходящій человѣкъ для руководительства. Мамонтовъ—это „крупная, устойчивая фирма", „популярный человѣкъ", „талантливый коммерсантъ", „человѣкъ съ высшими запросами" (содержалъ оперный театръ въ Москвѣ и даже теперь въ тюрьмѣ занимается скульптурой и сочиняетъ оперное либретто), даже... „человѣкъ идеи". Вотъ съ какими эпитетами его имя нерѣдко фигурировало въ печати даже тогда, когда въ нее проникли уже слухи о злоупотребленіяхъ въ руководимомъ имъ обществѣ.

Въ № 36 журнала „Русскій Трудъ" за 1898 годъ, редактируемаго г. Шараповымъ, была помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Заказныя статьи въ „Народѣ" въ защиту Мамонтовской Панамы. Истинная подкладка дѣла и его положеніе въ данную минуту". Какъ въ этой статьѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Трудѣ", г. Шараповъ болѣе или менѣе ясно обвинялъ газету „Народъ" въ томъ, что статьи въ пользу Мамонтова, „не только обѣляющія, но и прославляющія людей, документально обвиняемыхъ въ дѣйствительно мошенническомъ присвоеніи гарантированныхъ казною милліоновъ", пишутся „Народомъ" по заказу. Одна же изъ статей г. Шарапова начиналась прямо библейской цитатой: „знаетъ волъ купившаго его и оселъ ясли господина своего". Считая эти статьи для себя оскорбительными, г. Стечькинъ, редакторъ газеты „Народъ" привлекъ г. Шарапова къ суду по обвиненію въ клеветѣ и злословіи въ печати. Дѣло это было назначено къ слушанію еще въ апрѣлѣ, но, по ходатайству Шарапова, было отложено, съ выдачей ему свидѣтельства отъ суда на право полученія документовъ изъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій. 17 сентября, когда вновь дѣло было назначено къ слушанію, г. Шараповъ представилъ суду нѣсколько документовъ, теперь напечатанныхъ въ „Русскомъ Трудѣ".

Изъ объясненій и другихъ документовъ, представленныхъ сторонами суду, видно, что газета „Народъ“ пользовалась объявленіями отъ управленій акцизныхъ округовъ, а также отъ Государственнаго Банка, Коммиссіи погашенія долговъ, Дворянскаго и крестьянскаго банковъ, другихъ учрежденій министерства финансовъ и отъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Кромѣ того, г. Шараповымъ была представлена оффиціальная справка отъ с.-петербургскаго почтамта о томъ, что въ 1897 году число подписчиковъ (городскихъ и иногороднихъ) у газеты „Народъ“, вмѣстѣ съ безплатными и обмѣнными, колебалось отъ 345 до 825, а у „Новаго Времени“—отъ 30592 до 30979.

Г. Стечкинъ, возражая противъ документовъ, представленныхъ г. Шараповымъ, настаивалъ, что они не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, такъ какъ изъ нихъ видны отношенія газеты „Народъ“ къ министерству финансовъ, но въ нихъ нѣтъ ни слова объ отношеніяхъ той же газеты къ Мамонтову и Московско-Ярославско-Архангельской дорогѣ. Изъ того же, что въ „Народѣ“ печатались объявленія послѣдней, нельзя заключать, что газета подкуплена Мамонтовымъ. Тогда защитникъ Шарапова и онъ самъ въ „послѣднемъ словѣ“ указали связь между представленными ими документами и статьями „Русскаго Труда“, за которыя обвинялся Шараповъ...

Судъ оправдалъ г. Шарапова.

Обильный матеріалъ для характеристики нашего дѣлового міра и его дѣятелей далъ также громкій, уже нѣсколько лѣтъ подготовлявшійся процессъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ. Дѣльцы кредитки плавали гораздо мельче, чѣмъ большой корабль Мамонтова, и должны были сами воспѣвать себѣ дифирамбы. Эти дифирамбы, помѣщавшіеся въ отчетахъ общества, рисовали будущихъ подсудимыхъ не только какъ вѣрныхъ слугъ своего общества, но и какъ общественныхъ дѣятелей, идейныхъ работниковъ, содѣйствующихъ „развитію городского благоустройства и общественнаго благосостоянія“. По отношенію къ финансовому вѣдомству гг. Шильдбахъ, Герике, Цвѣтухинъ и К° составляли оппозицію. Правленіе общества, опираясь на послушное ему собраніе, отказывалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выполнять даже прямыя требованія министра.

Послѣдняя черта—очень характерна. Министерство финансовъ очень часто обращается съ предостереженіями, увѣщаніями, а иногда и требованіями къ представителямъ торгово-промышленнаго міра. Это средство для направленія дѣлъ въ торгово-промышленной сферѣ, можно сказать, составляетъ существенный элементъ нашего финансоваго управленія. Въ большинствѣ случаевъ представители торговли и промышленности покорно выслушиваютъ указанія правительственной власти и подчиняются

имъ. Но въ итогѣ почти всегда успѣваютъ для себя выторговать что нибудь такое, что обращаетъ уступку съ ихъ стороны въ ничто, а иногда даетъ имъ еще и барышъ.

За послѣднее время западная и южная Россія переживаетъ угольный кризисъ, выразившійся въ уменьшеніи подвоза и повышеніи цѣнъ. Въ печати появились многочисленныя обвиненія каменноугольныхъ обществъ домбровскаго бассейна въ преднамѣренномъ сокращеніи производства и произвольномъ повышеніи цѣнъ.

Недавно совѣщанію горно-промышленниковъ этого бассейна было предложено отъ имени главнаго начальника края поставить магистрату г. Варшавы въ продолженіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ 3600 вагоновъ угля по цѣнѣ, по которой копи заключили контракты съ Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогой. Горнопромышленники согласились, но въ тоже время успѣли выговорить отсрочку въ поставкѣ угля для желѣзной дороги *). Укоры, которые покорно пришлось выслушать банковскимъ директорамъ въ совѣщаніи 24 сентября, сопровождались, какъ мы видѣли, девятимилліоннымъ вкладомъ и расширеніемъ кредита въ государств. банкѣ. Однако не всегда торгово-промышленные дѣятели покорно слѣдуютъ дѣлаемымъ имъ указаніямъ. Бываютъ случаи, когда открытая оппозиція для нихъ, очевидно, выгоднѣе. Такъ, во время послѣдней поѣздки г. министру финансовъ пришлось въ Харьковѣ выслушать жалобы на недостатокъ и дороговизну угля. Отвѣчая на эти жалобы, г. министръ, между прочимъ, сдѣлалъ недвусмысленныя указанія гг. углепромышленникамъ. „Угольная промышленность, сказалъ онъ, должна приложить всѣ усилія, чтобы поставить свою производительность вровень съ спросомъ, памятуя, что покровительство ей не можетъ быть вѣчнымъ и что, если положеніе дѣла будетъ оставаться такимъ, каково оно сейчасъ, то придется черезъ 6—7 лѣтъ понизить таможенную пошлину на иностранный уголь“. На эту угрозу гг. углепромышленники, должно быть, очень увѣренные въ незыблемости таможенной системы, отвѣтили демонстраціей въ видѣ рѣзкаго повышенія цѣнъ на уголь.

Дѣятелямъ Московской кредитки, какъ Общества взаимнаго, незаинтересованнаго въ казенныхъ подачкахъ, очевидно, было выгоднѣе играть въ оппозицію, чѣмъ въ покорнѣйшихъ слугъ. Не смотря на министерскія ревизіи, на жалобы московской думы, на упорныя обличенія печати, на протесты интеллигентнаго меньшинства, на вмѣшательство прокурорскаго надзора и даже преданіе суду, они съумѣли остаться у власти почти до самыхъ послѣднихъ дней, получая награды, благодарности и одобренія

---

*) „Русскія Вѣдомости“, 23 сентября.

отъ той темной массы, которая преобладала въ собраніяхъ общества.

Мы не имѣемъ возможности разсказывать о всѣхъ злоупотребленіяхъ, практиковавшихся въ теченіе ряда лѣтъ въ Кредитномъ Обществѣ. Достаточно указать, что среди нихъ мы встрѣчаемъ и неправильныя оцѣнки, сопровождавшіяся выдачей ссудъ, не соотвѣтствующихъ доходности имуществъ, и поблажки недоимщикамъ, и злоупотребленія по выдачѣ коммиссіоннаго вознагражденія, и спекуляціи по имуществамъ, находившимся въ залогѣ, и подтасовки общихъ собраній, и подлоги и т. д., и т. д. Нѣкоторые факты, раскрытые слѣдствіемъ, кажутся совсѣмъ невѣроятными. Въ обществѣ закладывались какіе-то волшебные дома, казавшіеся правленію каменными, когда они были гнилыми деревянными,—и заново отдѣланными, когда они были заколочены полиціей за ветхостью; дома, въ которыхъ оцѣнщики насчитывали вчетверо больше квартиръ, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности; дома, оставшіеся за обществомъ, продававшіеся имъ съ громаднымъ убыткомъ и вновь къ нему возвращавшіеся, чтобы опять остаться за нимъ. Выдача противозаконнаго вознагражденія обставлялась чисто водевильными qui pro quo и чуть ли не переодѣваніями. Бухгалтерія употреблялась, какъ искусство показывать въ отчетахъ прибыль, когда въ дѣйствительности былъ убытокъ. Кумовство и благодарности считались если не непремѣннымъ условіемъ дѣловой сдѣлки, то ея украшеніемъ.

И все это продѣлывалось годами, на виду у всѣхъ. Характерно, что прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи просилъ судей быть не очень строгими къ подсудимымъ, такъ какъ злоупотребленія начались еще до нихъ: „не ими дескать заведено“. Судъ постановилъ даже ходатайствовать о помилованіи одного изъ осужденныхъ. Очевидно, кредитная эпопея разсматривалась, какъ нѣчто обычное, свойственное скорѣе цѣлой средѣ, а не отдѣльнымъ ея представителямъ, попавшимъ на скамью подсудимыхъ.

Если во взаимномъ банкѣ, доступномъ все-таки контролю общественнаго мнѣнія, годами творятся систематическія злоупотребленія, то что же дѣлается подъ покровомъ коммерческой тайны, которая такъ плотно закрываетъ входъ въ частные банки и торгово-промышленныя предпріятія!

Слѣдствіе по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ собрало богатый матеріалъ для характеристики не только современныхъ банковскихъ дѣятелей, но—что можетъ быть еще важнѣе—и той среды, въ которой эти дѣятели находили опору, позволявшую имъ вести свою линію, бравируя общественнымъ мнѣніемъ и игнорируя требованія закона, устава и правительственной власти. Среда эта, особенно въ данный мо-

ментъ, представляетъ исключительный интересъ. Заемщики кредитнаго общества—они же и главные *) вершители дѣлъ въ общихъ собраніяхъ—это домовладѣльцы, тѣ самые домовладѣльцы, которые составляютъ важнѣйшій элементъ среди городскихъ избирателей. Завѣдыванье дѣлами кредитнаго общества, сравнительно съ веденіемъ сложнаго городскаго хозяйства,—дѣло маленькое, а, главное, для гг. домовладѣльцевъ—дѣло собственное, кровное, въ которомъ они сами заинтересованы больше, чѣмъ кто-либо иной. Какъ же они справлялись съ этимъ примитивнымъ общественнымъ дѣломъ?

Они чуть-чуть не довели его до полной гибели. „Убытокъ, по мнѣнію гражданскаго истца кн. Урусова, не исчерпывается уже понесенными потерями, дѣло не въ однѣхъ потеряхъ въ прошедшемъ,—потеряхъ милліонныхъ, но и въ томъ, что можетъ предстоять въ будущемъ“. „Глубокое общественное значеніе этого дѣла, по мнѣнію того же лица, въ томъ, что здѣсь мы видимъ полное извращеніе выборнаго начала, пародію самоуправленія, систему долголѣтняго расхищенія съ развитіемъ спекуляціи, и самаго низкопробнаго маклачества, развращеніе массы зрѣлищемъ безнаказаннаго и прибыльнаго беззаконія, видимъ, по выраженію свидѣтеля Щепкина, „гибель общественнаго довѣрія и общественнаго достоянія“ **).

Общественное дѣло оказалось проданнымъ за льготы и послабленія, которыми захватившіе въ свои руки власть дѣльцы ублажали послушныхъ имъ членовъ общества. Общія собранія дѣлали все, что отъ нихъ требовали заправилы. „Если бы, сказалъ товарищъ прокурора Лузгинъ, гг. Герике, Шильдбахъ и Цвѣтухинъ потребовали, чтобы ихъ бюсты еще при жизни были выставлены въ залахъ общества, то общее собраніе и это исполнило бы“. „Выборы оказались всецѣло въ рукахъ правленія, и дѣло дошло до того, что для нѣкоторыхъ должность директора сдѣлалась пожизненною и даже наслѣдственною. К. К. Шильдбахъ оказался пожизненнымъ директоромъ, его замѣнилъ его сынъ А. К., послѣ него вступаетъ въ директоры его братъ С. К., обвиняемый, а А. К. предсѣдательствуетъ на общемъ собраніи, которое разсматриваетъ отчеты С. К. и утверждаетъ ихъ“. Протесты небольшой кучки „интеллигентныхъ и честныхъ людей“, проникшихъ въ общія собранія, были совершенно безплодны. Ихъ жалобы министру, хотя и вызвали двѣ ревизіи, не дали все-

*) Кромѣ членовъ-заемщиковъ, въ общихъ собраніяхъ Московскаго Кредитнаго Общества участвуютъ и облигаціонеры, т. е. владѣльцы облигацій, менѣе зависимые отъ правленія. Для увеличеія числа своихъ сторонниковъ правленіе прибѣгало къ созданію подставныхъ облигаціонеровъ, набиравшихся чуть ли не на Хитровомъ рынкѣ и снабжавшихся облигаціями, принадлежавшими обществу.

**) Русскія Вѣдомости, 30 сентября.

таки желательныхъ результатовъ. И только обращеніе къ прокурорскому надзору вывело, наконецъ, дѣло на торный путь.

Союзникомъ Шильдбаха и К° было не только корыстолюбіе домовладѣльческой среды, но и въ еще большей, можетъ быть, степени ея невѣжество. Общественное дѣло было продано задешево. Льготы по недоимкамъ, преувеличенныя ссуды и всяческія поблажки были пагубны не только для общаго дѣла, но подъ часъ и для отдѣльныхъ, пользовавшихся ими заемщиковъ. Правленіе, по словамъ свидѣтеля Щепкина, „топило заемщиковъ вмѣсто того, чтобы облегчить ихъ; вслѣдствіе убытковъ, унесшихъ запасный капиталъ, заемщикамъ приходится платить теперь ежегодно полпроцентный сборъ... Вмѣстѣ съ ухудшеніемъ дѣлъ общества и не смотря на это ухудшеніе, расходы по управленію все увеличивались; такъ, жалованье директорамъ удвоилось, жалованье другихъ служащихъ увеличилось на 80%“. Положеніе дѣлъ общества большинству заемщиковъ было, можетъ быть, вовсе не извѣстно. Отчеты правленія для массы были тарабарской грамотой. „Все равно, хоть сто лѣтъ читай, ничего не поймешь“— вотъ какой отвѣтъ давали тѣмъ, кто требовалъ времени для ознакомленія съ отчетами. „Принадлежащіе къ большинству, которое все и рѣшало, обыкновенно молчали, въ преніяхъ не принимали участія и только по знакамъ, подаваемымъ имъ кѣмъ-либо изъ сторонниковъ правленія, начинали или апплодировать, или шумѣть, кричать: „довольно“ и т. п., чтобы помѣшать говорить противъ правленія“. При выборахъ правленію приходилось заранѣе писать записки и класть ихъ въ ящикъ: особенно церемониться съ готовой на все, но не все понимающей публикой было рискованно. При баллотировкѣ шарами приходилось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ. По словамъ свидѣтеля Дриттенпрейса, „ящики ставились не въ алфавитномъ порядкѣ фамилій кандидатовъ, какъ бы слѣдовало, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были записаны въ спискахъ, раздававшихся правленіемъ, и при этомъ указывалось, чтобы клали направо въ такое-то число ящиковъ, начиная съ перваго; или же ящики тѣхъ, кого слѣдовало выбрать, отдѣляли канделябрами отъ ящиковъ лицъ, которыя должны быть забаллотированы, и приказывали класть направо во всѣ ящики до канделябра“. Но и за всѣмъ тѣмъ для счета шаровъ ящики приходилось уносить въ другую комнату, чтобы не обнаружились недоразумѣнія...

Такова среда даже столичныхъ домовладѣльцевъ и гг. облигаціонеровъ, т. е. рентьеровъ, владѣющихъ процентными бумагами.

Мы уже замѣтили, что эта среда имѣетъ особый интересъ. Характерныя черты ея, вскрытыя московскимъ процессомъ, объясняютъ отчасти и нѣкоторые изъ дефектовъ нашего городского самоуправленія. Хроника городского хозяйства за любой періодъ

очень богата фактами, напоминающими веденіе дѣлъ въ Московскомъ Кредитномъ обществѣ. Въ Конотопѣ городская коммиссія безъ осмотра принимаетъ мостовую отъ подрядчика: пять разъ назначалось засѣданіе коммиссіи, но члены ея „играли въ прятки“, и трехмѣсячный срокъ, назначенный для пріема, оказался пропущеннымъ. Въ Ростовѣ-на-Дону около 200.000 рублей, завѣщанныхъ городу, попали въ руки другого наслѣдника—сына завѣщателя, состоявшаго членомъ управы. Въ Казани на дамбу, устройство которой было предпринято для предоставленія заработка голодающимъ, оказались уложенными лишь 843 куб. сажени матеріаловъ, на сумму 2440 р., а не 1946 кубовъ, стоившихъ 6000 р., какъ утверждала управа въ своемъ отчетѣ. Въ Нижнемъ два студента, приглашенныхъ для контроля судовыхъ квитанцій, обнаружили въ числѣ ихъ подложныя, выдававшіяся городскимъ депутатомъ Митрофановымъ, съ употребленіемъ сбора въ свою пользу. Въ томъ же Нижнемъ въ книгахъ городской управы оказались статьи расходовъ, озаглавленныя „личныя потребности г. Андронникова“, находящія свое оправданіе лишь въ томъ, что г. Андронниковъ приходился родственникомъ члену управы Бѣлову. Въ Сухумѣ открытъ лѣсничій несуществующаго городскаго лѣса. Въ Одессѣ обнаружены удивительные успѣхи, оказанные членомъ управы Аркудинскимъ въ дѣлѣ снабженія Одессы каменнымъ углемъ и постройки арестнаго дома... Таковы факты изъ сентябрьской хроники городского самоуправленія.

Единственное, можетъ быть, достоинство среды, изъ которой преимущественно набирается кадръ городскихъ хозяевъ, это, какъ указало въ свое время министерство внутреннихъ дѣлъ, отсутствіе склонности въ ней къ „увлеченіямъ какъ хозяйственнаго, такъ равно и политическаго свойства“ *). Это отрицательное качество, конечно, не искупаетъ ея равнодушія къ общественному дѣлу и уголовныхъ увлеченій, какія проявляютъ выставляемые ею дѣятели. Жизнь давно и настойчиво выдвигаетъ вопросъ о необходимости расширенія круга городскихъ избирателей и, въ частности, включенія въ ихъ среду наиболѣе просвѣщенной части городского населенія. Съ весны этотъ вопросъ, какъ извѣстно, вновь поставленъ правительствомъ на очередь. Общество чутко прислушивается къ извѣстіямъ о занятіяхъ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. Оболенскаго, работающей надъ вопросомъ о передачѣ городамъ квартирнаго налога и о предоставленіи избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ. Извѣстія эти пока скудны и неопредѣленны. Будетъ ли, наконецъ, разрѣшенъ этотъ вопросъ, или городское хозяйство по прежнему останется

*) См. историческую справку по вопросу о предоставленіи избирательныхъ правъ квартиронанимателямъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 5 іюня.

въ рукахъ тѣхъ, кому необходимо „просвѣщеніе канделябрами",— въ настоящее время сказать пока еще ничего нельзя.

Указанія жизни сравнительно рѣдко вѣдь совпадаютъ съ господствующими въ данный моментъ руководящими началами. Антагонизмъ между тѣми и другими обыкновенво игнорируется. Рѣдкіе случаи, когда голосъ жизни перевѣшиваетъ предвзятыя соображенія, приходится констатировать съ чувствомъ удовлетворенія. Не лишне будетъ остановиться на одномъ изъ такихъ случаевъ.

Не очень строгія и не стѣснительныя требованія законодательства объ обезпеченіи медицинской помощью рабочихъ исполняются фабрикантами и заводчиками, какъ извѣстно, очень неохотно, а очень часто и вовсе игнорируются. При осмотрѣ фабрикъ и заводовъ фабричными инспекторами, въ числѣ другихъ упущеній, между прочимъ было замѣчено даже, что на многихъ заводахъ трудно-больные рабочіе, вмѣсто подачи имъ медицинской помощи, увольняются *). Такое отношеніе къ рабочимъ не только сказывается серьезными страданіями для больныхъ, но и грозитъ, по мнѣнію фабричнаго надзора, опасностью общественному здравію, такъ какъ всякая инфекціонная болѣзнь, противъ которой не были своевременно приняты надлежащія мѣры, можетъ дать поводъ къ развитію эпидеміи. Конкретный образчикъ пагубнаго вліянія дезорганизаціи фабрично-заводской медицины на народное здравіе можно наблюдать, напр., въ Криворожскомъ горнозаводскомъ районѣ. По сообщенію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", мѣстному земству пришлось обратить вниманіе на значительное распространеніе тифозныхъ заболѣваній въ этомъ районѣ. „Заболѣваемость, по мнѣнію земскихъ санитарныхъ врачей, имѣетъ характеръ постоянный и чисто мѣстный, свойственный, очевидно, условіямъ труда и жизни рабочихъ на рудникахъ. Между тѣмъ, горнопромышленники не только не принимаютъ мѣръ къ искорененію тифа, но и затрудняютъ выполненіе задачи, принятой на себя земствомъ, закрывъ доступъ земскимъ врачамъ къ рудникамъ для изученія ихъ санитарно-гигіеническихъ условій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда промышленники содержатъ врачей, они стремятся обратить ихъ въ послушное себѣ орудіе и воспользоваться ими не для искорененія санитарныхъ безобразій, а для ихъ сокрытія. Крайне любопытный въ этомъ отношеніи фактъ сообщили недавно, „Недѣля" и „Уральская Жизнь". Врачъ Нижне-Салдинскаго завода, вызванный въ качествѣ эксперта въ камеру земскаго начальника, удостовѣрилъ негодность къ употребленію воды изъ рѣки Салды, куда

*) „Сынъ Отечества" 14 августа.

заводъ спускалъ отбросы. Заводское управленіе нашло въ этомъ „болѣе, чѣмъ странное пониманіе имъ своихъ обязанностей, какъ заводскаго врача, и отношеній своихъ къ интересамъ завода“, почему и уволило его отъ службы, очевидно, не теряя надежды найти другого, болѣе правильно понимающаго свои врачебныя и гражданскія обязанности.

Вообще же фабриканты и заводчики очень склонны вовсе освободить себя не только de facto, но и de jure отъ медицинскаго попеченія о своихъ рабочихъ. Ростовскіе промышленники не усомнились возбудить по этому вопросу даже общее ходатайство. Когда донское по фабричнымъ дѣламъ присутствіе издало обязательное постановленіе о безплатной лѣчебной помощи рабочимъ, согласно которому владѣльцы фабрикъ и заводовъ, имѣющіе свыше 400 человѣкъ, обязывались въ шестимѣсячный срокъ устроить самостоятельныя больницы, ростовскіе фабриканты вошли съ представленіемъ, въ которомъ доказываютъ, что устройство фабричныхъ больницъ примѣнимо лишь для загородныхъ фабрикъ и заводовъ. Если принять во вниманіе, что крупные фабрики и заводы расположены у насъ преимущественно въ городахъ, то легко понять, что ходатайство ростовскихъ фабрикантовъ, представленное при посредствѣ мѣстнаго комитета торговли и мануфактуръ въ министерство финансовъ, имѣетъ въ виду почти полное упраздненіе больничнаго лѣченія за счетъ фабрикъ.

Недостатки фабрично-заводской медицины за послѣднее время, повидимому, сильно озабочиваютъ министерство финансовъ. При департаментѣ торговли и мануфактуръ, по сообщенію „Торгово-промышленной Газеты“, въ недалекомъ будущемъ состоятся особыя совѣщанія по этому вопросу. Интересны при этомъ измѣненія, которыя произошли во взглядахъ министерства финансовъ на лучшій выходъ въ данномъ случаѣ. Не далѣе, какъ минувшей весной газеты сообщали о намѣреніи министерства организовать фабричную медицину при посредствѣ Общества Краснаго Креста. Въ Петербургѣ было созвано по этому вопросу совѣщаніе изъ представителей учрежденій Краснаго Креста, министерства финансовъ и фабрикантовъ. Совѣщаніе нашло необходимымъ организовать для указанной цѣли особый Комитетъ Краснаго Креста, который и собрался въ учредительное собраніе 30 мая. Вскорѣ былъ учрежденъ и уставъ Комитета, при чемъ предсѣдателемъ правленія былъ избранъ министръ финансовъ С. Ю. Витте. Согласно уставу, комитетъ имѣетъ своей задачей организацію врачебной помощи на фабрикахъ и заводахъ при посредствѣ соглашенія съ ихъ владѣльцами. Обращеніе къ посредству Краснаго Креста въ этомъ важномъ дѣлѣ мотивировалось успѣшнымъ объединеніемъ подъ его знаменемъ фабрикантовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной окраины. Важныя услуги, оказанныя народному здравію земствомъ во внутреннихъ губерніяхъ, и блестящіе ус-

пѣхи, достигнутые имъ на этомъ пути, тогда, повидимому, совсѣмъ были упущены изъ виду. Въ послѣднее время однако газеты сообщили, что организацію медицины на фабрикахъ предполагается поручить земствамъ, съ предоставленіемъ имъ права облагать фабрики и заводы особымъ для сего сборомъ. Будемъ надѣяться, что слухъ, сообщенный газетами, подтвердится, и что врачебная помощь на фабрикахъ и заводахъ получитъ, наконецъ, правильную и надежную организацію.

Злобы и вопросы городской жизни за послѣднее время совсѣмъ почти отвлекли общественное вниманіе отъ деревни. Въ этомъ сказалась, можетъ быть, реакція противъ усиленной заботливости, какой потребовала деревня минувшей зимой и весной. Между тѣмъ, во вниманіи и заботливости она и теперь нуждается не меньше, чѣмъ всегда. Вѣсти изъ деревни продолжаютъ говорить о трудномъ времени, которое она переживаетъ.

И въ настоящемъ году это трудное время для многихъ мѣстностей обострено сильнымъ недородомъ. Въ настоящее время съ несомнѣнностью уже выяснилось, что очень серьезныя продовольственныя затрудненія придется пережить населенію значительной части юга, нѣкоторыхъ юговосточныхъ уѣздовъ, переживщихъ голодовку въ прошломъ году, части Кавказа и довольно обширнаго пространства на Сѣверо-западѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстностей продовольственныя затрудненія успѣли принять уже острый характеръ. Наиболѣе подробными свѣдѣніями печать располагаетъ относительно Аккерманскаго уѣзда Бессарабской губерніи. Здѣсь, какъ видно изъ напечатаннаго 20 сентября въ одесскихъ газетахъ письма предсѣдателя уѣздной управы, начались уже „не спорадическіе, а массовые случаи заболѣванія тифомъ (въ шести селеніяхъ), требующіе мѣръ быстрыхъ и энергичныхъ къ его пресѣченію“. Положеніе Аккерманскаго уѣзда нельзя считать въ данномъ отношеніи исключительнымъ. Напротивъ, его положеніе, можетъ быть, благопріятнѣе многихъ другихъ пострадавшихъ мѣстностей. Благодаря энергіи мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, своевременно освѣдомившихъ общество о состояніи продовольственныхъ рессурсовъ, въ Аккерманскомъ уѣздѣ уже въ іюлѣ мѣсяцѣ начали открываться столовыя. Нѣкоторые добровольцы по борьбѣ съ прошлогоднимъ голодомъ изъ восточныхъ губерній прямо переѣхали въ Аккерманскій уѣздъ, не прерывая, такимъ образомъ, выполненія возложенной на нихъ обществомъ миссіи. Кромѣ того, мѣстное земство успѣло исхлопотать себѣ ссуду изъ губернскаго продовольственнаго капитала. Измаильскій уѣздъ, по общимъ отзывамъ, пострадалъ не меньше Аккерманскаго. Но этотъ уѣздъ лишенъ земскихъ учрежденій, и уже теперь выяснилось, что это обстоятельство наложитъ яркую

печать на исходъ продовольственной кампаніи въ немъ. Въ то время, какъ Аккерманское земство исчислило необходимую для населенія продовольственную ссуду въ размѣрѣ 1.000.000 руб., о чемъ и возбудило своевременное ходатайство, для Измаильскаго уѣзда начальникомъ губерніи было возбуждено ходатайство объ отпускѣ лишь 32.000, но и въ этомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было отказано *). Отсутствіе земства и воспитанныхъ имъ общественныхъ дѣятелей, нужно думать, скажется на притокѣ и частныхъ средствъ въ нѣкоторыя изъ пострадавшихъ мѣстностей. Наиболѣе тяжкихъ послѣдствій продовольственной нужды во всякомъ случаѣ нужно ожидать не въ земскихъ губерніяхъ, а въ глухихъ, лишенныхъ представительства, мѣстностяхъ, подобныхъ Бѣлоруссіи и Дагестану. Къ сожалѣнію, среди пострадавшихъ отъ недорода настоящаго года такихъ мѣстностей довольно много.

Характеръ продовольственной кампаніи текущаго года, повидимому, будетъ тотъ же, что и прежде. Министерство внутреннихъ дѣлъ въ разрѣшеніи ссудъ въ настоящемъ году проявляетъ даже значительно большую сдержанность, чѣмъ въ прошломъ. Мы только что упомянули объ отказѣ въ продовольственной ссудѣ Измаильскому уѣзду. Херсонскій губернаторъ предпринялъ даже спеціальную поѣздку по губерніи, между прочимъ, для „проведенія въ населеніе правильнаго взгляда на помощь земства и правительства пострадавшимъ отъ недорода“. По сообщенію „Крымскаго Вѣстника“, состоявшееся въ концѣ августа или началѣ сентября совѣщаніе днѣпровской земской управы, нѣкоторыхъ гласныхъ и мѣстныхъ земскихъ начальниковъ, „раздѣляя соображенія управы, признало, что, въ виду недостаточной ссуды на посѣвы и почти полнаго отказа министерства на продовольствіе, мѣстныя силы, поставленныя у дѣла удовлетворять нужды населенія, не могутъ принять на себя отвѣтственности за послѣдствія, могущія произойти для населенія отъ неурожая хлѣбовъ. Затѣмъ, въ виду поголовнаго отказа рабочему крестьянскому населенію въ правительственной ссудѣ, рѣшено ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи этому населенію работъ“ **). Саратовскій губернаторъ, котораго губернская управа просила узнать въ министерствѣ, можетъ ли земство разсчитывать на дополнительную ссуду для обсѣмененія полей, по возвращеніи изъ Петербурга сообщилъ ей, что „ходатайство о сѣменной ссудѣ не можетъ быть удовлетворено, такъ какъ кредита на это нѣтъ“ ***). Земству остался послѣ того одинъ исходъ—присту-

*) „Россія“, 27 августа.

**) Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, отъ 9 сентября.

***) „Саратовскій Листокъ“. Цитируемъ по перепечаткѣ въ „Новомъ Времени“ отъ 16 августа.

пить ко взысканію продовольственныхъ недоимокъ, чтобы полученными такимъ образомъ суммами удовлетворить нуждающихся.

Общественная благотворительность и въ настоящемъ году, повидимому, не сразу проложитъ себѣ дорогу къ пострадавшимъ...

„Въ настоящее время, писали въ концѣ іюня „Югу“ изъ Днѣпровскаго уѣзда, у насъ происходитъ борьба между людьми и муравьями. Во время іюньскихъ вѣтровъ на поляхъ было выбито много зерна, которое муравьи, заготовляя на зиму, поспѣшили подобрать въ свои муравейники. Люди, рискуя остаться зимой безъ хлѣба, рѣшили отобрать у муравьевъ свое добро. Для этого ежедневно на поле выходятъ женщины и дѣти с. Малыхъ Копаней и сосѣднихъ Келегейскихъ хуторовъ, раскапываютъ муравейники и выбираютъ оттуда зерна“ *). Любопытно, что этотъ промыселъ, по сообщенію корреспондента, оказался выгоднѣе, чѣмъ наемъ на сельскохозяйственныя работы въ тѣхъ мѣстахъ. По словамъ „Сына Отечества“, въ той же Новороссіи многіе нуждающіеся начинаютъ бродить по полямъ, собирая колосья, снесенные въ норы извѣстной степной мышью (Agricola avralis) **). Въ когда-то „обильной“, по увѣренію пословъ за варягами, землѣ псковскіе земскіе статистики познакомились съ еще болѣе удручающею изобрѣтательностью. Постоянно угрожаемое голодомъ населеніе изобрѣло там „лежку“. „Лежка“, по описанію „Курьера“,—это „приспособленіе къ минимальнымъ потребностямъ, своеобразные опыты съ отученіемъ человѣка отъ пищи. Лишь только домохозяинъ замѣчаетъ, что хлѣба при нормальномъ потребленіи ему не хватитъ до конца года, онъ распоряжается о сокращеніи потребительныхъ нормъ. Но, зная, что въ такомъ случаѣ ему трудно будетъ сохранить свое здоровье, а, главное, рабочія силы, онъ погружается въ лежку, т. е., попросту говоря, укладывается на печь лежать въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ. Вставая только для того, чтобы съѣсть ломоть хлѣба съ водой или истопить печь, онъ старается какъ можно меньше двигаться и больше спать... Не двигаясь, можетъ быть, даже совсѣмъ не думая, человѣкъ въ теченіе цѣлой зимы заботится только о томъ, чтобы меньше расходовать тепла въ организмѣ, чтобы меньше ѣсть, меньше пить, меньше двигаться, говорить,—однимъ словомъ, меньше жить: этому сокращенію жизни посвящены всѣ мысли человѣка въ „лежкѣ“. Въ домѣ воцаряется мракъ и тишина. По разнымъ угламъ, а больше на печкѣ и палатяхъ, кучками и въ одиночку лежитъ вся семья“.

---

*) Цитируемъ по перепечаткѣ газеты „Волынь“, отъ 30 іюля.

**) „Сынъ Отечества“, 1 октября.

Въ текущемъ году исполнилось десятилѣтіе одному изъ важнѣйшихъ и характернѣйшихъ законодательныхъ актовъ минувшаго царствованія, а именно „положенію о земскихъ участковыхъ начальникахъ".

Отношеніе правительственныхъ сферъ къ узаконеніямъ 12 іюля и 29 декабря 1889 года въ теченіе всего десятилѣтія оставалось, можно сказать, неизмѣннымъ. Имъ выпала рѣдкая доля: не только общія начала, положенныя въ ихъ основаніе, за это время не были подвергнуты сомнѣнію со стороны разумности и практичности, но и въ частностяхъ они не были подвергаемы сколько нибудь существеннымъ передѣлкамъ. Даже коммиссія для пересмотра узаконеній по судебной части, закончившая свои пятилѣтнія работы минувшей весной, вопросъ о мѣстныхъ судебныхъ органахъ оставила безъ разсмотрѣнія, хотя онъ и былъ внесенъ сначала въ программу ея занятій. Очевидно, узаконенія 1889 года вполнѣ отвѣчали тѣмъ цѣлямъ, какія предполагалось ими достигнуть. Важнѣйшую заботу правительства за истекшее десятилѣтіе составляло дальнѣйшее распространеніе дѣйствія этихъ узаконеній на новыя мѣстности и новыя стороны мѣстной жизни.

Но... „все течетъ". За видимою десятилѣтнею неизмѣнностью законоположеній 1889 года и отношенія къ нимъ правительства скрывалась довольно характерная эволюція. Съ направленіемъ этой эволюціи знакомятъ насъ недавно проникшія въ газеты свѣдѣнія о содержаніи „Наказа земскимъ начальникамъ", разосланнаго на заключеніе губернскихъ присутствій.

„Наказъ" имѣетъ цѣлью, съ одной стороны, указать формы, въ которыхъ должна проявляться земскими начальниками попечительная надъ сельскимъ населеніемъ власть и надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ, чѣмъ предполагается достигнуть наиболѣе дѣятельнаго осуществленія земскими начальниками предоставленныхъ имъ правъ и устранить въ тоже время случаи такого вмѣшательства ихъ въ дѣла сельскихъ обществъ или въ область вѣдомства другихъ установленій, которое выходитъ за предѣлы предоставленной имъ власти. Съ другой стороны, „Наказъ" указываетъ порядокъ производства земскими начальниками поступающихъ къ нимъ дѣлъ, чѣмъ предполагается достигнуть однообразной формы разсмотрѣнія и рѣшенія послѣднихъ, необходимой для надлежащаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняющей, по возможности, въ производствѣ медленность и излишнюю канцелярскую письменность.

Не лишне напомнить, что п. II-мъ Высочайше утвержденнаго 29 декабря 1889 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта было предоставлено министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, по взаимному ихъ соглашенію, давать земскимъ начальникамъ указанія о

внутреннемъ распорядкѣ и подробностяхъ дѣлопроизводства по *судебнымъ* дѣламъ. Что касается дѣлъ *административныхъ*, каковымъ, на сколько можно судить по оглашеннымъ до сего времени свѣдѣніямъ, преимущественно посвященъ „Наказъ“, то необходимость урегулированія ихъ производства десять лѣтъ тому назадъ совсѣмъ не предусматривалась. Напротивъ, если не въ оффиціальныхъ актахъ, то въ комментаріяхъ охранительной печати необязательность стѣснительныхъ формальностей считалась однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ новаго института. Необходимость урегулированія административной дѣятельности земскихъ начальниковъ, сознанная послѣ десятилѣтняго опыта, очень характерна.

Законъ 12 іюля 1889 года создалъ или, лучше сказать, возстановилъ у насъ особый видъ власти, опирающійся, съ одной стороны, на сословныя привилегіи, а съ другой—на прерогативы центральной власти. Земскій начальникъ одновременно являлся и мѣстнымъ дворяниномъ, и государственнымъ чиновникомъ. По скольку для перваго извнѣ предписанныя формы обременительны, по стольку же для второго онѣ обязательны. Форма—это единственная, хотя далеко не всегда достаточная гарантія для далекой центральной власти—добросовѣстнаго выполненія чиновникомъ возложенныхъ на него обязанностей. Формализмъ—это добродѣтель бюрократіи. Неизбѣжный антагонизмъ между мѣстнымъ и центральнымъ, между сословнымъ и бюрократическимъ началами, совмѣщенными въ институтѣ земскихъ начальниковъ, можно было предвидѣть и раньше. „Наказъ“, стремящійся попечительную власть земскихъ начальниковъ надъ сельскимъ населеніемъ ввести въ опредѣленныя формы, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, на чьей сторонѣ оказался перевѣсъ. Земскій начальникъ все меньше и меньше становится дворяниномъ, все больше и больше—чиновникомъ. Медленная эволюція, происходившая въ жизни, получаетъ свою санкцію въ „Наказѣ“.

Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ неудовольствіе и даже негодованіе, высказываемое по адресу „Наказа“ такими, казалось бы, безусловными поклонниками узаконеній 1889 года, какъ кн. Мещерскій. Для нихъ въ реформѣ 1889 года на первомъ планѣ стояло усиленіе дворянскаго элемента въ мѣстномъ управленіи. Усиленіе элемента бюрократическаго для нихъ кажется отступленіемъ отъ духа и смысла законовъ 1889 года. „Починъ“ и „усмотрѣніе“, не стѣсненные никакими формами,—вотъ лучшее, что они видѣли въ институтѣ земскихъ начальниковъ и что хотѣли бы не только сохранить, но и усилить. Десятилѣтній опытъ привелъ правительство, очевидно, къ совершенно противоположному выводу.

Кромѣ общей тенденціи ввести дѣятельность земскихъ на-

чальниковъ въ опредѣленныя рамки, „Наказъ“ представляетъ значительный интересъ и со стороны содержанія. Изданный послѣ десятилѣтней практики, онъ несомнѣнно долженъ отразить въ себѣ исторію мѣстныхъ учрежденій, созданныхъ узаконеніями 1889 года. Разъясняя дѣйствующія узаконенія, говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“, центральное вѣдомство въ равной мѣрѣ находитъ необходимымъ указать земскому начальнику и то, чего онъ не долженъ дѣлать. Обнаруживается надобность не только достигнуть дѣятельнаго исполненія земскимъ начальникомъ его обязанностей, но и подчеркнуть предѣлъ его правъ, *устранить* (такъ и сказано въ сообщеніяхъ о наказѣ, ибо дѣло идетъ, очевидно, не о возможныхъ отступленіяхъ отъ закона, а о дѣйствительно существующихъ), „случаи такого вмѣшательства земскаго начальника въ дѣла крестьянскихъ обществъ или въ область вѣдомства другихъ установленій, которое выходитъ за предѣлы присвоенной ему дѣйствующими узаконеніями власти“ *).

Въ оглашенныхъ уже статьяхъ наказа содержится, между прочимъ, рядъ правилъ, стремящихся оградить самостоятельность сельскихъ обществъ и волостного суда отъ вольнаго или невольнаго давленія земскаго начальника. Проектируется, между прочимъ, также правило, въ силу коего земскій начальникъ, разрѣшая приведеніе въ исполненіе приговора о тѣлесномъ наказаніи, обязанъ, посредствомъ справки о личности, лѣтахъ и состояніи здоровья приговореннаго къ наказанію, удостовѣриться, что къ исполненію приговора не встрѣчается законныхъ препятствій и что въ обстоятельствахъ дѣла не заключается основаній къ замѣнѣ назначеннаго судомъ наказанія другимъ. Изъ статьи въ „Гражданинѣ“ видно также, что „Наказъ“ стремится ввести состязательный порядокъ при разсмотрѣніи земскимъ начальникомъ административныхъ дѣлъ, считаемый, очевидно, составителями за лучшій „для надлежащаго выясненія обстоятельствъ“. Изъ этого видно, какія серьезные недостатки въ дѣятельности земскихъ начальниковъ стремится искоренить „Наказъ“ и какъ важны поставленныя имъ задачи.

А. П.

II.

Два убійства.

Намъ приходится отмѣтить два печальныхъ случая, жертвами которыхъ сдѣлались почти одновременно два провинціальныхъ писателя. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ болгарскомъ поселкѣ Катар-

*) Русскія Вѣдомости, 8 октября.

жинѣ (Херс. губ.) убитъ сотрудникъ одесскихъ газетъ, г. Сосновскій. Онъ работалъ въ „Новоросс. Телеграфѣ“ и, какъ сообщаютъ газеты, въ рядѣ статей уличалъ мѣстныхъ переселенцевъ-болгаръ въ недостаткѣ русскаго патріотизма и въ сепаратистскихъ стремленіяхъ, выражавшихся, между прочимъ, въ томъ, что болгаре женятся только на болгаркахъ, избѣгая браковъ съ русскими и т. д. „Къ несчастію, говоритъ одна изъ газетъ,—съ появленіемъ этихъ статей совпали нѣкоторыя репрессіи по отношенію къ жителямъ села, и они приписали это вліянію корреспонденцій Сосновскаго“. Повидимому, изъ своей родины катаржинскіе болгаре вынесли чисто турецкіе нравы, которые еще не успѣли исчезнуть на новомъ мѣстѣ. Корреспондентъ найденъ убитымъ въ своей квартирѣ. Впрочемъ, слѣдствіе откроетъ виновныхъ въ этомъ дикомъ звѣрствѣ, и очень можетъ быть, что огульныя обвиненія по адресу катаржинскихъ жителей пока преждевременны.

Къ сожалѣнію, никакимъ сомнѣніямъ и смягченіямъ не подлежитъ другое событіе такого-же рода. Уже и теперь оно освѣщено многочисленными корреспондеціями столичныхъ и провинціальныхъ газетъ съ самой трагической полнотой и ясностію. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ Ташкентѣ проживалъ сотникъ 5-го оренб. казачьяго полка Колокольцовъ, имѣвшій жену и 2 дѣтей. На квартирѣ у него, въ качествѣ постояльцевъ, жили сотникъ Мальхановъ и дворянинъ Джорджикіа, грузинъ, бывшій чиновникъ, а въ данное время служащій въ частномъ обществѣ транспортированія кладей. Г. Джорджикіа, по отзывамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ порядочный, скромный и уживчивый. Къ сожалѣнію, жильцамъ пришлось вскорѣ стать свидѣтелями такихъ проявленій „домашней жизни“ въ семьѣ сотника Колокольцова, которыя не могутъ оставить равнодушнымъ самаго черстваго человѣка. По словамъ обвинительнаго акта, составленнаго впослѣдствіи противъ Джорджикіа,—сотникъ Колокольцовъ... „пьянствовалъ, унижалъ жену, бранилъ ее площадной бранью, не стѣсняясь ни родныхъ, ни знакомыхъ, и билъ ее“ (*„по большей части по головѣ“*—прибавляетъ оффиціальный документъ для точности). Джорджикіа старался удержать Колокольцова и имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе, — Колокольцовъ иногда его слушался, порой обнималъ, но возмутительныя безобразія продолжались. Послѣ встрѣчи новаго года сотникъ Колокольцовъ, вернувшись домой пьяный, сталъ опять истязать жену, сжегъ на террасѣ ея платье, стрѣлялъ въ комнатахъ изъ револьвера, „подносилъ спичку къ головѣ жены“ и жегъ волосы. Джорджикіа отнялъ у него револьверъ, которымъ, между прочимъ, истязатель (повидимому душено-больной) грозилъ застрѣлиться. Нужно замѣтить при этомъ, что у Джорджикіа была невѣста, и о какихъ-бы то ни было романическихъ отношеніяхъ между нимъ и г-жей Колокольцовой не могло быть и рѣчи. 2-го января эти

безобразныя сцены продолжались, и несчастная жертва вынуждена была сначала скрыться въ комнату сотника Мальханова, а затѣмъ, съ двумя дѣтьми—въ гостиницу Александрова. Джорджикіа же кинулся къ товарищамъ и начальству Колокольцова, прося принять какія нибудь мѣры... Командиръ, полковникъ Бояльскій, послалъ къ Колокольцову адъютанта Сычева. Послѣдній сообщилъ Джорджикіа, что Колокольцовъ „далъ ему слово" больше не безобразничать. Понятно, что слово изступленнаго и совершенно невмѣняемаго человѣка никакого значенія не имѣло. При встрѣчѣ съ Джорджикіа Колокольцовъ сообщилъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ въ гостиницу Александрова, гдѣ (какъ онъ будто-бы узналъ отъ своего начальства) скрывается его жена, и притащитъ ее за волосы. При этомъ онъ опять сталъ требовать отнятый револьверъ, который Джорджикіа спряталъ къ себѣ въ карманъ. Испуганный угрозами Колокольцова, Джорджикіа бросился въ гостиницу, чтобы препроводить поскорѣе несчастную женщину съ дѣтьми хотя-бы въ полицію,—но было уже поздно: въ корридоръ уже входилъ Колокольцовъ. Тогда, не помня себя, со словами „Николай Павловичъ, Николай Павловичъ"... онъ выхватилъ спрятанный въ карманѣ револьверъ и произвелъ въ Колокольцова 5 выстрѣловъ, причинившихъ, впрочемъ, лишь легкія раны (Колокольцовъ находился въ госпиталѣ съ 3-го по 7-е января).

Вслѣдствіе этого дворянинъ М. И. Джорджикіа былъ преданъ суду по обвиненію въ томъ, что „3 января 1899 года, въ городѣ Ташкентѣ, въ номерахъ Александрова, въ запальчивости и раздраженіи, вызванномъ внезапнымъ появленіемъ сотника 5-го оренбургскаго казачьяго полка Ник. Павлова Колокольцова въ то время, когда онъ хотѣлъ спасти жену послѣдняго отъ его преслѣдованій, съ цѣлью лишить жизни Колокольцова, сдѣлалъ въ него почти въ упоръ 5 выстрѣловъ изъ револьвера, но, по независящимъ отъ Джорджикіа обстоятельствамъ, смерти не послѣдовало" *)...

Защитникомъ Джорджикіа выступилъ въ судѣ частный повѣренный и редакторъ „Русскаго Туркестана" Сморгунеръ. По долгу совѣсти, онъ сказалъ въ пользу обвиняемаго все, что былъ обязанъ сказать, въ томъ числѣ, конечно, указалъ на безуспѣшныя усилія Джорждикіа оградить женщину отъ дикихъ истязаній... Судъ, признавъ Джорджикіа виновнымъ, постановилъ, въ виду выяснившихся обстоятельствъ дѣла, ходатайствовать о полномъ помилованіи обвиненнаго. Сморгунеръ, въ качествѣ редактора мѣстнаго органа, началъ печатать сухой судебный отчетъ въ „Русскомъ Туркестанѣ".

---

*) „Русскій Туркестанъ", №№ 88 и 89, авг., 1899 года, обвинительн. актъ по дѣлу Джорджикіа.

Между тѣмъ по городу распространился слухъ, будто въ своей защитительной рѣчи Сморгунеръ сказалъ: „гг. казаки днемъ бьютъ нагайками лошадей, а ночью своихъ женъ“. Теперь уже совершенно извѣстно, что фразы этой Сморгунеръ *не говорилъ*. Вся рѣчь его была вполнѣ корректна, и ни разу онъ не былъ остановленъ предсѣдателемъ. Тѣмъ не менѣе, командиръ пятаго оренбургскаго казачьяго полка, полковникъ Сташевскій, считая эти (не сказанныя) слова оскорбительными для чести полка, явился 2-го сентября въ квартиру Сморгунера и сталъ бить его нагайкой, говоря, что казаки умѣютъ бить не однихъ женъ. Сморгунеръ схватилъ стулъ, а г. Сташевскій выхватилъ револьверъ, который, къ счастью, далъ осѣчку.

Тогда, недовольный, очевидно, с омнительнымъ исходомъ столкновенія, и раздраженный попыткой Сморгунера предать гласности его покушеніе *), полковникъ Сташевскій рѣшился довести дѣло до конца. Это было нетрудно, такъ какъ Сморгунеръ, повидимому, человѣкъ мужественный, попрежнему являлся въ судъ и всюду, гдѣ этого требовало исполненіе его обязанностей. 4-го сентября, полковникъ Сташевскій пришелъ въ канцелярію суда, вооруженный револьверомъ, и здѣсь убилъ наповалъ безоружнаго адвоката-писателя.

Еще и до настоящаго времени вся русская печать, столичная и провинціальная, полна отголосками этой трагедіи. Мѣстный оффиціальный органъ („Туркестанскія Вѣдомости“) посвятилъ памяти Сморгунера теплую статью, кончающуюся словами: „Миръ праху твоему, честный ратоборецъ печатнаго слова“. Изъ другихъ (очень многочисленныхъ) отзывовъ мы приведемъ здѣсь письмо Джорджикіа, напечатанное первоначально въ „Астраханскомъ Листкѣ“ и обошедшее всѣ газеты.

„За что погибъ человѣкъ? — спрашиваетъ Джорджикіа... Зачѣмъ убійца ворвался въ храмъ правосудія, гдѣ раздается голосъ Александра II, сразилъ безмезднаго защитника угнетенныхъ и чистою кровью его обрызгалъ храмъ правосудія, представители котораго, наравнѣ съ обществомъ, убиты горемъ? На этотъ вопросъ,—клянусь свѣжею могилою Сморгунера, я отвѣчу безъ всякой злобы одною правдой“.

„День 14-го мая,—продолжаетъ Джорджикіа,—былъ счастливѣйшимъ днемъ для русской средней Азіи. Старое судопроизводство уступило мѣсто окружнымъ судамъ. Въ составъ судей были назначены новыя лица изъ центра Россіи, девизомъ которыхъ было и есть: „Защита правды и справедливости“. Съ какою желчью и нежеланіемъ старые помѣщики разставались со своими правами въ 1861 г.,—съ такою злобою и ненавистью встрѣтили нѣкоторыя лица въ Средней Азіи судебную реформу. Вчерашніе

*) „Костр. Листокъ“, № 109.

всемогущіе мпніатюрные Тамерланы,—сегодня, благодаря судебной реформѣ, становились ничѣмъ... Въ этотъ именно моментъ неравной борьбы устарѣлыхъ традицій со свѣжею образованною силою, ратующей за правду и истину, было назначено къ слушанію и мое дѣло".

Переходя затѣмъ къ самому важному моменту процесса,—Джорджикіа передаетъ содержаніе *своего* показанія передъ судомъ:

„Господа судьи,—сказалъ онъ,—можетъ быть, у васъ возникнетъ вопросъ—почему сотникъ Колокольцовъ во время пьянства придирался къ женѣ, а не къ другимъ лицамъ? на это отвѣчу: потому, что въ подчиненіи сотника Колокольцова находились два существа—жена и лошадь; когда онъ былъ пьянъ, что бывало каждый день, то днемъ загонялъ и билъ плетью лошадь, а по ночамъ колотилъ жену; къ стороннему лицу онъ не могъ придираться, ибо могъ получить взаимное оскорбленіе!„

„Этого выраженія Сморгунеръ не цитировалъ и вообще на эти слова никѣмъ не было обращено вниманія. Да, наконецъ, оно не могло относиться, помимо самого Колокольцова, къ его сослуживцамъ и къ цѣлому полку".

Справедливо указавъ на то, что полковникъ Сташевскій имѣлъ полную возможность обратиться къ предсѣдателю суда или прокурору, которые не преминули бы разъяснить „недоразумѣніе", и убѣдить его, что изъ устъ Сморгунера не исходили оскорбительныя слова ни почьему адресу,—г-нъ Джорджикіа утверждаетъ, что убійцѣ и не нужно было выясненіе истины. „Просто онъ остался недоволенъ приговоромъ, вообразивъ виновникомъ его моего защитника, кровожадно расправился съ нимъ, кстати избравъ мѣстомъ мщенія канцелярію суда... Сморгунеръ убитъ за то, что онъ стоялъ за правду, за то, что около него сгрупировалась вся мѣстная интеллигенція, чуждая интригъ, низкопоклоничества и заискиваній". Своею крошечной газетою, „Русскій Туркестанъ", Сморгунеръ язвилъ окраинные порядки... *).

Хотѣлось бы думать что хоть этотъ яркій примѣръ послужитъ къ просвѣтленію извращенныхъ понятій о чести, жертвою которыхъ сдѣлался покойный. Застрѣлить опытной рукой человѣка въ черномъ сюртукѣ, не умѣющаго защищаться,—нѣтъ, въ этомъ не можетъ быть ни мужества, ни чести. А стоять на своемъ посту, въ сознаніи своего долга, презирая гоненія и опасность, въ этомъ есть и честь, и мужество, и та истинная красота, которую одну только должно цѣнить, передъ которой одной должны преклоняться всѣ мы, безъ различія профессій и состояній.

Газеты сообщаютъ, что семья Сморгунера осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. **Вл. Кор.**

---

*) Заимствуемъ изъ „Россіи", 29-го сентября, № 154.

Неплюевская школа.

(Письмо изъ Глуховского уѣзда).

Въ нашемъ Глуховскомъ уѣздѣ (Черниговской губ.), въ хуторѣ Воздвиженскомъ, принадлежащемъ мѣстному землевладѣльцу Николаю Николаевичу Неплюеву, существуетъ съ 1884 г. Воздвиженская сельско-хозяйственная школа и такъ называемое „Крестовоздвиженское Трудовое Братство“. Учрежденія г. Неплюева уже обратили на себя вниманіе печати; между прочимъ, о нихъ писали: баронъ Н. В. Дризенъ въ „Нов. Вр.“, Г. Д. Горбуновъ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, С. И. Уманецъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“, Н. П. Вагнеръ въ „Недѣлѣ“, М. П. Мясоѣдовъ въ „Русскомъ Трудѣ“, пасторъ Гутеръ въ марсельскомъ журналѣ „La Mission Intérieure“, профессоръ Боне-Мори въ парижскомъ журналѣ „Revue Chrètienne“, аббатъ Можисъ въ турскомъ журналѣ „Bulletin de St. Martin“, M-rs Creve (Крью) въ лондонскомъ журналѣ „Church Army“ и др. Кромѣ того, 5 марта (н. с.) 1898 г. профессоръ церковной исторіи при парижской Сорбоннѣ, Гастонъ Боне-Мори сдѣлалъ докладъ о Неплюевскомъ братствѣ и о своеобразной системѣ воспитанія въ его школахъ въ засѣданіи парижской академіи, а академикъ Анатоль Леруа Больё написалъ объ этомъ докладѣ статью въ „Новое Время“.

Наконецъ, въ настоящемъ году, самъ г. Неплюевъ пропагандируетъ свою школу и братство на страницахъ „Недѣли“ (см. „Книжки Недѣли“) въ статьяхъ, правду сказать, проникнутыхъ значительной дозой самовосхваленія.

Живя въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ м. Воронежѣ, по сосѣдству съ Воздвиженскимъ, мы имѣли возможность детально ознакомиться съ характеромъ этого своеобразнаго учрежденія и считаемъ нелишнимъ изложить въ настоящей статьѣ, какъ можно точнѣе, свои десятилѣтнія наблюденія надъ Неплюевской школой.

Хуторъ Воздвиженскъ находится въ 20-ти верстахъ отъ г. Глухова. Онъ окруженъ кольцомъ дубоваго и сосноваго лѣса. Школа расположилась на полянѣ, вблизи обширной экономіи, съ ея казармами для рабочихъ, обширнымъ скотнымъ дворомъ, конторой, красивымъ господскимъ домомъ и старымъ деревяннымъ винокуреннымъ заводомъ. Возлѣ школы помѣстилась маленькая деревянная церковь и „общежитіе“ для учителей. По другую сторону экономіи, возлѣ огромнаго новаго каменнаго винокуреннаго завода, стоитъ другая сельско-хозяйственная школа — женская. Въ мужской школѣ курсъ ученія пятилѣтній, а въ женской—четырехлѣтній.

Окончившіе школу воспитанники и воспитанницы частью поступаютъ въ особую артель, основанную на религіозныхъ началахъ, такъ называемое „Крестовоздвиженское Православное Трудовое Братство", а частью идутъ на сторону, въ „наемники"; или „торговать на ярмарку жизни", какъ любитъ выражаться Николай Николаевичъ.

Такимъ образомъ, школа служитъ „колыбелью" братства, въ которой воспитанники спеціально и систематически пріучаются „создавать честную радость братства трудового".

Главою школъ и братства является, безъ сомнѣнія, Н. Н. Неплюевъ. По отношенію къ школѣ, ему присвоено званіе *попечителя*, а по отношенію къ братству—„*посадника*". Съ личностью г. Неплюева довольно хорошо знакомитъ его собственная статья—„Опытъ дѣла любви", помѣщенная въ февральской „Книжкѣ Недѣли".

„Съ ранняго дѣтства, заявляетъ Н. Н., я носилъ глубоко въ сердцѣ религію любви и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ фанатикомъ любви... Не только присутствіе человѣка грубо недоброжелательнаго, но даже присутствіе человѣка равнодушнаго, холоднаго доставляло мнѣ тяжелое, иногда почти невыносимое страданіе; я чувствовалъ, какъ духъ мой коченѣлъ, какъ овладѣваетъ имъ *параличъ, мучительный какъ смерть* (?)... Въ отсутствіи любви я коченѣлъ, замиралъ, сердце наполнялось тоскою и ужасомъ"... Одно только *чудесное* утѣшало будущаго реформатора: „только тогда я и жилъ, и чувствовалъ себя счастливымъ, когда *во снѣ видѣлъ безконечно дорогія, неземныя существа, говорившія мнѣ любовь свою*".

Вообще, какъ человѣкъ, отмѣченный Божьимъ перстомъ, Н. Н. въ дѣтствѣ совсѣмъ не походилъ на разныхъ беззаботныхъ шалуновъ. „*Я рано началъ думать*, продолжаетъ онъ, *вдумчиво относиться къ явленіямъ окружающей жизни, многое не по дѣтски понимать*... Всѣмъ существомъ своимъ я чувствовалъ, что, кромѣ этого земного міра, есть міръ иной, *болѣе естественный*, болѣе сродный душѣ моей. Въ этотъ міръ я вѣрилъ безконечно больше, чѣмъ въ тотъ міръ, который я видѣлъ глазами. И я погрузился въ восторженную религіозность. Ежедневно, утромъ и вечеромъ я подолгу молился, доходя въ дѣтской молитвѣ моей до *блаженства экстаза*" (стр. 10). Очевидно, Николаю Николаевичу съ самаго дня его рожденія предначертано было устраивать „Крестовоздвиженское братство"; дѣйствительно, „во снѣ мнѣ было указано дѣло любви, воспрянуть духомъ, пойти по указанному пути, приняться за дѣло любви" (стр. 11). „Эта мысль, поясняетъ еще разъ Н. Н., была дана мнѣ *сновидѣніемъ*, въ которомъ я видѣлъ себя въ избѣ, въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми бесѣдовалъ. *Лица ихъ были какъ бы преображенными, просвѣтленными*, гармонич-

нымъ сочетаніемъ свѣта, разума и вдохновенія любви". „Сонъ этотъ, говоритъ Н. Н. въ другой книгѣ („Воздвиженская школа—колыбель трудового братства"), повторялся 6 разъ сряду и, замѣчательно, черезъ пять лѣтъ, осуществился на яву въ мельчайшихъ подробностяхъ". Это было въ 1881 г. Съ тѣхъ поръ Н. Н. начинаетъ дѣйствовать въ указанномъ направленіи и достигаетъ такихъ результатовъ, „которыхъ, по его словамъ, предвидѣть было невозможно". „Въ настоящее время *въ моемъ имѣніи 5 школъ* для дѣтей всѣхъ возрастовъ, дѣтское общежитіе для дѣтей дошкольнаго возраста, большая сельская школа, общежитіе при ней, мужская и женская сельско - хозяйственная школа".

Въ этомъ мѣстѣ должно исправить маленькую неточность,—насколько извѣстно намъ, мѣстнымъ жителямъ, въ имѣніи Н. Н. есть *только двѣ* школы, именно — сельско-хозяйственныя. Надо думать, что Н. Н. считаетъ также школами — два крошечныхъ пріюта, находящіеся въ его имѣніи. „Пятая" школа будетъ, очевидно,—земское училище, существующее въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Ямполѣ (Н. Н. Неплюевъ даетъ ей субсидію въ размѣрѣ дохода съ ярмарочной площади).

Двѣ названныя сельско-хозяйственныя школы и являются „колыбелью" братства, гдѣ „отзывчивыя любящія души, какъ цвѣтки, распускаются и благоухаютъ подъ животворными лучами любви, въ ея живительной атмосферѣ" (стр. 20). Но, впрочемъ, далѣе Н. Н. поясняетъ, что въ школѣ его есть холодныя, озлобленныя и ожесточенныя души; „ожесточеніе это можетъ принять чудовищные размѣры, выразиться въ самыхъ уродливыхъ формахъ". Но это ничего... „Это ничто иное, какъ конвульсіи, агонія стараго человѣка, муки рожденія отъ совѣсти въ совѣсть, отъ старой совѣсти въ новую совѣсть... Грустныя явленія, бывшія прежде нормальными, стали исключеніемъ, и грубые умомъ и сердцемъ люди, составлявшіе прежде большинство, являются теперь чужаками, возмущающими нравственное чувство, любовь и совѣсть большинства"...

Посмотримъ же, изъ какихъ элементовъ состоитъ эта лабораторія душъ, измѣняющая ихъ такъ радикально...

Самая крупная особенность въ организаціи Неплюевской школы, это такъ называемые „*Братскіе кружки воспитанниковъ*"—„старшій братскій кружокъ" и „младшій братскій кружокъ". Дѣло въ томъ, что всѣ воспитанники (ихъ всего 80) и воспитанницы (60) раздѣляются на 3 категоріи. Самые примѣрные по своему поведенію воспитанники старшихъ классовъ составляютъ „старшій братскій кружокъ", находящійся подъ личнымъ покровительствомъ Николая Николаевича; члены этого кружка являются самыми близкими помощниками Н. Н., такъ сказать, его сподручниками. По субботамъ, сидя за чайнымъ столомъ въ домѣ г. Не-

плюева, они разсказываютъ ему всѣ подробности школьной жизни остальныхъ воспитанниковъ. Пріемъ новаго члена въ „старшій братскій кружокъ“ является великимъ событіемъ въ жизни школы и празднуется тамъ со особой торжественностью. Всякому члену „Старшаго братскаго кружка“ поручается воспитывать 4 или 5 младшихъ воспитанниковъ, которыхъ онъ, старшій, долженъ „привесть къ подножію креста Господня“, какъ принято выражаться въ школѣ.

Школьная практика выработала много мѣръ, которыми старшіе воспитанники вліяютъ на своихъ младшихъ; такъ напримѣръ, всякій младшій обязанъ вести дневникъ, который непремѣнно прочитывается старшимъ. Старшій отмѣчаетъ въ дневникѣ все болѣе или менѣе заслуживающее вниманія и въ свою очередь передаетъ Николаю Николаевичу для прочтенія отмѣченныхъ мѣстъ. По очереди, старшіе, вмѣстѣ со своими младшими, каждый день ходятъ въ домъ къ Н. Н., чтобы разсказать про свою жизнь, т. е. исповѣдываться, и потомъ помолиться вмѣстѣ съ нимъ. Воспитанникъ становится на колѣни передъ распятіемъ, а Н. Н. кладетъ ему на голову руки и молится до тѣхъ поръ, пока все тѣло его начнетъ конвульсивно вздрагивать... Помимо упомянутыхъ регулярныхъ собраній по субботамъ, часто бываютъ также собранія экстренныя. Въ день ангела кого-либо изъ братьевъ, собирается весь кружокъ, чтобы помолиться и прочесть *характеристику* именинника, написанную кѣмъ-либо изъ братьевъ. Чтобы дать понятіе читателю объ этихъ характеристикахъ, привожу здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ одной типичной характеристики, имѣющейся въ моемъ распоряженіи:

„Дорогой нашъ братъ, Иванъ!

„Всѣмъ намъ не нравится въ тебѣ, Иванъ, чрезвычайный разгулъ; онъ иногда доходитъ до того, что ты грубо обращаешься съ товарищами, особенно въ борьбѣ. Часто ты разгульно кричишь, сочувственно присвистывалъ рабочимъ, когда они пѣли грубыя и разгульныя пѣсни. Иванъ! не нравится это намъ въ тебѣ. Ты теперь поступилъ въ старшій братскій кружокъ и надо тебѣ подавать младшимъ примѣръ хорошій, а не дурной.

„Иванъ! ты гордъ и самонадѣянъ. Когда кто изъ товарищей указывалъ тебѣ съ любовью на то, что могло быть для тебя вреднымъ, ты гордо отвѣчалъ: „самъ знаю, что дѣлаю“! Подумай, Иванъ, что ты говорилъ этимъ. Ты этимъ говорилъ, что говорятъ своимъ поведеніемъ и многіе другіе въ школѣ Николаю Николаевичу и старшимъ: „иди ты дальше со своими добрыми чувствами“. Также при самонадѣянности, ты не заботился о своемъ здоровьи и о здоровьи товарищей,—ты нѣсколько разъ подвергался большимъ опасностямъ,—весною, при разливѣ воды, ты нѣсколько разъ попадалъ въ воду; однажды ты лазилъ на

столбъ, гдѣ виситъ колокольчикъ и брался рукою за карнизъ, желая повиснуть на немъ; онъ непремѣнно сломался-бы и ты бы упалъ и расшибся. Подумай о томъ, какое-бы это горе было для твоихъ друзей. Иванъ! замѣчали за тобою, что ты также не заботишься о здоровьи товарищей: ты при борьбѣ съ ними неосторожно бросаешь ихъ и они легко могли ушибиться сильно. Иванъ! были случаи, что ты съ неуваженіемъ относился къ учителю. Однажды учитель спросилъ: „почему —*овъ* не поетъ?“ А ты отвѣчаешь, что у —*ова* голова болитъ! Не всегда ты былъ послушенъ старшинѣ. Иванъ! очень намъ не нравится въ тебѣ, что ты упорно не соглашаешься съ товарищами въ „кругу“, когда они порицаютъ тѣхъ, кто дурно поступаетъ. Ты всегда готовъ извинить дурного; товарищей считаешь несправедливыми, тогда какъ они справедливѣй тебя, не примиряясь со зломъ.— Иванъ! настоящій христіанинъ не можетъ такъ думать, какъ ты: ты, Иванъ, предпочитаешь малороссовъ всѣмъ другимъ народностямъ, готовъ восторгаться въ нихъ даже дурнымъ. Иванъ, христіанинъ не можетъ такъ думать, для него всякъ братъ, въ комъ Христосъ, несмотря на то, кто онъ—малороссъ, великороссъ или кто другой. Въ своихъ сочиненіяхъ, ты сочувственно говоришь и о „вечерныцяхъ“, и о пьянствѣ. Это измѣна Христу ради Малороссіи и ея обычаевъ. Порицаемъ, Иванъ, мы въ тебѣ излишнее увлеченіе литературою. Часто ты увлекался чтеніемъ повѣстей, а уроковъ не приготовлялъ. Много читалъ для развлеченія, а не хотѣлъ читать сочиненій по богословію, гдѣ разъясняется слово Божіе, которое для насъ самое главное. Подумай, Иванъ, какъ ты поступилъ въ одномъ случаѣ: ты просился идти домой на праздникъ, тогда, когда рѣшено было читать характеристики братьямъ твоимъ о Христѣ, когда долженъ бы быть кругъ и маевка, и ты все это разстроилъ. Ты, Иванъ, подалъ примѣръ и другимъ товарищамъ, которые съ радостью ухватились за него, потому что они никогда не желаютъ проводить время сообща въ бесѣдахъ. Благодаря вамъ, ни чтенія характеристикъ, ни круга, ни маевки не было.

„Ваня! не одно дурное мы въ тебѣ видимъ, видимъ въ тебѣ и доброе, за что любимъ тебя... Ваня, ты добрый и отзывчивый...“ и т. д.

Подписано:—„Искренно любящіе тебя братья—Митрофанъ, Тихонъ, Александръ, Акимъ“ и др.

Подобную же характеристику обязанъ написать „старшій“ каждому своему „младшему“ воспитаннику и представить ее въ совѣтъ старшаго кружка, каждый годъ, къ 1-му января. Чтобы облегчить свою работу, старшіе имѣютъ у себя по особой тетрадкѣ, въ которой и отмѣчаютъ всѣ большіе и малые проступки „младшихъ“. Въ концѣ года подводится итогъ и составляется характеристика, въ которой изслѣдуется вопросъ, какъ отно-

сится данный воспитанникъ къ Богу, къ Николаю Николаевичу и товарищамъ; здѣсь же приводятся разные эпизоды изъ его жизни, напр., (см. книгу Н. Неплюева. „Воздвиженская школа—колыбель трудового братства“, стр. 113):

„Дьявольская гордость его постоянно внушала ему, что всѣ его обижаютъ, и онъ защищался: былъ грубъ и золъ. Все это онъ долго таилъ въ себѣ, но, наконецъ, одинъ случай заставилъ его высказаться.

„Я былъ со своимъ кружкомъ у Николая Николаевича и разсказалъ ему все, что зналъ объ N. Н. Н. послѣ говорилъ съ нимъ и онъ жаловался на всѣхъ и на все, обвинялъ всѣхъ, выгораживая себя, считая себя обиженнымъ и покинутымъ. Ни капли любви къ кому-бы то ни было, ни слова благодарности тѣмъ, кто о немъ заботился, одно лишь холодное обвиненіе и мрачное озлобленіе. Такая холодность и черствость, такая страшная гордость возмутила Николая Николаевича. Его воспитанникъ, котораго онъ довѣрчиво взялъ къ себѣ, совсѣмъ не зная его раньше, котораго онъ окружилъ отеческою заботливостью и любовью, котораго поручилъ любовнымъ попеченіямъ одного изъ членовъ старшаго братскаго кружка, котораго, несмотря на непріятный его характеръ, изъ желанія согрѣть любовью, приняли въ члены младшаго братскаго кружка, этотъ воспитанникъ теперь ему безсовѣстно говоритъ, что онъ всѣми обиженъ и покинутъ! Н. Н. позвалъ меня къ себѣ и при немъ разсказалъ все, что услышалъ отъ него, желая, какъ онъ говорилъ, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло.

„Н. Н. сильно волновался; онъ съ возмущеніемъ говорилъ, что не дастъ ему мучить меня потому, что любитъ меня. Но N сравнительно оставался спокоенъ. Тогда *Н. Н. окончательно возмутился и грозно приказалъ ему просить у меня прощенія на колѣняхъ* (!)...

„N дѣйствительно сталъ тише, ласковѣе и ближе съ товарищами, хотя во многомъ жилъ по прежнему. Горячаго желанія работать на дѣло Божіе у него еще не видно. Совѣсть вѣроятно заговорила въ немъ, любовь же спитъ непробудно. Молитвеннаго настроенія еще нѣтъ“.

„Младшій братскій кружокъ“ является необходимой ступенью для того, кто захочетъ вступить въ „старшій кружокъ“. Члены „младшаго братскаго кружка“ имѣютъ цѣлью помогать другъ другу совершенствоваться въ духовно-нравственномъ отношеніи; они также зорко слѣдятъ за внѣкружковыми воспитанниками; если кто нибудь изъ нихъ замѣтитъ проявленіе „доброй воли“ со стороны внѣкружковаго воспитанника, то сейчасъ же сообщаетъ объ этомъ кружку; кружокъ зоветъ такого воспитанника въ свое собраніе и, при общемъ ликованіи, выражаетъ ему похвалу; послѣ нѣкотораго испытанія совершается въ ближайшій

праздникъ торжественный пріемъ добраго воспитанника въ „братскій кружокъ“. Самый пріемъ происходитъ въ спальнѣ-молельнѣ Николая Николаевича при торжественной обстановкѣ. Въ день пріема, спальня Н. Н. имѣетъ видъ довольно оригинальный: на передней стѣнѣ виситъ огромный, широкій, деревянный крестъ, на которомъ во весь человѣческій ростъ изображенъ распятый Спаситель. У подножія креста стоитъ черная шкатулка; на ея крышкѣ, что-то написано; можно разобрать слова:

„убіеннаго отрока Симеона“.

Передъ распятіемъ, то ярко вспыхивая, то погасая, горитъ большая лампада. Часть передней и лѣвой стѣны сплошь уставлены иконами въ золотой и серебряной оправѣ; передъ иконами горитъ множество стеариновыхъ свѣчей въ тяжелыхъ бронзовыхъ канделябрахъ. На маленькомъ черномъ столикѣ, стоящемъ передъ распятіемъ, лежитъ небольшой крестъ, сдѣланный изъ оливковаго дерева и освященный на гробѣ Господнемъ. Это самая большая святыня братства. Вся комната декорирована зеленью и свѣжими розами. Со всѣхъ комнатъ снесены сюда экзотическія растенія—пальмы, фикусы, олеандры, филодендры и др. По обѣ стороны распятія стоятъ два маленькихъ воспитанника въ шелковыхъ курточкахъ, обшитыхъ парчой, и держатъ знамена братства. Одинъ знаменосецъ—брюнетъ—держитъ *красное* знамя, другой—блондинъ—держитъ *голубое*. Передъ иконами стоитъ г. Неплюевъ, окруженный „братьями-воспитанниками“. Всѣ одѣты въ бѣлоснѣжныя блузы; на груди каждаго виденъ братскій серебряный крестикъ. У Н. Н. крестъ особенный—большой, массивный, съ брилліантовой звѣздой по рединѣ.

Возлѣ Н. Н. стоятъ мать и сестры, тоже въ бѣлыхъ одеждахъ и съ крестами поверхъ платья.

Братское торжество начинается чтеніемъ Евангелія отъ Матѳея гл. III, V и X. Чтеніе чередуется съ пѣніемъ молитвъ. Потомъ Н. Н. вызываетъ поступающихъ въ кружки воспитанниковъ и говоритъ:

— Если кто изъ васъ желаетъ у нихъ спросить, какъ они понимаютъ цѣль братскаго кружка, отношенія къ братьямъ по кружку, къ старшимъ воспитанникамъ и ко мнѣ,—спросите!

Кто нибудь спрашиваетъ:

— Какъ вы должны относиться къ вашимъ новымъ братьямъ?

Слѣдуетъ длинное объясненіе въ такомъ родѣ:

— Мы должны любить ихъ, помогать имъ своими совѣтами и замѣчаніями. Если же кто преслушаетъ нашъ совѣтъ, мы должны о таковомъ сообщить кружку и кружокъ поговоритъ съ нимъ; если же онъ и кружокъ преслушаетъ, то да будетъ намъ яко язычникъ и мытарь...

Далѣе новопоступающіе даютъ разные братскіе обѣты. Н. Н.

спрашиваетъ: „обѣщали ли вы оставить отца и мать свою и идти за Христомъ? обѣщаете ли быть вѣрными и добрыми братьями? обѣщаете ли до конца своихъ дней не измѣнять братству Христову?“

Поступающіе должны на все отвѣчать только установленнымъ образомъ: „Обѣщаемъ, и да поможетъ намъ въ томъ Христосъ!“ Засимъ они опускаются на колѣни передъ крестомъ, привезеннымъ изъ Іерусалима, и склоняютъ свои головы. Н. Н. возлагаетъ имъ на головы руки и медленно читаетъ положенную молитву: „Посѣти насъ, Господи, милостью Твоею, омой насъ банею смертною...“ и т. д.

— Посѣти насъ, Господи, милостью Твоею, омой насъ банею смертною!.. вторятъ за нимъ воспитанники. Знаменосцы—голубой и красный—склоняютъ свои хоругви надъ посвящаемыми въ „братья“. Прочитавъ молитву, Н. Н., снимаетъ крестъ со своей шеи, цѣлуетъ его и даетъ цѣловать поступающимъ. Надѣвъ снова на себя свой крестъ и не отнимая рукъ, возложенныхъ на преклоненныя головы поступающихъ въ „кружокъ“ воспитанниковъ, г. Неплюевъ устремляетъ глаза вверхъ и долго шепчетъ про себя какія-то молитвы.

— Ну, заключаетъ онъ, поздравляю васъ съ началомъ новой жизни, а васъ, члены кружка—съ новыми братьями! Н. Н. цѣлуетъ новыхъ братьевъ. Всѣ члены кружка тоже цѣлуютъ ихъ, Николая Николаевича и другъ друга. Слышатся звуки крѣпкихъ поцѣлуевъ и слово—„поздравляю!“ Наконецъ, поется „Тебѣ Бога хвалимъ“ и торжество оканчивается. Всѣ изъ спальни идутъ въ гостиную.

— Господа! говоритъ Н. Н., выступая изъ противоположной двери и неся въ рукахъ хрустальную чашу съ водой,—господа! какъ эта чаша едина, такъ и всѣ мы да будемъ едино!

Онъ наклоняетъ къ себѣ чашу и пьетъ изъ нея. Потомъ беретъ ее въ обѣ руки и даетъ отпить по глотку членамъ кружка, подходящимъ въ порядкѣ старшинства. Всѣ пьютъ, ликуютъ, потрясаютъ другъ другу руки, еще разъ цѣлуются и потомъ начинаютъ расходиться. Н. Н. тоже приходитъ въ умиленіе; онъ милостиво разговариваетъ со всѣми и иногда шутитъ. „А вы, милостивые государи, обращается онъ къ новичкамъ, вы отчего же не подаете мнѣ руки?“ Братья стоятъ на одномъ мѣстѣ, переминаются съ ноги на ногу и застѣнчиво улыбаются.

— Вотъ вы какіе!.. и руки не желаете подать своему воспитателю... Ну, такъ я вамъ подамъ!—Онъ протягиваетъ имъ руку и наставительно прибавляетъ:

— Теперь вы мои братья и имѣете право подавать мнѣ руку

Наконецъ, всѣ воспитанники уходятъ. Впрочемъ, иногда они остаются еще на нѣкоторое время и тогда Н. Н. читаетъ имъ свою огромную рукопись, на переплетѣ которой золотыми буквами написано „*Генеалогія рода Неплюевыхъ. Составилъ Н. Н. Не-*

плюевъ". Читая рукопись, Н. Н. кстати сообщаетъ разные комментаріи; подводитъ воспитанниковъ къ длинной витринѣ, стоящей въ столовой, и показываетъ имъ лежащія тамъ грамоты, гербы и другія семейныя достопримѣчательности своего дворянскаго рода. Воспитанники внимательно разсматриваютъ все, приходятъ въ умиленіе и глубоко вздыхаютъ...

Таковы братскіе кружки.

Тѣ воспитанники, которые по своему поведенію не удостоились быть принятыми въ кружкй, составляютъ третью категорію и называются просто „внѣкружковыми". Это тѣ самые „грубые умомъ и сердцемъ люди", на которыхъ такъ горько сѣтуетъ Н. Н. на страницахъ „Недѣли". „Имѣя умъ, чтобы понять, и сердце, способное любить, они остались совершенно чужими, въ теченіе многихъ лѣтъ, отвергая услуги моей опытности, отвѣчая холоднымъ равнодушіемъ на настойчивые призывы къ братолюбію, предпочли идти на ярмарку жизни, вмѣсто того, чтобы совмѣстно со мною созидать честную радость Братства Трудового, того дѣла мира и любви, къ которому они *изъ всего человѣчества наиболѣе* (!) спеціально и систематически подготовлялись" (кн. „Недѣли", февраль).

Для обращенія сихъ невѣрныхъ, школа прибѣгаетъ къ особымъ педагогическимъ пріемамъ, выработаннымъ въ хуторскомъ затишьи; таковы, напр., „отлученіе отъ общества товарищей", запись въ „черную книгу", выговоры въ „кругу" по субботамъ и наконецъ,—исключеніе изъ школы.

„*Отлученіе* отъ товарищей", которое нерѣдко практикуется въ Воздвиженскѣ, наказаніе не изъ легкихъ. Оно состоитъ въ томъ, что извѣстному воспитаннику строго воспрещается имѣть какое либо общеніе съ остальными товарищами; „отлученный" лишается права разговаривать съ ними, обѣдать и играть онъ долженъ тоже отдѣльно. Если онъ и рискнетъ обратиться къ кому либо изъ товарищей съ какимъ нибудь вопросомъ, ему все равно не отвѣтятъ, боясь наказанія. Отъ „отлученнаго" всѣ бѣгутъ, какъ отъ больного проказой. Иногда товарищи весело смѣются, болтаютъ, шалятъ, а „отлученный", какъ тѣнь, „слоняется" по коридору или тихонько плачетъ, гдѣ нибудь въ углу дортуара. А, кромѣ товарищей-воспитанниковъ, другого общества нѣтъ тутъ, вокругъ школы уныло шумятъ деревья въ лѣсу, а за лѣсомъ тянутся безконечныя поля... Черезъ мѣсяцъ, другой пытка дѣлается невыносимой; отлученный идетъ къ Н. Н., учителямъ и товарищамъ, падаетъ передъ ними на колѣни и умоляетъ ихъ всѣхъ снова допустить его въ общество товарищей. Въ субботнемъ собраніи воспитателей и воспитанниковъ (которое называется кругомъ) рѣшаются послѣ этого вопросы—искренно ли раскаивается отлученный? и замѣтно ли въ немъ улучшеніе въ духовно-нравственномъ отношеніи? При благопріятномъ рѣшеніи этихъ вопро-

совъ „отлученіе", наконецъ, снимается съ воспитанника. Бывали примѣры, что нѣсколько „отлученныхъ" сплачивались вмѣстѣ и проводили время довольно весело, подсмѣиваясь кое надъ кѣмъ... Но, заговоръ, разумѣется, скоро открывался, благодаря превосходно организованной системѣ шпіонства, и кружокъ отлученныхъ немедленно изгонялся изъ школы.

Субботнимъ „кругомъ" называется общее собраніе учителей и воспитанниковъ, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Въ „кругѣ", помимо рѣшенія вопросовъ текущей школьной жизни, читается еще „школьный дневникъ" и „черная книга". Записи въ школьномъ дневникѣ ведутся самими воспитанниками поочередно. Съ содержаніемъ и характеромъ этихъ записей довольно хорошо знакомятъ насъ отрывки, помѣщенные въ книгѣ, изданной г. Неплюевымъ: „Воздвиженская школа—колыбель трудового братства".

Беремъ для примѣра первые попавшіеся изъ нихъ.

14 сентября 1898 г.

„Наканунѣ, т. е. 13 сентября, цѣлые полдня шелъ сильный дождь... 14-го насъ разбудили въ 6 часовъ утра... Сегодня день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня и нашъ тройной праздникъ, а потому послѣ завтрака намъ хотѣлось пойти въ домъ Н. Н. и тамъ поздравить его, но сдѣлать это оказалось очень неудобнымъ, такъ какъ у него много гостей и свиданіе наше не имѣло бы семейнаго характера, а потому онъ самъ пришелъ къ намъ въ школу. Мы встрѣтили его бодрыми и радостными. Н. Н. тоже былъ радостный и съ любовью (какъ и всегда) многихъ изъ насъ отечески приласкалъ и сказалъ: „сегодня у насъ соединено много и очень торжественныхъ праздниковъ: храмовой и хуторской праздникъ; праздникъ братства и школы; поздравимъ другъ друга со многими праздниками нашими и постараемся каждый, кто чѣмъ можетъ, поспособствовать общему торжеству". *Съ сердечной радостью* мы стали поздравлять Н. Н., членовъ братства и другъ друга. Погода стояла прекрасная, это было для насъ очень пріятно и многіе говорили: „Милосердый Господь неизмѣнно для нашихъ праздниковъ посылаетъ хорошую погоду". И дѣйствительно, какъ будній день,—холодъ и дождь, какъ торжество у насъ, освященіе нашей церкви или другой какой праздникъ—погода отличная... Началось богослуженіе. Наша церковь маленькая, уютная, *молиться* въ ней *очень пріятно и легко*. Всѣхъ предстоящихъ знаешь и любишь, все совершается тихо и благоговѣйно, и *хорошее пѣніе хора* и *сердечное единодушіе молящихся*, все располагаетъ къ молитвѣ и уединенію... Сегодня впервые *Н. Н., облеченный* въ *стихарь,* говорилъ проповѣдь. Онъ вышелъ изъ алтаря *радостный,* сталъ у царскихъ вратъ за аналоемъ, перекрестился и началъ..." Далѣе приводится проповѣдь Н. Н., заканчивающаяся такими словами: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! Слава Тебѣ, любовью и радостью души наши

вдохновляющему! Аминь". „Проповѣдь эта, — продолжаетъ воздвиженскій хроникеръ, — была сказана съ большимъ чувствомъ, многія мѣста со слезами на глазахъ, особенно вдохновенная молитва (которая на концѣ); вотъ почему она и произвела на всѣхъ насъ такое глубокое впечатлѣніе, зародила въ насъ такъ *много добрыхъ чувствъ*, *мыслей* и *желаній!* Богослуженіе кончилось и мы съ радостью въ сердцѣ пошли въ школу, гдѣ въ ожиданіи обѣда, пока обѣдала женская школа, дѣлились между собою мыслями и чувствами, вынесенными изъ церкви" (стр. 64).

Вотъ другой типичный отрывокъ изъ школьнаго дневника:

25 мая. Духовъ день.

„Проснулись мы сегодня въ 7 часовъ. Майское утро было прекрасно. Послѣ завтрака, старшина Н. Н. сдѣлалъ выговоръ тѣмъ изъ товарищей, которые вчера находили удовольствіе смотрѣть на пьяныхъ кучеровъ, привезшихъ гостей изъ Янполя. „Кромѣ того, говорилъ старшина, хотя ради сегодняшняго дня нарушьте общій безпорядокъ, который виденъ у васъ всегда въ прихожей и въ спальняхъ. Идите и уберите все!"

„Позвонили въ большой колокольчикъ, и всѣ мы собрались въ залъ на предмолитвенные разговоры. Н. Н. говорилъ о „Духовомъ днѣ..." *Прекрасно, вдохновенно говорилъ Н. Н.* сегодня. Его рѣчь доходила не только до ума, но и до сердца слушателей. Говорю такъ потому, что это было видно по многимъ свѣтлымъ лицамъ товарищей. Когда Н. Н. кончилъ говорить, мы всѣ стали на молитву. Однѣ молитвы были прочитаны, а другія пропѣты очень хорошо. Послѣ молитвъ Н. Н. еще разъ сказалъ: „поздравляю васъ съ праздникомъ и желаю вамъ причастія Духа Святаго".

„Когда посторонніе вышли, Н. Н. снова обратился къ братскимъ кружкамъ: „хорошо будетъ, если вы еще разъ помолитесь, хорошо также будетъ, если вы покаетесь въ дурныхъ отношеніяхъ другъ передъ другомъ и заведете отношенія любвеобильныя". Братскимъ поцѣлуемъ поздравилъ насъ Н. Н. съ праздникомъ, мы тоже отвѣтили ему лобзаніемъ святымъ. И всѣ стали расходиться. Между нами послѣ вдохновенныхъ рѣчей Н. Н. было много радостныхъ товарищей, многіе такъ свѣтло и радостно улыбались, крѣпко пожимая другъ другу руки и цѣлуясь между собою..." Воспитанникъ N.

Записями, подобными вышеприведенной, Н. Н. всегда остается чрезвычайно доволенъ. Онъ подзываетъ къ себѣ автора и публично благодаритъ, награждая рукопожатіемъ. Весь сіяющій авторъ садится на мѣсто. Послѣ круга автора окружаютъ учителя и воспитанники и тоже хвалятъ:

— Вотъ, Тихонъ, молодецъ, ты создалъ сегодня литературное произведеніе!.. Ты только помни твою сегодняшнюю запись и больше тебѣ ничего не нужно. Завлеклись всѣ твоей записью!

Послѣ дневника читается такъ называемая „черная" книга,

куда каждый воспитанникъ обязанъ заносить свои и чужіе проступки,—большіе и маленькіе.

Вотъ образецъ этихъ записей:

„Вчера послѣ экзаменовъ мнѣ было непріятно, и когда С. сталъ говорить про отмѣтки, я ему сказалъ—„а ужъ если самъ единицы получаешь, то четверка для тебя огромная отмѣтка“!

„Я теперь сознаю, что этимъ я выразилъ неуваженіе, нелюбовь къ товарищу. Хотя я попросилъ у него послѣ этого прощенія, но это не уменьшаетъ моего проступка, уменьшаетъ только вину передъ нимъ. Мнѣ стыдно теперь смотрѣть въ глаза товарищамъ. Я не могу спокойно побыть хоть одну минуту; меня мучаютъ угрызенія совѣсти.

„Простите, дорогіе товарищи, мой проступокъ! Я обѣщаю вамъ, что этого больше со мной не повторится“.

По прочтеніи записи проступокъ подвергается обсужденію. Однимъ прощаютъ, другимъ дѣлаютъ выговоры, третьихъ записываютъ въ „черную книгу“ № 2-й. „Черная книга“ № 2-й страшна потому, что записанныхъ туда болѣе 3-хъ разъ подвергаютъ исключенію изъ школы. Ради всеобщаго блага, въ Воздвиженскѣ не останавливаются передъ такими пустяками, какъ исключеніе... такъ, напр., въ теченіе одного прошлаго (1898 г.) выключено было изъ мужской школы не менѣе 12-ти человѣкъ (всего воспитанниковъ въ школѣ 80).

Если кто-нибудь, поступивъ дурно, не запишетъ себя въ черную книгу, того обязательно записываетъ *старшина*.

Въ каждомъ изъ пяти классовъ есть свой старшина. Существованіе старшинъ въ школѣ Н. Н. находитъ необходимымъ „не столько для водворенія и поддержанія порядка въ школѣ, сколько для воспитанія въ дѣтяхъ сознанія необходимости привычки добровольно, безпрекословно и быстро подчиняться“... Да, привычка безпрекословно повиноваться — великая сила!

Кромѣ членовъ старшаго братскаго кружка, ближайшими помощниками Н. Н. въ дѣлѣ воспитанія являются учителя его школы. Всѣ они безъ исключенія набраны изъ воспитанниковъ той же школы. Въ 1888 г. Н. Н. исходатайствовалъ себѣ это право. „Не могу не выразить еще разъ, говоритъ онъ по этому поводу, глубокую признательность бывшему министру государственныхъ имуществъ, М. И. Островскому, просвѣщенному сочувствію котораго я обязанъ тѣмъ, что получилъ возможность обезпечить за школой христіанское направленіе воспитанія и всестороннее процвѣтаніе въ будущемъ, предоставивъ мѣста учителей вмѣсто людей, враждебно или равнодушно относившихся къ святая святыхъ школы нашей, ея бывшимъ питомцамъ“. („Воздв. шк.“ стр. 22).

Въ настоящее время Н. Н. чрезвычайно доволенъ своими учителями, какъ людьми, „у которыхъ умъ упорядоченъ вѣрою

въ абсолютную истину христіанскаго воззрѣнія". Дорожитъ Н. Н. еще и потому своими учителями, что „они выказываютъ очень много доброй воли согласоваться съ его указаніями и направлять школьное дѣло въ желательную сторону".

Нечего и говорить, что въ учителя выбираются не самые способные изъ оканчивающихъ школу, а лишь самые „удавшіеся въ нравственно-воспитательномъ отношеніи". Все дѣло, по словамъ Н. Н., въ духовномъ настроеніи учителя.

О прежнихъ учителяхъ, поступавшихъ къ Н. Н. со стороны, онъ не можетъ вспоминать хладнокровно, — „много тяжелыхъ минутъ было пережито, много, вслѣдствіе нежелательнаго съ моей точки зрѣнія отношенія ко мнѣ и дѣлу со стороны учителей. Не только я не нашелъ въ нихъ себѣ друзей и помощниковъ, но даже *вынужденъ былъ ревниво ограждать дѣтей отъ ихъ вреднаго вліянія* (?)... Учителя проявляли на каждомъ шагу явную враждебность къ членамъ братскаго кружка, требовали, чтобы тѣ не смѣли даже упоминать о нихъ въ своихъ частныхъ дневникахъ и письмахъ ко мнѣ".

Теперь это неудобство устранено: учителя поощряютъ краснорѣчіе дневниковъ, и Н. Н. спокойно поручаетъ имъ руководить кругомъ и „предмолитвенными бесѣдами".

Предмолитвенныя бесѣды бываютъ въ школѣ каждый праздничный день, если только нѣтъ богослуженія въ храмѣ. Утромъ приходитъ въ школу - Н. Н. Ученики по звону собираются въ рекреаціонный залъ или въ лѣсъ на поляну, если позволяетъ погода. Всѣ становятся лицомъ на востокъ. Н. Н. читаетъ молитву передъ началомъ всякаго дѣла. Потомъ всѣ усаживаются по порядку старшинства. Начинается предмолитвенная бесѣда, имѣющая цѣлью настроить всѣхъ на молитвенный ладъ. Говоритъ по большей части Н. Н.; если кто изъ воспитанниковъ заговоритъ, отвѣчая на вопросъ, то видимо старается попасть Н. Н. въ тонъ. Вслѣдствіе очень частаго повторенія однѣхъ и тѣхъ же мыслей, рѣчь Н. Н. пестритъ излюбленными выраженіями, которыя вы услышите отъ него по нѣскольку разъ, напр., „Какъ сказалъ нашъ учитель Хомяковъ, Господь любитъ того, кто позволяетъ ему любить себя", „Господь создалъ человѣка свободнымъ, а не куклу, заведенную на пружинахъ" и т. д.

Послѣ бесѣды читаются молитвы, многія изъ нихъ написаны Н. Н. спеціально для братства, таковы, напр. „Боже, Боже, крупицу хлѣба духовнаго подаждь ми, да не отощаетъ духъ мой". „Помяни, Господи, раба твоего Николая (Неплюева), умъ его свѣтомъ разумѣнія правды Твоея просвѣти, любовью и радостью согрѣй его сердце; слово благопотребное вложи въ уста его; не по грѣхамъ его воздай ему и духа Твоего Св. не отыми отъ него" и т. д.

Въ концѣ просятъ Бога о томъ, чтобы Господь тѣхъ людей,

которые „по неразумію отъ церкви отпали, изъ буквы мертвящей себѣ кумиры создали, вразумилъ, просвѣтилъ, раны сердца ихъ елеемъ любви, вѣры и радости о духѣ святѣ заживилъ и къ святой церкви причтилъ“...

Наконецъ, молятся еще о покойникахъ, причемъ поминаютъ „болярина Николая, крестьянина Никиту и убіеннаго отрока Симеона“...

По замѣчанію нѣкоего Өедора Увертки („Воздвиж. школа“) молитвы Н. Н. производятъ сильное вліяніе на душу: „душа смягчается, глаза съ надеждой устремляются“ на небо. Когда молитвы окончатся, всѣ уходятъ, за исключеніемъ братскихъ кружковъ; кружки остаются, чтобы „привѣтствовать другъ друга лобзаніемъ святымъ“.

Церемонія эта состоитъ въ томъ, что всѣ становятся на колѣни, читается братская молитва:

„Кресту Твоему поклоняемся, Христосъ, и Св. имя Твое призываемъ. Въ крещеніи мы приняли Св. имя Твое, въ братство мира и любви сзываетъ насъ ученіе Твое. Пріими насъ въ Св. волю Твою; научи насъ мудрости Твоей; дай намъ вдохновеніе Св. любви Твоей. Да пріидетъ царствіе Твое и утѣшатся вси алчущіе и жаждущіе правды. Ты сказалъ: „гдѣ будутъ собраны двое во имя мое, тамъ буду Я посреди ихъ“. Вѣрую Господи, что духъ твой Св. витаетъ надъ нами; пріими же и умъ нашъ, и волю, и жизнь въ Св. волю Твою; жаждетъ умъ нашъ правды Твоея и сердце наше любви Твоея. О солнце духа моего! Великій источникъ добра и любви! посѣти насъ благодатію своею, да воспрянетъ духъ и міръ озаритъ свѣтомъ и радостью вдохновенія вѣчной любви Твоея. Пріими Господи, духъ мой въ руку Твою и жизнь мою на святое дѣло Твое“.

Послѣ прочтенія молитвы всѣ братья окружаютъ Н. Н-ча и начинаютъ его цѣловать, тоже самое продѣлываютъ потомъ другъ съ другомъ. Учителя цѣлуютъ Н. Н. сначала въ руку, а потомъ уже въ губы. Еще разъ обращается Н. Н. съ назидательнымъ словомъ и, наконецъ, отпускаетъ ихъ.

А вечеромъ, при заходѣ солнца, Н. Н., учителя и воспитанники снова собираются на церковномъ погостѣ на молитву. Они обращаются лицомъ къ заходящему свѣтилу и поютъ „свѣте тихій“...

Характерныя черты взаимныхъ отношеній довольно ярко проявляются въ письмахъ воспитанниковъ, которыя они пишутъ очень часто другъ другу, несмотря на то, что живутъ въ одной школѣ и подъ одной крышей. Вотъ подлинные образцы писемъ младшаго воспитанника къ своему старшему.

„Родной, дорогой мой Иванъ!

„Если между нами и происходило что, то теперь этого не будетъ. Я теперь вполнѣ сознаю свою вину; я теперь постараюсь, чтобы поступить въ младшій братскій кружокъ.

„Въ послѣдній разъ, когда Н. Н. говорилъ, его слова произвели на меня сильное впечатлѣніе, они оставили глубокій слѣдъ въ моемъ сердцѣ. Они будутъ мнѣ памятны во всю жизнь. Мнѣ жаль, Иванъ, что я тебѣ доставилъ много непріятностей. Прости меня, И., потому что я крѣпко люблю тебя! Люблю крѣпко!.. крѣпко!.. горячо!.. Дорогой, ты не знаешь, какъ я горевалъ много о томъ, что я еще мало сдѣлалъ. Но я поправлю все. Рука дрожитъ, сердце болитъ... горько писать эти строки... Но знай, я люблю тебя. Я твой навсегда и весь. Люблю безпредѣльно!

Твой NN“.

Другое: „Боже мой!, что это?! Я выхожу отъ тебя (изъ кружка) Господи! Вѣдь сколько я выстрадалъ. Мнѣ тяжело. Грустно безпредѣльно... А какъ бывало мы съ тобой пойдемъ поговорить, какъ отрадно было у меня тогда на душѣ, я плачу и томлюсь. Цѣлую тебя! люблю тебя! Я не могу дальше писать... Дастъ Богъ я поступлю въ кружокъ. Правда, это будетъ радостное для насъ событіе? О, если бы ты зналъ, какъ глубоко и свято я тебя люблю. Другъ мой! Сердечный мой! Словъ не хватаетъ тебѣ выразить свое чувство! Вѣдь я непремѣнно исправлюсь! Вѣдь я стану лучшимъ! Люблю! Цѣлую крѣпко! крѣпко! горячо!—

„Съ И. Ц. помирюсь. Съ Н. Н. сближусь еще больше, буду идти по дорогѣ, указанной намъ божественнымъ учителемъ.

„Мою любовь широкую, какъ море,
Не могутъ помѣстить земные берега“.

„Прощай! Слезы на глазахъ. Прими эти четыре строки—звуки моей души, струны которой стонутъ подъ наплывомъ не тихаго легкаго вѣтерка, который ласкаетъ струны свирѣли, но бурныхъ волнъ широкаго моря, ударяющихся о берегъ душевныхъ сильныхъ волненій!

„Поэзія!.. улыбка горести!

„Такое невыразимое наслажденіе читать поэтовъ! Грустный и скорбный и любящій Тихонъ“.

Всѣ воспитанники содержатся на счетъ Николая Ник—ча и отчасти казны; каждый дорожитъ школой, никому не хочется возвращаться въ бѣдную крестьянскую или мѣщанскую семью, гдѣ будутъ говорить ему,—„а что, получилъ волчій билетъ! собакъ, значитъ, по селу гонять будешь! что-жъ, тоже занятіе...“

Поэтому всякій воспитанникъ безпрекословно исполняетъ всѣ затѣи попечителя; „скачи враже, якъ панъ каже!..“ Дѣти даже стараются предугадать желанія Н. Н.; такъ, если они замѣтятъ, что Н. Н. ходитъ нахмуренный, то сейчасъ же собираются вмѣстѣ и составляютъ ему сочувственный адресъ, въ которомъ увѣряютъ

его въ своей любви и преданности братству. „Благодаримъ васъ, возлюбленный Н. Н., пишутъ они, за то, что вы просвѣтили насъ ученіемъ Христа Спасителя, указали намъ форму жизни, достойную христіанина... Благодаримъ васъ за ревнивыя заботы о насъ! Всю жизнь не забудемъ мы васъ, возлюбленный о Христѣ отецъ нашъ, дорогой Н. Н...“ Такихъ „сочувствій“ имѣется не мало въ моемъ распоряженіи.

Въ братскую артель воспитанники, окончившіе школу, поступаютъ по большей части, подчиняясь настоятельнымъ убѣжденіямъ со стороны Н. Н—ча.

„Для васъ, крестьянскихъ дѣтей—говоритъ онъ нерѣдко—оставилъ я дипломатическое поприще... На васъ трачу я и свои средства, и свое здоровье. Неужели же вы послѣ этого заплатите мнѣ черной неблагодарностью? неужели вы предпочтете стать наемниками, а не братьями о Христѣ? Кому же, какъ не вамъ, поступать въ братство? вѣдь изъ всего человѣчества вы наиболѣе спеціально и систематически подготовляетесь къ братской жизни“...

И всѣ, разумѣется, обѣщаютъ непремѣно поступатьвъ братство. Однако, добившись аттестата, многіе торопятся раскланяться и безъ оглядки скрыться куда нибудь подальше отъ Воздвиженска.

Невеселыя воспоминанія уносятъ они съ собою о мѣстѣ своего воспитанія...

Въ этомъ отношеніи очень характерны письма, которыя мнѣ, приходилось получать отъ знакомыхъ питомцевъ школы.

Одинъ изъ нихъ, молодой энергичный юноша, писалъ мнѣ между прочимъ: „Ахъ, если бъ люди имѣли о неплюевцахъ надлежащее понятіе! Только одинъ Богъ знаетъ, сколько несправедливости дѣлается среди этихъ святыхъ людей, кричащихъ о любви и о Христѣ... Вотъ ушелъ изъ братства мой братъ Сергѣй, прослуживъ у нихъ 7 лѣтъ. И за 7 лѣтъ службы *они* выдали ему *четыре* рубля съ копѣйками!

Всѣ покинувшіе братство попадаютъ въ глазахъ неплюевцевъ на положеніе ренегатовъ и отщепенцевъ; всѣмъ вѣрнымъ членамъ братства строжайше воспрещается имѣть съ ними какія либо отношенія...

Попавшему въ братство вырваться оттуда не такъ-то легко, по причинамъ, такъ сказать, „невещественныхъ отношеній“.

Вотъ подлинная исторія выхода изъ братства одного члена, моего земляка, разсказанная мнѣ имъ самимъ.

„Давно уже я чувствовалъ разногласіе съ братьями, давно сознавалъ себя чужимъ и лишнимъ на ихъ собраніяхъ. Иногда случалось, что Н. Н., дѣлая кому либо выговоръ, впадалъ въ истерику и громко рыдалъ, потрясая руками. Всѣ братья окружали его и начинали утѣшать: „Н. Н.! мы постараемся исправиться! Н. Н., мы улучшимъ свои отношенія! мы любимъ васъ! простите насъ!“

„Они говорили это и тоже плакали. А я одиноко стоялъ у окна и глубоко страдалъ. Меня коробило все это. Тогда Н. Н. обращалъ на меня свое вниманіе и прогонялъ.

— „У-у-у, деревянный! каменное, бездушное сердце! Уйди отъ насъ, уродъ нравственный, ты здѣсь лишній!“

„И я уходилъ въ паркъ, одинокій, оплеванный, провожаемый недоумѣвающими взглядами братьевъ.

„Я рѣшился оставить братство: „свѣтъ не клиномъ сошелся!“ Надо сходить къ Н. Н. и сообщить ему свое намѣреніе. Но какъ это сдѣлать, гдѣ набраться смѣлости? Иногда, бывало, совсѣмъ ужъ соберешься и пойдешь, а потомъ дорогой какъ представишь себѣ гнѣвъ и слезы Н. Н., возьмешь да и вернешься обратно и снова маешься. Наконецъ, такая жизнь сдѣлалась невыносимой: оставалось или умереть, или уйти на свободу.

„Я пришелъ въ домъ къ Н. Н. Сердце сильно стучало въ груди, духъ захватывало, ноги отказывались служить и казались какими-то чужими. Н. Н. былъ дома и ходилъ взадъ и впередъ по гостиной.

— „Н. Н., позвольте съ вами поговорить объ одномъ важномъ дѣлѣ!

— „Что такое?—встревожился онъ,—о чемъ?..

„Я осматривался кругомъ и собирался съ духомъ. Часы съ турецкими цифрами на циферблатѣ пробили 5. Бѣлый бюстъ Дибича-Забалканскаго, съ загрязненнымъ носомъ, уныло смотрѣлъ изъ угла...

— „Н. Н.! я не могу больше жить въ братствѣ, я не въ состояніи! простите меня!..

„Когда я произнесъ эти слова, произошло что-то ужасное. Николая Ник—ча словно пронизалъ электрическій токъ, онъ закинулъ кверху голову, высоко поднялъ руки и, глядя въ уголъ на икону, истерически зарыдалъ, выкрикивая слова:—Боже мой, Боже мой!.. Вотъ она благодарность съ ихъ стороны за всѣ мои труды, за всѣ мои заботы!..

„Я никогда не видѣлъ Н. Н. такимъ; я опасался, чтобы онъ не умеръ отъ разрыва сердца. Я потерялъ самообладаніе и пересталъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаю.

— „Н. Н., закричалъ я въ свою очередь, Н. Н.! простите меня, это грѣхъ меня попуталъ, я навсегда останусь въ братствѣ.

Н. Н. сразу успокоился. Дибичъ-Забалканскій, казалось, улыбалсявъ своемъ углу.

— „Ну то-то же, Кодратушка,—сказалъ онъ уже спокойнымъ голосомъ,—пойдемъ помолимся!

„Мы пошли въ спальню и долго молились, стоя на колѣняхъ и кладя земные поклоны.

„Цѣлый годъ я еще маялся послѣ этого въ братствѣ, а потомъ всетаки ушелъ, дождавшись отъѣзда Н. Н. за границу...“

Не одинъ только мой собесѣдникъ испытывалъ такой страхъ въ отношеніяхъ съ Н. Н. Этому гипнозу подвержены всѣ воспитанники. Вотъ какой отрывокъ изъ дневника одного прямодушнаго малыша находимъ мы на 115 стр. книги „Воздв. школа“: „Сегодня было совѣщаніе, на совѣщаніи говорили о нѣкоторыхъ товарищахъ, что они не хорошо поступали. Эти товарищи отговаривались... Тогда Н. Н. всталъ и, возмущенный этимъ, началъ строго и громко говорить, какъ это дурно. *Мнѣ сразу сдѣлалось какъ бы темно, какой-то мракъ сдѣлался въ залѣ, и я сильно испугался*“.

Иванъ Абрамовъ.

Литература и жизнь.

О г. Соловьевѣ, какъ „моменталистѣ-трансформистѣ“ и развязномъ человѣкѣ вообще.

Въ прошлый разъ я причислилъ г. Евгенія Соловьева къ лику „голенькихъ мальчиковъ съ узенькой повязкой на головѣ“. Таковъ онъ и есть въ настоящую минуту, но останется ли онъ въ этомъ немножко черезчуръ легкомъ костюмѣ къ тому времени, когда читатель будетъ пробѣгать настоящія строки, или съ быстротою и ловкостью „трансформиста-моменталиста“ преобразится въ нѣчто совсѣмъ иное,—за это я не поручусь. „Трансформистами-моменталистами“ или еще „престидижаторами-физіономистами“ называютъ себя особаго рода артисты, иногда, говорятъ, очень талантливые: съ помощью самыхъ элементарныхъ приспособленій въ родѣ накладныхъ бородъ и париковъ, которые они то мѣняютъ, то совсѣмъ сбрасываютъ, то опять надѣваютъ, они на глазахъ у публики съ чрезвычайною быстротою, „моментально“ „трансформируютъ“ весь свой обликъ.

„Сейчасъ брюнетъ, сейчасъ—бландинъ“. Такъ, между прочимъ Щедринъ характеризовалъ литератора Подхалимова. Сатирикъ относился къ этому литератору презрительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и снисходительно, почти благосклонно и во всякомъ случаѣ участливо. Онъ считалъ его „жертвой общественнаго темперамента“ и думалъ, что при другихъ условіяхъ его талантливость и воспріимчивость могли бы расходоваться лучше, съ большимъ достоинствомъ для него самого, съ большею пользою для другихъ.

И я жалѣю г. Евгенія Соловьева. Онъ несомнѣнно человѣкъ талантливый. Но сама по себѣ талантливость не представляетъ

никакихъ гарантій въ томъ, что она будетъ использована въ надлежащей мѣрѣ. Для этого нужны еще кое какія другія личныя качества, во-первыхъ, и благопріятныя условія, во-вторыхъ. Личныя качества оставимъ въ сторонѣ, потому что это почва скользкая и щекотливая, когда рѣчь идетъ о живомъ человѣкѣ. Что же касается условій нашей жизни, то, кажется, нечего особенно распространяться о томъ, что они далеко не вполнѣ благопріятны для правильнаго развитія и примѣненія талантовъ. Въ частности у г. Евгенія Соловьева въ одномъ мѣстѣ его книги „В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ“ вырывается горькій намекъ на нѣкоторыя печальныя условія его развитія; намекъ, по обыкновенной манерѣ г. Соловьева, черезчуръ развязно выраженный, но отъ этого не измѣняется его горькій смыслъ. По поводу отношенія Некрасова къ Бѣлинскому, какъ къ другу и руководителю юности, г. Соловьевъ замѣчаетъ: „Безконечно важно запасаться на всю жизнь такими „святыми воспоминаніями“; это вѣрные и неизмѣнные друзья!“ И вслѣдъ затѣмъ меланхолически прибавляетъ: „А вотъ когда только о прохвостахъ вспоминать приходится, ну...“ (стр. 154). И мнѣ жаль г. Соловьева.

Но мнѣ жаль также и читателей г. Соловьева, которыхъ у него, благодаря его бойкому перу, вѣроятно, не мало. Думается, что пожалѣть ихъ слѣдовало бы и гг. редакторамъ и издателямъ произведеній г. Соловьева, а для этого имъ слѣдуетъ нѣсколько внимательнѣе читать эти произведенія и вносить въ нихъ нѣкоторыя необходимыя поправки. Я говорю пока не объ образѣ мыслей г. Соловьева, который гг. редакторы и издатели вольны пускать и не пускать въ оборотъ, а лишь о фактической части его работъ. Вотъ, напримѣръ, въ біографіи Ивана Грознаго, вошедшей въ составъ „біографической библіотеки Ф. Павленкова“, г. Соловьевъ указываетъ, между прочимъ, на сочиненія Бѣлова „Дворянство на Руси“ и Бѣляева „Исторія крестьянъ“. Читатель, обратившись въ книжный магазинъ за этими книгами, получитъ отвѣтъ, что такихъ книгъ нѣтъ. И хорошо, если книгопродавецъ догадается, что рѣчь идетъ о „Крестьянахъ на Руси“ Бѣляева и „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ Бѣлова. Но мнѣ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ едва ли резонно разсчитывать на догадливость книгопродавца, а затѣмъ всякому предоставляется догадываться—видѣлъ ли самъ г. Соловьевъ книги, на которыя онъ ссылается... Или вотъ еще примѣры. Въ книгѣ „В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ“ г. Соловьевъ сообщаетъ, что содержаніе трагедіи Бѣлинскаго „Дмитрій Калининъ“ „извѣстно намъ не въ полномъ видѣ“ и что трагедія эта написана „отчасти въ стихахъ“. (Стр. 30). Въ дѣйствительности трагедія съ 1891 г. извѣстна вполнѣ, цѣликомъ, и никакихъ стиховъ въ ней нѣтъ. Въ мартовской книжкѣ журнала „Жизнь“ г. Соловьевъ говоритъ объ „извѣстной картинѣ Наумова, изображаю-

щей Щедрина на опушкѣ лѣса передъ поляной“ и т. д. (стр. 269). Такой картины *Наумова*—нѣтъ. Въ той же статьѣ читаемъ: „Эти (70-е) годы были рѣшающими въ работѣ Щедрина. Раньше онъ многихъ приводилъ въ недоумѣніе. Однихъ—напр. Писарева, своимъ будто-бы безцѣльнымъ смѣхомъ въ геніальной „Исторіи города Глупова“, другихъ—своимъ пренебреженіемъ къ народу. Эти жалостливые люди разсуждали такъ: „если „Исторія города Глупова“ есть въ маломъ видѣ исторія Россіи, то какъ можно осмѣивать русскаго мужика и выставлять его въ такомъ неприглядномъ и даже позорномъ образѣ? Неужели русскій мужикъ только и знаетъ, что потѣть въ отвѣтъ на премудрыя рѣчи Минервы и спускать съ раската Ивашекъ въ минуты высшаго напряженія общественныхъ чувствъ“. Жалостливые люди говорили и еще многое одинаково къ дѣлу не идущее, совершенно забывая, что Щединъ органически не могъ кощунствовать надъ народомъ и его страданіями, и что народа, мужика, совершенно нѣтъ въ „Исторіи города Глупова“. (Стр. 280).—Здѣсь что ни слово, то ошибка, неправда, извращеніе факта. Во-первыхъ, сочиненія подъ заглавіемъ „Исторія города Глупова“ у Щедрина нѣтъ, а есть „Исторія одного города“. Во-вторыхъ, „Исторія одного города“ напечатана въ 1869—70 гг., слѣдовательно, объ ней не могъ писать Писаревъ, умершій въ 1868 г. Втретьихъ, въ „Исторіи одного города“ „народъ, мужикъ“ несомнѣнно фигурируетъ. Это и само по себѣ ясно, и находитъ себѣ подтвержденіе въ собственномъ показаніи Щедрина въ письмѣ его къ г. Пыпину, напечатанномъ десять лѣтъ тому назадъ. Мимоходомъ сказать, письмо это, въ высшей степени характерное для Щедрина, очень полезно припомнить всѣмъ, нынѣ такъ усердно толкующимъ о „народничествѣ“. Въ свое время я комментировалъ его („Сочиненія“, V, 189) и теперь не буду отвлекаться въ эту сторону.

Я могъ бы привести еще много образчиковъ такого безцеремоннаго обращенія г. Евгенія Соловьева съ фактами, а слѣдовательно и той путаницы, которую онъ внѣдряетъ въ умы своихъ читателей, и безъ того въ большинствѣ случаевъ мало свѣдущихъ. Но ограничусь еще только однимъ примѣромъ, причемъ сошлюсь на отзывъ спеціалиста.

Г. Соловьевъ написалъ для „біографической библіотеки Ф. Павленкова“ біографію Гегеля, и вотъ что читаемъ объ этой его работѣ въ апрѣльской книжкѣ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ за прошлый годъ (стр. 499—501):

„Черезъ всю книгу г. Соловьева проходитъ двойственный взглядъ на Гегеля: съ одной стороны, Гегель—геніальный человѣкъ, съ другой (venia sit dicto)—Гегель автору кажется совершенно глупымъ. Это противорѣчивое воззрѣніе автора явствуетъ изъ многихъ мѣстъ его книги... (слѣдуютъ примѣры)... Читатель, по всей вѣроятности, будетъ тщетно искать ключа къ истинному

мнѣнію автора о Гегелѣ; дѣло въ томъ, что ни то, ни другое воззрѣніе на Гегеля не составляетъ истиннаго мнѣнія автора, а таковаго, по всей вѣроятности, у него вовсе и нѣтъ. Авторъ прочелъ двѣ біографіи Гегеля: Розенкранца—біографію, имѣющую апологетическій характеръ, и Гайма, относящагося, какъ извѣстно, весьма сурово къ Гегелю, и по этимъ книжкахъ составилъ біографію Гегеля. Самого же Гегеля авторъ не читалъ и въ перечнѣ. пособій даже не дѣлаетъ ссылки на сочиненія Гегеля; за то есть ссылка, какъ на „главнѣйшее пособіе", на книгу Beaussire'a Antécédents de l'hégélianisme, которую авторъ, конечно, тоже не видѣлъ, ибо еслибы онъ привелъ и вторую половину заглавія книги, то догадался бы, что въ ней не можетъ быть ничего, относящагося до біографіи Гегеля („dans la philosophie française. Dom Desschamps, son systeme et son école d'après un manuscrit et des corespandences inédites du XVII siècle)" и т. д.

Въ заключеніе рецензентъ отмѣчаетъ нѣкоторыя другія черты писательства г. Соловьева. Онъ говоритъ: „Главный недостатокъ книги г. Соловьева заключается, однако, не въ томъ, что авторъ не знакомъ съ предметомъ, о коемъ пишетъ, и не въ томъ, что онъ пишетъ, не обдумывая того, что онъ написалъ, а въ томъ вульгарномъ тонѣ, коимъ г. Соловьевъ говоритъ о лицахъ, которыя такого отношенія вовсе не заслуживаютъ".—Вѣрно, что манера писанія г. Соловьева отличается чрезмѣрною развязностью, что его тонъ часто вульгаренъ до пошлости, и Щедринъ не затруднился бы примѣнить къ нему слова, сказанныя имъ о Подхалимовѣ: „на всѣ руки парень,—колесомъ вертится, на канатѣ пляшетъ, сядетъ задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держится". Но всетаки, я думаю, однюдь не въ этомъ состоитъ „главный недостатокъ" его писаній. О вкусахъ не спорятъ, и клоунская развязность, можетъ быть, кому нибудь и нравится, но кому можетъ нравиться перевираніе фактовъ? Отъ чего бы оно ни зависѣло,—отъ небрежности ли, незнанія или злонамѣренности,—читателямъ во всякомъ случаѣ наносится ущербъ, и, повторяю, г.г. редакторамъ и издателямъ произведеній г. Соловьева слѣдовало бы пожалѣть читателей.

Къ этому надо еще прибавить отношеніе г. Соловьева къ цитатамъ и ковычкамъ („—"). Мы видѣли, что въ книжкѣ, спеціально посвященной Ивану Грозному, г. Соловьевъ ссылается на несуществующія книги, какъ на источникъ, изъ котораго онъ будто бы что-то почерпнулъ для своей работы. Какъ уже сказано, въ этомъ случаѣ зантересовавшагося читателя могла бы, можетъ быть, выручить догадливость книгопродавца. Но иногда и на это пособіе трудно разсчитывать. Иногда г. Соловьевъ ставитъ въ „ковычки" чьи-то слова, не сообщая, однако, кому именно они принадлежатъ, и не давая такимъ образомъ читателю воз-

можности провѣрить цитату. Иногда, напротивъ, безъ всякихъ ковычекъ переписываетъ чужія слова, какъ свои собственныя. Послѣднее я испыталъ на себѣ. Въ біографіи гр. Л. Толстого (1897 г., все въ той же біографической серіи Ф. Павленкова) г. Соловьевъ объясняетъ: „Для меня теперь важна не мысль Толстого, а его настроеніе, его писательская драма, по поводу которой, *между прочимъ*, считаю нужныхъ напомнить, что *впервые* она была подвергнута блестящему анализу въ сочиненіяхъ Н. К. Михайловскаго въ 1875 году". (Стр. 86). Г. Соловьевъ напоминаетъ о моихъ статьяхъ „между прочимъ" и въ томъ смыслѣ, что я въ нихъ высказалъ извѣстный взглядъ „впервые", слѣдовательно, такъ сказать, въ зародышевомъ видѣ, ну, а онъ, г. Соловьевъ, черезъ двадцать два года, конечно, пошелъ дальше въ развитіи этого взгляда. И однако непосредственно вслѣдъ за приведенными словами онъ цѣликомъ и, надо ему отдать справедливость, безъ ошибки переписываетъ мои слова, не отмѣчая ихъ ни ковычками, ни петитомъ, ни ссылкой на страницу, словомъ, ни однимъ изъ общепринятыхъ въ такихъ случаяхъ способовъ: онъ говоритъ отъ себя. Я ни мало не претендую на г. Соловьева за этотъ маленькій плагіатъ, но въ той же біографіи Толстого я натолкнулся на нѣсколько болѣе сложный и болѣе любопытный образчикъ манеры г. Соловьева цитировать. Какъ „источники" біографіи, указаны нѣсколько книгъ и затѣмъ „статьи: Н. К. Михайловскаго, А. М. Скабичевскаго, Д. И. Писарева, Н. М. Страхова, С. А. Андреевскаго, Вогюэ, Брандеса, Ціона". Прочитавъ этотъ списокъ, я заинтересовался неизвѣстными мнѣ статьями г. Ціона, но нигдѣ во всей работѣ г. Соловьева не нашелъ ни заглавія этихъ статей, ни указанія, гдѣ и когда онѣ были напечатаны. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ приводятся въ ковычкахъ слова г. Ціона, но они такъ расположены среди собственныхъ словъ г. Соловьева, что не всегда можно разобрать, гдѣ кончается одинъ и гдѣ начинается другой. И вотъ что, напримѣръ, изъ этого выходитъ. На стр. 114 читаемъ:

Итакъ, по мнѣнію Ціона, становясь на точку зрѣнія своей націи, Толстой совершенно правъ, придавая мало значенія усиліямъ индивидуальной воли и напротивъ считая коллективную волю главнымъ двигателемъ.

Гдѣ же источники пессимистической окраски этой системы и этого міросозерцанія?... Если физіологъ можетъ объяснять источникъ пессимистическаго настроенія нѣкоторыхъ философовъ условіями ихъ личной жизни (напр., слѣпота Дюринга, параличъ Гартмана и т. д.), то въ отношеніи Толстого сдѣлать это не легко.

Жизнь Дюринга представляетъ большой психологическій интересъ именно въ томъ отношеніи, что онъ, страдая слѣпотой, не только не пессимистъ, а, напротивъ, ярый врагъ пессимизма. Что же касается Гартмана, то хотя его философская *система*

дѣйствительно проникнута пессимизмомъ, но пессимитическимъ *настроеніемъ* онъ однюдь не страдаетъ, что самъ печатно разъяснялъ. Спрашивается, кто же такъ рѣзко на выворотъ извратилъ факты,—г. Ціонъ или г. Соловьевъ? А факты сами по себѣ въ высокой степени цѣнны и потому въ особенности не заслуживали бы извращенія. За пренебреженіемъ г. Соловьева къ точнымъ ссылкамъ и ковычкамъ, могу только сказать, что онъ, по малой мѣрѣ, повторилъ, если не самъ учинилъ это извращеніе.

Всѣмъ приведеннымъ однако далеко еще не исчерпаны характерныя черты литературной физіономіи г. Евгенія Соловьева. Насъ ждетъ еще, быть можетъ, наиболѣе любопытная черта, та именно, которую Щедринъ опредѣлилъ бы словами: „сейчасъ брюнетъ, сейчасъ—бландинъ".

Въ біографіи Писарева (опять же въ біографической библіотекѣ Павленкова), изданной въ 1893 г., г. Соловьевъ дѣлаетъ мнѣ честь признаніемъ моихъ заслугъ въ соціологіи, именно: „Русской публицистикѣ удавалось не разъ дѣлать серьезныя научныя открытія, предугадывать, хотя способъ доказательства и методъ изслѣдованія смѣло могутъ отшатнуть отъ себя всякаго научнаго педанта. Укажу на ограниченія теоріи Маркса, сдѣланныя Н. К. Михайловскимъ, а также на соціологическія работы послѣдняго" (стр. 45). Я играю здѣсь роль лишь иллюстраціи къ нѣкоторымъ общимъ размышленіямъ о публицистикѣ и и наукѣ. Но здѣсь для насъ достаточно того, что г. Соловьевъ относитъ нѣкоторыя мои работы, и въ томъ числѣ „ограниченія теоріи Маркса", къ „серьезнымъ научнымъ открытіямъ", хотя способъ полученія этихъ „открытій" и можетъ смутить какого-нибудь „научнаго педанта". Такъ дѣло стояло въ 1893 г. Но вотъ, должно быть, года два тому назадъ г. Соловьевъ усердно занимался въ „Новостяхъ" разоблаченіемъ моихъ литературныхъ грѣховъ, и преимущественно въ той области, гдѣ я, по недавнему мнѣнію критика, совершалъ „научныя открытія". Не имѣя подъ руками старыхъ „Новостей", не могу возстановить разоблаченія г. Соловьева текстуально, но смѣю увѣрить читателя, что они были достаточно жестоки и, по обыкновенію, развязны.

Скажутъ, можетъ быть,—это еще не значитъ, что г. Соловьевъ „*сейчасъ* брюнетъ, *сейчасъ* блондинъ". Не сейчасъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ перемѣнилъ онъ свой взглядъ и, можетъ быть, посвятилъ всѣ эти нѣсколько лѣтъ глубокимъ размышленіямъ и испыталъ много душевныхъ страданій, переходя отъ однихъ воззрѣній къ другимъ, прямо противоположнымъ. Это возможно, потому что дѣло шло не лично о Н. К. Михайловскомъ, а объ „ограниченіяхъ теоріи Маркса" и другихъ „серьезныхъ научныхъ открытіяхъ", то есть, о сюжетахъ, дѣйствительно способныхъ наводить на глубокія размышленія и причинять

большія духовныя страданія, какъ и давать большія радости. Изъ переписки Бѣлинскаго мы знаемъ, какъ велики могутъ быть эти страданія и радости при переломѣ міросозерцанія. Мнѣ кажется однако, что человѣкъ, переживщій нѣчто подобное, не станетъ ужъ „колесомъ вертѣться, на канатѣ плясать, садиться задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держаться“... Но пусть. Пусть въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ не „сейчасъ брюнетъ“. Я напомню читателю другой эпизодъ изъ его литературной дѣятельности, уже приведенный однажды въ „Русскомъ Богатствѣ“ по поводу юбилея Бѣлинскаго.

Юбилей Бѣлинскаго происходилъ, какъ извѣстно, въ маѣ прошлаго года. И вотъ, въ мартовской и майской книжкахъ того года г. Соловьевъ печатаетъ юбилейную статью „Бѣлинскій въ потомствѣ“. Принимается онъ за это дѣло съ полнымъ сознаніемъ его важности и плодотворности. „Я лично—говоритъ онъ—не знаю, что могло бы быть интереснѣе темы, какъ „Бѣлинскій въ потомствѣ“, и, на самомъ дѣлѣ, удивительно, что она не только не разработана, но почти и не затронута. А между тѣмъ, кто знаетъ, *сколько „интеллигентныхъ“ недоразумѣній разрѣшилось бы, отнесись мы къ ней внимательнѣе*“. Послѣднія слова подчеркнуты мною, и я прошу читателя на нихъ остановиться: г. Соловьевъ „не яко же сей мытарь“, онъ внимательно отнесется къ своей задачѣ и разъяснитъ нѣкоторыя „интеллигентныя (?) недоразумѣнія“, а ихъ вѣдь такъ много и такъ важно было бы свалить съ литературы хоть часть этого надоѣвшаго груза...

Я не буду слѣдить за статьей г. Соловьева въ цѣломъ и во всѣхъ ея подробностяхъ, остановлюсь только на одномъ пунктѣ.

Переходъ отъ 60-хъ годовъ къ 70-мъ въ нашей литературѣ и жизни представляется г. Соловьеву „въ высшей степени загадочнымъ“. „Будущему историку—прибавляетъ онъ—придется, кажется, въ значительной степени поломать себѣ голову надъ этимъ вопросомъ“. За то отношеніе 70-хъ годовъ, съ ихъ „субъективнымъ методомъ“, „народническими утопіями“ и проч., къ Бѣлинскому—для г. Соловьева вполнѣ ясно: оно чисто отрицательное. Между „субъективнымъ методомъ“, „народническими утопіями“ и проч., съ одной стороны, и Бѣлинскимъ, съ другой—нѣтъ ничего общаго („Научное Обозрѣніе“ 1898, май, стр. 873). Поэтому „отъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго можно,—минуя народничество (подъ этимъ терминомъ г. Соловьевъ разумѣетъ всѣ 70-е годы),—прямой мостъ къ нашему міросозерцанію, смѣло и энергично провозглашенному лишь въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія“ (Стр. 862). „Мы присутствуемъ на самомъ дѣлѣ при его (Бѣлинскаго) возрожденіи, и если онъ открылъ эпоху 60-хъ годовъ, то, кто знаетъ, какую, быть можетъ не менѣе плодотворную, эпоху открываетъ онъ теперь“... (877).—Въ чемъ

состоитъ *наше*, соловьевское міросозерцаніе, смѣло и энергично провозглашенное лишь въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія, и въ чемъ величіе переживаемой нами „эпохи“,—это мы оставимъ въ сторонѣ. Обратимся къ книгѣ г. Соловьева „В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ“, изданной къ тому же юбилею, къ которому написана и статья въ „Научномъ Обозрѣніи“. Въ книгѣ этой есть глава, озаглавленныя такъ же, какъ и та статья: „Бѣлинскій въ потомствѣ“. Глава эта представляетъ собою частію буквальную перепечатку статьи, но есть въ ней и значительныя измѣненія. Изъ нихъ любопытно слѣдующее. Вышеприведенныхъ изъ статьи „Бѣлинскій въ потомствѣ“ соображеній о противорѣчіи между Бѣлинскимъ и „субъективнымъ методомъ“ и проч.—нѣтъ въ главѣ „Бѣлинскій въ потомствѣ“. За то въ замѣнъ ихъ есть такія строки. Отказываясь отъ обсужденія нѣкоторыхъ „общеизвѣстныхъ“ вещей, г. Соловьевъ продолжаетъ: „Гораздо менѣе общеизвѣстно, какимъ образомъ основной философскій принципъ Бѣлинскаго и его идеалъ самостоятельной и гармонически цѣльной личности, творящей въ жизнь (?) перешелъ въ потомство. Я скажу пока, что здѣсь онъ нашелъ себѣ самый радушный пріемъ. Бѣлинскій не только глава русской критики, онъ нѣчто больше—онъ глава всей субъективной школы въ соціологіи, которая до самаго послѣдняго времени господствовала у насъ и на самомъ дѣлѣ оказала не малыя услуги нашему самосознанію, и личность, какъ верховный судья жизни, превратилась даже въ законодателя для науки“ (Стр. 242).

Итакъ, читатель, заинтересовавшійся въ маѣ прошлаго года, по случаю юбилея Бѣлинскаго, литературою о великомъ критикѣ, могъ получить подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ „Бѣлинскій въ потомствѣ“, за подписью одного и того же г. Евгенія Соловьева, два мнѣнія: 1) между „субъективной школой“ и Бѣлинскимъ нѣтъ ничего общаго. 2) Бѣлинскій есть глава „субъективной школы“... Таковъ одинъ изъ результатовъ „внимательнаго“ отношенія къ задачѣ, рѣшеніе которой можетъ упразднить многія „интеллигентныя недоразумѣнія“...

„Сейчасъ—брюнетъ, сейчасъ—блондинъ“...

И вотъ человѣкъ, такъ изумительно развязно относящійся къ вещамъ и идеямъ, чужимъ и собственнымъ, не говоря уже о мелочахъ въ родѣ цитатъ, ковычекъ, заглавій книгъ и статей и проч.,—печатаетъ въ журналѣ „Жизнь“ цѣлый рядъ статей, озаглавленныхъ „Семидесятые годы“... Тема въ высшей степени скользкая, трудная уже и сама по себѣ въ виду чрезвычайной сложности явленій, обнимаемыхъ этимъ заглавіемъ. А кромѣ того, хотя мы и находимся наканунѣ XX вѣка и, слѣдовательно, семи-

десятые годы XIX вѣка отошли уже, казалось бы, въ историческую перспективу, но, по обстоятельствамъ времени и мѣста, они далеко еще не могутъ быть предметомъ всесторонняго обсужденія. И мнѣ кажется, что по отношенію къ нимъ задача добросовѣстнаго изслѣдователя можетъ пока состоять только въ точномъ констатированіи фактовъ и частичныхъ выводахъ, отнюдь не подлежащихъ распространенію на такую огромность и сложность, какъ „семидесятые годы". Въ 1886 г., въ „Дневникѣ читателя" полемизируя съ однимъ писателемъ, я привелъ, между прочимъ, не какъ аргументъ, конечно, а какъ иллюстрацію, конецъ видѣнія Іезекіиля. Въ августовской книжкѣ журнала „Жизнь" г. Соловьевъ объясняетъ, что это былъ съ моей стороны изворотъ, чтобы „кое-какъ на бумагѣ выбраться изъ затрудненій". Нѣтъ, это не былъ изворотъ, и я и теперь повторю, для иллюстраціи своей мысли, тотъ же конецъ іезекіилевой картины поля, усѣяннаго мертвыми костями: „Произошелъ шумъ и движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своей. И видѣлъ я, и вотъ жилы были на нихъ, и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху... и вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили, и стали на ноги свои".—Въ настоящее время сюжетъ, избранный г. Соловьевымъ для изслѣдованія, представляетъ собою поле, усѣянное мертвыми костями. Не наступилъ еще моментъ для того, чтобы эти кости обросли необходимою для историческаго изслѣдованія плотью и оживились духомъ, который когда-то проникалъ ихъ. Въ ожиданіи такого момента, повторяю, добросовѣстному изслѣдователю предстоитъ задача констатированія фактовъ и частичныхъ выводовъ. Всякая же попытка освѣтить „семидесятые годы" при наличныхъ матеріалахъ въ цѣломъ по необходимости приведетъ къ результатамъ, болѣе чѣмъ неполнымъ, одностороннимъ, не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. И тѣмъ болѣе, если исправляющимъ должность изслѣдователя является человѣкъ, ухарски джигитующій по усѣянному мертвыми костями полю,—„колесомъ вертится, на канатѣ пляшетъ, сядетъ задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держится"...

Глава „Дневника читателя", въ которой г. Соловьевъ усмотрѣлъ изворотъ ради того, чтобы „кое-какъ на бумагѣ выбраться изъ затрудненій", называется „Pro domo sua". Къ сожалѣнію, мнѣ и теперь придется говорить, хотя и не исключительно, но все-таки не мало, pro domo sua. Читатель повѣритъ, что я это дѣлаю безъ удовольствія. Читатель *долженъ* этому повѣрить. Если я никогда не могъ пожаловаться на невниманіе и на равнодушіе моихъ собратьевъ по перу, то за послѣдніе годы я стою, можно сказать, подъ цѣлымъ ливнемъ вниманія. Не далеко ходить,—въ августовской книжкѣ журнала „Жизнь", кромѣ статьи г. Соловьева, посвященной мнѣ, какъ участнику 70-хъ годовъ, есть еще статья г. Андреевича (тоже необычайно развязнаго писателя) о г. Чеховѣ,

но значительная ея часть занята опять же мною. Мнѣ уже случилось какъ-то упоминать о нѣкоторыхъ писателяхъ, которые, подобно тому танцору, что не могъ иначе начать танцовать, какъ отъ печки, — начинаютъ свои статьи непремѣнно съ меня: щипнетъ, лягнетъ, а потомъ уже прослѣдуетъ куда ему нужно. Такое ужъ мнѣ счастье. Въ большинствѣ случаевъ я не откликаюсь, а нѣкоторые изъ разражавшихся надо мною громовъ такъ и остались мнѣ неизвѣстными: слышалъ отъ людей, что былъ громъ, и зналъ, что онъ не изъ тучи... Что касается г. Евгенія Соловьева, то я не утруждалъ читателя ни восторгомъ своимъ по случаю выдачи мнѣ диплома за „серьезныя научныя открытія", ни скорбью по случаю отобранія этого диплома: и восторгъ, и скорбь пережилъ въ тиши одиночества. Но теперь дѣло иное. Теперь г. Соловьевъ вдвигаетъ меня въ нѣкоторое безконечно дорогое мнѣ цѣлое, изъ котораго я запасся „святыми воспоминаніями" на всю свою остальную жизнь. И—одинъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ отъ того времени—я счелъ бы для себя позоромъ молча присутствовать при представленіяхъ г. Евгенія Соловьева изъ ложнаго стыда передъ какой-нибудь Марьей Алексѣевной, которая скажетъ... да не все ли мнѣ равно, что она скажетъ?

Въ силу того, что г. Соловьевъ—„сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ", говорить о его произведеніяхъ чрезвычайно трудно, ежели не ограничиваться указаніями на его „моментализмъ—трансформизмъ". Самыя основныя понятія, которыми онъ орудуетъ чуть не на каждой страницѣ, скользятъ, какъ угри, или мѣняютъ цвѣта, какъ хамелеонъ, оставаясь словами безъ опредѣленнаго значенія. Таково, напримѣръ, слово „народничество" *). Подобно многимъ и многимъ, пишущимъ нынѣ на эту тему, г. Соловьевъ нигдѣ не даетъ опредѣленія народничества, произвольно то суживая, то расширяя его границы. Онъ, напримѣръ, рѣзко—какъ оно и естественно—противопоставляя славянофиловъ и западниковъ, говоритъ, что „народники—духовныя дѣти славянофиловъ и даже въ гораздо большей степени, чѣмъ пресловутые почвенники" („Жизнь", іюнь, 271). Мысль эта развивается и далѣе, а кромѣ того, высказывается и въ статьяхъ „Научнаго Обозрѣнія", и въ книгѣ о Бѣлинскомъ. Если же искать настоящаго представителя народничества, то надо обратиться къ г. Михайловскому: „въ его соціологическихъ статьяхъ, а никакъ не въ трудахъ Щапова, Воронцова, Даніельсона и т. д., всякій можетъ найти философію нашего народничества", („Жизнь", сентябрь, 279). Значитъ, г. Михайловскій есть по преимуществу „духовный сынъ славянофильства". Но на стр. 277 той же книжки „Жизни" г. Михайловскій

*) Во избѣжаніе недоразумѣній напомню, что самъ я никогда не причислялъ себя къ „народникамъ" и не разъ полемизировалъ съ тѣми, кто такъ себя называетъ,—еще недавно, напримѣръ, съ Юзовымъ и г. В. В.

оказывается въ числѣ „нашихъ западниковъ“, правда „готовыхъ отказаться отъ своего западничества“ при извѣстныхъ условіяхъ, но все-таки „западниковъ“. При этомъ г. Соловьевъ не потрудился сообщить своимъ читателямъ, какъ же я самъ-то смотрѣлъ и смотрю на славянофильство и западничество.

Такъ что же такое „народничество?“

Единственное, за что можно ухватиться, это—хронологія: „семидесятые годы“ рѣзко выдѣляются, какъ сплошь народническіе, среди 60-хъ годовъ, переходъ отъ которыхъ къ 70-мъ кажется г. Соловьеву неразрѣшимой загадкой, и послѣдующимъ временемъ. Иногда, какъ мы видѣли, г. Соловьевъ готовъ вычеркнуть изъ русской исторіи и 60-е годы и строитъ отъ Бѣлинскаго „прямой мостъ къ нашему міросозерцанію, смѣло и энергично провозглашенному лишь въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія“: отъ Бѣлинскаго къ г. Соловьеву, а въ промежуткѣ „ни воздуха, ни климата, а одинъ лишь палящій зной“... Это, конечно, очень удивительно, но еще удивительнѣе прочитать такія, напр., строки: „Лучшія изъ художественныхъ произведеній народнической литературы, какъ „Записки охотника“, „Севастопольскіе разсказы“, „Сорока-воровка“, „Губернскіе очерки“ и пр. и пр., создавались „раскаявшимися боярами“ („Жизнь“, мартъ, 275). Такимъ образомъ, народничество, столь строго обрамленное 70-ми годами, можетъ при случаѣ восходить къ первымъ произведеніямъ Тургенева и даже къ Герцену. Но и это еще не конецъ удивительностямъ. Оказывается, что „народники“ — не какая-нибудь литературная или иная партія, а какая-то сословная единица. Говоря о неизбѣжно „сословномъ духѣ“ каждой „проповѣди“, г. Соловьевъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „*Буржуазія*“, напр., возлюбила расчетъ и юридическія нормы, все равно, какъ *дворянство*—честь и гордость, а наши *народники* — любовь и единеніе“ („Жизнь“, іюнь, 266).

Въ цѣломъ это такіе сапоги въ смятку, въ которыхъ разобраться невозможно.

Возьмемъ другое очень занимающее г. Соловьева понятіе и очень часто повторяемое имъ слово — „личность“. На стр. 232 книги „В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ“ читаемъ: „Само по себѣ слово—личность, конечно, ничего не обозначаетъ. Это простой терминъ, которымъ мы пользуемся въ нашихъ философскихъ разсужденіяхъ, такъ какъ съ полнымъ основаніемъ можно оспаривать существованіе не только личностей, но и вообще чего-нибудь личнаго въ природѣ“. Кажется, достаточно рѣшительно сказано. Но не менѣе рѣшительное слово находимъ на стр. IX предисловія къ той же книгѣ: „Какъ бы вы ни смотрѣли на исторію, кромѣ пробужденія личности, кромѣ того, что сознаніе своего собственнаго человѣческаго достоинства, которое на самомъ дѣлѣ имѣетъ право на все—нѣтъ ничего“. Въ послѣдней фразѣ

какъ будто недостаетъ сказуемаго, но это не бѣда, съ г. Соловьевымъ это часто случается, смыслъ все-таки ясенъ: кромѣ пробужденія личности, въ исторіи нѣтъ *ничего*. Съ другой стороны однако, не только личностей *нѣтъ*, но нѣтъ и вообще въ природѣ ничего личнаго...

„Сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ"... Читатель скажетъ, пожалуй, что „моментализмъ" г. Соловьева уже достаточно выясненъ, документально доказанъ, и нѣтъ надобности еще и еще возвращаться къ этому пункту. Совершенно вѣрно. Но надо же выбрать въ писаніяхъ г. Соловьева что нибудь такое, за что можно ухватиться, какъ за исходную точку для уразумѣнія его оцѣнки „семидесятыхъ годовъ". И такую исходную точку мы, наконецъ, нашли. Это именно отрицаніе не только историческаго значенія личности, но и самого ея существованія. Конечно, слѣдя за развитіемъ этой мысли, мы должны забыть ту другую мысль г. Соловьева, что, кромѣ пробужденія, личности, въ исторіи нѣтъ ничего. Но такою цѣною мы купимъ болѣе или менѣе цѣльный и въ своемъ родѣ очень интересный взглядъ на наше недавнее— и увы! сколь уже дальнее—прошлое.

Я долженъ оговориться, что не читалъ всѣхъ статей г. Соловьева въ „Жизни": не имѣлъ терпѣнія читать всѣ эти „слова, слова, слова", рѣкой льющіяся черезъ разнообразныя логическія, фактическія и нравственныя препятствія. Но читатель убѣдится, надѣюсь, что мой матеріалъ совершенно достаточенъ для моихъ выводовъ.

„Съ полнымъ основаніемъ можно оспаривать существованіе не только личностей, но и вообщее чего нибудь личнаго въ природѣ"... Что же существуетъ?—Группа,—отвѣчаетъ г. Соловьевъ— видовое, родовое, групповое, классовое. Если провести послѣдовательно точку зрѣнія г. Соловьева до ея логическаго конца и примѣнить ее къ какому нибудь конкретному явленію, то выйдемъ, напримѣръ, слѣдующее: Лермонтова никогда не было, а была группа или классъ военно-служащихъ помѣщиковъ. Въ такомъ видѣ тезизъ г. Соловьева слишкомъ явный вздоръ, ибо не классъ военно-служащихъ написалъ „Демона", не онъ дрался на дуэли съ Барантомъ, не онъ былъ убитъ Мартыновымъ и т. д. Все это случилось не съ „классомъ" или „группою", а лично съ Лермонтовымъ, человѣкомъ ярко опредѣленной индивидуальности, много воспринявщимъ отъ своей среды, но и рѣзко изъ нея выдѣлившимся. Въ приведенномъ отрицаніи самаго существованія личностей г. Соловьевъ, съ свойственною ему задорною игривостью нрава, хватилъ черезъ край. Но въ болѣе смягченнымъ видѣ мысль эта проводится людьми посерьезнѣе и покрупнѣе г. Соловьева, а для него составляетъ въ настоящую

минуту ту именно узенькую повязку на головѣ, которая замѣняетъ всякій костюмъ. Но, конечно, онъ долженъ сказать „новое слово". По нынѣшнему времени безъ этого нельзя.

„Сословный характеръ разныхъ эпохъ нашей литературы", — вотъ то новое слово, которымъ г. Соловьевъ намѣренъ обогатить сокровищницу русской критики и исторіи литературы. „Съ этой точки зрѣнія—говоритъ онъ—въ исторіи русской литературы не сдѣлано почти ничего, а пожалуй что и ровно ничего не сдѣлано". Онъ въ этомъ смыслѣ знаетъ только „презрительную кличку семинаристовъ", да еще „прозвище" „разночинецъ", но—прибавляетъ онъ—„содержаніе его настолько неопредѣленно, а самый терминъ такъ внутренне противорѣчивъ, что пользоваться имъ иначе, какъ въ газетныхъ статьяхъ, невозможно". (Жизнь", іюнь, 261.) Вы понимаете это великолѣпіе: въ газетныхъ статьяхъ, какихъ г. Соловьевъ написалъ не мало, можно довольствоваться терминами безъ опредѣленнаго содержанія и внутренно противорѣчивыми,—газета на то и газета, чтобы быть завтра же забытой, такъ что-жъ тутъ церемониться! Теперь иное дѣло. Теперь г. Соловьевъ предпринимаетъ трудъ, можетъ быть и не безсмертный, но во всякомъ случаѣ солидный, серьезно обдуманный... Однако всего черезъ нѣсколько страницъ (269) г. Соловьевъ преспокойно орудуетъ терминомъ „разночинецъ", примѣняя его къ Бѣлинскому и дѣлая отсюда извѣстные выводы. Можетъ быть, онъ уже успѣлъ забыть, что пишетъ не газетную статью, а можетъ быть, вошедшій давно въ обиходъ терминъ „разночинецъ" совсѣмъ ужъ не такъ плохъ. Конечно, кто хочетъ искать въ литературѣ строго „сословнаго характера", для того разночинецъ представляетъ непріятное препятствіе, непріятное уже какъ терминъ, но что же дѣлать, если этому термину соотвѣтствуетъ живое явленіе и если Бѣлинскаго, напримѣръ, дѣйствительно ни къ какому опредѣленному „чину", сословію приписать нельзя: дѣдъ—сельскій попъ (прадѣдъ, можетъ быть, мужикъ; помните Базарова: „мой дѣтъ землю пахалъ"), отецъ—военный лѣкарь, мать—мелкая дворянка, владѣлица одной крѣпостной семьи, безъ земли.

Надо замѣтить, что предпріятіе г. Соловьева не въ томъ состоитъ, чтобы прослѣдить вліяніе происхожденія и среды на литературную дѣятельность того или другого писателя. Сказать, что по этой части „не сдѣлано почти ничего, а пожалуй что и равно ничего не сдѣлано",—было бы даже для г. Соловьева слишкомъ смѣло Такія литературныя явленія, какъ поэзія Кольцова, поэзія Никитина, уже по своей исключительности для своего времени, не могли не привлекать вниманія критиковъ и историковъ литературы именно съ точки зрѣнія „сословнаго характера". Все, что сказалъ въ этомъ отношеніи г. Соловьевъ о Бѣлинскомъ—и даже гораздо ярче—было сказано задолго до него. О значеніи происхо-

жденія и среды въ поэзіи и жизни Пушкина г. Анучинъ еще недавно напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ обширный научный трактатъ. Это же значеніе для Лермонтова или гр. Толстого можно считать давно и вполнѣ выясненнымъ. И т. д. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными, крупными и яркими индивидуальностями, въ которыхъ „сословный характеръ“ своеобразно премлоляется, переплетаясь съ многоразличными другими вліяніями. Г. же Соловьевъ имѣетъ въ виду освѣтить съ точки зрѣнія „сословнаго характера“ цѣлыя литературныя теченія и даже „эпохи“, причемъ индивидуальность, личность должны оказаться элементомъ, не только не стоющимъ вниманія, но и не существующимъ, ибо „съ полнымъ основаніемъ можно оспаривать существованіе не только личностей, но и вообще чего-нибудь личнаго въ природѣ“.

Г. Соловьевъ охотно ссылается на Гумпловича въ подтвержденіе того минуса, который онъ ставитъ значенію личности. Гумпловичъ, въ свою очередь, ведетъ эту линію отъ Бастіана, для котораго, какъ для этнолога, всякія индивидуальныя особенности, разумѣется, ничто въ сравненіи съ расовыми, групповыми. Гумпловичъ, какъ соціологъ или, точнѣе, какъ правовѣдъ, исходя изъ того же пункта, видитъ содержаніе исторіи въ борьбѣ группъ, расовыхъ или классовыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утверждаетъ, что мыслитъ не человѣкъ, а группа, въ составъ которой онъ входитъ. Г. Соловьевъ, какъ легкомысленный сочинитель, идетъ, конечно, дальше и заявляетъ, что личность просто таки не существуетъ, а существуютъ „сословія“.

Оставимъ въ сторонѣ борьбу расовую и борьбу классовую и тѣ ихъ поразительныя взаимныя осложненія, которыми посрамляется въ настоящее время вся Европа. Но что значитъ: мыслитъ не человѣкъ, а группа? Гумпловичъ понимаетъ, конечно, что собственно мыслительнымъ аппаратомъ, тою лабораторіей, въ которой непосредственно происходитъ процессъ воспріятія впечатлѣній, ихъ комбинацій и дальнѣйшей переработки, — обладаетъ не группа, а индивидъ. Но путемъ физіологической наслѣдственности, воспитанія, ежедневнаго общенія съ извѣстной средой, общности интересовъ этой среды—данная группа накладываетъ на входящую въ ея составъ личность свою неизгладимую печать; и тотъ ничтожный остатокъ индивидуальныхъ варьяцій, который не вмѣщается въ предѣлы этой печати, есть величина, не стоющая вниманія науки. Такова точка зрѣнія Гумпловича. Она совершенно достаточна для этнолога, но уже для юриста, а тѣмъ паче для соціолога, она неизбѣжно окажется слишкомъ узкой.

Позволю себѣ сослаться на такой авторитетъ, какъ г. Евгеній Соловьевъ, высказывающійся, впрочемъ, на этотъ разъ съ необыкновенною для него робостью. „Боюсь высказать эту мысль,— говоритъ онъ,—но мнѣ кажется, что въ жизни человѣка ничего

никогда не пропадаетъ. Всякій опытъ, всякая удача и неудача, всякое ощущеніе и чувство оставляютъ въ характерѣ свой слѣдъ, совершенно стереть который нѣтъ никакой возможности. Поэтому я думаю, что и годы нищеты и униженій не могли не испортить Некрасова и слишкомъ даже развили практическую сторону его натуры". („В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ", 153). Робость г. Соловьева въ данномъ случаѣ тѣмъ изумительнѣе, что о Некрасовѣ онъ лишь повторяетъ то, что давнымъ давно и много разъ сказано. Но сказать, что *всякій* опытъ и т. д. оставляетъ свой слѣдъ, стереть который нѣтъ никакой возможности,—это, пожалуй, дѣйствительно, слишкомъ сильно. Тѣмъ не менѣе въ не столь категорической формѣ мысль г. Соловьева заключаетъ въ себѣ долю истины, и даже общеизвѣстной. Но спрашивается, всегда ли „опыты, удачи и неудачи, ощущенія, чувства", оставляющія въ насъ неизгладимый слѣдъ, ограничиваются кругомъ той группы, въ составъ которой мы входимъ? Это можно съ большею достовѣрностью утверждать относительно какого-нибудь первобытнаго племени или замкнутой касты. Но современный цивилизованный человѣкъ входитъ въ составъ заразъ нѣсколькихъ группъ, и уже по одному этому не можетъ на немъ лежать цѣльная печать которой нибудь одной изъ нихъ. Возьмемъ какую-нибудь достаточно всѣмъ извѣстную личность, напримѣръ, Дрейфуса. Онъ—французъ, и всѣ „опыты, удачи и неудачи, ощущенія и чувства", въ теченіе всей его жизни полученные на общефранцузской почвѣ, наложили на него свою печать. Но онъ не только французъ; по происхожденію, а можетъ быть и по вѣроисповѣданію, онъ еврей, и эта принадлежность къ еврейской расѣ, къ группѣ, имѣющей свою длинную исторію и волею этой исторіи поставленной въ особое положеніе, опять таки оставляетъ на его индивидуальности свой слѣдъ. Затѣмъ онъ принадлежитъ къ среднему классу общества, къ буржуазіи. Далѣе онъ офицеръ, то есть входитъ въ составъ еще одной группы со своими традиціями, привычками, понятіями о чести и т. д. Можно бы было указать еще и на то, что онъ именно артиллеристъ,—давно замѣчено, что носители разныхъ родовъ оружія образуютъ группы съ своею особою психологіей, вслѣдствіе чего, напримѣръ, артиллеристы и инженеры смотрятъ иногда свысока на скромную пѣхоту и щеголеватую кавалерію. Наконецъ, сила судьбы включила Дрейфуса въ составъ группы лицъ, объединенныхъ жаждою торжества правды наперекоръ колоссальнымъ препятствіямъ матеріальнымъ и духовнымъ. Онъ далъ даже свое имя этой группѣ „дрейфусаровъ", границы которой трудно указать, но которая несомнѣнно существуетъ, имѣя своихъ представителей во всѣхъ слояхъ общества всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Такимъ образомъ, неизгладимые слѣды „опытовъ, удачъ, неудачъ, ощущеній, чувствъ" Дрейфуса получены имъ отнюдь не въ *средѣ* одной

какой-нибудь группы, а въ *средахъ* многихъ то концентрическихъ, то въ разныхъ направленіяхъ пересѣкающихъ другъ друга круговъ. Совокупность всѣхъ этихъ „слѣдовъ“ и „отпечатковъ“ плюсъ совершенно отъ нихъ независимыя, случайныя индивидуальныя варьяціи, происхожденіе которыхъ, вѣроятно, всегда останется для насъ тайной,—и составляетъ личность, въ данномъ случаѣ личность Дрейфуса со всей его трагической судьбой. Вопреки легкомысленному увѣренію г. Соловьева, эта личность существуетъ,—и ѣстъ, и пьетъ, и любитъ, и ненавидитъ, и сидѣлъ на Чортовомъ островѣ, переходя отъ молчаливаго отчаянія къ бурнымъ взрывамъ гнѣва и обратно. Но этого мало. Вопреки гораздо болѣе серьезному положенію Гумпловича, эта личность *мыслитъ*, ибо, оставляя даже въ сторонѣ индивидуальныя варьяціи, своеобразная комбинація слѣдовъ и отпечатковъ, полученныхъ отъ многихъ и различныхъ группъ, не даетъ возможности пріурочить ея „мысль“ къ которой нибудь одной изъ нихъ; эти слѣды и отпечатки то сливаются, то нейтрализуютъ другъ друга, то другъ другу противорѣчатъ, и въ этой пестротѣ пропадаетъ одноцвѣтная групповая мысль. Въ извѣстныхъ предѣлахъ положеніе Гумпловича вѣрно,—не говоря о первобытныхъ племенахъ и замкнутыхъ кастахъ или сословіяхъ, можно и нынѣ видѣть болѣе или менѣе чистыхъ представителей групповой мысли, — но до какой степени въ своемъ категорическимъ видѣ это положеніе теоретически ненаучно и практически опасно, наглядно выясняется тѣмъ же дѣломъ Дрейфуса.

Одинъ русскій юристъ (г. Сергѣевскій) пытался возвеличить древне-русскій „институтъ групповой отвѣтственности“ и предсказывалъ ему возрожденіе и безсмертіе. „Институтъ“ этотъ состоялъ въ томъ, что наказанію подвергался не только виновникъ преступленія, но и группа, къ которой онъ принадлежалъ, то есть и завѣдомо невинные люди. Этотъ фактъ старорусскаго отношенія къ личности г. Сергѣевскій возводилъ въ принципъ, стараясь подвести подъ него научный фундаментъ. Это ему не удалось, конечно, но такъ, безъ какихъ бы то ни было научныхъ украшеній, идея групповой отвѣтственности еще крѣпко сидитъ въ сознаніи не только русскихъ людей, представляя собою пережитокъ отдаленной поры родовой или кровной мести. Въ дѣлѣ Дрейфуса это сказалось съ жестокою наглядностью.—„Вотъ каковы французы!“—„вотъ каковы французскіе офицеры!“—„вотъ они жиды-то!“—Этими и подобными возгласами хорошо формулировалось отношеніе къ дѣлу многихъ и многихъ, искренно или лицемѣрно считавшихъ Дрейфуса виновнымъ въ измѣнѣ: не къ уголовной, конечно, а только къ моральной отвѣтственности призывались тѣ группы, къ которымъ онъ принадлежитъ. Это вполнѣ гармонируетъ съ убѣжденіемъ г. Соловьева, что личность не су-

ществуетъ, но насколько это теоретически научно и практически полезно—пусть судитъ самъ читатель.

Читатель видитъ, что я не только не отрицаю вліянія среды на личность, но, напротивъ, утверждаю его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я говорю лишь, что вліяніе это далеко не всегда можетъ быть пріурочено къ одной какой нибудь группѣ.

Временами г. Соловьевъ какъ будто понимаетъ всю трудность своей задачи. Такъ, онъ указываетъ на нашу подражательность, на вліяніе западной Европы, которое „очень и очень стушевывало сословный характеръ пропагандируемыхъ (у насъ) идей". Это ограниченіе, конечно, очень важно, однако лишь въ томъ общемъ смыслѣ, что „всякій опытъ, всякая удача и неудача, всякое ощущеніе и чувство", въ томъ числѣ и ощущенія и чувства, возбужденныя знакомствомъ съ европейскими событіями и европейской литературой,—оставляютъ въ насъ свой слѣдъ. Въ частности же, съ точки зрѣнія г. Соловьева, слѣдовало бы ожидать ассимиляціи нашею литературою именно сословныхъ же элементовъ европейскихъ литературъ, что онъ, однако, даже не пытается утверждать. Въ другомъ мѣстѣ г. Соловьевъ прямо говоритъ: „Изучать и опредѣлять сословный характеръ того или другого теченія мысли надо, конечно, съ большою осторожностью, и не только по новизнѣ предмета, и не потому также, что волки часто наряжаются въ овечью шкуру, но и потому, что вопросъ этотъ, вообще говоря, чрезвычайно сложный". Тѣмъ не менѣе г. Соловьевъ рѣшительно заявляетъ, что „сословный духъ нѣчто органическое, нѣчто впитываемое съ молокомъ матери, съ первыми всегда самыми могущественными впечатлѣніями дѣтства, съ самыми свѣжими и свѣтлыми грезами юности; онъ необходимо присущъ каждому изъ насъ и *отъ него нѣтъ полной свободы*" („Жизнь", іюнь, 279). Въ мысли г. Соловьева это не значитъ, чтобы представитель извѣстнаго сословія отстаивалъ въ литературѣ непремѣнно *интересы* своего сословія. Это, конечно, очень обыкновенное явленіе, но возможно и вполнѣ безкорыстное, даже самоотверженное, рѣшительно отрицательное отношеніе къ своимъ сословнымъ интересамъ, но и въ такомъ случаѣ печать происхожденія писателя сказывается „сословнымъ духомъ", нѣкоторою неистребимою закваскою. И вотъ „семидесятые годы" рисуются г. Соловьеву въ видѣ господства или преобладанія сословнаго дворянскаго, барскаго, боярскаго духа или закваски...

На первый взглядъ это такой вздоръ, который не возьмется поддерживать самый кляузный умъ и самый развязный языкъ. Было время, когда русская литература воздѣлывалась почти исключительно дворянами или, если угодно, барами, хоть и не „боярами", какъ единственнымъ сословіемъ, обладавшимъ достаточ-

нымъ просвѣщеніемъ и досугомъ. Но къ семидесятымъ годамъ это время уже, надо полагать, прошло, тѣмъ болѣе, что и гораздо раньше въ литературѣ, *почти* исключительно дворянской, возникали такія вліятельныя силы (чтобы не восходить къ Ломоносову и др.), какъ Кольцовъ, Никитинъ, Бѣлинскій, Полевой, а въ эпоху реформъ, уже съ конца пятидесятыхъ годовъ, „разночинцы“ влились въ такомъ изобиліи и съ такимъ шумомъ, что опредѣлили собою главное русло литературы, внеся въ нее новые интересы, новые сюжеты, новые пріемы и формы. Хорошо ли это или дурно—вопросъ особый, мы говоримъ только о фактѣ сословнаго состава представителей литературы. Мы видѣли, что г. Соловьеву не нравится слово „разночинецъ“,—слово, конечно, неудобное для изслѣдователя съ узенькой повязкой „сословнаго характера“ на головѣ; но мы видѣли также, что онъ вынужденъ употреблять это слово, потому что ему соотвѣтствуетъ несомнѣнный житейскій фактъ. Безъ сомнѣнія и въ семидесятыхъ годахъ литература имѣла въ своемъ составѣ представителей дворянства, отстаивавшихъ интересы дворянства. Это вполнѣ естественно, но г. Соловьева совсѣмъ не занимаетъ это теченіе, онъ даже не упоминаетъ о немъ. Онъ имѣетъ, напротивъ, въ виду теченіе демократическое, „народническое“. Оно-то, по его мнѣнію, и было проникнуто сословнымъ дворянскимъ „духомъ“, и именно потому, что его представители были дворяне по происхожденію. Казалось бы, г. Соловьеву надлежало прежде всего фактически установить именно послѣднее, то есть доказать дворянское, барское, „боярское“ происхожденіе этихъ представителей. Изъ тѣхъ, которымъ особенное вниманіе удѣляетъ г. Соловьевъ, нѣтъ, пожалуй, надобности производить генеалогическое изслѣдованіе о завѣдомо древнемъ боярскомъ родѣ Салтыковыхъ, но велики ли бояре были предки, напримѣръ, Г. И. Успенскаго, одного изъ самыхъ яркихъ представителей семидесятыхъ годовъ,—въ этомъ я сомнѣваюсь и сомнѣнія эти имѣю основанія распространять на многихъ и многихъ другихъ.

Мимоходомъ: г. Соловьевъ съ гордостью говоритъ о „нашемъ міросозерцаніи, смѣло и энергично провозглашенномъ лишь въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія“,—міросозерцаніи, рѣзко противоположномъ міросозерцанію семидесятыхъ годовъ: то было дворянское, а „наше“—какое? Мнѣ неизвѣстно происхожденіе г. Соловьева, но, судя по фамиліямъ нѣкоторыхъ представителей міросозерцанія, о которомъ онъ говоритъ (напримѣръ, г. Струве, подписывающагося подъ своими нѣмецкими статьями фонъ-Струве, г. Тугана-Барановскаго и др.), они принадлежатъ къ дворянству и, можетъ быть, очень родовитому. А такъ какъ „сословный духъ нѣчто органическое“ „и отъ него нѣтъ полной свободы“, то... то предоставляло г. Соловьеву сдѣлать надлежащіе логическіе выводы.

Однако что нибудь да говоритъ же г. Соловьевъ въ цѣломъ рядѣ статей, какъ нибудь да доказываетъ свою мысль о сословно-дворянскомъ характерѣ семидесятыхъ годовъ?

Не рѣшаюсь утверждать, но думаю, что все предпріятіе внушено г. Соловьеву однимъ или, точнѣе, двумя моими словами: „кающійся дворянинъ“. Такъ назвалъ я типъ, къ которому принадлежитъ лицо, отъ имени котораго ведутся мои полубеллетрическіе наброски „Въ перемежку“,—Григорій Темкинъ. Но дѣло, можетъ быть, не только въ упомянутыхъ двухъ словахъ.

О напечатанной въ нашемъ „Сборникѣ“ части моего романа „Карьера Оладушкина“ мнѣ случилось прочитать нѣсколько отзывовъ, благосклонныхъ и неблагосклонныхъ, но въ большинствѣ случаевъ отмѣчающихъ изъяны по художественной части. Одинъ изъ критиковъ даже рѣшительно заявилъ, что мнѣ далеко до Тургенева... Увы! это глубокая правда, глубокая и для меня, конечно, прискорбная, потому что я ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы, наоборотъ, Тургеневу было далеко до меня. Но, къ сожалѣнію, а можетъ быть и къ счастью моему, я уже тридцать лѣтъ тому назадъ разстался съ иллюзіями на счетъ своихъ художественныхъ силъ, объ чемъ откровенно разсказалъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ. Съ тѣми же оговорками относительно своего художественнаго дарованія я еще не такъ давно разсказалъ, по нѣкоторому особенному случаю, въ „Русскомъ Богатствѣ“ о томъ, какъ зарождался и писался романъ „Карьера Оладушкина“, изъ котораго тогда было напечатано два-три отрывка. Но, неоднократно, такимъ образомъ, предвосхитивъ неблагосклонные отзывы критики, я могу, однако, гордиться нѣкоторыми поразительными успѣхами, какимъ могли бы позавидовать и великіе художники. Объ одномъ изъ этихъ успѣховъ см. мое „Письмо къ неучамъ“ (Сочиненія, IV, 205 и сл.). Теперь вотъ г. Соловьевъ... Надо сказать, что г. Соловьевъ чрезвычайно лестно отзывается о моемъ художественномъ дарованіи, но собственно не этимъ отзывомъ особенно польщенъ я, а явными признаками необыкновенно сильнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на г. Соловьева образъ „кающагося дворянина“ Григорія Темкина. Этотъ образъ до такой степени поразилъ г. Соловьева, что окрасилъ собой для него всѣ семидесятые годы, прихвативъ и дѣятелей гораздо болѣе ранняго времени,—Тургенева, Герцена и др. Такова сила моего художественнаго таланта!.. а можетъ быть и сила того руководящаго значенія, которое получило для г. Соловьева существительное „дворянинъ“ съ присоединеніемъ прилагательнаго „кающійся“. Но никакое величіе не дается даромъ, а потому естественно, что мое поэтическое дѣтище, кающійся дворянинъ Григорій Темкинъ, подвергается жестокому преслѣдованію со стороны г. Соловьева: и такой онъ, и сякой, и мытьемъ его, и катаньемъ, и убійственной ироніей, и всякаго рода издѣватель-

ствами. Бѣднѣй Григорій Темкинъ! Я не стану однако защищать его отъ мощныхъ ударовъ г. Соловьева. Не столь, конечно, рѣзко и не съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ критикъ, мнѣ уже слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, въ вышеупомянутомъ „Письмѣ къ неучамъ", пришлось говорить и объ „ошибкахъ и некрасивыхъ поступкахъ" Темкина, и объ его „слабой", хотя и благородной натурѣ. Пусть же г. Соловьевъ его добиваетъ! Но я не могу не протестовать противъ того, почти всеисчерпывающаго для семидесятыхъ годовъ значенія, которое г. Соловьевъ придаетъ Григорію Темкину. Это было бы уже слишкомъ лестно для меня, какъ художника...

Трудно разобраться въ статьѣ г. Соловьева, посвященной разбору набросковъ „Въ перемежку" (какъ, впрочемъ, и въ другихъ его статьяхъ). Это какая-то умственная чехарда: утопія, „духъ Рахметова", старое барство, „народничество", Темкинъ, „субъективный методъ", сословный характеръ и еще многіе другіе предметы и понятія, не получая никакого опредѣленія, скачутъ другъ черезъ друга въ неудержимомъ потокѣ словоизверженія. Прежде, чѣмъ придти къ нѣкоторому возможно общему выводу относительно этой чехарды, остановлюсь хоть на одномъ частномъ примѣрѣ.

„Любопытно отмѣтить,—говоритъ г. Соловьевъ,—какъ настойчиво повторяется слово „уплата" въ проповѣдяхъ того времени (семидесятыхъ годовъ) и какъ охотно даже серьезные люди принимаютъ тонъ моралиста и проповѣдника. Создаются формулы прогресса, сочиняются философско-историческіе труды и все это имѣетъ единственною, главнѣйшею цѣлью воздѣйствовать на совѣсть слушателя, пробудить уснувшую или непросыпавшуюся еще, поддержать колеблющуюся. Атмосфера была насыщена нравственною отвѣтственностью и считалось чѣмъ то пошлымъ и буржуазнымъ говорить о правѣ каждаго на личное счастье. *Суровый духъ Рахметова точно носился надъ эпохой,—этотъ духъ, ненаходившій себѣ ни достаточнаго простора, ни достаточнаго примѣненія за десять лѣтъ назадъ*". („Жизнь", августъ, 314). Можно бы было спросить: что удивительнаго въ томъ, что *даже* серьезные люди старались будить уснувшую совѣсть или поддержать колеблющуюся? развѣ это приличествуетъ именно несерьезнымъ людямъ? Но я обращаю вниманіе читателей на подчеркнутыя строки. Итакъ, „суровый духъ Рахметова" былъ родственъ семидесятымъ годамъ, даже родственнѣе, чѣмъ своему времени, и именно на почвѣ идей „уплаты", совѣсти, нравственной отвѣтственности. Кажется ясно? Но, перевернувъ нѣсколько страницъ той же августовской книжки и дойдя всего до 322-ой, читаемъ: „Если вы хорошо помните Рахметова, то хорошо помните и то, что этотъ суровый человѣкъ, дѣйствительно весь отдавшій себя своей задачѣ, никакихъ покаянныхъ чувствъ въ себѣ не ощущалъ. Видалъ же онъ

виды, надо думать, побольше и почище, чѣмъ Темкины и присные имъ". Хорошо ли помнитъ „аскета-реалиста" Рахметова самъ г. Соловьевъ,—этого мы касаться не будемъ. Но если „Темкины и присные имъ" характерны для семидесятыхъ годовъ, (а, по мнѣнію г. Соловьева, они въ высшей степени характерны), то, казалось бы, „суровый духъ Рахметова" долженъ былъ „носиться" надъ ними, а не противополагаться. Но за такими мелочами не угоняться у г. Сословьева. Посмотримъ на итоги.

„70-е года отличались и темпераментомъ, и характеромъ. Эту справедливость имъ надо отдать въ полной мѣрѣ. Припомните журналистику того времени, ея ожесточенныя полемики, быстрое рѣшеніе, которое получали въ ней самые серьезные вопросы, рѣзкость и опредѣленность ея точекъ зрѣнія, и вы увидите, что люди жили или, по крайней мѣрѣ, имъ казалось, что они живутъ полною жизнью. И было несомнѣнно больше опредѣленныхъ физіономій, чѣмъ потомъ. И въ общественной жизни чувствовался тотъ же темпераментъ, та же напряженность ожиданія, тотъ же своего рода фанатизмъ и сектантство. Чувствовалась, словомъ, извѣстная вдохновенность общественностью". (Стр. 309). Не входя въ детальную оцѣнку этого набора словъ, вы видите во всякомъ случаѣ, что рѣчь идетъ о времени горячемъ, яркомъ, дѣйственномъ. Поигравъ затѣмъ въ умственную чехарду, образчики которой мы частію уже видѣли, а частію, можетъ быть, и еще увидимъ, г. Соловьевъ, переходитъ къ фактамъ, причемъ „не касаясь тайнаго dossier 70-хъ годовъ, ограничивается характернымъ и общеизвѣстнымъ документомъ", а именно очерками „Въ перемежку". Затѣмъ идетъ отдѣлка Григорія Темкина за разныя его слабости, но въ особенности за его „дряблую, больную, никому не нужную совѣсть", за чрезмѣрно преувеличенное „чувство личной отвѣтственности за свое общественное положеніе". И „это не было его личное чувство,—пишетъ г. Соловьевъ,—а чувство и настроеніе цѣлой эпохи, по крайней мѣрѣ цѣлой общественной группы, часть которой ушла въ карьеру, а другая часть въ себя, чтобы копаться въ душѣ своей, копаться въ ней вплоть до дѣтскихъ воспоминаній и даже дальше того—до лѣтописи и поколѣній, копаться тамъ и мучить себя, переходя отъ рыданій къ восторгамъ передъ дивной красотой новаго чувства"... Такова была „насыщенная нравственною отвѣтственностью атмосфера" семидесятыхъ годовъ, и это было результатомъ „сословнаго характера" ихъ представителей.

Прежде всего васъ поражаетъ здѣсь какое-то странное несоотвѣтствіе между началомъ и концомъ картины: въ началѣ что-то бодрое, сильное, яркое, „вдохновенность общественностью", а въ концѣ—что-то дряблое, бѣдное и чисто личное. И это очевидно не только потому, что авторъ „сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ". Это само собой, но кромѣ того очевидно, что изъ яркаго

начала авторъ сдѣлалъ какое-то очень большое вычитаніе, чтобы получить скудный конецъ. Одно изъ вычтенныхъ слагаемыхъ указываетъ самъ г. Соловьевъ, говоря о неполнотѣ, какъ онъ выражается „dossier 70-хъ годовъ“. Казалось бы, уже одно это обстоятельство должно было воздержать добросовѣстнаго изслѣдователя отъ сужденій о нравственной атмосферѣ семидесятыхъ годовъ. Но „тщетны россамъ всѣ препоны“. Г. Соловьевъ не въ атмосферѣ чрезмѣрно чуткой совѣсти воспитался, а потому можетъ смѣло утверждать, что „Темкины и присные имъ“ „ушли въ карьеру“ или „въ себя“. Онъ идетъ дальше и, чтобы получить свой скудный итогъ, устраняетъ и тѣ матеріалы, какіе имѣются въ очеркахъ „Въ перемежку“, и всѣ семидесятые годы сводитъ къ Григорію Темкину, къ его личнымъ свойствамъ и темпераменту. Между тѣмъ и въ запискахъ Темкина фигурируютъ и другіе люди, близкіе ему по образу мыслей, но съ иными личными свойствами и иными темпераментами. Г. Соловьевъ самъ указываетъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, замѣчая, что „по условіямъ журнальной работы они какъ то скомканы, но все же любопытныя фигуры“. Отмѣтивъ ихъ мимоходомъ, г. Соловьевъ не вводитъ, однако, ихъ въ свой итогъ „нравственной атмосферы 70-хъ годовъ“. Я знаю, что онъ возразитъ на это. Онъ скажетъ, что эти „любопытныя фигуры“ все изъ „разночинцевъ“, а онъ имѣлъ въ виду прослѣдить только сословный дворянскій или, какъ онъ часто выражается, „старобарскій“ элементъ въ литературѣ и жизни 70-хъ годовъ. Въ такомъ случаѣ не слѣдовало говорить о „нравственной атмосферѣ“ вообще, а объ ней именно трактуетъ г. Соловьевъ и въ другихъ статьяхъ. Къ этому надо еще прибавить, что въ числѣ „кающихся дворянъ“ въ запискахъ Темкина есть его сестра Соня (отличіе характера которой отъ характера брата отмѣчаетъ самъ г. Соловьевъ), есть Сицкій, Бухарцевъ, Далматовъ. И еслибы даже только на нихъ г. Соловьевъ остановилъ свое вниманіе, такъ и то его итогъ отличался бы отъ того, который онъ теперь дѣлаетъ: ни „въ карьеру“, ни „въ себя“ эти люди не ушли, а очутились въ сонномъ видѣніи Григорія Темкина на правой сторонѣ картины Семирадскаго вмѣстѣ съ разночинцами Нибушемъ, Апостоловымъ и др.

Мнѣ неловко ссылаться на скромныя записки Темкина, какъ на нѣчто, по словамъ г. Соловьева, „характерное и общеизвѣстное“, и я не буду подтверждать сказанное цитатами, тѣмъ болѣе, что ниже мнѣ придется таки цитировать самаго себя, —слишкомъ уже развязенъ г. Соловьевъ.

Пока рѣчь идетъ о „личной отвѣтственности за свое общественное положеніе“, г. Соловьевъ можетъ противополагать Темкина Нибушамъ и Апостоловымъ въ жизни и Салтыкова Рѣшетникову, Щапову и проч.—въ литературѣ: Темкинъ и Салтыковъ дѣйствительно родовитые люди, Рѣшетниковъ, Щаповъ, Апосто-

ловъ, Нибушъ — дѣйствительно разночинцы. Но это различіе г. Соловьевъ заимствовалъ у Темкина и его же добромъ ему же челомъ бьетъ. Онъ только меньше останавливается на томъ обстоятельствѣ, что различіе происхожденія не мѣшало людямъ идти рука объ руку, что не препятствуетъ ему однако красить всѣ семидесятые годы „сословнымъ“ и даже „старо-барскимъ характеромъ“. Если вы спросите, что же именно носило этотъ характеръ, то, кромѣ „покаяннаго“ чувства въ смыслѣ „чувства личной отвѣтственности за свое общественное положеніе“, каковое чувство, конечно, могло одушевлять только людей этого именно положенія; кромѣ, говорю, этого чувства, весьма однако старому барству чуждаго, г. Соловьевъ перечислитъ: „утопизмъ“, „народничество“, „вѣру въ силу критически мыслящей личности“ и т. д. Но ни одинъ изъ этихъ пунктовъ не получаетъ сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія. Почему, напримѣръ, утопизмъ или вѣра въ силу критически мыслящей личности отнесены къ старо-барскому духовному багажу? Сколько мы знаемъ старо-барскую жизнь,—а мы вѣдь ее хорошо знаемъ,—въ ней не было никакихъ задатковъ ни того, ни другой. А г. Соловьевъ не поддерживаетъ своихъ положеній ни индуктивнымъ путемъ изслѣдованія происхожденія нашихъ „утопистовъ“,—съ него достаточно того факта, что гр. Л. Толстой „утопистъ“,—ни путемъ вывода изъ какихъ нибудь общихъ положеній, логически связывающихъ „старое барство“ съ „утопизмомъ“. Онъ просто съ чрезвычайною быстротою нанизываетъ слово на слово, не озабочиваясь ни фактическою достовѣрностью, ни логическимъ смысломъ. Понятно, какое фальшивое освѣщеніе должны получить подъ такимъ бойкимъ подхалимовскимъ перомъ семидесятые годы. Будущій историкъ этихъ годовъ, которому не придется жаловаться на неполноту ихъ „dossier“, можетъ быть, сурово осудитъ ихъ ошибки и увлеченія, но, наткнувшись на работу (?!) г. Соловьева, придетъ въ изумленіе; въ изумленіе и негодованіе и по всей справедливости обзоветъ автора очень нехорошимъ именемъ.

Тѣ „неучи“, къ которымъ мнѣ пришлось когда-то обратиться съ открытымъ письмомъ въ печати, желали видѣть въ запискахъ Темкина мою автобіографію, прихвативъ по этому поводу и родственниковъ моихъ. Г. Соловьевъ, должно быть, человѣкъ ученый, а потому ограничивается отождествленіемъ идей и чувствъ Григорія Темкина и тѣхъ, которыя мнѣ случалось излагать отъ своего собственнаго имени. Выходитъ, напримѣръ, слѣдующее.

„Если сѣкутъ мужика—пусть сѣкутъ и меня“. Какая это маленькая, короткая и удивительная формула, настолько характерная, что ее вспоминаютъ и теперь. Въ свое время она очевидно отвѣчала настроенію и явилась, если можно такъ выразиться, выжимкой, самымъ густымъ сокомъ сотни подобныхъ же формулъ, дающихъ такую особенную и странную окраску семидесятымъ годамъ. Или вотъ еще формула, принадлежа-

щая одному изъ несомнѣнныхъ властителей думъ своего поколѣнія (1873 г.): „Да будутъ они (права и свобода) прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами (передъ народомъ), но еще и увеличатъ ихъ".

Вы, конечно, сразу видите, кому принадлежатъ въ дѣйствительности и кому только могутъ принадлежать такія страшныя слова, отъ которыхъ, впрочемъ, западный человѣкъ вѣроятно только бы поморщился, какъ отъ какого-нибудь слишкомъ уже специфическаго запаха и ничего болѣе. А все же слова не лишены остроумія. Поражаетъ въ нихъ прежде всего поразительная щедрость: копѣйка правъ и грошъ свободы ставятся ребромъ и человѣкъ доходитъ до такой степени просіянія и благородства, что кутитъ на послѣднія. *Ему даже и въ голову не приходитъ спросить себя, а какой собственно можетъ произойти прокъ отъ проклятія правамъ и свободѣ, даже отъ того, что меня, кающагося дворянина, ¡будутъ сѣчь? поможетъ ли экзекуція уплатѣ долговъ и не увеличитъ ли въ концѣ концовъ она ихъ? Вѣдь въ такой экзекуціи ничего особеннаго нѣтъ и были времена, когда ее примѣняли къ каждому, но не въ тѣ ли времена и накопилась наибольшая сумма долга. Но кающійся дворянинъ ни о чемъ себя и спрашивать не хочетъ:* ему бы только угомонить свою не въ мѣру разошедшуюся совѣсть, а какимъ образомъ это можетъ быть достигнуто— расширеніемъ ли подлежащихъ проклятію правъ и свободы, или экзекуціей—ему безразлично. Могъ бы онъ продолжить нѣсколько далѣе свою мысль и за-одно ужъ—(„жизнь—копѣйка")—предать проклятію и образованіе, напр., потому, что въ концѣ концовъ, en masse взятое, оно, разумѣется, только увеличиваетъ долги и лишь случайно, въ видѣ рѣдкостнаго исключенія, уменьшаетъ его. Многое вообще можно тутъ проклясть, была бы охота и крайняя *невоздержанность языка*, и прежде всего полное и плачевное отсутствіе всякаго политическаго смысла, съ точки зрѣнія котораго и права, и свобода—вещи слишкомъ драгоцѣнныя, чтобы всуе даже упоминать ихъ имя. („Жизнь", іюнь, 272).

Я на своемъ вѣку видалъ виды, но что-то неприпомню полемическихъ пріемовъ, болѣе развязвыхъ въ смыслѣ недобросовѣстности, чѣмъ эта тирада. И я, конечно, прошелъ-бы мимо нея съ презрѣніемъ, если-бы рѣчь шла лично обо мнѣ, а не обо мнѣ, какъ „несомнѣнномъ властителѣ думъ своего поколѣнія". Прежде всего о фразѣ: „если сѣкутъ мужика, пусть сѣкутъ и меня". Г. Соловьевъ и въ другихъ статьяхъ упоминаетъ эту фразу, и хотя не приписываетъ ее прямо мнѣ, но такъ располагаетъ ее среди другихъ, что у читателя должно остаться впечатлѣніе принадлежности ея именно мнѣ. Штуку эту пустилъ въ ходъ предшественникъ г. Соловьева, г. Буренинъ, и до такой степени назойливо приставалъ ко мнѣ съ нею, что я вынужденъ былъ, наконецъ, разъяснить, въ чемъ тутъ дѣло (См. Сочиненія, VI 433—434). Что-же касается приводимыхъ г. Соловьевымъ подлинныхъ моихъ словъ, то они взяты изъ той части литературныхъ замѣтокъ 1873 г., въ которыхъ трактуется о мучительскихъ издѣвательствахъ Достоевскаго надъ 70-ми годами въ романѣ „Бѣсы". Г. Соловьевъ цитируетъ мои слова вѣрно, но если-бы онъ продолжилъ цитату, то долженъ былъ-бы прибавить, напримѣръ, еще слѣдующія слова: „На извѣстной ступени ризвитія человѣкъ не можетъ не содрогаться при мысли о томъ количествѣ жизней,

которое оплатило собою его личное развитіе. Если онъ и не въ состояніи представить себѣ съ достаточною ясностью всю эту необъятную перспективу невольныхъ жертвъ его невольной высоты, то его все-таки смутно тянетъ къ уплатѣ долга. Для насъ этимъ стремленіемъ даже измѣряется высота развитія человѣка. И замѣтьте, что несчастный citoyen (такъ иронически называлъ Достоевскій нѣкоторыхъ изъ героевъ „Бѣсовъ"), находящійся въ такомъ положеніи, не можетъ отказаться отъ дальнѣйшаго движенія цивилизаціи. Онъ не можетъ сказать: довольно науки, не надо искусства, не надо богатства, развитія, свободы; подѣлимся всѣмъ, что мы имѣемъ и знаемъ, съ народомъ и конецъ дѣлу. Это простое рѣшеніе, предлагаемое, кажется, нѣкоторыми изъ полоумныхъ citoyen-овъ г. Достоевскаго, только полоумныхъ и можетъ удовлетворить. Нашъ долгъ народу неисчислимъ, и того, что мы въ настоящую минуту имѣемъ и знаемъ, не хватитъ и на уплату процентовъ, если-бы даже предполагаемая полоумными citoyen'ами ликвидація и была возможна... Если-бы вы знали г. Достоевскій, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ (citoyen'овъ), мысль, взвѣшивая способы погашенія долга". (Сочиненія, I, 870—872).

Ахъ, это очень молодо и тѣ же семидесятые годы научили меня многому (см. напримѣръ, замѣтки 1880 г. Сочиненія IV, 952). Но вѣдь это написано четверть вѣка тому назадъ, напечатано сначала въ журналѣ и перепечатано четыре раза въ изданіяхъ сочиненій. Какой-же конструкціи лобъ надо имѣть, чтобы по поводу именно этой статьи утверждать: *„ему даже и въ голову не приходитъ спросить себя... онъ ни о чемъ себя и спрашивать не хочетъ"...*

Я хотѣлъ говорить о тѣхъ сложныхъ комбинаціяхъ, въ которыя входили въ разные моменты 70-хъ годовъ элементы совѣсти и чести. Но во-первыхъ, вижу, что для этого еще не пришло время, а во-вторыхъ... во-вторыхъ не съ г. Соловьевымъ и не по поводу его статей приличествуетъ говорить о чести и совѣсти.

Ник. Михайловскій.

Исторія чижовскихъ капиталовъ въ земствѣ и печати.

(Историческая справка.—Письмо изъ Костромы).

Въ послѣднее время вся русская печать занята судьбой такъ называемыхъ чижовскихъ капиталовъ, составляющихъ одно изъ крупнѣйшихъ частныхъ пожертвованій на общественное дѣло въ Россіи. Въ виду этого мы считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь поучительную историческую справку, мораль которой извлечь нетрудно.

Ѳ. В. Чижовъ (род. въ 1811, умеръ въ 1877 г.) происходилъ изъ бѣдной дворянской семьи Костромской губ., въ молодости прошелъ суровую школу нужды, но, благодаря выдающимся способностямъ и энергіи, пробилъ себѣ широкую дорогу. Въ теченіе 8 лѣтъ онъ былъ профессоромъ математики въ петербургскомъ университетѣ, любилъ науки и искусства, былъ другомъ художника Иванова, издавалъ Гоголя и впослѣдствіи тѣсно сошелся со славянофилами. Какъ извѣстно, послѣдніе, отстаивая нашу „самобытность", въ то же время далеко не чуждались торгово-промышленнаго прогресса на западноевропейскій образецъ. Ѳ. Вас. Чижовъ тоже горячо отдался этой дѣятельности: онъ издавалъ „Промышленный Вѣстникъ", участвовалъ въ постройкѣ частныхъ ж. дорогъ и въ основаніи Моск. купеческаго банка, Московскаго О-ва вз. кредита и др. подобныхъ же учрежденій. Умеръ онъ милліонеромъ и свое огромное состояніе оставилъ на развитіе техническаго образованія на своей родинѣ (въ Костромской губерніи):

Въ виду важнаго значенія этого дѣла приводимъ соотвѣтствующее мѣсто завѣщанія Ѳ. В. Чижова цѣликомъ.

„Все то, что придется на мою долю участія въ О-вѣ Моск.-Курской ж. дор., будутъ ли то акціи этого общества, принадлежащія мнѣ по учредительскимъ протоколамъ, или капиталъ, все оставляю я на устройство и содержаніе технич. учебныхъ заведеній въ Костромѣ. Только тысячу акцій по окончательномъ раздѣлѣ ихъ между нами (учредителями О-ва М.-К. ж. дороги), прошу отдать крестницѣ моей Тр—ской. Техническія учебныя заведенія должны состоять изъ одного высшаго училища, которое, по степени ученія, должно равняться гимназіямъ съ 7-мью классами; кромѣ его еще изъ 4-хъ низшихъ технич. училищъ: одного въ Костромѣ, другого—въ Чухломѣ, третьяго—въ Галичѣ или Макарьевѣ, по указанію Костр. губ. земства, и четвертаго—въ Кологривѣ. Наконецъ, *если дозволитъ капиталъ, то прошу, сверхъ*

того, устроить другія обществ. заведенія въ Костромѣ, именно— родильный домъ, съ классами повив. бабокъ и т. под. Душеприказчиками и исполнителями этой статьи моего дух. завѣщанія прошу быть двухъ моихъ пріятелей: Савву Ив. Мамонтова и Алексѣя Дм. Полѣнова. *Ни въ постройкѣ, ни въ расположеніи ученія, ни въ составленіи уставовъ, если таковыхъ плановъ и уставовъ не будетъ мною оставлено, не долженъ вмѣшиваться никто*. кромѣ моихъ душеприказчиковъ. Архитекторомъ желалъ бы я имѣть Ив. Вас. Штрома. Еслибы случилось, что по Общ. Моск.-Курск. ж. д. пришелся какой либо дивидендъ ранѣе раздѣла акцій, то прошу таковой отдавать моей крестницѣ Т—ой, въ счетъ уплаты 1000 акцій, но только съ ея согласія и считая каждую акцію въ 100 р. Въ случаѣ ея несогласія—оставлять эти деньги на постройку уч. заведеній низшихъ. На разъѣзды и хлопоты *во время построекъ* прошу моихъ душеприказчиковъ брать по 4 тыс. въ годъ каждому“ *).

Завѣщаніе это утверждено Моск. окр. судомъ 13 марта 1878 г. Послѣ смерти Чижова (1877) и утвержденія завѣщанія (1878) прошло около 12 лѣтъ, и никакой постройки училищъ, ни расположенія въ нихъ ученія не происходило. Затѣмъ, душеприказчики приступили къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ по духовному завѣщанію въ размѣрахъ, ограниченныхъ и требовавшихъ лишь ничтожной доли завѣщанныхъ суммъ. Общее же положеніе дѣла оставалось неизвѣстнымъ. Это, наконецъ, стало обращать вниманіе мѣстнаго общества, и въ 1890 году впервые состоялось постановленіе костромского губ. земства, которое поручило предсѣдателю губ. управы „войти въ сношенія съ гг. душеприказчиками, чтобы выяснить положеніе дѣла“. Къ сожалѣнію, постановленіе это, по неизвѣстнымъ причинамъ, не было приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ, сами гг. душеприказчики, повидимому, поняли свою роль и свои полномочія довольно своеобразно. Мы видѣли, что, по волѣ завѣщателя, никто не долженъ былъ вмѣшиваться въ расположеніе ученія и постройку училищъ,— „если таковые планы и уставы не будутъ оставлены“ завѣщателемъ. Г.г. Мамонтовъ и Полѣновъ истолковали этотъ пунктъ въ смыслѣ полнаго освобожденія душеприказчиковъ отъ всякаго контроля, по крайней мѣрѣ, отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла общественныхъ учрежденій Костромской губ., хотя бы въ смыслѣ оглашенія „положенія дѣла“.

До 1890 года это могло имѣть хоть нѣкоторое объясненіе: акціи Московско-Курской ж. д. находились въ залогѣ у иностранныхъ капиталистовъ и дивиденда еще не приносили. Но съ 1890 г.

*) „Нов. Вр.“, № 6114, 7 марта 1893 г. „Завѣщаніе Ѳ. Вас. Чижова“. Изъ Русск. Арх. 1893 г. № 3.

финансовое положеніе Моск.-Курской ж. дор. измѣнилось: срокъ залога окончился, акціи освободились и стали приносить дивидендъ. Тѣмъ не менѣе общество и земство Костромской губ. продолжали оставаться въ полномъ невѣденіи относительно положенія чижовскихъ капиталовъ. Ко времени земской сессіи (осень 1892 г.) было извѣстно только, что „проектъ положенія о чижовскихъ училищахъ", выработанный душеприказчиками, 14 мая 1890 года (т. е. черезъ 12 лѣтъ по утвержденіи завѣщанія) получилъ Высочайшее утвержденіе, и душеприказчики, не особенно торопясь, приступили къ постройкамъ. На проценты и дивиденды построены 2 училища и куплена земля для остальныхъ. Что-же касается основного фонда, въ „остаткахъ" отъ котораго населеніе было заинтересовано самымъ непосредственнымъ образомъ, то объ этомъ земство по прежнему оставалось въ неизвѣстности. Между тѣмъ остатки эти должны были составлять милліоны, которые надлежало употребить уже не на училища, а на другія общеполезныя учрежденія.

Совершенно понятно, что костромское земство не исполнило бы своей обязанности, если бы не обратило вниманія на сомнительное положеніе этого крупнаго общественнаго достоянія. Въ декабрѣ 1892 года въ земск. собраніи вновь возникъ вопросъ о положеніи этого дѣла. Въ объясненіяхъ по этому поводу, предсѣдатель указалъ на присутствіе въ собраніи тайнаго совѣтника Антипова, которому, какъ товарищу поч. попечителей (Мамонтова и Полѣнова) положеніе дѣла должно быть хорошо извѣстно. Г. Антиповъ отвѣтилъ однако, что онъ принимаетъ участіе лишь въ технической сторонѣ дѣла—постройкѣ и оборудованіи училищъ (требовавшихъ, замѣтимъ, сравнительно ничтожныхъ расходовъ). Что же касается до положенія и способа храненія чижовскихъ капиталовъ, то объ этомъ г-ну Антипову тоже ничего неизвѣстно. Признавая однако, что „интересъ Костромской губ. въ этомъ дѣлѣ очень великъ, а участіе костр. земства въ завѣдываніи училищами вполнѣ признано § 20 Высоч. утв. положенія о промышл. училищахъ имени Ѳ. В. Чижова" *), г. Антиповъ совѣтовалъ собранію обратиться къ душеприказчикамъ, причемъ онъ надѣется, что, „если просьба (?) будетъ выражена въ соотвѣтствующей формѣ, то душеприказчики ее исполнятъ" **). По словамъ другихъ гласныхъ, г. Антиповъ категорически заявилъ, что капиталъ *не внесенъ* въ госуд. банкъ ***), не внесены

*) По этому параграфу въ попечительномъ совѣтѣ училищъ должны участвовать: почетные попечители (душеприказчики), ихъ товарищъ, директоры техническихъ и инспекторы ремесленныхъ училищъ и *представители костромскаго губернскаго и уѣздныхъ земствъ* тѣхъ уѣздовъ, гдѣ открыты училища. Повидимому этотъ § далеко не выполненъ

**) Письмо г. Антипова въ „Нов. Вр." 1 февр. 1893 г., № 6081.

***) Письма гл. Колюпанова и гл. Соколова въ „Нов. Вр.".

даже тѣ 2 милліона, которые, по уставу, должны составлять „неприкоснов. капиталъ имени училищъ Ѳ. В. Чижова“.

Эти заявленія человѣка, стоявшаго столь близко къ дѣлу, вызвали въ собраніи „взрывъ негодованія“ и бурныя пренія. Въ концѣ концовъ, земское собраніе постановило ходатайствовать о томъ, чтобы роль душеприказчиковъ была введена въ законные предѣлы и чтобы „храненіе чижовскихъ капиталовъ обезпечено было въ государственныхъ учрежденіяхъ, а не въ рукахъ частныхъ лицъ“. Къ этому постановленію (состоявшемуся 12 декабря 1892 г.) присоединилось и костромское дворянское губ. собраніе, составившее ходатайство въ томъ же смыслѣ. Если мы примемъ въ соображеніе положеніе въ тѣ годы земства, находившагося въ періодѣ ограничительныхъ реформъ и не пользовавшагося особеннымъ кредитомъ, то мы поймемъ, почему дворянство съ своей стороны торопилось поддержать своимъ сословнымъ авторитетомъ совершенно законное обращеніе земства. Въ редактированіи дворянскаго ходатайства принялъ участіе и „товарищъ почетныхъ попечителей„ г. Антиповъ, предложившій съ своей стороны нѣкоторыя поправки *).

Вскорѣ же извѣстіе объ этихъ ходатайствахъ появилось въ газетахъ. „Русскія Вѣдомости“ напечатали письмо г-на Колюпанова, перепечатанное затѣмъ въ „Нов. Времени“ (№ 6068). Послѣдняя газета прибавила къ извѣстію редакціонную замѣтку, въ которой говорилось, между прочимъ: „какъ будто что-то несовсѣмъ ладное происходитъ съ этимъ капиталомъ“. За этими первыми сообщеніями послѣдовала очень оживленная газетная полемика, длившаяся почти полгода, и вся поучительность которой, кажется, должна обнаружиться именно въ настоящее время.

Прежде всего, въ № 23 (23 янв. 1893 г.) „Московскихъ Вѣдомостей“ была напечатана статья (безъ подписи) подъ заглавіемъ „Недостойная клевета“. „Надняхъ,—писала газета, въ „Русск. Вѣдомостяхъ“ и „Нов. Времени“ появились корреспонденціи изъ Костромы и редакц. статьи, полныя самыхъ грязныхъ инсинуацій и клеветы (мы не боимся это сказать) противъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ Москвѣ и всѣми уважаемыхъ лицъ. Мы говоримъ о душеприказчикахъ Чижова, гг. Саввѣ Ив. Мамонтовѣ и Ал. Д. Полѣновѣ“. Сообщивъ извѣстныя уже подробности о завѣщаніи Чижова, „Моск. Вѣд.“ прибавляли, что „до послѣдняго времени (1890 годъ) Моск.-Курская ж. дор. всѣ свои доходы употребляла на выплату заграничнаго долга, почему акціи ея стояли

*) См. письма г-на *Колюпанова* („Русскія Вѣд.“ и „Нов. Вр.“ № 6068), и гл. *Соколова* („Нов. Вр.“ 18 марта 1892 г., № 6125). Впослѣдствіи г. Антиповъ счелъ нужнымъ протестовать противъ ходатайства, составленнаго при его участіи. 18 декабря онъ получилъ „устное извѣстіе“ отъ уполномоченнаго господъ душеприказчиковъ, что капиталы Чижова хранятся въ госуд. банкѣ. (Письмо г. Антипова, „Нов. Вр.“ 1 февр. 1893 г.).

ниже al pari"... Душеприказчики, очевидно, зная будущность, ожидающую моск.-курскую дорогу, воздержались отъ отчужденія акцій, и онѣ въ наст. время (по посл. биржевой цѣнѣ 265 р. за акцію) составляютъ капиталъ въ 5½ мил. рублей, а съ неизрасходованнымъ еще дивидендомъ—около 6 мил. Затѣмъ, указавъ на то, что до сихъ поръ на постройки училищъ истрачено около 350 т. (съ 1896 г.), газета находила, что „можно только удивляться бережливости и энергіи попечителей и радоваться столь блистательному успѣху (!) ихъ трудовъ".

Что касается до притязаній обществ. учрежденій Костромской губ. и прессы, требующихъ отчетности,—то „Моск. Вѣдомости" находили ихъ неосновательными и даже болѣе... „Если у „Русскихъ Вѣдомостей",—ядовито замѣчала охранительная газета,—есть еще извиненіе въ томъ, что ея костромскимъ корреспондентомъ является г. Колюпановъ, *нашъ великій костромской либералъ* (курсивы наши...), то тѣмъ менѣе извинительно отношеніе къ дѣлу „Нов. Времени" (которое, очевидно, въ „либерализмѣ" не подозрѣвалось)... Что же касается до костромскаго дворянства, которое выступило съ своей стороны съ ходатайствомъ, то, по мнѣнію охранительной газеты, оно „очевидно было кѣмъ-то введено въ заблужденіе и по своему невѣдѣнію (?) сыграло въ руку тѣмъ *темнымъ силамъ,* которыя, къ сожалѣнію, еще пользуются вліяніемъ въ нашемъ земствѣ". Въ выноскѣ-же газета многозначительно прибавляла, что „какъ видно изъ корресп. „Русск. Вѣдомостей",—костромское дворянство составило свое ходатайство *подъ давленіемъ* земскаго собранія" *).

Такимъ образомъ, настоящее „слово" было найдено: дворянство лишь по невѣдѣнію уступило давленію земства, въ которомъ, къ сожалѣнію, имѣютъ вѣсъ и вліяніе *темныя* силы. А вѣдь только темныя силы могутъ настаивать на гласности и общественномъ контролѣ въ распоряженіи милліонными суммами, назначенными на важное общественное дѣло. Требованіе завѣщателя, чтобы никто не вмѣшивался въ „постройку училищъ и расположеніе ученія", газета тоже толковала въ смыслѣ полной безотчетности передъ наслѣдниками, т. е. передъ населеніемъ Костромской губерніи.

Въ виду этихъ оживленныхъ толковъ печати, а также въ виду очевидной и притомъ явно не безосновательной тревоги, вызванной загадочнымъ поведеніемъ гг. душеприказчиковъ, въ мѣстномъ, а отчасти и во всемъ русскомъ обществѣ,—въ половинѣ января 1893 г. появилось офиц. сообщеніе министерства финансовъ. „Въ послѣднее время,—говорилось въ этомъ сообщеніи,—въ печати появлялись статьи по вопросу о капиталахъ, завѣщанныхъ Ѳ. В. Чижовымъ на устройство техническихъ учи-

*) „Моск. Вѣд.", 23 янв. 1893 г.

лищъ и др. общеполезныхъ учрежденій, причемъ высказываемы были пожеланія, чтобы наличность этого капитала была приведена въ извѣстность и дальнѣйшая судьба его обезпечена. По поводу сего министерство финансовъ считаетъ долгомъ огласить во всеобщее свѣдѣніе нижеслѣдующія данныя".

Сообщивъ въ главныхъ чертахъ сущность завѣщанія покойнаго Чижова, уже извѣстную читателямъ, офиціальное сообщеніе продолжаетъ: „Капиталъ, завѣщанный Ѳ. В. Чижовымъ, заключается въ 22,798 акціяхъ Моск.-Курской ж. д., которыя находились съ 1872 года въ залогѣ у банкирскихъ домовъ Гопе и Берингъ и освободились отъ залога лишь въ 1890 году, съ каковаго года и сталъ получаться полный по нимъ дивидендъ... Съ приближеніемъ срока освобожденія акцій изъ залога душеприказчики озаботились выработкой проекта положенія о промышленныхъ училищахъ Ѳ. В. Чижова, который... и удостоился Высочайшаго утвержденія 14 мая 1890 года.

„На основаніи этого положенія всѣ расходы какъ по содержанію училищъ, такъ и по общему ихъ завѣдыванію относятся на проценты въ количествѣ 100 т. съ завѣщаннаго Ѳ. В. Чижовымъ капитала, который вносится душеприказчиками на имя пром. училищъ Чижова въ одно изъ правит. учрежденій (ст. 5). Капиталъ, обезпечивающій содержаніе промышленныхъ училищъ Чижова, *оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ*, именуется основнымъ капиталомъ промышленныхъ училищъ имени Ѳ. В. Чижова (ст. 6). Устройство училищъ... душеприказчики Ѳ. В. Чижова, согласно его завѣщанію, принимаютъ на себя и потребные на сіе расходы производятъ изъ капитала, находящагося, согласно духовному завѣщанію, въ ихъ распоряженіи, порядкомъ, который они найдутъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ (ст. 8). Въ ихъ распоряженіи находятся суммы, превышающія штатныя на содержаніе училищъ назначенія, равно какъ остатки и проценты штатныхъ суммъ и другія непредвидѣнныя и случайныя назначенія (ст. 17).

„Капиталъ исчислялся въ 5.581,700 рублей и дивидендъ за 1890 и 1891 гг. 485,000, а съ прибавленіемъ 75,700 р. за вышедшія въ тиражъ акціи 560 тыс." (изъ нихъ 100 т. выдано указанному въ завѣщаніи лицу).

„По всеподданнѣйшему о вышеизложенномъ докладу министра финансовъ 15 января сего года, Высоч. повелѣно: обсудить въ министерствѣ финансовъ вопросъ о томъ, какія мѣры надлежитъ принять въ случаѣ смерти одного изъ двухъ душеприказчиконъ Ѳедора Чижова и предположенія по сему предмету, по предварительномъ сношеніи съ мин. внутр. дѣлъ и нар. просвѣщенія внести на уваженіе комитета министровъ" *).

---

*) „Моск. Вѣд.", 19 февр. 1893, № 49. „На ходатайство дворянства

Это правительственное сообщеніе, однако, не прекратило дальнѣйшаго обсужденія вопроса. Правда, „Московскія Вѣдомости“ пытались интерпретировать это сообщеніе, какъ *окончательное* рѣшеніе дѣла. „Душеприказчики,—писала эта газета,—въ силу духовнаго завѣщанія, *никому* давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ не обязаны (!!). Тѣмъ не менѣе, они дали *полный отчетъ правительству*, которое этимъ отчетомъ *вполнѣ удовлетворилось* („М. В.“, 1893, № 32).

Не такъ, однако, смотрѣла на это дѣло другая часть прессы и общественные дѣятели заинтересованнаго края.

„Рѣшеніе правительства,—писало „Новое Время“—не окончательное, а только принципіальное. И по смыслу, и по буквѣ оно только предварительное. Окончательнаго же рѣшенія надо ждать, когда министерства обсудятъ это дѣло и представятъ свои предложенія на усмотрѣніе высшей власти“.

...„Смерть только крайній моментъ. Мало-ли что можетъ случиться съ человѣкомъ и до смерти: онъ можетъ... подвергнуться ограниченію гражданскихъ правъ, напримѣръ, поступивъ подъ опеку за мотовство или *будучи объявленъ несостоятельнымъ должникомъ*“ (пророческое предположеніе!)

Вообще, газеты продолжали тревожить господъ душеприказчиковъ напоминаніемъ объ ихъ обязанности подвергнуться контролю, требуя отвѣта: „намѣрены-ли они и впредь хранить чижовскіе капиталы въ государственномъ банкѣ и даже на спец. счету частныхъ кредитныхъ учрежденій въ видѣ своего частнаго вклада, намѣрены-ли они завѣдывать капиталами по-прежнему, не допуская участія въ этомъ дѣлѣ правительства?..“ *).

Тогда одинъ изъ душеприказчиковъ, г. Полѣновъ, нарушилъ, наконецъ, печать загадочнаго молчанія и обратился въ „Новое Время“ съ письмомъ**), въ которомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отожествляетъ свое дѣло съ дѣломъ правительства. „Такъ какъ училища имени Ѳ. В. Чижова, пишетъ онъ, на основаніи положенія и устава этихъ училищъ подчинены вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія и такимъ образомъ поставлены подъ контроль этого министерства, то нападки на душеприказчиковъ *касались вмѣстѣ съ тѣмъ и правительства* (!!)“. Только

министры народнаго просвѣщенія (гр. Деляновъ) и финансовъ дали слѣдующія свои мнѣнія: первый находитъ, что едва-ли всеподданѣйшее прошеніе костр. дворянства можетъ оправдать опасенія за цѣлость капитала Чижова; второй высказалъ, что нахожденіе капитала... въ рукахъ душеприказчиковъ, С И. Мамонтова и Алексѣе Полѣнова, не возбуждаетъ сомнѣній относительно добросовѣстнаго и точнаго исполненія ими воли жертвователя... почему г. министръ финансовъ не усматривалъ необходимости къ коренному измѣненію основаній распоряженія симъ капиталомъ.. („Костр. Листокъ“, 3 сент. 1899 г.).

*) „Нов. Вр.“, 26 янв. 1893.

**) „Нов. Вр.“, (6116)—9 марта 1893.

поэтому гг. душеприказчики считали себя обязанными хранить величавое и загадочное молчаніе.

„Теперь, послѣ напечатанія въ „Правит. Вѣстникѣ“ оффиціальнаго сообщенія Министерства Финансовъ, г-нъ Полѣновъ считаетъ себя въ правѣ болѣе не молчать.

„Правит. сообщеніемъ установлено, пишетъ онъ, что всѣ расходы по устройству училищъ производились до сего времени насчетъ дивиденда и тиражныхъ акцій, что весь капиталъ остался неприкосновеннымъ и что большая часть его (?) хранится отъ имени душеприказчиковъ (не частныхъ лицъ) въ Госуд. банкѣ“... Послѣ этого гг. душеприказчикамъ прибавлять было-бы, по мнѣнію г. Полѣнова, нечего. Но статья „Нов. Вр.“ переполнена такими передержками и грязными намеками, что нельзя оставить ее безъ возраженія...

„Нов. Время“ утверждаетъ, что правительство, по изслѣдованіи дѣла убѣдилось кое-въ чемъ, но только не въ полной неосновательности вопроса, поднятаго костромичами, а въ необходимости привести въ извѣстность наличность чижовскихъ капиталовъ“. Противъ этого утвержденія г. Полѣновъ энергично протестуетъ, считая его „грязнымъ намекомъ“. Самый „вопросъ о наличности (а не о размѣрѣ) капиталовъ“ можетъ, по мнѣнію автора, возникнуть лишь въ томъ случаѣ, когда является сомнѣніе въ полной сохранности капитала, говоря короче—сомнѣніе въ растратѣ“... „Ничего подобнаго изъ правительственнаго сообщенія не вытекаетъ: ни объ изслѣдованіи (?), ни о какихъ подозрѣніяхъ въ немъ нѣтъ и намека“. „Что же касается отчета *о капиталахъ* (курсивъ нашъ), то составленіе его только теперь (въ 1893 г.?) имѣетъ смыслъ, такъ какъ акціи освободились и дивидендъ поступилъ въ распоряженіе душеприказчиковъ лишь по утвержденіи общимъ собраніемъ Моск.-курской ж. д. (въ маѣ 1891 года) отчета по эксплоатаціи 1890-го“. Однако,—продолжаетъ г-нъ Полѣновъ,—и въ теченіе этого полуторагодоваго періода душеприказчики постоянно сообщали о своихъ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ попечителю Моск. учебнаго округа, а послѣ открытія, въ его присутствіи (осенью прошлаго года) перваго (Макарьевскаго) училища, въ „Правит. Вѣстникѣ“ было напечатано сообщеніе *о положеніи дѣла по исполненію* душеприказчиками завѣщанія Θ. В. Чижова“ *).

Обращаемся къ указанному г. Полѣновымъ источнику. Дѣйствительно, въ № 247 (отъ 11 ноября 92 г.) „Правит. Вѣстника“ находимъ „сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія“ о томъ, что „въ настоящее время (1892 г.) послѣдовало, съ разрѣшенія попечителя Моск. учебнаго округа, открытіе двухъ уже чижовскихъ училищъ, что для другихъ куплена земля и сдѣланы

---

*) „Возраженіе Полѣнова“. „Нов. Вр.“, 7 марта 93, № 6116 (курсивы наши).

такія-то приготовленія къ постройкамъ. „Можно надѣяться, гогорится въ заключеніе,—что пройдетъ не болѣе 2—3 лѣтъ и задуманный Чижовымъ планъ, при просвѣщенномъ содѣйствіи душеприказчиковъ, будетъ вполнѣ осуществленъ“.

Эти-то краткія свѣдѣнія и эти надежды г-ну Полѣнову угодно было смѣшивать съ отчетомъ „о положеніи дѣла по исполненію завѣщанія Ѳ. В. Чижова“, котораго добивалось земство и дворянство Костромской губ.! Чтобы понять все значеніе этого невиннаго оборота, достаточно вспомнить, что на постройки училищъ употреблялись „тиражныя акціи и дивиденды“, т. е. ничтожная часть капитала. За отчисленіемъ даже 2-хъ милліоновъ въ неприкоснов. капиталъ училищъ,—въ рукахъ душеприказчиковъ оставалось около 4-хъ милліоновъ, которые, очевидно, отъ этого „отчета учебному округу“ совершенно ускользали!

На вопросъ, какъ намѣрены гг. душеприказчики поступать дальше, авторъ письма отвѣчаетъ высокомѣрно:—„Могу увѣрить редакцію „Новаго Времени“ (а съ нею, значитъ, и общественныя учрежденія Костромской губерніи?), что они будутъ поступать такъ-же, какъ поступали донынѣ“.

Это значило, что требованію общественнаго контроля они подчиниться не желаютъ и что дѣйствительный отчетъ о положеніи чижовскихъ капиталовъ они и впредь будутъ замѣнять формальными отписками бюрократическаго свойства.

Земству и печати пришлось считаться съ этимъ объявленіемъ „намѣреній“ душеприказчиковъ, и безплодные толки утихли...

Съ тѣхъ поръ прошло 6 лѣтъ. И вотъ, въ печати и обществѣ опять тревога по поводу тѣхъ-же чижовскихъ капиталовъ. На этотъ разъ обстоятельства уже очень серьезны.

Въ прошломъ году въ газетѣ „Русскій Трудъ“, издаваемой г-мъ Шараповымъ, появились извѣстія о грандіозныхъ хищеніяхъ на „мамонтовской“ Моск.-Ярославско-архангельской жел. дорогѣ. Нужно признаться, что вначалѣ къ этому извѣстію пресса отнеслась болѣе, чѣмъ сдержанно, благодаря, вѣроятно, нѣкоторымъ особенностямъ публицистической физіономіи г-на Шарапова. Оказалось, однако, что извѣстіе совсѣмъ не преувеличено: сначала Госуд. Контроль, а затѣмъ прокуратура заглянули въ мамонтовскія предпріятія, и тогда обнаружилось, что въ нихъ давно уже водворились пріемы уголовно-промышленнаго или промышленно-уголовнаго характера. Одна петербургская большая газета („Россія“) изобрѣла на этотъ случай особый терминъ: С. И. Мамонтовъ „перекладывалъ капиталы изъ одной кассы въ другую“, или, по не менѣе любезному выраженію россійскаго телегр. агентства— „употребилъ на предпріятія, имѣющія будущность“. Въ оконча-

тельномъ итогѣ оказалось, что въ „предпріятіяхъ, имѣющихъ будущность“, исчезло нѣсколько казенныхъ милліоновъ.

Мы не будемъ здѣсь касаться подробностей этой исторіи, которую теперь окрестили уже „мамонтовской панамой“. Самъ бывшій милліонеръ теперь въ тюрьмѣ, въ департаментѣ желѣзнодор. дѣлъ министерста финансовъ произошли нѣкоторыя перемѣны, и, вѣроятно, судъ освѣтитъ вскорѣ все это дѣло. Для насъ здѣсь существенны лишь нѣкоторыя черты и прежде всего, напр., слѣдующая.

„Еще въ 1892 году,—пишетъ московская газета „Курьеръ“,—*С. И. Мамонтову понадобились деньги...* И соблазнительная касса Моск.-архангельской дороги предстала въ видѣ избавительницы. Состоялась первая „сдѣлка“. Петля была наброшена. Затѣмъ „позаимствованія“ пошли своимъ порядкомъ, кассы предпріятій спутались“... Создалась зависимость отъ лицъ, которые незаконно выручили Мамонтова или прикрыли незаконныя операціи, и вполнѣ понятно, что эти лица „постарались погрѣть руки“...

Однимъ словомъ,—исторія извѣстная, одна изъ тѣхъ, въ которыхъ нерѣдко главное дѣйствующее лицо является и само жертвой лицъ, стоящихъ болѣе или менѣе въ сторонѣ. С. И. Мамонтовъ былъ крупный промышленный игрокъ по натурѣ, и его допустили къ недозволенной азартной игрѣ на чужія деньги. Въ подобной игрѣ онъ могъ только проиграть, другіе—только выигрывали. Интереснѣе всего по отношенію къ чижовскимъ капиталамъ то обстоятельство, что игра становилась азартной *уже въ 1892 году*, то есть какъ разъ въ то время, когда общественныя учрежденія Костр. губерніи чутко насторожились и потребовали охраны огромныхъ благотворительныхъ капиталовъ.

Въ настоящее время все значеніе этого факта выступаетъ во всей своей поучительности, и мы видимъ, чего, въ сущности, добивались общественныя учрежденія, требовавшія отчетности и контроля въ огромномъ общественномъ дѣлѣ и что, въ сущности, защищали почтенные „охранители“ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Если въ то время вопросъ состоялъ въ томъ — удастся ли охранить чижовскіе капиталы, то теперь, понятно, онъ стоитъ уже иначе. Въ Костромѣ опять происходятъ собранія, посылающія телеграммы и тревожные вопросы къ г-ну министру финансовъ, а пресса старается разгадать: *удалось ли* вмѣшательству земства и дворянства въ 1892 году, хотя бы косвеннымъ образомъ, хотя бы самымъ возбужденіемъ ходатайства защитить чижовскіе капиталы и направить лихорадочные поиски зарвавшагося игрока въ какую нибудь другую сторону, въ сторону меньшаго сопротивленія,—или же чижовскіе капиталы тоже втянуты въ игру и „употреблены на предпріятія, имѣющія будущность“.

До сихъ поръ категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ еще нѣтъ. Г. Шараповъ заявилъ въ „Русскомъ Трудѣ“, что Мамон-

товъ растратилъ также и капиталы Чижова *). „Моск. Вѣд.“ на этотъ разъ не торопились объявить извѣстіе гнусной клеветой, а г. Полѣновъ, послѣ долгаго размышленія, скромно попросилъ у г. Шарапова позволенія „исправить неточности“ сообщаемыхъ свѣдѣній. Нужно признаться, что въ этомъ письмѣ, въ общемъ довольно успокоительномъ, мы встрѣчаемся съ нѣсколькими неожиданностями. Вспомнимъ, напр., оффиціальное извѣстіе, въ которомъ (очевидно, на основаніи оффиціальныхъ же „отчетовъ“ душеприказчиковъ) сообщалось, что черезъ 2—3 года (т. е. къ 1895 году) планъ Ѳ. В. Чижова будетъ законченъ. Теперь оказывается, что „*только въ 1895 году* (послѣ обмѣна акцій на ренту) *можно было приступить* къ исполненію завѣщанія въ полной мѣрѣ. Въ настоящее время, — продолжаетъ г. Полѣновъ, — дѣло это находится въ слѣдующемъ положеніи: устроены и открыты училища имени Чижова: въ г. Макарьевѣ на Унжѣ (ремесленное слесарно-модельной спеціальности), близъ гор. Чухломы—ремесленное и близъ гор. Кологрива—низшее техническое, оба сельско-хозяйственной спеціальности; въ гор. Костромѣ низшее химико-техническое и тамъ же—среднее механико-техническое, съ преобладаніемъ электро-техники. На устройство и оборудованіе этихъ училищъ, съ пріобрѣтеніемъ *до* 2,500 дес. земли и лѣса... израсходовано *до 2 милл. рублей;* на обезпеченіе же штатнаго ихъ содержанія внесено въ госуд. банкъ вѣчнымъ вкладомъ, въ видѣ неприкосн. капитала им. Ѳ. В. Чижова, 2.631,609 р. Кромѣ того, оканчивается постройкою зданіе для родильнаго дома, съ курсами повитухъ-фельдшерицъ... Затѣмъ, въ распоряженіи душеприказчиковъ находится капиталъ въ госуд. 4% рентѣ на 2½ милл. рублей номин., хранящійся въ госуд. банкѣ, на условіи выдачи его лишь совмѣстно обоимъ душеприказчикамъ...“ *).

Здѣсь, кромѣ „приблизительности“ цифръ, есть и еще одно обстоятельство, обращающее, при данныхъ условіяхъ, невольное вниманіе. Мы видѣли ранѣе, что изъ 5 училищъ, два были устроены уже въ 1892 году, причемъ для остальныхъ частію были уже пріобрѣтены земли. На это были истрачены проценты въ количествѣ 350 тысячъ. Поэтому цифра въ 1.650,000 р., потребовавшаяся на постройку остальныхъ 3-хъ училищъ, вызываетъ по меньшей мѣрѣ любопытство относительно подробностей и точныхъ цифръ.

Предсѣдатель костр. губ. управы ѣздилъ нарочно въ Москву къ г-ну Полѣнову. Не смотря на то, говоритъ „Костромской Листокъ“, что въ это время г. Полѣновъ вернулся уже изъ деревни (откуда писалъ свое письмо) и повидимому могъ располагать *точными* цифрами,—онъ все таки „не удовлетворилъ законное любопытство почтеннаго представителя губ. земства, потрудивша-

*) „Русск. Трудъ“, 21 августа, 1899 г. № 34.
**) „Русск. Трудъ“, „Костр. Лист.“, 17 сентября 1899 г.

гося пріѣхать, конечно, за полученіемъ точныхъ и полныхъ свѣдѣній". Газета сомнѣвается даже,—„зналъ-ли г. Полѣновъ когда нибудь и самъ точныя цифры", тѣмъ болѣе, что отчеты, простые вначалѣ, теперь должны быть страшно запутаны. Наконецъ, газета ставитъ интересный вопросъ: „какъ именно исполнено Высоч. повел. 1893 года о выработкѣ министерствами финансовъ и нар. просвѣщенія мѣръ на случай смерти одного изъ душеприказчиковъ" *). Со времени изданія этого повелѣнія прошло уже 7 лѣтъ, С. И. Мамонтовъ сидитъ въ тюрьмѣ, и фактически все дѣло находится въ распоряженіи одного г-на Полѣнова. Отчета-же до сихъ поръ нѣтъ.

Таково въ настоящее время положеніе этого важнаго обществ. дѣла. Мы, какъ извѣстно, не очень избалованы пожертвованіями на общеполезныя учрежденія, и судьба одного изъ крупнѣйшихъ пожертвованій этого рода, къ сожалѣнію, еще разъ подтвердила живучесть русской поговорки: мірское—ничье.

Предоставляя спеціалистамъ заключенія о томъ, въ какомъ направленіи требуетъ перемѣнъ самое законодательство о душеприказчикахъ, мы имѣли въ виду дать лишь болѣе или менѣе точную справку объ этомъ въ высшей степени поучительномъ эпизодѣ изъ нашей общественной жизни. Изъ нея видно, во 1-хъ, что, не смотря на общее требованіе закона, гг. душеприказчики Чижова успѣли присвоить себѣ право полной безконтрольности, которымъ и пользовались въ теченіе двухъ земскихъ давностей. Во 2-хъ, что, систематически уклоняясь отъ контроля общественнаго, гг. душеприказчики предпочитали скрываться за видимость бюрократическаго надзора. Въ 3-хъ, что ходатайства мѣстныхъ общественныхъ учрежденій имѣли уже въ 1892 году большія основанія, а нынѣ за нихъ стоитъ блестящій, хотя и печаль. опытъ. Очень вѣроятно, что, если-бы голосъ костромскаго земства былъ услышанъ въ свое время, то азартная игра С. И. Мамонтова могла быть остановлена тогда-же и въ другихъ направленіяхъ...

Наконецъ,—pro domo—мы извлекаемъ еще лишній опытъ, указывающій на яркомъ примѣрѣ—какая „благонамѣренная" сущность прикрывается порой воплями извѣстной части прессы противъ *темныхъ силъ*, орудующихъ въ земствѣ и печати, которыя осмѣливаются требовать общественнаго контроля въ общественомъ дѣлѣ.

W.

---

*) „Костр. Лист." 6 окт. 1899, № 111.

Издатели: Вл. Г. Короленко. Редакторы: П. Быковъ.
Н. К. Михайловскій. С. Поповъ.

(15)